

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at <http://books.google.com/>

Per. 278975 d. 80

286

ОТЕЧЕСТВЕННЫЯ

ЗАПИСКИ

1880

№ 7 ІЮЛЬ

САНКТПЕТЕРБУРГЪ

Въ типографіи А. А. Краевскаго (Басейная, № 2).

- I. — БАБЬЯ ДОЛЯ. Сцены для народнаго театра. **Мары Сѣверной**. 5
- II. — СТАРЫЕ МѢХИ. (Очерки захолустной жизни). **А. Краснопольскаго**. 41
- III. — ЭКОНОМИЧЕСКІЯ СКИТАНІЯ. **П. Червинскаго** . 71
- IV. — ЖАЖДУЩІЙ. (Разсказъ). **Николая Познякава**. . . 117
- V. — СОЛОВЬЯТНИКИ. (Разсказъ). **И. Салова**. . . . 135
- VI. — ОСКУДѢНІЕ. (Очерки, замѣтки и размышленія тамбовскаго помѣщика). VII. **Сергѣя Атавы**. . . . 170
- VII. — ЗА МОНАСТЫРСКОЮ ОГРАДОЮ. (Изъ Шамиссо). (*Стихотвореніе*). **Дмитрія Минаева**. 200
- VIII. — ФРАНЦУЗСКІЕ РОМАНТИКИ. (Историко-литературные очерки). **Викторъ Гюго**. **А. Скабичевскаго**. 203
- IX. — РЕТЧЕЛЬ ДЕЙСОПЪ. Разсказъ изъ тюремной жизни. **Мариа Гопа**, автора «Въ Тюрьмѣ». . . . 239
- X. — ИЗЪ ВОСПОМИНАНІЙ ССЫЛЬНАГО. **Симона Майера**. **А. П.** 267
- XI. — ВРАГИ ДЖОБСОНА. Опытъ изслѣдованія политической и общественной жизни въ Великобританской Имперіи. Романъ въ восьми частяхъ **Эдуарда Дженкинса**, автора «Джинксова Младенца». (Приложеніе въ концѣ книги. Стр. 273—304).

СОВРЕМЕННОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

- XII. — ПЕРВЫЕ ЖЕНСКІЕ КУРСЫ ВЪ МОСКВѢ, ИЗВѢСТНЫЕ ПОДЪ ИМЕНЕМЪ «ЛУБЯНСКИХЪ». (Посвящается памяти студентки **В. Некрасовой**). **Некрасовой**. 1
- XIII. — МЕРТВАЯ ПЕТЛЯ 40
- XIV. — ХРОНИКА ПАРИЖСКОЙ ЖИЗНИ. I. Послѣдствія манифестаціи 23-го мая. — Запросъ Энгельгардта въ муниципальномъ совѣтѣ. — Запросъ Клемансо въ палатѣ. — Дуэль Рошфора съ Кехленомъ. — Серія дуэлей. — Выборъ Баллю вмѣсто Бланки въ Лионѣ. — Гамбетта пользуется случаемъ для склоненія правительства къ полной амнистіи. — Отмѣна декрета о помилованіи. — Гамбетта въ Менильмонтанѣ. — Выборъ Тренкэ. — Знаменательное засѣданіе палаты 21-го іюня. — Докладъ Жозона; возраженіе лѣваго центра и реплика президента совѣта. — Рѣчь Гамбетты съ трибуны. — Голосованіе амнистіи въ палатѣ. — Нерѣшительность сена а. — «Черная касса»

(См. страницу 3-ю).

ОТЕЧЕСТВЕННЫЯ ЗАПИСКИ.

18

ГОДЪ СОРОКЪ-ВТОРОЙ.

ОТЕЧЕСТВЕННЫЯ
ЗАПИСКИ

ЖУРНАЛЬ

ЛИТЕРАТУРНЫЙ, ПОЛИТИЧЕСКІЙ И УЧЕНЫЙ.

ТОМЪ ССЛІ.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

Въ типографіи А. А. Краевского (Басейная, № 2).

1880.

REPRODUCED FROM THE

INDONESIA

FOR THE

9-54-22

БАБЬЯ ДОЛЯ.

СЦЕНЫ ДЛЯ НАРОДНАГО ТЕАТРА.

ДѢЙСТВІЕ ПЕРВОЕ.

Дѣйствующія лица:

Трифонъ. Красивый, богатырски сложенный мужикъ, лѣтъ 25. Вьющаяся борода, на головѣ цѣлая шапка густыхъ русыхъ кудрей, глаза голубые, хитрые, въ минуту гнѣва страшные. Ходитъ въ бѣлой вышитой рубахѣ, на поясѣ висятъ гребень, кистеть, трубка. Ноги въ лаптяхъ.

Дарья, жена его. Средняго роста, черноглазая, черноволосая, пригожая бабенка. Одѣта въ бѣлую съ красными ластовицами рубаху-долгорукавку и въ шерстяную клетчатую (красную съ чернымъ), коротенькую юшку. На головѣ платокъ пестрый, повязанный рожками. На шеѣ монисто и мѣдный крестъ, въ ушахъ большія серьги, ноги въ бѣлыхъ шерстяныхъ чулкахъ и башмакахъ.

Дядя Кононъ, добродушный сѣдой старичекъ, лѣтъ 60, съ больною спиною и ногами.

Тетна Палагея, жена его. Вѣлобрысая, толстая, курносая баба, лѣтъ 35.

Марья, невѣстка, очень молода, довольно смазлива.

Яковъ, мужъ ея, братъ Трифона, смиренный молодой парень.

Тетна Арина, красивая, стройная старуха, лѣтъ 50.

Варя, дочь Трифона, лѣтъ 4-хъ, желтая, худенькая.

Устинья, черничка. Рябая, длинная, сухая какъ щепка. Ходитъ въ черномъ платкѣ и платочкѣ, съ четками на поясѣ. Влюблена въ Трифона и преслѣдуетъ его всюду.

Мѣщанинъ, кумъ Трифона.

Жена его.

Дѣйствіе происходитъ въ началѣ 60-хъ годовъ, въ деревушкѣ, населенной москалями и хохлами.

КАРТИНА ПЕРВАЯ.

Чистая, выбѣленная хата. Виситъ люлька. Дарья качаетъ ее. Возлѣ нея, на скамейкѣ, положивъ голову къ ней на колѣна, лежитъ Варя. Тетка Палагея и невѣстка Марья собираются уходить изъ дому. На печи лежитъ дядя Кононь.

Тетка Палагея. Дашка! про лошадей-то не забудь, напоить ихъ надо будетъ.

Марья. Да телятъ загони, маленько погодя; морозно, неравно поколѣютъ съ холоду.

Тетка Палагея. Да курамъ посыпь. Я давеча глядѣла, все почитай поклевали.

Марья. Ребятишки мои отъ дѣда прійдутъ, накорми, пожалуста!

Тетка Палагея. Да пироги бы въ печи не сгорѣли—пригляди, смотри.

Дядя Кононь (съ печи). Будеть вамъ, бабы, распорядиться. Чтѣ вамъ молодуха-то, крѣпостная что-ль далась!

Марья. Вѣдь все одно дома сидить.

Дядя Кононь. Все на бабу сваливаете. А нѣтъ, чтобы хоть разокъ пустить погулять, а самимъ съ ребятами остаться.

Тетка Палагея. Еще чего вздумалъ! Свои-то, и то надоѣли, не знай бы куды отъ нихъ забѣжалъ! А ты бы, старый, лежалъ на печи, коли Богъ убилъ, да не совался-бъ не въ свое дѣло. Я тебѣ не Дашка, дома сидѣть не стану. Оставайся лавка съ товаромъ! (уходятъ обѣ, хлопнувъ дверью).

Дядя Кононь. Эхъ, кабы не поясница, слѣзъ бы съ печи, задалъ бы тебѣ гулянье. О, Господи, Господи! (Зъваетъ и креститъ ротъ). А ты чтѣ, молодка, не весела? Ты на нихъ не гляди—ну ихъ къ Богу—хай брешутъ.

Дарья. Обидно, дядюшка. За что онѣ меня грызутъ, лаются каждый Божій день? Работаешь на нихъ, ровно кабальная, а спасибо сроду не услышишь, не то, чтобы въ чемъ пособили. Да еще мутятъ, мужу наговариваютъ.

Дядя Кононь. Дуракъ онѣ, потому и слушаетъ бабы сплетки.

Дарья. Онѣ наговарять, а онѣ драться дѣзеть. А сначала-то будто человекъ былъ, какъ слѣдуетъ. Не охотой шла, нечего грѣха таить — ну, да надѣялась, что мастеровой, жить, моль, хорошо будемъ; а теперь сидитъ мастеровой день и ночь

въ кабаѣ. Домой придетъ, колотить зачнетъ. Вотъ и житье хорошее! (*потихоньку утираетъ слезы*).

Дядя Кононъ. Не плачь, молодка, всякому свое горе. Вотъ и мнѣ Господь молодую жену навязалъ.

Д а р ь я. Зачѣмъ тебя-то, прости Господи, понесло жениться на старости лѣтъ?

Дядя Кононъ. Самъ не знаю, молодка, грѣхъ попуталъ.

Д а р ь я. Ну, да тебѣ что? Тебѣ теперь только бы на печи лежать—больше ничего и не нужно, а мое-то дѣло молодое.

Дядя Кононъ. Правда, молодка, правда.

Д а р ь я. За что меня Господь наказалъ? за мою-ль простоту, за смиренность?

Дядя Кононъ. Да ужъ и бѣшенный Тришка, ай-ай бѣшенный! Вотъ и отецъ его, родной мой братъ былъ, царство ему небесное (*крестится*), не тѣмъ будь помянуть, жену-то бивалъ тоже, ай-ай бивалъ! Приведетъ, бывало, какую-нибудь свою сударю, водочки тутъ пойдутъ, сладкія закусочки. Пляшутъ, цѣлуются, милуются, а жену у порога на колѣнки поставитъ. Стой, мошь, гляди; я, мошь, что хочу, то и дѣлаю!

Д а р ь я. И стояла мать Тришкина у порога?

Дядя Кононъ. Стояла. Плачетъ, въ три ручья слезы текутъ, а стоитъ, пока самъ не велитъ встать. Крикнетъ: маршь теперь, куда знаешь; убирайся съ глазъ долой! Прогонитъ ее, да всю ночь до утра въ избу и не пускаетъ.

Д а р ь я. То-то онъ все похваляется: я тебя, мошь, но тяткиному учить стану, какъ тятка матку мою училъ. Ну, да ужъ не на ту попалъ.

Дядя Кононъ. Эхъ, молодка, молодка, а ты лучше покорись, а то ты сама маненько...

Д а р ь я. Что?

Дядя Кононъ. Грубишь ему подчасъ.

Д а р ь я. Да какъ не грубить-то? Онъ тебя всячески, а ты не смѣй слова сказать!

Дядя Кононъ. Вотъ онъ тебя и деретъ какъ сидорову козу.

Д а р ь я. Ну и пусть! А ужъ надъ собой надругаться не дамъ. Я-ли въ чемъ передъ нимъ провинилась? Онъ по всѣмъ дѣвкамъ шляется, а я его и ругнуть-то не смѣй. И обмываешь, и обмываешь, и одѣваешь его и себя и дѣтей, а отъ него лоскута я еще не видала, хоть бы дѣвчонкамъ на рубашенки... да онъ же еще надо мной надругаться будетъ?

Дядя Кононъ. Эхъ, молодка! на то онъ и мужъ. Ужъ такъ вамъ, бабамъ, видно на роду написано, чтобы мужья вами вла-

дѣли. Хорошо мужъ—и бабѣ хорошо, плохой—терпи баба. А на мужа суда нѣту, молодка, нигдѣ. Ужъ это повѣрь ты старому старику. Хоть дери его въ волости за пьянство, да за драку, онъ все тотъ же будетъ, только еще пуще на тебя взѣвтся. Терпи, дитятею, такъ видно Господь велѣлъ! (*Входитъ тетка Арина*).

Арина. Миръ-бесѣда вамъ!

Дарья. Спасибо, тетенька, сядь—посиди, разгони тоску мою.

Арина. А Трифонъ гдѣ? къ твоимъ что-ль ушелъ?

Дарья (*сердито*). Въ кабакѣ сидитъ. Люди добрые къ церкви ходили, пообѣдали, а онъ со вчерашняго вечера у кабачика въ горницѣ съ солдатами въ карты играетъ. Последнiя мои деньги, что Домкѣ на кашу на крестинахъ собрала, и тѣ отнял. Тамъ съ ними и Устюшка проелятая.

Арина (*качаетъ головой*). Мужа отъ жены отбила. А еще черничка! Я, говоритъ, Христова невѣста!

Дядя Кононъ. Вчерась пришли они съ ней изъ городу, такой тутъ плясъ подняли! День субботнiй, люди Богу молятся, а они пляшутъ. А тамъ ушли въ кабакъ, да и до сихъ поръ нѣту.

Арина. Совсѣмъ Тришка съ пути сбился! Отъ какой бабы гуляетъ!

Дядя Кононъ. Правда, Арина, правда. Какую ему еще бабу надо! Ни красотой, ни умомъ Богъ не обидѣлъ.

Дарья. Нонѣ вечеромъ опять въ городъ собирается на работу, а самъ ни попарился, ни рубахи не смѣнилъ; такъ, какъ свинья, и остался къ Божьему празднику.

Арина. Я вотъ пойду, турну его изъ кабака. Что онъ въ самомъ дѣлѣ стыдъ забылъ? (*уходитъ*).

Дарья. На тебѣ, Варюшка, пирожка, да поди на улицу. А то тятка прiдетъ пьяный, шумѣть станеть.

Варя. А онъ тебя бить не станеть?

Дарья. Родная ты моя! Нѣтъ, иди себѣ, играй! (*Варя уходитъ*).

Трифонъ (*входитъ. Волосы у него всклоочены, рубаха на локтѣ порвана. Онъ сильно пьянъ и едва держится на ногахъ*). Дашка-чорты! Давай безмѣнъ! Скорѣй, говорятъ тебѣ!

Дарья. На что тебѣ? Ахъ ты, пьяница, гуляка! Безстыжіе твои глаза! это ты праздничекъ Господнiй такъ проводишь?

Трифонъ (*еле выговариваетъ*). Молчать! Давай, говорю, безмѣнъ!

Дарья. Иди умойся, авось очнешься! А безмѣна не дамъ, пропъешь.

Трифонъ. Не дашь?

Дарья. Не дамъ, хотъ убей. Будеть тебѣ изъ дома въ кабаць таскать.

Трифонъ. Да я, Даша, не пропивать хочу, я... меня солдаты обыграли *(плачетъ)*, да еще смѣются. Такъ вотъ я ихъ *(кричитъ во все горло)* убью — желѣзнымъ безмѣномъ. Бить, бить солдатъ иду. Гдѣ безмѣнъ?

Дарья. Не дамъ, сказала. Ты взаправду убьешь челоѣка, долго-ль тебѣ? Рука-то у тебя тяжелая.

Трифонъ. Не дашь? такъ я же тебя самое... *(Хочетъ ее ударить, она проскальзываетъ у него подъ рукой и убѣгаетъ въ дверь, Трифонъ за ней)*.

Дядя Кононъ. Господи! ну, убьеть теперь бабу. А она-то всего пять недѣль какъ родила. *(Кряхтя слѣзаетъ съ печи и уходитъ, еле передвигая ноги. Нѣкоторое время сцена остается пустая. Потомъ выбѣгаетъ Дарья съ растрепанными косами, безъ головнаго платка)*.

Дарья. Бабушки, спасите! Яшенька, деверѣчикъ милый... отыми... не пускай... Въ глазахъ темно... голова... охъ, тошно мнѣ... *(падаетъ безъ чувствъ на пол)*.

Трифонъ *(вбѣгая, запираетъ дверь на засовъ)*. Что? Удержали, не пустили? Ужь я ее убью... да ужъ убью я тебя... убью! *(Замахивается палкой, но, взглянувъ на жену, останавливается)*. Ты чего повалилась? Вставай! *(Толкаетъ ногой)*. Встанешь, что ли, чортъ этакой! *(Намбается и роняетъ палку)*. Это что же съ ней! Дашка, да ну, встань! Побилъ маленько — чтожь такое? не первый разъ! *(тихонько толкаетъ ее)*. Не встаетъ! Господи! Убилъ! *(За дверью стучатъ)*. Идутъ, а я ее убилъ. Дашка! а Дашка! *(Ребенокъ въ люлькѣ плачетъ)*. Слышь, Дѣмка плачетъ, очнись! *(Съ усилиемъ, отрезвъвъ отъ испуга, поднимаетъ Дарью и сажаетъ на лавку)*.

Дарья *(приходя въ себя)*. Тихе, Яша, вездѣ вѣдь... больно! не тронь... испить бы... уста запеклись...

Трифонъ. Сейчасъ, моя голубочка, подамъ сейчасъ!

Дарья *(узнавъ его)*. Это ты! *(Отталкиваетъ)*. Уйди! дѣтей пожалѣй, коли жену не жалко!

Трифонъ *(растропаннымъ волосомъ)*. Не буду, уйду, только не бойся. Не стану. *(Отворяетъ дверь)*. Тетку Арину скорѣй пошлите!

КАРТИНА ВТОРАЯ.

Сцена представляет ту же хату. Трифонъ у стола сидитъ и чесать голову. Дарья укладываетъ ему въ мѣшокъ чистую рубаху, полотенце и т. д.

Трифонъ (*поетъ втомолоса*):

Эхъ! какъ загоралась жаркая калина,
Завиѣла во колодезѣ вода,
Забогѣло у молодца сердце,
На чужихъ ли да на женушекъ глядя...

Сгадывай, Дашка, про кого та пѣсня поется?

Дарья. Знамо, про кого. Про мужа безсовѣстнаго, что на чужихъ женушекъ заглядывается.

Трифонъ. Нѣтъ, Дашка: та пѣсня поется про добра-молодца; жена его змѣя загубила, безъ ножа злодѣйка зарѣзала.

Дарья. Чѣмъ же она его зарѣзала?

Трифонъ. А тѣмъ и зарѣзала, что нѣтъ отъ нея ни ласки, ни привѣту. Всѣ люди какъ люди: вдвоемъ въ праздникъ гуляютъ, вдвоемъ пѣсни играютъ, только мы съ тобой все лаемся.

Дарья. Не ты лѣешься, что-ли? не ты меня колотишь? Заѣлъ ты мой вѣкъ, загубилъ мою молодость! (*плачетъ*).

Трифонъ. Знамо, все я. Да ты глянь, на бабу, что-ли, ты похожа? Рубаха черная, голова нечесаная. Кто этакую чумазую любить станетъ? Затычка грубяная ты, а не баба. Все хворая, кажинъ годъ ребяты таскаешь. Откуда они у тебя, прости Господи, берутся? Какъ есть пужало огородное!

Дарья. Прибѣгъ до полусмерти, а тамъ и велитъ наряжаться. А ребята твои же—что-жь ты меня ими попрекаешь?

Трифонъ. Да я не попрекаю, а къ слову пришлось. Да перестань ревѣть-то, не то мѣсяца три и домой не приѣду. Сижу вотъ цѣлую недѣлю изъ-за тебя дома: думалъ, взаправду голову пробилъ, а на повѣрку-то вышло, что ты только слюнявилась. Дрянъ какъ есть, и ударить-то хорошенько нельзя! (*пюетъ*). Таково-то дома сладко, что поневолѣ къ чорту пойдешь, хоть тоску разогнать. Э-эхъ! (*Встаетъ, зажмаетъ свѣчу и, раскамивъ на ней качадыкъ, котормъ плель лапти, завиваетъ имъ кудри*).

Дарья. Это еще что вздумалъ? Дома сидитъ, не завиваетъ космы, а какъ въ городъ, такъ и еудри завить надо.

Трифонъ. Для кого я ихъ дома завивать буду? Для тебя, что-ли?

Дарья. Такъ для кого-жь завиваешь?

Трифонъ. Для добрыхъ людей.

ДАРЬЯ. Все для Устюшки, чай?

Трифонъ. Молчать! Поджила видно голова, еще хочется трѣпки.

ДАРЬЯ. А съ мельничихой въ городѣ что у васъ было? Мнѣ вѣдь добрые люди сказывали.

Трифонъ (*улыбаясь*). Ничего! Да тебѣ кто это, шельма, сказалъ?

ДАРЬЯ. А попъ постомъ причастія за что не даль? За хорошія, видно, дѣла?

Трифонъ. Молчать! Не твое это дѣло. Я тебѣ въ подолѣ ничего не принесу.

ДАРЬЯ. Безстыжіе твои глаза!

Трифонъ. Будеть ужъ будетъ! Ты вотъ пойдика лучше пріодѣнься маленько, гости будутъ.

ДАРЬЯ (*радостно*). Кто такой?

Трифонъ. Устинья Ѳедоровна.

ДАРЬЯ. Твоя гостья. Нетолько для нея наряжаться, а и въ избѣ-то сидѣть не стану при ней.

Трифонъ. А! ступай, надоѣла! (*Вытаскиваетъ ее въ другую горенку*). Маршъ! (*собираетъ въ мѣшокъ свой плотничій инструментъ*). Эхъ, не такую мнѣ бабу бы надо! Войкую надо бы, веселую, чтобы съ чужимъ человѣкомъ обойтись могла, чтобы чисто ходила. Вотъ бы какую надо, какъ у Ѳедота Акимыча Грунька. Эхъ, король-дѣвка! Глянетъ, точно жаромъ осыпетъ, засмѣется—морозомъ подеретъ. Отъ такой жены и гулять не сталъ бы, ей-Богу! А слюнявую-то — кто ее любить станеть? Все реветъ, все реветъ. Намедни думалъ: свезу къ куму въ гости, повеселѣтъ баба! Дугу взялъ новую, бляхи на переметахъ вычистилъ, коню гриву разубралъ. Хотъ на свадьбу ступай! Сѣли, ѣдемъ. А что, говорю, Дашка, супротивъ меня-то вѣдь никто по деревнѣ не проѣдетъ? А она все молчитъ, а тамъ и говоритъ: да не дери ты, шальной, лошади голову-то! Куда ты несешься? Не стерпѣла душа, сѣздилъ ей кулакомъ въ рыло. А она же и плачетъ. Да еще, дрянъ этакая, попрекаетъ: ты гуляка, ты вѣтренникъ! (*Достаетъ изъ кармана зеркальце и глядитъ въ него*). Какже! стану я съ ней сидѣть, когда дѣвчоночки-красоточки сами такъ и льнуть. А за что любятъ? Все за кудри русые, за припѣвку, за припляску молодецкую, за шуточки-прибауточки, за разудалый нравъ-карахаецъ! А она, дура, думаетъ, я въ самомъ дѣлѣ люблю Устюшку-то! (*Плюетъ*). Аль ни тошно стало: старая, сухая, желтая, зубы табакомъ чистить.

Устинья (*входитъ*). Здравствуй, Трифонъ Андреичъ.

Трифонъ. Здравствуй, Ѳедоровна.

Устинья. Хозяйка твоя гдѣ?

Трифонъ. Сейчасъ взойдетъ, тамъ въ горницѣ, съ ребятами видно.

Устинья. А что ты тутъ говорилъ: сухая, да старая, да желтая—это кто такая?

Трифонъ. Обслышалась ты, ничего я такого не говорилъ.

Устинья. Не ври, своими ушами слыхала. Эхъ, парень, парень, все-то у тебя обманъ! Люблю, говорить, а за глаза смѣется.

Трифонъ. Ну вотъ, ей-Богу же, не говорилъ! Чѣмъ хошь побожусь, что не говорилъ.

Устинья. Тебѣ что божба! Ты божбы не боишься! Не любишь ты меня, Триша, вотъ что. А я-то думала: за его за любовь откуплю парня отъ солдатчины, наемщика за него поставлю. Родительскаго гроша трудового не пожалѣю, все отдамъ, а его выкуплю!

Трифонъ. Эхъ, ты моя разлапушка! Да какъ же такъ я тебя не люблю? (*Беретъ ее за обѣ руки и начинаетъ цѣловать, приоваривая*). А что, не люблю? Вотъ какъ люблю!

Устинья. Перестань, бѣшеный! Дашка взойдетъ, увидитъ!

Трифонъ. А пусть глядитъ (*сажаетъ ее на лавку*). Кралечка ты моя!

Устинья. Да полно, озорникъ, здѣсь не келья!

Трифонъ (*смѣется*). И правда. То ли дѣло у чернички въ келейкѣ! глядятъ одни угоднички!

Устинья. Молчи, грѣховодникъ. (*Задумывается*). Вѣдь вотъ говоришь люблю, а ни разу не придешь ко мнѣ.

Трифонъ. Не все одно развѣ, здѣсь ли, въ кабакѣ ли?

Устинья. Хоть бы разокъ... Что мнѣ твое гулянье... мнѣ не гулянье нужно...

Трифонъ (*смѣется*). Чего-жь тебѣ еще нужно? Кажись, денежекъ не жалѣю.

Устинья (*шопотомъ*). Приходи ко мнѣ уже вечеркомъ, какъ придешь въ городъ. Придешь? А?

Трифонъ. Ну, видно, дѣлать нечего, приду. Не люблю я твоей кельи, смерть не люблю; ну, да ужъ ладно, приду.

Устинья. Ну, приходи, а пока прощай. Собирайся же; я подводу наняла; вмѣстѣ поѣдемъ. Что жена-то—злится?

Трифонъ. А, наплевать! ступай, я сейчасъ.

Устинья (*идетъ, но у двери оборачивается*). Вотъ грѣхъ-то! Забыла совсѣмъ. (*Показывая на башмакъ*). Башмаки худые; хотѣла тебя, Тришенька, попросить зашить, да вотъ съ тобой заговорила, забыла.

Трифонъ (*съ досадою*). Когда ужъ теперь зашивать? ѣхать надо, опоздаемъ.

Устинья *(робко)*. Боюсь, ноги въ худыхъ-то прозябнуть. Хоть бы у Даши какіе-нибудь попросить надѣть пова.

Трифонъ. Она не дастъ. И не проси лучше. *(Оглядывается на сундукъ)*. Самъ бы взялъ, да запертъ! Э! да что тутъ толковать! *(Ломаетъ замокъ косаремъ и достаетъ изъ сундука новыя башмаки)*. На, надѣвай! А съ подводой пришлемъ обратно. По-сердится маленько—ну, ничего.

Устинья. То-то, какъ бы не осерчала!

Трифонъ. Наплевать! Ну, иди, я сейчасъ. Дашка, а, Дашва! иди что-ли! я ухожу! *(надвѣваетъ тулупчикъ)*.

Дарья *(глядитъ въ дверь)*. Ушла, что-ли?

Трифонъ. Какѡва чорта ты прячешься? Иди. Чего ты тамъ сидѣла?

Дарья. Сказала, не взойду при ней, и не взойду.

Трифонъ. А мнѣ что за дѣло! *(подвязывается кушакомъ)* сиди! Собрала мнѣ, что ли, въ дорогу-то?

Дарья. Вонъ на лавкѣ, въ мѣшкѣ.

Трифонъ. Ну, счастливо оставаться! *(подходитъ къ мѣшкѣ)*. Прощай, Домка! Все спитъ, сонуля. А Варькѣ скажи, пусть къ празднику ждать, гостинцевъ привезу. Ну, прощай! *(Нахлобучиваетъ шапку, взламываетъ черезъ плечо два связанныхъ мѣшка и идетъ къ двери)*.

Дарья *(бѣжитъ за нимъ)*. Хоть бы съ женой-то постылой простился. Неравно издохнешь въ городѣ.

Трифонъ *(смѣется)*! Не поволю, небось. Прощай!

Дарья *(суетъ ему за пазуху два яйца и лепешку)*. На вотъ, дорожкой поѣшь. Да гляди, подавись! *(смѣется)*.

Трифонъ. Смѣется! рада, что мужа выпроводила! Ну, поцѣлуй на прощанье! *(Хочетъ ее поцѣловать; она върывается у него изъ рукъ и, обернувъ его лицомъ къ двери, выталкиваетъ вонъ)*.

Дарья. Ступай къ своей Устюшкѣ! съ ней цѣлуйся!

Трифонъ *(весело, за дверью)*. Погоди, вернусь, я те задамъ Устюшку!

Дарья *(смѣется, потомъ, вдругъ замѣтивъ отпертый сундукъ)*. Изломалъ, утащилъ что-нибудь! *(Открываетъ сундукъ)*. Башмачки мои новенькіе! Въ чемъ я теперь къ обѣднѣ пойду! *(Плачетъ)*.

КАРТИНА ТРЕТЬЯ.

(Въ городѣ, у кума-мѣщанина. Сцена представляетъ чистенькую, оклеенную дешевыми обоями мѣщанскую горенку).

Дядя Кононъ *(сидитъ у окна, еще больше скорбившись, еще*

больше хилый и стдой). Повели обряжать въ солдатскую муницью, да и о сю пору нѣтъ! (Горько качаетъ головой). Отняли работничка! Одинъ таперъ Яшка остается работничекъ въ семьѣ. О-о-хо-хо! (Входятъ: хозяинъ дома, мѣщанинъ, Дарья, Яковъ и Трифонъ въ солдатской одеждѣ).

Мѣщанинъ. Вотъ нашъ Андреичъ таперъ ужъ въ казенной одеждѣ.

Яковъ. Какъ есть солдатъ.

Дядя Кононъ (встаетъ, подходитъ къ Трифону, шатаясь, и говоритъ дрожащимъ голосомъ). Пропадъ, малый! (Обхватываетъ его голову руками; Трифонъ плачетъ; Яковъ утирается рукавомъ; Дарья припала къ столу лицомъ и вздрагиваетъ отъ громкихъ рыданій).

Трифонъ. Охъ, братцы! не рвите своими слезами еще пуще сердце мое. Безъ васъ тошно. Дашенька! не плачь! Горькая моя головушка! Судьба моя несчастная! Разлучила меня со своей семьей. Все думалъ отъ солдатчины уйти—нѣтъ, не ушелъ.

Дарья (поднимая голову). И Устюшка твоя, черничка-то, не помогла.

Трифонъ. Чтобъ ее разорвало! Не поминай при мнѣ. Только напрасно грѣхъ на душу бралъ. А вѣдь какъ влялась, шельма: выкушлю отъ солдатчины.

Дядя Кононъ. Эхъ, кабы денежки, нанялъ бы наемщика. Да гдѣ ихъ взять-то?

Трифонъ. Бѣдность проклятая!

Мѣщанинъ. Меньше бы гулялъ, Андреичъ, денежки бы копилъ, и не былъ бы въ солдатахъ.

Трифонъ. Эхъ, кумъ! не досаждай ужъ! Самъ знаю свой грѣхъ. На что меня мать такого безпутнаго родила? Лучше-бъ ты меня, родимая матушка, утопила; лучше-бъ удавила, уму-разуму не учила, на красной на дѣвушкѣ не женила! (Обнимаетъ Дарью). Сиротинушка ты моя горькая, на кого я тебя теперь покину? Сама третья остаешься.

Яковъ (вздыхнувъ). Охъ, тяжело безъ большой головы оставаться!

Трифонъ. Хоть и бивалъ часто, а все-жъ знала, что мужъ есть. Эхъ, да что теперь толковать! (достаетъ денегъ). Сходи-ка, Яша, за водкой. Погулять хотъ на послѣдяхъ. (Яковъ уходитъ). А ты, дядюшка, попроси хозяйшку самоварчикъ поставить. (Дядя Кононъ и мѣщанинъ уходятъ).

Трифонъ. Ну, Дашенька, утри слезки свои, послушай меня. Живи-ка ты безъ меня хорошенько, чтобы тебѣ слава была, мнѣ честь отъ добрыхъ людей. Смирно, да тихо, да честно живи, помни, что у тебя мужъ есть.

Д а р ь я. Чтò про меня толковать! не какая-нибудь. Самъ-то, гляди.

Т р и ф о н ь. Обо мнѣ не думай. Сказаль, ничего въ полѣ не принесу. Одинъ приду, коли Господь дастъ. А ты у меня гляди!

Д а р ь я. Да чтò ты, Тришна? Кажись, ни разу я передъ тобой не провинилась!

Т р и ф о н ь. То при мнѣ было. Одного взгляда моего боялась. Таеъ вотъ, чтобъ и безъ меня также, потому моя ты жена богоданная, и никому я тебя не уступлю. Таеъ-то. Да вотъ еще что: дѣтей не обижай! Крутой я былъ, часто тебя колачиваль, а дѣтей завсегда жалѣль. А то, что родится, если мальчишка будетъ, да вырастинь ты мнѣ его: приду если—озолочу тебя, Дашенька. Коли мальчишка будетъ, береги пуще глазу. Ну, а коли дѣвчонка (*чешетъ затылокъ*)—больно ужъ онѣ мнѣ надоѣли: толку въ нихъ мало. А Варьку все-таки жалѣй; все она хвораетъ, гнететь ее гнетучка, изсохло совсѣмъ дитятко. Не лѣнись, баба, по ночамъ вставай почаще, пой ее кваскомъ.

Д а р ь я. Чтò ужъ наказывать, Тришенька; нешто мнѣ самой ей не жалъ? Тоже вѣдь мать я ей.

Т р и ф о н ь. Да моли Бога, чтобы цѣль вернулся. Не такъ мы съ тобой тогда заживемъ. Отдѣлимся, избу себѣ поставимъ, и бить не стану. Только-бъ Господь вернуть въ добромъ здравіи. Да прости ты меня, Даша; много я тебя напрасно биваль (*кланяется ей въ поясъ*).

Д а р ь я. Ай! Тришенька, чтò ты! (*Сама ему кланяется въ ноги*). Ты-то меня прости. Можетъ, и я тебя не разъ осуждала безвинно-напрасно!

Т р и ф о н ь. Это все пустое. Одно помни: что у тебя мужъ есть. Живи хорошенько. Если же, не дай Богъ, что съ тобой случится, да я прійду, да застаю тебя съ ребенкомъ—его въ печи сожгу, а тебя... Бить не стану, не задушю, не зарѣжу, а изсушу въ щепку. Ты мнѣ тогда не жена—я тебѣ не мужъ. А хуже твоего житья не будетъ—замучу дò смерти!

Д а р ь я. Перестань, страшно слушать. Не такая я баба! (*Входитъ Яковъ съ полштофомъ, хозяйка приноситъ самоваръ и ставитъ на столъ чайную посуду*).

Т р и ф о н ь. Вотъ и погуляемъ: не все тужить! Эхъ! (*хочетъ потряснуть кудрями*). Забыль, что обрили до-гола. Кудерушекъ мои русыя... всѣ остригли! Кудри сняли и имя отняли: вмѣсто Трифона Трофимомъ записали! Ей-Богу! Эхъ, ты, Трофимъ-солдатикъ! бритый рекрутикъ! пропляши маленько, не лопнуть ли на тебѣ солдатскіе штаны? Чортъ возьми! Сроду такихъ узвяхъ

не напивалъ. Гей! (*Пляшетъ*). Держись штаны солдатскіе! Дашна!
становись! (*Пляшутъ, Трифонъ свиститъ соловьемъ*).

Д а р ь я (*пройдясь раза два*). Охъ, не могу, лучше я тебѣ
пѣсенку спою (*поетъ*):

«Ты, Ванюша, разудалый молодецъ,
«Разудалая головушка твоя,
«Сколь далеке увъжаешь отъ меня,
«На кого же повндаешь ты меня!»

(*Трифонъ перестаетъ плясать и закрываетъ глаза рукою*).

«Съ кѣмъ я буду эту зиму зимовать,
«Съ кѣмъ я буду тепло лѣтничко гулять? (*Плачетъ*).

Т р и ф о н ъ (*поетъ за нее*):

«Гуляй, гуляй, моя душенька, одна...

(*Рыдая, бросается на лавку*).

Я в о в ъ (*подхватывая*):

«Я уѣду въ чужеземны города.

Д а р ь я (*продолжаетъ*).

«Охъ, пойду-жь я на рыночекъ, на базаръ,
«Послушаю, что тамъ люди говорятъ.
«Охъ, зовутъ меня... ни дѣвкой, ни вдовой,
«Разнесчастною солдатскою женой».

ДѢЙСТВІЕ ВТОРОЕ.

Дѣйствующія лица:

Дарья. Въ ней замѣтна большая перемена. Унылое выраженіе лица исчезло.
Она часто и красиво улыбается. Движенія ея быстры, эластичны, взглядъ
открытѣй, смѣльнѣй. Вся она роскошно разцвѣла и развилась.

Мама, худая, востроносенькая, рано постигшая всю премудрость столичнаго
жизня. Горничная.

Степанъ, лакей, въ казакнѣхъ и сапогахъ съ красными отворотами. Напома-
женъ до послѣдней возможности. Лицо гладкое, глаза на выкатъ, сильно
ломаются.

Дѣйствіе происходитъ въ Москвѣ.

КАРТИНА ПЕРВАЯ.

Комната для прислуги въ богатомъ домѣ. На лѣво, у стола, сидитъ съ рабо-
той М а ш а. Д а р ь я укачиваетъ на колыняхъ ребенка и поетъ:

А баю, баю, баю,

Живеть мужикъ на край.

Онъ не бѣденъ, не богатъ,

У него семеро ребятъ,

Всѣ по лавочкамъ сидятъ,

Всѣ на матушку глядятъ.

М а ш а (*шопотомъ*). Будеть тебѣ бурчать подѣ носѣ. Онѣ давно спить. Положи его, да приходи посидѣть со мной.

Д а р ь я. Я сейчасъ. (*Уноситъ ребенка въ дверь направо*).

М а ш а. Счастье этимъ бабамъ деревенскимъ, панѣвницамъ. Вотъ вѣдь куда затесалась!

Д а р ь я (*возвращаясь*). Ты что, Маша, говоришь?

М а ш а. Счастье, говорю, вамъ, панѣвницамъ. Вонъ на какое житье попала. Сидишь себѣ, руки сложа, ровно бѣлая барыня. И сошьютъ-то на нее, и выстираютъ, все подадутъ готовенькое.

Д а р ь я. Правда твоя, Машенька. Вотъ годъ три мѣсяца живу въ кормилницахъ, нѣчего Бога гнѣвить, ничѣмъ не обижена отъ господъ. А все какъ-то скучно. Вотъ какъ ты нанялась—другая что-ли тебѣ недѣля пошла?

М а ш а. Третья.

Д а р ь я. Ну, вотъ съ тобой будто маленько веселѣй стало. И про свою сторону поговоришь, и житье свое горькое вспомнишь: будто и разговоришься, и повеселѣешь.

М а ш а. Чего тебѣ, дурѣ, скучать!

Д а р ь я. Дѣвчонку свою жалко. Вотъ чужого выхаживаю, а свою, *кровную*, бросила. Небось разутая, раздѣтая бѣгаетъ. Кому нужда объ ней печалиться? Какъ вздумаю про нее, такъ все бы бросила, и одѣжу хорошую, и сладкѣй кусокъ, и ушла бы домой. Такъ бы ее, грязную, чумазую, схватила на рѣченьки, зацѣловала бы. Одна она вѣдь у меня осталась.

М а ш а. Чудная ты, право, чудная. А у меня дочка въ деревнѣ, мужъ подѣ бокомъ, всего въ 60-ти верстахъ отъ Звенигорода—а я и забыла думать объ нихъ, развѣ ужъ когда въ большой годовой праздникъ маленько будто по дѣвчкѣ сердце защемять и опять ничего.

Д а р ь я. Отчего же ты къ мужу не ѣдешь?

М а ш а. Поѣду я! Да я рада, что не вижу его, толстогубаго. У меня почище его есть.

Д а р ь я. И не грѣшно это тебѣ!

М а ш а. Чего тутъ грѣшно? Я не старуха. Одной вѣ мои лѣта не прожить. Кабы ты его видѣла, Андрюшку-то переплетчика!

Д а р ь я. Замолчи, дѣвка, аль ни страмъ слушать!

М а ш а. Какъ у самой заведется Андрюшка, тогда не въ ту лудочку заиграешь.

Д а р ь я. Да Боже меня упаси, чтобы я законъ свой забыла! Нѣтъ, дѣвка. Вотъ у меня мужъ и крутой былъ человекъ, сердитый, а кабы пришелъ по билету, все бы я сейчасъ же къ нему ушла. Потому, что лучше? законъ—или чтѣ...

М а ш а. Ужъ, конечно, *душенька* лучше мужа. Мужъ-то знаетъ,

что всю надъ тобою власть имѣть—ну, и дурить. А Андришка-то мой! Да онъ меня пальцемъ тронуть не смѣетъ, потому знаетъ, что сейчасъ брошу его. Эхъ, ужъ и погуляли мы съ нимъ эту зиму. Такъ погуляли, тебѣ и во снѣ-то не приснится! Вотъ погоди, Даша, я ему велѣла завтрашній день прийти; поглядишь, какой онъ у меня!

Д а р њ я. А все же грѣшно, дѣвка.

М а ш а. Заладила, грѣшно. Дворянка! Да и дворяне-то, господа, еще почище насъ дѣлишки-то обдѣлываютъ. Ты не гляди на нихъ, что благородные. На эти дѣла благородство-то одно. Потому: молодой молодого, красивый красиваго любить. Такъ ужъ испоконъ вѣку ведется.

Д а р њ я. Ну, нѣтъ! У насъ этого въ деревнѣ нѣту. Бабы у насъ живутъ съ мужьями хорошо. Дѣвки у насъ вольныя, гуляютъ-таки, нечего грѣха таить. А замужъ вышла — шабашъ, сиди дома, дѣтей нянчай.

М а ш а. Оттого, что деревня-матушка, необразованная.

Д а р њ я. Нѣтъ, не то, Маша. Бога мы помнимъ. Мужа боимся. Вотъ, примѣрно ссазать, мой мужъ: коли что (не дай того, Господи, такъ только къ слову говорю), коли что со мной бы случилось, согрѣшила бы противъ закона, да онъ какъ бы пришелъ—убилъ бы меня. Такъ-таки и убилъ бы.

М а ш а. И все врешь. Ну, побилъ бы—это правда. Такъ и безвинно, напрасно, сто разъ вѣдъ биваль. Больнѣй не будетъ. Будешь знать хоть, что бита не напрасно, а за дѣло. Что погуляла покрайности, пожила-таки на своемъ вѣку.

Д а р њ я. Эхъ, дѣвонька, не муди ты душу мою. Не переговоришь тебя.

М а ш а. И не переговоришь, это правда! Ее мужъ всячески тиранилъ, а она только объ немъ и думаетъ! Сама же говоришь, что какъ ушелъ, одинъ только разъ написалъ, да съ тѣхъ поръ и ни слова. Ужъ у него давнымъ-давно тамъ сударушка есть, а ты объ немъ, дура, печалишься.

Д а р њ я. Все-жъ мужъ, что ни говори!

М а ш а. Ну! дошла. На, бѣлая барыня (подаетъ ей). Иди, наряжайся. А я пойду чего-нибудь на кухню позавтракать попрошу. Чай, жрать-то хочется?

(Уходятъ: Маша налево; Дарья, взявъ дошитый Машей пунцовый кашемировый сарафанъ—направо. Нѣсколько минутъ сцена остается пуста. Потомъ входитъ Дарья въ кисейныхъ рукавахъ и новомъ сарафанѣ. Она подходитъ къ висящему надъ столомъ небольшому зеркалу и надъваетъ передъ нимъ кокошникъ, серьги, бусы).

ДАРЬЯ. Ловко Маша сшила, мнѣ этакъ не сшить. (Поворачивается передъ зеркаломъ во всѣ стороны). И что они все толкуютъ про мою красоту? Неужто хороша? (Улыбается). Да, попригляднѣе деревенскаго стала. Въ страду, бывало, руки, лицо, шея—все загорить, ровно хлѣбець ржаной, кожа вся истрескается. А теперъ! Лицо-то, шея, ровно сметана, бѣлая! Руки всѣ въ кольцахъ. (Пристально глядитъ на себя въ зеркало, улыбается и руки въ боки, подергивая плечами, плавно пляшетъ русскую). Эхъ, нѣтъ на эдаку красоту добра молодца! иссохъ бы, исчахъ совсѣмъ. (Молча глядитъ на себя, потомъ вдругъ отворачивается). Что это я, прости Господи, ровно Машка! Намолола сама не знаю чего, аль ни стыдно стало. (Входитъ Степанъ со щеткой).

СТЕПАНЪ. Уходи лучше, Ермолаевна.

ДАРЬЯ. А что? Подмести хочешь? Насорили мы съ Машей. Ну, подмети, и я колѣ за тебя что-нибудь да съѣлаю.

СТЕПАНЪ. Говорю, уходи скорѣй. Душу вы, Ермолаевна, погубите, коли долго простоиете.

ДАРЬЯ (смѣется). Что ты, Степа, городишь? Не пойму я.

СТЕПАНЪ. А то горожу (подвигаясь къ ней)... Хороша ты, бабеночка, въ этомъ нарядѣ! Смерть можетъ приключиться, если долго глядѣть на тебя.

ДАРЬЯ. Ахъ ты, озорникъ! (Бросаетъ въ него горсть спмечекъ. Онъ ее ловитъ и вдругъ звонко цѣлуетъ въ щеку).

ДАРЬЯ (топнувъ ногой). Ахъ ты, подлець этакой! (Бьетъ его по щеку). Вотъ же тебѣ, на! (Убѣгаетъ въ дверь налево).

СТЕПАНЪ (обтирая щеку). Ничего ручка! того, огрѣла-таки! Ну, да это для знакомства, а тамъ шелковая станешь.

(Дарья постыжно проходитъ изъ двери налево въ дѣтскую направо, сердито надувъ губы).

СТЕПАНЪ. И не глядеть, тиранка! Идетъ, ровно пава. Плечивомъ не двинетъ, бровкой не моргнетъ. (Хватаетъ ее за руку). Опять въ дѣтскую хочешь уйти? Ну, за что ты меня терзаешь! Не рвись, не пуцу! Люблю тебя, Дашурочка, пуще свѣту бѣлаго.

ДАРЬЯ. Отстань. Еще, что-ли, по мордѣ съѣздить?

СТЕПАНЪ (подставляя щеку). Ну бей, коли тебѣ не стыдно. Бей сколько хочешь, только полюби хоть крошечку.

ДАРЬЯ. Угорѣлый! да нѣшто я дѣвка? Чтобъ мужъ пришелъ, да убилъ меня?

СТЕПАНЪ. Фью—кого боится! Да до тѣхъ поръ мы всѣ и концы въ воду. Ему, дураку, и не въ домѣкъ будетъ. Да и есть кого жалѣть! Видала, что-ли, за нимъ добрые дни?

ДАРЬЯ. Какіе ужъ тамъ добрые дни! Одно битье. Всѣмъ-то я, грѣшная, бита: и внутомъ и ремнемъ, и дубиной и хворости-

*

ной, и палкой, и скалкой, и возжами, и поясами, и объ-печь бита! Одной развѣ только печью не бита.

Степанъ. Ну вотъ, сама видишь. Отчего же безъ него хотъ маленько душу не отвести? Отчего не пожить, какъ всѣ добрые люди? Даша! золотая! полюби Стѣпку, приласкай!

Дарья (*вырывается изъ рукъ его*). Не говори ты мнѣ больше ничего. Грѣхъ! (*Уходитъ въ дѣтскую. Степанъ, поглядывая ей въ смѣхъ, подходитъ къ буфету и начинаетъ перетирать стаканы*).

Маша (*входитъ съ дымящейся сковородой въ рукахъ. Ставить сковороду на столъ и ржжетъ хлѣбъ, притывая*):

Мнѣ нынѣшній день скучно,
Не знаю, что начать,
Пришелъ ко мнѣ любезный,
Зачалъ меня ласкать.

Степанъ. Ну что за пѣсня! Лучше спой:
Не скучай, моя милая,
Вечеромъ къ тебѣ прійду.

Эхъ! Нѣ къ кому доброму молодцу вечеромъ ходить. Не хочешь ты, Маша, для меня постараться, а еще кума.

Маша. А что я съ ней, съ душой, подѣлаю? Заладила одно: грѣхъ, да грѣхъ, да мужа боюсь.

Степанъ. Ну, Маша, постарайся! вотъ тебѣ цѣлковый, и не то еще будетъ, если дѣло уладится.

Маша. Да ты бы самъ съ ней поговорилъ.

Степанъ. Да, поговори ты съ ней. Заговорилъ было, а она такую мнѣ плоху дала, до сихъ поръ щека горитъ.

Маша. Вотъ молодецъ! За это хвалю! Не такъ бы васъ, мерзавцевъ, бить надо (*смѣется*). Ай да Дашка! (*Входитъ Дарья*).

Дарья. Ну-ка, Машенька, дай поскорѣй поѣсть. Барыня гулять велитъ идти. Сашенька проснулся, на улицу просится.

Маша. Авось успѣешь. Садись.

Степанъ (*пододвигаетъ стулъ и хочетъ усадить Дарью подъ руки*). Вотъ сюда пожалуйста! А вотъ вамъ тарелочка (*достаетъ изъ буфета*). Вотъ вилочка, ножичекъ. Кушайте, а я на васъ погляжу.

Дарья. Сама сяду — отстаньте пожалуйста. Ни вилки, ни ножа не надо. Мы, бабы деревенскія, ими ѣсть не умѣемъ. Вотъ она у насъ — пятерня — замѣсто вилки. Маша! гдѣ у тебя ковшикъ? испить бы...

Степанъ (*наливая воды въ стаканы*). Извольте-съ.

Дарья. Да отстань ты, ради Христа! Вотъ прилипъ, какъ банный листъ.

Степанъ. Охъ, кабы въ самомъ дѣлѣ, какъ банный листъ.

ДАРЬЯ (*бьетъ его полотенцемъ*). Убирайся! Ей-Богу, барынь скажу. Чтò ужъ это! Изъ дѣтской выйти нельзя, сейчасъ и пристанетъ съ глупостями.

СТЕПАНЪ. Ну, и говори. Тебѣ хочется, чтобы меня считали? Покорно васъ благодаримъ. За все мое къ вамъ расположеніе, вы мнѣ пакость хотите сдѣлать?

ДАРЬЯ. А ну тебя въ болото! Ничего же не скажу, только уйди. (*Выпяляетъ его и запираетъ дверь на крючокъ*). И поѣсть-то не дасть, шальной этакой! (*Садится къ столу*).

МАША. Погляжу я на тебя, Дашка, какая ты безжалостная. По тебѣ человѣкъ убивается, а ты хоть бы ласковымъ словомъ его потѣшила.

ДАРЬЯ. Маша! грѣхъ тебѣ на дурныя дѣла меня подбивать. Сама привыкла пляться, себя не жалѣешь, такъ и меня тому же научить хочешь.

МАША. Да нѣшто я тебѣ худое что совѣтую? Я только говорю, не гони ты его отъ себя, ну дай хоть наговориться, посидѣть рядышкомъ.

ДАРЬЯ. Какіе съ нимъ разговоры! Вишь онъ бѣшеный какой! Да и такъ сказать: ноньче поговоришь, завтра посидишь—анъ грѣхъ-то и случился. А я не московская — трепаться не стану.

МАША. Да что ты, въ самомъ дѣлѣ, больно высоко несешься? Погоди; вотъ попомни мое слово—такая же будешь. Потому что противъ своей судьбы ни одинъ человѣкъ не можетъ пойти. Да и дѣло-то это такое: все одно, что пьянство. Разъ только напейся, другой, а тамъ ужъ не отстанешь, тянеть да и только.

ДАРЬЯ. И все врешь. Баловство одно. *Бога* вы всѣ не боитесь.

МАША. Ахъ Дашка, Дашка? Ты что же думаешь! такую безсовѣстную меня и мать родила? Нѣтъ, было времячко, и я была дѣвчоночка смиренная, стыдливая. Расскажу я тебѣ про себя все, какъ есть. Привезъ меня батюшка по пятнадцатому годочку въ Москву къ крестной. А та наняла меня въ горничныя къ нѣмкѣ, къ акушеркѣ. Прожила я у нея годъ—чего-чего не слышала, чего не насмотрѣлась? У самой хозяйки душенька была — ну, Господь съ ней, ко мнѣ-то она добра была. Вотъ такъ выйдешь, бывало, въ праздникъ на улицу или на бульваръ погулять. Господи! чего-чего тебѣ тамъ не наговорять. Сперва, бывало, прибѣгу домой, плачу, вся дрожу, хозяйкѣ жалуюсь. А та надо мной смѣется. По маленьку привыкла. Бойкая стала, за отвѣтомъ въ карманъ не полѣзу. Ну, а тутъ приѣхалъ къ хозяйкѣ мой братъ. Остановился въ Кокоревѣ. И стала она

меня къ нему посылать: то пирожковъ снести, то книжку. Вотъ онъ, бывало, станетъ отвѣтъ писать, а я стою, какъ дура, глазъ съ него не свожу. Губѣнки-то ровно крашенныя, глаза голубыя, росту высокаго. А онъ пишетъ, пишетъ, да и броситъ: папироску дастъ (онъ меня и курить-то научилъ), либо конфетками угоститъ. Понесу домой записку, загляну туда съ боку, а тамъ всего одна длинная полоска, а другая коротенькая. Значитъ, вовсе не пишетъ, а такъ только меня задерживалъ. Ну, а разъ пришла, онъ живо эдакъ написалъ отвѣтъ и говоритъ: вотъ нынче-то мнѣ и нечѣмъ васъ угостить. Ужь такъ поблагодарить что ли? Да и давай меня цѣловать.

Д а р ь я. А ты что?

М а ш а. А я? Я его сама безъ счету цѣловала, а домой пришла ужъ поздно вечеромъ.

Д а р ь я (съ любопытствомъ и волненіемъ глядитъ на нее). Ну, а послѣ-то что было?

М а ш а. Потому что было? Годъ цѣлый онъ меня любилъ. Вотъ какъ любилъ! Все говорилъ: женюсь на тебѣ, Маша, я самъ изъ простыхъ. Граматъ тебя научу. (*Молчитъ, утирая глаза*).

Д а р ь я. Ну, Машенька, чего же онъ на тебѣ не женился?

М а ш а. Невѣста нашлась богатая — ну, и уговорили добрые люди жениться на ней. Онъ мнѣ ничего и не сказывалъ: «не могъ, говоритъ; хочу, говоритъ, сказать, да гляну на тебя, такъ и не скажу ничего». Да узнала я все стороною, дня за два до свадьбы. Молчу, закаменѣло сердце мое, ничего ему не говорю. А какъ пріѣхали они, молодые-то, отъ вѣнца, не стерпѣло сердце: всѣ окошки камнями побилъ. Кричу не своимъ голосомъ, насили меня оттащили со двора-то. А невѣста-то стоитъ, къ огню прислонясь, руками за-сердце хватилась, да блѣдная, какъ стѣнка.

Д а р ь я. Такъ ты его больше и не видала?

М а ш а. Какъ родила мальчишку, пришелъ мой дружокъ, потихоньку отъ жены, поглядѣть его. Чаю мнѣ, сахару привезъ, денегъ двадцать пять рублей подъ подушку сунулъ. А какъ уснула наплававшись, увезли они вдвоемъ съ бабкой-то моего мальчишку въ воспитальню, да съ тѣхъ поръ ровно скрозь землю провалились. Переѣхали на другую квартиру, сколько ни искала, найти не могла. Велика матушка Москва, а фамиліи я ихъ и не знала.

Д а р ь я. Ну, а про ребенка узнавала?

М а ш а. Мало-ль ихъ тамъ, какъ его узнаешь? Да я и не ходила. Поплакала, поплакала, а тамъ въ деревню уѣхала. Вышла

замужъ. Мужъ-то мнѣ послѣ Христинька (Христіанъ Андреичъ звали его) скоро мнѣ опостылилъ, привыкла ужь не къ мужицкому обхожденію. Радехонька была, какъ его ту же осень забрили. Опять въ Москву ушла, поступила въ прачешную. Не знаешь ты, Дашка, что это за каторжное за житье въ этихъ прачешныхъ. Хоть какую смиренную бабу, и ту съ пути собьютъ. Ну, съ тѣхъ поръ ужь и нѣту мнѣ удержи. Такъ вотъ, оно, Дашенька, наше житье-то! Не все съ жиру мы бѣсимся, не съ радости гулять-то начинаемъ.

ДАРЬЯ (*треплетъ ее по плечу*). Не буду больше, Маша. Христось съ тобой!

МАША (*вдругъ улыгнувшись*). Ну, а Стѣпку гонять не будешь? Ужъ такъ-то по тебѣ парень убивается.

ДАРЬЯ. Да чего-жъ онъ убивается? Не велю ему, что-ли, говорить аль глядѣть? Ну, пусть вечеромъ прійдетъ посидѣть на крылечѣ, только бы глупостевъ давишнихъ не говорилъ. Поэтому все же грѣшно мнѣ будетъ, коли...

МАША. А вотъ вчерась серѣжки тебѣ купилъ. Самъ не отдавъ, не возьметъ, говоритъ, отъ меня. (*Достаетъ изъ кармана серьги*). На, вотъ. Серебряныя вызолоченыя.

ДАРЬЯ (*иступанно*). Чтѣ ты, чтѣ ты! съ какой стати я возьму?

МАША (*съ досадою*). Да что ужь это въ самомъ дѣлѣ за царица такая! Ей и такъ и сякъ: и водицы подаютъ, и вилочки, и тарелочки, и подарки дарятъ, а она все рыло свое деревенское ворѣтитъ.

ДАРЬЯ. За что-жъ ты бранишься? Возьми себѣ, коли хочешь, мнѣ не надо. (*Грустно*). Не надо мнѣ ни серѣжекъ, ничего (*младитъ въ окно*). Ужъ коли бы полюбила, такъ не за серѣжки, а...

КАРТИНА ВТОРАЯ.

Двѣ недѣли спустя.

(*Ночь мурная. На ступенькахъ балкона, ведущая въ садъ, сидитъ Дарья*).

ДАРЬЯ. Господи, какъ на сердцѣ тяжело-то! Воздохнуть не даетъ. До бѣды этакъ доживешь!.. Пустили бы меня домой, въ чистое поле, въ зеленый лѣсокъ. Стала бы, по прежнему, жать, восить. Дурь-то бы эта вышла! Все вѣдь это съ жиру дѣется... Такъ нѣтъ, не пускаютъ. Все подожди, да погоди. Чтѣ ужь тутъ годить, коли врагъ душу попуталъ! Цѣлый день хожу, дѣла не дѣлаю, ровно сама не своя. Изъ руевъ все валится! Только и думушки, что объ немъ, объ Стѣпъ-голубчикѣ! Господи! думала-ль

я когда, что со мной такая бѣда случится! Все опостылѣло, бѣлый свѣтъ не милъ. Какъ взойдетъ онъ въ горницу, да гляня на него, на его бѣлое личенко, такъ бы на шеюшку бросилась! Вотъ (*умбаεται*) грѣхъ, ей-Богу! Сашеньку чуть не уронила. А все, все изъ-за Стѣпы. (*Задумывается*). Правду Маша говорила: такая же, молъ, будешь. А я все думала, со мной ничего такого не будетъ. Чтò, молъ, это за любовь за такая! все одно баловство. Анъ вотъ теперь знаю, что за такая за любовь бываетъ. О! Господи, Господи! (*Сидитъ, подперевъ рукой щеку. Изъ саду идетъ Степанъ и, тихонько подойдя, щекочетъ ее пальцемъ по шепъ*).

ДАРЬЯ. Ахъ—это ты!

СТЕПАНЪ. Не погонишь? дашь посидѣть?

ДАРЬЯ. Нѣтъ, Стѣпа, лучше уйди. Уйди, голубчикъ, лучше дѣло-то будетъ.

СТЕПАНЪ. Дашенька, да чего вы боитесь? Не какой-нибудь же я мужикъ необразованный, чтобы васъ обидѣть.

ДАРЬЯ. Опять станешь пустяги говорить. А мнѣ ихъ и слушать-то не слѣдуетъ.

СТЕПАНЪ. Ничего я теперь такого и говорить не стану. Поразила ты меня въ самое сердце. Одно мнѣ теперь остается: напиваться каждый донъ пьянымъ, какъ свинья, чтобы въ часть почаще таскали. Авось тогда помнить тебя не буду.

ДАРЬЯ. Вотъ опять тоже говоришь. Уйди лучше, голубчикъ.

СТЕПАНЪ. Хорошо, сейчасъ уйду. Только вотъ что скажу: я жену свою выписалъ. Надняхъ пріѣдетъ. Ты знать меня не хочешь. Тебѣ все одно. Хоть умри я отъ этой страшной моей любви—ты еще смѣяться будешь.

ДАРЬЯ (*укоризненно*). Стѣпа, Стѣпа! чтò ужъ это ты говоришь?

СТЕПАНЪ. Ну, да кончено. Изсохъ я по тебѣ, Дашенька, пропадаю съ тоски, а ты и не глядишь, и подарочка ни одного не взяла. Ну, такъ пусть ужъ жена пріѣдетъ, авось и полюблю ее опять—кто знаетъ! (*Молчатъ*).

ДАРЬЯ. А скоро пріѣдетъ?

СТЕПАНЪ. Денька черезъ два. Прощай. (*Хочетъ уходить*).

ДАРЬЯ (*останавливая его*). Стѣпа, куда же ты?.. А меня... совсѣмъ ужъ такъ... бросишь, забудешь?..

СТЕПАНЪ. Можеть, и забуду.—Пріѣдетъ жена, тогда ужъ съ ней буду сидѣть; ласкать, цѣловать ее стану. Авось тоска-то и пройдетъ. А ты на насъ тогда гляди да радуйся! Прощайте, Дарья Ермолаевна.

ДАРЬЯ. Стѣпа, миленькій, ради Господа Бога, (*сквозь слезы*) не ходи, дай срокъ... Да я вѣдь... (*ловитъ его руку*). Да я вѣдь

умру, коли увижу, что ты поцѣлуешь ее... жену-то. Я и теперь видѣть не могу, когда ты съ Машей играешь.

СТЕПАНЪ (*садится на ступеньки и притягивает Дарью къ себѣ*). Такъ что-же ты меня мучишь! Чего томишь? Ну, не бойся! Ну я уйду, сейчасъ уйду, только скажи, что ты меня любишь? А? Даша?

ДАРЬЯ. Голубчикъ, миленькій, пусти! Ну на что тебѣ, на что? Легче, что-ли, станеть, коли сважу! Нѣшто такъ не видишь?

СТЕПАНЪ. Скажи, золотая моя, ненаглядная ты моя!

ДАРЬЯ (*отчаянно, порывисто вырываясь отъ него*). Ну, люблю, люблю. Я, мужнина жена, тебя, чуже-женинова мужа, люблю! Ну что-жь! Душа вся изныла, третій день крохѣ во рту не было. (*Степанъ молча ея любится*). Ну, что же ты, дуракъ, молчишь? Люблю вѣдь тебя (*все громче*) пуще отца съ матерью, пуще кровнаго дѣтища. (*Вскрикиваетъ*). Господи! Да что же это я дѣлаю? (*Шатается и хватается за перила, чтобы не упасть. Степанъ, вскочивъ, обхватываетъ ее рукой*).

СТЕПАНЪ. Что ты, моя голубушка? Что ты? Ну, уймись! (*Цѣлуетъ ей лицо, руки, шею*). Чего ты такъ напужалась? (*Потиhoньку тянетъ ее за собой*). Ну пойдемъ, пойдемъ со мной въ садъ, тутъ неравно господу увидятъ. Золотая ты моя, жисть ты моя! Дождался-таки, чего душенька желала, что во снѣ снилось, на яву видѣлось! Ахъ ты моя лапочка, разкрасоточка! Да не плачь же, ну чего плавать? Теперь и жена къ чорту полетитъ; никого мнѣ, окромя тебя, не надо!

ДѢЙСТВІЕ ТРЕТЬЕ.

Дѣйствующія лица:

Дарья.

Степанъ.

Маша.

Татьяна, мать Дарьи, довольно бодрая, но почти слѣпая старуха. Ходитъ осторожно, съ костылемъ въ рукахъ.

Домна, дочь Дарьи, четырехъ лѣтъ. Толстенъкая, вся въ кудряхъ, постоянно улыбается, выказывая дѣлныи рядъ бѣлыхъ, какъ снѣгъ, зубовъ.

КАРТИНА ПЕРВАЯ.

(Трактиръ, играетъ машина. На заднемъ планѣ всѣ столы заняты. Бѣгаютъ взадъ и впередъ половные. На право за столомъ сидятъ: СТЕПАНЪ, ДАРЬЯ и МАША).

СТЕПАНЪ. Тебѣ толкомъ говорятъ, а ты ничего понять не хочешь.

Дарья. И не пойму; одурѣла совсѣмъ отъ слезъ.

Степанъ. То-то и бѣда, что ты очень ужъ слезлива. Всѣ добрые люди такъ дѣлають, тебя только одну не умолаешь. Вотъ и съ мѣста сошла, и хвораешь, а артачишься.

Маша. Говорю: снеси ребенка въ воспитальню. Господа безъ него опять тебя примутъ. Сама поздоровѣешь, заживешь по старому.

Дарья (*уныло*). Никогда теперь ужъ по старому не будетъ. Не видать мнѣ ужъ теперь ни покою, ни радости. Вотъ гдѣ советъ (*Указываетъ на грудь*). Ровно червь меня точить. Никому въ глаза смотрѣть не могу.

Маша. Вотъ то-то и есть. А снесешь ребенка, все и будетъ шито-крыто, никто и знать-то не будетъ.

Дарья. Никогда теперь ужъ ладно не будетъ. Ну, пусть никто не знаетъ—я-то знаю свой грѣхъ. А ребенка ни за что не отдамъ, лучше и не уговаривайте! Сто разъ подходила къ воспитальнѣ, взойти не могу, ноги не идутъ.

Маша. Давай, я снесу. Мои ноги пойдутъ, ничего.

Дарья (*итъво*). Не смѣй, не твое дитя! Не вольна ты въ немъ. Это вѣдь у тебя силѣмъ дитя взяли, а у меня не возьмешь; найду, разыщу вездѣ.

Маша (*плонувъ съ досады*). Фу ты, чорты! И говорить больше не стану, возись съ нимъ сколько хочешь. А все же ты—дура! Тебѣ добра желаютъ, а ты понять не хочешь.

Степанъ. Брось ее. Только-что прифрантилась, а все та же деревня-матушка, необразованность!

(*Молча пьютъ пиво. Дарья сидитъ, облокотившись на столъ, въ горькомъ раздумьѣ*).

Дарья (*про себя*). Намѣдни пошла въ церковь, взойти не могу, ровно меня отгуда кто толкаетъ. Взюпла-таки, стала поклонны влать, да какъ гляну на образъ Пресвятой Богородицы, такъ и обмерла. Глядитъ Она на меня, такъ и нижесть, такъ и нижесть глазами. Испугалась! Опять поклонъ положила—а Она, Матушка, пальчикомъ мнѣ тихонько погрозила. Не помню, какъ и изъ церкви вышла.

Маша. Ты бы къ попу сходила, поисповѣдалась бы, покачалась. Все какъ рукой сниметь.

Дарья. Нѣтъ, не могу. Окромъ своего деревенскаго пона, никому и языкъ не повернется исповѣдаться.

(*Опять молчатъ*).

Степанъ. Вотъ что, моя красавица! глянь-ко на меня веселѣй. Я тебѣ кое-что хочу сказать.

Дарья. Что, Степа?

Степанъ. Любишь ты меня? Бранить не станешь?

Дарья. Когда же я тебя бранила? Эхъ, Степанъ Николаичъ! Еще ни разу на тебя не осердилась, даромъ что черезъ тебя не мало горя приняла.

Степанъ. Ну гляди же, не сердчай. Ко мнѣ жена пріѣхала.

Дарья (*блѣднѣя*). Что? что? Жена? Какая жена?

Степанъ. Моя жена. Какая еще жена!—знамо, *моя*.

Дарья. *Самъ*, что-ли, выписалъ? Самъ звалъ?

Степанъ. Не писалъ, не звалъ, сама приперла. Соскучилась, говорить, по тебѣ, два года тебя не видала. А ничего, бабенка... тово, за два года-то сдобная стала.

Дарья. Пропала я теперь! За кого душу свою не пожалѣла, худу-славу на себя взяла, и тотъ меня бросаетъ. Черезъ тебя, Степа, виноватой передъ мужемъ стала, а ты что затѣялъ? (*Припадаетъ головой на столъ*).

Степанъ (*холодно*). Чего убиваться! Все вѣдь будетъ по старому. Все когда-нибудь забѣгу.

Дарья (*повторяетъ съ горькой усмѣшкой*). *Когда-нибудь забѣгу!* А то дни, ночи сидѣлъ со мной, отъ себя отогнать не могла.

Степанъ. А ты ужъ ко мнѣ, пожалуйста, не ходи, потому жена тутъ со мной теперь, а я скандалу не хочу никакого. И если гдѣ повстрѣчаемся, будто ты меня не знаешь, ни я тебя, другъ на дружку глядѣть не станемъ.

Дарья. Да стерпить ли сердце мое, и не грѣхъ это тебѣ будетъ! Да что! надоѣла я, вижу, тебѣ. А мнѣ каково? Я вѣдь тебя, Степа, люблю, миленькій ты мой!

Степанъ (*звѣлая*). Сто разъ слыхалъ, да здѣсь и не мѣсто объ этомъ говорить. Да ты никакъ плачешь? Ну, Дашурка, полно! я вѣдь буду приходить. Ну, маненько порѣже прежняго, а все же прійду. Эй, пріятель! (*Половой подбѣгаетъ*). Пару пива. (*Половой приноситъ и, наливъ стаканы, отходитъ*). Пей, Даша, пей-ка, разгони тоску. Самому мнѣ легко, что-ли?

Дарья. Не любишь ты меня, Степанъ Николаичъ, а то съумѣлъ бы жену-то домой спровадить.

Степанъ. Какъ же я ее спроважу? Все же она мнѣ жена, законная, а не какая-нибудь, прости Господи...

Дарья. *Какая-нибудь*—это кто же? Таеъ она тебѣ жена? Ну, и живи съ ней. Спасибо, Степанъ Николаичъ, не ждала я отъ васъ такой обиды за всю мою за любовь, за ласку.

Степанъ. Съ ума сошла баба! Ну, какъ я жену прогоню? разсуди ты сама.

Дарья. Конечно; ну *какъ* прогнать? Да и то сказать. То

одна была Дашка, а тутъ еще и жена. Дашка надоѣла — жену выписаль. Жена надоѣсть—къ Дашкѣ поидеть.

Степанъ. Вотъ дура. Пей лучше!

Дарья. Не совсѣмъ дура. Жену выписаль—такъ знай же! (*встаетъ*). Больше не видать тебѣ Дашки, какъ своихъ ушей.

Степанъ. Будеть! садись, пей!

Дарья. Знать я тебя больше не хочу и пива твоего не хочу! (*Срываетъ скатерть, посуда летитъ на полъ и разбивается*).

Половой (*подбѣгая*). Господа! чтó за шумъ? Уходите вонъ, когда пьяны.

Дарья. Отстань, не твое дѣло!

Половой (*хватая ее за руки*). Кавалеръ, уведите жену свою, или я кликну городского.

Степанъ. Какъ хочешь, она мнѣ не жена!

Половой. Чорта-ль мнѣ нужно—жена не жена—три стакана разбито! Заплатите и убирайтесь по добру по здорову.

Дарья (*вынимая рублевку*). Возьми что слѣдуетъ за посуду, а что лишку себѣ на чай, только уйди, ради Бога! Мало, что-ли, рублевки?

Половой. Хватить. Покорно благодаримъ-сь. (*Беретъ скатерть, подбираетъ осколки и уходитъ*).

Степанъ. Даже совѣстно съ вами въ трактиръ ходить... все по мужицки у васъ какъ-то выходить.

Дарья. Сейчасъ уйду. Въ своей благородной компаніи останетесь. Прощай, Маша (*кряпко ее цѣлуетъ*). Прощайте, Степанъ Ниволанчъ (*клянется въ поясъ*). Желаю сладко цѣловаться съ законной супругой. А ужъ насъ, пожалуйста, забудьте! не ходите, сдѣлайте милость.

Степанъ. Иди ужъ, иди! весь трактиръ на тебя глядитъ.

Дарья. А мнѣ-то чтó! Боюсь я ихъ, что-ли? (*обращаясь къ гостямъ*). Вотъ что, господа. Знаете пѣсню? ваша она, московская.

Ужъ вы дѣвушки, подружки,
Не любите вы мужичинъ,
Всѣ мужичины—всѣ мерзавцы,
Одно слово подлецы.

(*Уходитъ, гости ей вслѣдъ смѣются*).

Маша. Подлецъ ты, Степа, и есть. Право, подлецы! Безсовѣстная твоя рожа!

Степанъ. Ну и уходи, коли я подлецы! чтó возлѣ подлеца сидишь? Надоѣла и ты мнѣ не хуже Дашки.

Маша. И уйду—а на улицѣ гдѣ встрѣчу, въ глаза наплюю. Вотъ-те и свазъ (*уходитъ*).

Степанъ. Вотъ Господь отъ двухъ грѣховъ разомъ изба-

вилъ! Пойти теперь къ бабѣ своей. Славная стала бабенка, право; какъ это я прежде не видѣлъ! А надовѣтъ! (*смѣется*). Тогда и турну въ деревню! (*Уходитъ, насвистывая*).

КАРТИНА ВТОРАЯ.

Деревенское кладбище. За кладбищемъ чистое поле. Подъ елью рядомъ три маленькія могилки.

ДАРЬЯ (*въ бѣлой свиткѣ, съ ребенкомъ на рукахъ, сидитъ подъ елью; возлѣ нея лежатъ котомка и палка*). Вотъ и дома! Дошла-таки. Все по старому у насъ. Все могилки такія же зеленныя, только крестовъ много прибавилось. Живы-ль матушка, батюшка, Дѣточка моя? Господи, Господи! какъ приѣду я къ отцу, къ матери? Не снесетъ моя родимая стыда этогого! А батюшка? Да онъ меня въ домъ не приметъ (*глядитъ на ребенка*). Дитя мое милое, заморила я тебя дордогой! Какой ты у меня былъ здоровенькій, ровно огурчикъ налитой, а теперь высохъ, какъ щепка. Эхъ, сердешный ты мой, лучше-бъ и ты легъ вотъ тутъ рядомъ, подъ травой-муравой. Матери-бъ руки развязалъ, стыда бы убавилъ. Спать вотъ тутъ трое дѣтоѣвъ моихъ; навалилась на нихъ мать-сыра земля, засыпала имъ свѣтлыя глазнышки, головушки будрывыя, малыя рученьки. Спать, не слышать, какъ мать на могилкѣ ихъ убивается, слезами обливается. Дѣтки мои, встаньте, разгоните тоску мою горькую. (*Кладетъ ребенка осторожно на траву и припадаетъ головой къ могилкамъ*).

ДОМОЧКА (*подходитъ и удивленно, заложивъ руки за спину, смотритъ на мать. Потомъ осторожно тянетъ ее за рукавъ*). Тѣтенка, а тѣтенка! Что ты тутъ дѣлаешь?

ДАРЬЯ (*поднимается и, увидавъ ребенка, утирается сквозь слезы*). А ты, дѣвочка, зачѣмъ пришла?

ДОМОЧКА. Здѣсь у меня братецъ лежитъ да двѣ сестры, вотъ тутъ подъ могилками.

ДАРЬЯ. Что же ты тутъ дѣлаешь?

ДОМОЧКА. Сбираю шишки еловыя. Играюсь.

ДАРЬЯ. Ты чтожь одна ходишь? Не боишься?

ДОМОЧКА. Чего бояться? Да съ вѣмъ и ходить-то? я все одна.

ДАРЬЯ. Ну, съ тяткой бы пошла, съ мамкой.

ДОМОЧКА. Тяти нѣту: онъ въ солдатахъ.

ДАРЬЯ. А мать гдѣ?

ДОМОЧКА. Мамка ушла въ Москву въ кормилицы, да все нѣту ея до сихъ поръ. Завѣтрѣла, говоритъ бабушка, забыла про насъ.

Д а р ь я (*цѣлуя ее*). Домочка! доченька! неужели же ты мать не узнала? Вотъ она пришла.

Д о м о ч к а (*радостно*). Мама пришла! (*кричитъ*). Бабушка! мама пришла! Бабушка-а!

Д а р ь я. Нѣшто и бабушка здѣсь?

Д о м о ч к а. Вотъ она идетъ отъ церкви. (*Дарья постынно выпускаетъ ее изъ рукъ и хочетъ спрятать куда-нибудь ребенка. Татьяна подходитъ; она прячетъ ребенка на груди подъ полами свитки*).

Д о м о ч к а (*бѣжитъ на встрѣчу Татьянѣ*). Бабушка! мама пришла.

Т а т ь я н а. Охъ, не вижу, глаза совсѣмъ плохи. Даша! ты ли это?

Д а р ь я. Я, матушка родимая, я.

Т а т ь я н а (*обнимая ее со слезами*). Дочка моя, Даша! а ужъ я думала умру, не увижу тебя. Ахъ ты, моя болѣзная, сердешная ты моя! (*Ребенокъ плачетъ. Татьяна отступаетъ, какъ ужасленная*). Даша! это что? Слышишь? На рукахъ-то что у тебя?

Д а р ь я. Матушка, во всемъ передъ тобой повинюсь-покажусь.

Т а т ь я н а. Въ чемъ каяться-то? (*Ребенокъ опять плачетъ*). Дашка! Дашка! ребенокъ-то... твой что-ли?

Д а р ь я (*чуть слышно*). Мой. (*Хочетъ схватить мать за руки*).

Т а т ь я н а (*отступаетъ*). Твой?

Д а р ь я. Матушка! послушай...

Т а т ь я н а. До чего я дожила! Осрамила ты, Дашка, мою съдую голову! Домка! пойдемъ!

Д о м о ч к а. Нѣтъ, бабушка, я съ мамой.

Т а т ь я н а (*тащитъ ее за руку*). Она тебѣ не мать теперь. Уйдемъ отсюда.

Д а р ь я (*удерживая ее за платье*). Матушка! хоть покаяться-то дай.

Т а т ь я н а. Иди, откуда пришла. Отецъ тебя въ домъ не приметъ, мать не проститъ. Святые угодники! до чего я, старуха, дожила! (*Дарья прозно*). Чего же ты ждешь? Иди отсюда, не стой на могилкахъ, гдѣ младенцы безвинные лежать. Господи, да что же это!

Д а р ь я. Матушка, послушай: ну *меня* кляни, *меня* гони, а его-то, младенца-то, за что ты губишь? Куда я пойду! Возьми ты его, вѣдь онъ умретъ съ голоду. Погляди, онъ чуть живъ. Не дай пропасть ангельской душкѣ.

Т а т ь я н а. У него есть отецъ, къ нему и неси. Чтобъ я взяла... чтобъ потатчицей стала?

Д а р ь я. Матушка! ну я уйду, не останусь! не стану срамить тебя и батюшку. Ребеночка только возьми. Меня никто не видалъ, никто и не увидитъ. Скажешь, на могилкахъ нашла. Куда я его понесу! Онъ умретъ дорѳгой. (*Открываетъ мѣшко ребенка*). Глянь на него. Неужели у тебя камень, не душа?

Т а т ь я н а (*закрываетъ лицо и отвращивается*).

Д а р ь я. Умирай же, мое дитятео, коли бабушка родная отъ тебя отказывается (*кладетъ ребенка на моилку*). Авось не долго промучишься, приметъ Господь твою душеньку! (*цѣлуетъ ребенка и, шатаясь, идетъ отъ моилокъ*).

Т а т ь я н а (*мужимъ голосомъ*). Даша! куда ты? Вернись!

Д а р ь я (*быстро оборачиваясь*). Матушка моя!

Т а т ь я н а (*протягивая къ ней руки*) Дитятео мое!

ДѢЙСТВІЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

Дѣйствующія лица:

Трифонъ.

Дарья.

Тетка Арина.

Домна—7-ми лѣтъ.

Ваня, сынишка Дарьянъ, лѣтъ 4-хъ, черноглазый, задумчивый, тихій ребенокъ.

Цѣловальникъ.

Василій Азаровъ, товарищъ Трифона.

Мужики.

Дѣйствіе происходитъ въ той же деревнѣ Крѣпаки.

КАРТИНА ПЕРВАЯ.

(Кабачекъ въ лѣсу. Въ открытую настежь дверь видна лѣсная тропинка. Трифонъ и Василій Азаровъ пьютъ за столомъ водку. Цѣловальникъ выходитъ къ нимъ изъ-за стойки).

Цѣловальникъ. Самъ-то изъ Крѣпаковъ что-ль будешь?

Трифонъ. Нѣтъ, самъ-то подальше иду. Да товарищъ есть, наказывалъ: будешь черезъ Крѣпаки идти, разыщи мою жену, поклонъ ей, мошь, снеси отъ меня, самъ, скажи, скоро буду.

Цѣловальникъ. Какую такую бабу тебѣ надо?

Трифонъ. Дарья, сказывалъ, Ермолаевна по отчеству.

Цѣловальникъ. Знаю, знаю.

Трифонъ. Такъ какъ же мнѣ тамъ про нее спросить?

Цѣловальникъ. Да любую бабу спроси: гдѣ, мошь, тутъ Дарья московка живетъ? всякая скажетъ. Схоронила она отца

съ матерью и живетъ теперь одна съ дѣтьми въ бывшей ихней избѣ.

Трифонъ. Какая такая московка?

Цѣловальникъ. Въ Москвѣ въ кормилицахъ была.

Трифонъ. Своихъ, значить, бросила?

Цѣловальникъ. Не бросила—Господь прибралъ.

Трифонъ. Всѣхъ, неужто всѣхъ?

Цѣловальникъ. Да ты что испужался?

Трифонъ. И Варюшки, значить, нѣтъ?

Цѣловальникъ. Померла. Да что съ тобой?

Трифонъ. И мальчишка померъ?

Цѣловальникъ. Отъ него и пошла въ кормилицы. Родился хворый, пожилъ маленько. Ну, умеръ, она черезъ недѣлку и нанялась въ кормилицы. А тамъ и въ Москву бабу увезли.

Трифонъ. Ну, а Дѣма? Вѣдь еще дѣвочка у ней была.

Цѣловальникъ. Забылъ-было совсѣмъ. Дѣма ничего, жива, здорова.

Трифонъ. Слава тебѣ Господи! одна-то хоть осталась (*крестится*).

Цѣловальникъ. Охъ, братецъ, да ты ужь не Трифонъ-ли?

Трифонъ. Онъ самый. (*Цѣлуются*). Ну, вотъ что, хозяинъ. Магарычъ мой, значить, будетъ, садись съ нами, да сважки-ка ты мнѣ всю правду про мою жену, какъ она тутъ безъ меня жила-поживала.

Цѣловальникъ. Да что говорить! Не на радость ты, Триша, домой пришелъ: вся деревня надъ твоей бабой смѣется.

Трифонъ. Какъ такъ?

Василій Азаровъ. А я тебѣ что говорилъ? что нѣтъ той солдатки на свѣтѣ...

Трифонъ. Да погоди, дай спросить-то толкомъ.

Цѣловальникъ. Эхъ, другъ сердечный! Москва—матушка хлѣбосольная-привольная. Не даромъ твоя баба въ Москву ѣздила. Годъ прошелъ—ничего, другой—ничего, на третій пришла, мальчишку принесла. Теперь ему четвертый годокъ идетъ.

Трифонъ. Ахъ она... поскуда этакая! Погоди, Дашка, я те Москву покажу!

Василій Азаровъ. А бывало въ казармахъ похваляется: у меня-то жена такая, да сякая, я ее, говоритъ, такъ строго училъ, такъ училъ. Вотъ, значить, и научилъ уму-разуму. (*Трифонъ сидитъ, поникши головой*). Вѣдь говорилъ же я тебѣ, что нѣтъ той солдатки, чтобы безъ мужа...

Трифонъ (*Цѣловальнику*). Да ты, можетъ, врешь? Смотри!

Цѣловальникъ. Охота мнѣ врать. Мнѣ самому бабу жалъ. Смирная баба, хорошая. Зачѣмъ только ее въ Москву понесло!

Молода была. Въ дѣвкахъ работала до упаду, да и за тобой — крутой ты былъ человекъ! — и за тобой красныхъ деньговъ не видала.

Трифонъ. Нѣтъ, видно, еще мало бита, коли посмѣла. Видно, забыла, что я ей говорилъ на прощанье, какъ въ солдаты шель.

Василій Азаровъ. Ну, братъ, злись не злись, а ужъ баба таки тебя' надула, кругомъ обманула. Ну, побьешь ее, почва-нишься надъ ней, а все же чужого-то мальчишку кормить будешь. Это тебѣ за то: не хвались женой! (*Встаетъ*). Ну, пойдемъ, что-ли!

Трифонъ. Ступай, у меня нога болитъ, натеръ. Отдохну маленько. (*Азаровъ уходитъ. Трифонъ сидитъ, нахмуривъ брови, потомъ вынимаетъ брусокъ и ножъ и начинаетъ его точить*).

Цѣловальникъ. Ты что-жь это ножъ-то точишь? Охъ, Тришка, смотри, бѣды не надѣлай.

Трифонъ. Дуракъ! Я въ лѣсу палку хочу вырѣзать. Приду домой, такъ ее вздую, какъ еще сроду не дулъ. Будетъ она у меня Москву помнить.

Цѣловальникъ. Ты вотъ поглядишь, какая она стала: худая да бѣлая, какъ глина, ровно и не мужицкаго рѣду. Ты бы не билъ ея, а лучше бы свои грѣхи вспомнилъ, да простилъ бы бабу. Самъ-то монахомъ, что-ли, шесть лѣтъ жилъ?

Трифонъ. До этого никому дѣла нѣтъ. Потому, солдату ужъ такъ положено. Солдату безъ бабы нельзя быть никакъ. Ну, а баба другое дѣло: вѣнецъ свой должна помнить. А она что, подлая, теперь со мной сдѣлала? Теперь мнѣ всякій дуракъ, и тотъ въ глаза наплюетъ.

Цѣловальникъ. Такъ-то, такъ. И до самого доведись — кажись, не знай бы, что я надъ своей Полькой сдѣлалъ. А все бабу жалко. Вчера подъ вечеръ шель черезъ Крѣпаки, да захотѣлъ зайти къ ней кваску испить. Подхожу — аль ни стонъ въ избѣ стоитъ, это она плачетъ такъ. Взошелъ я, говорю: что это ты, Ермолавна! Охъ, говоритъ, Семень Оадѣвичъ, что-то у меня третій день сердце болитъ, сна мнѣ ночью нѣту, и днемъ мѣста не найду. Безпремѣнно, говоритъ, это Трифонъ придетъ. Да какъ ударится при мнѣ на вровать, какъ заголосить. Жутко стало — ушель я!

Трифонъ. Еще не такъ заголосить, какъ взаправду Тришка придетъ. Прощай, Оадѣвичъ!

Цѣловальникъ. Прощай, Триша, а все же говорю: не терзай ты бабу, лучше любовью покрой.

Трифонъ. И какъ это она смѣла!

КАРТИНА ВТОРАЯ.

Бѣдная, маленькая хатенка. Налѣво у стѣны кровать изъ простыхъ досокъ, застлана одѣломъ изъ лоскутковъ, на ней двѣ подушки въ пестрыхъ наволочкахъ. За постелью въ углу печь. Возлѣ печи въ задней стѣнѣ дверь, выходящая на улицу. Направо вдоль стѣны лавка. На авансценѣ простой бѣлый столъ. У стола на лавкѣ за прѣлкой сидитъ Дарья. Ваня и Домка играютъ возлѣ кровати на полу бабками и камешками.

Д а р ь я. Жутко что-то все. Сердце болитъ. Чего болитъ и сама не знаю.

В а н я. Ты что, мамка, говоришь?

Д а р ь я. Ничего, дитяtko, не слухай, играйся! (*Прядетъ, потомъ останавливается*). Нѣтъ спокoю мнѣ, нѣтъ радости, смѣху нѣту, нѣту пѣсенки! Изсушила тоска-горюшко! Печаль-скука всю измучила! На глазахъ ровно туманъ густой, черный разстилается! Солнце красное запряталось, свѣтеть мѣсяцъ затуманился! Закатились часты звѣздочки!

Д о м к а (*хохочетъ*). Вотъ надула дурака-Ваньку! У меня три бабки лишнихъ.

В а н ь к а (*змычетъ*). Мамка! Домка меня обижаетъ. А, мамка!

Д а р ь я. Не тронь, доченька! Отдай ему! Безталанный ты мой! Нѣкому тебя пожалѣть.

Д о м к а (*взглянувъ на мать*). На тебѣ, Ваня, бабки. Бери всѣ. Мамка, я ему всѣ отдала.

Д а р ь я. Умница ты моя, золотая! Завсегда братишку жалѣй. (*Всѣ молчатъ*).

Д а р ь я. Что-то изъ рукъ все валится. Нитка рвется. Такъ-то сердце болитъ, такъ-то болитъ! Вотъ ужъ который день. А нонѣ во снѣ видала: будто меня дѣвки къ вѣнцу снаряжаютъ. Ужъ такъ-то убрали, такъ-то убрали—заглядѣнье! А я будто плачу, сижу. А въ овшко Трифонъ будто глядитъ, смѣется будто. «Дождалась?» говорить. Охъ, ужъ дождусь, видно, я чего-нибудь отъ него, отъ муженька своего! Хотъ бы тетка Арина пришла, сонъ бы ей рассказала. Она сны-то толковать мастерица. Дѣтущки, что затихли? Играйтесь, все-таки веселѣе.

В а н я (*подходитъ къ ней*). Я, мамка, на улицу пойду съ мальчишками въ бабки играть.

Д о м к а. Куда тебѣ въ бабки играть! Ты самъ еще маленько побольше бабки. (*Смѣется*).

ВАНЯ. Врешь, вонь я какой. (*Становится на цыпочки выставляет грудь вперед*).

ДАРЬЯ. Вишь какой парень выросъ! (*Въ сторону*). Красавчикъ ты мой! Какъ есть вылитый Степа. Идите, дѣтки, на улицу, играйте.

ДОМБА. Ну, парень, пойдемъ. (*Хватаетъ Ваню подъ мышки и уноситъ его въ дверь*).

ДАРЬЯ (*прядетъ опять*). Гдѣ-то Стѣпа теперь? Все тамъ же видно, по Москвѣ гуляетъ, нашу сестру-дуру обманываетъ. А поглядѣла бы я на него, однимъ хоть бы глазомъ глянула. И зла бы на него не имѣла. Гдѣ ужъ! Давно все забыла. Кажись, словечко-бъ сказалъ, сейчасъ бы я опять... Миленькій ты мой! Таеъ бы обхватила головушку твою! Всѣ бы твои волосенки кудластые перецѣловала! Господи! прости же меня грѣшную! Дай ты мнѣ, Господи, забыть, не вспоминать его! Нѣтъ, не могу. По гробъ жизни его не забуду. Охъ! (*поетъ*).

Лежитъ змѣя лютая
На сердцѣ моемъ,
Сосеть змѣя лютая
Не день и не ночь,
Сосеть круглый годъ.

(*Рыдаетъ, закрывшись фартукомъ*).

(*Входитъ тетка Арина, за ней бѣгутъ, шпаллясь за платье, Домка и Ваня*).

ТЕТКА АРИНА. Здравствуй, Даша! Все-то она плачетъ. Эхъ дѣвка! Укротила бы ты хоть маленько свое сердце. Не ты первая, не ты послѣдняя.

ДАРЬЯ. Тетушка моя милая, что-то ужъ больно у меня тяжело на душѣ стало ночью. Такой мнѣ сонъ приснился, аль ни отъ работы меня ворѣтитъ. Съ самаго утра какъ встала — сама не своя хожу!

ТЕТКА АРИНА. (*Въ сторону*). Чуетъ сердце! (*Дарьѣ*). Ну, что же сонъ! какой сонъ къ чему, не всякій сонъ на худое клонить. Убиваться-то нечего; Богъ милостивъ!

ДАРЬЯ. Не за себя, тетушка, страшно. Что ужъ мнѣ! Красные денечки видала, пожила-таки! Вотъ кого жалко. (*Ласкаетъ Ваню*). Вотъ эту золотую головушку. Спаси ты Христось, дитяте мое, отъ всякаго лиха. А мнѣ что! Коли что и будетъ, такъ мнѣ за мои за грѣхи таеъ и надо. (*Утираетъ слезы*).

ВАНЯ. Я опять пойду на улицу. Мамка все плачетъ. Скучно. Пойдемъ, Домка.

*

Д а р ь я. Идите; а я тебѣ, тетенька, свой сонъ скажу.

Т е т ь к а А р и н а. Погоди! Не ходи, Ваня. Я къ тебѣ, Даша, вотъ за чѣмъ пришла. Отпусти ко мнѣ дѣтей денька на два. А лучше сама съ ними пойдѣмъ ко мнѣ.

Д а р ь я (*встревоженно*). А что?

Т е т ь к а А р и н а. Да такъ... Солдаты въ нашу деревню пришли на побывку...

Д а р ь я. Пришелъ?.. Гдѣ-жъ онъ?

Т е т ь к а А р и н а. Да сейчасъ шла по улицѣ, а на встрѣчу идетъ Василій Азаровъ: сейчасъ пришелъ, говоритъ, а Трифонъ отсталъ въ лѣсу, говоритъ. Безпремѣнно, говоритъ, черезъ часъ прійдетъ.

Д а р ь я. Господи Боже мой! чтò же теперь съ нами будетъ! (*Лаская и прижимая Ваню*). Дитятко родное, куда мнѣ тебя дѣвать! Тетушка родимая, научи меня горькую, чтò мнѣ теперь дѣлать!

Т е т ь к а А р и н а. Не оставайся ты тутъ, Даша, пойдѣмъ ко мнѣ; все же на людяхъ лучше.

Д а р ь я. Нѣтъ, тетушка, бить будетъ, ругать станетъ, все лучше, чтобъ никто не видалъ, не слыхалъ. Не такое это дѣло, чтобы при всемъ при народѣ. Нѣтъ, я-то ужъ здѣсь останусь, а его возьми. (*Подаетъ ей Ваню и клянется въ ночи*). Тетушка родимая! будь матерью родной, схорони ты Ваню, пока Трифонъ одумается, не давай ему потѣшаться надъ младенцемъ! Отведи его нынче же къ крестной моей; мнѣ самой нельзя, Трифонъ за мной же увяжется. И Домочку возьми; нѣчего ребенку глядѣть, какъ мать... она у меня жалостливая. Охъ! въ сердцу подступило! (*Бросается цѣловать дѣтей*). Прощай, Ванюшка! прощай, доченька! сиротинки вы мои—увиду ли васъ!

Т е т ь к а А р и н а (*утирая слезы*). Перестань, Даша, Богъ милостивъ—не ты первая согрѣшила протѣ-закона, не ты послѣдняя.

Д а р ь я. (*Бросается къ двери и смотритъ на улицу*). Охъ! почудилось будто идетъ. Слава Богу, никого нѣтъ. Иди, тетушка, а то еще повстрѣчаесть съ Трифономъ. Бери дѣтей, иди же скорѣй... скорѣй.

Д о м о ч к а. Пойдѣмъ, бабушка, мнѣ страшно.

Т е т ь к а А р и н а. Прощай, Даша. Я дѣтей отведу, а сама сейчасъ вернусь, да Семиныхъ мужиковъ позову. Пріятели они ему вѣдь были, все лучше, что ни говори, на людяхъ-то и смерть красна, нетолько что... (*Идетъ за дверь*).

Д а р ь я. Куда вы?—что-жъ вы меня-то одну бросили? Дѣтки мои, дѣтки! (*Хочетъ бѣжать за ними, но ноги не слушаются*).

Ушли... никого нѣтъ... одна! Матерь Божія, Царица небесная! *(падаетъ на колѣни)* заступись за меня. *(Встаетъ)*. Нѣтъ, не слышитъ меня Господь, не хочетъ простить меня. Охъ, тяжко! *(Встаетъ и рветъ воротъ у рубашки)*. Душитъ меня... *(Хватается за мошисто, бусы сыплются на полъ)*. Подарочекъ Стѣпинъ все еще на шеѣ, жалко было. Ничего мнѣ теперь не надо! Поддосились мои ноженьки! Коли хочешь ужъ убить меня, такъ иди же, не мучь, скорѣй убивай ужъ что-ли? *(Закладываетъ руки на голову)*. Да неужели-жъ онъ убьетъ меня? За одинъ за этотъ грѣхъ? Семь вѣдь лѣтъ вмѣстѣ прожили и ни разу-то не ослушалась я. Ну, за что же онъ убьетъ меня? *(Вдругъ улыгнувшись, почти весело)*. Сяду лучше за прядево; буду ждать своего Тришеньку. А какъ увижу, въ ноги брошусь, да залюсь слезой горячею и не встану, пока самъ меня не подыметъ и не помилуетъ. *(Садится прясть и вдругъ отчаянно вскрикиваетъ)*. Нѣтъ, не жди отъ него милости! *(Широко открываетъ дверь)*. Бѣлый день мой! красное солнышко! Божій храмъ—прости! *(Кладетъ земной поклонъ, потомъ медленно подымается; у дверей стоитъ Трифонъ)*.

Дарья *(отступая)*. Ахъ... пришелъ! смерть моя пришла!

Трифонъ *(сбрасываетъ шмель и кѣпи)*. Здравствуй, жена! Вотъ Господь Богъ и вернулъ домой. Какъ-то поживаешь?

Дарья. Здравствуй... слава Богу... что пришелъ! *(Отступаетъ)*.

Трифонъ. Слава Богу говорить, а сама отъ меня пятится. Такъ-то ты мужа встрѣчаешь?

Дарья. *(Растерянно)*. Чтожь... я встрѣчаю... какъ же еще!

Трифонъ. Жара—смерть! насили дошелъ! *(Садится на лавку)*. Подай напитокъ! *(Дарья подаетъ ему воды въ ковшикъ, онъ пьетъ, она стоитъ передъ нимъ)*. Нѣшто такъ мужа встрѣчаютъ? Добрая жена не такъ бы мужа приняла послѣ шести лѣтъ-то!

Дарья. *(Чуть слышно)*. Не знаю ужъ какъ... Кажись...

Трифонъ *(инъно)*. Что — кажись! Вотъ какъ бы ты должна мужа принять. *(Цѣлуетъ ее, она отшатывается)*. Да ты что, ровно очумѣлая какая! Глянь на меня. Ты меня привѣчаешь, ровно гостя незваного! Что въ землю глядишь? Аль не рада мужу? Аль веселѣй безъ него жилось? Да что, языкъ что-ль у тебя отсохъ?

Дарья *(мучо)*. Я... ничего... я рада!

Трифонъ. Должно быть, что рада. *(Молчатъ оба)*. Дѣмка гдѣ?

Дарья. Ушла къ тетѣ Аринѣ въ гости.

Трифонъ. Зачѣмъ дѣвчонкѣ шляться позволяешь? Отецъ домой вернулся, а ея нѣту.

ДАРЬЯ. Я сбѣгаю сейчасъ, вликну... не ждали мы тебя...

ТРИФОНЪ. Знаю, что не ждали. То-то и дѣло, что не ждали. Анъ вотъ я и пришель.

ДАРЬЯ. Я схожу за ней.

ТРИФОНЪ. Не надо. *(Опять молчать)*.

ДАРЬЯ. Поѣсть, можетъ, хочешь? *(Подходитъ къ печкѣ)*.

ТРИФОНЪ. *(Урюмо глядитъ на нее)*. Глаза отводить. Таеъ нѣтъ, не отведешь. Огнемъ душа загорѣлась.

ДАРЬЯ. *(Глухимъ, надтреснутымъ голосомъ)*. Аль сходить, полштофъ купить?

ТРИФОНЪ. Не надо; пилъ, не хочу.

ДАРЬЯ. Ну, щецъ волью?

ТРИФОНЪ. Не стану. Не до шей мнѣ.

ДАРЬЯ *(едва слышно)*. Ну, къ Андревнѣ схожу, самоварчикѣ попрошу, чайку, сахарку куплю, напою тебя.

ТРИФОНЪ. *(Все также урюмо)*. Ты мнѣ самоварчикомъ зубы-то не заговаривай. Притвори дверь. Скинь сапоги — ноги опухли. *(Дарья робко подходитъ и нагибается, чтобы снять сапоги)*. Что я тебѣ говорилъ, когда въ солдаты уходилъ? *(Дарья вскакиваетъ съ полу, какъ ужаленная)*. Помнишь? Помнишь, аль нѣтъ? тебя спрашиваю! Говори, не серди меня. Не серди, говорю, у меня душа занялась!

ДАРЬЯ. Помню.

ТРИФОНЪ. Помнишь? Приду, сказалъ, да если...

ДАРЬЯ *(перебиваетъ его, хватаясь за олову)*. Ради Господа Бога милостиваго!

ТРИФОНЪ. Да если застану тебя съ ребенкомъ...

ДАРЬЯ *(падаетъ ему въ ноги)*. Согрѣшила передъ Господомъ, провинилась передъ тобой!

ТРИФОНЪ. Встань! не вой! Ребенокъ гдѣ? *(Срываетъ съ постели одеяло)* Нѣтъ его? Спрятала? Куда ты его дѣвала? Подай сюда. Сказалъ: въ печи сожгу.

ДАРЬЯ. Триша! батюшка! опомнись! *(Молчаніе)*.

ТРИФОНЪ. Гдѣ онъ? Говори лучше. Все одно, самъ найду; хуже будетъ.

ДАРЬЯ *(встываетъ)*. Надо мной что хошь дѣлай, а его тебѣ не найти! не дамъ я тебѣ его.

ТРИФОНЪ. Не дашь? Посмотрю. А знаешь ли ты, что надъ Тришкой никто еще на свѣтѣ не надругался—только ты одна! *(Дарья въ ужасъ глядитъ на него)*. Да, ты одна, ты надо мною насмѣялась. Подойди сюда! *(Дарья не двигается)*. Иди, чего боишься! Садись со мной рядомъ. *(Насильно сажаетъ ее возле себя)*.

Ну вотъ такъ, сядемъ рядомъ, потолкуемъ ладомъ. Ну, сважи по правдѣ. Ты думала: надую дурака, ничего онъ не узнаеть? Аль думала: придетъ Тришка, посердится, да таковой же будетъ, и мальчишку прибуднаго кормить станеть за мѣсто сына родного? Такъ что-ли умомъ пораскинула? (*Глядитъ ей въ глаза, она отворачивается*). Что рыло-то воротить? (*Обнимаетъ ее лъвой рукой и крѣпко прижимаетъ къ себѣ*). Ну, сладко-ль съ милымъ цѣловалась? (*Цѣлуетъ ее*). Такъ что-ли, аль слаще?

ДАРЬЯ. Охъ, не жми, пусти меня! Ради Бога! глаза-то у тебя страшные!

Трифонъ (*хохочетъ*). Страшные! А у милаго дружка не страшные были? (*Трясетъ ее изо всей силы*). Его цѣловала, миловала, къ сердцу прижимала, а съ мужемъ шесть лѣтъ не видалась... словъ не находишь! (*Отталкиваетъ ее и хватается за олову руками*).

ДАРЬЯ (*умоляющимъ голосомъ*). Тришенька! батюшка! уймись! (*Робко обнимаетъ его одной рукой*). Глянь ты на меня!

Трифонъ (*глядитъ на нее, потомъ нѣжно, сквозь слезы*). Ну, обними же, Даша, крѣпче! поцѣлуй, приголубь! все забуду—прощу.

ДАРЬЯ. Миленькій ты мой! (*льнетъ къ нему*).

Трифонъ. (*Глядитъ на разорванный воротъ*). Тѣло-то нѣжное, ровно у дворянки. (*Про себя*). Льнетъ, змѣя, такъ и вьется!

ДАРЬЯ. Прости ты меня!

Трифонъ. Ну, крѣпче цѣлуй, горячѣй! (*Тихонько достаетъ ножъ изъ-за сапога и засовываетъ его въ рукавъ*). Вотъ такъ? Ну, теперь говори: Господи! отпусти мнѣ всё мой прегрѣшенія вольныя и невольныя. (*Дарья истуанно хочетъ вырваться*). Не рвись. Я такъ, пошутить. Эхъ, грудь бѣлая! (*Страстно цѣлуетъ ее и вдругъ, выхвативъ ножъ, изо всей силы ударяетъ ее въ грудь*).

ДАРЬЯ (*выпрямляясь*). Убилъ... Ваня... Ваня... (*Падаеть. Трифонъ смотритъ на нее, безмысленно шевеля губами*).

(*Входитъ тетка Арина и четверо мужиковъ*).

ТЕТКА АРИНА (*взглянувъ на Дарью*). Чтò это съ ней! (*Увидавъ ножъ въ рукахъ Трифона, хватается себя за олову и почти падаетъ на полъ. Мужики стоятъ оцпенные отъ ужаса*).

ДОМОЧКА (*вбѣгаетъ, расталкиваетъ стоящихъ у двери мужиковъ и кидается къ отцу*). Тятя пришелъ, тятя мой! золотой мой! (*Входитъ Ваня*).

Трифонъ (*вздрыгнувъ, замахивается на себя ножемъ*).

МУЖИКИ. (*Всѣ вдругъ*). Держи! Стой! И себя зарѣжетъ. (*Вырываютъ ножъ*).

Трифонъ (*съ упрекомъ глядя на нихъ*). Эхъ, братцы! Помѣ-

шали! На что мнѣ теперь жизнь моя? Ну, берите, вяжите, ведите—не встать ужъ ей! Арина! не оставь сиротъ!

(Дѣти жмутся другъ къ другу и вдругъ начинаютъ рыдать. Тетка Арина, придя въ себя, съ страшнымъ воплемъ кидается къ Дарью. Мужики окружаютъ Трифона).

ДОМОЧКА *(хватая отца за руки)*. Тятя... Куда вы его ведете? Мама моя! мама! *(Бросается къ Дарью)*.

(Занавѣсъ падаетъ).

Марья Стѣрняя.

СТАРЫЕ МѢХИ.

(Очерки захолустной жизни).

I.

Съ утрюмой, плечистой колокольни въ селѣ Брусеномъ разливался благовѣсть къ обѣднѣ, на Ильинъ день. Церковная ограда кругомъ оцѣплена была лошадыми: и верховыми; съ перекосившимися на спинахъ попонами-войлоками, и въ бѣговыхъ дрожкахъ, и въ крашенныхъ, сѣдловатыхъ телѣжкахъ, и въ простыхъ, напушенныхъ свѣжей соломой телѣгахъ, откуда бородастые мужички доставали узелочки съ сѣменами ржи и пшеницы и благочестиво несли ихъ въ церковь, для окропленія предъ посѣвомъ. Тамъ и сямъ кружками стояли деревенскія бабы, держа въ рукахъ и подъ мышками узелки съ пряжей, съ клубками шерсти, съ бѣрдами, прялочными вьюшками и веретенцами. Въ праздникъ, между заутреней и обѣдной, крестьянскія кумы вдоволь наговарятся съ своими свахами, матери передадутъ дочкамъ, отданнымъ въ бѣдные дома другихъ деревень, клубочекъ пряжи, веретенце съ тонкими ниточками и потихоньку, украдкой отъ домашнихъ, кончикъ ситничка тѣпленкаго, съ горошкомъ, парочку яичекъ печеныхъ. Со всѣми этими гостинцами бабы молятся въ церкви, оглядываясь, не украли ли бѣрдо? и ощупываясь, не раздавилось ли яйцо? Всѣ вдоволь наговарятся и перескажутъ другъ другу то, что не держится въ бабьемъ зобу. Разряженные въ поуументъ и кумачъ дѣвушки кружкомъ стояли въ одномъ углу ограды и улыбаясь о чемъ-то гурьковали. Ярнопунцовыми лентами на концахъ жгутами спускающихся ихъ косъ слегка поигрывалъ вѣтерокъ. Гурьба парней издали косилась на нихъ изъ подъ сдвинутыхъ на глаза франтовскихъ шляпъ и, вывертывая ноги, щеголяла мѣдными подковками на коблукахъ вытяжныхъ сапоговъ. Съ горы ползла пузатая карета четверней, съ лакеемъ на козлахъ, въ заржавленной ливреѣ. По полю, во весь карьеръ летѣла тройка съ двумя колокольцами. Это спѣ-

шилъ въ обѣднѣ арендаторъ большого имѣнія, чтобы захватить мѣсто на лѣвомъ клиросѣ прежде своего бывшаго барина, медленно тащившагося въ каретѣ, съ лакеемъ въ ливреѣ.

Батюшкинъ работникъ Никитка, пустивши лошадей по выгону, пробирался околицей въ барскій садъ, куда черезъ стѣнку манили его румяныя яблоки. Самъ батюшка у жертвенника совершалъ проскомидію и, поглядывая въ окно на ярко-голубое небо, припоминалъ усопшихъ и живыхъ родственниковъ и благодѣтелей.

Все было тихо, мирно. Солнце, гордо поднимаясь на крутизну яснаго небосклона, казалось, обнимало всѣхъ, ласкало, какъ нѣжная мать свое милое дитя. Обѣдня уже шла. Народъ, вздыхая о грѣхахъ и о житейскихъ невзгодахъ, усердно молился. Вдругъ раздался съ колокольни набатъ. Взволновалась масса народа въ церкви, затрепала старостинъ ящикъ со свѣчами и народъ, тискаясь, хлынулъ наружу во всѣ три двери храма. На селѣ, противъ самаго алтаря, загорѣлась слобода. Горитъ домъ богатаго крестьянина Косогова, а рядомъ съ нимъ трепеталъ и домъ священника, покрываясь багровымъ румянцемъ отъ пылавшаго пламени. Соломенная крыша затрепала, встопырилась и вспыхнула, какъ порохъ. Полетѣли по вѣтру огненные шапки и тихо садились на крышахъ дворовъ, сараевъ, скирдовъ. Закурилось село и тамъ и сямъ, вспыхнуло и заревѣло пламя надъ селомъ, какъ лютый звѣрь. Причетники побросали свои требники и, вмѣстѣ съ народомъ, бѣжали спасать скудныя пожитки. Діаконъ въ стихарѣ суетился на выгонѣ среди народа, церковь опустѣла: въ ней остался одинъ батюшка предъ престоломъ. Уставъ не позволялъ ему оставить литургію, и онъ шопотомъ спѣшилъ совершить таинство. Видитъ въ окно, что домъ его обнялся пламенемъ, крыши рухнули, въ окно подали люльку съ ребенкомъ... и батюшка рухнулъ въ истерикѣ предъ престоломъ.

Почти весь сбѣжавшійся народъ бросился спасать имущество священника. Полетѣли изъ оконъ стулья, самовары, подушки и разная посуда, которая тутъ же на улицѣ разбивалась въ дребезги. Гимназистъ, сынъ помѣщика, швырялъ изъ амбара доски, и своимъ кепи черпая въ закромахъ хлѣбъ, выносилъ на выгонъ и сыпалъ въ кучку. Тоже дѣлала и сестра его, Маруся, насыпая хлѣбъ въ кисейный передничекъ. Прискакали пожарныя трубы, отъ барина, отъ мельника, но соломенное пламя не подпускало ихъ близко и онѣ стояли въ ожиданіи, чтобы заливать остовы домовъ.

Вопли, крики, ржаніе лошадей, трескъ строеній въ огнѣ и ревъ пламени, сливаясь, составляли ужасную музыку. Несутъ ворота, иконы, вадушки, коробы и все это въ беспорядкѣ валятъ

на выгонѣ. Ребятишки лижутъ варенье изъ разбитыхъ баноѣвъ, парень буркаетъ въ ротъ наливку изъ бутылки, сорвавшейся со стойла жеребецъ Косоговыхъ, держа хвостъ трубою, скачетъ по выгону, взвываясь надъ разваленнымъ хламомъ.

Преданный хозяину батюшкинъ работникъ Никитка, безъ шапки, въ одной рубахѣ, съ яблоками за пазухой, работалъ багромъ и приглашалъ народъ:

— Братцы, помогите!

Косоговы зовутъ народъ къ себѣ, но никто къ нимъ не идетъ. Не любилъ народъ богача Косогова. У батюшки все имущество спасли и половину дома растащили по выгону баграми, а домъ Косоговыхъ горитъ, какъ фонарикъ, и никто къ нему не подходитъ.

Разсвирѣпѣли три брата Косоговыхъ, завязали брань съ Никиткой. Отъ брани не далеко до драки, завязался кулачный бой. Плечистый Никитка, какъ снопы, расшвырялъ всѣхъ братьевъ Косоговыхъ и омятъ за багоръ.

— Ну, погодижь ты, блиохватъ приходскій, мы тебѣ помнимъ!.. грозили Никитѣ Косоговы.

II.

Мѣсяца черезъ три послѣ пожара, слѣдователь духовнаго вѣдомства получаетъ указъ: произвести слѣдствіе о буйствѣ священника села Брусенаго, Михаила Острозорова, по смыслу и содержанию прошенія крестьянина тогожъ села, Антипа Косогова.

Въ прошеніи Антипъ Косоговъ пишетъ: «Священникъ нашего прихода о. Михаилъ Петровичъ Острозоровъ, въ ночь подъ двадцать первое іюля, въ сообществѣ съ своимъ работникомъ Никиткою, свалилъ меня на землю, избилъ кулаками и успятками въ сапогахъ, съ высокими коблуками, при чемъ изорвалъ на мнѣ всю рубашку, и отъ жилетки остались одни влочья. Свидѣтелями такого происшествія были такіе-то и такіе-то. Прошу доказать и меня за побои вознаграждать».

Взвороченныя колесами дороги смерзлись чугуномъ. Свѣжокъ запалъ лишь въ углубленія колеи, да слегка посеребрилъ широкія поля; путь—ни на саяхъ, ни на колесахъ, а ѣхать надобно. Слѣдователь пригласилъ сосѣдняго діакона для письменоводства, одѣлись въ тулупы, надвинули высокія шапки времени Іоанна Грознаго, съ выпучеными макушками, на манеръ подушекъ, съ пуговочками, усѣлись въ рыдванъ, напушили соломы, приеррыли ковромъ, и затряслись высокія шапки въ воздухѣ.

Верстъ тридцать карабкался слѣдователь по колчеватой дорогѣ въ рыдванѣ. Тяжело было ему ѣхать въ такую пору и на такое

дѣло, но нажитое прежнимъ семинарскимъ воспитаніемъ терпѣніе все преодолювало. Жалѣя свои ребра и бока, онъ, по временамъ, слѣзаль съ телеги и задумчиво шелъ пѣшкомъ. Напротивъ, діаконъ-письмоводитель восхищался своимъ положеніемъ. Однообразная жизнь въ приходѣ до того наскутила ему, что онъ былъ радъ куда-нибудь вырваться, тѣмъ болѣе на слѣдствіе, гдѣ онъ чувствовалъ себя правою рукою слѣдователя, лицомъ довѣреннымъ отъ епархіальнаго начальства, и въ нѣкоторомъ отношеніи начальствомъ.

— Мы теперь засудимъ, дай только доѣхать! толковалъ онъ работнику, оставаясь одинъ въ рыдванѣ.

— Еще бы! поддакивалъ ему работникъ, прыгая по дорогѣ у припряги лошадей.

— Мы, братъ, разъ вотъ какъ засудили: весь причтъ послали въ монастырь, подъ начало *воду толочь*, у насъ, братъ, шалишь!

— У васъ, должно, нѣтути чижовки, какъ въ нашемъ быту? любопытствовалъ работникъ.

— Вотъ дубина! развѣ духовныхъ можно сажать въ чижовку!

— За что же теперича сажать батьку Брусенскаго? его же прибили, да его же и судить?..

— А за то, не подпускай съ кулаками.

— Тэ... ёъ... тпру!

Лошади встали и, понуря головы, дожидались, пока сядетъ ихъ хозяинъ-слѣдователь, долго шедшій опушкой лѣса, у дороги.

— А что, ваше высокоблагословеніе, наврядъ мы скоро разживемся здѣсь депутатами, обратился діаконъ къ слѣдователю: — Шубинскій о. Иванъ старъ—тревожитъ грѣхъ, у Бобылевскаго о. Григорія приходъ великъ — онъ изъ рыдвана не вылѣзаетъ, все возять по приходу. До Бубенцовки далеко. Если о. Сусоя пригласить, такъ человекъ-то вляуза.

— Найдемъ кого-нибудь. Сойдетъ и о. Сусой. Чего ему вляузничать при слѣдствіи—знай сиди, да слушай.

— Что? да онъ же первый на васъ донесетъ: не такъ производили слѣдствіе, пировали, много вина пили. Авось, бывое дѣло: тогда протопопъ судился съ о. Никитою, такъ на слѣдствіе-то нагрянуло другое слѣдствіе, самихъ слѣдователей судили, а на это слѣдствіе навалилось третье. Три года воловодились, стошы двѣ бумаги исписали, и концы всѣ потеряли. Да, слава Богу, смертію дѣло кончилось: О. Никита померъ. А ужъ возили-то въ губернію обозами и муку, и крупу, и туши мерзлыя. Чай, сахаръ головами. Давно это было. Тогда вѣдь деньгами мало взятки брали, а все натурою. Тогда слѣдствіями вся консисторія кормилась. Доносъ—ну и рады. Нарочно научали доносить, сами

въ той же консисторіи писали доносы, особенно на богатенькаго попочка, съ пчелками. Мой батенька-старикъ и теперь рассказываетъ про эти слѣдствія. Самъ важивалъ отъ благочиннаго—будто въ извозъ, съ хлѣбомъ, соберется и поѣдетъ. Кому возъ, кому мѣшокъ. Нынѣ все денга пошла въ ходъ. Сунуль—и шито-крыто. Вонъ Самокрутовскіе двѣ тысячи цѣлковенькихъ себѣ прищучили съ упраздненнаго діаконскаго мѣста, въ семь-то годовъ—поди тамъ разбирай. Авось мы знаемъ все...

— Въ самомъ дѣлѣ, у насъ будетъ затрудненіе на счетъ депутатовъ, перебилъ діаконъ задумавшійся слѣдователь.—Одного-то мы пожалуй запишемъ васъ, если не отвергнуть. Потому, есть статья: а *въ смучатъ*, можетъ быть и діаконъ.

— Отвергнуть не за что, торжествовалъ діаконъ, въ сотый разъ отправляясь въ карманъ за табакеркой:—я такой же священнослужитель, священнодѣйствую, и въ рясѣ.

— Ну, тамъ видно будетъ; а ты вонъ гляди, за лѣсомъ, кажется, колокольня—это Брусеное, версть десять еще будетъ!

Дѣйствительно, это было Брусеное, и часа черезъ два наши путники стояли среди села. Слѣдователю пріѣхать въ домъ священника нельзя—подсудимый, въ домъ крестьянина Косоговъ тоже нельзя—истецъ. И у сосѣдей пристать нельзя: быть можетъ, это все люди, прикосновенные къ дѣлу. Слѣдователь былъ еще человекъ молодой. Настращенный рассказами стараго діакона, онъ и самъ боялся подпасть подъ слѣдствіе на слѣдствіе. Послали работника разыскивать истца и отвѣтчика.

Тьма, мелькаютъ огоньки тамъ и сямъ, какъ звѣздочки по селу, работникъ стучится подъ окномъ, собаки подняли лай, слѣдователь съ будущимъ депутатомъ ѣжатся въ рыдванѣ на вѣтру; съ неба заморосила гололедка.

Въ сопровожденіи цѣлой стаи собакъ кто-то шель къ телѣгѣ съ слѣдователями. Это былъ подсудимый о. Михаилъ и за нимъ работникъ.

— Здравствуйте!

Подсудимый съ слѣдователемъ распѣловались, а діаконъ, какъ почти депутатъ, не счелъ нужнымъ подойти подъ благословеніе къ подсудимому, а только пожалъ ему руку. Подсудимому было не до благословенія, онъ самъ былъ готовъ подойти подъ благословеніе къ работнику, лишь бы какъ-нибудь скачать слѣдствіе съ головы. Стоя безъ шапки у телѣги, онъ умолялъ, влянаясь, жаловался на свое несчастіе и, склоня голову, пискливымъ голосомъ приглашалъ къ себѣ въ домъ слѣдователя обночлечьиться и съ дороги чайку попить.

— Не могу. Законъ не велитъ, отрубилъ слѣдователь:— вы вотъ, сообща съ истцомъ, должны отвести мнѣ квартиру для

слѣдованія прежде всего, а тамъ я скажу, что еще будетъ нужно. Вы, вѣроятно, причиня къ отводу меня отъ слѣдствія не имѣете?

— Не имѣю; не вы, такъ другой, слѣдствія не миновать... Попалъ подъ слѣдствіе, Господи! За какіе же это грѣхи свалилась на меня бѣда такая!

— Что вы очень тревожитесь, быть можетъ, оправдаетесь, успокоивалъ слѣдователь.

— Все равно, формуляръ, штрафная графа будетъ замазана, напишутъ: подъ слѣдствіемъ о дракѣ съ крестьяниномъ такимъ-то состоялъ, но оправданъ... Вы думаете, это легко? пятно по гробъ. На окружномъ судѣ въ убійствѣ оправдаютъ, и ничего въ формулярѣ не пишутъ, а у насъ...

— Что дѣлать-то, съ кѣмъ искушенія не бываетъ!.. Что же Косоговъ не идетъ?

— Я къ нему не ходилъ, хладнокровно отвѣчалъ работникъ.

— Экій ты чудакъ, бѣги скорѣй!

Подсудимый батюшка указалъ работнику домъ своего врага; минутъ черезъ десять, къ телѣгѣ подошелъ и истецъ Косоговъ.

— Вотъ, братецъ, ты долженъ, по закону, отвести мнѣ квартиру для слѣдствія по твоему доносу, обратился слѣдователь къ доносителю, осѣняя крестнымъ знаменіемъ его голову.

— Какую же вамъ квартиру! чмокая руку слѣдователя, задумался Косоговъ.

— Такую, чтобы была не подозрительна, законную квартиру давайте! требовалъ слѣдователь.

— У насъ, ваше присвишенство, oprичъ барскаго дома, всѣ квартиры подозрительны, вездѣ угаръ, сырость, тягота.

— Не въ томъ дѣло; такую надобно квартиру, гдѣ бы хозяева не были съ кѣмъ-нибудь изъ васъ въ родствѣ до четырехъ степеней по прямой линіи—понимаешь? или въ сватовствѣ, дружбѣ, враждѣ и проч.

— Понимаю... протянулъ мужикъ и задумался.—Если къ Парфенъ Митричу вамъ? ужъ и упокой же будетъ!

— Ну, братъ, я не допущу! ты тамъ вывелся! возразилъ священникъ.

— Да кто это Парфенъ Дмитріевичъ? спросилъ слѣдователь.

— Кабачникъ.

— Въ кабацѣ нельзя, законъ не велить.

— На что лучше въ церковной караулѣ, предложилъ священникъ.

— Тутъ я не допущу, возразилъ Косоговъ: — у караулки самая драка была, караульщикъ-отъ нажалъ мнѣ въ шею и теперь свербитъ, четвертый мѣсяцъ пошелъ.

— Ну, у матушки просвирни, предложилъ подсудимый.

— Тутъ—пожалуй! согласился истецъ Косоговъ.

Слѣдователь, въ сопровожденіи судящихся, отправился къ хибарѣ вдовы просвирни-матушки. Постучались, достучались, вошли. Въ тѣсной, приземистой избенкѣ, у ночника съ коноплянымъ масломъ, на столѣ безъ скатерти, сидѣли четыре взрослыхъ дѣвицы, накинувши на плечи куцевейки отъ сырости и зіяющаго по избѣ холода. Онѣ только что сѣли ужинать и по ложечкѣ хлебнули толченаго картофеля въ квасу. Появленіе неожиданныхъ гостей произвело въ хатѣ страшный переполохъ. Дѣвицы, прикрывая лохмотьями свою полунаготу, кинулись собирать ужинъ со стола. Миску съ квасомъ разлили, ложки полетѣли на полъ, крохи хлѣба сгребались въ кучку, ночникъ погасъ, сама матушка, закутанная въ тулупъ, сидѣла подъ пологомъ на печи и чуть не полетѣла оттуда со страха. Скоро зажгли ночникъ, но о квартирѣ для слѣдствія здѣсь даже и разговора не могло быть. Слѣдователь едва могъ успокоить возстывшую старуху съ четырьмя засидѣвшими дочерьми, извиняясь за свой визитъ, и, не зная, куда дѣваться отъ этой ужасающей картины безвыходной нищеты, выскочилъ на улицу.

— Что же, вы меня морозить что-ли, или душить въ канурѣ пригласили сюда? давайте квартиру! строго обратился онъ къ судящимся.

— Къ Пахому ихъ отвезть? задумался Косоговъ.

— Тамъ тоже семья и скотина въ избѣ.

— Ну, въ училище? продолжалъ Косоговъ.

— Да вѣдь оно не топлено. Только сходка была насчетъ топки. Я и безъ тебя отвелъ бы тамъ квартиру, сердито возражалъ подсудимый.

— Оттопимъ, а на ночь тулуповъ соберемъ, самоваръ возьмемъ!

— Если дьячковъ согнать въ одинъ домъ и очистить квартиру? соображалъ подсудимый батюшка, не зная куда дѣвать слѣдователя.

— У дьячковъ не допущу, коли законъ есть на счетъ подозрѣнія, не соглашался Косоговъ.

Передрогшій слѣдователь рѣшился, наконецъ, остановиться въ нетопленномъ училищѣ и тотчасъ же потребовалъ туда самоваръ, соломы на топку и вязанку сѣна для постели. Пока истецъ и отвѣтчикъ отправились по домамъ, слѣдователь пошелъ въ училище, стоявшее среди выгона. Пригнулся, ощупью нашелъ дверь, отворилъ, вошелъ... Тьма, лишь морозные узоры на стеклахъ слегка вылегалі на окнахъ суровою бѣлизною. На одномъ изъ столовъ торчалъ, воткнутый въ бутылку, сальный огарокъ. Слѣдователь зажегъ этотъ огарокъ и сталъ оглядываться кругомъ.

Въ углу на полу, подъ лохмотьями тулупа, что-то ворочалось и съ просонья всхлипывало. Слѣдователь подошелъ, копнулъ ногой, и костлявая рука открыла изъ подъ лохмотьевъ овчинъ тщедушное, востроносое лицо съ маленькой рыжей бородкой. Борода встрепенулась, схватила лохмотья и, прикрывая ими свою наготу, въ изумленіи жалась къ стѣнкѣ.

— Позвольте узнать, съ кѣмъ имѣю удовольствіе... обратился къ бородѣ слѣдователь.

— Сельскій учитель здѣшній.

— Вотъ и прекрасно, я къ вамъ въ сожительство на время.

Тутъ слѣдователь разсказалъ о причинѣ своего появленія въ училищѣ. Услужливый учитель наскоро одѣлся и забѣгалъ изъ угла въ уголь, какъ бы разыскивая чего-то для своего гостя, но въ училищѣ, кромѣ партъ и сырого, холоднаго воздуха, ничего не оказывалось.

— У васъ что-же это, или ученіе еще не начиналось? спросилъ слѣдователь, разсказывая по училищу въ шапкѣ и калмыцкой расѣ.

— Началось, да вотъ топку еще не устроили, холодно учиться.

— Какъ же вы тутъ учите? холоды, сырость!

— Да такъ, соберу учениковъ, посажу ихъ за парты, въ полубухахъ и шапкахъ, такъ и учу. Ну понагрѣють, а къ ночи опять жутко.

— Почему же топкой не устроились?

— На сходѣ споръ идетъ: одни говорятъ: по пяти сноповъ съ души каждой, а другіе — только съ тѣхъ, у кого есть ученикъ. Такъ вотъ и мерзнемъ.

Дьяконъ, будущій депутатъ, угрюмо сидѣлъ за партой, нагнувъ шапку на глаза. Усталость и дрожь съ дороги вытѣснили изъ головы его всѣ мечты о депутатствѣ. Ему бы до стакана воды, да до теплой постели, а этого-то и не предвидѣлось впереди.

— Ваше высокоблагословеніе, позвольте мнѣ на ночь удалиться къ пономарю, онъ мнѣ сватъ по женѣ, просился онъ у слѣдователя:—тутъ Сибирь.

— Не могу. Сейчасъ должны придти истецъ и отвѣтчикъ, подозрѣніе можетъ быть.

— Ну, когда ихъ проводимъ, тогда можно? Я рано прибѣгу.

— Тогда пожалуй, но все какъ-то не чисто.

— Чтò тутъ не чисто: они будутъ драться, а ты тутъ замерзай!

— Тише, тише, идутъ.

Въ училище распахнулась дверь и въ ней сначала показался кипящій самоваръ, изъ трубы котораго валилъ зеленый дымъ,

затѣмъ узлы съ посудой и разнымъ кушаньемъ, затѣмъ вязанка сноповъ для топки и плетушка, набитая сѣномъ для постели, а за всѣмъ этимъ—истецъ и отвѣтчикъ. Мужики и бабы, принесшіе всѣ эти припасы, одинъ за другимъ подходили подъ благословеніе къ слѣдователю и отъ него переходили съ рукою къ дякону. Дьяконъ, махая рукою, сердито ворчалъ: ну васъ!

Пока учитель занялся самоваромъ, слѣдователь предложилъ судящимся дать подписку такого содержанія:

«Мы нижеподписавшіеся такіе-то, вслѣдствіе указнаго предписанія изъ такой-то консисторіи дали сію подписку, что законныхъ причинъ къ отводу отъ слѣдствія слѣдователя такогото не имѣемъ. Депутатами съ духовной стороны допускаемъ быть того-то и того-то, а съ гражданской того-то. Квартирой для слѣдствія назначаемъ училище. Содержать при слѣдствіи обязуемся какъ слѣдователя, такъ и депутатовъ, а равно и работниковъ ихъ съ лошадьми, въ чемъ прекословить не будемъ; а въ случаѣ, чего будетъ недостаточно съ нашей стороны, то они, слѣдователи, имѣютъ право забирать всякую провизію у кабачника села нашего Парфенія Дмитріева на нашъ счетъ, въ чемъ и подписуемся».

Подписка была прочитана, священникъ подписался, а неграмотному доносителю, Косокову, было предложено просить учителя руку приложить за него.

— Да вы что же, ваше свишшенство, знать, надолго тутъ обсаститесь? спросилъ истецъ Косоговъ, отдавая руку учителю.

— Недѣльку прійдется пожить.

— И депутаты, и работники, и лошади?

— Разумѣется. А не хочешь, такъ посылай за всѣми своихъ лошадей, и послѣ всѣхъ развези по домамъ.

— Да это вы насъ съѣдите! Овесъ нонѣ уродился плохой, сѣна посохли.

— Ну, какъ знаешь. Ты будешь драку производить, а мы не обязаны на свой счетъ васъ тутъ судить; мы жалованья за это ни откуда не получаемъ; свои дома, семейства, хозяйства побросали изъ-за васъ.

— Если-бъ я эту матерію зналъ, я легче-бъ къ судебному бумагу подалъ. Тотъ живо бы оборудовалъ. Намѣднись у барина гумно сожгли, такъ въ одинъ вечеръ половину села допросилъ и сразу человекъ пять въ острогъ засадилъ, безъ всякихъ депутатовъ, и самъ укатилъ въ городъ ночевать. А это что за оказія такая—недѣлю!

— Чудака! къ судебному слѣдователю нельзя на священника бумагу подавать, замѣтилъ истцу дьяконъ:—а ты вотъ лучше

сбѣгай-ка въ кабакъ, да полуштофчикъ ратафійцы какой-нибудь принеси животь погрѣть, а для о. слѣдователя нѣтъ-ли бѣленькаго? онъ водки не вкушаетъ.

Косоговъ удалился изъ училища, а подсудимый батюшка, все время молчавшій, оглянувшись по сторонамъ, досталъ изъ глубокихъ кармановъ двѣ бутылки вишневки и церковнаго и, ставя на столъ, шопотомъ проговорилъ:

— Вотъ вамъ, отцы, грѣйтесь!

Опытный по слѣдствіямъ, дьяконъ схватилъ со стола бутылки и убралъ ихъ подъ парту, въ темный уголъ.

Какъ отвѣтчику при слѣдствіи, о. Михаилу даны были на листѣ бумаги допросные пункты по формѣ. Батюшка прочиталъ ихъ и, глубоко вздохнувши, проговорилъ:

— Истязаніе! обыде мя бездна и кости моя слякошася отъ всей этой напраслины. Позвольте мнѣ на-домъ эти пунктники?

— По закону, вы должны писать отвѣты здѣсь, не выходя изъ слѣдственной квартиры.

— Отпустите его, просилъ слѣдователя дьяконъ: — гдѣ же тутъ написать—оробѣлъ! а тамъ, вокругъ ночи-то, съ матушкой обдумаютъ, какъ лучше показать.

— Пожалуй, ступайте, но чтобы шито-крыто, что отвѣты писали на дому. Слово на слово можетъ наѣхать, порѣшилъ слѣдователь.

— Боже мой, не дай лихому лиходѣю подпасть въ ружье суда! простоналъ батюшка и ушелъ.

Напившись чаю, дьяконъ опять сталъ проситься ночевать къ свату и затѣмъ, опустивъ въ карманъ бутылку наливки, ушелъ. Учитель, стоя на колѣняхъ, топилъ печку снопами; къ нему подсѣлъ и слѣдователь. Грѣясь на жарко пылающемъ огнѣ, они разговаривали.

— Какъ ваше имя, отчество? спросилъ слѣдователь учителя.

— Былъ Иванъ Петровъ.

— Откуда родомъ?

— Изъ села Подонковъ, пономаревъ сынъ.

— Знаю; тамъ мой дѣдушка священствовалъ.

— Не отецъ ли Евланъ?

— Онъ.

— Онъ и мнѣ доводится прадѣдъ по материной теткѣ. Мы съ вами родня.

— Духовные гдѣ ни сойдутся—все родней сочтутся! Лукерья Митревна жива?

— Схоронили.

— Ну, царствіе небесное ей! Кто же теперь на мѣстѣ дѣдушки? Я съ малолѣтства тамъ не былъ; родъ вывелся, такъ и...

— О. Дорофей—важнецкій священникъ! Какія лошади у него, сбруя всякая, куры, гуси, собаки... хозяинъ, одно слово.

— А домъ-то тотъ же?

— Куда! сгорѣлъ. И о. Дорофей-то ужъ погорѣлъ, да счастливо какъ: обгорѣли только стѣны слегка, да соломенный верхъ сполыхнулъ. Приѣхалъ агентъ, оцѣнили весь домъ въ шестнадцать рублей, а застрахованъ былъ въ двѣ тысячи. Получилъ денежки, покрылъ, оштукатурилъ тотъ же домъ, ну, стало сто рублей; а на страховыя денежки дочку за-мужъ за агентову брата отдаетъ. Сгорѣли тоже и мы; вся поповка сполыхнула, да намъ не пришлось попользоваться отъ пожара. Годовъ десять пожарныя деньги платили, а тутъ, какъ на грѣхъ, по бѣдности, прекратили платежъ. Такъ съ угольками и остались.

— Давно въ учителяхъ-то служите?

— Пятый годъ. Еще одинъ годъ остался. Изъ-за солдатчины и пошелъ-то; далъ подписку шесть лѣтъ прослужить, да и тужу: лучше бы въ солдатахъ служить. Да еще грѣхъ догадалъ жентиться, завелось два ребенка; хотъ въ ѳселъ лѣзь.

— Жалованья-то много получаете?

— Шестьдесятъ рублей въ зиму отъ земства, да по пирогу со двора отъ общества святками выговорныхъ.

— Какъ же вы живете на такомъ жалованьи?

— Да такъ вотъ и живемъ. Жена—у тестя съ ребятишками, верстъ двадцать отсюда, а я—тутъ. Какъ суббота, бѣгу къ ней пѣшкомъ, а въ понедѣльникъ пораньше встану и сюда. Вотъ холодъ одолѣлъ, а то бы я благодарилъ Бога.

— Не топятъ, такъ и ученіе закрыли бы.

— Нельзя, жалованье у насъ идетъ помѣсячно. Я заступилъ въ школу съ Покровѣ—и получаю; а прикрой ученіе мѣсяца на два, на три—съ голода, что-ли, помирать?

— Да вѣдь ученія-то и такъ почти нѣтъ?

— А мнѣ что за дѣло? я—вотъ онъ! мнѣ жалованье подай!

— А инспекторъ бываетъ у васъ?

— Вотъ пять лѣтъ и въ глаза не вижу. Охота имъ трепаться! Ему въ городѣ не скучно. Членъ отъ земства побываетъ разокъ, и то развѣ нужда загонитъ, экзамень нужно произвести. Да и не зачѣмъ. Все слава Богу, кормимся помаленьку—и ладно; а мужика не выучить намъ при его работѣ. Что въ зиму выучилъ, то объ рабочей порѣ позабылъ; словно масломъ затянетъ у него голову-то!

— А лѣтомъ какъ же пробиваетесь безъ жалованья?

— Наймешся въ писаря куда-нибудь, къ барину, на мель-

ницу. Да вотъ бѣда: не берутъ, зная, что осенью опять уйду въ учителя. Лошадьми займусь.

— Какъ, лошадьми?

— А вотъ какъ: куплю великимъ постомъ влячъ пятокъ по пятерѣ; иной мужикъ чуть не на лубѣ притащить въ городъ влячу отъ безкормицы продавать, радъ что-нибудь за нее взять, только бы отвязаться. Ну, и бьешь по рукамъ, только приглядываешься, не была бы очень стара. Накупишь—и еѣ отцу, будто онъ купилъ. А у насъ земли церковной много: пустишь въ поле, она хватить травы и начнетъ лянть, только ключья летять. Къ рабочей порѣ, кому не надо — пятнадцать рублей. Ну, да еще святками три прихода осливишь: здѣсь, у тестя, да у отца. Мучицы, пирожковъ, овсеца, курченку сославишь, и питаешься. Какъ дослужу шестой годъ, меня калачемъ не заманишь въ учителя.

Учитель, очевидно, разохотился говорить.

— Да еслибы не морозили меня въ этой школѣ, продолжалъ онъ:—и я бы, благодареніе Богу, жилъ. У насъ одинъ учитель даже капиталецъ нажилъ на должности.

— Это какимъ манеромъ?

— Да вотъ какъ: женился, взялъ приданого двѣсти рублей и пустилъ ихъ по мужикамъ въ оборотъ рубля по два, по три, много по пяти, за два, за три процента въ мѣсяцъ. А съ мужика, когда ему нужда въ деньгахъ, что хочешь бери. Пришелъ срокъ платить, у мужичка денегъ нѣтъ; онъ несетъ учителю курицу, утку, десятка два яицъ или маслица, ветчинки, а проценты сами собою. Вотъ онъ и пируетъ годъ, курятинку поѣдаетъ. Тамъ пришелъ срокъ платить; требуетъ, не отдають — онъ къ мировому, исполнительный листъ, да къ судебному приставу. Приставъ къ мужику: давай, говорить, прогони за приѣздъ, да суточные. Мужикъ видитъ, что дѣло плохо, и отдаеть цѣлую телушку за какихъ-нибудь пару цѣлковыхъ, взятыхъ у учителя взаймы. А телушкѣ-то двѣ красныхъ цѣна. Сведеть учитель въ городъ, продастъ и денежки опять въ тотъ же оборотъ. Чтò же вы думаете! землю себѣ купилъ, хуторъ строить, а учительства все не бросаетъ!

Печка истопилась; учитель полѣзъ на потолокъ трубу закрывать; въ училище вошла матушка, супруга о. Михаила, подсудимаго, и повалилась въ ноги слѣдователю.

— Батюшка! будь отецъ родной, защити попа! Его же прибили и на него же просьбу написали. Сгорѣли, семья большая, мальчикъ, семь дѣвочекъ дѣтвы одной; а тамъ еще мать жива, свояченица засидѣла въ дѣвкахъ — куда мы дѣнемся съ этой оравой! заставь вѣкъ за себя Бога молить...

Слѣдователь старался успокоить матушку, что ничего особеннаго о Михаилу не будетъ: много, если подъ начало пошлютъ, если доносъ Косогова будетъ доказанъ; но матушка не успокоилась и, не вставая съ колѣнъ, умоляла.

— Примите вотъ пирожковъ съ вареньицемъ; прямо съ пылу, для васъ напекла; постарайтесь! умоляла она. — И варенье-то все потрескало на пожаръ; это ужъ помѣщики въ гостинцы навозили, въ утѣшеніе послѣ пожара.

III.

Послѣ топки, стѣны каменнаго зданія въ училищѣ отпотѣли, отъ оконъ повалилъ паръ, изъ печи пахло гарью. У слѣдователя забилось сердце и застучало въ головѣ. Онъ послалъ учителя на чердакъ—открыть трубу, распахнулъ дверь и самъ вышелъ на улицу освѣжиться. На улицѣ бушевала буря, съ неба острыми спицами неслась гололедка, подъ горою на рѣкѣ хлестали волны, на колокольнѣ въ широкихъ пролетахъ играли веревками и позвякивали колокольчиками вѣтеръ. Слѣдователь прижался къ стѣнѣ у двери, съѣжился и слушалъ осеннюю музыку природы. Между небомъ и землею, на горизонтѣ выдвигались силуэты домовъ, съ крошечными огоньками въ окнахъ. Церковный караульщикъ ударилъ въ колоколь—и съ колокольни, порывистыми волнами полилися звуки, забѣгая въ переулки и стараясь ворваться, съвозъ щели, въ самые дома. Сырыя, холодныя, бурныя и угарныя хаты на селѣ казались катакомбами, наполненными живыми людьми, и мелодичные звуки стариннаго волокола какъ будто звали этихъ живыхъ мертвецовъ къ лучшей жизни.

Появленіе слѣдователя въ захоластномъ селѣ всегда приводитъ въ волненіе обывателей. И причастные, и непричастные къ слѣдственному дѣлу—всѣ толкуютъ о дѣлѣ, всякъ на свой ладъ и всѣ боятся, не притянули бы къ слѣдствію. Одни придумываютъ, что показать при слѣдствіи, другіе подыскиваютъ свидѣтелей въ оправданіе, или въ доказательство чего либо, третьи ждутъ попойки, а бабы вкрестятся, моля Бога о скорѣйшемъ избавленіи, какъ отъ нашествія иноплемennыхъ.

Но не одни люди приходятъ въ волненіе, достается и лошадямъ. Одна вляча скачетъ по дорогѣ въ волостное правленіе съ бумагою о командировкѣ депутата съ гражданской стороны, для бытія при допросѣ мѣщедушнаго вѣдомства, другая, спотыкаясь, тащится въ ближайшее село за депутатомъ-священникомъ, для бытія при спросѣ мѣщедушнаго вѣдомства, третья

въ другое село за другимъ депутатомъ съ духовной стороны, четвертая въ городъ за свѣчами, за сеledками для слѣдователей, пятая къ благочинному и проч. и проч. Лошадей пять-шесть разсылается по разнымъ имѣніямъ, по мельницамъ, по рупкамъ, по конторамъ, гдѣ живутъ по найму состоящіе въ отлучеѣ свидѣтели. А тамъ, глядишь, окажется привосновенною къ дѣлу барыня какая-нибудь, которую неприлично привлекать къ слѣдствію въ какую-нибудь курную избу, или угарное училище, ее нужно приводить къ присягѣ и допрашивать на дому. Опять наряжается пара обывательскихъ, и слѣдователь съ депутатами, прижавши къ груди крестъ и евангеліе, ѣдутъ къ допросу почетной госпожи. А тамъ бумаги не хватило, перья затупились, чернила кошка разлила—опять верховой скачетъ въ волость съ пузырькомъ и запиской въ рукахъ. Слѣдствія по духовному вѣдомству продолжаются иногда недѣли двѣ, и гонза обывательскихъ подводъ до того надоѣдаетъ обывателямъ, что судящіеся лица навсегда наживаютъ себѣ враговъ въ обществѣ, а преступленія скрываются иногда изъ-за того лишь, чтобы избавиться отъ нашествия на село духовнаго слѣдователя съ депутатами.

Вотъ проходятъ ужъ сутки, а депутаты только тащатся къ слѣдствію на своихъ сѣро-пѣгихъ парочкахъ. Для слѣдственныхъ лошадей и работниковъ отводится тоже гдѣ-нибудь дворъ на селѣ, по соглашенію судящихся, гдѣ работники, какъ татарскіе тиуны, требуютъ всего, чего просить и ихъ и лошадиная душа.

Депутаты съ духовной стороны пріѣхали, но съ гражданской нѣтъ. Подсудимый приноситъ допросные пункты, противъ которыхъ далъ одинъ отвѣтъ: «не билъ, не рвалъ, хотя и былъ въ сапогахъ съ коблуками, но все это ложь и клевета; а напротивъ, крестьянинъ Косоговъ меня зашилъ плухою, въ лѣвое ухо, о чемъ прошу разслѣдовать».

По порядку, слѣдуетъ предложить эти пункты, съ отвѣтомъ подсудимаго, истцу Косогову, но какъ депутата съ гражданской стороны еще нѣтъ, то дѣло останавливается. Узнаютъ, что командированный волостнымъ правленіемъ депутатъ пируетъ у праздника Введенія, верстъ за пятнадцать. Посылается гонецъ, и такъ какъ депутатъ съ праздника можетъ явиться къ слѣдствію съ больною головою, то, въ виду ускоренія правосудія, посылается другой гонецъ въ волостное правленіе о командировкѣ другого депутата, по случаю отлучки назначеннаго. Разсылкою очередныхъ подводъ въ разныя стороны занимается неотлучно пребывающій при слѣдствіи десятскій, котораго обыкновенно зовутъ въ деревняхъ *пожарнымъ*. Пожарный, выпуча глаза, во всю рысь бѣгаетъ по селу за подводами, за людьми, за виномъ, за табакомъ и проч.

Въ ожиданіи свѣтскаго депутата, слѣдователь заготовляетъ пунктики для доносителя, а духовные депутаты, усѣвшись за ученическіе столы, разговариваютъ между собою.

— Съ учрежденіемъ волостей хорошо стало насчетъ гражданскихъ депутатовъ. Можно приглашать въ депутаты изъ сельскихъ властей: старосту, пожарнаго или самого старшину — все-таки шагъ впередъ! А прежде бывало Сибирь: непременно засѣдателя изъ суда. Онъ одинъ, а слѣдствій производится въ уѣздѣ двадцать—ищи его. А привяжись къ слѣдствію кто-нибудь изъ дворянъ, такъ приглашай еще дворянскаго засѣдателя! Теперь, слава Богу, при мужикѣ допрашивай кого угодно.

— Ужь и попили мы разъ на слѣдствіи съ дворянскимъ депутатомъ—ухо былъ баринъ! Помните Кубарева?

— Помню, какъ же!

— Такъ вотъ онъ. Судили одну барыню: съ кнутомъ въ церковь зашла въ праздникъ, въ рабочую пору, и выгоняла отъ обѣдни своихъ крестьянъ снопы возить. Дѣло-то важное, кошунствомъ пахнетъ... Какъ покажетъ, бывало, кто, что барыня дѣйствительно махала по церкви кнутомъ, его, милаго дружка, черезъ сѣнцы да въ другую избу—и драть!

— Отчего это у насъ до сихъ поръ не вводятъ судебной реформы, какъ у свѣтскихъ? Писали - писали, только аппетитъ раздражили. Мировой-то судья — милое дѣло: назначилъ день, созвалъ свидѣтелей, разобралъ и рѣшеніе готово. А у насъ ишутъ, ишутъ, а когда рѣшенья дождешься!

— Другой помретъ и сорочки справать по немъ, а рѣшенія все нѣтъ. Да вотъ мы, девятый годъ пошелъ, какъ въ Сиволдаевѣ на слѣдствіи всѣ госпожики (съ 1-го по 15-е августа) прожили—тамъ у діакона на дворѣ разнощиковой лошади хвостъ отрубили—а рѣшенія о хвостѣ и до сихъ поръ нѣтъ.

— Мироваго судью необходимо намъ, хоть бы одного на уѣздъ. Помилуйте: въ Подопѣнкахъ судились причетники, и дѣло-то изъ пироговъ вышло... и что-жъ! дьячки давно помирились и покумались, живутъ ладно — глядь, года черезъ два приходитъ указъ—подъ начало одного. Такая-ли вражда поднялась между ними опять, передрались, чуть одинъ другого топоромъ не сбѣкъ. А будь мировой судья, живо дѣло бы рѣшилъ!

— Дѣло нашихъ судебныхъ реформъ, должно, застряло отъ того, что древнія каноническія правила не позволяютъ. Кто ихъ смѣетъ измѣнить?

— Да люди. По этимъ правиламъ сказано: за такой-то грѣхъ дванадесать лѣтъ да не причастится, за такой-то двадесать—по пробуйте-ка нынѣ отлучить отъ причастія на такой срокъ—пожалуй, такъ одичаютъ, что палкой въ церковь не загопишь.

— Что-то вы, отцы, про мудреное заговорили, обратился къ депутатамъ писмоводитель-дьяконъ:— не угодно-ли лучше отвѣдать моего табачку, съ бобкомъ самъ тру. Да послушайте, что я вамъ расскажу про старину.

— Можно. Иди, садись къ печѣ, въ уголокъ.

Дьяконъ угостилъ депутатовъ табачкомъ изъ лубочной тавлинки, усѣлся въ уголокъ и началъ рассказъ.

— Лѣтъ тридцать, побольше тому назадъ, мой отецъ ѣзжалъ съ благочиннымъ по селамъ, въ кучерахъ—вотъ пожили-то! Тогда благочинный въ своемъ округѣ былъ все-равно, что графъ, или князь въ своемъ имѣніи. Обѣзжалъ онъ округъ три раза въ годъ: отсѣявшись весной, да послѣ рабочей, да филипповками, въ ноябрѣ. Тогда вѣдъ бумагъ было мало, писали чуть-чуть, а занимались больше ѣдой — пированіемъ. Да ужъ и жутко-же доставалось духовенству! Только спустятъ со двора благочиннаго—отпирують, глядъ ломится повытчикъ изъ правленія. Особливо святками славить: одинъ за другимъ, словно волки.

— И взаправду славили?

— Честь-честью, во фракѣ, съ ясными пуговицами; расчитить бакебарды, станеть передъ образами и поетъ: «Христось рождается...» А въ передней ему подтягиваетъ правленскій сторожъ. Прославятъ и разсудутъ: поворачивайся хозяинъ съ хозяйшкюю, угощай! Ѣзжали они на подводахъ духовенства, отъ села до села. Повытчикъ займется застрачиваніемъ батюшки вновь поступившими указами и предложеніями своихъ услугъ спасти отъ нихъ батюшку, а сторожъ — перегрузкою на новую подводу всякой всячины, наславленной по селамъ. А въ присутственнымъ днямъ, послѣ святокъ, и съѣзжаются въ городъ. Впереди везуть, парочкой, на санкахъ съ рѣшетчатымъ задкомъ, самого повытчика, а за нимъ обозъ: куры, утки, гуси, ковриги, пироги, волна, поярки, поросята, овесъ, пакля... Всѣмъ собирали.

— И вся живность живьемъ?

— Нѣтъ, больше въ мерзломъ видѣ. Благочинные—тѣ собирали больше живьемъ, когда обозрѣвали церкви. Ѣдетъ, а въ волѣняхъ у него сидитъ индюкъ, заводскій гусакъ бойцовый, или поросенокъ чуждой визжитъ въ мѣшкѣ подъ передкомъ, или щенокъ овчарный побрехиваетъ съ повозки. Благочинные не выславливали, а скажетъ бывало: ну-ко, отецъ святой, пройдемте-ко по вашему хозяйству, посмотримъ, какъ умѣете домъ свой право-правити и о церкви радѣти... И пойдуть.

— Не даромъ въ тѣ поры, тысячей не жалѣли, чтобы въ благочинные пролѣзть!

— Да нынѣ, пожалуй, не лучше! придумали выборы, благо-

чинный-то, прости Богъ, какъ бѣсъ передъ заутреней вертится промежъ духовенства да высшаго начальства. Еще-таки иной *засмѣшливый* походитъ на начальника, а выберуть гольтепу — онъ хуже прежняго сторожа правленскаго шляется.

— Да, не тотъ былъ прежде народъ! Помню, бывало, о. Яковъ: въ него сколько хопъ лей, только краснѣеть, да попыхиваетъ, какъ паровикъ. Дни по три пировали въ селѣ, ѣздили не спѣша, не успѣвали и приготовиться: убрать, подмести, рыбки половить въ постному дню. Да вотъ какъ ѣзжали: съ Вознесенья до рабочей поры, съ рабочей поры до Покрова и съ филипповскихъ заговнѣевъ вплоть до Рождества. Разъ какая оказія была: прѣѣзжаетъ это благочинный въ село Поскоино. Батюшка тамъ чудакъ былъ, о. Митрій. Завидѣлъ онъ пару благочинническихъ лошадей въ раздугой повозкѣ, схватилъ съ одушишка церковные ключи и дервѣ изъ дома, спрятался на огородѣ въ конопля. Дьякона тамъ не было, дьячки случились на гумнѣ; завидѣли, что попь бѣжалъ и тоже попрятались. Прѣѣзжаетъ прямо къ священнику въ домъ, матушка одна. Перепугалась сердечная. Благочинный съ похмѣлья, сердитый: гдѣ, спрашиваетъ, о. Митрій? Матушка дрожить: нѣтути, говоритъ, въ дальнюю деревню соборовать уѣхалъ. Послали за дьячками—никого нѣтъ. «Ключи, кричитъ, давай, церковь обозрѣвать!»—и ключей нѣтъ. Матушка водочки, наливочки изъ спальни вынесла, умоляетъ заѣхать на обратномъ пути. Опохмѣлились и поѣхали дальше. Ёдутъ мимо церкви, перекрестились, смотреть, а въ трапезной всѣ окна распахнуты настезь. Была весна, день жаркій. Остановились, благочинный слѣзь, пошелъ полюбопытствовать, облокотился на окно да и кричитъ тятенькѣ: Макаровъ, иди-ко сюда! Тятенька бѣжить къ церкви, смотреть—анъ вся трапезная увѣшана окороками ветчины и просольными гусами. Провяливаются, значить, на сквозномъ вѣтру ¹. «Залѣзай, говоритъ Макаровъ, волокни, и суда не будетъ». Рѣшетокъ въ окнахъ не было—цѣлую повозку наворотили провѣсу—и въ путь. Простецкій народъ тогда былъ! Поди-ко, провѣсь нынѣ въ трапезной ветчинку, такъ тебя, какъ зисъ, самого за ноги повѣсятъ!

— Нѣтъ, ты расскажи, о. дьяконъ, что дѣлалось въ старину у благочинныхъ въ новый годъ, при сдачѣ отчетностей годовыхъ!

— Чего ужъ! съ новаго года и до самаго Срѣтенья шла питра да возня. Тогда вѣдь грамагѣ знали только кое-какъ руку приложить, а счету никто не зналъ. Этихъ отчетностей по церквамъ и знать не знавали, чтобы круглый годъ писать—вотъ и писывали на дому у благочиннаго за весь годъ. Народу, бывало,

¹ Бѣль.

набѣтся и на печи, и на полатахъ, и на хорахъ, и за столомъ. Тамъ попы, тамъ дьяконы, тамъ дьячки, только косматыя головы да пучки и торчатъ съ полатей и изъ-за трубы. Тутъ всемъ предоставлялась полнѣйшая вольгота: пей, ѣшь, пой, играй въ карты по носамъ, подсолнухи грызи сколько душѣ угодно. Поэтому все навезуть этой мерзлой живности видимо, невидимо. Самъ о. благочинный, бывало, къ новому году браги наварить бочки двѣ. А чтобы забористѣй была, папуши двѣ листоваго табаку, махорки, въ бочку на дно съ камушкомъ опустить. Въ избу благочинный и глазу не казалъ — не тревожилъ, а требовалъ кого нужно въ горницу. Книги по всемъ мѣсяцамъ росписывали и концы сводили въ горницѣ: писака дьяконъ Ксенофонтъ косою, да пьяница Степанъ Филипповичъ—такой былъ изъ казначейскихъ приказныхъ отставныхъ. А самъ благочинный только расхаживается, покряхтываетъ, да руководить дѣломъ. Тутъ же по угламъ, по задверкамъ, его дѣти-семинаристы стоятъ. Кому гривенникъ, кому пятялтынникъ духовенство одѣляетъ, рублей по десяти набирывали себѣ на черепенники въ семинаріи. А матушѣ благочиннаго перепало изъ глубокихъ кармановъ: чайку фунтикъ, утиральничекъ шитый, сученыхъ ниточекъ, куделичка отъ праведныхъ трудовъ попадти какой-нибудь, а не то такъ и головку сахарцу изъ подъ полы. При сдачѣ церковныхъ денегъ въ такъ-называемую *отсылку*¹, одѣляли писарей, при чемъ шла торговля, съ указаніемъ на дороговизну подметокъ, нанки на полукафтанье и т. п. Собирали на ремонтъ очковъ особо. Такъ, по указанію, и клали на столъ въ разбитымъ громаднымъ мѣднымъ очкамъ. Собирали на сургучъ, на печать. Церковные старосты, въ качествѣ кучеровъ, тоже присутствовали при сдачѣ книгъ и тоже призывались къ расчету. И когда книги и отчеты готовы, то прибѣжить кто-нибудь изъ горницы въ избу, отворить дверь, крикнуть: «эй, Выдуваловскіе—къ подлису! къ рукоприкладству!» Приложить руку — и домой, а на мѣсто ихъ новенькіе подѣзжаютъ. Пиръ горой. Дня по три живали.

Погуда шли эти разговоры, слѣдователь кончилъ составленіе вопросныхъ пунктовъ для истца и, въ ожиданіи депутата съ гражданской стороны, тоже пристроился къ бесѣдующимъ.

— Слушалъ я, слушалъ васъ, обратился онъ къ нимъ: — ты, дьяконъ, чудеса рассказываешь.

— Истинная правда, мы вѣдъ жили рядомъ съ благочиннымъ,

¹ Куда эти деньги отсылались никто не зналъ — *отсылка* и все тутъ. И теперь многіе не знаютъ назначенія собираемыхъ съ церкви суммъ.

я тогда не великъ былъ, а отецъ, какъ пріѣдетъ съ обзора, все и рассказываетъ. А гусятину - полотки, какъ сейчасъ помню, самъ ѣлъ. Что же, жизнь была славная! Все по просту, и побранятся, и подерутся, бывало, да сейчасъ же помирятся, въ ноги другъ другу, цѣлованіе, питра поидетъ. И судовъ этихъ меньше было. Бывало, пожалуется батюшка на причетника о благочинному, заберетъ его благочинный въ половень, отдубаситъ суковатой палкой—и судъ весь.

Учитель, во время этихъ разговоровъ, смиренно прислушивался, поддакивалъ и съ своей стороны кое-что рассказаль про своего тятеньку, какъ пономарь пирнулъ его иглой въ бокъ во время чтенія апостола при свадьбѣ, какъ тятенька страннымъ голосомъ свильнулъ въ бокъ, такъ что весь народъ захохоталъ, и какъ слѣдствіе объ этомъ длилось недѣли двѣ.

— Какъ бы намъ такъ-то не прожить! замѣтилъ одинъ депутатъ.

— У меня овесъ не молочень, а подморозило—самая бы мольба!

— Двѣ не двѣ, а на недѣлку хватить дѣла. Вотъ депутатъ у праздника. Г. учитель! потрудитесь послать десятскаго, просиль слѣдователь.

Изъ сѣней моментально явился десятскій—пожарный.

— Что же ты, братецъ, дремлешь? депутата давай.

— Не могу знать, ваше священство, двухъ верховныхъ разо-слать... Да вотъ никакъ кто-то подѣхалъ, не онъ-ли? Тамъ и есть, староста Селифанъчъ. Да наврядъ годится!

Дверь отворилась и, цѣпляясь руками за притолки, позаялся депутатъ Филать Селифановъ Огурцовъ. Онъ вошелъ, прислонился спиной къ стѣнѣ и хотѣлъ молиться, но рука не поднималась, глаза слипались и онъ бормоталъ:

— Ей-Богу, ни въ чемъ неповиненъ, судьи праведные, и зачѣмъ это меня къ слѣдствію притянули... ослобоните!

— Ничего, ничего, уговаривалъ депутата слѣдователь: — ты вотъ проходи сюда и только сиди.

Депутата усадили въ уголъ, гдѣ онъ, покачивая головой, продолжалъ бормотать, что онъ ни въ чемъ не повиненъ. Приступили къ допросу истца Косогова. Косоговъ никакихъ отвѣтовъ не даетъ. Долго слѣдователи уговаривали его и ласками, и угрозами: не дамъ, говорить, повремените до завтра. Напи слѣдователи пообѣдали, настлали по полу въ училищѣ сѣна, выпались и за вечернимъ чаемъ, отъ нечего дѣлать, снова принялись за рассказы про старину, про училищную дерку и проч.

IV.

На утро, слѣдователи не успѣли еще порядкомъ умыться, прибыль къ слѣдствію истецъ Антипъ Косоковъ, съ адвокатомъ изъ города. Слѣдователь, депутаты и дьяконъ, въ разстегнутыхъ полувафтаньяхъ, стояли въ разбивку одинъ за другимъ и молились Богу, на перерывъ приговаривая шепотомъ: Боже очисти мя!.. Боже милостивъ буди мя грѣшн... Учитель хлопоталъ вокругъ кипѣвшаго самовара. Курносый, угреватый, изтерханный адвокатъ изъ города помялся, помялся сзади молящихся и закурилъ папиросу.

— Это что значить? Кадило что-ли? обратился къ нему хриплымъ, съ просонья, басомъ дьяконъ. — Хотите, журналъ составимъ? бросьте папиросу, говорю, бросьте!

Адвокатъ поморщился, передразнилъ дьякона языкомъ и бросилъ папиросу.

Дьяконъ зналъ этого мужицкаго опивалу и терпѣть его не могъ, какъ конкурента въ писаніи мужикамъ прошеній, условий, духовныхъ завѣщаній и проч.

— Вамъ что угодно? обратился къ адвокату слѣдователь.

— Это мой аблакатъ, я его на всю тягу подрядилъ за полусотенный, отвѣтилъ за адвоката Антипъ Косоковъ. — Извольте допрашивать его теперь, а меня ослобоните.

Адвокатъ, заштатный, спившійся приказный бывшаго уѣзднаго суда, молчалъ и только глубокомысленно морщилъ лобъ.

— При слѣдствіи какой-же можетъ быть адвокатъ! обратился къ ходатаю слѣдователь:—вы вѣдь не были свидѣтелемъ событія, васъ не били, жилетку на васъ не рвали?

— Это точно такъ, но...

— Нѣтъ, ужъ увольте. Вы можете быть въ домѣ у Косогова, давать ему совѣты, а при слѣдствіи вы не нужны.

— Все равно, пойдемъ, Антипъ Иванычъ, мы и изъ двора ихъ достанемъ! проикалъ, шепелява, адвокатъ и ушелъ съ истцомъ.

Проходить еще почти сутки, а объясненій отвѣтчикъ не несетъ. Слухи носятъ, что онъ на всю ночь куда-то ѣздилъ и пріѣхалъ уже передъ свѣтомъ. Посылаютъ, понуждаютъ его, а онъ все пишетъ. Наконецъ, городской адвокатъ прислалъ предлинную бумагу, въ которой, со всѣмъ приказническимъ искусствомъ, изложилъ неправильность производства и донесъ, что подсудимый отлучился изъ села якобы къ требъ, а на самомъ дѣлѣ, для подпаиванія свидѣтелей. Слѣдователи отъ скуки рады хоть какому-нибудь дѣлу. Снова надѣваютъ рясы, отерываютъ засѣданіе и обдумываютъ: что дѣлать съ этой бумагою?

Не успѣли еще окончить громаднаго журнала, по поводу вѣдущаго заявленія адвоката, какъ является отвѣтчикъ, священникъ о. Михайлъ, и тоже предъявляетъ бумагу. Слѣдователи рады, что наконецъ-то оправдательные пункты прибыли, но обманулись: въ бумагѣ было изложено заявленіе, что истецъ, крестьянинъ Антипъ Косоговъ, всю ночь пропьянствовалъ съ своимъ адвокатомъ въ кабацѣ, гдѣ было много съ деревни народа, и Косоговъ, уговаривая свидѣтелей, поилъ ихъ виномъ.

Проводивши отвѣтчика, слѣдователи приступили къ обсужденію его заявленія. Они нашли, что «духовныя власти хотя и вооружены гражданскимъ депутатомъ, но, при всемъ томъ, не могутъ вліять на мірскія сходки—разгонять ихъ или вчинять преслѣдованія на счетъ подпайванія ложныхъ свидѣтелей; а потому постановили: заявленіе отвѣтчика Острозорова, для видимости, пришить къ дѣлу».

Затѣмъ, въ ожиданіи дальнѣйшихъ отвѣтовъ, слѣдователи, передъ чаемъ, вечеркомъ, въ сумеркахъ, уткнувшись въ окна училища и смотрѣли на толпу народа у кабака. Тамъ, въ толпѣ мужиковъ, шла пляска подъ гармонику. Въ воздухѣ играла безцвѣтная поарковая, черепенникомъ, шапка. Это плясалъ адвокатъ Косогова, среди загулявшихъ свидѣтелей.

— По закону, вѣдь намъ слѣдуетъ составить журналъ на счетъ этой пляски? замѣчаетъ слѣдователь.

— Что-жь, развѣ долго? называется съ услугами дьяконъ-писмоводитель:—я ему всѣ гудки и присядки въ журналъ занесу—не такъ загудеть.

Въ училище входитъ матушка съ горячими аладьями.

— Что же, оправданіе-то скоро? Вы напрасно беспокоитесь съ угощеніемъ; у насъ аладьи еще вчерашніе есть, обращается къ матушкѣ слѣдователь:—оправданіе бы поскорѣй.

— Пишетъ, все пишеть, жалобно отвѣчаетъ матушка. — А аладиевъ-то тепленькихъ лучше! какъ можно сравнить вчерашніе? И то ужъ въ сумеркахъ прокралась. Слѣдятъ, океаннине.

— Ничего, ничего, тепленькихъ лучше; спасибо, матушка, одобряетъ дьяконъ:—а мы вотъ описываемъ пляску у кабака—ужъ и раскатимъ же!

— Получше ихъ, получше! вотъ четвертый мѣсяцъ всѣ съ кругу спидись, по милости этой драки, умоляетъ матушка.

— Я ихъ всѣхъ въ острогъ засажу по журналу! похваляется дьяконъ, надѣясь впоследствии выпить у оправданной стороны.

— Богъ съ ними; намъ бы хоть самимъ-то не слетѣть съ глѣзда. Куда мы пойдемъ съ экой оравой!

Распахивается настезъ дверь, и въ нее врывается пьяный адвокатъ и оретъ во все горло:

— Вы что же тутъ, къ празднику, что-ли, прѣехали? вамъ угощеніе носить! Не можете вы слѣдовать! вы, на основаніи 299 статьи XV тома свода законовъ, изданія 1857 года, пункта 2-го, находитесь въ *пріязни* съ подсудимымъ! Закрѣпить слѣдствіе!

Матушка юркнула въ дверь изъ училища; слѣдователи остолбенились.

— А вы какое же имѣете право врыватья на слѣдственное производство въ такомъ видѣ и бушевать? Возьмите его, ведите вонъ! обратился слѣдователь къ гражданскому депутату.

Плечистый староста-депутатъ подрался къ адвокату сзади, схватилъ его въ охапку и, при помощи учителя, вынесъ вонъ.

— Какъ же теперь быть! надобно новый журналъ писать! обратился письмоводитель къ слѣдователю.

— Зачѣмъ новый, просто пишете тутъ же: «причемъ въ квартиру слѣдствія ворвался неизвѣстный человѣкъ, именуя себя адвокатомъ истца Антипа Косогова, и...»

— Теперь давайте вотъ что, отцы! предложилъ дьяконъ, кончивши журналъ: — потребуемте содержаніе отъ Антипки Косогова. Батюшка трое сутокъ содержитъ насъ, а онъ еще крохи одной не прислалъ.

— Ну его къ шуту! это ихъ дѣло; мы не голодны, и ладно.

— Какъ хотите, а я-бъ его вздулъ. Мы разъ производили слѣдствіе—не хуже этого шельма истецъ попался. Въ подпискѣ о содержаніи прописали забирать у дворника на его счетъ. Дѣло было передъ масляницей. Мы и забирали—дѣловыхъ на сорокъ его вздули. Я себѣ на всю масляну привезъ со слѣдствія судаковъ. Да, право слово, что на нихъ смотрѣть — не судись!

V.

Наступила ночь. Slѣдователи, дописавши журналъ, усѣлись вокругъ стола, гдѣ грохоталъ кипявшій самоваръ и, между чайной посудой, тѣснились врендели, бѣлый хлѣбъ, игра, чай и сахаръ на черновыхъ журналахъ. Slѣдователямъ хорошо чувствовалось. Они были сыты, покойны; дѣла почти нивакого; что видятъ, слышать, то и записывай. А между тѣмъ, имъ льстила мысль, что они—начальство, рѣшающее судьбы людей.

Проживши трое сутокъ, они до того обжились, что готовы были хоть весь вѣкъ изображать изъ себя начальство, особенно дьяконъ, который отдыхалъ, стараясь забыть домашнюю скудость.

На зорькѣ всѣ проснулись, и, не поднимаясь, всякъ думалъ

про свое домашнее. Живы ли домашніе? Вотъ молотба—первый сортъ, а безъ хозяина товаръ—сирота. Дьяконъ отъ думы даже приподнялся въ своемъ логовѣ у печки и, пропуская тонкой стружкой въ носъ табачокъ, обдумывалъ: чѣмъ зиму протопиться?

Общую думу нарушило неожиданное появленіе о. Михаила съ огромною тетрадью оправданія.

— Ужь извините, отцы, что долго. Вѣрите ли, прислониться негдѣ: ребяташки, угаръ! извинялся подсудимый, оправляя измятую ряску.—Три раза переписывалъ на-бѣло.

— Ничего, ничего, успокоивали подсудимаго полулежавшіе слѣдователи:—намъ законъ велить трое сутокъ ждать. Вы теперь можете отлучиться; позовемъ, когда будетъ нужно.

Подсудимый, униженно кланаясь, скрылся въ дверяхъ.

— Ну-ка, о. дьяконъ, почитай, а мы послушаемъ, пробасилъ депутатъ.—А вы, г. учитель, на счетъ самоварчика бы...

Дьяконъ поставилъ у своего изголовья на скамейку сальный огарокъ, надѣлъ очки, кашлянулъ баскомъ и началъ читать. Въ оправданіи прописано было все житіе подсудимаго, наполненное фактами смиренія и такой приниженности, что уничтожалась всякая возможность топтать ближняго ногами и рвать жилетки. Въ доказательство были приложены копии съ семинарскаго аттестата, съ похвальнаго листа отъ палаты государственныхъ имуществъ за одобрительное прохожденіе должности сельскаго учителя, и приведена цѣлая дума свидѣтелей.

— Ну, слава Богу, по крайней мѣрѣ, теперь намъ работа есть, проговорилъ слѣдователь, дослушавъ оправданіе и поднимаясь съ широко взбитой постели на полу.

Напившись чаю, слѣдователи сами, при помощи учителя и явившагося къ слѣдствію гражданскаго депутата, очистили квартиру отъ сѣна, соломы, доскутковъ бумаги, вынесли весь хламъ и формально открыли засѣданіе. Обсуждая такъ-называемыя судныя рѣчи, то есть, допросъ, доказательство и оправданіе, они выбирали изъ нихъ свидѣтелей, вписывали документальныя доказательства и розыскивали противорѣчія. Все это записывалось на-черно и потомъ вошло въ огромнѣйшій протоколъ, набитый выраженіями: засѣдали, обдумывали, обсуждали, нашли и постановили или положили.

Свидѣтелей набралось человѣкъ до пятидесяти. Стали ихъ пересчитывать; гражданскій депутатъ только качалъ головой, да покряхтывалъ.

— Ты что, Кузьмичъ, качаешь головой? спросилъ депутата дьяконъ.

— Да что, слушаю-слушаю—вихорь ихъ собереть, эфтихъ свидѣтелей! Кто на мельницѣ, кто на рушкѣ, кто при чугунахъ—всѣ въ разбродѣ. Коли-бъ въ то время допросъ, ну, всѣ жили дома, а то кдю пору хватились.

— Ну, братъ, какъ знаешь, собирай; ты для того здѣсь и за-сѣдаешь.

— Да ихъ ежели всѣхъ собрать—и къ Рождеству не кончить дѣла. Ванюха вонъ Корпухинъ володезями занимается; онъ въ другомъ уѣздѣ въ подземельи сидитъ, въ Бучилвахъ, версть семьдесятъ будетъ.

— Посылай и въ Бучилки; дѣло казенное, самъ знаешь. Ты за-чѣмъ сказалъ, гдѣ Корпухинъ? ты бы сказалъ: неизвѣстно, гдѣ обрѣтается; мы бы такъ и прописали: оставить безъ допроса, по причинѣ неизвѣстности обрѣтаемости. На это у насъ есть статья.

— Да что тутъ допрашивать! пропишемъ, что все село передралось, ну, и батюшкѣ въ дракѣ зашибли, приложимъ руки и пошлемъ! предлагалъ гражданскій депутатъ, въ виду затрудне- ній собирать свидѣтелей.

Но какъ ни возражалъ гражданскій депутатъ, а все-таки при- нужденъ былъ собирать народъ, рассылая гѣшихъ и наряжая обывательскія подводы. Къ вечеру собралось человекъ десять свидѣтелей. Ихъ нужно привести къ присягѣ, причемъ должны быть истецъ и отвѣтчикъ. Вызываютъ. О. Михайлъ пришелъ и принесъ съ собою священныя вещи, нужныя для приведенія къ присягѣ, а истецъ, Антипъ Косоговъ, не хочетъ быть при при- сягѣ, посылаетъ своего адвоката; но адвоката не приглашаютъ. Какъ тутъ быть? Пишутъ журналъ объ этомъ происшествіи и полагаютъ привести свидѣтелей къ присягѣ въ отсутствіи истца.

Пока писали журналъ, гражданскій депутатъ рассказывалъ, что Антипъ Косоговъ подрался съ своимъ адвокатомъ и намялъ ему бока за то, что взялъ полусотку за всю тягу и ничего не пишетъ во время слѣдствія, только на его счетъ пьянствуетъ, да съ бабами пляшетъ у кабака.

Стало вечерѣть. Въ училищѣ стояла толпа лохматыхъ мужи- ковъ и пригорюнившихся бабъ. Учитель зажегъ восковой ога- рокъ и прильбливалъ его къ заплывшейся иконѣ. Слѣдователь напяливалъ на голову измятую скуфейку, депутаты одѣвались въ рясы. Молчаніе.

— Мать Пресвятая Богородица, до чего дожили — о! отро- дясь такой страсти не видали, трепетно шептала баба: — ни сномъ, ни духомъ не знаю, и сама не придумаю, въ чемъ по- палась.

— Поживешь на вѣку, всего навидеешься, утѣшалъ ее старикъ:—твое дѣло бабѣ, а мнѣ вотъ довелось на вѣку присягнуть проглотить, на возу не повѣшь. Зазвенѣлъ колокольчикъ по сѣлу—ну и жди, позовутъ въ понятные, и присяги не миновать.

— Будетъ вамъ гутарить! что вы шепчетесь, какъ раки въ чугуны! замѣтилъ блюститель порядка, гражданскій депутатъ.

Всѣ смолели.

— Ну, ребятушки, поднимите руки вверхъ и сложите персты, какъ молитесь, и повторяйте за мною слова, скомандовалъ одинъ изъ депутатовъ въ эпитрахили.

— Меня ослобоните, я ни въ чемъ не повиненъ, за что я буду брать на душу присягу? умолялъ одинъ свидѣтель простячекъ.—Я въ тѣ-поры огурцы караулилъ, люди дрались, а ты присягу глотай!

— Нельзя, нельзя, уговаривалъ слѣдователь.—Что знаешь, то и скажешь намъ, тебя не винять.

— За присягу-то, небось, на томъ свѣтѣ надѣтъ отвѣтъ отдать, а я ни въ чемъ не причиненъ.

— Будетъ толковать, Корнѣичъ, авось не ты одинъ, уговаривалъ гражданскій депутатъ.

Корнѣичъ вздохнулъ и согласился.

— А я не могу присягу принять—ослобоните, просилъ паренъ молодой.

— Почему?

— Я третьи сутки съ хозяйкой у праздника пирую, меня прямо отъ праздника схватили.—Сами, небось, знаете—дѣло молодое...

— Дурашка, да ты добѣги, передѣнь рубаху — и присягни, уговаривалъ одинъ изъ депутатовъ.

— Я не здѣшний, гдѣ я возьму, кто мнѣ рубаху дастъ.

— Для этого случая дадутъ. Авось тебѣ на минуту.

— Нѣтъ, ослобоните, не могу. Пойду я по деревнѣ рубаху разыскивать—ни за что!

— Эка досада, горевалъ депутатъ.—Еслибъ лѣто, можно бы его въ рѣчку отправить. А все-таки похвально. Благочестіе!

Наконецъ, толпа свидѣтелей подняла перстосложенныя руки вверхъ, для компаніи съ ними поднялъ свою жирную руку и гражданскій депутатъ. Только было задекламировалъ депутатъ въ эпитрахили: «Азъ нижепоименованный общаюсь въ влянусь»... какъ въ слѣдственную квартиру ворвался адвокатъ Косогова и во все пьяное горло заоралъ:

— Что вы тутъ дѣлаете? развѣ не видите, что солнце сѣло.

а по захожденіи солнца куда ваша присяга годится!.. закона что-ли не знаете!

Всѣ смутились, опустили руки и, вмѣсто присяги, принялись выпроваживать буяна изъ квартиры.

— На него надо донести полиціи, взять его, отправить! кипятился одинъ изъ духовныхъ депутатовъ.—Что-жь это будетъ?—ходу не даетъ!

— Позвольте-ка, о. Иванъ, онъ вѣдь правъ: по захожденіи солнца, къ какому дню прикажете отнести присягу? Нынѣшній прошелъ, а завтрашній не приходилъ, а въ законѣ прямо сказано, что по вчерашней присягѣ не допрашивать.

Свѣчку у иконы потушили, евангеліе прикрыли и народъ разошелся. Слѣдователь стащилъ съ макушки скуфью, депутаты раздѣлись и принялись за неизбѣжное чаепитіе.

VI.

— Опишемте пока, отъ нечего дѣлать, вещественныя доказательства, предложилъ письмоводитель-діаконъ, у котораго истощился весь запасъ разсказовъ про былое время.

— Что-жь, недурно, согласился слѣдователь.—О. Иванъ, потрудитесь-ка взять вещи и продиктуйте, такъ сказать, съ натуры.

О. Иванъ взялъ изорванную жилетку и, поворачивая ее въ рукахъ передъ свѣчкой, диктовалъ:

«— Жилетка желтаго демикатона, съ плисовыми обшлагами, на дикаго цвѣта каленкоровой подкладкѣ, съ мѣдной пряжкой на спинѣ—ветхая. Разодрана въ трехъ мѣстахъ сіяніемъ: спереди, наперекоски, отъ живота къ уху, и поперекъ, отъ пуговиць подъ мышку, сзади вдоль спины до затылка. Пуговиць при ней было шесть, но въ наличности лишь одна — роговая, отъ остальныхъ остались лишь мочки».

— Отлично, крикнулъ діаконъ, поставивши точку. Жилетка готова, давайте рубаху.

«Рубаха полинявшаго кумача»... диктовалъ депутатъ.

На утро, лишь только дискъ солнца воснулъ горизонта и свѣсивыми лучами освѣтилъ искристо-морозное утро, толпа свидѣтелей, съ поднятыми вверхъ перстосложенными руками, уже присягала въ училищѣ. Послѣ присяги, свидѣтели всѣ вышли въ сѣни на морозъ и начался допросъ по одиночкѣ.

Слѣдователь съ письмоводителемъ шуршать бумагами, свидѣтель, въ новыхъ лапоткахъ мужичечь, съ курчавой, помятой бородою, распутивши полы зипува, сложа толстые, мозолистые и

грязные пальцы, трепетно стоялъ среди училища, пережимаясь съ ноги на ногу. Изъ косматой, нечесанной головы торчалъ у него длинный пустой колосъ. Бородка слегка присыпана мякиной. Отъ него несло гарью курной избы и овина. Слѣдователь надѣлъ скуфейку и усѣлся по срединѣ за столомъ, депутаты, какъ сіамскіе близнецы, сѣли рядомъ, письмоводитель приладился съ перомъ къ бумагѣ и апатично, но съ важностію осматривалъ свидѣтеля съвозъ очки съ ногъ до головы. Гражданскій депутатъ, сложивъ руки назадъ, стоялъ у двери на-чеку, чтобы перепускать къ допросу свидѣтелей, какъ овецъ, для счета. Одного выпихнуть въ дверь, позоветъ другого и прихлопнетъ дверь.

— Ну, другъ мой, ты принявъ присягу, начинаешь слѣдователь:—скажи намъ сущую правду, о чемъ мы тебя спросимъ.

— Съ чего-жь мнѣ грѣхъ на душу брать, авось мнѣ никто не кумъ!

— Отлично. Какъ тебя зовутъ?

— Былъ Свиридъ.

— По отчеству?

— Пахнутевъ былъ.

— Вѣры ты какой?

— Знамо, не турка; хрестыанской, какой же больше?

— Грамотѣ знаешь?

— Какая грамота—допрежде не учили.

— У исповѣди и св. причастія былъ?

— Пролшый годъ былъ, а нонѣ не успѣлъ, съ средохрестной пошелъ овсяный сѣвъ... въ рабочую пору на дому причащался, животь схватило.

— Подъ судомъ былъ?

— Грѣшенъ. Въ чижовѣ разъ высидѣлъ недѣлю за подани.

— Ну, это ничего. Расскажи ты намъ теперъ про драку на Ильинъ день?

— Драка была... Боже мой!..

Свидѣтель зажмурился и закачалъ головой.

— Кто же кого билъ?

— Да всѣ передрались. Дѣло было поздно въ вечеру, поужинавъ это я и пошелъ въ половень на гумно спать—слышу, гамать на выгонѣ. Сперва подумалъ возлѣ кабака. Ладно. Прилежъ въ мякину, слышу—дѣло не рука, шумъ подбавляется и почиживать зачали. Дай пойду, погляжу. Вышелъ за плетень и вижу, по выгону-то словно боровья валяются, крихтять, другъ на другѣ елозаютъ... Съ деревни народъ бѣжить, разнимаютъ; весь выгонъ запланили, до самого Антипина задворка, какъ раки расползлись, а чурки-то отъ пожара еще курятся—страсть!

*

Хочу подойти поближе, да боюсь, уколотять. Догадайся какой-то умникъ, возьми черпаекъ и ну поливать народъ водой изъ бочекъ, бочекъ-то съ водою навезли со всѣхъ деревень, какъ горѣли-то. Я тоже схватилъ черпаекъ и сталъ поливать. Кто кинется на тебя, сунешь ему черпакомъ въ рыло — онъ и драла, ищетъ другого. Дадутъ кому плеху въ затылокъ — онъ сдачи и пошла. Еслибы не вода, и самъ не знаю, чѣмъ эта комиссія кончилась бы. Ну обдашь его, онъ отстанетъ. Сердце что-ль охлынетъ, или склизко, неловко драться—такъ и разошлись къ свѣту почестъ, ужъ заря занялась.

— А батюшку видѣлъ тутъ?

— Видѣлъ. Онъ, сердешный, только машетъ руками, да кричитъ: перестаньте, что вы затѣяли!.. А я ему говорю: батюшка! уйдите, не ровень грѣхъ, и васъ зашибуть. Онъ и послушался—ушелъ. Больше я ничего не знаю. Утомонились, я и ушелъ спать.

— А не видалъ, какъ батюшка топталъ ногами Антипа Косогова и рвалъ на немъ жилетку?

— Кто его стопчетъ, озорника... онъ самъ всякому глотку перерветъ!

— Зачѣмъ же онъ, самъ виновать, а на батюшку бумагу подалъ владыкѣ?

— Это, какъ вамъ сказать: его тутъ, какъ свинью, изволочили, всего въ ключья оборвали, онъ почестъ голый прибрѣжалъ домой—на комъ сердце сорвать? На весь мѣръ не подашь бумагу, вотъ онъ и подалъ на батюшку, сердить былъ на него за то, что народъ кинулся къ нему добро таскать, а къ Антипкѣ ни души. Добра тоже много погорѣло!

— Ну, отдавай руку учителю; онъ за тебя распишется.

— Въ чемъ же это руку? руки не дамъ.

— А въ томъ, что ты вотъ такъ показаль... Прочтите ему! Письмоводитель прочелъ показаніе.

— Вѣдь такъ?

— Точно такъ.

— Ну вотъ онъ и подпишется за тебя, безграмотнаго.

— Да я не дрался.

— Толкуй тамъ! авось тутъ не кабагъ и не волюсть, что ты упираешься! уговаривалъ гражданскій депутатъ, схватилъ руку свидѣтеля, пихнулъ въ руку учителя и повелъ за шиворотъ къ двери.

Съ перерывомъ для обѣда, допросъ шелъ до самаго вечера. Всѣ говорили одно, что дралось и ѣздило другъ на другѣ все село. Все это подробно записывалось въ слѣдственное дѣло.

Матушка пронюхала, что показанія идутъ въ пользу супруга, такихъ напекла аладьевъ и такихъ нажарила карасей, что слѣдователи пировали, какъ у праздника, а діавону и домой не хотѣлось ѣхать.

Истецъ Антипъ Косоговъ видитъ—дѣло плохо, въ сумеркахъ наливаетъ въ кувшинъ водки, пробирается въ сѣни училища, гдѣ была навалена, для топки, солома, забивается за дверью въ солому и угощаетъ свидѣтелей, которые толпою ждали на морозѣ допроса, какъ исповѣди въ Великій постъ. Свидѣтель проглотитъ стаканъ водки, утретъ бороду, усы и идетъ къ допросу. Но глотая водку, никто не проглотилъ присяги, по ихъ выраженію. Выпить, а на батюшку не лжетъ, чего хотѣлось Косогову. Отвѣтчикъ о. Михаилъ приходитъ къ слѣдствію и заявляетъ объ этомъ угощеніи. Слѣдователи идутъ въ сѣни со свѣчами и находятъ въ соломѣ истца съ кувшиномъ и стаканомъ въ рукахъ. Вотъ тутъ-то особенно былъ радъ писемоводитель и такой раскатилъ журналъ, что чуть не каждую соломенку описалъ. Косоговъ бѣжалъ, свидѣтели расхохотались, а тѣ, которые не успѣли выпить, потужили, провожая глазами кувшинъ.

Хотя дѣло было ясно, какъ день, но слѣдователи выжили двое сутокъ въ ожиданіи тѣхъ свидѣтелей, за которыми уже были разосланы обывательскія подводы, за двадцать, за тридцать верстъ. И въ это время занялись очными ставками, для примиренія противорѣчій: одинъ показывалъ, что далъ затрещину въ ухо, а другой объ томъ же событіи выражался, что ему сдалъ по зубамъ. Одинъ говорилъ, что солдатъ Ерохинъ ѣздилъ на Косоговъ у канавы, а другой—возлѣ мірскаго амбара.

VII.

Всѣхъ свидѣтелей допросили, очныя ставки, съ заголовками и всевозможною разливнейкой, подѣлали, хотя ни одною противорѣчія не примирили, составили журналъ, обозрѣвающий все слѣдствіе, и положили: вызвать истца и отвѣтника къ подпису слѣдственного дѣла по формѣ. Вызываютъ. О. Михаилъ прочиталъ показанія и подписался по листамъ: *сіе слѣдственное дѣло читалъ и производствомъ онаго остался доволенъ*. Истецъ Косоговъ не является. Слухи носятъ, что онъ послалъ лошадей за адвокатомъ, который уватилъ въ городъ къ своей профессіи—сочинять просьбы. По закону, въ духовномъ вѣдомствѣ, слѣдователи обязаны ждать явки для подписа къ слѣдствію до трехъ сутокъ. Надобно ждать. Ждутъ сутки, другіе. Тоска стала забирать слѣдователей. И алады надобли. Отъ нечего дѣлать составлять жур-

наль: въ такомъ-то часу приглашали къ подпису истца, но онный отказался, объявивъ, что не можетъ—пьянъ. Подпишутъ журналъ и сидятъ, ждуть аладьевъ. У матушки муки не хватило, карасы всѣ вышли.

Адвокатъ не поѣхалъ къ Косогову, а на словахъ приказалъ просить кошію съ дѣла, для новаго прошенія на самихъ слѣдователей. На третьи сутки, послѣ окончанія слѣдствія, является истецъ Антипъ Косоговъ. Ему предлагаютъ подписать дѣло, умоляютъ: отпусти Христа-ради домой!—Косоговъ не соглашается.

— Какъ я подпишу дѣло, что *доволенъ*, когда въ немъ прописано, что я дрался, да на мнѣ ѣздили—ни за что!

— Чудаекъ ты, пойми, ты подпишешься, что доволенъ *производствомъ* только, а не показаніями.

Истецъ и слушать не хочетъ.

— Кошію съ рѣшенія дайте мнѣ! я до Сенода дойду.

— Какое тебѣ рѣшеніе, здѣсь никакого рѣшенія нѣтъ. Дѣло сначала я отошлю къ отцу благочинному, о. благочинный пошлетъ въ консисторію, консисторія обсудитъ, напишетъ свое постановленіе, представитъ во владыкѣ на разсмотрѣніе и утвержденіе, владыко разсмотритъ, утвердитъ и опять дѣло спуститъ въ канцелярію. Канцелярія — въ консисторію, консисторія составитъ протоколъ, сочинитъ указъ, который прийдетъ къ о. благочинному, о. благочинный съ размыслнымъ объявитъ указъ о. Михаилу, а ты жди объявленія рѣшенія отъ полицейскаго управления, черезъ становаго, или урядника—вотъ тогда, милый человекъ, тебѣ будетъ и рѣшеніе.

— А скоро это будетъ?

— Мы почему знаемъ—дѣло не наше. Мѣсяцевъ, быть можетъ, черезъ пять, а можетъ и черезъ годъ. Есть дѣла, которыя лежатъ безъ рѣшенія годовъ по пяти—какое дѣло!

— О!.. о!.. такъ Богъ съ вами и со всѣмъ съ дѣломъ! До тѣхъ поръ помрешь и вѣчную память отпоютъ!

Съ этими словами истецъ иронически раскланялся, хлопнулъ дверью и ушелъ. О чемъ составленъ былъ послѣдній журналъ и слѣдователи разѣхались.

А. Краснопольскій.

ЭКОНОМИЧЕСКІЯ СКИТАНІЯ.

Какъ великъ средній зимній заработокъ ходящихъ «въ сахаръ»? Посчитаемъ. Хотя время, въ теченіи котораго дѣйствуетъ заводъ, и колеблется въ зависимости отъ разныхъ случайныхъ обстоятельствъ, но вообще его можно принять около 5 мѣсяцевъ. При обычной 6-ти-рублевой платѣ, составитя 30 руб. въ зиму. Теперь издержки. Возвращеніе домой производится на собственный счетъ, да и на путь до завода часто приходится приплачивать своими. Затѣмъ—паспортъ, который рабочіе обыкновенно справляютъ тоже на свои деньги, даже въ тѣхъ случаяхъ, когда паспорта бываютъ отъ нанимателя, они часто берутся только на первые два мѣсяца (до отработыванія задатковъ), а на остальное время рабочимъ уже приходится добирать самимъ¹. Если причислить сюда еще возможность проболѣть нѣсколько дней или подвергнуться штрафу, необходимость выпить иногда «стаканчикъ» и т. п., то всѣ издержки вмѣстѣ придется опѣнить минимумъ въ 5 р. Останется, значитъ, въ очистку 25 руб.—«четвертная». Это и будетъ заработокъ взрослога мужчины. Полурабочіе получаютъ отъ 13 до 14 руб., т. е. нѣсколько болѣе половины противъ полнаго рабочаго. Но такъ какъ для нихъ періодъ работъ на заводѣ часто бываетъ короче — нѣкоторые изъ полурабочихъ нанимаются только на время терки свекловицы—то средній ихъ заработокъ правильнѣе будетъ принять ровно въ половину, т. е. отъ 12 до 13 руб. Такимъ образомъ, семья, высланная изъ своей среды взрослога мужчину, можетъ рассчиты-

¹ Годовой паспортъ стоитъ 1 р. 45 к., полугодовой—85 коп., билетъ на два мѣсяца 40 к., на одинъ мѣсяць 20 коп.

вать, что за уплатою всѣхъ податей (14 руб. на дворъ) въ ея пользу останется какая-нибудь «десятина». Таже семья, которая почему бы то ни было могла выслать только подростка или женщину, вообще говоря, даже не сполна покроетъ всѣ налоги. Въ такой формѣ всего осязательнѣе выражается значеніе заводскихъ заработковъ собственно для бюджета отдѣльной крестьянской семьи. Далѣе. Изъ записей при условіяхъ видно, что процентъ женщинъ, ходящихъ «въ сахаръ», почти вдвое выше общаго средняго, именно здѣсь онѣ составляютъ около $\frac{1}{3}$ всѣхъ отходчиковъ (21 $\frac{1}{2}$ %); если къ нимъ прибавить еще хлопцовъ-подростковъ, то общее число полурабочихъ выйдетъ никакъ не менѣе $\frac{1}{4}$. Такимъ образомъ, получается слѣдующій итогъ: въ числѣ каждаго четырехъ человекъ, идущихъ на заводы, будетъ трое взрослыхъ мужчинъ, которые вырабатываютъ по 25 руб., и одинъ полурабочій, вырабатывающій 12 $\frac{1}{2}$ руб. Въ сложности выйдетъ около 22 р. на каждаго или, круглымъ счетомъ, 20 руб. Это и будетъ средній заработокъ, выведенный для всѣхъ ходящихъ «въ сахаръ» въ общей сложности.

Промыселъ отхода на кievскіе и подольскіе заводы успѣлъ замѣчательно локализоваться. Въ Борзенскомъ уѣздѣ есть, правда, свой собственный сахарный заводъ (при селѣ Парافیевкѣ); но на чужіе заводы отсюда не уходитъ ни одинъ человекъ. Тоже самое нужно сказать и про Черниговскій уѣздъ: прежде пробовали ходить изъ села Плѣхова, Антоновской волости, но, гдѣтъ восемь назадъ, бросили, и въ настоящее время изъ всего Черниговскаго уѣзда не уходитъ ни одного человека. Такъ что въ предѣлахъ разсматриваемаго нами района, этотъ промыселъ сосредоточился исключительно въ одномъ Новозыбковскомъ уѣздѣ, въ которомъ за то успѣлъ развиться до огромныхъ размѣровъ. Число уходящихъ отсюда на кievскіе и подольскіе заводы можно прослѣдить по «Книгамъ сдѣлокъ и договоровъ». Для шести волостей, о которыхъ у меня имѣются полныя свѣдѣнія, въ 1875 г. оно выражалось слѣдующими цифрами:

Изъ Куршановской волости . . .	464	человѣкъ.
» Мало-щербиничской	368	»
» Бѣло-колодезской	200	»
» Лакомо-будской	251	»
» Людковской	461	»
» Ново-бобовичской	212 ¹	»
Всего	1,956	человѣкъ.

¹ Въ Ново-бобовичской волости записи за 1876 г. не полны, поэтому мною взято среднее между цифрами за 1875 г. (когда подрядилось 203 человекъ) и за 1877 г. (218 человекъ).

Общее количество *всѣхъ* паспортовъ, взятыхъ въ этихъ волостяхъ втеченіи того же года, простирается до 5,716 ¹. Слѣдовательно, отношеніе выйдетъ очень высокое—34%, другими словами, отходъ «въ сахаръ» составляетъ здѣсь около $\frac{1}{3}$ всего отхода. Принимая эту пропорцію за общую для всего уѣзда, такъ какъ перечисленныя волости не представляютъ ничего исключительнаго, можно сказать, что въ среднемъ выводъ по всему Новозыбковскому уѣзду изъ каждыхъ трехъ человекъ, берущихъ паспортъ, одинъ беретъ его для того, чтобы отправиться на кievскіе и подольскіе заводы. Словомъ, этотъ промыселъ развить въ огромныхъ размѣрахъ и долженъ быть названъ самымъ распространеннымъ и самымъ важнымъ изъ всѣхъ, съ которыми намъ придется встрѣтиться. Если вспомнить, что годовое количество паспортовъ для Новозыбковского уѣзда колеблется около 15,000, то число однихъ ходящихъ «въ сахаръ» выразится для него огромной цифрой: 5,000 человекъ, считая тутъ и мужчинъ, и женщинъ! При огульномъ заработкѣ въ 20 руб., они должны выручать вмѣстѣ около 100,000 руб. Значеніе этой суммы будетъ видно изъ сопоставленія. Общее количество всѣхъ налоговъ и платежей—выкупныхъ, земскихъ, мірскихъ и казенныхъ, лежащихъ на новозыбковскомъ крестьянствѣ, простирается до 280,000 р. Слѣдовательно, болѣе третьей части ихъ вырабатывается далеко за предѣлами уѣзда, на кievскихъ и подольскихъ заводахъ. Таково общее значеніе этого промысла.

Отходъ «въ сахаръ» появился въ Новозыбковскомъ уѣздѣ сравнительно недавно и постоянно разрастается, вытѣсняя другіе промыслы. Вообще, нужно замѣтить, что между разными промыслами всегда существуетъ известное соотвѣтствіе и притомъ такое, что зимніе промыслы уравниваются съ зимними, а лѣтніе съ лѣтними. Извозъ, когда-то самое распространенное и выгодное занятіе — теперь съ каждымъ годомъ падаетъ и, вонечно, недалеко то время, когда онъ исчезнетъ совсѣмъ: «чугунка отбиваетъ». Точно также падаетъ и другой исконный промыселъ Черниговскаго сѣвера — разность товаровъ, коробейничество: его вытѣсняетъ постоянная торговля въ видѣ еврейскихъ лавочекъ, которыя растутъ, какъ грибы, по самымъ маленькимъ деревнямъ. На мѣсто падающихъ промысловъ становится заводъ. И теперь въ Новозыбковскомъ уѣздѣ трудно найти селеніе, изъ котораго не ходили бы «въ сахаръ» хоть нѣсколько человекъ. По сравнительной недавности промысла, пока нельзя сказать ничего опредѣленнаго о его вліяніи на народное здоровье. По общимъ

¹ См. таблицу на стр. 15.

отзываютъ, возвращающіеся еще не заносили съ собой никакихъ заразительныхъ болѣзней и вообще не жалуются на какую-нибудь специальную нездоровость условій; только на рафинадныхъ заводахъ, на которыхъ приходится работать при высокой температурѣ, часто схватываются разные болѣзни простуднаго происхожденія. Въ этомъ отношеніи, ходить «въ сахаръ» гораздо безопаснѣе, чѣмъ, напримѣръ, на эти убійственныя спичечныя фабрики, которыя, на несчастіе, начинаютъ укореняться и натурализоваться въ Новозыбковскомъ уѣздѣ. Крестьянство работаетъ, конечно, и на нихъ—нужда! опять же близко, подъ бокомъ, безъ паспорта можно ходить—«только очень нездорово на человѣка; утроба ѣсть ничего не принимаетъ», какъ объясняли въ дер. Муравинкѣ. Вредъ усиливается еще тѣмъ, что на спичечныхъ фабрикахъ въ большой пропорціи работаютъ и дѣти, начиная даже съ 11-ти лѣтъ, нѣжный несложившійся организмъ которыхъ, вмѣсто питанія, вбираетъ въ себя фосфорную отраву. Подобное систематическое разрушеніе народнаго здоровья не имѣетъ мѣста при работахъ на сахарныхъ заводахъ, по самымъ условіямъ производства. Помянемъ же ихъ, на разставаньи, добрымъ словомъ хоть за это, благо больше не за что.

Другую особенность Новозыбковскаго уѣзда составляетъ коробочный промыселъ, заключающійся въ разносѣ мелкаго товара по селамъ и деревнямъ. Это называется «ходить съ коробкой», а также «въ щетину» или «по щетину», потому товаръ мало продается за деньги, а преимущественно вымѣнивается на щетину, по крайней мѣрѣ, такъ прежде дѣлалось. Оставляя въ сторонѣ посадскихъ раскольниковъ, у которыхъ коробочный промыселъ ведется на нѣсколько иныхъ основаніяхъ, остановимся только на тѣхъ формахъ, въ какія онъ отлился у крестьянъ. Ходятъ они очень далеко, по всѣмъ сосѣднимъ губерніямъ: въ Гродненскую, Могилевскую, Минскую, Волынскую, Подольскую, Кіевскую, Полтавскую, Екатеринославскую, Херсонскую — иные заворачиваютъ даже на Донъ и на Кубань; но главнымъ райономъ служитъ преимущественно Западный Край. Такъ какъ все дѣло прежде всего зависитъ отъ знакомства и довѣрія, то если ужъ повелось изъ какого-нибудь села ходить, примѣрно, въ Бобруйскъ или Острогъ, то всѣ и держатся этого мѣста, чтобы и ихъ тамъ знали и они тамошнихъ знали: «потому съ народами и вущами знакомы», какъ объясняютъ сами щетинники. Иной такимъ манеромъ ходитъ въ одно мѣсто много лѣтъ подрядъ—съ молодости и, бываетъ, до самой старости; деревенскимъ бабамъ, живущимъ отъ него за сотни верстъ, случается, вѣрить въ долгъ, на слѣдующую зиму придетъ и получить; притомъ и

самъ забираетъ товаръ у кущовъ тоже больше въ долгъ. Вслѣдствіе этого и сложилась такая кажущаяся странность, что часто два почти смежныя села ходятъ промышлять совсѣмъ въ разныя губерніи. Для Ново-Бобовичской волости, напримѣръ, центромъ сдѣлался Минскъ. А вотъ Лакомо-Будская волость недалеко отъ нея лежитъ, а выбрала себѣ районъ совершенно въ другой сторонѣ — въ Волынской губерніи, съ главными пунктами въ Житомирѣ и Бердичевѣ. Вообще коробочный промыселъ у крестьянъ самымъ существеннымъ образомъ связанъ съ еврейскою торговлею Западнаго Края и держится, главнымъ образомъ, около группныхъ центровъ еврейства.

Обстановка промысла такая: въ путь выходятъ послѣ окончанія полевыхъ работъ, обыкновенно въ сентябрѣ или октябрѣ, запасаясь полугодовымъ паспортомъ (85 коп.), а возвращаются къ марту или апрѣлю. Первый вопросъ: какъ разжиться на товаръ? Конечно, всего «способнѣе» было бы закупать на готовыя деньги, да гдѣ ихъ возьмешь? Занять? Положимъ, можно достать, тутъ же у себя, въ Новозыбковскомъ уездѣ, есть такіе, что этимъ занимаются. Но «пользу» спрашиваютъ совсѣмъ несообразную: по 35% въ зиму или даже на два мѣсяца, да и то въ залогъ нужно представить коня или корову—вовсе неподходящее дѣло! Гораздо удобнѣе, пришедши на мѣсто—скажемъ въ Волынскую губернію—забирать товаръ въ долгъ у тамошнихъ евреевъ. Такъ оно всегда и дѣлается, но тутъ выходитъ вотъ какая разница. Еврей, конечно, не всякому повѣритъ: кого хорошо знаетъ — отпустить товаръ «на декреть», а остальнымъ нѣтъ. Какъ же этимъ-то быть? Для нихъ остается одно средство: *ходить отъ хозяина*, и на подобномъ положеніи теперь состоитъ огромное большинство. Въ Данченской слободѣ, напримѣръ, (Лакомо-Будской волости), въ которой коробейничество, по выраженію крестьянъ, существуетъ «споконъ вѣку, съ дѣдовъ и прадѣдовъ», прежде промышляли отъ своего имени, а теперь всѣ стали ходить «отъ хозяина». Въ ближнемъ селѣ Рыловичахъ тоже большинство ходитъ «отъ хозяина». Хозяинъ это тотъ же рыловичскій мужикъ, иногда даже и не изъ богатыхъ; главное его преимущество въ томъ, что онъ успѣлъ зарекомендовать себя и пользуется кредитомъ у «еврейскихъ кущовъ». Вслѣдствіе этого, онъ забираетъ у нихъ товаръ въ долгъ не только для себя лично, но также и для своихъ «хлощовъ», которые ему платятъ за это 10% съ проданнаго товара и такимъ образомъ работаютъ въ его пользу. Для болѣе бѣдныхъ хозяинъ иногда даже беретъ паспорта на свой счетъ, покупаетъ сапоги и вообще снаряжаетъ въ путь. Смотря по размѣрамъ кредита или денежныхъ средствъ

хозяина, около него группируется разное число рабочихъ, чаще всего ихъ бываетъ 2 — 3 человѣка, но иногда число поднимается до 10—15. Выходятъ и держатъ путь вмѣстѣ. Какъ сказано, изъ разныхъ сель направляются въ разные города и даже губерніи. Изъ села Рыловичъ, напримѣръ, идутъ въ Бердичевъ, Чернобыль, Старый Константиновъ и преимущественно въ Острогъ, Волынской губерніи; это ихъ главные пункты, въ которыхъ забирается товаръ. Путь неблизкій, до Острога, напримѣръ, на худой конецъ верстъ полтысячи будетъ, и эти полтысячи огромное большинство отмѣриваетъ пѣшкомъ, при чемъ путь держатъ черезъ Городню, Черниговъ, Козелецъ — на Кіевъ. Здѣсь дѣлается нѣчто вродѣ маленькаго привала и производятся первыя миниатюрныя закупки: набираютъ крестиковъ, букварей, пѣсенниковъ, евангелій, обыкновенно въ лаврской лавочкѣ, всего рублей на 5—6, кто самъ для себя; а хозяинъ, у котораго много «хлопцовъ»; забираетъ на десятокъ рублей. Затѣмъ двигаются дальше черезъ Житомиръ, Звягиль и оттуда уже въ завѣтный Острогъ. Въ пути харчатся «борщикомъ да сухариками», иной за все время проѣстъ какой-нибудь цѣлковый, и идутъ себѣ этакимъ манеромъ недѣли двѣ-три, смотря «какія ноги». Прибывъ въ Острогъ, покупаютъ въ казначействѣ промысловое свидѣтельство за 7 руб. 80 коп. Иные рискуютъ ходить «безъ промысла», но, боязно: слышишь колокольчикъ — сейчасъ нужно въ кусты и тамъ пережидашь, а какъ «промыслъ» лежитъ у тебя въ коробкѣ—дѣло выходитъ вѣрнѣй. Затѣмъ производится самая операція забора товара. «Хозяинъ» или закупаетъ его на наличныя у острожскихъ купцовъ—что, впрочемъ, бываетъ очень рѣдко—или забираетъ въ долгъ подъ вексель и уже отъ своего имени раздаетъ своимъ подручникамъ. Когда навалитъ много народу, случается, что сразу опорожняйтъ всю лавку до тла. Товаръ забирается преимущественно мелкій, крестьянскій: иголки, нитки, наперстки, гребни, платки, а также «аршинами»: ситцы, миткаль, коленкоръ и проч. Тутъ слагается цѣлый круговоротъ взаимнаго кредитованія и задолжанія. Сами острожскіе евреи покупаютъ свои товары на кролевещкой ярмаркѣ (14-го сентября) и въ Москвѣ — въ долгъ, отпускаютъ нахожимъ «хозяевамъ» — въ долгъ, тѣ раздаютъ своимъ «хлопцамъ» въ долгъ, иногда даже случается, что вѣрять крестьянамъ тоже въ долгъ, впрочемъ, это теперь уже почти вывелось. Вся операція представляется воробочниками или «хлопцами», какъ они сами себя часто называютъ, въ такомъ упрощенномъ видѣ: «ему (хозяину) хлопцы возносятъ пользу, а онъ — еврейскимъ купцамъ». Эта «польза», т. е. процентъ, возносимая хозяину, всегда выражается

въ одной и той же величинѣ, ставшей неизмѣннымъ шаблономъ: 10% съ проданнаго товара.

Съ коробками ходятъ по базарамъ, по помѣщичьимъ усадьбамъ, а преимущественно по деревнямъ и селамъ. Ходятъ почти всегда по-парно; развѣ какой «суровый» — тотъ дѣйствуетъ самъ по себѣ, въ одиночку. Приемы вездѣ одни и тѣже. Пришедши въ село, сейчасъ же раздѣляются: одинъ обходитъ по правой сторонѣ, другой по лѣвой. Кто кончилъ свою сторону, можетъ загнать съ того конца на другую; но перебѣгать раньше — считается недобросовѣстнымъ. Изъ-за этого между хлопцами часто выходятъ пререканія, ссоры и даже драки: — «за чубы поволятся», по ихъ собственному выраженію. Послѣ этой операціи обыкновенно дуются другъ на друга и дня два-три ходятъ въ розницу; затѣмъ свучно станеть: помирятся — и опять вмѣстѣ. Харчатся за мелкій товаръ, больше за перецъ и иголки: «иголожь штуку 5 дашь, да й безвухую утенень» — это за обѣдъ; ночуютъ тоже какъ случится: кто въ хату пуститъ за застѣжку, за крестикъ. Словомъ, ведутъ жизнь въ полномъ смыслѣ кочевую, обходя въ день среднимъ счетомъ по два-три села. Когда весь товаръ разоидется и коробка опорожнится — возвращаются въ Острогъ и вообще въ свой пунктъ, наберутъ новыхъ товаровъ — и опять въ странствованія; за зиму такъ раза четыре обернутся. Передъ Великоднемъ, т. е. передъ Свѣтлымъ Праздникомъ, всѣ обыкновенно собираются въ центральномъ пунктѣ, и здѣсь производится окончательный расчетъ: хлопцы рассчитываются съ хозяиномъ, хозяинъ съ евреями — и затѣмъ пускаются въ обратный путь по домамъ. При подведеніи итоговъ хозяинъ, несмотря на получаемыя имъ 10%, не всегда оказывается въ барышахъ, потому хлопцы часто плутуютъ: прогуляютъ набранный товаръ и тогда — получай съ него!

Прежде коробочный промыселъ имѣлъ преимущественно мѣнновой характеръ: товары рѣдко шли за деньги, а больше вымѣнивались крестьянами за щетину. Въ такомъ видѣ торгъ былъ гораздо выгоднѣе, потому фунтъ щетины идетъ въ продажѣ за полтинникъ, а въ обмѣнъ приходится коп. за 35—40. «Я на двухъ зароблю, говоритъ коробочникъ: — и на товарѣ, и на щетинѣ». Теперь это выводится, и торговля все больше и больше ведется на чистыя деньги. Причину переменъ всѣ указываютъ одну и ту же: еврей перебиваетъ. Прежде еврей строго соблюдалъ свой законъ и къ щетинѣ не привасался, потому — «сальный духъ». А теперь за нимъ не то что щетины не ухватишь, а скоро и саломъ станеть торговать. Теперь еврей слышитъ гдѣ смалеть кабана — прямо идетъ и первымъ дѣломъ спраши-

ваеть: «нѣтъ ли свинова волоса?» какъ передразниваютъ коробочники. Независимо отъ этого спеціальнаго обстоятельства, промысль вообще падаетъ. Прежде, бывало, живетъ село, никого не видить по цѣлымъ мѣсяцамъ. А зашелъ коробочникъ — всѣ къ нему: барыня это выйдесть, наберетъ товару на себя, на всю дворню—бабы деревенскія тоже... случалось, всю коробку отразу порѣшишь. А теперь что! Въ послѣдней деревнѣ лавочка торчитъ — все еврей позаводилъ — и тѣмъ же самымъ мелкимъ да краснымъ товаромъ торгуетъ. Коробочнику ходу и нѣтъ. Опять же вѣрности стало меньше. Бывало, товаръ забирался на слово да на вѣру—на нѣсколько сотенъ цѣлковыхъ вѣрили безъ росписки. Теперь нѣтъ: шалишь! Кому и дадутъ, такъ подъ вексель, да за жидовскую пользу, а другимъ и вовсе не отпускаютъ. А товару нужно набирать больше: прежде во всей коробкѣ лежить на какую нибудь десятку — и ничего, ходишь, торгуешь; а нынче клади на сотенную, да и того мало, потому товаръ сталъ спрашиваться разный. Закончилось тѣмъ, что подписались хлопцами, работниками: ходишь на хозяина да на жида. — Словомъ, жалобы всеобщія и единогласныя.

Такъ стоитъ дѣло собственно въ юго-западномъ краѣ, среди малорусскаго населенія. Нѣсколько иначе ведется оно въ Бѣлоруссiи. Сюда ходятъ, на примѣръ, изъ Ново-Бобовичской волости, для которой избраннымъ райономъ сдѣлалась Минская губернія, а главными пунктами, въ которыхъ забирается товаръ: самый городъ Минскъ, Бобруйскъ, Слуцкъ, мѣстечко Глускъ и проч. Торговля здѣсь преимущественно мѣновая; бѣлорусскій мужикъ все еще предпочитаетъ идти въ обмѣнъ и расплачивается за нужный ему товаръ щетиною и шкурками: заячьими, бѣличьими, хорьковыми и даже рысьими (въ Могилевской губ.) — что, конечно, очень съ руки коробочникамъ. Вымѣненные мѣха и щетину они съ выгодною сбываютъ или тѣмъ самымъ купцамъ, у которыхъ забирала свой товаръ, или, если не сойдутся въ цѣнѣ, то и другимъ. Вообще въ обстановкѣ промысла здѣсь нѣсколько болѣе задержался прежній старый патриархальный характеръ, хотя онъ съ каждымъ годомъ и исчезаетъ. Особенно это видно на паденiи «вѣрности». Тутъ можно прослѣдить цѣлый рядъ послѣдовательныхъ степеней. Вамъ разкажутъ, на примѣръ, какъ еще лѣтъ 15 назадъ вѣрили товаръ на слово безо всякихъ документовъ (разъ три мужика набрали такимъ манеромъ на 1170 р.); потомъ завели частныя росписки, но... «ребята стали подмахивать». И теперь дѣло дошло до той линiи, что никто не даетъ «ребятамъ» товару иначе, какъ подъ вексель, засвидѣтельствованный у нотарiуса. Словомъ, извѣстная исторiя! Точно

также и здѣсь услышите общія жалобы на паденіе промысла и все перебываетъ тотъ же еврей, хотя и инымъ способомъ: не лавочками, какъ въ юго-западномъ краѣ, а тѣмъ, что самъ сталъ ѣздить по селамъ съ мелкимъ и краснымъ товаромъ. Онъ на подводѣ, ему все можно взять: и тряпку, и буделю, и все, что завалается у бабы въ коморѣ; а пѣшій въ коробку принимаетъ только щетину да мѣхъ—ну, къ еврею охотнѣе и идти.

Между коробочниками изъ крестьянъ очень мало грамотныхъ, нѣкоторые выучиваются только писать цифры или изобрѣтаютъ свои собственные кабалистическіе знаки, никому, кромѣ ихъ, непонятные. Чтобы поддержать честь и тайны своего ремесла, они употребляютъ еще особый языкъ, который не безъ важности называютъ «офенскимъ», хотя весь этотъ языкъ состоитъ изъ нѣсколькихъ словъ (напр. «соры» — деньги, «хрусть» — цѣлковый, «полхруста» — полтинникъ и пр.), по всей вѣроятности, заимствованныхъ у посадскихъ коробейниковъ, а можетъ быть имѣющихъ корень и въ языкѣ владимірскихъ офеней. Сами же себя они не называютъ ни офенями, ни ходебщиками, а больше извѣстны подъ именемъ «коробочниковъ», «щетинниковъ» или просто «разносчиковъ». По семейному положенію и зажиточности они нисколько не выдѣляются изъ общаго крестьянскаго уровня, хотя очень непрочъ поострить надъ мужикомъ и рассказать анекдотъ о его несообразности; особенно они потѣшаются надъ бѣлоруссами и, подлаживаясь подъ мѣстное нарѣчіе, любятъ пересмѣливать бѣлорусскихъ бабъ. Собственно говоря, по уровню развитія они недалеко ушли отъ рядоваго мужика; но, какъ много толкавшіеся по разнымъ мѣстамъ и людямъ и много видѣвшіе, они, безспорно, бойчѣе, развязнѣе и находчивѣе, а главное — плутоватѣе. Кажется, изъ всѣхъ правилъ своей «коммерціи» они хорошо произошли только одно: «не обмануть—не продать», и практикуютъ его при всякомъ удобномъ и даже неудобномъ случаѣ. Интересно, что щетинники, ходящіе въ Бѣлоруссію, даже паденіе своего промысла, помимо еврейскаго соперничества, объясняютъ еще тѣмъ, что народъ «поумнѣлъ» и обманывать его стало труднѣе. «Образовуватца народъ сталъ; тамъ, по Польшѣ, школы по волостямъ... Прежде, бывало, баба унесетъ гроши, да ѣ говоритъ: пасчитай! — ну и пасчитаешь!.. а теперь дае тобѣ 90 коп., да и каже: рубъ». Выставляютъ, впрочемъ, еще и третью причину и преудивительную — отмѣну ~~недоверчивости~~ недоверчивости: тебѣ, какъ стали вольные, «ей (бабѣ) не идти на пригонъ; за гривенникъ бѣгитъ за 20 верстѣ». Вообще относятся къ бѣлоруссамъ съ большою жестокостію. Случается, что щетинникъ, насочивъ на неподатливаго мужика, котораго

нельзя провести уговорами, начинает сердиться и озлобляется до послѣдней степени: «разбѣсится такъ, что крестить надо наново», по ихъ собственному энергическому выраженію.

Промышляютъ съ коробами исключительно одни мужчины, разнаго возраста, начиная съ подростка, который ходитъ при братѣ или хозяинѣ—«присматривается и въ коммерціи приучается»—и кончая старивомъ. Иной такъ втянется, что ходитъ почти до самой смерти; но это бываетъ рѣдко. По большой же части отправляются молодые парни, у которыхъ дома остается отецъ или братъ. Дѣло ихъ нелегкое: таскать на себѣ воробку пуда на два, на три вѣсомъ, иногда въ непогоду, по волѣна въ снѣгу, харчась чѣмъ придется за цѣтокъ иголокъ и ноцую гдѣ пустять—и такъ безъ перерыва въ теченіи всей зимы—это скорѣе напоминаетъ черную работу, чѣмъ торговлю въ собственномъ смыслѣ слова. Да и вознагражденіе они получаютъ очень невысокое, по крайней мѣрѣ, теперь. Въ дѣлѣ, обставленномъ столькими случайностями, заработокъ, конечно, бываетъ очень неровный и сильно колеблется, смотря по удачѣ. Сами коробочники опредѣляютъ среднимъ счетомъ въ 30 руб. за зиму. И это показаніе можетъ быть подтверждено примѣрнымъ расчетомъ. Средній щетинникъ набираетъ въ воробку товару обыкновенно рублей на 70—100; если принять, что въ теченіи зимы онъ услѣдетъ обернуться раза четыре, то весь его оборотъ выйдетъ между 280 и 400 рублями. Товаръ, конечно, сбывается по разнымъ цѣнамъ, какъ случится; но вообще берутъ нѣсколько болѣе 20⁰/. Если исключить отсюда собственные издержки, да «пользу» хозяину (10⁰/) или кушцу, у котораго онъ кредитруется—то самому разносчику останется около 10⁰/, т. е. его чистая выручка опредѣлится въ 28—40 р.—цифра почти совпадающая съ ихъ собственнымъ показаніемъ. 30 руб. за шесть мѣсяцевъ, считая тутъ и проходъ въ оба конца—это вознагражденіе чернорабочаго; вспомнимъ, что, напримѣръ, на сахарныхъ заводахъ взрослый мужчина вырабатываетъ около 25 руб. Вообще въ воробочномъ промыслѣ, въ тѣхъ формахъ, въ какихъ онъ практикуется крестьянствомъ, только та слава, что торговецъ, а по всѣмъ пунктамъ выходитъ чернорабочій: тотъ же «хозяинъ» или все равно купецъ, который, давая подъ вексель, сдеретъ пользу еще по чинѣ хозяйской—тотъ же трудъ въ потъ лица и тоже нищенское вознагражденіе въ видѣ 30 руб. за полгода. Правда, ходитъ самъ, дышетъ вольной грудью. Это все-таки лучше, чѣмъ торчать на заводѣ въ распоряженіи «моторы» или «господина директора» и выходить на смѣну «по звуку свиста»—на своей волѣ, значить. Въ этомъ все утѣшеніе и преимущество. Но и

оно уже пошатывается, потому промыселъ быстро падаетъ. И теперь онъ, какъ все вымирающее, имѣетъ скорѣе бытовое интересъ, чѣмъ серьезное экономическое значеніе — поэтому и не стану болѣе объ немъ распространяться. А что промыселъ дѣйствительно падаетъ не по днямъ, а по часамъ—это, кромѣ всеобщихъ и единогласныхъ жалобъ, видно и изъ прямыхъ фактовъ. Распросы показываютъ, что во многихъ селеніяхъ Новозыбковскаго уѣзда, изъ которыхъ еще недавно ходила съ коробками $\frac{1}{3}$ или $\frac{1}{2}$ хозяевъ, теперь ходятъ всего 5—6 человекъ, а то и вовсе бросаютъ. Вообще можно сказать, что для большей части уѣзда этотъ промыселъ уже не имѣетъ крупнаго экономическаго значенія, а удержалось таковое только въ нѣкоторыхъ отдѣльных мѣстностяхъ и селеніяхъ.

Какъ велико общее число лицъ, промышляющихъ теперь коробочной торговлей—съ точностью сказать нельзя, такъ какъ при этомъ не пишется, конечно, никакихъ «условій», по которымъ его можно было бы прослѣдить; а число паспортовъ, взятыхъ по волостямъ, изображаетъ изъ себя сборный итогъ, который, въ большинствѣ случаевъ, трудно распределить между отдѣльными промыслами. Тѣмъ не менѣе, нѣкоторымъ указаніемъ можетъ послужить слѣдующій примѣрный расчетъ. Отправляющіеся съ коробочкой въ чужія губерніи всегда берутъ полугодовые паспорта, и притомъ осенью; только ходящіе поблизу запасаются билетами мѣсячныхъ сроковъ; но такихъ между крестьянами сравнительно немного. (Поблизу ходятъ преимущественно изъ городскихъ селъ; они забираютъ товаръ и вообще кредитуются у купцовъ города Новозыбокова). Теперь, въ теченіе осеннихъ мѣсяцевъ 1876 года, то есть съ сентября по ноябрь, во всемъ Новозыбковскомъ уѣздѣ было взято 2,750 полугодовыхъ паспортовъ. Но и эта цифра, хотя и въ меньшей степени, но все-таки еще сборная; въ нее вошли паспорта, взятые и для другихъ промысловъ. Такъ что для нашей цѣли она можетъ служить собственно только максимальнымъ предѣломъ; а дѣйствительное число коробочниковъ, промышляющихъ по разнымъ губерніямъ, во всякомъ случаѣ, должно быть ниже, и, по всей вѣроятности, значительно ниже ¹.

¹ Какъ я уже говорилъ, паспортныя книги ведутся безъ всякой системы; иногда изъ нихъ можно извлечь очень подробныя данныя (полье, сословіе уходящихъ, селеніе и пр.), иногда—почти только одну огульную цифру взятыхъ паспортовъ. Чтобы не загромождать статью мелкими цифрами, я не привелъ этихъ подробныхъ свѣдѣній въ текстъ, но буду пользоваться ими по мѣрѣ надобности. Оговариваюсь только разъ навсегда, что онѣ довольно отрывочны, такъ что нѣкоторыя частности придется брать за одни годы, а другія—за другіе годы. Наиболѣе полныя данныя—за 1876 годъ, для котораго почти вездѣ извѣстно число взятыхъ паспортовъ *по мѣсяцамъ*.

Теперь перейдемъ къ мѣстнымъ промысламъ. Изъ нихъ наиболѣе распространенъ наемъ на полевая земледѣльческія работы, на которыя ходятъ въ губерніи Подольскую, Кіевскую и Полтавскую; впрочемъ, сюда мало; главнымъ же райономъ служатъ Донскія станицы и Новороссійскій край, или «степь», какъ его обыкновенно называютъ. Работать въ полѣ съ плугомъ, косой и серпомъ всего понятнѣе и доступнѣе для мужика. Положимъ, и при остальныхъ промыслахъ не требуется особенной мудрости: та же черная работа; но обстановка иная. На заводѣ, напримѣръ, прессы, да сушильни, да становись «по звуку свистка» — все какъ-то дико. Или «на водѣ»: спускай себѣ плотъ по рѣчкѣ, да шестами подталкивайся—дѣло, повидимому, нехитрое, а не всякій пойдетъ, иной отъ роду на водѣ не бывалъ, въ лодкѣ со страху такъ и «трусится». А около земли почти каждый мужикъ съизмала ходить—пріучился, значить, и освоился, и потому, если подвернется случай, всего охотнѣе найметя именно на полевую работу. Вслѣдствіе этого, земледѣльческій отходъ распредѣлился наиболѣе равномерно и повсемѣстно. Въ нашихъ трехъ уѣздахъ трудно встрѣтить село, изъ котораго не ходили бы на степь или Донъ хоть нѣсколько человѣкъ, по крайней мѣрѣ, при случаѣ; но нигдѣ этотъ промыселъ не осѣлъ и не сконцентрировался: ходятъ, вообще говоря, отовсюду и понемногу. Замѣчается только слѣдующее распредѣленіе: изъ Борзенскаго уѣзда идутъ предпочтительно на Донъ; изъ Черниговскаго, по крайней мѣрѣ, изъ его западной и средней части — на степь, или «въ Таврію», какъ это иногда называется, потому главнымъ пунктомъ тутъ служитъ Таврическая губернія; наконецъ, въ Новозыбковскомъ уѣздѣ встрѣчается небольшая вариация, состоящая въ томъ, что отсюда многіе нанимаются пастухами къ гуртовщикамъ на выпасъ скота въ Полтавской губерніи. Каждая изъ этихъ формъ имѣетъ свои особенности, хотя и незначительныя.

Еще недавно, когда въ южныхъ губерніяхъ чувствовался огромный недостатокъ въ рабочихъ рукахъ, такъ что хлѣбъ, случалось, пропадалъ на корнѣ, необранный, тамошнія экономіи разсылали отъ себя подрядчиковъ, которые разѣзжали по селамъ и нанимали рабочихъ. Заворачивали они и въ Черниговскую губернію. Такъ, здѣшніе крестьяне помнятъ, что лѣтъ 6—7 назадъ, ѣздивъ одинъ «русскій» изъ Добрянки и подряжалъ въ Еваторинославскую губернію; цѣны давалъ хорошія: по 40—50 руб. за лѣто, на всемъ продовольствіи, и деньги на дорогу. Теперь это вывелось. Только кіевскія и подольскія экономіи держатся еще прежней системы, присылая повѣреннаго для найма на мѣстѣ; но

къ нимъ мало народу требуется. Главный же рынокъ, югъ, уже не считаетъ нужнымъ высылать подрядчиковъ, по крайней мѣрѣ, въ Черниговскую губернію—да и затѣмъ, когда *сами* туда идутъ. Это составляетъ огромную разницу. Для крестьянина, конечно, гораздо выгоднѣе договариваться у себя дома; тогда онъ отправляется въ путь навѣрняка, зная напередъ, сколько получить, да и цѣна въ подобныхъ случаяхъ обыкновенно бываетъ выше: его ищутъ, къ нему пришли, а не онъ пришелъ и набивается. Совсѣмъ другой разговоръ бываетъ, когда тотъ же мужикъ, отмѣривъ 600—700 верстъ, явится въ какую-нибудь «Таврію» и станетъ на рынокъ, предлагая свои руки любому желающему; тутъ и цѣну дадутъ меньшую, а главное, можно вовсе не найти работы и обратиться вспять, имѣя переходку въ барышахъ, чему за послѣдніе годы бывало не мало примѣровъ. Между тѣмъ, теперь ходятъ именно на такомъ положеніи, то есть въ полномъ смыслѣ слова съ завязанными глазами, на авось, не собирая рѣшительно никакихъ предварительныхъ справокъ: есть ли тамъ въ данное время запросъ на рабочія руки, и каковъ. Единственнымъ указаніемъ служить успѣхъ или неуспѣхъ прошлыхъ лѣтъ; если вернушіеся принесли съ собою достаточно денегъ, «зарабили», можно, значитъ, и теперь идти, хотя годъ на годъ, какъ извѣстно, никогда не приходится. При подобныхъ условіяхъ возможны всякія случайности и приключенія. Прослѣдимъ за какой-нибудь группой идущихъ искать заработковъ въ Таврію и за начальный пунктъ возьмемъ хоть село Кѳвчинъ (лежитъ на Деснѣ, въ юго-восточномъ углу Черниговскаго уѣзда, и входитъ въ составъ Салтыково-Дѣвницкой волости). Это село, по преимуществу, казацке; земля въ немъ хорошая, но очень много безземельныхъ и малоземельныхъ изъ того разряда, въ средѣ котораго сложилась извѣстная поговорка: «только слава казацкая, а страва собацкая». Они-то и составляютъ главный контингентъ уходящихъ. Идутъ одни мужики, отъ 18-ти до 50-ти лѣтъ, но больше молодые и одиночки, у которыхъ дома остается жена, дѣти и влочекъ земли въ нѣсколько сажень или въ какую-нибудь десятину; бываетъ, что и большая семья вышлетъ отъ себя парня, чтобы заработалъ на подати. Но это рѣдко. Въ путь собираются, отпраздновавъ Пасху, т. е. около середины апрѣля. Сборы недолгіе: запасаются полугодовымъ паспортомъ, а главное, набираютъ съ собою побольше хлѣба и сухарей, сколько кто можетъ понести, обыкновенно пуда 1½, да бѣлья въ котомку. Выступаютъ и идутъ «гуртомъ», человекъ по 10—15, иногда и по полдесятка, вообще, какъ случится. Чтобы пропитаться дорогою, нужно рубля 4, считая вовсе въ обрѣзъ—и счастливъ тотъ, у

*

вого найдутся подобныя деньги. Но большинство не въ состояніи взять изъ дому болѣе 1—2 рублей. Этимъ приходится работать дорогою для харчи: ѣсть нечего — остановятся, наймутся всѣмъ гуртомъ на два-три дня, заработаютъ нѣсколько гривенниковъ и идутъ дальше; прохарчились — опять остановятся, опять работаютъ... и такъ всю дорогу, до самаго мѣста. Это называется «работать на харчъ». Наконецъ, тѣ, которые вышли изъ дома всего съ какимъ-нибудь полтинникомъ, просто *побираются Христовымъ именемъ*—и такихъ не мало. Дорога идетъ сначала на Нѣжинъ, оттуда по полтавскому шляху, черезъ Прилуки, Пирятинъ, Лубны и мѣстечко Рѣшетилевку, изъ которой поворачиваютъ на Кременчугъ, гдѣ и переправляются черезъ Днѣпръ; затѣмъ, правой стороной, до мѣста бывшей запорожской переправы при Никополь; здѣсь вторично переѣзжаютъ Днѣпръ и черезъ село Михайловку направляются или къ Мелитополю, или къ мѣстечку Токмаку, которые здѣсь служатъ главными рынками труда—это и есть ихъ конечныя пункты. Въ такомъ видѣ вся дорога обыкновенно занимаетъ недѣли три, если не отвлекается работою; тѣ же, которые въ пути работаютъ на харчъ, идутъ мѣсяць, а иногда и полтора, какъ случится. Придя въ Мелитополь, который они, упорно отрицая греческій языкъ, называютъ по мѣстному Кизи-яромъ (Козій яръ?), рабочіе выжидаютъ воскреснаго базарнаго дня, когда сюда съѣзжаются сосѣдніе помѣщики и нѣмецкіе колонисты, живущіе по Молочной. Здѣсь производится наемъ и заподряживаніе рабочихъ. Договорившійся прямо съ базара отправляется къ повозкѣ хозяина, подерѣбляется здѣсь пищей, потому почти всегда бываетъ отощавши, и обыкновенно на его же лошадахъ уѣзжаетъ въ колонію или экономію. Обыкновенная форма найма—недѣльная, хотя плата и считается по днямъ. Получивши въ субботу вечеромъ расчетъ, рабочій изо всѣхъ силъ поспѣшаетъ въ городъ (Кизи-яръ), чтобы, Боже сохрани, не пропустить базарнаго дня, иначе онъ рискуетъ остаться на слѣдующую недѣлю за штатомъ. Такой круговоротъ поддерживается все время, пока идутъ полевыя работы. Плата при этомъ бываетъ весьма различная, смотря по наплыву руецъ, но обыкновенно колеблется между 1 рублемъ и 1 руб. 50 коп. въ сутки; иногда даже поднимается до 3 руб., но только въ самую горячую пору, во время косовицы, и держится на этомъ максимумѣ всего недѣли двѣ, не больше. Во всякомъ случаѣ, цѣны, повидимому, хорошія; но случайностей тутъ много. Опять же хлопотно поспѣшать къ базару; иной заѣдетъ въ экономію верстъ за 50—60; рассчитавшись въ субботу вечеромъ, онъ долженъ за ночь доставиться въ городъ, нанимая подводу, такъ какъ пѣшкомъ, конечно,

не успѣешь. Случалось, за подводу платили по цѣлковому и больше—вотъ дневной заработокъ и долой, и недѣля, вмѣсто шести выработанныхъ дней, выходитъ только на пять. Главная же опасность—что не всегда «трапится» найти работу; тогда выходитъ ужь очень «на разное». При подобныхъ условіяхъ, общая выручка за весь лѣтній періодъ сильно колеблется: отъ 30 до 60 рублей; бывали даже случаи, что зарабатывали и по 80 руб., но это въ видѣ исключенія; за среднее же, безъ большой погрѣшности, можно принять 45 руб. валовыхъ. Такія цѣны привлекаютъ многихъ, и всѣ идущіе въ Таврію ужь непременно побываютъ въ Мелитополѣ, и вообще въ нѣмецкихъ колоніяхъ, и постараются тутъ пристроиться—это для нихъ первый и главный пунктъ, котораго никто не минуетъ. И только, не найдя уже тутъ работы, расходятся дальше, и при томъ обыкновенно по двумъ направленіямъ: или на югъ, въ крымскіе города—въ «Свингерополь» (т. е. въ Симферополь), Керчь, «Карачь-базаръ» (Карасу-базаръ), и т. д.—или на востокъ, вдоль по Азовскому морю—въ Бердянскъ и Мариуполь; иные заворачиваютъ даже въ Черноморье, къ городу Ейску. Наконецъ, нѣкоторымъ и тутъ «не трапится»; тѣ поворачиваютъ оглобли назадъ и идутъ домой. Тяжело скитаться по заработкамъ, по чужимъ людямъ и чужимъ мѣстамъ, но еще тяжелѣе возвращаться къ семьѣ съ пустыми руками. И здѣсь-то можно видѣть одну изъ тѣхъ картинъ, которыя гвоздемъ западаютъ въ память—видѣть, какъ взрослые и здоровые мужчины, ходившіе за 700 верстъ именно за тѣмъ, чтобы найти работу, теперь возвращаются въ свой домъ, къ женѣ и малымъ дѣтямъ, питааясь милостынею «Христа ради». А за послѣдніе годы подобная участь постигла многихъ, имѣвшихъ неосторожность попытать счастья въ Тавріи. Вотъ, напримѣръ, лаконическая судьба трехъ «гуртовъ», ходившихъ изъ села Жуковки (все той же Дѣвицкой волости). Въ 1873 году пошло 8 человекъ; изъ нихъ нанялось только 2; 6 вернулось «такъ». Въ 1874—ходило 23 человека; почти половина вернулась «такъ». Въ 1875 году, изъ всѣхъ ходившихъ нанялась развѣ третья часть. «Больше такъ ворочаются, поясняютъ крестьяне:—черезъ то и ходить перестали». И, дѣйствительно, за послѣднее время замѣчается общее паденіе земледѣльческаго отхода. Роковые годы, съ 1873 по 1875, очевидно у многихъ отбили охоту. Почти въ каждомъ селѣ вамъ скажутъ что прежде ходило отъ нихъ нѣсколько десятковъ человекъ, а теперь «стало нечутно», «нема чутке, вовсе бросили, или ходятъ отдѣльными единицами. Въ селѣ Пакули, напримѣръ, прогрессивное паденіе выражается такими приблизительными цифрами: прежде ходило болѣе 100 душъ, въ 1875 году отправилось только 10—30,

а въ 1876 году уже не пошелъ ни одинъ. Словомъ, земледѣльческій отходъ на югъ, безспорно, ослабѣлъ въ Черниговской губерніи, хотя, по всей вѣроятности, и не надолго.

При колебаніяхъ и случайностяхъ, какими обставленъ этотъ промыселъ, трудно опредѣлить съ точностью степень его выгоды. Если принять лѣтнюю выручку круглымъ счетомъ въ 45 руб., то за покрытіемъ расходовъ на передвиженіе въ оба конца чистый заработокъ получится около 35 руб., это для взрослого мужчины и притомъ только за время, предшествовавшее 1873 году. Даже и въ такомъ видѣ онъ все-таки оказывается менѣе выгоднымъ, чѣмъ, напримѣръ, работа на кирпичныхъ заводахъ, на которые нанимались въ Волынскую, Херсонскую и ту же Таврическую губернію съ платою по 50 р. за лѣто, и слѣдовательно могли принести домой рублей по 40 чистыми ¹⁾. Что же касается собственно до 1873, 1874 и 1875 годовъ, когда большая часть ходившихъ въ Таврію вернулись ни съ чѣмъ, то тутъ средній заработокъ могъ бы выйти развѣ немногимъ выше нуля, потому что большинство слагаемыхъ выразилось бы отрицательными цифрами, въ видѣ убытковъ за два мѣсяца проходы. Въ общей сложности, слѣдовательно можно сказать, что земледѣльческій отходъ на югъ—самый невыгодный изъ всѣхъ заработковъ и невыгодный именно потому, что онъ иногда бываетъ очень хорошимъ. Перспектива получать по 3 цѣлковыхъ—слишкомъ заманчива и притягательна для мужика, и въ окончательномъ итогѣ производитъ переполненіе рынка. Положимъ, эти 3 цѣлковыхъ держатся всего какихъ-нибудь двѣ недѣли; положимъ, они выпадаютъ далеко не всякому, и многимъ приходится возвращаться, «побираясь Христовымъ именемъ»—все такъ. Но вотъ Андрей или Федоръ принесъ же домой 70 цѣлковыхъ, можетъ и мнѣ «трапится»—обыкновенная логика людей, хотя всякій знаетъ, что заработать на манеръ Андрея или Федора случается одному изъ сотни. Словомъ, тутъ повторяется всегдашняя исторія, подмѣченная экономистами и даже возведенная въ законъ: что рискованныя предпріятія, суляція при удачѣ крупный кушъ, въ среднемъ выводѣ всегда бываютъ самыми убыточными. На этомъ держатся всѣ лоттереи. При нашемъ выигрышномъ займѣ, напри-

¹ Такую плату получаютъ собственно чернорабочіе, употребляемые на возку глины и сыра; формовщикамъ же цѣна бываетъ отъ 60 до 70 р., и это считается до Покрова, когда обыкновенно оканчиваются и земледѣльческія работы. Если же срокъ удлиняется (напримѣръ, до Кузьмы и Демьяна, 1 ноября), то и плата бываетъ соответственно выше. Притомъ же на кирпичные заводы обыкновенно нанимаются на мѣстѣ жительства по письменнымъ условіямъ и слѣдовательно идутъ наѣрняка, безо всякаго риска.

мѣръ, на проценты расходуется въ пять разъ бѣльшая сумма, чѣмъ на самыя выигрыши; а между тѣмъ вся его популярность и заманчивость создалась именно выигрышами и даже специальной кругленькой цифрой: 200,000. Всякій знаетъ, что, платя 215 р. за билетъ, приносящій всего 5 р. доходу, онъ дѣлаетъ самый невыгодный вкладъ, и всякій тѣмъ не менѣе покупаетъ въ надеждѣ, что, авось, у меня вложеть. Если зажиточнымъ людямъ простительно ловиться на 200,000, то мужику, усиленному недвижимой, и подавно простительно ловиться на 3 цѣльвыхъ сумочныхъ. Простительно и вполне понятно, разумѣется, но это нисколько не мѣняетъ того факта, что, въ концѣ-концовъ, онъ остается въ накладѣ. Ходить же, по всей вѣроятности, все-таки не перестанетъ: два, три удачныхъ года сгладятъ прежнее тяжелое впечатлѣніе, а всѣ прочія причины остаются на лицо, потому что югъ по старому нуждается въ рабочихъ рукахъ.

Какъ на особенность разсматриваемаго промысла, можно указать еще на то, что съ него многіе совѣмъ не возвращаются. Особенно часто бываетъ съ уходящими на Донъ: засядетъ тамъ и домой больше не показывается. Въ Борзенскомъ уѣздѣ многія села не досчитываются по нѣскольку человѣкъ, не заблагоразсудившихъ вернуться съ Дона: «пошовъ—и дѣси нема». Иной проживаетъ такимъ манеромъ безъ паспорта, «пѣви на мотузочѣ не приведуть» (Сидоровка). Но большинство не допускаетъ себя до подобной крайности и преаккуратно присылаетъ деньги на годовой паспортъ и причитающіяся съ нихъ подати. И живутъ такимъ образомъ по 5, 10 даже по 15 лѣтъ, оставивъ жену, дѣтей и ключей земли. Нѣкоторые, прочно водворившись, впоследствии забираютъ къ себѣ и семью и такимъ способомъ окончательно выселяются съ мѣста родины. Положеніе этихъ отхожихъ переселенцевъ, особенно первое время—вообще говоря, не изъ завидныхъ: донскіе казаки третнируютъ ихъ свысока и часто обижаютъ, хотя на Дону столько земли и приволья, что, кажется, могло бы на всѣхъ хватить. Что же касается собственно до земледѣльческаго промысла, то и на Дону онъ практикуется почти въ тѣхъ же формахъ, какія сейчасъ были описаны. Точно также уходятъ на него въ апрѣлѣ съ полугодовыми паспортами, точно также идутъ около трехъ недѣль, направляясь преимущественно въ Ростовъ, Таганрогъ, Азовъ, Аксайскую Станицу и проч., которые здѣсь играютъ роль такихъ же рабочихъ рынковъ, какъ Мелитополь въ Тавріи. Нанимаются прямо съ базара наѣзжими подрядчиками. Только здѣсь въ ходу иной срокъ найма: не недѣльный, а на все лѣто сразу; обыкновенно подражаются съ Троицы до Покрова (съ 20 мая по 1 сентября), т. е. срокомъ на

4 мѣсяца съ небольшимъ, причѣмъ плата бываетъ отъ 30 до 40 руб. на хозяйскомъ продовольствіи. Это; конечно, гораздо удобнѣе для рабочаго, чѣмъ перебиваться по недѣлямъ: разъ нанялся—и спокоенъ на все лѣто. За послѣдніе годы и здѣсь повторилось тоже печальное явленіе: большая часть ходившихъ не нашла работы и вернулась домой ни съ чѣмъ. Въ видѣ любопытнаго осложненія промысла, можно упомянуть еще о томъ обстоятельстве, что нѣкоторые изъ ходящихъ на Донъ, кромѣ полевыхъ работъ, занимаются тамъ еще и рыболовствомъ. Впрочемъ, на подобномъ положеніи ходятъ только изъ двухъ волостей Борзенскаго уѣзда: Иченской и въ особенности Буромской. Они выбрали себѣ центромъ Елизаветинскую станицу (на берегу Дона), и нанимаются у тамошнихъ казаковъ на ловлю рыбы—это называется «ходить въ заброды». Иногда рыболовство тутъ является только какъ бы прибавочнымъ занятіемъ къ полевымъ работамъ; иногда же разрастается до степени отдѣльнаго и совершенно самостоятельнаго промысла. Въ Елизаветинской станицѣ нанимаются по такъ называемымъ «срокамъ», причѣмъ весь годъ раздѣленъ на слѣдующіе три «срока»: весенній—съ Масляницы до Святой, лѣтній—отъ Святой до Покрова и зимній—отъ Покрова до Масляной. За лѣтній срокъ платится 50 р., а за два остальные по 40 р. Желающіе послѣтъ къ весеннему сроку выходятъ изъ Ични до Буромки еще съ февраля или января и тогда запасаются уже годовыми паспортами. Плата для ходящихъ «въ заброды» бываетъ двоякая: или они просто нанимаются «по срокамъ» и тогда ловятъ рыбу на хозяина, какъ вообще исполняютъ всякую работу; или же ловъ производится «съ половины», и тогда рабочіе продаютъ свою часть рыбы и дѣлятъ между собою деньги. Рыбу ловятъ какъ въ самомъ Дону—для чего раздѣляются на «ватаги» по 12 человекъ—такъ и въ Черномъ морѣ, уходя въ него на небольшихъ лодкахъ, называемыхъ «каюками». Насколько можно судить по рассказамъ ходившихъ въ «заброды», ихъ вознагражденіе даже при ловлѣ съ $\frac{1}{2}$ мало чѣмъ отличается отъ обычной рабочей платы тѣхъ мѣстъ, значитъ, только та слава, что сами распоряжаются, а въ сущности тѣ же рабочіе. Нѣсколько выгоднѣе варіація земледѣльческаго отхода, встрѣчающаяся въ Новозыбковскомъ уѣздѣ, именно наемъ въ пастухи на выпасъ скота «по степамъ». Купцы города Новозыбкова и посада Клинцовъ промышляютъ гуртовщицествомъ. Они скупаютъ скотъ на весеннихъ украинскихъ ярмаркахъ и отпасываютъ его въ Полтавской губерніи, для чего арендуютъ у тамошнихъ помѣщиковъ сѣновосныя степи; иногда у одного и того же владѣльца снимаются огромныя пространства для нѣсколькихъ тысячъ головъ,

и почти всегда по долгосрочнымъ контрактамъ. Здѣсь, на степяхъ, скоть отбѣдается въ продолженіи весны и лѣта, «нагуливаетъ тѣло», а осенью его гонятъ на убой въ Бобруйскъ, Брестъ, Варшаву, но преимущественно въ Кіевъ. Прежде промыселъ былъ обширнѣе, и воловъ гоняли до Петербурга, но въ послѣднее время отстали: далеко слишкомъ, рисковано и невыгодно. На каждые 200—250 головъ полагается обыкновенно по 4 пастуха, которые и нанимаются на мѣстѣ, въ Новозыбковскомъ уѣздѣ, по условіямъ, свидѣтельствуемымъ въ волости. Такъ какъ приютить пастуху до нѣкоторой степени ввѣряется цѣнное имущество, то купцы стараются выбирать людей надежныхъ и платятъ сравнительно хорошо. Часто бываетъ, что одинъ и тотъ же крестьянинъ нанимается къ своему хозяину по нѣскольку лѣтъ подрядъ—случалось, лѣтъ по 10, и такіе опытные пастухи въ особенности цѣнятся. Срокъ найма обыкновенно растягивается съ февраля до половины ноября, т. е. до 9 и 9½ мѣсяцевъ. За это время взрослому мужчинѣ платятъ отъ 55 до 65 р. на готовыхъ харчахъ; въ нѣкоторыхъ отдѣльныхъ случаяхъ плата поднимается до 80 и даже до 100 руб. По семи условіямъ, заключеннымъ въ 1875 г. клинцовскимъ купцомъ Василиемъ Степунинымъ съ крестьянами села Манюковъ и деревни Скоробогатой (Бѣло-Колодезской волости) средняя плата для взрослого пастуха выходитъ около 60 руб., и эту цифру можно принять за нормальную. Самое выпасываніе производится при такой обстановкѣ. На степу (въ Полтавской губерніи) сооружается курень—это станокъ, мѣсто отдыха и ночлега. Рано утромъ, съ восходомъ солнца, скоть угоняется въ степь, причемъ пастухи получаютъ завтракъ на руки; около полудня его прогоняютъ къ куреню на водопой и тогда обѣдаютъ; затѣмъ вторично скоть уходитъ въ степь и пасется до сумерекъ, когда его опять пригоняютъ къ куреню—уже на ночлегъ.

Постараемся опредѣлить число лицъ, промышляющихъ земельцескимъ отходомъ въ южныя губерніи. Какъ извѣстно, почти всѣ они берутъ полугодовые паспорта и притомъ весною и даже почти исключительно въ апрѣлѣ—по этому признакамъ и нужно докапываться. Возьмемъ для примѣра Салтыково-Дѣвицкую волость. Въ среднемъ выводѣ за трехлѣтіе, съ 1874—1876 года, число взятыхъ въ ней паспортовъ (162) распалось слѣдующимъ образомъ по временамъ года:

	Было взято:
Зимою	10 паспортовъ
Весною	135 »
Лѣтомъ	7 »
Осенью	10 »

Т. е. паспорта брались почти исключительно весной. Затѣмъ эта весенняя цифра, 135, въ свою очередь, состояла изъ документовъ слѣдующихъ сроковъ; въ ней было:

Годовыхъ паспортовъ	2
Полугодовыхъ »	131
Мѣсячныхъ билетовъ	2

Такимъ образомъ, характеръ отхода вырисовывается съ полною рельефностью: шли почти исключительно весной и по полугодовымъ паспортамъ (131 изъ 162). Въ переводѣ это значить: шли на все время лѣтнихъ работъ. Здѣсь цифры распались съ большою рѣзкостью, потому что во всей Дѣвицкой волости, собственно говоря, извѣстенъ только одинъ видъ отхожихъ промысловъ—въ Таврію. Въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ ихъ существуетъ нѣсколько заразъ—цифры тушуютъ и затемняютъ одна другую; но значеніе каждаго отдѣльнаго слагаемаго и тутъ, конечно, остается неизмѣннымъ. Прилагая подобный приѣмъ во всему нашему району, получимъ слѣдующее. Въ Борзенскомъ, Черниговскомъ и Новозыбковскомъ уѣздахъ вмѣстѣ, съ марта по май 1876 года, было взято 1,292 полугодовыхъ паспортовъ—это, значить, для отхода на лѣтнія работы. Ихъ извѣстно только два вида: земледѣльческія и на кирпичныхъ заводахъ. «Въ кирпичѣ» идутъ въ несравненно меньшемъ числѣ и притомъ не всегда по полугодовымъ паспортамъ, а иногда и по годовымъ, если срокъ работъ растягивается до Кузьмы-Демьяна и далѣе, такъ что кирпичный отходъ попалъ въ нашу цифру только одной половиной; тѣмъ не менѣе, ее, конечно, нужно вычесть—это минусъ. Съ другой стороны, и на полевныя работы уходятъ иногда съ годовыми паспортами (изъ Борзенскаго уѣзда на Донъ—послѣвающіе къ «весеннему сроку», новозыбковскіе пастухи)—это плюсъ, и плюсъ такого рода, что онъ по меньшей мѣрѣ, уравниваетъ минусъ. Такимъ образомъ, въ окончательномъ итогѣ можно принять, что общее число уходящихъ на югъ для земледѣльческихъ работъ во всякомъ случаѣ *не менѣе 1,300 человекъ*.

Приведенная цифра выражаетъ собою размѣры только одного дальняго отхода; но земледѣльческими заработками промышляютъ и поблизи, преимущественно въ той формѣ, которая извѣстна подъ собирательнымъ именемъ *зажодна*. Зажонъ есть не что иное, какъ наемъ на уборку хлѣбовъ, а иногда и травъ, только обставленный многими бытовыми особенностями. Вознагражденіе при немъ производится натурою въ такомъ, напримѣръ, видѣ: изъ каждыхъ пяти нажатыхъ вопъ жита, четыре остается хозяину, а пятую получаетъ жнецъ за трудъ, это его заработокъ; въ подобномъ случаѣ говорится, что жали «за пятую копу» или

все равно, «за пятый снопъ». Нѣкоторыя семьи, преимущественно изъ бѣдныхъ вдовъ или солдатокъ съ малолѣтними дѣтьми, которымъ нельзя далеко отлучаться, а «въ наймички» никто не беретъ изъ-за дѣтей—можно сказать, почти исключительно существуютъ отъ загона; это ихъ специальность и единственный заработокъ: чтò зажнетъ лѣтомъ, тѣмъ только и пропитывается зимою. Но какъ подспорьемъ, хотя и очень важнымъ, закономъ промышляетъ огромное большинство крестьянъ въ нехлѣбородныхъ мѣстностяхъ. Изъ селеній же, особенно обиженныхъ землей, иногда ходятъ почти поголовно, т. е., изъ каждаго двора, какъ мужчины, такъ и женщины, за исключеніемъ нѣсколькихъ богатей. Въ жнива становятся или къ помѣщикамъ—«по экономіямъ», какъ это называется—или «по хозяйнамъ», т. е. у своего же брата зажиточнаго крестьянина и казака. Прежде всего стараются пристроиться, если возможно, въ своемъ селѣ или въ сосѣднемъ, въ которомъ земли лучше; затѣмъ идутъ дальше и дальше—словомъ, каждый ищетъ, гдѣ ему сподручнѣе и удобнѣе. Изъ западной части Черниговскаго уѣзда ходятъ, напримѣръ, даже за Днѣпръ, по ближайшимъ селеніямъ Минской губерніи—«въ Польшу», какъ здѣсь выражаются. Но главнымъ центромъ загона служатъ по преимуществу важная черноземная полоса губерніи, куда идутъ изъ всѣхъ смежныхъ мѣстностей Черниговскаго, Сосницкаго и т. д. уѣздовъ, заходятъ даже съ сѣвера, изъ Новозыбова, напримѣръ. Такъ какъ желающихъ зажинать копу или снопъ всегда бываетъ много, то хозяева и землевладѣльцы получили возможность требовать отъ нихъ еще разнаго рода отработковъ и приплатъ, называемыхъ обыкновенно «басаринками». Басаринки берутся, такъ сказать, не въ счетъ абонеента, собственно за право или дозволеніе промышлять закономъ; иногда же они рассматриваются, какъ вознагражденіе за получаемые загонщикомъ харчи. Форма ихъ весьма разнообразная: покосить нѣсколько дней, поправить клуню или токъ, смолотить копу-другую хлѣба и т. п.—это для мужчинъ; бабы, съ своей стороны, помогаютъ хозяйкѣ брать ленъ или конпли, гребуть сѣно, «пораются» въ огородъ и пр. Случается, что басаринки берутся и прямо деньгами въ такомъ, напримѣръ, видѣ: работникъ платитъ по цѣлевому отъ каждой сжатой имъ десятины (Березна) или отъ каждой копы, которая приплась на его долю (дер. Дурни); но это—рѣдко и практикуется больше «по экономіямъ».

Въ Борзенскомъ уѣздѣ главнымъ пунктомъ, въ который ходятъ зажинать хлѣбъ, служитъ бывшая «Бѣловещская колонія», нынѣ составляющая Кальчиновскую волость. Здѣшніе нѣмцы или «прусы», какъ ихъ называютъ крестьяне, сами мало работаютъ. Даже

наиболѣе бѣдные изъ нихъ всегда держать годовика или годовичку, многіе нанимаютъ по нѣскольку человекъ и даже берутъ дѣвочекъ «нянками для дѣтей». Сверхъ того, большая часть полевыхъ работъ выполняется нахожими людьми: жнуть и косить у нихъ за сношь, молотятъ за мѣрку, даже на выборъ картофеля—этой самой любимой овощи колонистовъ—нанимаютъ за коробку. Самъ нѣмецъ этимъ не занимается. Во всѣхъ колоніяхъ можно насчитать развѣ $\frac{1}{30}$ часть хозяевъ, которые берутся за серпъ и косу, а въ самой Кальчиновеѣ такихъ только два — и это изъ предѣльно бѣдныхъ. Остальные ни за что не станутъ ни жать, ни косить, считая подобную работу и тяжелой, и унижительной для себя. На всѣ разпросы они отвѣчаютъ одно: такъ уже завелось у насъ издавна, когда еще достатки были большіе, а теперь держится по старой памяти. Собственно говоря, изъ всѣхъ полевыхъ операцій они своими руками выполняютъ только одну: вспахъ земли, бранку—и это дѣлаютъ дѣйствительно со стараніемъ и хорошо; затѣмъ еще сами сѣютъ и возятъ копы, а женщины ходятъ за табакомъ, берутъ ленъ и сажаютъ картофель. Все остальное производится чужими руками, въ той или другой формѣ. Подобная лѣность тѣмъ болѣе удивительна, что хотя колонисты и обставлены зажиточнѣе крестьянъ, но достатки ихъ вообще не Богъ знаетъ какіе и между ними много малоземельныхъ и еле-еле перебивающихся. Какъ бы то ни было, но запросъ на чужой трудъ очень великъ въ колоніяхъ, и сюда многіе ходятъ на заработки: «прусь хлѣбъ даетъ», говорятъ про нихъ крестьяне. Собственно въ заюнъ къ прусамъ идутъ изъ сѣверной полосы Борзенскаго уѣзда, и преимущественно изъ-за Десны, т. е. изъ ближайшихъ сосницкихъ селеній: Волѣвицы, Малаго-Устья, Макошина и пр. Дѣлается это такъ. Еще до праздника Пасхи, пока лежитъ снѣгъ, желающій зажинать сношь приходитъ въ колонію и ищетъ хозяина, который согласился бы принять его въ заюнщики. О вознагражденіи при этомъ не бываетъ рѣчи (оно назначается впоследствии), тутъ работникъ собственно только заручается хозяиномъ, обезмечиваетъ за собою право убирать хлѣбъ; какъ бы въ видѣ благодарности или задобриванія онъ обыкновенно помогаетъ въ чемъ-нибудь по хозяйству дня два или три—«работу хозяину покажуе»; затѣмъ уходитъ домой. Это первая операція. Она называется *статъ въ заюнъ*. Весь ея смыслъ въ заручкѣ или, если хотите, въ договорѣ: «ставшій» обязывается прійти на уборку хлѣба, а хозяинъ обязывается принять его—взаимное обезпеченіе, значить. Когда наступитъ время косовицы, т. е. приблизительно за недѣлю до Петра и Павла (29-го іюня)—заюнщикъ снова является въ колонію и дня 3—

4 косить хозяйскую траву; затѣмъ опять уходить. Это басаринокъ. Такимъ образомъ, уже два раза навѣдался, а за серпъ еще не брался. Но вотъ, наконецъ, наступилъ и завѣтный, такъ долго ожидаемый моментъ — зажонщикъ приходитъ въ третій разъ и теперь остается на все время, пока не будетъ сжать и убранъ весь хлѣбъ, что обыкновенно продолжается недѣли двѣ или три. Свои вѣпы, сколько удалось заработать, онъ пока оставляетъ здѣсь, складывая въ хозяйскую клуню, самому ему теперь некогда съ ними возиться: нужно поспѣшать домой «порать у себя». Тѣмъ не менѣе, передъ уходомъ онъ еще долженъ намолотить хозяину зерна «на посѣвъ», по такому расчету: если жалъ на 2-хъ десятинахъ—вымолачиваетъ 20 пудовъ, жалъ на 3-хъ дес.—30 пудовъ и проч., вообще чтобы хватило на обмененіе. Осенью зажонщикъ является за своимъ хлѣбомъ. Конечно, всего выгоднѣе было бы забрать его съ соломой—по другимъ мѣстамъ такъ и дѣлается, но въ колоніи приходятъ изъ дальнихъ селъ, и имъ несподручно возиться съ копами; поэтому большинство молотитъ свой хлѣбъ здѣсь же, на хозяйскомъ тову и везетъ въ себѣ только зерно. Во все время работъ зажонщикъ харчится у хозяина. Нѣмцы кормятъ хорошо—на это никто не жалуется—только обходятся по пански: зажонщикова и вообще всѣхъ рабочихъ садятъ за отдѣльнымъ столомъ, и самъ хозяинъ никогда не станетъ обѣдать вмѣстѣ съ ними. Положимъ, въ постные дни пища бываетъ разная, но такъ дѣлается рѣшительно всегда и по совершенно инымъ причинамъ: «не годится работнику сидѣть рядомъ съ хозяиномъ»—разсуждаетъ прусъ. Плата зажонщикамъ бываетъ разная. Въ колоніяхъ чаще всего жнутъ за 4-й, 4^{1/2} и за 5-й сношъ. Когда работникъ «становится» въ зажонъ, ни одинъ хозяинъ не скажетъ ему—который сношъ дастъ. Это рѣшается потомъ и слѣдующимъ оригинальнымъ способомъ. Когда выяснится и опредѣлится общій наплывъ рабочихъ — въ каждой отдѣльной колоніи собирается сельскій сходъ, громада (всѣхъ колоній счетомъ 6; каждая составляетъ отдѣльное общество, а всѣ вмѣстѣ—волость); здѣсь, по примѣрамъ прежнихъ лѣтъ, составляется приговоръ: который давать сношъ, руководствуясь тѣмъ соображеніемъ, что чѣмъ больше пришло зажонщиковъ, тѣмъ «меньшій» или «худшій сношъ» имъ слѣдуетъ получать (напримѣръ, 5-й вмѣсто 4-го). Затѣмъ, всѣ шесть старостъ собираются въ волость и сообщая съ старшиною дѣлаютъ окончательное постановленіе, которое разсылается по колоніямъ и всѣми выполняется, какъ приказъ по волости. Если, напримѣръ, присудили давать 5-й сношъ, то ни одинъ хозяинъ не имѣетъ права отступать отъ этой нормы, и дѣйствительно почти

никогда не отступает. По крайней мѣрѣ, старики-колонисты рассказывали мнѣ, что за все время они помнятъ только одинъ случай нарушенія. Это было лѣтъ 15—20 назадъ, когда зажонщикова пришло чрезвычайно мало, и хозяева — не смотря ни на какихъ шульцевъ и ни на какіе приказы — стали переманивать ихъ одинъ у другого, предлагая лучшія условія. Съ тѣхъ поръ не повторялось.

Такимъ образомъ, чтобы удостоиться позволенія убирать хлѣбъ, получая за свой трудъ $\frac{1}{4}$ или $\frac{1}{5}$ долю, зажонщикъ долженъ: 1) поработать нѣсколько дней весной, когда «становится» въ жнивѣ, 2) вывостить хозяйскіе луга, 3) смолотить нѣсколько копъ на сѣмена, это все басаринки, и въ общей сложности они составляютъ болѣе недѣли дарового труда. Затѣмъ, ради ихъ, зажонщикъ долженъ отиѣрять путь изъ Сосницкаго уѣзда до колоній (верстъ 50) четыре раза въ оба конца, т. е. пройти въ общемъ итогѣ около 300 верстъ и проѣхать 100¹—это хуже всякихъ басаринковъ, и отнимаетъ около полуторы недѣли. Между тѣмъ законъ въ колоніяхъ, по условіямъ, считается еще изъ болѣе выгодныхъ. Къ прусамъ всегда охотно идутъ, и иные такъ съ ними сживаются, что одинъ и тотъ же крестьянинъ, бываетъ, «становится» лѣтъ по 10 и даже по 15 подрядъ къ разъ избранному имъ хозяину, оба, значить, довольны другъ другомъ. Да и немудрено, потому по инымъ мѣстамъ условія бываютъ еще тяжеле. Особенно большіе басаринки берутъ «замѣнные» казаки и крестьяне: тутъ зажонщику часто приходится работать на хозяина по двѣ-три недѣли и даже болѣе, и все это за право получить этотъ несчастный 4-й снопъ. Безъ преувеличенія можно сказать, что басаринки грозятъ превратиться въ новый видъ «панщины»; уже на этотъ счетъ стали слагаться и поговорки (С. Плисса: «басариновъ хуже панщины»). Берестовець: «одно слово—робишь отъ снѣгу до снѣгу»).

Относительно матеріальныхъ условій загона можно привести слѣдующія цифры. Въ Борзенскомъ уѣздѣ они успѣли довольно прочно установиться и были записаны въ 49 селеніяхъ (изъ 57-ми). Эти записи распадаются на двѣ неравныя группы: 1) Въ 5-ти случаяхъ съ зажонщикомъ не бралось никакихъ приплатъ и отработовъ; тутъ ихъ вознагражденіе является въ чистомъ, несложненномъ видѣ, и среднимъ счетомъ оно почти равнялось 5-му снопу. 2) Въ остальныхъ 44 случаяхъ законъ сопровождался басаринками и притомъ весьма различной величины: отъ двухъ дней до трехъ недѣль дарового труда, чаще же всего

¹ Въ послѣдній разъ, за хлѣбомъ, онъ не приходитъ, а приважаетъ.

число дней не опредѣлялось съ точностью и выражалось растяжимой формулой: «послухать, яеъ гуенѣ», т. е. помочь хозяину, когда и на что позоветъ. Въ этихъ 44 случаяхъ зажонщики получали слѣдующее вознагражденіе:

5-й	снопъ въ	2-хъ	селеніяхъ.
4 ¹ / ₂ -й	»	»	3-хъ
4-й	»	»	34-хъ
3 ¹ / ₂ -й	»	»	4-хъ
3-й	»	»	1-мъ селеніи.

Въ среднемъ выходитъ ровно 4-й снопъ (176: 44). Такимъ образомъ для крестьянъ, своихъ и нахожихъ, промышляющихъ зажомъ въ Борзенскомъ уѣздѣ, условія предлагаются въ слѣдующемъ видѣ: или *пятый снопъ* ($\frac{1}{5}$ урожая) безъ отработокъ или *четвертый снопъ* съ отработками. Оба условія считаются равносильными и иногда даже предоставляются на выборъ. Въ обоихъ случаяхъ зажонщикъ почти всегда получаетъ харчи отъ хозяина (только въ экономіяхъ обыкновенно работаютъ «съ своимъ хлѣбомъ въ торбѣ»).

Въ Черниговскомъ уѣздѣ условія тяжеле, такъ какъ здѣсь рѣже встрѣчаются хорошія земли, на которыя принимаютъ въ зажомъ. Въ среднемъ выводѣ здѣсь даютъ только 5¹/₂-й снопъ ¹.

Въ заключеніе опишу одинъ изъ самыхъ оригинальныхъ промысловъ—ходженіе «на воду», бурлачество. Для черниговскихъ бурлаковъ или по мѣстному названію, *осначей* поприщемъ служить система Днѣпра. Осначай ходятъ, какъ по самому Днѣпру, начиная отъ Орши или мѣстечка Шклова и кончая Херсономъ, такъ и по его притокамъ: по Припети — до Пинска, а иногда системою каналовъ поднимаются даже до Бреста; по Сожу — до Гомля и извѣстной раскольничей слободы Вѣтки ², рѣже поднимаются еще далѣе вверхъ до Пропойска и Кричева ³. Это ихъ главный районъ. Затѣмъ, въ сравнительно меньшемъ количествѣ ходятъ еще по Березинѣ—до Борисова, по самой Деснѣ на всемъ ея протяженіи отъ Кіева до Брянска и, наконецъ, по большой рѣчкѣ Снову ⁴. Работа осначей бываетъ двухъ родовъ: они или сплавляютъ лѣсъ, который на верховыхъ пристаняхъ вьжется въ плоты и въ такомъ видѣ гонится внизъ по рѣкамъ, или же «проводятъ берлины»—большія суда, поднимающія по нѣскольму ты-

¹ Матеріалы для оцѣнки земельныхъ угодій, т. II, стр. 47—50 и т. I, стр. 70—71.

² Версть 20 выше Гомля.

³ Черниговскаго уѣзда?

⁴ Начинается въ Новозыбковскомъ уѣздѣ, течетъ по Городнянскому и впадаетъ въ Десну версть 15 выше Чернигова, при селѣ Брусиковѣ.

сять пудовъ; онѣ грузятся хлѣбомъ преимущественно въ Кіевѣ и затѣмъ на шестахъ поднимаются ввѣрхъ противъ теченія, направляясь по большей части на Пинскъ и Могилевъ. Сообразность этимъ и самый промыселъ раздѣляется на-двое: ходить «на плоты» и ходить «на берлины». Каждая форма имѣетъ свои особенности.

Сплавъ лѣса начинается съ ранней весны, какъ только вскроются рѣки—что обыкновенно бываетъ около Благовѣщенія (25-го марта)—и продолжается не далѣе іюня, потому сначи торопятся домой къ жнивамъ, чтобъ не пропустить слишвомъ цѣннаго для всякаго земледѣльца времени уборки хлѣбовъ. Только въ видѣ исключенія, въ случаѣ какой-нибудь экстренной задержки или несчастья, имъ приходится возвратиться домой позже Петра и Павла (29-го іюня)—и тогда они считаютъ промыселъ этого года совершенно неудавшимся и убыточнымъ для себя. Вообще, значить, можно сказать, что гонка плотовъ производится почти исключительно весною, по полою водѣ. Лѣсъ идетъ по преимуществу изъ бѣлорусскихъ губерній: Минской и Могилевской; но плоты вяжутъ также и по пристанямъ средняго теченія, именно—въ сѣверной части Кіевской губерніи, въ предѣлахъ самой Черниговской, при селахъ Навозѣ и Сорокошичахъ. Гонять же ихъ по большей части или до Екатеринослава или за пороги, до Херсона. Всѣмъ этимъ дѣломъ орудуютъ еврей. Еще зимою, въ январѣ, февралѣ и началѣ марта ихъ повѣренные появляются въ селахъ и нанимаютъ рабочихъ. Первый сговоръ производится обыкновенно въ шинкѣ, гдѣ, въ видѣ приманки, дается иногда на руки малая толика денегъ. Затѣмъ всѣ идутъ въ волость и пишутъ условіе «гуртомъ». Раздавъ задатки, еврей уѣзжаетъ; а подрядившіеся крестьяне обязываются «по первому востребованію» явиться на назначенную пристань. Цѣна обыкновенно опредѣляется не по-срочно, а за всю операцію цѣликомъ—«за сходку», какъ это называется, причемъ въ обязанность сначей входитъ не только доставка лѣса отъ пункта до пункта, но также и вязка его въ плоты, которая иногда занимаетъ даже болѣе времени, чѣмъ самый сплавъ. Кромѣ разныхъ постороннихъ причинъ, цѣны прежде всего зависятъ отъ величины сходы. Въ послѣднее время онѣ стояли на такомъ уровнѣ: за сплавы отъ дальнихъ верховыхъ пристаней (напримѣръ, отъ Пинска до Могилева и выше) до конечнаго пункта Херсона платили 20—25 руб. на человѣка, а иногда даже до 30 руб.; отъ среднихъ пристаней до того же Херсона 18—20 руб.; наконецъ, между промежуточными пристанями: отъ 10 до 15 руб. Приведу нѣсколько примѣровъ.

1) 12-го марта 1875 г., 45 крестьянъ изъ знакомыхъ намъ сель Вышкова, Старыхъ и Новыхъ Бобовичъ нанялись (по четыремъ условіямъ) на сплавъ строевого лѣса *отъ Маримоновой Руды*¹ до Херсона. Плата: 42-мъ человѣкамъ *по 20 руб.*, а тремъ по 18 руб.

2) 12-го марта 1875 г., 28 крестьянъ Старыхъ и Новыхъ Бобовичъ; отъ пристани *Багримовичи*² до Екатеринослава. Цѣна: *по 20 руб.* каждому (одному 17 руб.).

3) 1-го марта 1876 г. 41 крестьянинъ тѣхъ же сель (по тремъ условіямъ): *отъ* пристани *Ямной*³ до Екатеринослава. Цѣна: 38-ми человѣкамъ *по 16 руб. 50 коп.*, одному 14¹/₂ р., одному 14 и еще одному 13 руб.

4) 7-го апрѣля 1876 г., 19 крестьянъ тѣхъ же сель: отъ пристани Монастырска, что *при мѣстечкѣ Ржищевѣ*⁴—до Екатеринослава или Херсона, смотря по желанію нанимателя. Цѣна: до Екатеринослава *по 14 руб.*, до Херсона *по 16 руб.*

Между промежуточными пристанями:

5) 6-го и 8-го марта 1876 г. (по двумъ условіямъ), 36 крестьянъ сель Мнѣва и Ковпѣты, Пакульской волости, нанялись отъ села *Сорокишичи* (Остерскаго уѣзда) до разныхъ пристаней, именно до Ржищева—*по 9 руб.*, до Черкасъ—*по 11 руб.*, до Кременчуга—*по 13 руб.* и до Екатеринослава—*по 16 руб.*

6) 2-го января 1876 г., 94 человѣка изъ села Мнѣва, той же Пакульской волости, нанялись на сплавъ дровъ *отъ Толокунской пристани*⁵ до Черкаскаго сахарнаго завода. Цѣна: 84-мъ человѣкамъ *по 15 руб.*, шести по 13 руб., тремъ по 12 и одному 10 руб.⁶

Осначі нанимаются непременно на хозяйскихъ харчахъ, которые и получаютъ во все время работы, т. е. начиная съ того момента, какъ они явятся на пристань для вязки лѣса и кончая разборкою плота въ пунктѣ доставки. Харчъ обыкновенно отпускается въ такомъ количествѣ—на каждого человѣка въ недѣлю:

Печенаго хлѣба	28 фунтовъ.
Пшени	8 >
Соли	1 >
«Заграсы», т. е. сала и олею.	2 >

¹ На Днѣпрѣ, около м. Холмычъ, верстѣ 30 ниже Рѣчицы.

² На Припяти, при устьѣ рѣки Птичь, верстѣ 30 выше Мозыря.

³ На Березинѣ, около Слисличи, верстѣ 40 выше Бобруйска.

⁴ Верстѣ 60 ниже Кіева.

⁵ На Днѣпрѣ, верстѣ 50 выше Кіева, при устьѣ маленькой рѣчонки Жидь.

⁶ По четыремъ первымъ условіямъ нанимавшіеся крестьяне были изъ Ново-збковскаго уѣзда, по двумъ послѣднимъ—изъ Черниговскаго.

Водки обыкновенно не полагается, и она фигурирует только въ видѣ исключенія. Эта пропорція сдѣлалась до того обычной, что нѣкоторыя условія ея совсѣмъ не прописываютъ, а выражаются просто: «харчи, какъ въ прочихъ судопромышленниковъ»; иногда хлѣбъ и шпено отпускаются даже безъ вѣсу — сколько съѣдятъ. Подобная норма питанія, очень скромная по сравненію съ тѣмъ, что получаютъ рабочіе на сахарныхъ заводахъ, тѣмъ не менѣе считается достаточной, и осначи никогда не жалуются на свою пищу. Крестьянкамъ, привыкшимъ голодать дома, она кажется почти роскошной; на этотъ счетъ даже сложилась поговорка, гласящая, что «осначи ѣдятъ еалачи, а осначи — бѣлачи».

По первому востребованію, осначи снаряжаются въ путь. Если они нанялись отъ среднихъ пристаней, то доставиться имъ недолго; но для тѣхъ, которые должны идти, напримѣръ, до Могилева (верстъ 300) или Пинска (верстъ 400), предстоитъ не легкая дорога, такъ какъ ее приходится отгѣривать въ самое отвратительное время года, въ мартъ, въ полную распутицу; особенно не хорошо бываетъ идущимъ въ Полѣсье, гдѣ въ это время свирѣпствуютъ лихорадки. Весь путь—до Пинска, напримѣръ—занимаетъ около 1½ недѣли и производится на свой счетъ, т. е., вѣрнѣе сказать, съ своимъ хлѣбомъ въ котомкѣ; если и выговаривается иногда какой-нибудь цѣлковый «путевыхъ», то это обыкновенно не хватаетъ. Дотащившись до означенной пристани, осначи приступаютъ къ вязкѣ плотовъ. Заготовленіе всѣхъ нужныхъ для этого матерьяловъ (лозы и проч.) обыкновенно лежитъ на обязанности хозяина, самый же лѣсъ свозится къ пристани еще по зимнему пути, такъ что на долю осначей выпадаетъ собственно только операція связыванія бревенъ и составленія изъ нихъ плотовъ. Выполнять ее они должны «со всею поспѣшностью», какъ это пишется въ нѣкоторыхъ условіяхъ. И пишется не даромъ: вязка плотовъ—дѣло очень кропотливое и мѣшотное, отнимающее иногда съ мѣсяць и болѣе времени, особенно если поверхъ строевыхъ бревенъ грузится еще такъ называемый «накатъ» изъ мелкаго лѣса: дровъ, латъ, крокъ и т. п. Почти всѣ условія ставятъ тутъ ограниченіе и опредѣляютъ срокъ вязки въ 20, 25 или 30 дней, а если она затянется, то за всякій излишній день хозяинъ обязанъ платить рабочимъ суточные, обыкновенно по 30 коп. на человѣка. Когда плоты готовы, осначи плывутъ на нихъ внизъ по рѣкѣ до означеннаго пункта. На каждый плотъ обыкновенно полагается по 3 человѣкъ, а на «паровѣу», состоящую какъ бы изъ двухъ плотовъ, хотя и меньшихъ—6 человѣкъ; одинъ изъ нихъ играетъ роль старшаго

и прозывается атаманомъ. Плоты плывутъ «партіями», по 5—15 штукъ вмѣстѣ и помогаютъ другъ другу въ пути; на одномъ изъ нихъ помѣщается «хозяйщина», т. е. хатка для хозяина—тутъ же и харчъ. Смотря по размѣрамъ партіи, на нее назначается одинъ или два лоцмана, которые ѣдутъ впереди на маленькой лодкѣ—дубѣ, оттого и сами они называются «дубовиками». Дубовикъ, такъ сказать, командуетъ и заправляетъ всей партіей; это своего рода оберъ-кондукторъ, хотя его должность скорѣе тяжелая, чѣмъ почетная—и въ нее идутъ не охотно. По крайней мѣрѣ, почти всѣ условія считаютъ нужнымъ оговорить, что—буде хозяинъ кого-нибудь изъ насъ, крестьянъ, выберетъ въ дубовики, то отказываться не должны. За труды и бессонницу дубовику идетъ прибавка: рубль или два, рѣдко три; затѣмъ онъ пользуется привиллегіей получать двойную «закрасу», т. е. двойное количество сала и олею, а по окончаніи сходки хозяинъ долженъ купить ему картузь—это стало какъ бы обычнымъ правомъ, и этотъ картузь часто прописывается; иногда къ нему добавляется еще и платокъ. Вообще, про письменныя условія, заключаемыя при промыслѣ осначей, можно сказать, что хотя они еще и не дошли до той подробности и крючкотворной предусмотрительности, какую мы видѣли въ сдѣлкѣ сахарозаводчиковъ, но несомнѣнно двигаются въ этомъ направленіи. Правда, въ отдѣльных условіяхъ встрѣчаются пока значительные пропуски, которые на практикѣ дополняются или обычаемъ, или просто «усмотрѣніемъ» хозяина; но взятые въ совокупности, они уже и теперь многое оговариваютъ, взвѣшиваютъ и ставятъ въ рамки. Такъ, напримѣръ, въ нихъ можно встрѣтить слѣдующіе пункты:

Лѣсъ принимается и сдается по счету. Въ случаѣ потери, рабочіе отвѣчаютъ по низовымъ цѣнамъ: до пороговъ—по екатеринославскимъ, а за порогами—по херсонскимъ.

Если, «Боже сохрани», кто изъ рабочихъ заболѣетъ «въ пути слѣдованія», то за первые дни вычета нѣтъ (обыкновенно отъ 2 до 7 дней), а за слѣдующіе—идетъ вычетъ. Въ одномъ условіи даже встрѣчается такая приставка: болѣзнь должна быть подтверждена атаманомъ и рабочими.

Кто совсѣмъ не явится на пристань—взыскивается задатокъ вдвойнѣ. При побѣгѣ, или всѣ рабочіе должны покрыть убытки своимъ имуществомъ за круговую порукою, или же «виновный отвѣчаетъ по закону».

За пьянство, прогулъ или буйство мы, крестьяне, «подвергаемъ себя» штрафу по 50 коп., по 1 р. или по 2 р. за разъ. Въ одномъ случаѣ, штрафъ назначается даже за отказъ подать помощь другому плоту, правда, очень небольшой, всего въ 30 коп. Всѣ

*

подобныя мелкія взысканія идутъ или въ пользу артели, или въ пользу хозяина. Иногда они прописываются въ той курьезной формѣ, по которой выходитъ, что сами крестьяне «обязываютъ» хозяина наказать ихъ. Такъ, напримѣръ, въ одномъ условіи говорится: «Во время слѣдованія плотами мы, крестьяне, пьянствовать и буйствовать не должны, за что хозяинъ съ того лица обязанъ взыскать штрафа одинъ рубль».

На тотъ случай, если лѣсопромышленникъ нетолько доставляетъ плоты до извѣстнаго города, но еще намѣренъ развозить и сбывать лѣсъ по дорогѣ—въ условіе вставляется такой пунктъ: для продажи лѣса на попутныхъ пристаняхъ останавливаться бесплатно по 3 дня, а сверхъ этого срока хозяинъ платитъ каждому рабочему по 30 коп. въ сутки (или по 40 в.), но не считая бурныхъ и вѣтряныхъ дней, въ которые все равно плоты не ходятъ.

Но главный центръ заботливости составляютъ днѣпровскіе пороги — это самое опасное мѣсто всего плаванія, въ которомъ часто случается такъ называемая «побойка» плотовъ. Несчастье въ порогахъ для лѣсопромышленника кончается убытками, для осначей — непомерною задержкою въ пути, вслѣдствіе которой они иногда запаздываютъ вернуться домой къ жнивамъ. Здѣсь возможны всякія случайности и непредвидѣнности, которыя, слишкомъ чувствительно затрогивая интересы обѣихъ сторонъ, часто подають поводъ къ пререканіямъ и даже раззорительнымъ судебнымъ процессамъ, чему способствовала также и прежняя неопредѣленность письменныхъ условій. Передъ порогами принимаются исключительныя предосторожности. Верстъ пять ниже Екатеринослава, въ деревнѣ Каменкѣ, съ которой собственно начинаются пороги—удваиваютъ пропорцію рабочихъ силъ: хозяинъ нанимаетъ такъ называемыхъ «добавочныхъ» рабочихъ изъ мѣстныхъ крестьянъ; ихъ располагаютъ обыкновенно съ такимъ расчетомъ, что на воторомъ плоту было пять человѣкъ—ставится еще пять добавочныхъ, а на воторомъ было шесть—ставится еще шесть. Затѣмъ здѣсь же, т. е. въ Каменкѣ, берутъ казенныхъ лопмановъ. Въ бурю и ненастье, конечно, нельзя идти черезъ пороги; на этотъ случай обыкновенно вставляется оговорка, гласящая, что рабочіе должны выждать благоприятной погоды бесплатно, сколько бы дней ни пришлось, или, выражаясь энергическимъ языкомъ одного условія, «прибывши въ лопманскую Каменку, бунта не дѣлать и спокойно ожидать очередныхъ казенныхъ лопмановъ». Наконецъ, учувивъ моментъ и запасшись вѣсми нужнымъ, вступаютъ въ пороги. Не далеко они тянутся, но на этомъ пространствѣ иногда случается провозиться больше времени, чѣмъ на

всемъ остальномъ пути, особенно если плоты разобьются о подводные камни. Тутъ наступаетъ моментъ, характеризующійся поговоркой: *zauve qui reut!* Несчастія съ людьми рѣдко бывають: кого вытаскать, кто и самъ выплыветъ, но плоты представляютъ печальную картину разметанныхъ бревень, несущихся по рѣбѣ. Начинается длинная и неприятная операція вылавливанія. Лѣсъ стягивають на берегъ и здѣсь снова вяжутъ въ плоты; дѣлается это одними старыми рабочими, потому что «добавочные», вслѣдъ за побойкой, обыкновенно исчезаютъ, считая свои обязанности поконченными самымъ фактомъ крушенія. Первые 6 или 7 дней, смотря по условію, осначи вяжутъ лѣсъ даромъ, а за остальное время получаютъ суточные. Возможенъ еще одинъ случай—это мелководье, не позволяющее проходить цѣлыми плотами. Тогда ихъ приходится разбирать на части и уже въ такомъ видѣ пропускать черезъ фарватеры, причемъ практикуются разныя степени разборки, въ зависимости отъ высоты воды, именно: снять «накатъ», пропустить лѣсъ «пленицами» и пропустить «торями». Последняя процедура очень мѣшеотная. Обыкновенно она не входитъ въ обязанности осначей и производится за прибавочную плату—по 2 или по 3 рубля въ недѣлю на человѣка—которая, впрочемъ, прекращается сейчасъ же по минованіи Кичеаса ¹, т. е. по выходѣ изъ пороговъ.

По доставкѣ плотовъ на мѣсто, въ Херсонѣ, напримѣръ, осначи получаютъ окончательный расчетъ и возвращаются домой. Кто торопится къ уборкѣ хлѣба и имѣетъ деньги, тотъ ѣдетъ паромомъ; но большинству при расчетѣ доводится получить всего какихъ-нибудь 3—4 рубля; эти возвращаются пѣшкомъ, черезъ Херсонскую, Кіевскую и Полтавскую губерніи. На полтавщину идутъ охотнѣе, потому дешевле: народъ тутъ «забочный»—объясняютъ осначи—на ночь пускають даромъ, а по другимъ мѣстамъ нужно платить по 1 коп. за ночлегъ; опять же и хлѣбъ дешевъ: 1½ коп. фунтъ. Иной притаскивается къ себѣ домой (въ Черниговскую губ.) совершенно отошавшимъ и ободранымъ: дорогой «остатнюю рубашку проѣсть». То обстоятельство, что осначи даже при «удачномъ» промыслѣ часто не имѣютъ денегъ на обратный путь, объясняется практикуемымъ способомъ выдачи платы. Она обыкновенно выдается въ три приѣма: часть при писаніи условія—это задатокъ, часть передъ выходомъ на пристань, а остальное при окончательномъ расчетѣ. Задатки обыкновенно бывають несоразмѣрно велики: въ нихъ поступаетъ 1/2, 2/3, а иногда и болѣе всей договоренной цѣны; извѣстны,

¹ Версть 10 выше Александровска.

напримѣръ, случаи, когда при общей платѣ за всю сходку въ 20 руб., въ задатокъ выдавалось по 16 р.; такъ могутъ поступать только подрядчики-евреи, которые своего, конечно, никогда не теряютъ и вывернуть съ процентами. Впрочемъ, за нормальное или типическое можно принять такое распределеніе, чтобъ задатокъ поступалъ нѣсколько болѣе $\frac{1}{2}$, остальное выдается передъ выходомъ, а во времени расчета приберегается всего 3—4 рубля, которые играютъ роль путевыхъ издержекъ. Слѣдовательно, средній осначъ обыкновенно не «приносить» домой ровно ни копейки. Вся его выручка въ прежде забранныхъ деньгахъ и иногда даже исключительно въ одномъ задаткѣ, который ему даютъ зимою или, вѣрнѣе, не даютъ, а только при немъ передаютъ сборщику—«за подати заверстаютъ». Чистый заработокъ зависитъ, конечно, отъ величины «сходки». Средняя сходка, какъ я уже говорилъ, оплачивается 18—20-ю рублями. Если вычесть отсюда издержки передвиженія, а иногда и паспортъ, то чистый заработокъ на плотяхъ для средняго оснача нѣкоимъ образомъ нельзя оцѣнить выше 12—15 руб. Это за 2 или 2 $\frac{1}{2}$ весеннихъ мѣсяца.

Приведу въ подлинникѣ условіе, заключенное 26-го февраля 1876 г. крестьянами села Пакули съ мѣщаниномъ Ицкою Голубчиковомъ, дѣйствовавшимъ въ качествѣ приказчика отъ имени петербургскаго купца Аркадія Кохмана:

1) Мы, государственные крестьяне, въ числѣ 15 человекъ, договорились съ Ицкою Голубчиковомъ въ рабочіе на сплавъ плотовъ весною сего года, принадлежащихъ купцу Кохману, съ пристани села Ротичи ¹ до города Херсона—за каковой сплавъ намъ, рабочимъ, цѣна должна быть каждому по 19 руб. серебромъ; въ счетъ коей получено нами въ задатокъ при заключеніи сего условія по 8 руб.; 1-го марта должны получить по 2 р., при выходѣ на работу—по 4 руб., и послѣдніе должны получить по доставкѣ плотовъ въ г. Херсонъ.

2) Для вязки лѣса въ плоты мы, рабочіе, обязаны явиться на пристань Ротичи по первому востребованію хозяина или его приказчиковъ, и за прибытіемъ на оную, должны заняться вязкою лѣса въ плоты со всею поспѣшностью. Для вязки лѣса въ плоты онъ, Голубчикъ, долженъ доставить лозу и другіе необходимые матеріалы.

3) Мы, рабочіе, во время вязки лѣса на пристани въ плоты, должны пробыть не болѣе 20 рабочихъ дней, а за излишніе дни:

¹ Версть 60 выше Кіева, при устьѣ Тетерева.

онъ, Голубчикъ, обязанъ платить каждому изъ насъ по 30 коп. въ день.

4) По приготовленіи лѣса въ плоты, мы, нанявшіеся рабочіе, по распоряженію Голубчика и дубовика, должны размѣститься на плоты, и на каждый плотъ должно быть рабочихъ по 5 человекъ, кромѣ атамана. Кто же изъ насъ, рабочихъ, будетъ назначенъ въ дубовики, то тому, сверхъ договоренной цѣны, должна (быть) добавлена цѣна по 2 руб., двойная закраса и обязанъ купить картузы и платки.

5) Харчи намъ, рабочимъ, должны быть на каждого человѣка въ недѣлю: печоного ржаного хлѣба по 28 фунтовъ, пшена по 8 фун., сала, соли и олею по 1 ф.

1) При вязкѣ лѣса въ плоты на пристани онъ, Голубчикъ, обязанъ давать каждому человѣку утромъ и вечеромъ по рюмжѣ водки.

7) Во время состоянія нашего на работѣ мы, рабочіе, должны быть въ полномъ повиновеніи хозяина и приказчика, а равно атаманамъ и дубовикамъ; но въ случаѣ кто-либо изъ насъ во время состоянія на работѣ прощянствуетъ въ рабочей день, то онъ, Голубчикъ, въ правѣ съ того лица за каждый прогульный день дѣлать вычетъ по 1 руб. сер., деньги тѣ должны обращаться въ пользу артели.

8) Въ случаѣ пути слѣдованія кто-либо изъ насъ, рабочихъ, не доставивши плотовъ до указанной пристани, выбѣгить, то долженъ отвѣчать по закону.

9) Въ случаѣ, Боже храни, въ пути слѣдованія кто-либо изъ насъ, рабочихъ, заболѣетъ и проболѣетъ болѣе 7 дней, то за оныя вычета не должно быть, а за остальные дни долженъ быть вычетъ.

10) При проходѣ плотами къ Днѣпровскимъ порогамъ, должны ожидать очередныхъ лопмановъ, и Голубчикъ долженъ дать помощь—требуемое количество добавочныхъ рабочихъ, не менѣе того числа, какое дается другими лѣсопромышленниками.

11) Въ случаѣ въ порогахъ случится какое-либо несчастье, или разбитіе плотовъ, или потеря лѣса, то мы, рабочіе, за то отвѣчать не должны; но обязаны, сколько позволяютъ силы, ратовать—собирать лѣсъ и вязать въ плоты бесплатно не болѣе 7 дней, а за излишніе дни Голубчикъ обязанъ платить каждому изъ насъ, рабочихъ, по 30 коп. въ день. Перешедши плотъ благополучно Днѣпровскіе пороги, долженъ ожидать заднихъ плотовъ.

12) Если за мелководіемъ невозможно будетъ слѣдовать плотами черезъ днѣпровскіе пороги цѣлыми плотами, то должны распустить ихъ по-пленично и пропустить канавами каждую (пленицу). Но если придется пропускать лѣсъ торками, то онъ,

Голубчикъ, будетъ платить каждому изъ насъ, рабочихъ, по 3 руб. въ недѣлю.

13) Настоящее условіе обѣими сторонами должно быть выполнено свято и ненарушимо, а въ случаѣ неустойчивая сторона должна уплатить штрафу правой сторонѣ вдвойнѣ противъ договоренной цѣны ¹.

Иначе обставленъ промыселъ «на берлинахъ». Онъ продолжается во все время навигаціи, до самаго замерзанія рѣкъ. Бывали случаи, что осначамъ приходилось начинать свою работу съ вырубанія берлины изъ льда, въ которомъ она зимовала, въ этомъ смыслѣ они и говорятъ, что на берлины нанимаются «и высѣчь изъ льду и заморозить». Тѣмъ не менѣе главное движеніе происходитъ преимущественно весной и осенью, потому лѣтомъ трудно достать рабочихъ или приходится платить дороже. Смотря по размѣрамъ берлины, на ней бываетъ отъ 20 до 40 человекъ рабочихъ, и всѣ они договариваются одновременно, «гуртомъ» ². Самая операція найма производится двояко: или уже извѣстнымъ намъ способомъ, на мѣстѣ—тутъ подрядчиками, кромѣ евреевъ, часто еще являются купцы-раскольники изъ слободы Радуля—или же осначи сами ищутъ себѣ хозяина и заработковъ. Дѣлается это такъ. Берлины обыкновенно грузятся на пристаняхъ средняго теченія: въ Кременчугѣ, Переяславѣ, Ржищевѣ, а больше всего въ Кіевѣ, поэтому осначи отправляются въ Кіевъ, или пѣшкомъ или по Днѣпру, на небольшихъ лодкахъ, называемыхъ «гилярами». Здѣсь они «лежатъ на пристани», выжидая не навернется ли наниматель; въ случаѣ же неудачи, обращаются въ конторы и къ содѣйствию евреевъ-маклеровъ. Изъ села Навоза, напримѣръ, подобнымъ манеромъ нанимается около $\frac{2}{3}$ всѣхъ берлинщиковъ, и только остальная треть уходитъ на промыселъ по условіямъ, заключеннымъ дома. Эта разница въ способѣ найма на плоты и на берлины объясняется тѣмъ обстоятельствомъ, что для послѣднихъ есть близкій и легко доступный центръ—Кіевъ; а плоты вяжутся по разнымъ разбросаннымъ пристанямъ, изъ которыхъ главныя лежатъ далеко отъ мѣстожительства черниговскихъ осначей.—За послѣднее время на берлинахъ платили такія цѣны. За доставку:

Отъ Кіева до Чернигова: 3—5 руб. на человѣка

»	»	»	Гомля:	6—8	»	»	»
»	»	»	Пинска:	7—10	»	»	»
»	»	»	Бобруйска:	7—12	»	»	»
»	»	»	Могилева:	8—12	»	»	»
»	»	»	Шклова:	9—13	»	»	»

¹ Изъ книги сдѣлокъ и договоровъ пакульскаго волостнаго правленія.

² Средній «накладъ» на одного человѣка принимается въ 100 пудовъ груза.

Отъ пристаней, лежащихъ южнѣ Кіева, конечно, и цѣны берутъ соответственно выше. Но наемъ въ подобной формѣ, т. е. съ вознагражденіемъ за всю сходку, бываетъ довольно рѣдко. Обыкновенно же на берлины договариваются по-недѣльно, причемъ плата—смотря по времени года и настоятельности спроса колеблется въ очень широкихъ предѣлахъ: отъ пяти четвертаковъ (1 р. 25 к.) до 2¹/₂ и даже до 3 руб. на человѣка; за среднее можно, впрочемъ, принять 2 руб. Само собою разумѣется, что здѣсь по недѣлямъ высчитываютъ только размѣръ вознагражденія, а рабочіе во всякомъ случаѣ должны доставить берлину до мѣста, сколько бы времени это ни потребовало. Вообще въ ихъ обязанность входятъ три разныя операціи: нагрузить берлину, «провести» ее вверхъ по теченію (на шестахъ) до условленной пристани и разгрузить¹. Плата по недѣлямъ практикуется и при наймѣ на плоты, но только въ видѣ исключенія, а на берлинахъ она стала правиломъ. Это различіе, какъ кажется, вызвано тѣмъ, что на время хода на берлины имѣетъ огромное вліяніе попутный или противный вѣтеръ, т. е. такое обстоятельство, которое совершенно не зависитъ отъ доброй воли и усердія рабочихъ.

Черниговская губернія лежитъ какъ разъ на-перепутьи, почти въ одинаковомъ разстояніи отъ крайнихъ пристаней, между которыми ходятъ берлины. Это обстоятельство очень удобное для мѣстныхъ осначей. Отправляются ли они «брать» берлину изъ Кіевскихъ и Подтавскихъ пристаней, или, послѣ доставки ея на мѣсто, возвращаются изъ Бѣлоруссіи домой—въ обоихъ случаяхъ ихъ путь лежитъ внизъ по теченію рѣкъ: можно, значить, плыть лодкою, что ощутительно сокращаетъ издержки. Такой способъ передвиженія вошелъ въ обычай. Если осначи нанимаются къ купцу, берлина котораго стоитъ, скажемъ, въ Переяславѣ, то купецъ даетъ имъ гилару, на которой они и спускаются по Днѣпру, иногда даетъ еще и харчъ, и даже время, употребленное на дорогу, дѣлится пополамъ, т. е. половина его засчитывается въ работу, подлежащую оплатѣ. Точно также и на обратный путь изъ Могилева, напримѣръ, или Гомля дается гилара или дубъ и почти всегда отпускается еще по 1/2 пуда печонаго хлѣба, такъ по крайней мѣрѣ, поступаютъ Радульскіе купцы. Смыслъ выдачи хлѣба здѣсь тотъ, что приходится возвращаться по Бѣлоруссіи, во многихъ мѣстностяхъ которой часто нельзя бываетъ достать хлѣба даже у священниковъ, особенно если запоздавшій осначь возвращается подъ зиму.

¹ Берлины возятъ больше хлѣбъ: рожь, пшеницу, овесъ, пшено, а также соль и сахарный песокъ.

Заработки на берлинах нѣсколько ниже, чѣмъ на плотахъ: сходки здѣсь и короче по разстоянію и требуютъ обыкновенно меньше времени, потому что нагрузка хлѣба — дѣло не такое мѣшкотное, какъ вязка плотовъ, особенно если ее придется репетировать послѣ «побойки». Для среднихъ условій, чистый заработокъ оснача-берлинщика можно принять *въ 10 рублей* за 1½ или 2 осеннихъ мѣсяца, считая тутъ и оплачиваемое время и дорогу.

Въ подтвержденіе сказаннаго, приведу одно коротенькое условіе, заключенное 9-го сентября 1875 года крестьянами извѣстнаго уже намъ села Мнѣва (въ числѣ 39-ти человекъ) съ нѣкоей Марьей Сергѣевной, женою радудьскаго мѣщанина Павла Сухорукова:

«1) Изъ насъ, Сухорукова, договорила крестьянъ села Мнѣва на доставку берлины мужа моего, Павла Сухорукова, нагруженной—съ мѣстечка Ржищева до мѣстечка Шклова—съ платою въ недѣлю каждому рабочему по 2 р. 25 к. серебромъ.

2) Мы, крестьяне, принявши обязанность сего договора, обвязываемся доставить до узаннаго мѣста берлину г. Сухорукова, отнюдь не оставляя ея на пути слѣдованія—съ принятіемъ круговой поруки отвѣчаемъ другъ за друга.

3) Мы, крестьяне, въ пути слѣдованія должны находиться въ полномъ повиновеніи хозяина Сухорукова или его приказчика и атамана.

4) Харчи намъ, рабочимъ, отъ г. Сухорукова должны быть такіе, какъ и въ прочихъ судопромышленниковъ, и хорошаго качества. Да сверхъ того гиляру сылтъ до слободы Радудя и и по 20 фунтовъ печонаго хлѣба на каждого человека¹; а до мѣста нахождения берлины также должны сылтъ гилярою г. Сухорукова на его продовольствіи, бесплатно.

5) Въ задатокъ мы, рабочіе, получили каждый по 5 руб. сер., а послѣдніе, сколько таковыхъ причитаться будетъ, должны получить по доставкѣ до мѣста берлины».

Затѣмъ идутъ неизбѣжныя приставки всѣхъ крестьянскихъ договоровъ: условіе хранить «свято и ненарушимо»... «а за нихъ неграматныхъ расписался»... Любопытно, что въ этомъ случаѣ неграматными оказались не только всѣ 39 крестьянъ, но и сама нанимательница Марья Сухорукова: «за ее неграматную» тоже расписался, повидимому, единственный (послѣ писаря) граматѣй всей волости—государственный крестьянинъ Акимъ Рабъ².

¹ Это на обратный путь.

² Этотъ «Акимъ Семеновъ сынъ Рабъ», какъ онъ иногда титуруетъ себя, расписывался за всѣхъ безграматныхъ подъ большей частью сдѣлокъ, заклю-

Промыселъ осначей несомнѣнно падаетъ. Это доказывается и всеобщими жалобами, и пониженіемъ заработной платы, и постепеннымъ съуживаніемъ района, изъ котораго все еще продолжаютъ ходить на воду. Причина единодушно указывается въ томъ, что чугушка сравняла цѣны на хлѣбъ: разница между кievскими и полтавскими цѣнами, съ одной стороны, и бѣлорусскими съ другой теперь сдѣлалась до того незначительна, что перевозка общаетъ мало выгодъ; черезъ это самое и «ходу не стало берлинамъ», по мѣткому выраженію осначей. Уже изъ самаго объясненія видно, что падаетъ собственно только одна половина промысла, державшаяся за взводное судоходство. Что же касается до гонки плотовъ, то она, повидимому, даже растетъ, и конецъ ей можетъ положить только полное истощеніе лѣсныхъ богатствъ Бѣлоруссіи, а это дѣло во всякомъ случаѣ нескорое. Осначество, какъ само собой понятно, должно было спеціализироваться и стало достояніемъ преимущественно прирѣчныхъ мѣстностей. Въ Черниговскомъ уѣздѣ главнымъ его центромъ служатъ двѣ, такъ часто поминавшіяся нами, волости: редьковская и пакульская. Для нихъ хожденіе на воду имѣетъ большую экономическую важность, а изъ нѣкоторыхъ здѣшнихъ селеній, лежащихъ по берегу Днѣпра и вдобавокъ надѣленныхъ самой неопозволительной почвой, даже ходятъ почти поголовно, такъ что, напримѣръ, весной въ большомъ селѣ не остается почти ни одного взрослого мужчины, кромѣ больныхъ и калѣкъ¹. Гораздо слабѣе развито осначество въ Довжицкой волости, еще слабѣе въ Антоновской, и, наконецъ, въ Сидневской сохранились только намеки на него². Въ Новозыбковскомъ уѣздѣ ходятъ промышлять на воду преимущественно изъ волостей Ново-Бобовичской и Куршановской (при Сновѣ). Что же касается до Борзенскаго уѣзда, то осначество въ немъ совершенно неизвѣстно.

Какъ велико число лицъ, занимающихся хожденіемъ «на воду»? Первое указаніе тутъ должны дать цифры паспортовъ. Возьмемъ обѣ типическія волости: Редьковскую и Пакульскую. Изъ таблицы, помѣщенной выше (стр. 15), видно, что въ теченіи 1876 года въ первой было выдано 432 паспорта, а во второй

ченныхъ въ Пакульской волости (въ теченіи 1875 и 1876 годовъ). Нѣкот орыя же условія цѣликомъ писаны его рукой, такъ что онъ до нѣкоторой степени является и сочинителемъ.

¹ Къ такимъ селеніямъ принадлежатъ: Мысы, Редьковка, Губичи, Неданчи, Мнѣвъ, Навозъ и отчасти Пакуль.

² Здѣсь при случаѣ нанимаются только изъ двухъ селеній, стоящихъ при рѣчкѣ Сновѣ (Клачовъ и Кобелянка), и притомъ въ количествѣ, непревышающемъ 25—30 человѣкъ въ годъ.

634. Куда и зачѣмъ шли съ ними? это будетъ выясняться изъ частныхъ признаковъ. Обѣ цифры распадались слѣдующимъ образомъ *по срокамъ*:

	Редьковка.	Пакуль.
Годовыхъ паспортовъ . . .	2	5
Полугодовыхъ » . . .	1	5
Билетовъ на 1—3 мѣсяцъ.	429	624

Т. е. шли почти исключительно по мѣсячнымъ билетамъ. Далѣе. Въ Редьковской волости изъ общаго числа паспортовъ (432) женщины взяли только 21, да и то большая часть отправилася съ ними не на заработки, а на богомолье въ Кіевъ; въ Пакульской волости еще рѣзче: въ ней всѣ 634 паспорта до послѣдняго были взяты одними мужчинами. *По временамъ года* выходитъ такое распредѣленіе, было взято.

	Редьковка.	Пакуль.
Зимою	14	2
Весною	230	320
Лѣтомъ	58	53
Осенью	130	259

Такимъ образомъ характеръ отхода вполне ясенъ: идутъ одни мужчины, преимущественно весною и осенью и притомъ на короткіе сроки, т. е. отправившіеся съ весны возвращаются въ лѣту, а отправившіеся съ осени возвращаются въ зимѣ, это признаки осначества. Правда, ихъ однихъ недостаточно. Но изъ распросовъ извѣстно, что въ рассматриваемой мѣстности осначество составляетъ единственный дальній отхожіи промыселъ, развитый въ сколько нибудь значительныхъ размѣрахъ ¹. Это уже даетъ право сказать, что въ общей суммѣ паспортовъ, взятыхъ весною (550) и осенью (389), огромное большинство — ⁹/₁₀ на примѣръ—было взято именно для работъ на водѣ. Но тутъ еще не конецъ. Бываетъ, что одинъ и тотъ же осначъ, ходившій весною на плоты, само собою отправляется еще и осенью на берлины—это не общее правило, но практикуется довольно часто—такъ что въ осенней цифрѣ (389) встрѣчаются рецидивисты. Допуская, что они составляютъ даже ²/₃ и только остальная ¹/₃ идетъ наново, и тогда общее число уходящихъ слѣдуетъ оцѣнить въ 600 человекъ. Это только для Редьковской и Пакульской волостей. Во всемъ же Черниговскомъ уѣздѣ число промышляющихъ осначествомъ ни въ какомъ случаѣ не можетъ быть

¹ Въ Пакульской волости занимаются еще выжиганіемъ и развозкою угля (въ Черниговѣ), а также многіе ходятъ на лѣсныя работы «съ пилою»—преимущественно въ ближайшія селенія Остерскаго уѣзда. Но это безпаспортный отходъ.

меньше 800 человекъ. (Для Новозыбковскаго уѣзда числа не указываю: изъ него и весною и осенью уходятъ съ мѣсячными билетами на нѣсколько промысловъ одновременно, такъ что выдѣлать цифру паспортовъ, взятыхъ исключительно одними снарядами, можно было бы только очень приблизительно).

Работа снарячей—одна изъ самыхъ тяжелыхъ и нездоровыхъ. Дорога въ полную распутицу; вязка плотовъ по берегамъ болотистымъ гнилымъ рѣчкамъ какого-нибудь Полѣсья, съ ночлегами въ куреняхъ, на талой землѣ, затѣмъ—плаваніе съ плотами, по цѣлымъ недѣлямъ безотлучно надъ водой, среди всевозможныхъ испареній. Особенно нехорошо бываетъ въ непогоду. Волны плещутъ черезъ плотъ, и человѣку приходится работать, стоя по колѣни въ водѣ, на пронизывающемъ насквозь вѣтрѣ и дождѣ. А укрыться некуда: при всей «парти» есть одна хатка — «хозяйщина», да и въ ней сидитъ самъ хозяинъ. Результатомъ являются простудныя болѣзни и лихорадки. Извѣстны случаи, когда снарячь, только дотащившись до своей пристани, сваливался отъ лихорадки и лежалъ пластомъ по пяти, шести недѣль на плоту. На берлинахъ работа нѣсколько легче; есть, по крайней мѣрѣ, куда спрятаться отъ ненастья, да и веселѣе: «гуртъ» большой—20, 30, 40 душъ вмѣстѣ, а русскому человѣку, какъ извѣстно, на міру и смерть красна. «Въ одиночку одни вши заѣдаютъ», а тутъ справляются кое-какъ. Но за то «накладъ» на берлинѣ большой: 100 пудовъ на человѣка. Опять же и на счетъ спанья плохо. Улучая попутный вѣтеръ, часто работаютъ по ночамъ; иной разъ доведется заснуть какихъ нибудь три, четыре часа, а то и за всю ночь глазъ не сомкнешь, особенно если купецъ поспѣшаетъ. Иной снарячь такъ отдѣляется, что еле дотащится домой и по цѣлымъ мѣсяцамъ бываетъ неспособенъ ни на какую работу; вернется «черный, какъ горшокъ», а войдетъ въ хату—свои не узнаютъ. Что же гонить людей на такую, поистинѣ, каторжную работу? Что?

Въ мірѣ есть царь. Царь этотъ безпощаденъ:

Голодь—название ему.

Но голодь—понятіе собирательное, по крайней мѣрѣ, по своимъ причинамъ. Въ данномъ случаѣ онъ имѣетъ свою специальную подкладку, которая называется: подать. Мы уже видѣли, что средній снарячь обыкновенно не приноситъ домой ни копейки; на плотахъ главный его заработокъ въ задаткѣ, который волость «за подати заверстааетъ». Въ конкретныхъ примѣрахъ это выйдетъ вотъ что. Былъ одинъ крестьянинъ—все равно какого села и уѣзда—18 лѣтъ подрядъ ходилъ онъ снарячомъ на воду, не пропуская ни весны, ни осени, и ворочался черный, какъ горшокъ.

Зачѣмъ? На немъ числилось двѣ души и сходило съ него 14 р., а одна душа—Миронова душа—давно лежала въ землѣ. И вотъ онъ шелъ и надрывался, силясь заработать за двухъ. Кто его гналъ? Миронова душа. Какой-нибудь политиво-экономъ или статистикъ, широкій взглядъ котораго привыкъ обхватывать всю Россію, не останавливаясь на отдѣльныхъ единицахъ — можетъ съ легкимъ сердцемъ строить крупныя цифры въ столбцы и вычислять, сколько производится у насъ сахару или сколько идетъ хлѣба къ балтійскимъ портамъ: раздробительные факты жизни не потревожатъ его соображеній. Но изслѣдователя, имѣющаго дѣло съ маленькими районами, они осаждаютъ со всѣхъ сторонъ и незамѣтно просачиваются къ нему въ мертвые ряды цифръ. Правда, и тутъ можно не дойти до конца. Возьмите, напримеръ, волость — ужъ на что, кажется, дробная единица: въ одной Черниговской губерніи ихъ насчитывается 173. А между тѣмъ можно самымъ добросовѣстнымъ образомъ высчитать, сколько въ волости берется паспортовъ, какихъ ерововъ, сколько мужчинами, сколько женщинами, куда съ ними направляются — и все это будетъ только скользить поверхъ жизни. Но раздробите цифры, спуститесь съ ними до альфы и омеги нашей народной экономіи—до отдѣльнаго крестьянскаго хозяйства съ его бюджетомъ, и тогда они, эти нѣмыя цифры, станутъ одѣваться мясомъ и пропитываться кровью, и въ отдаленіи, можетъ быть, покажется Миронова душа, которая давно въ землѣ, но вотъ ужъ 18 лѣтъ гоняетъ живыхъ въ гнилыя болота вязать плоты, гоняетъ весной, гоняетъ и осенью—и воруچаются они въ такомъ видѣ, что свои домашніе съ трудомъ узнаютъ.

Между отдѣльными промыслами происходитъ своего рода борьба за существованіе. Какой-нибудь промыселъ, прежде раскидывавшійся очень широко, постепенно начинаетъ склоняться къ упадку, хирѣетъ и, наконецъ, исчезаетъ, такъ что только кое-гдѣ задерживаются разрозненные остатки и намеки. На его мѣсто становится другой. Результаты этихъ столкновеній и борьбы всегда одни и тѣ же: берутъ верхъ и разрастаются тѣ промыслы, которые наиболѣе приспособлены къ существующимъ условіямъ экономической и общественной жизни. Въ какомъ же направленіи идетъ здѣсь «приспособленіе»? Иногда замѣна одного промысла другимъ бываетъ безразлична въ нашемъ смыслѣ. Вотъ, напримеръ, нынче «не стало ходу берлинамъ», и осначь нанимается больше на плоты. Разница не велика. Положимъ, на плотяхъ работа тяжеле и опаснѣе для здоровья, но за то она и вознаграждается нѣсколько лучше. Да и не въ томъ сила. Какъ прежде, такъ и теперь, осначь «въ пути слѣдованія» долженъ

находиться «въ полномъ повиновеніи хозяина, приказчиковъ и атамановъ; какъ прежде, такъ и теперь онъ долженъ «подвергать себя» разнымъ штрафамъ и проч. и проч., короче сказать: былъ наемникомъ и остался наемникомъ. Или другой случай. Въ послѣдніе годы начали меньше ходить въ Таврію и на Донъ, до первой удачи, вѣроятно; если расширится запросъ на кирпичныя работы, то эти же самые крестьяне будутъ наниматься «въ кирпичъ». Прежде, стоя на заимѣ въ Кизи-ярѣ, они волновались думою: «трапятся» ли нанять себя на ближайшую недѣлю; теперь ихъ законтрактуютъ на все лѣто и приставятъ возить глину и сырецъ—обезпеченный, конечно; но разница не изъ существенныхъ. Это замѣны безразличныя. Но бываютъ перемѣненія иного рода, которыя уже заслуживаютъ самаго серьезнаго вниманія. Одинъ подобный образчикъ мы уже видѣли. Былъ мужикъ-коробочникъ и ходилъ по деревнямъ, продавая нитки, иглы, да платки; вся его торговля была копеечная, а работа черная, тяжелая; случались съ нимъ разныя невзгоды: въ кусты прятался отъ колокольчика, не дождавъ, не досыпавъ и сердился крѣпко, иной разъ «разбѣсится, такъ что врестить надо наново», съ тѣмъ и домой ворочается. Но была тутъ одна маленькая приставка, которая, однако, все красила: ходилъ *отъ себя*, самъ себя выправлялъ и ворочалъ, значитъ, самъ себѣ командиръ. Теперь онъ сталъ ходить «отъ хозяина» и «возносить ему пользу» въ видѣ 10⁰/о—положеніе промежуточное, такъ какъ тутъ все-таки остается еще довольно много простора. Но и ему приходитъ конецъ: для иныхъ онъ уже наступилъ фактически, для другихъ предвидится въ скоромъ будущемъ. Конецъ этотъ называется: сахарный заводъ, контора и господинъ директоръ. Тутъ уже перемѣна полная, рѣшительная, въ самомъ основаніи: былъ хозяинъ, сталъ работникомъ. Еще рѣзче это видно на паденіи извоза. Малороссія когда-то славилась своими чумагами. Это были оригинальные возницы. На неуклюжихъ «мажахъ», запряженныхъ парю огромныхъ воловъ, цѣлыми партіями, медленно и важно, направлялись они въ Крымъ и на Донъ за солью, да рыбой; насчетъ земли тогда было просторно, и отпасывали они своихъ воловъ на общемъ кормильцѣ—на степу вольномъ. Чумаки были хозяинъ и хозяинъ зажиточный. Но про чумакованье теперь можно сказать, что оно было и былемъ поросло. Которые еще, по старой памяти, занимаются подвозомъ хлѣба къ ближнимъ воззаламъ, а большинство давно распродало своихъ воловъ. Гдѣ же они сами дѣвались и чѣмъ теперь промышляютъ? А вотъ чѣмъ. Идетъ толпа крестьянъ съ грузными котомками за спиной—шлепая по весенней грязи, направляются они

черезъ Полтавщину, черезъ Бахмутъ екатеринославскій въ какую-нибудь станицу Аксайскую или Ростовъ на Дону и здѣсь всѣмъ гуртомъ выстраиваются по базарной площади. Въ этомъ гуртѣ вы можете сысать прежнихъ чумаковъ. Когда-то, тою же самую дорогой, ѣздили они сюда за рыбою, а теперь выстроились, какъ солдаты на смотру, и съ нетерпѣніемъ ждутъ прибытія господъ подрядчиковъ. Въ лучшемъ случаѣ, кое-кому изъ нихъ доведется стать у казака «въ заброды», чтобы ловить рыбу съ $\frac{1}{2}$ — это все какъ-будто ближе намекаетъ на дорожную старину.

Въ большомъ ходу былъ также конный извозъ, связанный съ кустарничествомъ. Въ мѣстностяхъ, богатыхъ глиной, крестьяне лѣпили горшки; а гдѣ водился дубъ или другое подходящее дерево—дѣлали бочки, кадки, ведра и прочую посуду. Самъ надѣлаеть, самъ и развозитъ продавать, направляясь все на тотъ же завѣтный степь; другой ѣздитъ и не съ самодѣльной, а кушленной посудой. Здѣсь, въ Полтавщинѣ, она шла «на-отсыпъ», т. е. даетъ бабѣ горшокъ или ведро, а та ему платитъ житомъ, насыпая тотъ же горшокъ съ верхомъ; бывало, что насыпали по $1\frac{1}{2}$ и даже по 2 горшка, такъ что, выправившись съ возомъ посуды, крестьянинъ, случалось, ворочался домой съ двумя возами хлѣба. Теперь времена переменялись: чугушка сравняла цѣны, въ Полтавщинѣ стали неохотно идти въ обмѣнъ, а больше наравятъ купить за деньги; если-жь, когда, по старой памяти, и отсыпетъ хлѣбомъ, то развѣ какую-нибудь $\frac{1}{4}$, $\frac{1}{3}$ и много-много $\frac{1}{2}$ горшка. Въ такомъ видѣ промыселъ сталъ совсѣмъ пустымъ; только тотъ и барышъ, что самъ съ конемъ провормится. Правда, крестьяне все еще продолжаютъ держаться за эту форму извоза, но она несомнѣнно падаетъ и съ каждымъ годомъ приближается къ судьбѣ чумакованья. Такимъ образомъ, среди экономической толкотни и вытѣсненія одного промысла другимъ, рядомъ съ перемянами несущественными и безразличными, замѣчается нехорошее теченіе: мужику, кое-какъ перебивавшемуся работой на себя, теперь все болѣе и болѣе приходится промышленяль работой на другихъ. Это несомнѣнное пониженіе его экономической позиціи—пониженіе матерьяльное и въ особенности нравственное: изъ самостоятельнаго хозяина, онъ, по крайней мѣрѣ, на извѣстную часть года, превращается въ наемника. Между тѣмъ, «приспособленіе» промысловъ въ подобномъ направленіи уже намѣтилось и идетъ довольно быстрыми шагами. Чѣмъ оно кончится — покажетъ недалекое будущее. А пока несомнѣнно одно: общій уровень экономической жизни замѣтно понизился, потому что только измененность условій и среды, «при-

способляя» человекѣ къ себѣ, не даетъ роста, а заставляетъ ѣжиться и клониться головой къ землѣ.

Еще два слова. За послѣднее время у насъ, кажется, дѣйствительно начинается серьезное изученіе народной жизни вообще и экономической въ частности. Не можетъ оно минутъ и отхожихъ промысловъ: они слишкомъ важны и любопытны сами по себѣ и вдобавокъ могутъ служить превосходнымъ барометромъ экономической погоды. Но тутъ есть свое специальное препятствіе. И именно вотъ какого рода. Исслѣдованія производятся больше отдѣльными лицами, на свой страхъ, и потому по необходимости ограничиваются маленькими районами. При подобной обстановкѣ, доступна одна только качественная, описательная сторона вопроса: ее можно выяснитъ и на небольшомъ районѣ. Но для отхожихъ промысловъ на первомъ планѣ ставится количество, цифра, а она уже ускользаетъ отъ усилій одного человекѣ. Т. е. онъ, конечно, можетъ собрать и цифры для своей мѣстности; но эти цифры, какъ всякій чисто статистическій матеріалъ, въ отдѣльности не будутъ имѣть почти никакого значенія. Ихъ роль—войти слагаемыми въ длинные столбцы, обхватывающіе крупныя районы и большіе промежутки времени; всякая цифра—это рядовой солдатъ, который получаетъ свою важность единственно въ строю, а вырванный изъ него — превращается въ ничто. Но статистику не можетъ, конечно, собирать одинъ человекѣ. Она слагается изъ періодическихъ записей, дѣлаемыхъ и сводимыхъ по совершенно однообразной системѣ—что на практикѣ у насъ доступно только однимъ «статистическимъ комитетамъ», которые, однако, не считаютъ нужнымъ собирать свѣдѣнія о числѣ выданныхъ паспортовъ. Получается такая странность: кто хочетъ, тотъ не можетъ, а кто можетъ по своему положенію, тотъ не хочетъ. Будемъ надѣяться, что статистическіе комитеты обратятъ, наконецъ, вниманіе на этотъ важный пробѣлъ. Восполнить его вовсе не трудно, даже не требуется почти никакой прибавочной работы. При волостяхъ, какъ я уже говорилъ, всегда есть паспортныя книги (по крайней мѣрѣ, въ Черниговской губерніи), только ведутся онѣ безтолково, по личному вдохновенію писарей. Стоило бы только составить для нихъ простую и удобопонятную форму и включить соответственныя рубрики въ тѣ «рапорты», которые ежегодно присылаются волостями. Собранныя лѣтъ за 10 по всей губерніи—какой прекрасный матеріалъ дали бы эти цифры паспортовъ! Между тѣмъ, теперь онъ идетъ на оклейку оконныхъ рамъ, на папироски, или гниетъ и пропадаетъ неизвѣстно куда, такъ что, напримѣръ, свѣдѣній раньше 1875 года часто совсѣмъ нельзя разыскать. Да и

уцѣлѣвшія книги своею бессистемностью могутъ привести въ раздраженіе даже хладнокровнаго человѣка. Выписали вы, на примѣръ, по одной волости все нужное съ большими подробностями и, между прочимъ, съ обозначеніемъ «сословія» лицъ, бравшихъ паспорта (казаки, казенные крестьяне, бывшіе помѣщичьи и проч.); у васъ слагается обобщеніе и вы хотите прослѣдить за его видоизмѣненіями. Приѣзжаете въ слѣдующую волость, берете паспортную книгу — въ ней именно «сословіе» и не указано. А въ переводѣ это значитъ, что вся прежняя работа выписыванія и извлеченія пропала даромъ. При постепенномъ расширеніи района, подобнымъ способомъ приходится зачеркивать одну подробность за другой, такъ что даже для такой небольшой единицы, какъ уѣздъ, въ концѣ-концовъ, иногда останется неприкосновенной одна огульная цифра, а прочія подробности улетучатся.

Всего досаднѣе, что волость дѣйствительно дѣлаетъ работу и огромную работу, только проку съ нея нѣтъ. Вообще отъ волостного писаря съ разныхъ сторонъ требуется цѣлая масса всяческихъ свѣдѣній, иногда даже просто удивительныхъ—и онъ, бѣдняга, всѣмъ и на все отвѣчаетъ. Въ видѣ примѣра укажу на Черниговскій уѣздъ. Здѣсь еще недавно волостной писарь долженъ былъ отвѣчать про каждое селеніе, что въ немъ *нѣтъ* такихъ зданій, какъ театры, полицейскія будки и языческія капища или нѣтъ такихъ животныхъ, какъ верблюды и олени. Въ рубрикахъ «сословій» и «исповѣданій» онъ отвѣчалъ, немилосердно коверкая названія, что *нѣтъ* «Приписанныхъ къ Эльбинскому озеру», нѣтъ «Татаръ Буггарскаго, Голландскаго и Гринджольскаго дворовъ», нѣтъ язычниковъ «илломантовъ» (т. е. ламаитовъ), нѣтъ язычниковъ «монашествующихъ» (т. е. шаманствующихъ) и проч. и проч. въ подобномъ родѣ. Т. е. долженъ былъ, бѣдняга, переписывать названія всевозможныхъ зданій, сословій, вѣроисповѣданій и животныхъ, какія только встрѣчаются на всемъ необъятномъ пространствѣ Россійской имперіи «отъ финскихъ хладныхъ скалъ до пламенной Колхиды» и «потрясеннаго Кремля до стѣнъ недвижнаго Китая»—и переписывать затѣмъ, чтобы противъ какой-нибудь деревни Свинь или Брехуны вывести крупнымъ почеркомъ, что въ ней *нѣтъ* «Приписанныхъ къ Эльтонскому озеру», которое на бѣду лежитъ такъ далеко—въ Астраханской губерніи—и что нѣтъ въ Брехунахъ также ни одного «языческаго капища» или «верблюда». Для отгнѣнія подчеркну, что все это приходилось продѣлывать особо для *каждою* селенія, а ихъ въ волости иногда бываетъ до 30. Само собою понятно, что въ осадкѣ отъ подобной работы являлось полное оша-

лѣніе, и когда дѣло доходило до цифръ дѣйствительно нужныхъ, на которыя можно и должно было отвѣтить толкомъ—измученные писаря, по ихъ собственному выраженію, сдѣлавшемуся техническимъ, «проставляли» цифры «отъ руки», т. е. просто наборомъ. Результаты понятны: про каждую деревеньку въ отдѣльности мы теперь доподлинно знаемъ, что въ ней нѣтъ ни одного татарина «Буггарскаго, Голландскаго и Гринджольскаго дворовъ»; но за то не знаемъ, сколько въ ней казаковъ, казенныхъ крестьянъ, бывшихъ помѣщичьихъ и проч., потому что выставленные про нихъ цифры очень приблизительны, а въ отдѣльныхъ случаяхъ и грубо невѣрны ¹.

Если въ подобномъ состояніи находятся свѣдѣнія, обязательныя для волости, то легко понять, въ какомъ загоновѣ могутъ быть иногда паспортныя книги, изъ которыхъ обязательно ничего не извлекается. Теперь, впрочемъ, въ Черниговѣ на этотъ счетъ уже сдѣланы кое-какія улучшенія. Когда изученіе губерніи, предпринятое земствомъ, выяснило состояніе официальныхъ свѣдѣній—черниговскій статистическій комитетъ, рядомъ съ другими улучшеніями, сдѣлалъ также первый шагъ и къ постановкѣ на очередь вопроса объ отхожихъ промыслахъ. Именно, онъ сталъ требовать отъ волостей свѣдѣній о числѣ выдаваемыхъ паспортовъ, и вотъ уже два года, какъ эти свѣдѣнія систематически доставляются всѣми волостными правленіями. Начало, значить, положено; но, къ сожалѣнію, за вопросъ взялись не съ того конца: первымъ дѣломъ слѣдовало улучшить самую форму паспортныхъ книгъ, а ее оставили въ прежнемъ видѣ и стали извлекать одни огульныя цифры, почти безъ всякихъ частныхъ подробностей ². Конечно, лучше хоть огульныя цифры, чѣмъ ровно ничего. Но ихъ все-таки мало. Читатель самъ могъ убѣдиться на приведенныхъ выше конкретныхъ примѣрахъ, что для «толкованія» цифръ, т. е. для распредѣленія ихъ между разными видами отхода, нужно имѣть многія подробности и прежде все-

¹ См. уже цитированные «Матеріалы для оцѣнки земельныхъ угодій» т. I, Приложенія, стр. 16—17.

² Да и это дѣлается въ странной формѣ. По срокамъ, паспорта раздѣляются на три разряда: годовые, полугодовые и билеты на нѣсколько мѣсяцевъ. А статистическій комитетъ спрашиваетъ по двумъ разрядамъ: краткосрочныхъ до 1/2 года и долгосрочныхъ болѣе 1/2 г. Спрашивается: куда же причислять ровно полугодовые паспорта? На практикѣ выходитъ, что однѣ волости причисляютъ ихъ къ долгосрочнымъ, а другія къ краткосрочнымъ, такъ что тутъ въ сущности можетъ быть вѣрна только сумма. Кстати сказать: въ приведенной выше таблицѣ (стр. 15) цифры паспортовъ за послѣдній 1877 годъ были заимствованы именно изъ этихъ свѣдѣній, присылаемыхъ въ статистическій комитетъ; оттого для 1877 г. и нельзя было указать никакихъ подробностей.

го: время года (мѣсяць), въ которое взяты паспорта, срокъ и полъ уходящихъ лицъ. Во всякомъ случаѣ, черниговскій статистическій комитетъ положилъ начало, скоро ли мы дождемся продолженія отъ другихъ?

Итакъ, говорю, есть спеціальная препона: отсутствіе цифръ, при невозможности добыть ихъ единичными усиліями. Но это еще дѣло сравнительно поправимое. А встрѣчается тутъ еще другая трудность, по существу важнѣе. Исслѣдованіе отхожихъ промысловъ, какъ вообще всякаго явленія изъ экономической жизни нашего крестьянства, въ концѣ-концовъ, должно приурочиваться къ бюджету отдѣльной семьи, хозяйства, двора. Вотъ общій знаменатель: только приводя къ нему разрозненные факты, мы получаемъ возможность расцѣпывать ихъ истинное значеніе и сравнительную важность; не дойти до него — въ сущности, значить, скользить по поверхности. Это теперь едва ли это станетъ оспаривать. Но вся бѣда въ томъ, что потребуется много лѣтъ дружной предварительной работы, прежде чѣмъ откроется первая возможность дѣйствительно сдѣлать подобное приведеніе къ одному знаменателю. Самъ крестьянскій бюджетъ пока окруженъ цѣлымъ рядомъ вопросительныхъ знавовъ, такъ что иногда кажется совсѣмъ непостижимымъ—какимъ это образомъ мужикъ ухитряется сводить концы съ концами, когда по всѣмъ расчетамъ выходить, что свести ихъ нельзя! Притомъ же тутъ придется натолкнуться на Миронову душу въ самыхъ разнообразныхъ формахъ, а имѣть съ ней дѣло—очень не легко. Крестьянскій бюджетъ! Къ нему съ полнымъ правомъ можно приложить извѣстные слова Некрасова:

Эту пѣсенку мудреную
Тотъ до слова допоетъ,
Кто всю землю, Русь крещеную,
Изъ конца въ конецъ пройдетъ!

Перспектива, какъ видите, очень отдаленная. Но въ направленіи къ ней нужно подвигаться, потому что именно въ крестьянскомъ бюджетѣ лежитъ ключъ отъ многихъ экономическихъ и общественныхъ явленій, объясненія которыхъ часто искали совсѣмъ не тамъ.

П. Червинскій.

ЖАЖДУЩИЙ.

I.

НА ПУТИ.

... Шумъ въ головѣ, шумъ въ ухахъ, а въ мысляхъ сумбуръ какой-то... Трясетъ, карандашъ еле ходитъ по бумагѣ, а писать хочется: такъ бываетъ всегда, когда на сердцѣ тяжело. Впрочемъ, тяжело ли у меня на сердцѣ? право, этого не рѣшишь.

37 рублей... соскребли! Звенить въ ухахъ это проклятое «соскребли!» Зачѣмъ не «дали», не «подарили» — а «соскребли»?.. Нужда, должно быть, не ждетъ, пока дадутъ, а скребется, пока не соскребеть... нужда, униженіе, просьбы—все это скребетъ!

Ничего не вижу, въ глазахъ темнѣетъ. Не сонъ и не забытьѣ... Настоящее, прошлое, будущее—надежды, пустота, тоска... Все сливается; ничего полного, опредѣленнаго. Этотъ стукъ колесъ, грохотъ цѣпей—что-то знакомое... Ахъ, да: въ городѣ арестанты въ цѣпяхъ воду въ острогъ съ рѣки носили. При нихъ три солдата въ ружьями, съ бодрыми взорами. А у тѣхъ взоры свользятъ внизъ... Отчего? Говорятъ, совѣсть не чиста. А у меня чиста совѣсть? Чиста, чиста. Такъ за что же этотъ грохотъ преслѣдуетъ меня?

... Я долго сидѣлъ неподвижно... Что-то томило, ныло. Я закрылъ глаза, рука съ карандашемъ свѣсилась. «Господа! приготовьте ваши билеты!» Я очнулся. Боже, это уже въ седьмой

разъ! Точно у нихъ по дорогѣ все жулики ѣздятъ. А купчина, напротивъ меня на лавочкѣ, все храпитъ. Какъ удобно съумѣлъ устроиться: спокоенъ, должно быть. Интересно знать, что ему теперь снится? навѣрно, самоваръ и толстая баба. Его начинаютъ будить.

— Господинъ, вашъ билетъ!

Сопить.

— Билетъ, господинъ!

Его погрогиваютъ слегка за ногу. Храпитъ.

— Билетъ, билетъ, господинъ?

— Мм?..

— Билетъ вашъ!

— Мм?..

Онъ повертывается на другой бокъ и, не раскрывая глазъ, не то глубоко вздыхаетъ, не то издаетъ неимоверный свистъ.

— Господинъ, мусью! ваше степенство!

Его теребятъ за плечо, сильнѣе и сильнѣе. Онъ приподнимаетъ голову. Вѣки закрыты.

— Мм?..

— Послушайте, купецъ: билетъ вашъ!

— Билетъ? какой-тѣ билетъ?

— Какой билетъ? Извѣстно—билетъ!

Неистовый храпъ, и голова купчины опять на подушкѣ. Кондукторъ въ отчаяніи.

— Господинъ, купчина, аршинъ, мертвое тѣло! громче и громче взываетъ онъ, расшевеливая плечо его степенства.

Вдругъ купчина вскакиваетъ, какъ обожженный, и, поматывая головой, почесываетъ лѣвою рукой въ затылкѣ, а правую за поясъ.

— Пожалуйста вашъ билетъ!

— А?

— Билетъ вашъ дайте!

— Позвольте ножичка, произносить онъ, стараясь растопырить глаза.

— Какого вамъ ножичка? зачѣмъ онъ вамъ? покажите билетъ вашъ.

— Ну, да, да. Ножичка дайте.

— На что вамъ?

— Распороть.

— Полно вамъ дурака-то ломать! Досугъ мнѣ надъ каждымъ пассажиромъ по полчаса стоять! Билетъ вашъ дайте.

— Да все одно: въ Москву приѣдемъ—пропишу. А то, ножичка нѣтъ-ли? жилетку распороть.

— Чего тамъ пороть? билетъ мнѣ надо, настаиваетъ кондукторъ.

Зрители со всего вагона ждутъ, что дальше будетъ. Его степенство никакъ не можетъ очухаться.

— Жилетку распоротъ: жена съ деньгами вмѣстѣ зашила. Дружный взрывъ хохота раздается надъ ушами соннаго челоуѣка. А кондукторъ взбѣшенъ уже; онъ машетъ съ досадою рукою и уходитъ, ворча:

— Бабникъ! вотъ на станціи ссадимъ. Жандара позову.

Купецъ ничего не понимаетъ и уже снова начинаетъ сопѣть. Просто, надо было показать ему, какой билетъ съ него требуютъ.

— Давно бы такъ и сказали. Вотъ онъ тутъ, въ кошелѣ. А вѣдь я думалъ—пачпортъ. Отдай-ка ему, баринъ; пускай кошъ его сжуеъ. Вотъ оказія-то!

И онъ уже спитъ, и снова сопѣніе и храпъ. Экое спокойствіе, экая безмятежность! «Жена съ деньгами вмѣстѣ зашила»... Вотъ оно откуда спокойствіе!

Не знаю, спалъ я сейчасъ или нѣтъ. Не видѣлъ ничего, что тутъ происходило, да и было ли что-нибудь. Мысли унеслись далеко, назадъ. Опять этотъ грохотъ цѣпей напомнилъ родной городъ. Представился берегъ рѣки; по немъ спускаются люди, съ понурыми головами, въ сѣрыхъ халатахъ; на плечахъ коромысла съ ведрами; съ каждымъ шагомъ цѣпи мѣрно гремятъ. А рѣка, широкая, безмятежная, голубая, мчится вдаль. Долго стою я надъ нею, и мысли мои несутся по ея теченію.

— Петя! что-жь ты обѣдать не идешь? слышится голосъ, милый, дорогой голосъ.

Я обернулся. Ненаглядная прибѣжала сама, боясь, чтобы меня не забранили за то, что опоздалъ. Заботливо смотрятъ ея голубые глаза изъ-подъ темныхъ бровей. Она запыхалась, волосы растрепались. Какъ она хороша бывала въ такія минуты!

— Да такъ... задумался...

— Ты все думаешь, Петя? зачѣмъ ты думаешь?

— Да развѣ можно не думать?

— Я знаю, о чемъ: ты хочешь уѣхать... Правда?

— Да.

— Петя, Петя! не уѣзжай...

Она плачетъ... За что она-то страдаетъ? Но развѣ я могъ уступить ей? развѣ я могъ остаться въ этомъ омутѣ? Неужели де-

вять лѣтъ въ гимназіи пребылъ затѣмъ, чтобы навѣкъ похоронить себя въ уѣздныхъ чиновалахъ, либо въ управленіи, либо въ правленіи, надъ кипами бумагъ съ «Милостивыми Государями», съ «Вашими Высокородіями», съ «имѣю честь довести до свѣдѣнія», и проч. Нѣтъ, я не имѣлъ на это права. Надо было добиться своего, и я добился. А сколько труда это стоило! Сколько силы надо было, чтобы уговорить, упросить, уломать... Бывало, домой цѣлый день не показываешься, не обѣдаешь, чтобы только избавиться отъ пререканій.

— Маша, ты скажи, что видѣла меня, что я не хочу обѣдать...

— Ну, такъ я тебѣ хоть сюда чего-нибудь принесу... Нельзя же такъ.

Добрая душа! И за что она меня такъ любить? Мы росли вмѣстѣ. Когда я былъ въ прогимназіи въ нашемъ городѣ, мы видѣлись каждый день. Она привыкла ко мнѣ. Я, еще мальчикомъ, любилъ ея прекрасные глаза, ея умное дѣтское личико. Вотъ оно и теперь передо мной. Смотрю на него, какъ на живое. Какъ она плакала, прощаясь со мной! Никогда не забыть этихъ просьбъ помнить о ней, любить ее... Всѣ просили, умоляли—всякій о своемъ: мать—Богу молись, отецъ — не ѣзди, и тутъ мѣсто получишь, съ твоимъ образованіемъ и здѣсь дурного мѣста не дадутъ... Какъ будто о единомъ хлѣбѣ живъ будетъ человекъ. А вѣдь это, пожалуй, и вѣрно!

---

37 рублей... соскребли... соскребли — и въ путь отправиди! Одна дорога девятнадцать рублей. Останется немного. А тамъ что?

Какъ неистово храпить этотъ купецъ: всю ночь ни разу не проснулся. Теперь хоть на станціяхъ вскакиваетъ, лѣниво идетъ въ буфету, выпиваетъ и, вернувшись, опять пристраивается на лавочкѣ. И это буквально при каждой остановкѣ. Что-то сильно знакомое есть въ немъ. Такой же, напримѣръ, наканунѣ моего отъѣзда, приходилъ къ отцу требовать деньги по забору. Помню его грубый тонъ, просьбы отца подождать, жалкій видъ умоляющаго человека. Но я зналъ, что будетъ дальше, и готовился къ отпору. Еще надежды на то, что я рѣшусь остаться, еще просьбы! Отецъ строгъ, но тутъ смягчался и съ подходомъ заговаривалъ о моемъ отъѣздѣ.

— Петя!

— Что?

— Такъ какъ же?..

— О чемъ это вы?

— Да все насчетъ того же.

— Насчетъ отъѣзда моего?

— Да.

— Надо ѣхать, папаша.

— Петя!

— Что?

— Не ѣзди, голубчикъ.

— Какъ же не ѣхать, когда надо?

— Зачѣмъ?

— Учиться.

— Да, учиться... Петя, вѣдь безъ средствъ нельзя учиться.

— Нѣтъ, можно будетъ.

— Но за то трудно-то какъ!

— Перебьюсь какъ-нибудь.

— Вѣдь ты знаешь, что мнѣ почти невозможно тебѣ помогать.

— Я не стану васъ и беспокоить.

— А какъ-то намъ-то знать, что тебѣ и холодно, и голодно?

Я сталъ въ тупикъ. Помнится, въ головѣ поднялся цѣлый содомъ. Отецъ пристально глядѣлъ на меня; его взоръ требовалъ отвѣта. Свѣтилась въ немъ и обида: мой отъѣздъ оскорблялъ ихъ. Они думали, что я рвусь изъ-дому, чтобы отъ нихъ быть подальше. Меня мучилъ этотъ пристальный взглядъ отца. Мнѣ нужно было что-нибудь сказать, утѣшить, успокоить какъ-нибудь ласково. Но я не могъ и въ отчаяніи вскрикнулъ:

— Господи! да забудьте вы хоть на время, что у васъ есть сынъ!

Отецъ вспылилъ и сильно ударилъ кулакомъ по столу:

— Дуракъ! тебѣ послѣ этого и насъ забыть ничего не стоить!

Я выбѣжалъ изъ комнаты въ палисадникъ.

На другой день провожали. Сколько слезъ, рыданій, благо-словеній, просьбъ! Мать разрывалась, точно хоронила меня; отецъ былъ угрюмъ; Маша уже не скрывала своей чистой любви и плакала горьче и громче всѣхъ. Бѣдная! Ее мнѣ жаль больше другихъ.

Были и упреки: 37 рублей... соскребли!

Быстро летѣлъ поѣздъ, унося пассажировъ все ближе и ближе къ цѣли. Дорожная истома видимо обуяла всѣхъ: кто дремалъ, кто глядѣлъ въ окно тупымъ взглядомъ на безконечныя болота, на жиденькіе лѣса, охватившіе своими однообразными, безъисходно-тоскливыми объятіями полотно дороги. Давно уже сидѣлъ такъ и Петръ Сушковъ, уныло устремивъ взоры куда-то въ даль, но не замѣчая разстилавшейся передъ нимъ безсмѣнно

сучной картины. Его красивое лицо глядѣло утомленно, а въ глазахъ какъ бы померкъ свѣтъ. «Что-то будетъ? думалось ему:— какъ устроюсь?» Вотъ главная забота, нагонявшая на лицо его грусть. Ему не вѣрилось, что удастся скоро устроиться, и досадно становилось, что голодная жизнь будетъ мѣшать занятіямъ. Но все же онъ сознавалъ себя правымъ; онъ хвалилъ себя за то, что вырвался изъ-дома.

Невдалекѣ отъ Сушкова сидѣлъ молодой человекъ въ широкой выцвѣтшей шляпѣ и высовикъ сапогахъ. Онъ также, повидимому, томился дорожной скукой и немилосердно душилъ папиросу за папиросой. Сушковъ всталъ и подошелъ къ нему.

— Скажите, пожалуйста, вы—студентъ?

— Да, студентъ.

— Съ каникуль ѣдете?

— Да; а вы?

— Я еще только поступаю.

— Куда?

— Въ университетъ.

Слово-за-слово, они разговорились и условились остановиться вмѣстѣ. Сушковъ очень былъ радъ этому знакомству: въ Петербургъ онъ ѣхалъ въ первый разъ, а человекъ попался такой, который могъ бы указать ему многое. Къ тому же, новый знакомый Сушкова, Богомоловъ, оказался такимъ же бѣднякомъ, какъ и онъ самъ, такъ-что стѣсняться другъ друга имъ было нечего. Время пошло скорѣе. Осталась назади Любань, остались и Саблино, и Колпино—и уже завидѣлись вдали трубы и церкви. Тревожно смотрѣлъ на нихъ Сушковъ; сердце его сильно билось.

II.

У ц ѣ л и.

И такъ, я добился, чего хотѣлъ и что цѣлыхъ два года занимало мои мысли. Я у цѣли; я въ университетъ; я студентъ! Меня, наконецъ, не мучить боязнь получить завтра двойку, меня не арестуютъ за то, что я не надѣлъ ряца за плечи, а несъ его подъ мышкой; словомъ, я не школьникъ, я слушаю науку... Правда, слушаю въ дырявыхъ сапогахъ, но что такое сапоги? Не можетъ быть, чтобы двѣ недѣли я рыскалъ даромъ—когда-нибудь да получу же уроки! Богомоловъ сомнѣвается, говорить, что я слишкомъ восторженно гляжу на все и что уроки съ неба

не падаютъ. Да я этого и не думаю, хлопочу, бѣгаю и прошу. Вотъ Богомолвъ прожилъ же прошлый годъ, а положеніе было куда хуже моего. Стипендію онъ какую-то частную получалъ и, въ расчетахъ на нее, жилъ себѣ бариномъ; да вдругъ, наканунѣ дня уплаты въ университетъ, стипендія привончилась. И все-таки онъ существуетъ. Мы все съ нимъ споримъ: я говорю, что лучше ждать и не дожидаться, а онъ—что лучше имѣть и потерять. Собственно говоря, оба мы деликатничаемъ: потому что и то, и другое пресверно. Славный онъ парень! съ нимъ жить можно. А въ какой грязи мы живемъ: сыро, холодно и темно-вато. За то дешево: восемь рублей только платимъ. Вонъ Автогносковъ совсѣмъ безъ квартиры; сегодня говорилъ, что ему не разъ приходилось ночевать въ парѣ и что иногда его сгоняли со скамейки... Надо будетъ предложить ему поселиться вмѣстѣ съ нами: въ тѣснотѣ, да не въ обидѣ.

...Время несется впередъ и впередъ. Вотъ уже скоро и 1-е октября, а уроковъ все еще нѣтъ и въ виду не имѣется. Утро и день проходить отлично, пока я въ университетѣ на лекціяхъ: слушаешь, вдумываешься, дѣлишься впечатлѣніями съ товарищами, сравниваешь одну лекцію съ другою, словомъ, чувствуется хорошо. Но приходитъ вечеръ: дѣла пикакого, книгъ учебныхъ нѣтъ, тоска... Сегодня выдался денежный день: изъ комитета для бѣдной студіозии дали ссуду и отъ отца письмо заказное пришло съ тремя рублями. Автогносковъ нашель, что эти полочки слѣдуетъ вспрыснуть, и говорилъ убѣдительно. Я выпилъ рюмку и больше не могъ, а онъ съ Богомолвымъ *осушили*. Теперь оба спятъ и похрапываютъ. Богомолва жаль: получилъ было отличный урокъ, да отказали за то, что въ высокихъ сапогахъ въ салонъ входить. Хотѣлъ онъ меня рекомендовать, да вспомнилъ, что у меня сапоги ужъ совсѣмъ дырявые, и раздумалъ. Спасибо, право, отцу за помощь; но какой у него странный слогъ:

«Любезный сынъ Петръ!

«Посылая при семъ денегъ три (3) рубля серебромъ, тѣмъ же менѣе, однако, мню тебя человекомъ благоразумнымъ. Какъ мать, такожде и я, неуспно и неуоснительно о твоёмъ благосостояніи печемся, и посему скорого твоего возврата въ родительскій домъ, въ коемъ всяческое душевное успокоеніе получишь, желаемъ. Если проживаніе въ городѣ С.-Петербургѣ въ затрудненіе и тяготу тебѣ обратится, увѣдомъ письмомъ, и тебѣ препровождена будетъ неуустительно на проѣздъ сумма. А въ

теченіи онаго пребудь подь нашимъ родительскимъ благословеніемъ, навѣки нерушимымъ, и Господнимъ неусыпленіемъ.

«Любящій тебя отецъ,

«Губернскій секретарь

«Андрей Сущковъ».

Они еще не примирились съ мыслью о томъ, что я могу задумать что-нибудь серьезно; да, пожалуй, и мысли такой у нихъ никогда не зарождалось. Но дѣла идутъ хоть и плохо, а все же не является и помышленія объ отъѣздѣ. Отъ платы за слушаніе лекцій надо будетъ освободиться, а для этого требуется свидѣтельство о бѣдности. Отецъ достанетъ. Такъ что мнѣ нужно его *попросить*, чтобы онъ *попросилъ*; а, *выпросивъ* свидѣтельство, надо опять-таки *попросить*, чтобы меня освободили отъ платы

...15-е октября. День взноса въ университетъ. Отъ платы не освобожденъ: свидѣтельство о бѣдности опоздало. Объ урокахъ забылъ и думать. Вотъ уже три дня, какъ пробавляюсь чернымъ хлѣбомъ. Что дѣлать? чѣмъ жить? и какъ жить? Сегодня мы удостоились посѣщенія старшаго дворника и, конечно, старались оказать ему всяческое почтеніе.

— Господа, вашимъ пачпортамъ сегодня срокъ, внушительно объявилъ онъ намъ, входя.

— Точно такъ-съ.

— Пожалуйте новые.

— Повремените, господинъ дворникъ, сдѣлайте божеское одоженіе. Не угодно ли присѣсть, милости просимъ.

— Нѣтъ, намъ разсиживаться некогда, а вы вотъ пачпорта исправляйте проворнѣе.

— Намъ-то ужъ очень трудно, господинъ дворникъ.

— Какая же тутъ трудность? исправилъ—да и шабашъ.

— Да для этого надо по 25 рублей внести: вотъ бѣда-то въ чемъ!

— Ужь вы какъ-нибудь разстарайтесь! А то, знаете—привязано...

И, многозначительно кивнувъ головой, онъ вышелъ. Побѣжали мы въ университетъ, и господинъ старшій дворникъ можетъ теперь возликовать, потому что «свидѣтельства» наши продолжены срокомъ по 1-е ноября.

Звонокъ. Письмо мнѣ. Рука знакомая... отъ Маши!..

Милый, дорогой человекъ! сколько чувства, сколько живой, горячей любви! Она груститъ по мнѣ, а Богъ знаетъ, стою ли я ея чистыхъ, святыхъ заботъ?

«Зачѣмъ, зачѣмъ ты такъ далеко? пишетъ она: — я до сихъ поръ не могу свыенуться съ мыслью, что тебя больше нѣтъ здѣсь и что еще долго тебя не увижу. Когда ты учился въ гимнази, хоть на святкахъ и на каникулахъ мы видѣлись, а теперь когда ты вернешься — одному Богу извѣстно... Андрей Игнатичъ все не въ духѣ и сердится на меня за то, что я тебя не удержала. Куда ни пойдешь — вездѣ скука томить. Въ палисадникѣ листья опали, и совсѣмъ ужъ онъ не походитъ на тотъ веселенькій, кудравый садикъ, гдѣ мы, бывало, лѣтомъ сидѣли и дѣлились и радостями, и печалями...»

Хоть бы на минуту туда, изъ этого голоднаго угла! Тамъ хоть и скверно, и пошло, но есть тамъ любящіе люди, есть глаза, полные слезъ, полные выраженія горячаго участія... Мучить меня, томить то, что я незаслуженно пользуюсь этимъ участіемъ. Зла, правда, я никому тамъ не сдѣлала, но пока и добра еще никакого. А между тѣмъ, мать всегда ласковая, нѣжная; отецъ, хоть и строгъ, а все же побаловать не прочь; и Маша... милая, добрая душа! Кажется, три дня жизни отдалъ бы за то, чтобы хоть на минуту перенестись въ эту скромную, уютную комнатку, гдѣ на столѣ самоваръ пытитъ, гдѣ на блюдечкѣ клюквенное, обсахарившееся варенье, гдѣ вѣчно слышатся пересуды о томъ, что «Иванъ Иванычъ продулъ пятьдесятъ рублей въ карты», что «Петръ Петровичъ на именинахъ у Андрей Андреича напился пьянъ», что «Наталья Панкратьевна сегодня утромъ родила, а крестины справить не на что». Тогда это все мнѣ было противно, гадео: я не могъ переваривать этихъ дразгъ; но теперь, въ чужомъ городѣ, когда ко мнѣ никто не обратится съ ласковымъ словомъ, когда мнѣ приходится кланяться, просить, я начинаю цѣнить...

Въ послѣднее время и на лекціяхъ сидишь, ничего не слышишь — вслушаться не можешь. Все думаешь о квартирной хозяйкѣ, о старшемъ дворникѣ, а эти милые образы проносятся мимо, делѣя воображеніе... Думала я обратиться за помощью къ молодежи, хотѣла гдѣ-нибудь у гимназистовъ попросить передать мнѣ лишній урѣзъ, если таковой найдется, да Богомолвъ расхотался...

III.

Н а м е л и.

Были первыя числа ноября. Для гимназистовъ, это время очень знаменательное, потому что послѣ него становится яснымъ, надо

ли поврѣще взяться за грамматики, или можно несовсѣмъ ревностно посѣщать душевные классы и утѣшать своихъ начальниковъ безконечными записками о болѣзни: въ эти дни выставляются среднія отмѣтки за первую четверть учебнаго года, имѣющія не малое значеніе при переходѣ изъ класса въ классъ.

Въ одинъ изъ этихъ дней, VIII классъ былъ особенно оживленъ и настроенъ въ благодарномъ направленіи. Весь его составъ, въ числѣ тринадцати человѣкъ, шумно и весело разгуливалъ по классной комнатѣ, пользуясь десятью минутами «переѣмны», чтобы встряхнуть юныя кости и приготовить головы къ воспріятію новыхъ свѣдѣній изъ области классическихъ древностей. Худеный, рыженькій Прѣсняковъ былъ особенно веселъ, потому что ему только-что по латинскому языку изъ милости выставили тройку въ «четвертныхъ», несмотря на то, что онъ въ два мѣсяца чуть не двѣ трети пробылъ дома, а являясь въ классъ, непремѣнно получалъ двойку, а вмѣстѣ съ нею и нагоняй за манкировки и безпечность. «Э-э, говорилъ онъ беззаботно:—къ Рождеству опять тройку поставитъ—нельзя же ему меня огорчить къ празднику!»

— Господа, получите письмо, заявилъ, войдя, гимназическій швейцарь.

— Кому?

— Всѣмъ.

— Какъ всѣмъ? удивились классики и, взявъ письмо, увидѣли, что, дѣйствительно, оно адресовано «воспитанникамъ VIII класса». Сейчас же его вскрыли и вотъ что прочли:

«Господа! тяжело обращаться къ кому бы ни было съ просьбою, и тѣмъ болѣе съ такою, какова моя. Но чего не заставитъ сдѣлать нужда? Кому изъ васъ приходилось терпѣть, тотъ пойметъ меня. Я—студентъ, нуждаюсь ужасно, ресурсовъ никакихъ, за слушаніе лекцій внести не могу, заложить нечего. Вотъ каково мое положеніе. Съ ужасомъ думаю о томъ, что вмѣсто того, чтобы ходить на лекціи, придется встать на не-«посильную работу поденщика. А вѣдь и придется, пожалуй, «потому что стоять на перекресткѣ и протягивать руку прохо-«жимъ—я не въ силахъ. Господа, войдите въ мое положеніе и «посудите сами: для того ли я прошелъ черезъ это чистилище, «чтобы только поглядѣть на университетъ? Не денегъ прошу я «у васъ—денегъ я не возьму,—но навѣрно, у многихъ изъ васъ «есть уроки и даже, можетъ быть, лишніе, которые кто-нибудь «согласился бы передать мнѣ. За добросовѣстность мою поручится званіе, которое я не осмѣлюсь очернить, желая сохра-

«нить за собою имя честнаго человѣка. Въ надеждѣ на ваши участіе и помощь подписываюсь и выставляю свой адресъ.

Петръ Сушковъ».

Гимназистъ Ижоринъ окончилъ читать. Всѣ молчали. Письмо произвело впечатлѣніе. Только одинъ неунывающаяй Черновъ постарался догадаться:

— Навѣрно, жуликъ!

Ижоринъ озлобился на него за это предположеніе и обозвалъ его дуракомъ, съ чѣмъ поспѣшили немедленно согласиться и прочіе. Рѣшено было помочь Сушкову, но какъ? Одни кричали: уроки передать! другіе: денегъ собрать! Но всѣ послушались Ферза, который не только у гувернеровъ и учителей, но и между товарищами, слылъ за человѣка резонабельнаго. Онъ совѣтовалъ не передавать урока человѣку незнакомому:

— Пожалуй, Черновъ и правъ, говорилъ онъ:—развѣ можно ручаться за перваго встрѣчнаго? Но мнѣ все-таки кажется, что это письмо врадѣ ли писано жуликомъ. Лучше помочь ему пока деньгами, познакомиться съ нимъ, узнать хорошенько, а тамъ, коли онъ окажется человѣкомъ порядочнымъ, и урокъ ему передать можно будетъ.

Пересуды объ этомъ, можетъ быть, кончились бы еще не скоро, но вдругъ повѣяло холодомъ и даже какъ будто плѣсенью: вошелъ грекъсь, т. е. вовсе не «грекъсь», а учитель греческаго языка, котораго такъ называлъ весь VIII классъ, по слабости всякаго учебнаго заведенія имѣть свой жаргонъ. Всѣ встали — шумъ, сѣли—тишина.

А между тѣмъ, по столамъ тайкомъ переходилъ листокъ съ надписью «въ пользу Сушкова». Къ Ижорину онъ попалъ къ послѣднему; кромѣ подписей, на немъ были и замѣтки: кто-то изощрялъ свое остроуміе, продуктъ классическаго легкомыслія.

Однако, несмотря на нѣкоторое присутствіе легкомыслія въ подписномъ листѣ, на слѣдующій день было собрано девятнадцать рублей, и товарищи поручили Ижорину снести ихъ Сушкову. Послѣ вlassовъ онъ пошелъ по адресу.

— Гдѣ тутъ 45-й № квартиры? спросилъ онъ сидѣвшаго у воротъ дворника.

— Кого надо? былъ вопросъ на вопросъ.

— Студента Сушкова.

— Зачѣмъ?

— Ну, ужь это я ему самому скажу.

Страхъ остался недоволенъ такою скрытностью и отвернулся.

— Такъ гдѣ-же? переспросилъ Ижоринъ.

— На заднемъ дворѣ, во флигерѣ, сердито отвѣчалъ стражъ, даже взглядомъ не удостоивъ юнаго обывателя.

Пошелъ Ижоринъ на задній дворъ, нашель и флигель. По лѣстницѣ, въ которой многія ступени напоминали собою качели, онъ добрался до 45-го номера. Звонка не было, ему пришлось постучаться; отворила какая-то страшная старуха, съ нависшими на лобъ сѣдыми волосами.

— Кого надо? брюзгливо спросила она.

— Сушковъ тутъ живетъ?

— Много ихъ тутъ живетъ. Гдѣ ихъ всѣхъ запомнить?

И она провела его узкимъ темнымъ корридоромъ въ узкую темную комнату. Кто-то спалъ на кровати, на которой не видно было бѣлья. Больше тамъ ничего не было. Ижорина сразу охватило запахомъ сырости, сдавило ему дыханье, и онъ съ досадою вспомнилъ слова Чернова. Онъ присѣлъ на стулъ и оглянулся вокругъ себя. Двѣ кровати, обѣ безъ бѣлья; вмѣсто подушки, въ головахъ свомканное пальто, два стула, комодикъ и столъ; грязныя стѣны, грязный полъ, сѣрые мокрые углы—вотъ и все.

— Вы—не Сушковъ ли? спросилъ онъ проснувшагося Богомолова.

— Нѣтъ, онъ хотѣлъ сейчасъ придти.

— Скажите, въ какомъ положеніи Сушковъ?

— Въ прескверномъ-съ.

— У него уроки есть?

— Какіе уроки, когда жрать нечего!

Дверь отворилась и вошелъ брונетъ съ маленькими усиками и красивымъ, но истомленнымъ лицомъ. Увидѣвъ гимназиста, онъ смутился и, не скидая шапки, смотрѣлъ на него.

— Не вы-ли студентъ Петръ Сушковъ? спросилъ его Ижоринъ.

— Я.

— Мнѣ поручили мои товарищи поговорить съ вами. Письмо ваше получено, и мы рады принять участіе въ васъ. Но пока еще никто изъ насъ не можетъ передать вамъ урока. Мы всѣ очень просимъ васъ не побрезговать нашимъ пособіемъ...

— Ахъ, нѣтъ, что вы! сконфуженно заговорилъ Сушковъ, отступивъ назадъ.

— То есть, какъ же? вы не хотите взять?

— Да вѣдь я не объ этомъ васъ просилъ...

— Положимъ, что такъ... Но видите-ли, въ чемъ дѣло. Мы вѣдь васъ не знаемъ... Какъ же вы хотите, чтобы кто-нибудь изъ насъ представилъ на свое мѣсто совѣтъ незнакомаго человека?

Сушковъ совѣтъ смутился:

— Извините, я, кажется, вас не понимаю....

— Какъ бы вамъ это сказать получше? началъ Ижоринъ, который тоже порядочно сконфузился: — вы человѣкъ не знакомый... Богъ васъ знаетъ, какъ бы вы отнеслись къ дѣлу... Извините меня, но... Я, видите-ли... Ну, да однимъ словомъ, возьмите это пока... А я всѣми силами похлопочу, чтобы вамъ поскорѣе доставили урокъ.

— Нѣтъ, ужъ я лучше урока подожду...

— За что-же вы насъ обидите? Положительно, возьмите это пособіе!

И Ижоринъ, сунувъ деньги въ руку Сушкову, быстро исчезъ изъ комнаты. Сушковъ стоялъ, какъ вкопанный, глядя на затворившуюся дверь и судорожно, бессознательно сжимая въ рукѣ кредитки.

— Чтожь это? произнесъ онъ, наконецъ.

— Да что? насмѣшливо отозвался Богомоловъ: — милостыню подали—вотъ что...

Сушковъ стоялъ посреди комнаты. Кровь прилила къ головѣ и къ сердцу. Что-то ужасно тѣснило ему внутри; въ виски стучало, какъ молотомъ. Еслибы Богомоловъ замѣтилъ его смущеніе, то, навѣрно, оставилъ бы его въ покоѣ; но онъ, не взглянувъ на Сушкова, протянулся на кровати и, заложивъ руки подъ голову, ядовито произнесъ:

— А это любопытно: студентъ съ гимназистовъ сорвалъ на бѣдность... а! Да еще съ нотацией: вы не подлець-ли? не пропейте, молъ...

Въ глазахъ у Сушкова потемнѣло, въ горлѣ сдавило. Онъ сомкалъ кредитки, раза три рванулъ по нимъ и повалился на кровать.

Богомоловъ, нивагъ не ожидавшій этого, вскочилъ на ноги и тупо глядѣлъ на товарища.

— Вотъ такъ штука! сорвалось у него съ языка.

IV.

На пути.

Опять дорога, опять грохотъ и заспанная, истомленная лица! Снова тяжелое смущеніе, снова камень на сердцѣ... Куда ѣду? На родину! Зачѣмъ? Затѣмъ, чтобы записаться въ уѣздные чиновалы и весь вѣкъ трепетать пріѣздовъ губернатора и архіерея. Всю свою жизнь по утрамъ засѣдать въ «присутствіи», за обѣдомъ

ыпивать поддюжину рюмокъ водки, вечеромъ созерцать на бульварѣ цвѣтныя юпки уѣздныхъ барышень, смотрѣть, какъ онѣ трясутъ своими шляпами, слушать ихъ хихиканье, а за ужиномъ на-ночь опять надрызгаться и завалиться на сѣѣденіе клоповъ, подъ теплое одѣяло на пышащей жаромъ перинѣ... Вотъ оно, сознаніе исполненнаго долга! Вотъ спокойствіе! Вотъ счастье!

Но чтожь было дѣлать? какъ остаться въ Петербургѣ? За квартиру нечѣмъ было платить, за лекціи необходимо было внести...

Помнится, утромъ разъ, мы еще спали—рано было. Слышу, по корридору шаги не особенно-легкаго свойства. Дверь отворилась. Я отерылъ глаза; передо мной: рыжая борода, холщевый фартукъ и бляха.

— Господа, билеты ваши!

Мнѣ вспомнился сонный купецъ, сосѣдъ на желѣзной дорогѣ. Я вздумалъ позлить дворника и сталъ притворяться спящимъ.

— Билетъ? каковой тѣ билетъ?.. И захрапѣлъ.

— Эй, господинъ! вы, какъ васъ... билетъ вашъ...

— Мм?...

— Билеты ваши пожалуйста!

Я всочилъ, посмотрѣлъ на него и опять, опустивъ голову, захрапѣлъ.

— Эй, ты! послушай-ка... ученая голова!..

Онъ немилосердно трясъ меня за ногу. Я ждалъ, что дальше будетъ.

— Билетъ покажи-ка свой, ты...

— Все равно въ Бологомъ покажу...

— Въ Бологомъ! Ошалѣлъ! Экій народецъ безпашпортный!.. сказалъ онъ съ досадой и ушелъ, такъ и не добившись толку.

А хозяйка шипѣла за стѣной. Змѣя не змѣя, а что-то скверное, злое. Да, пожили-таки мы въ Петербургѣ! А тутъ письмо приспѣло отъ отца. Помнится, какъ я расхохотался, когда пришла повѣстка на пятьдесятъ рублей. И, дѣйствительно, смѣшно. Мнѣ—пятьдесятъ рублей! Да, буду чиновникомъ на мѣсто новопреставленнаго раба Божія, коллежскаго регистратора Симеона Богоявленскаго. Получать буду жалованья двадцать девять съ копейками. Вотъ и *хорошо*. Вступлю въ жизнь, которую отецъ такъ расписалъ въ письмѣ. И какая, право, хитрость: упросилъ Машу приписать мнѣ, попросить, уговорить. А она, навѣрно, не поняла этой уловки, и со всею чистотою теплаго, любящаго сердца умоляетъ пріѣхать.

Ужасны были послѣдніе дни. Не до ученья было, не до лекцій. Два слова звучали надъ ухомъ, куда бы ни пошелъ, что бы ни сталъ дѣлать. Только два слова, но слова знаменательныя: *псть нечесо*. Помню, какъ я ревѣлъ въ какомъ-то глухомъ переудкѣ, навзрыдъ; какъ безумный. И случай-то, пожалуй, былъ пустяшный. Мужиченка какой-то мнѣ встрѣтился, тощій, испитой, весь въ дыркахъ. Бѣжить и заботливо глядитъ впередъ. Увидѣлъ меня и кричитъ:

— Миль человекъ! скажи ты мнѣ, ради Христа, гдѣ бы тутъ выпить?

Такой жалкій онъ былъ, такой несчастный на взглядъ. Видно было, что онъ ищетъ необходимаго, что для него выпивка — клѣбъ, новая сила, здоровье. Я сказалъ ему, гдѣ я замѣтилъ трактиръ. Сильно онъ обрадовался, глядѣлъ мнѣ вслѣдъ и благодарилъ. И для него не скрылось, какъ жалокъ былъ и я тогда. Хоть онъ и не совсѣмъ догадался, а понялъ, что значилъ мой понурый видъ:

— Эхъ, сердешный! знать, остатнія пропивать идетъ...

Какъ ножомъ, рѣзнули меня по сердцу эти слова. Помню, какъ я билъ себя кулакомъ въ грудь и захлебывался рыданіями. Помню заботливое, ласковое лицо мужиченки, его слова утѣшенія: «э-э, не тужи, миль человекъ... поживемъ — наживемъ!...» Помню, какъ мы, вмѣстѣ съ нимъ, пропили «остатнія деньги»...

Тутъ-то и прилетѣло письмо отъ отца. Конечно, просьбы, укоры: будь благоразуменъ, пятьдесятъ рублей... все, что могъ... соскребли... неужели-жъ не уважишь?.. Что было дѣлать? Три ночи не спалъ, три ночи било меня, какъ въ лихорадкѣ... Убѣждалъ себя, что лучше перемочься, перетерпѣть. А боязнь говорила свое и на своемъ настаивала, пока наконецъ не настояла. Богомолвъ злился, зачѣмъ керосинъ жгу, ему спать не даю. Автогносковъ подтрунивалъ: не завелось-ли у меня любви? На третій день я объявилъ имъ, что уѣзжаю. Автогносковъ рѣшилъ, что безъ отвалной нельзя. Подпили и разговорились. Богомолвъ отнесся серьезно и сказалъ, хоть и рѣзко, но вѣрно: «тряпка ты, тряпка! сплошалъ—дерка задалъ»...

Проѣзжая мимо университета, я посмотрѣлъ на старыя петровскія Kollegii. Три мѣсяца, прожитые въ Петербургѣ, сразу пробѣжали въ головѣ. Что-то неимоვნно потянуло къ этой синей вывѣскѣ, бывшей моею единственной въ жизни мечтой, къ галлерей, гдѣ вѣчно сноуютъ изъ аудиторіи въ лабораторію; къ длинному саду съ деревьями, старыми свидѣтелями столѣтнихъ радостей, восторговъ, печалей, тревоженій; къ «пинельнымъ» комнатамъ, гдѣ табачный дымъ стоитъ коромысломъ; ко

*

всему этому дому, гдѣ пронеслися лучшія минуты моей жизни... Больно, больно стало. Все, что такъ давно составляло единственный предметъ моихъ мыслей—все рухнуло... «Соскребли!» шепнупуль я злобно и плюнуль, и зачѣмъ плюнуль—Богъ знаетъ!

Усталый и разбитый сидѣль Сушковъ на своемъ мѣстѣ. Больше ему нечего было писать. Прошлое тяжело, въ настоящемъ пусто, будущее уже не свѣтилось. Ни будущаго, ни прошедшаго, ни настоящаго—ничего уже не было. Прислонившись головою къ окну, онъ упорно глядѣль въ даль. Шумъ стояль въ головѣ, забытьѣ заволокло туманомъ всякую мысль. Глаза медленно закрывались, и не сонъ, а тяжелая тревожная дрема проносила мимо него толпу образовъ, и любимыхъ, и ненавистныхъ, и такихъ, о которыхъ онъ когда-нибудь только мелькомъ думаль.

Вотъ вдали виднѣется длинный-длинный оранжевый домъ съ тянущимся вдоль него вѣстовымъ садомъ и безконечными рядами мрачныхъ оконъ. Сушковъ смотритъ на синюю вывѣску и на крестъ, который высится надъ нею, смотреть сначала смѣло, полный надеждъ. Но, постепенно ему становится страшно, и холодъ охватываетъ его съ головы до ногъ. «Эй, почтенный! чего трясешься? шея переломится!» кричитъ ему какой-то проѣзжій. Онъ поднимаетъ глаза и видитъ, какъ этотъ длинный домъ дѣлается все короче и меньше, принимая какую-то знакомую форму: вотъ уже осталось только восемь оконъ, вмѣсто большой входной двери очутились низенькія ворота, а синяя вывѣска сдѣлалась маленькой-маленькой, и написано на ней ужъ не то. Онъ ясно разбираетъ золотую надпись: «домъ купѣцовой жены Матрены Селифантьевой Антоновой». «Гдѣ это я видалъ такую надпись?» недоумѣваетъ онъ, входя въ крошечный зеленый палисадникъ. «Наконецъ-то ты пришелъ, слышитъ онъ:—что это какъ долго ты засидѣлся въ канцеляріи?» Ему странны эти слова, но голось знакомъ. Этотъ голось пролилъ отрадную струю въ его сердце. Какая-то женщина идетъ навстрѣчу, молодая, красивая. Доброта и забота свѣтятся въ немъ. Кто-жь бы это такая? Ахъ, да, вѣдь это Маша! «Что съ тобой, Маша? въ какой канцеляріи? спрашиваетъ онъ ее:—я ни въ какой канцеляріи не бываю»...—«Такъ неужели-жь правда, что мнѣ говорили, будто ты гдѣ-то въ кабакѣ съ мужикомъ?..»—«Что ты? я только-что съ Богомолковымъ и Автогносковымъ разстался...» Но неистовый хохотъ заглушаетъ его. У открытаго окна стоятъ и Автогносовъ, и Богомолвъ, указывая на него пальцами: «ха-ха-ха! чиновникъ, тряпка! Мы тебя навѣстить пріѣхали—посмотрѣть, какъ ты обабился!» Ему совѣстно; онъ не знаетъ, куда дѣваться... кровь

приливаетъ къ головѣ... въ глазахъ темнѣетъ... «Эй, жена, воды! приятели тутъ!..» кричитъ онъ, бросаясь въ домъ, и вбѣгаетъ въ комнату. Тамъ открыто окно, передъ которымъ разстлана видъ, знакомый видъ. Широкая рѣка привольно и плавно мчится въ даль, отъгажая въ себѣ прекрасное небо... «Гдѣ-же? гдѣ видѣлъ я это самое? гдѣ я долго стоялъ у рѣки и не могъ оторвать отъ нея глазъ? гдѣ-же теперь я?..» И вотъ далеко-далеко, гдѣ-то на берегу рѣки, раздалось слабое бряцанье!.. Онъ вздрагиваетъ. И это—что-то знакомое: опять-таки гдѣ-то слышалъ, гдѣ-то плакалъ при этихъ звукахъ... А бряцанье приближается и становится слышнѣе...

Неистовый крикъ Сушкова переполошилъ всѣхъ въ вагонѣ и далъ минутъ на-пять матерьялу для остроты. Но не до остроты было ему самому. Совѣсть мучила его: онъ не могъ себѣ пропустить, что сдѣлалъ на увѣщанія письма и бросилъ свои лучшія мечты въ самомъ началѣ изъ-за тридцати-рублеваго жалованья. Слово «тряпка» стояло у него въ ушахъ и не давало покоя его сознанию. А сознание, между тѣмъ, прояснялось и прояснялось. «Нѣтъ, это невозможно, сказалъ онъ, наконецъ, самъ себѣ:—невозможно туда ѣхать. Вернусь назадъ».

Поѣздъ подошелъ къ станціи. Сушковъ, забравъ свой узелокъ, очень маленькій, пошелъ въ теплый, ярко-освѣщенный вокзалъ и усѣлся въ уголку на скамейкѣ. Мимо него сновали путники во всевозможныхъ костюмахъ, причудливыхъ дорожныхъ шапочкахъ, съ сумками черезъ плечо. У чайнаго стола суетились маменьки, выплывшія изъ вагона съ цѣлыми выводками. Кто старался у буфета расправить угрюмыя морщины рюмкой воды; кто въ торопяхъ давился кускомъ бифштекса; вообще-же, въ воздухѣ стояла смѣсь всевозможныхъ нарѣчій и запахъ жаренаго масла. Но Сушковъ не замѣчалъ никого и ничего. Онъ сидѣлъ въ какомъ-то опѣпенѣніи, подъ гнетомъ душевной усталости. Такъ онъ и не замѣтилъ, какъ опустѣлъ вокзалъ и поѣздъ его ушелъ. И онъ сталъ ждать перваго пассажирскаго поѣзда изъ Москвы, чтобы ѣхать въ Петербургъ.

— Сушковъ, дитя мое! вы-ли это? вдругъ услышалъ онъ знакомый голосъ. Передъ нимъ стоялъ товарищъ его Патлюевъ, общій любимецъ, всегда веселый и симпатичный:—скажите на милость, кой чортъ васъ дернулъ уѣхать изъ Петербурга, когда ваши дѣла пошли такъ хорошо?

— Когда они хорошо пошли? съ досадой спросилъ Сушковъ

— Во-первыхъ, терпѣніе! Въ краткихъ, но сильныхъ выраженіяхъ расскажу вамъ про ваши дѣла, а то опоздаю и поѣздъ уйдетъ безъ меня. Я ѣду на курьерскомъ въ Москву по дѣлу

на недѣлю, выѣхалъ нѣсколькими часами позже васъ и потому знаю больше, чѣмъ вы. Вчера видѣлъ вашу фамилію между тѣми, кому «комитетъ вспомоствованія» назначилъ ссуду для взноса за слушаніе лекцій—это разъ. А во-вторыхъ, когда ѣхалъ на машину, встрѣтилъ Богомолова. Онъ ужасно васъ ругалъ за то, что вы испарились, потому что сейчасъ же послѣ вашего отъѣзда приходилъ какой-то гимназистъ и хотѣлъ предложить вамъ урокъ... Вы, кажется, не вѣрите?

— Да, это обстоятельства радостныя! замѣтилъ Сушковъ, не успѣвшій еще очнуться отъ раздумья.

— Чего-жь радостныя, коли вы уѣхали? На что вамъ это все теперь? Однако, звоночь... Прощайте, дитя мое... А вашу поѣздъ скоро уходить?

— Мой поѣздъ уже отправился, спокойнымъ и довольнымъ голосомъ отвѣтилъ Сушковъ, крѣпко пожимая руку Патлюеву:— надѣюсь, черезъ недѣлю снова увидимся въ университетѣ.

Николай Позняковъ.

СОЛОВЬЯТНИКИ.

(РАЗСКАЗЪ).

I.

Какъ-то весной, въ первыхъ числахъ мая, зашелъ ко мнѣ пріятель-соловьятникъ, Флегонтъ Гаврилычъ Павильоновъ.

— Я къ вамъ-съ! проговорилъ онъ, расшаркиваясь и подавая мнѣ руку. — Вы, какъ-то, желали на соловьиною ловлю посмотреть, такъ вѣтъ неугодно-ли? Соловьиный пролетъ начался, дѣло въ самомъ разгарѣ.

— Съ удовольствіемъ. Вы какъ будете ловить?

— Сѣтками-съ. Ловятъ еще западками на яйца, да я той охоты не люблю... не стоить-съ.

— А куда мы поѣдемъ?

— Чтобы далеко не забиваться, поѣдемте на Зеленый Островъ.

— Отлично.

— Такъ, часиковъ въ шесть вечеркомъ, вы пожалуйста на «Пѣшку»¹ въ Красненькій трактиръ, а я тамъ буду поджидать.

— Идетъ.

— Смотрите, не забудьте только захватить съ собою коврикъ и подушечку, потому на открытомъ воздухѣ ночевать придется; даже одѣяльце совѣтую взять. Днемъ-то жарко, а зорьки-то все-таки свѣженькія бываютъ...

— Хорошо, захвачу.

---

¹ «Пѣшкой» въ Саратовѣ называютъ пѣшія базаръ.

— Захватите-сь. А пока до свиданья, надо еще Павлу Осиповичу соловья занести. Просилъ, Богъ знаетъ какъ.

И пожалвъ мнѣ руку, соловьятникъ сдѣлалъ граціозный поворотъ, заглянулъ мимоходомъ въ зеркало и, поправивъ височки, вышелъ изъ комнаты.

Однако, прежде всего позвольте познакомить васъ съ этимъ соловьятникомъ.

Флегонтъ Гаврилычъ Павильоновъ былъ старикъ лѣтъ шестидесяти, худой, средняго роста, немного сутуловатый и поэтому всячески старавшійся держать себя какъ можно прямѣе. Когда-то Флегонтъ Гаврилычъ состоялъ на службѣ въ какомъ-то земскомъ судѣ, затѣмъ служилъ писцомъ въ дворянскомъ депутатскомъ собраніи, получилъ чинъ коллежскаго регистратора, но, по «слабости зрѣнія», вышелъ въ отставку и предался исключительно соловьиному промыслу. Насколько промыселъ этотъ былъ выгоденъ, я не знаю, но думаю, что большихъ капиталовъ Флегонтъ Гаврилычъ не имѣлъ, ибо всю жизнь колотился, какъ рыба объ ледъ, часто не доѣдалъ и не допивалъ, и еще чаще прибѣгалъ къ займамъ, которые, по «знакомству», рѣдко оплачивалъ. Туалетъ Флегонта Гаврилыча состоялъ изъ какого-то длиннаго пальто съ чернымъ плисовымъ воротникомъ и таковыми же отворотами, весьма похожаго на халатъ, изъ односторонней жилетки съ шалью и бронзовыми пуговицами, изъ полосатыхъ коротенькихъ панталонъ, вытянутыхъ на волѣнкахъ, и сапогъ, покрытыхъ заплатами, которые Флегонтъ Гаврилычъ всегда тщательно старался какъ можно лучше начистить ваксой. Галстуковъ Флегонтъ Гаврилычъ не носилъ, по крайней мѣрѣ мнѣ никогда не приводилось видѣть его въ галстукѣ, за то бѣлые воротнички ненакрахмаленной ночной сорочки, завязанной у горла тесемкой, онъ такъ живописно раскладывалъ по плисовому воротнику пальто, что въ галстукахъ, право, не было никакой надобности. Несмотря, однако, на этотъ видимый недостатокъ въ костюмѣ, Флегонтъ Гаврилычъ все-таки былъ кокетъ. Онъ никогда не проходилъ мимо зеркала, чтобы украдкой не заглянуть въ него, и, какъ бы мимоходомъ ни былъ этотъ взглядъ, Флегонтъ Гаврилычъ сразу замѣчалъ всѣ погрѣшности своего костюма и немедленно-же исправлялъ ихъ: то у панталонъ пуговочку застегнетъ, причемъ слегка нагнется и непременно замаскируетъ это движеніе кашлемъ или какимъ-нибудь особеннымъ движеніемъ головы и рукъ; то поправитъ височки и хохолъ; то закрутитъ усы. Височками Флегонтъ Гаврилычъ занимался особенно тщательно и весьма оригинально зачесывалъ ихъ. Несмотря на то, что волосъ на головѣ его было довольно много, но все-таки для височковъ онъ

бралъ волоса съ затылка и, накрывъ ими волоса растущіе спеди, загибалъ какими-то валиками въ родѣ двухъ сосисокъ. Вслѣдствіе таковой манеры зачесываться, сѣрые волосы Флегонта Гаврилыча (сѣдыми назвать ихъ нельзя, а именно сѣрыми) были всегда густо намазаны фиксажаромъ, издававшимъ сильный запахъ цедры. Ходилъ Флегонтъ Гаврилычъ быстро, съ припрыжкой и выдѣлывалъ ногами какія-то глissады, словно танцевалъ соло въ пятой фигурѣ кадрили; онъ и руки держалъ такъ же закругленно, какъ держатъ ихъ обыкновенно танцоры. Столь же быстры были и движенія лица Флегонта Гаврилыча, а въ особенности движенія его маленькихъ сѣрыхъ глазъ. Глаза эти ни на минуту не оставались въ покоѣ и, перебѣгая съ одного предмета на другой, дѣлались положительно неуловимыми. Чтò именно способствовало развитію этой неуловимости — служба-ли (чиновники того времени обладали замѣчательно быстрыми взглядами), постоянное ли выслѣживаніе соловьиного бѣга и полета?—я не знаю, но думаю, что послѣднее играетъ не маловажную роль въ этой необыкновенной бѣготнѣ глазъ. Флегонтъ Гаврилычъ на столько былъ преданъ своему дѣлу, что, кромѣ соловьевъ, ни о чемъ не говорилъ. Онъ зналъ всѣхъ любителей соловьиного гнѣнія, не только живущихъ въ Саратовѣ, но даже и въ губерніи, зналъ ихъ по имени и по отчеству, зналъ всѣхъ соловьевъ въ городѣ и въ губерніи, качества и недостатки въ ихъ гнѣніи, возрастъ соловья, кѣмъ именно и когда былъ пойманъ; за сколько, когда и гдѣ проданъ и проч., и проч., словомъ, въ мірѣ соловьятниковъ Флегонтъ Гаврилычъ былъ настолько необходимымъ человекомъ, что обойтись безъ него не было возможности. Его приглашали даже лечить соловьевъ, и хотя, въ сущности, онъ рѣдко помогалъ больному и, напротивъ, гораздо чаще только ускорялъ смерть пациента, тѣмъ не менѣе, какъ настоящій докторъ, дѣлалъ видъ, что жизнь соловья въ его рукахъ и что только онъ одинъ можетъ спасти его отъ смерти. Онъ вспрыскивалъ больного водой, водкой (водку онъ предпочиталъ болѣе, ибо въ тоже самое время возбуждалъ тѣмъ же медикаментомъ и собственныя силы), дулъ соловью подъ хвостъ, совалъ въ ротъ живыхъ таракановъ, и когда, несмотря на это, соловей околѣвалъ, онъ опускалъ его въ карманъ своего боричневаго пальто, поправлялъ височки и объявлялъ, что противъ «предѣла» никакой врачъ ничего сдѣлать не можетъ.

Такое постоянное вращаніе въ мірѣ соловьиномъ превратило и самого Флегонта Гаврилыча въ какого-то соловья. Какъ только наступала весна, и соловьи прилетали къ намъ съ «теплыхъ водъ», такъ и Флегонтъ Гаврилычъ принималъ совершенно со-

ловьиный образъ жизни. Онъ забывалъ все: домъ, семью, жену, дѣтей, покидалъ такъ сказать свои «теплыя воды» и переселялся въ лѣсъ. Ночь для него превращалась въ день; утреннія и вечернія зори были самыми торжественными моментами его жизни. Онъ даже днемъ спалъ весьма мало, ибо въ это время занимался обдѣлываньемъ своихъ соловьиныхъ дѣлишекъ, т. е., продажею пойманныхъ по зорямъ соловьевъ. Продажу эту Флегонтъ Гаврилычъ облегалъ всегда какою-то особенною таинственностію: входилъ въ домъ съ задняго крыльца, секретно вызывалъ хозяина, отворачивалъ полу пальто и, подмигнувъ на холстинный мѣшокъ съ соловьиными клѣтками, объявлялъ шопотомъ: — «Ночничекъ-съ! Только для васъ и берегъ!» Торгъ совершался; Флегонта Гаврилыча угощали водочкой, чайкомъ, и хотя «ночничекъ» оказывался весьма часто самымъ обыкновеннымъ соловьемъ, а иногда даже не самцомъ, а самкой, тѣмъ не менѣе, однако, никто на Флегонта Гаврилыча за это не претендовалъ по той простой причинѣ, что все это было такъ мелко и такъ незначительно и, вмѣстѣ съ тѣмъ, такъ необходимо для поддержанія существованія цѣлаго семейства, что совѣстно было и претендовать. Соловьевъ Флегонтъ Гаврилычъ ловилъ большею частію самъ, для чего держалъ даже двоихъ рабочихъ, но сверхъ того онъ и покупалъ соловьевъ, если находилъ это выгоднымъ. Онъ торговалъ клѣтками, которыя дѣлалъ самъ въ зимнее время, муравьиными яйцами, дудочками, свистками, западками, сѣтками, и отъ всего этого получалъ небольшіе барыши, на которые и содержалъ свою семью. Флегонтъ Гаврилычъ былъ женатъ на второй женѣ и имѣлъ четырехъ дѣтей, т. е. былъ въ семействѣ самъ-шесть, но когда спрашивали его о численности его семейства, то онъ всегда отвѣчалъ: «самъ-семь», ибо и квартиру тоже причислялъ къ членамъ семьи, какъ требующую содержанія. Вторую жену свою Флегонтъ Гаврилычъ любилъ, но о первой вспоминалъ и до сихъ поръ съ особеннымъ восторгомъ. — «Ахъ, что это была за дама! говорилъ онъ. — Что это была за понятливая дама! Бывало, разбудить утромъ, поцѣлуетъ и скажетъ: «Ну, супругъ, пожалуйста чай кушать, все готово!» И дѣйствительно: клѣтки, бывало, всѣ вычищены, кормъ насыпанъ, вода налита! А вторая—баба, положимъ, добрая, хлопотунья, но ужъ понятія не спрашивай! Соловью овса насыпешь, овсянкѣ яицъ муравьиныхъ... того и гляди, всѣхъ птицъ переморить!..»

Вотъ этотъ-то Флегонтъ Гаврилычъ и пригласилъ меня на соловьиную ловлю.

II.

Часовъ въ шесть вечера, я съ «коврикомъ, подушкой и одѣяльцемъ» прибылъ на мѣсто свиданья. Красненькій трактирчикъ былъ биткомъ набитъ народомъ и представлялъ собою нѣчто весьма оригинальное. Это былъ клубъ птицелововъ и охотниковъ до птичьяго пѣнія. Никогда ничего подобнаго не встрѣчалъ я въ жизни. Тутъ были и чиновники, и купцы, и нѣмцы, и русскіе, и армяне, и весь этотъ людъ, сидя за чаемъ или за кружкой пива, только и толковалъ о птицахъ. Грязный до невозможности, пропитанный запахомъ водки, табачнаго дыма, пива и солдатскихъ сапоговъ, трактирчикъ былъ весь увѣшанъ клѣтками, и въ клѣткахъ этихъ метались птички всевозможныхъ породъ, оглашая залу всевозможными трелями. Тутъ заливались и жаборонки, и щеглы, и чизы, и канарейки; тутъ «мамакали» перелела, свистали снигири и севорцы, и все это смѣшивалось съ крикомъ посѣтителей (просто говорить было нельзя, а надо было непремѣнно кричать, такъ какъ обыкновенный говоръ заглушался птицами), съ бѣготней половыхъ и стукомъ чашежь и тарелокъ. Тоже самое происходило и передъ трактиромъ—въ небольшомъ переулкѣ, выходящемъ на Валовую улицу. Переулокъ этотъ пестрѣлъ двигавшимися толпами народа, тѣснившимися передъ достатнымъ заборомъ, буквально увѣшаннымъ клѣтками. Словомъ, это былъ птичій рынокъ со всѣми его атрибутами и характерными особенностями. Тутъ суетились дѣти, почтенные старцы, попы, дьячки съ заплетенными косичками, солидные купцы съ окладистыми бородами и молодые франты въ цилиндрахъ и шляпахъ. Здѣсь продавались и клѣтки, и птичій кормъ; здѣсь обдѣлывались всѣ птичьи «гешефты», здѣсь была птичья биржа съ своими специальными членами, старшинами и маклерами.

Когда я вошелъ въ трактиръ, я былъ просто ошеломленъ этимъ хаосомъ, я не зналъ что дѣлать, но голосъ Флегонта Гаврилыча вывелъ меня изъ недоумѣнія.

— Пожалуйте-съ... Я здѣсь! кричалъ онъ, привставъ съ мѣста.—
Пожалуйте-съ, мое почтеніе-съ!

Я поспѣшилъ на зовъ.

— Ну, что-же, ѣдемъ? спросилъ я.

— Непремѣнно-съ, сію же минуту-съ. Пожалуйте, присядьте... Кружечку пивца не прикажете-ли? а я покамѣсть кликну своихъ молодцовъ и прикажу имъ собираться.

Проговоривъ это, Флегонтъ Гаврилычъ засуетился, поправилъ

височки, подбѣжалъ къ растворенному огню, высунулся по поясъ и крикнулъ на весь переулокъ:

— Эй ты, Ванятка! Убирай клѣтки, зови Василю, сейчасъ на охоту поѣдемъ! Матри, не забудь чего, какъ намерни! ни одного свистка не взяли... Да спроси у жены, нѣтъ-ли каленыхъ яицъ, да пирога не осталось-ли? Коли осталось, такъ захвати... Ну, живо! одна нога здѣсь, другая тамъ! съострилъ Флегонтъ Гаврилычъ.

И потомъ, подавая мнѣ стулъ, прибавилъ:

— Сейчасъ они придуть-съ... Пива не прикажете-ли-съ?

— Пожалуй, кружечку выпью.

— Отлично-съ.

И, обратясь къ буфету, Флегонтъ Гаврилычъ крикнулъ:

— Эй! Маварычъ! Вотъ барину пивца бутылочку подай... Или, можетъ, парочку желаете?..

Сообразивъ, что Флегонтъ Гаврилычъ хлопочетъ собственно о себѣ и что угощать пивомъ приходится мнѣ, я согласился на «парочку».

— Превосходно-съ! подхватилъ Флегонтъ Гаврилычъ. — И я съ вами кстати выпью. Вы какое больше уважаете: Калининское или Баварію?

— Баварію.

— И я того же мнѣнія-съ, снова подхватилъ Флегонтъ Гаврилычъ и мгновенно распорядился насчетъ пива.

За столомъ, кромѣ насъ съ Флегонтомъ Гаврилычемъ, сидѣлъ еще какой-то мрачнаго вида господинъ, опрятно одѣтый, въ черномъ сюртукѣ, высокихъ бѣлыхъ воротничкахъ, подширавшихъ уши, и съ лимоннаго цвѣта волосами, жиденькимъ хохломъ возвышавшимися на лбу. Господинъ этотъ лѣвой рукой поглаживалъ пустую кружку, а правой перекидывалъ карандашъ, ловко подхватывая его на лету. Мы сидѣли съ нимъ визави, посреди-же насъ, какъ разъ противъ зеркала, висѣвшаго въ простѣннѣ, помѣщался Флегонтъ Гаврилычъ. Зеркало это было причиною того, что Флегонтъ Гаврилычъ ни минуты не просидѣлъ спокойно... Онъ, то и дѣло, поправлялся, приглаживался, обчищался и только принесенныя половымъ бутылки пива отвлекли его отъ этого занятія.

— Какъ на вашъ вкусъ? спросилъ онъ, разливъ по кружкамъ пиво и сдѣлавъ довольно основательный глотокъ.

— Пиво хорошее...

— Дѣльное пиво-съ! подхватилъ Флегонтъ Гаврилычъ. — Нового привоза, изъ слада Дюбуа.

— Гордонитъ чуточку! глубокомысленно замѣтилъ господинъ съ лимоннымъ хохломъ.

— Есть немножко-съ! вскрикнулъ Флегонтъ Гаврилычъ. —
Есть-съ, горчить точно-съ, точно-съ...

— А вчерашній соловей-то вашъ, милочка, околѣлъ! прогово-
рилъ мрачный господинъ.

— Ой! вскрикнулъ Флегонтъ Гаврилычъ, привскочивъ съ мѣста,
словно его кто иголкой кольнулъ.

И въ ту же минуту на подвижномъ лицѣ его изобразился и
ужасъ, и отчаяніе, и, вмѣстѣ съ тѣмъ, надежда сбыть другого
соловья.

— Околѣлъ...

— Давно-ли?

— Вчера вечеромъ. Должно быть, самки хватилъ...

Флегонтъ Гаврилычъ даже отшатнулся какъ-то.

— Паль Осипычъ! проговорилъ онъ, приложивъ руку къ серд-
цу.— Какъ вамъ не грѣшно-съ? Да теперъ и самки-то еще не
прилетѣли-съ!.. Ни одной, какъ есть, не слыхалъ еще-съ. По-
милуйте! развѣ я посмѣлъ-бы сдѣлать это-съ? Нѣтъ-съ, а просто
его въ платкѣ несли, туго связали—онъ и сопрѣлъ-съ... Что вы
станете съ этими мерзавцами дѣлать! Сколько разъ говорилъ имъ:
въ платкѣ не носить соловьевъ... Чего лучше въ бичайкѣ... не
въ примѣръ спокойнѣе! такъ вотъ нѣтъ-съ, лѣнь бичайку-то та-
свать... Эхъ-ма! жаль, жаль, соловей-то ужъ больно хорошій
былъ... «ночничекъ»! самъ выслушивалъ!

И потомъ, вдругъ перемѣнивъ тонъ, спросилъ:

— Можетъ, прикажете другого подарить-съ?..

— А есть?

— Есть-съ.

— Хорошій?

— Горластый соловей.

— Утренничекъ или ночничекъ?

— Ночникъ. Всю ночь на весь Зеленый островъ такъ и оралъ...
даже спать не далъ проклятый.

— А дорогъ?

— Помилуйте, лишняго не возьму-съ.

— Нѣтъ, однако?

— Сочтемся, чего тутъ... сочтемся, будьте спокойны-съ... Мнѣ
съ васъ лишняго не надо-съ.

— Хорошъ-ли только?

Флегонтъ Гаврилычъ даже обидѣлся.

— Паль Осипычъ! проговорилъ онъ, заглянувъ въ зеркало и
потомъ мгновенно перенеся взоръ на Павла Осиповича.— Неужто
я могу что-нибудь такое говорить передъ вами... низость какую-
нибудь-съ! Мнѣ собственно соловья-то жалко, потому попадетъ

къ какому-нибудь курицыну сыну, который и толку-то въ нихъ не понимаетъ, а соловей-то богатый...

— Ну ладно, милочка, припосите; буду ждать.

— Слушаю-сь, принесу-сь.

И, снова посмотрѣвъ въ зеркало и поправивъ воротъ сорочки, спросилъ:

— А какъ тотъ-то, другой-ать, поеть?

— Пѣть-то поеть, только трещить очень...

— Ахъ, Паль Осипычъ, безъ треску не возможно-сь! Безъ треску-то, тысячи двѣ рублей заплатитъ надо-сь; да у насъ здѣсь и нѣтъ такихъ... За такими-то надо въ Курскъ, аль въ Бердичевъ ѣхать... да и тамъ, слышь, не много ихъ. А чтó, яичками-то запаслись?

— Купилъ вчера немного.

— Вы-бы вотъ сейчасъ купили-сь, а то Поповы такъ и рвутъ-сь. Намедни купили этихъ самыхъ яицъ муравьиныхъ на 80 коп., а продали потомъ за четыре рубля... Вотъ вѣдь, какъ деньги-то наживаются-сь, не то что мы... Право, запаситесь... Теперь бабы подгороднія очень много ихъ натащили, нипочемъ отдають... Вотъ бы еще овсяночку у меня купили-сь... Она полезна будетъ и для кенара, и для соловья...

— Что-жь, ничего, можно...

— Прикажете принести?

— Приносите, милочка; ничего, я возьму...

— Слушаю-сь! проговорилъ Флегонтъ Гаврилычъ и, кивнувъ головой, поправилъ височки.

Въ эту самую минуту, въ залу трактирчика вошелъ мальчуганъ лѣтъ шестнадцати, смуглый, кудрявый, съ плутовскими бѣгающими черными глазами, съ улыбающимся веселымъ лицомъ. Онъ былъ въ изодранной нанковой поддевѣ, въ суконной фуражкѣ, надѣтой на затылокъ, и съ холстиннымъ мѣшкомъ, перевѣшаннымъ черезъ плечо. За поясомъ у мальчугана торчала сухая вобла, небольшая связка баранокъ и двѣ бичайки (лубочныя круглыя клѣтки съ холстиннымъ колпачкомъ, нѣчто въ родѣ ридикюля). Въ рукахъ у него былъ небольшой узелокъ и какая-то старая разодранная поддевка, вся въ грязи и пятнахъ. Это былъ тотъ самый Ванятка, которому Флегонтъ Гаврилычъ отдалъ приказаніе собраться на охоту и позвать Василія. Окинувъ залу быстрымъ взглядомъ и сразу разыскавъ Флегонта Гаврилыча, Ванятка крикнулъ:

— Готово, идемте!

Флегонтъ Гаврилычъ вздрогнулъ, поспѣшно допилъ кружку и, обратясь къ Ваняткѣ, спросилъ:

- А Василій гдѣ?
 — Онъ тамъ на берегу ждетъ.
 — Ладно. Все взялъ?
 — Все.
 — И свистки, и дудочки?
 — Все, и яиць, и пирога кусокъ.

И потомъ, подавая поддеву, Ванятка добавилъ:

— А вотъ это вамъ хозяйка прислала. Приказала пальто снять, а поддеву надѣть. А то, говоритъ, послѣднее пальтишко издеретъ, по кустамъ-то лазимши...

Флегонтъ Гаврилычъ даже вспыхнулъ.

— Ну, ну! вскрикнулъ онъ.—Ты у меня не забывайся. Миѣ и въ пальто хорошо будетъ. Я и самъ знаю, меня учить поздно. Брось поддеву, отдай хозяину, пусть спрячетъ.

Ванятка ухмыльнулся, но все-таки поспѣшилъ исполнить приказаніе хозяина.

— Ну-съ, пожалуйста-съ! проговорилъ Флегонтъ Гаврилычъ, сконфуженный приказаніемъ жены.—Пожалуйте-съ... Такъ соловушка принести-съ? спросилъ онъ, обращаясь къ мрачному господину.

— Да, милочка, принесите.

— И овсяночку-съ?

— И овсянку.

— Слушаю-съ. А затѣмъ до свиданья! И поправивъ свой туалетъ, онъ, какъ-то подпрыгивая и словно танцую, направился къ двери, на всѣ стороны раскланиваясь своимъ знакомымъ.

Я расплатился за пиво; Ванятка подхватилъ мой свертокъ съ «говрикомъ, подушечкой и одѣяльцемъ» и, немного погодя, мы были уже на берегу Волги, гдѣ и встрѣтили ожидавшаго насъ Василю. Онъ успѣлъ уже нанять лодку, которую и причалилъ къ исадамъ¹. Я сѣлъ въ средину, Флегонтъ Гаврилычъ на корму съ рулевымъ весломъ, а Ванятка съ Василюмъ помѣстились спереди и, взявъ двѣ пары веселъ, отчалили отъ исадъ. Волга была въ разливъ, шла камская гѣна и теченіе было такъ быстро, что мы съ трудомъ подвигались противъ, направляя лодку къ Зеленому Острову.

III.

Весной, когда Волга разливается словно море, на далекое пространство затопляя луговую сторону; когда слобода Покровская

¹ Исадами называются садки съ живой рыбой.

со своими церквами, высокими раскидистыми ветлами кажется словно плавающимъ городомъ; когда заходящее солнце уходитъ не за материкъ, а тонетъ въ морѣ разлива, обагривъ западъ пурпуромъ, Зеленый Островъ представляетъ собою одну изъ самыхъ великолѣпнѣйшихъ картинъ. Молодые зеленые перелѣски, обширные дуга, пестрѣющіе цвѣтами, запахъ ландышей и фіалокъ, нѣсколько рыбачьихъ землянокъ, въ которыхъ можно достать и самоваръ, и рыбу, и молоко; сотни соловьевъ, оглашающихъ воздухъ трелями—все это, вмѣстѣ взятое, манитъ на Зеленый Островъ, превращая его въ волшебный уголокъ любви и поэзіи.

На сѣверной сторонѣ острова, параллельно берегу, возвышается такъ называемая «Сухая грива»—песчаный валъ, образовавшійся отъ прибоевъ воды. То возвышалась, то понижалась, грива эта тянется на далекое пространство и, покрытая деревцами осокори, дико-ростущими вишнями, кустами черемухи, калины, шиповника, клена, представляетъ собою самый роскошнѣйшій притонъ соловьямъ и другимъ пернатымъ пѣвунамъ. Вечерними и утренними зорями перелѣски эти оглашаются тысячами голосовъ, покрываемыхъ могучими и звучными трелями соловья. Можно подумать, что птицы всего міра собрались сюда и, собравшись, порѣшили воспѣть красоту весны. Вы стоите на этой «гривѣ», на одномъ изъ самыхъ возвышенныхъ ея кургановъ, внимаете концерту пернатыхъ, а между тѣмъ передъ вами, кругомъ васъ, повсюду раскидываются картины одна другой грандіознѣе, одна другой живописнѣе. Прямо—цѣлое море воды, со стономъ плещущей онагорный берегъ. Это море освѣщено закатомъ солнца, и въ огнѣ его чернѣютъ чуть замѣтными линиями лодочки, шляпки, душегубки; бѣлѣютъ паруса; снуютъ пароходы и, оглашая воздухъ стономъ колесъ, кажутся гигантами среди лодокъ и косулей. Звучныя пѣсни, иногда даже цѣлые хоры долетаютъ до васъ съ этого огненного моря и вы слушаете, не заслушаетесь ихъ. Но вотъ солнце утонуло, огонь потухъ, море подернулось легкой рябью; вы смотрите направо—и передъ вами амфитеатромъ возвышаются гряды своеобразныхъ горъ, одна другой живописнѣе. Горы эти, пестрѣющіе обвалами, садами, зеленью, перелѣсками, непрерывной цѣпью тянутся на юго-востокъ и кончаются такъ называемой Увѣкской горой, чуть синѣющей на прозрачномъ горизонтѣ. Гора эта, спускающаяся острымъ мысомъ, далеко врѣзавшимся въ зеркало воды, невольно восхищаетъ васъ своею причудливостію и вмѣстѣ съ тѣмъ легкостію своего контура. Что-то весьма похожее на эту гору видѣлъ я въ Ниццѣ, на берегу Средиземнаго моря, въ сторонѣ къ каналу. Такъ же, какъ и здѣсь, горы расположены тамъ амфитеатромъ и кончаются горой, похожею на Увѣ-

сею; только нѣтъ здѣсь того маяка, который возвышается тамъ, на той горѣ, и горитъ яркой звѣздой во мракѣ ночи.

Съ наступленіемъ ночи картина измѣняется. Въ одномъ изъ углубленій горы вы видите тысячи огней—это Саратовъ. Передъ нимъ возвышаются цѣлыя лѣса мачтъ и на мачтахъ этихъ дрожатъ сигнальные огоньки. Черныя трубы пароходовъ грохочутъ, выбрасывая фонтаны искръ. Зеленый островъ словно окутанъ мракомъ, но онъ еще не заснулъ, ибо разложенные костры пылаютъ здѣсь и тамъ, и отъ костровъ этихъ долетаютъ до васъ и шумный говоръ, и веселыя пѣсни пріѣхавшихъ на островъ саратовцевъ. Толпы гуляющихъ разсыпаются по острову, и далеко за-полночь слышатся еще и говоръ, и пѣсни, и трескъ костровъ, и шопотъ влюбленныхъ, и звукъ пощѣлудя...

Мы подчалили къ острову часовъ въ семь вечера. Передавъ на сохраненіе рыбаку свои вещи, мы съ Флегонтомъ Гаврилычемъ пошли въ глубь острова. Миновавъ землянку рыбака, перерѣзавъ наискось обширную поляну, покрытую молодою, сочною зеленью, и достигнувъ, наконецъ, «Сухой гривы», мы пошли по ея опушкѣ, поминутно останавливаясь и прислушиваясь къ пѣнію соловьевъ. Такъ какъ мы съ Флегонтомъ Гаврилычемъ были только вдвоемъ, и такъ какъ всѣ наши сѣтки, свистки и дудочки находились у Ванятки и Василя, остававшихся при лодкѣ, то я положительно не могъ понять, для чего именно выслушиваемъ мы всѣхъ этихъ соловьевъ, не имѣя возможности ловить ихъ. Флегонтъ Гаврилычъ шелъ «передомъ», а я слѣдовалъ за нимъ. Забывъ на этотъ разъ про свои височки и не обращая даже ни малѣйшаго вниманія на то, что одна панталона была у него за геленищемъ сапога, а другая наружи, онъ весь какъ бы обратился въ слухъ и сосредоточенность. Онъ едва переводилъ дыханіе, словно замиралъ, сгибался, ступалъ неслышно, останавливался, что-то высматривалъ въ кустахъ; когда приходилось кашлять, то поспѣшно навривалъ ротъ полою пальто и сердито махалъ мнѣ рукою, когда мнѣ случалось чѣмъ-либо нарушать тишину. Мнѣ было даже страшно какъ-то обратиться къ нему и спросить: что мы дѣлаемъ? Такъ прошли мы версты двѣ. Наконецъ, Флегонтъ Гаврилычъ остановился, снялъ съ себя фуражку, отеръ потъ со лба, поправилъ височки и, вынувъ изъ кармана окурокъ «цыгарки», проговорилъ съ улыбкой:

— Слава Богу-съ!

— Что? спросилъ я.

— Ничего, слава Богу... есть-таки!

И, чиркнувъ по штанамъ спичкой, закурилъ «цыгарку».

Т. ССЛІ. — Отд. I.

10

— Послушайте, проговорилъ я.— Объясните мнѣ пожалуйста, для чего мы пришли сюда?

— Какъ для чего-съ?

— Да такъ, я не понимаю. Какъ же будемъ мы ловить соловьевъ, когда сѣтки наши остались на берегу?

— Мы будемъ ловить ихъ утромъ-съ.

— А теперь что мы дѣлали?

— Теперь мы выслушивали-съ, выбирали-съ, которые лучше поють. А завтра придемъ и возьмемъ ихъ-съ. Нельзя же ловить, не послушавши соловья; этакъ такого хлама наловишь, что стыдно людямъ показаться. Однако, давайте присядемъ, отдохнемъ...

Мы присѣли.

— Слышите вонъ того соловья, который сейчасъ въ той черемухѣ поеть? проговорилъ онъ, указывая на большой кустъ черемухи, возвышавшійся среди кустовъ валины.

— Почему-же вы знаете, что онъ именно въ черемухѣ... Тутъ много и другихъ кустовъ.

— Я слышу-съ, я знаю-съ... Ну-съ, такъ вотъ этого соловья и ловить-то не стоитъ-съ, потому трещить слишкомъ и вдобавокъ старыхъ пѣсень. Любой дьячекъ пріятнѣе его пропоеть.

— Это что значить «старыхъ пѣсень»?

— Очень просто-съ! проговорилъ Флегонтъ Гаврилычъ, снимая фуражку и бросая ее на землю.— Есть соловьи старыхъ пѣсень, которые по старому поють, и есть новыхъ пѣсень, которые поють по новому...

— Неужели и соловьи тоже совершенствуются?..

— А какъ же-съ! поспѣшно перебилъ меня Флегонтъ Гаврилычъ. — Соловьи новыхъ пѣсень и поють лучше, и дѣются дороже. Мало-ли какіе есть соловьи! Есть «ночники», которые поють по ночамъ; есть «утренники», которые поють по утреннимъ зорямъ. Ночники тоже дѣются дороже утренниковъ. Какъ можно-съ! Есть соловьи пролетные, которые только пролетомъ попадаютъ сюда: нынче оспеть, а завтра пропадетъ, а есть «мѣстовальны», которые по нѣскольку лѣтъ въ ряду прилетаютъ на одно мѣсто и дѣтей выводятъ. Вотъ къ примѣру, возлѣ той землянки, къ которой мы причалили, есть соловей въ орушникѣ, ужъ онъ лѣтъ семь подрядъ сюда прилетаетъ и сейчасъ опять здѣсь... За это за самое мы его и не тревожимъ даже. Пушай себѣ поеть!

— Почему же вы знаете, что это тотъ же самый?

— По пѣнію-съ.

— Мнѣ кажется, они всѣ на одинъ ладъ поють.

Флегонтъ Гаврилычъ даже расхохотался надъ моимъ невѣжествомъ.

— Какъ это возможно, помилуйте-съ, Господь съ вами! У всякаго соловья есть въ пѣннн какое-нибудь особенное колѣно, своя хватка. Иной соловей весь «въ дудкахъ-съ», а иной «на свистахъ стоитъ!» И дудки, и свисты опять-таки разные. У одного, въ примѣру, есть «кукушкинъ перелетъ»—это самое лучшее колѣно считается, у другого «юлиная стукотня» этакъ:—тью, тью, тью, какъ птичка юла свиститъ; иной «пленъкаетъ», иной «дробитъ», а другой, наоборотъ, «раскатоми» беретъ. Какъ пустить этакъ: трррррръ... да вдругъ: тью, тью и въ «лѣшеву дудку» потомъ. Вотъ у соловьевъ-то новыхъ пѣсенъ всѣ эти колѣна есть и выходятъ они у нихъ чисто, аккуратно, отчетливо-съ...

И вздохнувъ, онъ прибавилъ:

— Только очень мало ихъ было.

— Кого это?

— Да самыхъ этихъ соловьевъ новыхъ пѣсенъ. За всю весну, только троихъ Господь и привелъ поймать!

— Можетъ быть, еще поймаете.

— Нѣтъ ужъ, поздно-съ. Теперь пошелъ соловей старыхъ пѣсенъ, значитъ пролетъ кончился, шабашъ!..

— Какъ это вы все замѣчаете!

Флегонтъ Гаврилычъ даже улыбнулся отъ удовольствія.

— Пора научиться! проговорилъ онъ.—Тоже годковъ пятьдесятъ побольше занимаемся этимъ дѣломъ.

— Ахъ, въ прошломъ году пролетъ былъ хорошъ! продолжалъ онъ съ какимъ-то упоеніемъ. — Ахъ, какъ былъ хорошъ! Особенно, одинъ соловей ужъ больно хорошій попался. Такъ выдѣлывалъ «кукушкинъ перелетъ», что заслушаться надо... Соловей былъ во всей формѣ: плечистый, носъ толстый, глазъ на выкатѣ и большущій, на высокихъ ногахъ. Прозимовалъ у меня, а весной одинъ купецъ отфилъ.—Ну, говорить, снимай съ меня все, только крестъ оставь—а соловья отдай. Не повѣрите, даже слеза прошибла, когда самый этотъ купецъ пріѣхалъ за нимъ! Словно осиротѣлъ я, словно дѣтища родного лишился. Кабы не нужда, кажется, ни за что бы не разстался. А тутъ пасха подошла, деньги нужны были, у дѣтишекъ обувь поистрепалась, жевѣ надо было обновочку шить... такъ и продалъ!

— И дорого взяли?

— Чего тамъ! полусотку всего!

— Неужели пятьдесятъ рублей! почти вскрикнулъ я.

— Гмъ! Такъ развѣ за такого соловья столько бы слѣдовало!

*

Будь это въ Москвѣ, аль въ Питерѣ... Ну-ка, подите-ка, почитайте-ка теперь у купца перекупить. Развѣ пьянымъ напоите, да и то меньше пятисотъ не отдасть. Охъ, и помучаль же меня только этотъ самый соловей! Цѣлыхъ пять ночей подь рядъ сидѣль подь нимъ. И западеами, и сѣтью ловиль. А держался онъ, надо вамъ доложить, на самомъ краю крутого-прекрутого оврага... Осыпешь, бывало, кустъ сѣтью, начнешь загонять—вершинить тебѣ, да и шабашъ!

— Это что значить «вершинить»?

— Это называется, когда соловей не по землѣ бѣжить, а по вершинкамъ перелетываетъ; сѣть-то вѣдь внизу разстается, по этому самому вершинника и трудно изловить. Ужь чего я ни дѣлалъ: и самкой-то свисталъ, и палочками-то старался его на землю согнать, и приваду-то сыпалъ — нѣтъ, не опускается, да и на-поди. Заберется на самую макушку да тамъ, подлець, и заливаеця! Лихорадка даже сдѣлалась. Бывало, онъ тамъ поеть, а я внизу валяюсь, зубъ на зубъ не попаду, даже подрался изъ-за него съ однимъ портнымъ, который тоже было подь него подбираться вздумалъ; да спасибо, ястребъ помогъ... Хошь и расшибся я, а все-таки изловиль...

— Какъ же вы расшиблись-то?

— А вотъ какъ-съ! Кобель черемухи росъ на самой-то на кручѣ, кобель отличный, раскидистый и мѣстечко сплошное такое, «убивистое» было, а рядомъ съ черемухой осинка да такая тонкая, высокая и прямая, какъ конопля... И замѣтилъ я, что съ самой этой осинки соловей слетаетъ на верхушку черемухи и, не падая на землю, перелетаетъ на другой берегъ кручи. Вотъ я взялъ и осыпалъ черемуху-то сѣткой, залегъ у сѣтки, а Ванятку съ Василюемъ загонять послалъ. Пригнали живо, вижу: сѣлъ на самую макушку осинки и затопился... Я лежу, а самого лихорадка такъ и треплетъ, зубами щелбаю, весь ходенемъ хожу, а онъ-то, подлець, сидитъ да разливается! Что тутъ дѣлать? Палочкой въ него бросить—боюсь, спугнешь... ужь сколько разъ такъ-то спугивалъ. Лежу да терзаюсь, плачу даже... Вдругъ, откуда ни возьмись, ястребъ! Соловей встряхнулъ крылушками, да съ осинки-то шмыгъ на кобель, а съ кобеля на землю, прыгъ, прыгъ, да въ сѣткѣ и запутался!.. Я такъ со всѣхъ ногъ и бросился, схватилъ его, да какъ вдругъ съ кручи-то сорвался, да внизъ и загремѣлъ... Всю рожу ободралъ... Лежу это, а самъ только руку вверхъ держу, чтобы какъ ни на есть соловья-то не убить, о себѣ-то не думаю! И точно. Соловья сберегъ, а самъ расшибся какъ нельзя лучше! Цѣлыхъ три недѣли вздохнуть

не могъ, въ ностели лежалъ, повернуться нельзя было. Спасибо, ужъ пивками оттянули!

— Помню, помню! какъ не помнится! раздался вдругъ чей-то голосъ позади насъ.—Все за меня Богъ наказалъ!..

Мы обернулись и увидали молодого человѣка съ испитымъ зеленоватымъ лицомъ, въ коротенькомъ пиджагѣ и палевыхъ панталонахъ, засученныхъ за голенища сапогъ.

— И подѣлдомъ! продолжалъ онъ. — Не дерись впередъ! Шуточное-ли дѣло, какъ меня избилъ тогда!

— А! Владиміръ, здравствуй! вскрикнулъ Флегонтъ Гаврилычъ.—Что, аль тоже за соловьями?

— Нѣтъ, перепелятничать вздумалъ!

— Будеть тебѣ врать-то!

— Чего мнѣ врать!

— Ужь безпремѣнно выслушивать ходилъ.

— Ей-Богу, нѣтъ... У меня и снасти-то перепелиныя... на, смотри... И онъ вытащилъ изъ мѣшечка сѣти и перепелиную дудку.—Да что! перепеловъ-то нѣтъ. Мамакнулъ одинъ и шабашъ. Подманивалъ, подманивалъ—такъ и не отозвался, словно въ землю ушелъ. Что-то и дудка-то хрипнуть.

— Ну-ка, покажи!

Молодой человѣкъ подалъ дудку.

— И то хрипнуть! замѣтилъ Флегонтъ Гаврилычъ, ударивъ разъ десять дудкой. — Засорилась, вотъ и все. У тебя иголки нѣтъ?

— Нѣтъ, кажись, проговорилъ молодой человѣкъ, осмотрѣвъ лацканъ пиджака.

— А еще портной! иголки при себѣ не имѣешь!

— Постой, можетъ, въ игольникѣ нѣтъ-ли...

И молодой человѣкъ принялся шарить въ карманахъ, причемъ выронилъ какую-то косточку, при видѣ которой Флегонтъ Гаврилычъ вскрикнулъ:

— Стой! а это что?

— Что такое?

— Нешто съ этимъ за перепелами ходять?

Портной расхохотался.

— Что же ты врешь-то! Чего глаза-то отводишь! кричалъ Флегонтъ Гаврилычъ, держа въ рукахъ косточку.—И все за перепелами съ соловьиными дудками ходять! Эхъ ты, сволочь!

— Да это я такъ только...

— Заговаривай, заговаривай зубы-то!

— Ей-Богу же!

— Будеть, будетъ грѣшить-то!.. Ну, чего лжешь-то!

— Да право-же, лопни мои глаза...

— Зачѣмъ же дудочка соловьиная?

— Да такъ, въ карманѣ завалилась. Чудаекъ-голова! да она и не свиститъ даже!

Флегонтъ Гаврилычъ приложилъ дудочку къ губамъ и, удивившись, что она не издавала никакихъ звуковъ, успокоился совершенно.

— И то правда! проговорилъ онъ не безъ удовольствія.— Не свиститъ...

— То-то и дѣло. Говорю за перепелами. Ябъ нѣшто не скажаль... Чего скриваться? Я ужь ученъ тобой...

— Ну, ну. Кто старое помянетъ, тому глазъ вонъ!

— Да я такъ, къ слову. Только счастье твое, что я въ тѣ поры самъ другъ былъ, а то бы я тебя изуродоваль...

И, подавъ Флегонту Гаврилычу иголку, онъ добавилъ:

— На-ка! нашель.

— Далеко ходилъ? спросилъ Флегонтъ Гаврилычъ, прочищая перепелиную дудку.

— Да такъ, къ ольхамъ прошель. Усталъ смерть. Хочу домой въ Саратовъ ѣхать.

— Соловухи-то есть?

— Есть, да плохи, трещать подлецы!..

Флегонтъ Гаврилычъ ударилъ въ дудку и, передавая ее молодому человѣку, проговорилъ:

— На, бери... теперь не хрипить.

Молодой человѣкъ поблагодарилъ Флегонта Гаврилыча, а немного погодя, всталъ, разпростился и, объявивъ, что сейчасъ ѣдетъ домой въ Саратовъ, скрылся за кустами.

— Это кто таковой? спросилъ я.

— А тотъ самый портняшка, котораго я въ прошломъ году побилъ. Такъ сволочь, шушера. Однако, сидѣть-то нечего, довольно, отдохнули... пойдете-ка дальше. Портняшка и говорить, положимъ, что ни одного путнаго соловья не слыжалъ, да вѣдь ему вѣрить-то тоже съ опаской надо. Какъ разъ обманеть, подлець.

— А это развѣ случается у васъ?

— Обманы-то?

— Да.

— Еще бы! Мы другъ другу ни за что правды не скажемъ. Мы встали.

— Папирочки не одолжите-съ?

— Съ удовольствіемъ.

Я подавъ Флегонту Гаврилычу портсигаръ, изъ котораго онъ

и вынулъ штуку пять папирозъ и, положивъ ихъ въ свой собственный, который, по словамъ его, онъ забылъ дома, предложилъ идти дальше.

Не было, кажется, ни одного куста, ни одного дерева, ни одного гола, изъ котораго не вылетали бы соловьиныя трели. Слово въ лѣсѣ обратился въ звуки и звучалъ каждой вѣткой, каждымъ листкомъ. Мнѣ никогда не удавалось слышать такого изобилія соловьевъ. Я слушалъ и восхищался, тогда какъ Флегонтъ Гаврилычъ, наоборотъ, шелъ и ругался: «Ишь трещитъ, подлець! хошь бы одинъ путный попался. Ну, чего трещишь-то! Чего трещишь!..»

Мы вышли на полянку, окруженную лѣсомъ, и вдругъ увидели прогуливавшуюся парочку: молодого человѣка въ шелковомъ лѣтнемъ костюмѣ и въ соломенной шляпѣ и молодую-же дамочку въ малороссійскомъ нарядѣ, со множествомъ бусъ на шеѣ и съ изящно повязаннымъ платочкомъ на головѣ. Они шли чуть не обнявшись. Молодой человѣкъ что-то нашептывалъ своей дамѣ, а дама слушала его, опустя голову. Мы шли сзади и потому долго оставались незамѣченными.

— Ишь какъ рассыпается, подлець! шепнулъ Флегонтъ Гаврилычъ, подмигнувъ глазомъ. — Поди, тоже про любовь объясняетъ...

Мнѣ сдѣлалось неловко, и, чтобы дать знать имъ о присутствіи постороннихъ, я громко кашлянулъ. Дама вздрогнула, отскочила въ сторону; молодой человѣкъ оглянулся и, увидавъ насъ, быстро выхватилъ изъ-подъ мышки книгу и громко прочелъ:

Шопотъ, робкое дыханье,
Трели соловья...

— Соловьятники тоже! съострилъ Флегонтъ Гаврилычъ, толкнувъ меня локтемъ.

Мы обогнали гулявшихъ и вскорѣ скрылись отъ нихъ за кустами черемухи. Но я шелъ и мысленно доканчивалъ начатое молодымъ человѣкомъ стихотвореніе:

Въ дымныхъ тучахъ пурпуръ розн,
Отблескъ янтара,
И лобзанія, и слезы—
И заря, заря!..

Вдругъ Флегонтъ Гаврилычъ подпрыгнулъ, вздрогнулъ, остановился, махнулъ мнѣ рукой и, упавъ на землю, словно замеръ. Глядя на него, прилегъ и я. Передъ нами возвышалась группа ольховыхъ деревьевъ съ сѣрыми, грязными стволами, съ кочкарникомъ и высокой прошлогодней осокой, а изъ ольховъ разлетались во все стороны роскошныя, могучія трели соловья. Здѣсь

пѣлъ только одинъ соловей; здѣсь, кромѣ него, не было ни одной птицы; но, прислушиваясь къ соловью этому, я понялъ, чего именно добивается Флегонтъ Гаврилычъ. Я не могъ отличить ни «юлиной стукотни», ни «кукушкина перелета», но понималъ, что соловей этотъ не похожъ на тѣхъ, которыхъ слышалъ я прежде. Старикъ даже шапку снялъ и такъ безъ шапки пролежалъ все время.

— Слышали-съ? спросилъ онъ, наконецъ, вставая и подойдя ко мнѣ.

— Слышалъ.

— Вотъ этотъ—настоящій-съ!

IV.

Совершенно уже стемнѣло, когда возвратились мы къ землянкѣ рыбака. Первое, что бросилось мнѣ въ глаза — это небольшой столъ, вокругъ котораго сидѣла компанія, состоявшая изъ трехъ лицъ, а именно: лысаго господина, довольно тучнаго, одѣтаго въ парусинное пальто, и, знакомыхъ намъ, молодого человѣка въ соломенной шляпѣ и молодой женщины въ малороссійскомъ костюмѣ. На столикѣ, освѣщенномъ грязной керосиновой лампой, стоялъ самоваръ, и вся компанія пила чай.

— Хорошо, чудесно, превосходно! кричалъ лысый толстякъ, размахивая руками. — Что за ночь! что за воздухъ! что за ароматы! Что можетъ сравниться съ этой ночью! Въ какомъ клубѣ будетъ такъ вкусенъ чай! Только здѣсь и можно дышать! Только здѣсь и чувствуешь, что живешь... А соловьи-то! Ну, жена! прибавилъ онъ, обращаясь къ интересной малороссійкѣ:—спасибо, что подняла меня, что вытащила меня сюда... Самъ я никогда бы не собрался! Спасибо и тебѣ, племянничекъ, что поѣхалъ съ нами... Ну, что, нагулялись-ли?

— Отлично! проговорилъ молодой человѣкъ.

— А я все сидѣлъ и удилъ рыбу. Однако, вы долгонько-таки гуляли.

— Мы заплутались! замѣтила молодая дамочка.—Зашли, Богъ знаетъ, какъ далеко. Ну, что, господа, будете еще пить чай?

— Нѣтъ, спасибо, я сытехонекъ.

— А вы, Валеріанъ Иванычъ?

— Merci, ma tante, я больше не стану.

— Пей еще! вскрикнулъ толстякъ.

— Не хочу, дядюшка, благодарю. Больше двухъ стакановъ я никогда не пью.

— Ну, какъ хочешь, послѣ не пеняй!

И потомъ, вскочивъ со стула, онъ вдругъ заговорилъ, размахивая руками:

— Ну-съ, а теперь въ лодку! Въ Покровское! Тамъ поужинаемъ, переночуемъ, а завтра утромъ опять сюда! Я буду удить рыбу...

И потомъ, вдругъ какъ-будто вспомнивъ что-то, онъ поспѣшно проговорилъ, ударивъ себя по головѣ:

— Ахъ, да! Вѣдь я и забылъ сообщить вамъ, что осетры утащили у меня удочки...

— Какъ это? вскрикнули почти одновременно и тетушка, и племянникъ.

— Послѣ, послѣ расскажу, дорогой, а теперь въ лодку!.. Эй, вы, гондолеры, гребцы! гдѣ вы?

— Здѣсь! слышались съ берега голоса гребцовъ.

— Ну, идемте-же! Я опять буду рулемъ править, а вы по прежнему можете сидѣть, сложа ручки, и любоваться луной. Ахъ, что за ночь! Какъ легко и просторно!.. Эй, гребцы, гондолеры, давай лодку!

И затѣмъ на берегу рѣки слышалось сопѣніе, потомъ стукъ сапогъ въ лодкѣ, всплескъ воды и, напоследокъ, голосъ толстяка:

— Ну, усѣлся, слава Богу... Ну, племянничекъ, сажай тетушку!

Всѣ усѣлись, и толстякъ запѣлъ:

Вяжь по матушѣ по Волгѣ.

— По широкому раздо-о-лю! подхватили молодые люди.

И лодка, всплескивая веслами, полетѣла по разливу.

Между тѣмъ, Флегонтъ Гаврилычъ, Василій и Ванятка успѣли развести костеръ, приладить котелокъ и купить рыбы. Рыбу, конечно, они купили на мой счетъ. Въ ожиданіи ухи, я закурилъ сигару, разостлалъ коверъ и прилегъ неподалеку отъ костра. Ночь была, дѣйствительно, чудная; ни малѣйшаго вѣтра; воздухъ дышалъ ароматами и звучалъ таинственными звуками, присутствующими лѣсу и водѣ. То слышался какой-то грохотъ, то шелестъ; то вдругъ все замирало, застывало, умолкало. Плеснетъ гдѣ-нибудь весло, зазвучитъ пѣсня; набѣжитъ волна, загремитъ серебрянъ, зажурчитъ и снова замретъ; а тамъ опять грохотъ, опять шелестъ. Небо, усѣянное звѣздами, сыпало лучи фосфорическаго блеска. Плыла луна и, освѣщая окрестность, серебрила струйки воды. Словно блестящей чешуей, покрывала она эту воду; а соловьи все не умолкали и по прежнему стонали и роготали въ сосѣднихъ кустахъ! Чудная, волшебная ночь! Въ землянкѣ свѣ-

тился огонекъ. Тамъ старуха убирала самоваръ и чашки. Кудластая собаченка вертѣлась возлѣ стола, подбирала упавшій хлѣбъ, ворчала и грызлась на другую желтенькую собаченку, стоящую поодаль. Подобравъ все, что только можно было подобрать, и ни единой крошкой не подѣлившись съ желтенькой. Кудластая, наконецъ, облизалась, фыркнула и, какъ ни въ чемъ не бывало, принялась заигрывать съ желтенькой. Собачья дружба! подумалъ я. Вдоль берега острова и на противоположномъ берегу горѣли костры, доносился говоръ, слышались пѣсни. Изрѣдка взлетали ракеты, огненнымъ змиемъ поднимались вверхъ, лопались и рассыпались разноцвѣтнымъ дождемъ. Вспыхивали бенгальскіе огни и разливали вокругъ себя то зеленый, то багровый, то бѣлый свѣтъ. Лодки приплывали и отплывали. Все это были маленькіе пикнички, маленькіе кружки людей, приѣхавшихъ на островъ пожить, повеселиться. «Елизавета Яковлевна! Елизавета Яковлевна! кричалъ кто-то. — Гдѣ вы? идите сюда, давайте щекотать другъ друга!» И вслѣдъ за тѣмъ—визгъ, хохотъ и крики...

Но все это нисколько не занимало моихъ соловьятниковъ. Напротивъ, Флегонтъ Гаврилычъ даже слегка обругалъ Елизавету Яковлевну; осудилъ, что люди даже «подъ воскресенье (дѣло было въ субботу) не брезгаютъ такими дѣлами», и, сурово нахмуривъ брови, стоялъ себѣ на колѣняхъ передъ котелкомъ, снималъ накипавшую пѣну и изрѣдко пробовалъ свою стряпню. Смотря по надобности, онъ подсыпалъ въ уху то перцу, то соли, то бросалъ лавровый листъ. Василій и Ваняга торчали на корточкахъ и, ломая набранные сучья, подбрасывали ихъ подъ котелокъ. Огонекъ то замиралъ, то вспыхивалъ и, вспыхнувъ, охватывалъ черный котелокъ огненными языками. Освѣщенные огнемъ, лица ихъ ярко рисовались на темномъ фонѣ. Попахивало дымкомъ и ухой.

Разговоръ у нихъ, какъ и слѣдовало ожидать, шелъ о томъ словѣ, котораго мы только-что слышали въ ольхахъ.

— Неужто лучше прошлогодняго? любопытствовалъ Василій.

— Куда? далеко не родня!

— Лучше?

— Аккуратнѣе. Тотъ все-таки торопился маленько: колѣна не окончить какъ слѣдуетъ, и сейчасъ, бывало, за другое... а этотъ нѣтъ. Мы прямо за него и примемся.

— А мой совѣтъ прежде «Сухую гриву» взять.

— Ну! Я знаю тебя! вскрикнулъ Флегонтъ Гаврилычъ.—Ужь ты всегда по своему. А я говорю въ Ольхи.

— Да куда торопиться-то! Ничто онъ отъ насъ уйдетъ! Не-

бось, рукъ нашихъ не минуетъ. А я вамъ вотъ еще что скажу: рано-то вы его и не возьмете даже! Это вѣрно-сь.

— Почему такъ?

— А потому, что соловей по зорямъ «вершинить» завсегда. Взойдетъ солнышко, онъ на половинѣ дерева поетъ, а какъ обогрѣетъ, какъ пойдетъ муравей и козявка, такъ онъ сейчасъ на землю падаетъ, кормиться начинаетъ. Вотъ тутъ и бери его.

— А какъ опередить кто?

— Кому же опередить! Сами же говорили, что окромѣ портняшки никого не встрѣтили, да и тотъ, говоритъ, въ Саратовъ уѣхалъ.

— Такъ-то такъ. Ну, а все-таки «заломовъ» много видѣлъ¹.

— Заломы—наплевать. Заломы—дѣло поконченное. Нѣтъ, по моему, такъ: завтра встанемъ и, Господи благослови! прямо на Гриву. Захватимъ тамъ «утренничковъ», которые намъ понравятся, да такъ этимъ самымъ трактомъ и къ Ольхамъ. Въ Ольхи придемъ мы, значить, часамъ къ пяти... самое время и будетъ...

— Ну смотри, подлецъ! вскрикнулъ Флегонтъ Гаврилычъ. — Боли, по твоей милости, да прозѣваемъ соловья этого, я тебѣ въ тѣ поры вихры-то выдеру.

Василій снисходительно улыбнулся, а Ванятеа залился хохотомъ.

— Подстричь, значить, хотите! проговорилъ онъ.—Это не мѣшаетъ, а то больно ужъ длинны стали.

И, помолчавъ немного, Флегонтъ Гаврилычъ заговорилъ:

— А у Павла Осипыча соловей-атъ нашъ околѣлъ. Самки, говорить, хватилъ вѣрно!..

— Ну да, самки! подхватилъ Василій.—Попалъ пальцемъ въ небо. Отъ мухъ онъ околѣлъ, а не отъ того, что самки хватилъ. Яицъ у нихъ не было, они и насыпь въ влѣтеу мухъ сухихъ, да еще, вдобавокъ, воды забыли поставить. А то самки!

— Ну?

— Вѣрно говорю, вѣдь я былъ, видѣлъ...

И потомъ, весело засмѣявшись, Василій добавилъ, покачавъ кудрявой головой:

— И потѣшные только!

— А что?

— Да какъ же! Захворалъ соловей, пришла барыня и давай

¹ Когда кустъ осypнается сѣткой, то вѣтви, болѣе выдающіяся, заламываютъ, чтобы не мѣшали—это и называется «заломами».

его въ водѣ, да въ водѣ купать. Купаетъ, а сама плачетъ, да приговариваетъ: «Что съ тобой, соловушекъ? что съ тобой, голубчикъ мой, что сидишь не весель, что крылушки повѣсилъ!» Я говорю: запоръ съ нимъ, сударыня, тараканами бы его живыми покормить, прочистило бы, можетъ!.. Послала за тараканами, всѣхъ сосѣдей обѣгали—нѣтъ нигдѣ... Вотъ барыня и давай изъ него мухъ выдавливать. — Я, говорить, разъ такъ-то одного спасла!—Давила, давила, да до смерти и задавила...

— Чудаки! подхватилъ Ванятка.

И хохотъ всѣхъ трехъ соловьятниковъ огласилъ окрестность.

Мы поужинали. Я постлалъ себѣ коверъ въ лодкѣ и улегся, но Флегонтъ Гаврилычъ не скоро еще заснулъ. Увернувшись въ свое пальто (теперь, по всей вѣроятности, онъ пожалѣлъ, что не взялъ присланной ему ваточной поддевки) и подложивъ подъ голову мѣшковъ съ сѣтками, онъ долго еще толковалъ про соловья въ Ольхахъ, нересыпая свою рѣчь «пленъваньемъ, пулканьемъ, гусачкомъ, стувотней, перелѣтомъ» и другими колѣнами соловьиного пѣнія. Онъ рассказалъ даже про встрѣченную нами парочку, а шустрый Ванятка, все время находившійся при лодкѣ, про лысаго господина, такъ восторженно восхищавшагося красотою ночи.

— Чего же онъ тутъ дѣлалъ-то? спросилъ Флегонтъ Гаврилычъ.

— Все удилъ! отвѣтилъ Ванятка, заливаясь смѣхомъ.—Охъ, и чудаки же только!..

— А что?

— Сѣлъ это удить... удочки щегольскія, дорогія... сѣлъ, а рядомъ бутылку поставилъ.

— Ну?

— Ей-Богу! Сидитъ да пьетъ прямо изъ горлышка. Выпилъ всю бутылку, захмѣлѣлъ, видно, и заснулъ. Я вижу, что спитъ баринъ, подкрался, собралъ удочки, да тамъ вонъ, въ тѣ кусты и припряталъ...

— Ну!

— Проспалъ онъ этакъ съ часъ, должно быть, потомъ проснулся и давай глаза протирать. Меня крикнулъ. «Ты, говорить, не видалъ моихъ удочекъ?»—«Нѣтъ, говорю».—«Что, говорить, за окаян! Куда-жъ онѣ дѣвались?» — «Не знаю, молъ, тутъ, кажись, никого не было. Развѣ осетры, говорю, не утащили-ли!»... Мой баринъ даже глаза вытаращилъ.—«Ничто, говорить, это бываетъ?»—«Даже, говорю, очень часто случается!» Потомъ слышу, рассказываетъ баринъ рыбаку:—«Вообрази, гово-

рить, любезный, какой случай! Осетры у меня удочки утащили!»...

— А удочки-то хороши, говоришь? спросилъ Василій.

— Первый сортъ! удилица камышевыя, лакомъ покрыты, поплавки пестренкѣе...

Но Флегонтъ Гаврилычъ остановилъ ихъ и, прислушиваясь къ соловью, пѣвшему за землянкой, тому самому, который семь лѣтъ къ ряду прилетаетъ сюда, проговорилъ:

— Однако, и у старика кукушкинъ-то перелѣтъ ловко выходитъ!

— Еще бы! замѣтилъ Василій.

— Ишь какъ высвистываетъ, вишь какъ!.. А вотъ и застываетъ... Слышь, какъ выбиваетъ!

«Тю, тю, тю, тю, чау, чау, чау, чау!» раздавалось въ воздухѣ.

— Чаво, чаво! передразнилъ его Ванятеа.—Изловить тебя— вотъ ты узнаешь тогда, чаво намъ надоть!..

Но въ ухахъ у меня начинало путаться, вѣки закрывались. Гдѣ-то взвилась ракета, откуда-то доносилось хоровое пѣніе. Кавая-то компанія подъѣхала на лодкѣ, дамы, мужчины. Одинъ изъ мужчинъ, высочій, плечистый, въ черной шляпѣ съ громадными крыльями, стоялъ на носу лодки и, поднявъ руку, приветствовалъ островъ монологомъ изъ «Капитана Гатраса». Мнѣ послышался хохотъ, женскіе голоса. Флегонтъ Гаврилычъ опять что-то проворчалъ о «канунѣ праздника, дня воскреснаго». Кто-то крикнулъ:—«Самоваръ, молова!» пахнуло сигарой, зашумѣли дамскія платья. Но что именно происходило около насъ, я не сознавалъ. Какая-то истома овладѣла мною, зрачки словно дрожали. Я укрылся «одѣяльцемъ» и, укачиваемый лодкой, вскорѣ заснулъ.

V.

— Сударь, а сударь! вставайте, пора! говорилъ Флегонтъ Гаврилычъ, нагнувшись надо мной и слегка толкая меня въ плечо.— Пора, вставайте.

Я открылъ глаза и увидалъ надъ собою голову Флегонта Гаврилыча, рисовавшуюся на сѣромъ фонѣ утренняго неба. Зоря чуть занималась.

— Вставайте, сударь, пожалуйста вставайте! время упустимъ.

Я зажегъ спичку, посмотрѣлъ на часы—было четверть третьяго.

Какъ ни трудно было разставаться съ нагрѣтымъ ложемъ, однако, дѣлать было нечего. Я вскочилъ съ постели, поспѣшно свернулъ ее, подошелъ къ берегу, умылся, намочилъ голову и только тогда почувствовалъ, что я проснулся. Василий, Ванятка и даже самъ Флегонтъ Гаврилычъ были уже въ полномъ вооруженіи. У каждаго изъ нихъ висѣли за спиной мѣшечки съ свѣчками, а за поясомъ заткнуто по одной бичайкѣ. Флегонта Гаврилыча нельзя было узнать. Проникнутый важностью наступающей минуты, онъ сдѣлался суетливымъ и раздражительнымъ. Онъ сердился на Ванятку, что тотъ ни свѣтъ, ни заря грызетъ сухую воблу; на Василю—за его сонные глаза, даже на меня, находя, что я недостаточно скоро встаю и умываюсь.

Наконецъ, все было готово. Флегонтъ Гаврилычъ снялъ фуражку, перекрестился на восходъ и проговорилъ:

— Ну, благослови Господи, въ часъ добрый!

Василій и Ванятка сдѣлали тоже, а глядя на нихъ и я. Мнѣ очень хорошо извѣстно, что разъ попавши въ компанію какихъ бы то ни было охотниковъ, необходимо продѣлывать все то, что продѣлываютъ они сами; иначе всякая неудача будетъ приписана вашему присутствію и ничему другому. Справившись еще разъ, все-ли взято, Флегонтъ Гаврилычъ во главѣ зашагалъ по направленію къ «Сухой гривѣ». Пройдя землянку, я увидѣлъ цѣлую компанію мужчинъ и дамъ, спавшихъ на разостланныхъ ворахъ.

— Вѣдь мы всю ночь не спали! проговорилъ Флегонтъ Гаврилычъ.

— Почему?

— Да вотъ по милости этихъ! вскрикнулъ онъ, указывая на спящихъ. — Неужто вы ничего не слышали?

— Ничего.

— А вѣдь что продѣлывали-то! И пьянствовали, и кричали, и пѣсни пѣли, и черезъ костеръ прыгали, а подъ конецъ начали фейерверки пускать, какъ есть, возлѣ насъ. Я кричу имъ: «помилуйте, господа, тутъ люди спятъ, благородный человѣкъ имѣется, чтѣ вы дѣлаете, вѣдь вы спалите насъ!..» А они только хохочутъ! Это подъ праздникъ-то! Какъ вамъ понравится! А теперь вонъ валяются!

Когда мы достигли «Сухой гривы», начинало уже свѣтать. Флегонтъ Гаврилычъ съ Ваняткой и Василюмъ пошли выслушивать соловьевъ, а мнѣ посоветовали остаться здѣсь и ожидать ихъ возвращенія. Я опустился на траву и прилегъ. Утро было прелестное, теплое, такъ что я, одѣтый въ легенькій пиджакъ,

не чувствовал ни малѣйшей свѣжести. Вокругъ меня задорились сочные ландыши, бѣлые, словно восковые, колокольчики которыхъ наполняли воздухъ запахомъ горькаго миндаля. Пахло еще тополемъ отъ распускавшихся почевъ осокори. Я сорвалъ одну почку, растеръ ее пальцами... отъ нея такъ и пахло душистымъ тополемъ. Молодая, зеленая трава, успѣвшіе отцвѣсть подснежники и фіалки, словно ковромъ, укрывали рыхлую лѣсную почву. Маленькіе муравьи суетливо кишели вокругъ; перелѣзали черезъ листочки, копошились, хлопотали, взбирались на меня и, взобравшись, словно удивлялись и не могли сообразить, куда они попали, и что именно лежить подъ ихъ крохотными ножками. Словно распростертый сказочный богатырь, былъ я между ними и наводилъ на нихъ ужасъ. Какъ разъ надо мною черемуха раскидывала свои вѣтки. Она вся была покрыта только-что распустившимися листочками, неусиѣвшими еще достигнуть нормальной величины. Прошло минутъ десять, какъ вдругъ что-то хрустнуло, зашумѣло, послышался веселый говоръ, раздались чьи-то шаги, шелестъ платья. Я приподнял голову и опять увидалъ знакомую намъ парочку, такъ удачно прозванную «соловьятниками». Лысаго толстяка съ ними не было. Они прошли мимо, не замѣтивъ меня, и вскорѣ скрылись изъ вида. «Скоро же возвратились они изъ Повровскаго!» подумалъ я. Соловьи такъ и заливались надо мной. Одинъ пѣлъ какъ разъ на той черемухѣ, подъ которой я лежалъ. Я глядѣлъ на соловья и убѣждался, что, дѣйствительно, на зорѣ они поютъ по вершинамъ, а, по мѣрѣ приближенія солнечнаго восхода, спускаются ниже и ниже. Мой соловей началъ пѣть съ макушки черемухи, а теперь спустился на столько низко, что я, кажется, могъ бы достать его рукой. Но я лежалъ неподвижно и, притаивъ дыханіе, слушалъ и восхищался.

— А вѣдь соловушекъ-то добрый! послышался въ кустахъ чей-то шопотъ.

— Добрый.

— Вишь какъ заливается!

— Давайте-ка его маленько потревожимъ.

— Не поймаешь, пожалуй, рано еще.

— Вона! трое такихъ лодырей, да не поймаютъ!..

Шопотъ замолѣлъ, послышался трескъ... соловей перепорхнулъ, исчезъ и замолѣлъ.

— Кто тамъ? спросилъ я.

Но трескъ раздался еще ближе и, вмѣсто отвѣта, я увидалъ передъ собою Флегонта Гаврилыча, Василю и Ванятку.

— Пятерыхъ выслушали и облюбовали-сь! проговорилъ Флегонтъ Гаврилычъ и, снявъ фуражку, поправилъ височки.—Ничего и этотъ, что надъ вами пѣлъ! Торопится маненько, а все-таки ничего-сь...

— Неужели вы будете ловить его?

— А какъ же-сь! Если такими соловьями брезгать, такъ ку-савать нечего будетъ-сь! съострилъ Флегонтъ Гаврилычъ и остро-той этой возбудилъ общій хохоть.

— Ну, заржали! вскрикнулъ онъ.— Чтò, аль хотите совсѣмъ напугать соловья-то!

Василій съ Ваняткой развязали мѣшечки, вынули двѣ сѣти, связанные изъ тонкихъ суровыхъ нитокъ, «осыпали» ими ту самую черемуху, подъ которой я лежалъ и на вѣтвяхъ которой только-что сейчасъ расгѣвалъ свободный пѣвецъ лѣсовъ. Мнѣ стало какъ-то жутко, какъ-то жаль пѣвца. Съ какою-то злобой смотрѣлъ я на эти сѣти, висѣвшія на черемухѣ, и молилъ судьбу о спасеніи соловья.

— Этотъ шиповникъ проклятый! бормоталъ между тѣмъ Васи-ліій, развѣшивая сѣть и пролѣзая черезъ кусты шиповника:— онъ, сволочь, хуже всего.

— Ну, ну, скорѣй, скорѣй! торопилъ ихъ Флегонтъ Гаврилычъ.

Умолкнувшій-было соловей снова «защелкалъ, засвисталъ» на возвышавшейся неподалеку березкѣ, и чувствовалось мнѣ, что лѣсъ эта была послѣдней его свободной пѣснью.

Сѣть была развѣшена.

— Ну, проговорилъ Флегонтъ Гаврилычъ шопотомъ:— ты, Ва-нятка, стой здѣсь возлѣ сѣти и посвистывай, а мы съ тобой, Васи-ліій, загонять пойдемъ.

— Куда же мнѣ-то дѣваться? спросилъ я.

— А вы пожалуйста вотъ сюда, за этотъ кустъ спрячьтесь... Вамъ будетъ все видно-сь... И сѣть, и соловья, и какъ онъ по-бѣжитъ-сь... Ну, идемъ, Вася!

Я сталъ на указанное мѣсто и—странное дѣло—былъ самъ не свой. Сердце сжималось, дрожь пробѣгала по тѣлу. Мнѣ было нехорошо, жутко, тяжело... Раздался чуть слышный свистъ Ва-нятки. Сю-сю, сю-сю, сю-сю! свисталъ онъ, подражая самкѣ; раздался легкій трескъ подъ ногами загонщиковъ; соловей за-молелъ и тишина водворилась кругомъ, да такая тишина, какъ будто все замерло и притаилось. Я слышалъ, какъ стучало мое сердце, какъ дрожалъ надо мною прошлогодній сухой листъ на вѣткѣ дуба. Я притаилъ дыханіе... Сю-сю! Сю-сю! подсвистывалъ Ванятка. Сю-сю, сю-сю!.. Вдругъ, что-то порхнуло... я оглянулся

и увидалъ знакомаго мнѣ соловья. Онъ сѣлъ на верхушку молодого клѣна.

— Вершинить! раздался гдѣ-то чуть слышный шопотъ Василия.

— Спусти его, брось палочкой! шеннула гдѣ-то Флегонтъ Гаврилычъ.

Палочка взлетѣла, упала надъ соловьемъ, и соловей спустился внизъ.

— Сю-сю! сю-сю! продолжалъ Ванятеа.

Заслышавъ этотъ свистъ, соловей мгновенно упалъ на землю и, словно мышенокъ, побѣжалъ по направленію къ нему.

— Тутъ! загремѣлъ Ванятеа.

И вдругъ—откуда взялись соловьятники. Всѣ трое бросились они въ черемуху, и цѣлыхъ шесть рукъ протянулось къ трепетавшему въ сѣтяхъ соловью.

— Гдѣ бичайка, гдѣ? кричалъ Флегонтъ Гаврилычъ.

— Здѣсь, здѣсь.

— Надо замѣтить! Соловей важный... вишь, какой плечистый.

— Извѣстно, замѣтить!

И, проговоривъ это, Флегонтъ Гаврилычъ распустилъ соловью правое крылышко и задралъ крайнее перо. Немного погодя, несчастный соловей бился уже въ бичайкѣ, приподнимая собою ея холстинный волпачекъ.

Флегонтъ Гаврилычъ былъ въ восторгѣ; не менѣе въ восторженномъ состояніи находились и Ванятеа съ Василиемъ. Снимая сѣть, они громко острили и разъ по пяти рассказали другъ другу подробности этой ловли. Флегонтъ Гаврилычъ выпросилъ у меня папиросу, зажегъ дрожавшими отъ волненія руками спичку и, закуривъ, крикнулъ:

— Ну, ну, скорѣй, скорѣй, ребята! Добрый часъ на худой не мѣняютъ! Намъ еще много дѣла-то. Здѣсь, на Гривѣ, надо пятерыхъ взять... да энтото, что въ Ольхахъ заливається! Шутка, сколько дѣла-то! Не опоздать бы.

— Небось, не опоздаемъ! отозвался Василій, свертывая сѣть.

— А все-таки мѣшкать нечего. Ужь больно мнѣ того-то хочется заполучить... Соловей-то горласть... Ну, все готово?

— Готово.

— Ну, Господи благослови, идемъ.

И мы пошли дальше.

Часа два пробыли мы на «Сухой Гривѣ», и всѣ пять соловьевъ, выслушанные и одобренные Флегонтомъ Гаврилычемъ, были пойманы точно такимъ же способомъ, какъ былъ пойманъ

и первый. Только послѣдній долго не давался — вершинилъ и всякій разъ перелетывалъ выше сѣти. Флегонтъ Гаврилычъ выходилъ изъ себя. Онъ осыпалъ соловья бранью; называлъ его: подлецомъ, окааннымъ, лѣшимъ, и, какъ ни уговаривали его Василий съ Ваняткой бросить этого соловья «въ черту» и идти въ Ольхи за «горластымъ», Флегонтъ Гаврилычъ и слушать не хотѣлъ. «Не разстанусь! кричалъ онъ: — умру, подохну, а не разстанусь!» Сѣти переносились съ одного кобла на другой, а соловей продолжалъ вершинить и не давался въ руки. Флегонтъ Гаврилычъ разгнѣвался еще пуще. Онъ разъ пять облаялъ Василю, не умѣвшаго будто спустить соловья на землю; чуть не оттащавъ за волосы Ванятку, свиставшаго будто бы не соловихой, а сорокой; садился самъ съ дудочкой, и все-таки дѣло не ладилось. Наконецъ, всѣ вышли изъ терпѣнія и, обругавъ коллективно соловья, рѣшились бросить его или, какъ выразился Василий, «наплевать на подлеца», и идти въ Ольхи. Стали снимать сѣтъ, какъ вдругъ случилось нѣчто совершенно неожиданное: откуда-то взялась самка, полетѣла по низамъ, за ней, какъ сумасшедшій, бросился соловей, и не прошло минуты, какъ и самецъ, и самка на нашихъ глазахъ случайно попали въ сѣтъ. Восторгъ былъ общій.

— Это онъ съ женой разставаться не хотѣлъ! съострилъ Василий.

— Вишь, сладникъ какой!

Мы присѣли отдохнуть, а немного погода отправились къ Ольхамъ, къ тому «горластому» соловью, пѣніемъ котораго восхищались вчера вечеромъ. Перейдя небольшой овражекъ, поросшій орѣшникомъ, обогнувъ довольно большое озеро, на которомъ плавали стаи дикихъ утокъ, и затѣмъ, поровнявшись съ куртиной нѣсколькихъ черемухъ, мы вдругъ услышали какой-то шопоть. Флегонтъ Гаврилычъ раздвинулъ кусты и въ ту же минуту, словно чѣмъ-то уволотый, отскочилъ назадъ.

— Что вы? спросилъ я.

Но онъ только махнулъ рукой и пошелъ дальше.

— Да что такое?

— На этотъ «зеленый островъ» хошь не ѣзди!..

— Что, аль медвѣдя увидалъ? съострилъ опять Василий.

Ванятка захохоталъ что было мочи.

Но Флегонтъ Гаврилычъ продолжалъ себѣ шагать, и только тогда, когда мы отошли отъ кустовъ черемухи на довольно значительное разстояніе, онъ взялъ меня за руку, отвелъ въ сторону и шепнулъ на ухо:

— Опять соловьятники вчерашніе!

VI.

Мы подошли къ Ольхамъ и всё четверо остановились, словно очарованные, заслышавъ соловья. Онъ пѣлъ совершенно одинъ, словно никто не дерзалъ залетѣть въ эти Ольхи и помѣриться съ нимъ искусствомъ и музыкой. Кругомъ разстилались обширные дуга, пестрѣвшіе тысячами цвѣтовъ, и, возвышаясь среди этихъ луговъ, ольхи представляли собой какой-то круглый оазисъ, съ опушкой, поросшей тальникомъ и вербой. Изъ этого-то оазиса, изъ этой-то живой зеленѣющей клѣтки разносились во всё стороны соловьиные звуки и на далекое пространство оглашали окрестность. Мы не дошли до опушки, какъ остановились. Флегонтъ Гаврилычъ слушалъ, восторженно поднявъ голову; Василій, наоборотъ, задумчиво склонилъ ее на грудь. Ванятка сидѣлъ на корточкахъ и весь превратился въ слухъ. Далеко по дугамъ и лѣсамъ разносился могучій голосъ маленькаго лѣвца, и не скоро бы, кажется, вышли мы изъ этого восторженнаго оцѣпененія, еслибы кормистые инстинкты не пробудились въ душѣ Флегонта Гаврилыча.

— Пятисотъ рублей не возьму! вскрикнулъ онъ.— Не жрамши, не пимши пробуду, а меньше пятисотъ не отдамъ.

— Такого соловья и ловить-то грѣхъ, проговорилъ задумчиво Ванятка.— Пушай себѣ поеть здѣсь, а ты приходи, да слушай!.. Въ клѣткѣ такъ пѣть не будетъ!.. Какая тамъ жизнь, въ клѣткѣ! А здѣсь, смотри-ка: солнышко выходитъ, небо голубое... лисочки, цвѣты, травка... Коли любишь соловьевъ — ну, вотъ и слушай... Здѣсь привольно! Пропѣлъ на одномъ деревцѣ, лети на другое... А ты себѣ сиди и радуйся... Какое-жъ тамъ пѣнье въ неволѣ! Въ неволѣ плакать хочется, а не пѣть...

И, внимая словамъ этого сидѣвшаго на корточкахъ Ванятки, этого смуглаго, кудряваго мечтателя, съ фуражкой на затылкѣ и съ глазами, полными какой-то грусти, всё словно призадумались; даже я и то невольно предался мечтамъ и, мечтая, вспомнилъ почему-то легенду о константскомъ соборѣ:

Онъ запѣлъ, и каждый вспомнилъ
Соловья такого-жъ точно,
Кто въ Неаполѣ, кто въ Прагѣ,
Кто надъ Рейномъ въ часъ урочный,
Кто таинственную маску,
Блескъ луны и блескъ залива,
Кто трактировъ швабскихъ Гебу—
Разливательницу пива;

*

Словомъ—всѣмъ приплы на память
Золотые сердца годы,
Золотыя грезы счастья,
Золотые дни свободы...

Но Флегонтъ Гаврилычъ опомнился и сразу разрушилъ наше поэтическое очарованіе.

— Паршивецъ ты, и больше ничего! крикнулъ онъ Ванятѣ.—
Что-жь, по твоему, другимъ отдавать его?

— И другимъ ловить не слѣдуетъ! отозвался мальчуганъ.

— Такъ, значитъ, синицъ однихъ ловить? Эхъ, ты, сволочь,
право, сволочь безчувственная!

И онъ тутъ же отдалъ приказаніе вынимать сѣтки и присту-
пать къ ловлѣ.

Но на этотъ разъ дѣло кончилось большущимъ скандаломъ.
Только-что вошли мы въ Ольхи, какъ вдругъ загремѣлъ чей-то
грубый голосъ:

— Куда, куда! Ноги переломая... ворочай оглобли! Ужь я
подъ нимъ третью сутки сижу!

Мы оглянулись и увидали вчерашняго «портняшку», а съ
нимъ и еще двоихъ мастеровыхъ.

Флегонтъ Гаврилычъ даже привскочилъ, словно какая-то не-
видимая пружина поддала ему подъ ноги и подбросила кверху.
Василій и Ванятка замерли на мѣстѣ.

— Прочь! закричалъ Флегонтъ Гаврилычъ.

— Самъ ступай, пока зубы цѣлы.

— Прочь, говорятъ!

— Вотъ чего не хочешь-ли?

И, помусливъ большой палецъ правой руки, портной показалъ
кукишъ.

Дѣло становилось серьезнымъ. Я взглянулъ на Ванятку и
удивился. Черные, какъ смоль, глаза его горѣли зловѣщимъ
огнемъ, ноздри раздувались, фуражка сползла совершенно на-
задъ, кулаки судорожно сжимались. Казалось, онъ ждалъ только
приказанія, чтобы броситься на портняшку и загрызть его зу-
бами. Василій былъ блѣденъ, какъ полотно; добродушное откры-
тое лицо его, опущенное маленькой бородкой, словно искази-
лось, зубы скрипѣли, губы совершенно посинѣли. Испитое, зе-
леное лицо портного, наоборотъ, какъ бы смѣялось и вся фигура
его изображала самонадѣянность и нахальство. Онъ словно по-
тѣшался надъ ними, словно хвасталъ, что перехитрилъ стараго
соловьятника, одурачилъ его, обошелъ и ловко воспользовался
его оплошностью. Онъ стоялъ ферткомъ, подбоченясь; его пид-
жакъ былъ разстегнутъ, красная рубашка была на выпускъ, кар-

тузь надѣтъ не бекрень. Рядомъ съ нимъ стояли и его мастеровые, небритые, суровые, въ нанковыхъ халатахъ, придававшихъ имъ видъ арестантовъ, бѣжавшихъ изъ тюрьмы.

— Такъ ты такъ-то? кричалъ Флегонтъ Гаврилычъ.

— Этакъ-то!

— Такъ-то?

— Этакъ-то!

— Обманывать?.. Такъ нѣтъ-же!

И въ одинъ прыжокъ подскочивъ къ портному, Флегонтъ Гаврилычъ, какъ кошка, вцѣпился ему въ горло. Этого было достаточно. Обѣ стороны побросали свои бичайки, сѣтки и, оглашая Ольхи неистовой бранью, ринулись въ борьбу. Я стоялъ и глазамъ не вѣрилъ. Кулачные удары и оплеухи такъ и сыпались, далеко раздаваясь по лѣсу. Ванятка, какъ звѣрь, налеталъ на своего противника и, ловко увертываясь изъ-подъ его кулаковъ, успѣлъ уже разъ десять дать ему въ зубы. Василий колотилъ на-отмашь куда попало, словно косилъ, и съ мужествомъ выдерживалъ наносимые ему удары. Флегонтъ Гаврилычъ сцѣпился съ портнымъ, который сразу-же спибу съ него фуражку и оторвалъ воротъ отъ знаменитаго коричневаго пальто. Тщательно причесанные височки его теперь трепались по воздуху и представляли собою крайне безобразный видъ. Онъ кричалъ, грозилъ, но перевѣсь видимо былъ на сторонѣ портного. Не прошло и пяти минутъ, какъ портной однимъ размахомъ кулака спибу старика съ ногъ, сѣлъ на него верхомъ и, вцѣпившись одной рукой въ волосы, принялся другой оснать его ударами.

— Караулъ! караулъ! кричалъ Флегонтъ Гаврилычъ. — Василий! Ванятка! сюда, ко мнѣ, выручай!

Но такъ какъ и Ванятка, и Василий были заняты своимъ дѣломъ, то старикъ и обратился ко мнѣ:

— Сударь! что-же вы стоите? кричалъ онъ. — Нѣшто такъ дѣлаютъ благородные люди?.. своихъ бьютъ, а вы себѣ стоите, сложа руки... Караулъ!.. Берите подлеца за вихры, стащите его съ меня... Что-же это вы въ самомъ дѣлѣ!

Хотя долгъ чести, конечно, обязывалъ меня немедленно же вступить за своихъ, обязывалъ вцѣпиться въ волосы портняшки, постараться вышибить ему нѣсколько зубовъ и даже поломать нѣсколько реберъ, но чувство самосохраненія, а главное отсутствие храбрости заставили меня поступить совершенно иначе. Я оставилъ «своихъ» и постыдно бѣжалъ съ поля сраженія.

VII.

Только вернувшись въ землянкѣ, я опомнился отъ овладѣвшаго мною ужаса. Лысый господинъ сидѣлъ за столомъ и пилъ чай.

— Не видали моихъ? спросилъ онъ меня.

— Кого это?

— Жену и племянника или, лучше сказать, даму въ мало-россійскомъ костюмѣ и молодого человѣка въ соломенной шляпѣ?

— Не видалъ, совралъ я.

— Чортъ знаетъ, куда запропали! Другой день все ландыши рвутъ!..

И потомъ, перемѣнивъ тонъ, прибавилъ:

— А мы всю ночь не спали. Ъздили ночью въ Покровское, поужинали тамъ, хотѣли было переночевать, да ужъ больно грязно, гадко. Взяли, да опять сюда и отправились. Вы вѣдь тоже вчера, вѣжеться, приѣхали?

— Да, вчера.

— Я васъ видѣлъ... Тоже за ландышами?

— Нѣтъ, я съ соловьятниками.

— А! съ соловьятниками! Отлично, отлично! Когда-то, въ молодости, и я тоже соловьевъ ловилъ, а теперь не могу. Ожирѣніе печени, катарръ желудка, одышка... самъ не могу даже чулка на ногу надѣть. Какъ только нагнусь, такъ и рвота. Теперь я все рыбу ужу... Оно, знаете ли, покойнѣе; сядешь на бережокъ, свѣсишь ноги... Отлично! Я было съ удочками приѣхалъ сюда, да вчера вздремнулъ, а осетры подошли и утащили... такъ я теперь и сижу, словно офицеръ безъ шпаги.

Я слушалъ лысаго болтуна, а самъ со страхомъ поглядывалъ все въ ту сторону, откуда должны были показаться брошенные мною на произволъ судьбы товарищи. Наконецъ, они показались. Всѣ они шли рядомъ и молчали. У Флегонта Гаврилыча ситѣли два «фонаря» подъ глазами и мотался по воздуху оторванный воротъ пальто. У Василія была въ крови вся нижняя часть лица; и только уцѣлѣлъ Ванятка, поплатившійся однимъ картузомъ. Василій и Ванятка повернули къ лодкѣ, а Флегонтъ Гаврилычъ подошелъ ко мнѣ.

— Пожалуйста-съ! проговорилъ онъ сухо и всячески стараясь прикрыть руками оторванный воротъ. — Теперь можно и по домамъ-съ.

Я всталъ.

— Чтò, моихъ—даму въ малороссійскомъ костюмѣ и кавалера въ соломенной шляпѣ, не встрѣчали? спросилъ лысый господинъ, обращаясь къ Флегонту Гаврилычу.

— Идутъ, не далечко-съ.

— И отлично! Ну чтò, какъ, удачно охотились?

— Слава Богу-съ!

— Какихъ больше соловьевъ, старыхъ или новыхъ пѣсень?

— Есть и новенькіе-съ.

Кавалеръ и дама показались.

— А! вотъ и мои возвращаются! вскрикнулъ лысый господинъ.

Мы распростились, сѣли въ лодку и поплыли въ Саратовъ.

Мы ѣхали молча, не сказавъ ни слова другъ другу; мнѣ было положительно неловко. Только уже подъ Саратовомъ, Василій, глядя на удочки, лежавшія на днѣ лодки и кое-какъ прикрытыя моимъ «коврикомъ и одѣяльцемъ», спросилъ Ванятку:

— А ты-таки уперъ?

— Еще бы! пріѣду и продамъ. Онѣ, поди, не дешево стоятъ!..

Выйдя на берегъ, Флегонтъ Гаврилычъ первымъ дѣломъ снялъ фуражку и, вынувъ изъ кармана панталонъ складной съ зеркальцемъ гребешечекъ, сталъ расчесывать свои виски. Онъ отошелъ для этого къ сторонкѣ, но какъ старикъ ни тайлся, а пучекъ сѣдыхъ волосъ, снятый имъ съ гребенки и поспѣшно брошенный на землю, не ускользнулъ отъ моего взгляда. Мнѣ стало жаль старика. А тутъ еще подошла къ нему жена (та самая «непонятливая», которая даже птицъ не умѣла различать) и, увидавъ мотавшійся воротъ пальто, закричала во все горло:

— Это еще что?!

— Зацѣпилъ, оборвалъ... ничего, ничего! бормоталъ перекофужившійся Флегонтъ Гаврилычъ и поблѣднѣлъ, какъ полотно.

— По твоему, все ничего! а по моему, такъ «чего»! кричала расходившаяся баба, чуть не съ кулаками налетая на Флегонта Гаврилыча.—А гдѣ поддевка, которую я тебѣ велѣла надѣтъ... Гдѣ поддевка?.. говори!..

— Она тамъ въ трактирѣ. Неловко было надѣтъ... съ нами баринъ, благородный человекъ, ѣдилъ... Ну, полно, перестань, не хорошо!

Я поспѣшилъ къ Флегонту Гаврилычу.

— Ну-съ, благодарю васъ! проговорилъ я, протягивая ему руку.

— Не за что-съ.

И потомъ вдругъ, подведя меня къ женѣ, прибавилъ:

— Позвольте представить-съ: вторая супруга моя Капитолина Петровна.

Но Капитолина Петровна, не подаривъ меня даже взглядомъ, такъ накинулась на несчастнаго Флегонта Гаврилыча за его непослушаніе, что я поспѣшилъ оставить ихъ, позвалъ извозчика и поѣхалъ домой.

На другой день я узналъ, что соловей, пѣвшій въ Ольхахъ, не достался никому. Утромъ его поймать не могли, потому что онъ былъ слишкомъ напуганъ, а вечеромъ Ванятка предупредилъ портняшку и, забравшись въ Ольхи, убилъ соловья ружейнымъ выстрѣломъ.

И. Соловь.

ОСКУДѢНІЕ.

(Очерки, замѣтки и размышленія тамбовскаго помѣщика).

VII.

Отхожіе промыслы.

Не бедарна та природа,
Не погибъ еще тотъ край,
Что выводитъ изъ народа
Столько славныхъ то и знай...

Въ сельцѣ «Большіе собачьи хвосты», Свистовка тожь, когда оно еще принадлежало не теперешнему «новому» барину, шадкому второй гильдіи купцу Ивану Семенову Подъугольникову, а прежнему, Николаю Николаевичу Свистову, и немного ранѣе, его родителю, Николаю Петровичу, въ немъ числилось триста сорокъ одна душа и при нихъ удобной и неудобной земли пахатной, подъ лѣсомъ и подъ усадьбой всего три тысячи восемьсотъ двадцать десятинъ. Лѣтъ за десять до 19-го февраля Николая Петровича выбрали въ уѣздные предводители, и такъ какъ съ этимъ званіемъ, по обычаю тѣхъ временъ, обязательно соединено было непрерывное упражненіе въ «истинно русскомъ хлѣбосольствѣ», что и тогда обходилось не дешево, и такъ какъ, кромѣ того, Николай Петровичъ ужъ давно хотѣлъ довести псовую охоту до должныхъ и «приличныхъ» размѣровъ, то теперь, по здоровомъ размышленіи, онъ рѣшилъ, что это «сельцо» надо заложить. Когда онъ окончательно укрѣпился въ такомъ рѣше-

ни, въ городъ былъ посланъ за менторомъ «на парѣ» конюхъ Ефимка, который на другой день и привезъ бывшего секретаря уѣзднаго суда Василя Прокофьевича Сладкопѣвцева, отца Ардальеши, тогда состоявшаго еще въ архіерейскомъ хорѣ, гдѣ онъ пѣлъ «ангельскіе голоса». Затѣмъ, по общей программѣ, онъ (т. е. Николай Петровичъ подъ руководствомъ Сладкопѣвцева) продѣлалъ все то, объ чемъ было говорено въ прошломъ очеркѣ, т. е. съѣздилъ въ Москву, прожилъ тамъ нѣсколько мѣсяцевъ, заложилъ въ опекуновъ совѣтъ «Большіе собачьи хвосты», «освѣжился» и привезъ съ собой въ деревню троечную сбрую необыкновенно красивой насѣчки, органичикъ и масляную картину, изображавшую какъ два старца, срываясь въ кустахъ и за деревьями, съ великимъ любопытствомъ смотрять на прелести Сусанны. Въ тотъ же день, какъ Николай Петровичъ возвратился въ деревню, троечная сбруя съ удивительной насѣчкой была надѣта на пѣгихъ и найдена при этомъ еще болѣе удивительной; органичикъ былъ поставленъ въ залѣ, «пущень» и тоже заслужилъ общее одобреніе; что-же касается стариковъ съ Сусанной, то тутъ мнѣнія раздѣлились. Какъ ни рада была Марья Васильевна, что мужъ ея наконецъ возвратился изъ Москвы и притомъ, повидимому, цѣлымъ, все же она находила, что стариковъ съ Сусанной нельзя оставлять въ гостинной, и потому ихъ помѣстили въ мужской комнатѣ, въ кабинетѣ. Батюшка, который пріѣхалъ служить благодарственный молебенъ по случаю благополучнаго возвращенія Николая Петровича, тоже нашелъ, что хотя «тема» картины и позволительна, но художникъ прелести Сусанны «преувеличилъ». За то братъ Марьи Васильевны, Капитонъ Васильевичъ, поручилъ въ отставѣ, за непочтеніе проклятый родителями и теперь проживавшій у сестры и зятя, былъ въ восторгѣ отъ нея. Точно такое же, повидимому, впечатлѣніе она произвела и на лакея Никанорку, котораго въ первые дни никакъ нельзя было выжить изъ кабинета, такъ что Николай Петровичъ, сначала не понимавшій въ чемъ дѣло, нѣсколько разъ говорилъ ему: — Что ты, братецъ, тутъ все торчишь? Пошолъ вонъ! Равнымъ образомъ, любовались на картину и похваляли ее почти всѣ сосѣди. Тѣмъ не менѣе, однакожь, когда пріѣхала съ дочерьми, «взрослыми дѣвками», сестра Николая Петровича, Варвара Петровна, то перво-на перво, какъ только вошла въ переднюю и даже не поцѣловавшись еще съ братомъ, сказала ему: — А у васъ, братецъ, я слышала, виситъ какая-то непристойная картина, такъ ужъ вы либо завѣсьте ее, либо совсѣмъ уберите...

— Она, сестрица, виситъ у меня въ мужской комнатѣ — въ кабинетѣ, а впрочемъ я сейчасъ прикажу ее завѣсить.

И, дѣйствительно, ее завѣсили кисеей. Такъ провисѣла она завѣшенною вплоть до прїѣзда архіерея, когда замѣтилъ ее и любопытствовалъ посмотрѣть сопровождавшій владыгу соборный протодіаконъ.

— «Тема» картины можетъ быть одобрена, но художникъ «прелести» Сусанны «преувеличилъ», сказалъ и онъ, по внимательномъ ея разсмотрѣннн, но за тѣмъ прибавилъ:—а, впрочемъ, между купечествомъ это и нынѣ встрѣчается.

Наконецъ, третье мнѣніе высказано было его превосходительствомъ, объѣзжавшимъ для ревизіи губернію и заѣхавшимъ по дорогѣ къ предводителю.

— Эта картина, сказалъ онъ:—школы фланманской. И затѣмъ, сдѣлавъ изъ кулака лѣвой руки подобіе зрительной трубки, долгое время со вниманіемъ ее разсматривалъ, дѣлая присутствовавшимъ нѣкоторыя указанія на ошибки и преувеличенія художника.—А, впрочемъ, присовокупилъ его превосходительство:—въ молодости, въ бытность мою для особыхъ порученій въ Ригѣ, я зналъ тамъ одну дѣвицу и даже благороднаго происхожденія, прелести которой были еще превосходнѣе...

Такимъ образомъ, поѣздка Николая Петровича въ Москву въ художественномъ отношеніи не можетъ быть названа безусловно неудачной. Что-же касается до увеличенія псовой охоты, то предпріятіе это, осуществленное при дѣятельномъ участіи въ немъ Капитона Васильевича, удалось вполне, какъ и слѣдовало: вскорѣ предводительская «охота» затмила собою «охоты» не только во всемъ уѣздѣ, но даже и въ двухъ ближайшихъ. Крымской породы «смуругой» масти кобель Катай и англійская «мелкопсовая» сука Зорька «не отпускали» отъ себя «звѣря» даже на одну «угонку»! Требовать большаго—невозможно.

Но за то другія усовершенствованія и предпріятія, къ сожалѣнію, были далеко не такъ удачны. Постройка, на примѣръ, «бельведера» на крышѣ едва не кончилась катастрофой: рано утромъ, когда въ домѣ всѣ еще спали, съ страшнымъ трескомъ потолокъ въ гостиной проломился и часть бельведера, вмѣстѣ съ проведенной въ него для зимняго времени печной трубой и даже съ работавшими тамъ плотниками и печниками, просыпалась на полъ. И какъ ни заманчива была идея о бельведерѣ, ее, послѣ этого несчастнаго случая, пришлось покинуть. Такъ же точно неудачно кончилась и постройка моста чрезъ вновь выкопанный прудъ. Это предпріятіе, по размѣрамъ своимъ, хотя и было менѣе грандіозно, чѣмъ постройка новаго моста чрезъ

Неву, но встрѣтило препятствія, повидимому, еще большія, ибо, несмотря на то, что такъ же превзошло смету въ три раза, все таки не было доведено до окончанія. Какія затраты и усилія пришлось положить при этомъ строителю, видно ужъ изъ того, что когда сельцо «Большіе собачьи хвосты» впоследствии было приобретено покупкою купцомъ Подъугольниковымъ, онъ цѣлыхъ три года, купаясь въ жаркіе лѣтніе дни, вмѣстѣ съ батраками и молодцами, «встати» таскалъ изъ воды бревна и сваи и натаскалъ ихъ такое количество, что потомъ выстроилъ изъ нихъ въ городѣ Шацкѣ цѣлый домъ.

О болѣе мелкихъ начинаніяхъ и предпріятіяхъ не стѣить, конечно, и распространяться: почти всѣ они были болѣе или менѣе неудачны, либо по лѣности и нерадѣнію, либо по неумѣнію приставленныхъ руководителей.

Все это, вмѣстѣ съ болѣзнью, а потомъ и со смертью Марьи Васильевны, въ значительной степени разстроило здоровье Николая Петровича, и онъ впалъ въ сладострастіе. Трудно высказать, какъ тяжело было всѣмъ намъ, знавшимъ старика и уважавшимъ его за его ясный умъ и истинно русское хлѣбосольство, видѣть его теперь ведущимъ такую недостойную жизнь. Всѣ помыслы его въ это время были сосредоточены, казалось, на одномъ удовольствіи своихъ необузданныхъ страстей. Забвеніе всѣхъ приличій доходило въ немъ, особенно въ лѣтніе мѣсяцы, до того, что ни одинъ помѣщикъ, имѣвшій при себѣ жену или дочерей «взрослыхъ дѣвицъ», не рѣшался проѣзжать даже мимо его усадьбы — такъ легко можно было наткнуться на какую-нибудь срамоту. Вся мужская прислуга была имъ удалена изъ дому и замѣнена женской, набранной преимущественно изъ дѣвицъ. Половину ихъ онъ одѣлъ въ мужское платье, но никого изъ сосѣдей помѣщиковъ, все еще время отъ времени посѣщавшихъ его, этимъ въ обманъ не ввелъ. Однако, къ счастью его самого, онъ прожилъ недолго, хотя смерть его была и не изъ завидныхъ: онъ кончилъ дни свои въ борьбѣ съ яблоней, которую принялъ въ умоизступленіи за упрямую дѣвицу. И смерть была для него счастіемъ, ибо ходившіе уже тогда слухи объ эмансипаціи вскорѣ оправдались.

Такимъ образомъ, было положено начало реализаціи «сельца» «Большіе собачьи хвосты». Дальнѣйшее усовершенствованіе его продолжали наслѣдники Николая Петровича—его сыновья, Единька и Колинъка. Смерть Николая Петровича была нетолько оригинальна, но вмѣстѣ и неожиданныя. Конечно, всѣ понимали и знали, что такая неправильная жизнь, какую велъ покойникъ въ послѣдніе годы, до добра не доводитъ; тѣмъ не менѣе, при-

нимая во вниманіе его вѣрпкое тѣлосложеніе, умѣренность прежнихъ лѣтъ и многочисленныя примѣры, которые представляли многіе другіе, тоже проводившіе время не весьма цѣломудренно и проч., давали нѣкоторую надежду, что катастрофа еще не столь близка. Оединька и Колянька, повидимому, раздѣляли тоже это мнѣніе, ибо ничѣмъ инымъ нельзя было объяснить, что ни тотъ, ни другой при кончинѣ родителя не присутствовали. И это ко-слѣднее обстоятельство было нехорошо для нихъ еще и въ томъ отношеніи, что множество вещей, тутъ же, въ виду, можно сказать, еще не остывшаго помѣщика, было расхищено благодарной и безсовѣстной дворней.

Само собою разумѣется, что тотчасъ же, какъ только дошла до дѣтей вѣсть о кончинѣ родителя, оба сына немедленно поспѣшили изъ Петербурга, гдѣ служили гвардіи штабсъ-ротмистрами. Выкупавшись съ дороги и поклонившись праху покойнаго родителя, около двухъ недѣль ужъ почивавшаго въ могилѣ, они возвратились въ опустѣвшій домъ и, приказавъ подать себѣ кушать, начали обсуждать свое положеніе въ томъ собственно смыслѣ, какъ имъ поступить съ «сельцомъ»?

— Я, братъ Оеда, не хозяинъ, сказала Николай.

— А развѣ я хозяинъ? сказала Оеда.

И долго они разсуждали промежъ себя, пока не рѣшили, что одинъ изъ нихъ оставить за собой все «сельцо» и выплатить другому его часть деньгами. Потомъ Оеда вынулъ изъ кармана носовой платокъ, завязалъ на одномъ углу его узелокъ, приложилъ къ нему другой уголь безъ узелка, покрутилъ ихъ и, улыбаясь, сталъ искушать брата. Братъ Николай не безъ смущенія и робости потянулъ одинъ изъ выставленныхъ ему кончиковъ и вытянулъ кончикъ съ узломъ—имѣніе, значить, досталось ему.

— Дай Богъ тебѣ, Коля, всякаго успѣха, наживи еще такое же «сельцо», сказала, обнимая и цѣлуя его, Оеда.

— Тяжело мнѣ, Оеда, будетъ тебѣ выплачивать, потому что папенька имѣнье заложилъ уже, и я не знаю даже, какъ мнѣ изворачиваться.

— А Оекла Дементьевна-то на что? улыбаясь и грозя пальцемъ, въ шутку отвѣтилъ Оеда:—я вѣдь все знаю...

Коля началъ опровергать, говорить, что это одна сплетня, что ему мундиръ этого не позволилъ бы и проч., а что, дѣйствительно, онъ у нея нѣсколько разъ занималъ, но эти деньги, при первой-же возможности, ей теперь отдастъ, тѣмъ болѣе, что это она дѣлала для него тайкомъ, въ то время, когда мужъ ея былъ въ Нижнемъ на ярмаркѣ.

Вслѣдъ затѣмъ, мы, сосѣди, узнали, что отнынѣ сельцо

«Большіе собачьи хвосты» принадлежит сыну Николая Петровича, Николаю Николаичу, что онъ выходитъ въ отставку, вѣроятно, женится и поселится въ имѣніи. Всѣ эти догадки и предположенія, дѣйствительно, скоро оправдались. Осенью Николай Николаичъ ужъ пріѣхалъ отставнымъ, сдѣлалъ всѣмъ визиты, и мы еще по «чернотропу», вмѣстѣ съ нимъ, порекали по мерзлымъ зеленымъ за зайцами.

Это былъ отличный малый, веселый, гостепріимный, радушный, «шалунъ»; однимъ словомъ, соединялъ въ себѣ всѣ общедворянскія добродѣтели. Въ домѣ все ожило, расцвѣло и все приняло такой задухеивный характеръ, что, кажется, даже Сусанна перестала пугаться своихъ стариковъ и чуть-чуть не прыгивала оттуда, со стѣны, къ намъ на колѣни. Усовершенствованіе въ костюмѣ прислуги, придуманное покойникомъ, было одобрено и оставлено и теперь, впредь до дальнѣйшихъ по сему предмету распоряженій. Страстно любя хореографическое искусство, Николай Николаичъ не жалѣлъ расходовъ, затратъ и хлопотъ по заведенію и здѣсь, въ глуши, хотя малаго балета. Выписанныя изъ Петербурга двѣ балетчицы, опытныя въ преподаваніи, по цѣлымъ днямъ прыгали въ залѣ, обучая двѣнадцать дѣвицъ двороваго происхожденія. Дядя Капитонъ Васильичъ, о которомъ было упомянуто выше и который въ послѣднее время, какъ разбитый параличемъ, жилъ въ мезонинѣ, понятно не могъ съ прежней энергіей слѣдить за псовой охотой и нѣсколько запустилъ ее; но теперь, въ эпоху общаго обновленія, была «подтянута» и она и поставлена на высоту своей задачи. Это тѣмъ болѣе необходимо было сдѣлать, что на будущій годъ предстояли дворянскіе выборы и въ уѣздѣ у насъ ужъ серьезно поговаривали объ избраніи Николая Николаича въ предводителя. «Смуругой» Катай и «аглицкая» Зорька хотя и значительно ужъ устарѣли для охоты, но зато дали такой прекрасный и многочисленный приплодъ, что исполненіе этой задачи, т. е. собственно возстановленіе псовой охоты прежнихъ качествъ и въ прежнемъ объемѣ, не стоило даже особыхъ хлопотъ и затратъ.

Изъ другихъ предпріятій и начинаній покойника Николай Николаичъ не продолжалъ ни одного почти: ни постройка бельведера, ни сооруженіе моста черезъ прудъ не были возобновляемы. Онъ нѣсколько разъ даже намъ высказывалъ свое удивленіе по поводу этихъ сооружений.

— Какая идея была у него?. въ раздумѣ спрашивалъ онъ и себя самого, и насъ, и ни самъ, ни мы не могли дать ему на этотъ вопросъ никакого сколько-нибудь удовлетворительнаго отвѣта.

Но такое игнорированіе строительной части съ избыткомъ возмѣщалось энергіей и дѣятельностью его на другихъ поприщахъ. Такъ, черезъ какіе-нибудь полгода, несмотря на упорно ходившіе слухи о скорой эмансипаціи, что очень вредно отзывалось на успѣхахъ ученицъ, всѣ двѣнадцать дѣвицъ ужь очень порядочно танцовали, особенно «характерныя» танцы, и еслибы не обнаружившаяся у многихъ изъ нихъ беременность, то несомнѣнно достигли бы значительнаго совершенства.

Не меньшимъ успѣхомъ сопровождались и усилія его дать крестьянамъ музыкальное образованіе. Хоры, особенно женскіе голоса, тоже черезъ какіе-нибудь полгода, выдѣлывали такія фіоритуры, трели и проч., что всѣ «мы» просто ушамъ своимъ не вѣрили. А братъ нашего уѣзднаго аптекаря Ивана Карлыча, Богданъ Карлычъ, пріѣзжавшій къ нему на каникулы изъ Дерпта, былъ рѣшительно пораженъ, когда услышалъ гвѣніе, и чуть не женился на сопрано. И т. д., и т. д.

Трудно, конечно, сказать, чѣмъ бы кончились всѣ эти преобразованія и усовершенствованія, еслибы грянувшій манифестъ объ улучшеніи быта помѣщичьихъ крестьянъ не положилъ имъ конца. Тутъ у всѣхъ и все сразу измѣнилось... Нетолько по слухамъ, но даже изъ самаго манифеста ясно было видно, что дальнѣйшія преобразованія наши ни въ какомъ случаѣ не могутъ не только увѣнчаться полнымъ успѣхомъ, но даже имѣть какую-нибудь будущность. Понятно: кто же будетъ трудиться надъ дѣломъ, напередъ будучи увѣренъ, что никакихъ плодовъ отъ него никогда не дождется? И потомъ, какъ извѣстно это по исторіи, успѣхъ всякаго дѣла непремѣнно требуетъ сильной и сосредоточенной власти, а какую же власть мы изъ себя представляли, когда опасались собственной своей прислуги и при входѣ ея или умолкали, или продолжали разговоръ на одномъ изъ иностранныхъ языковъ? Наконецъ, кромѣ всего этого, губернаторъ, по обычаю объѣзжавшій и въ этомъ году губернію для ревизіи, на объѣздахъ у предводителей прямо говорилъ «намъ», что занятія, подобныя обученію крестьянскихъ и дворовыхъ дѣвицъ хореографическому искусству, хотя сами по себѣ и ничего недозволеннаго и вообще предосудительнаго не представляютъ, но все-таки гораздо пріятнѣе было бы, еслибы были прекращены, и чѣмъ скорѣе, тѣмъ лучше.

Такимъ образомъ, всѣ начинанія и усовершенствованія Николая Николаича, желавшаго превратить сельцо «Большіе собачьи хвосты» въ новыя Аѳины, были пресѣчены въ самомъ началѣ. И дѣйствительно, вскорѣ и балетъ, и хоры, и «англійскіе мальчики», какъ называлъ покойный Николай Петровичъ своихъ пе-

реодѣтыхъ горничныхъ, были распущены. Тутъ «кстати» слѣдуетъ замѣтить, что многія изъ горничныхъ и особенно балетныхъ воспитанницъ, успѣвшія уже полюбить искусство и сдѣлавшія въ немъ, несмотря на беременность, значительные успѣхи, разставались теперь съ своими наставниками и наставницами съ непритворной грустью и даже со слезами. И это совершенно понятно. Чтѣ ихъ ожидало? Вмѣсто беззаботной и пріятной «во всѣхъ отношеніяхъ» жизни, предъ ними являлась тяжелая и изнурительная полевая работа, грубая одежда, грубая ципа!..

Удержавъ при себѣ только трехъ лучшихъ балеринъ, Николай Николаевичъ окружилъ ихъ невиданной ими роскошью и тѣмъ вниманіемъ, предупредительностью и радушіемъ, какія присущи только истинно русской широкой натурѣ. Но и у этого, можно сказать, почти домашняго очага онъ не находилъ, къ сожалѣнію, повоа. Мелкія дразги, шпильки, зависть, эти вѣчные спутники и недуги театральной и вообще артистической жизни, отравляли его душу. Наконецъ, ко всему этому прибавилась еще доказанная невѣрность и неблагодарность двухъ балеринъ. Удаливъ недостойныхъ, хотя и счастливыхъ своихъ соперниковъ, дождячаго Ваську и повара Яшку, на скотный дворъ, а невѣрныхъ балеринъ возвративъ къ ихъ прежнимъ занятіямъ, то есть, къ полевымъ работамъ, Николай Николаичъ еще болѣе почувствовалъ тоску и одиночество. Только предстоявшая зимой баллотировка хотя немного еще интересовала его. Онъ зналъ наше уваженіе къ нему и наше намѣреніе избрать его своимъ представителемъ въ наступавшіе тяжелые для насъ дни и готовился съ достоинствомъ носить это высокое званіе. Отъ Гурина изъ «Московскаго» былъ сманенъ «второй» поваръ; два помощника къ нему были переманены тоже изъ какихъ-то хорошихъ трактировъ. У Сазикова (кажется, ужъ онъ былъ тогда) было заказано серебро съ гербами рода Свистовыхъ (въ червленномъ полѣ на одной ногѣ стоящій серебряный гусь; внизу два яйца), фарфоръ, фаянсъ, бронза, ковры и проч. были куплены въ Москвѣ и, тщательно запакованные, бережно доставлены въ «сельцо».

— Теперь вамъ, Николай Николаичъ, недостаетъ только жениться, говорили «мы», разсматривая покупки.

— Это еще не ушло, отвѣчалъ онъ намъ. — Да и время теперь не такое.

И, дѣйствительно, время было «не такое»!

Тѣмъ не менѣе, однакожъ, оставаться «дому» безъ хозяйки было невозможно, и потому Николай Николаичъ письменно пригласилъ нѣкую Марью Михайловну Разлимонову, съ которой познакомился въ Москвѣ, во время своей поѣздки за покупками.

Вскорѣ она и прибыла вмѣстѣ съ горничной. Но и въ этомъ выборѣ онъ не былъ счастливъ: Разлимонова оказалась бѣшеной полувдовой комиссаріатскаго происхожденія и, приглашенная Николаемъ Николаичемъ къ отправленію обязанностей, сіи послѣднія распространила нетолько на всѣхъ молодыхъ и холостыхъ сосѣдей-помѣщиковъ, но и на многихъ женатыхъ и даже на прислугу. Впрочемъ, все это обнаружилось ужъ позже; теперь же, будучи нѣкогда сама помѣщицей, нынѣ прогорѣлой, она съ честью и достоинствомъ несла трудную обязанность хозяйки и, что еще важнѣе, хозяйки-предводительши.

Николай Николаичъ оказался рѣдкимъ и тогда уже предводителемъ, по своему радушію и «истинно русскому хлѣбосольству». Къ нему мы ѣздили совершенно какъ въ трактиръ: былъ-ли онъ дома, нѣтъ-ли—все равно можно было пріѣзжать, заказывать повару обѣдъ, требовать шампанскаго и т. д. Самъ же онъ всецѣло предался политической жизни, отстаивая права дворянства, дарованныя намъ извѣстной грамотой императрицы Евтатерины. Онъ то-и-дѣло ѣздилъ то къ губернатору, въ нашъ губернской городъ, то въ губернской по крестьянскимъ дѣламъ комитетъ, то еще въ какой-то комитетъ, названіе котораго я ужъ и не припомню теперь, то, наконецъ, въ Петербургъ, къ своему родственнику князю Петру Петровичу. Однимъ словомъ, онъ дѣлалъ все, не жалѣя трудовъ и расходовъ, лишь бы отдалить или, по крайней мѣрѣ, ослабить готовившуюся «катастрофу». Когда же, наконецъ, несмотря на все это, положеніе 19-го февраля было объявлено и ничего нельзя было ужъ поддѣлать, онъ обнаружилъ рѣдкій политичный тактъ. Въ предвидѣніи этого событія, онъ заказалъ себѣ «русскій костюмъ», состоящій изъ красной рубашки, бархатной поддевки и такихъ же штановъ, и явился въ немъ въ церковь, въ день объявленія манифеста. При первыхъ же словахъ манифеста, едва священникъ произнесъ: «осѣни себя крестнымъ знаменемъ, православный русскій народъ», онъ не только осѣнилъ себя, но палъ на колѣни и увлекъ къ тому же всѣхъ присутствовавшихъ своимъ примѣромъ. Потомъ, истинно братски перецѣловался со всѣми своими бывшими крестьянами, нынѣ временно-обязанными, и пригласилъ ихъ всѣхъ къ себѣ въ домъ на обѣдъ. Тутъ самъ, сѣвъ рядомъ со старостихой, старосту, ея мужа, посадилъ рядомъ съ предводительшей Разлимоновой, желая показать этимъ примѣръ равенства и сліянія сословій. Къ сожалѣнію, многіе изъ насъ, невѣрно понимая его основную или, лучше сказать, тайную мысль, нашли его въ высшей степени политичный поступокъ унижительнымъ для дворянства и легкомысленно осуждали.

Впрочемъ, очень скоро, когда пришлось вводить уставныя грамоты, мы поняли, какое неоцѣненное имѣемъ въ немъ сокровище. Можно положительно сказать, что, только благодаря ему одному, очень многіе изъ насъ лучшія свои земли сохранили за собой, «предоставивъ» крестьянамъ обработку «болѣе низменныхъ и песчаныхъ». Неумоимости и энергіи его при этомъ, по истинѣ, слѣдовало удивляться: онъ положительно не выходилъ изъ тарантаса иногда по цѣлымъ недѣлямъ, являясь, когда того требовали интересы дворянства, то въ центрѣ, то на одномъ, то на другомъ концѣ уѣзда, вездѣ ободряя нашъ упавшій духъ, помогая совѣтомъ и дѣломъ.

Но это служеніе обществу до забвенія своихъ интересовъ, а равно и чрезмѣрное радушіе и хлѣбосолюство были причиной его матерьяльнаго разстройства: онъ впалъ въ долги, и притомъ людямъ корыстнымъ и не нашего сословія, какъ, напримѣръ, шабкому второй гильдіи купцу Подъугольнику и бывшему секретарю духовной консисторіи Сладкопѣвцеву. Черезъ постоянную и довольно продолжительную переписку заемныхъ писемъ и векселей, съ припиской притомъ тяжкихъ процентовъ, долги его росли съ печальной быстротой и достигли, наконецъ, такихъ размѣровъ, что онъ не могъ покрыть ихъ сполна даже и всей выкупной суммой.

Въ это же время ему суждено было перенести новое испытаніе и огорченіе: привязавшись своей благородной душой къ прелестямъ Разлимоновой, онъ былъ пораженъ, когда узналъ всю недостойность поведенія этой новой Мессалины. Тѣмъ не менѣе, любя ея и будучи слабъ передъ ея слезами и клятвами, простилъ и повѣрилъ ей; но она за все это вскорѣ отплатила ему самой черной неблагодарностью: въ бытность его, вмѣстѣ съ нею, въ Москвѣ, она бѣжала отъ него съ татаринომъ отъ Дюссо, похитивъ притомъ значительную сумму деньгами и процентными билетами, вымѣненными имъ на выкупныя. Всѣ эти матерьяльныя и нравственныя неудачи и неприятности не могли не вліять и на здоровье, и на энергію его; но и то, и другое, казалось, было у него желѣзное, ибо, перенеся всѣ огорченія, онъ не только не упалъ духомъ, но еще возбуждалъ мужество въ насъ, собравшихся къ нему со словами утѣшенія. Такъ, когда почувствовался, вслѣдствіе положенія 19-го февраля, у насъ въ хозяйствѣ недостатокъ рабочихъ рукъ, онъ первый остановился на мысли замѣнить мужиковъ машинами и вообще завести въ самыхъ обширныхъ размѣрахъ «раціональное хозяйство». Употребивъ выкупныя на уплату самыхъ вопіющихъ своихъ долговъ, онъ посѣщилъ въ Петербургъ, гдѣ въ то время открылось обществъ

взаимнаго поземельнаго кредита, и перезаложилъ тамъ Большіе собачьи хвосты. Тутъ онъ позволилъ себѣ нѣкоторый отдыхъ, впрочемъ небольшой—около мѣсяца, и, привезя съ собою милостивую француженку, Люси, и множество сельско-хозяйственныхъ машинъ и орудій самыхъ усовершенствованныхъ системъ, горячо и страстно предался этому роду дѣятельности. Любовь и вообще нѣжныя чувства къ милостивой Люси не мѣшали ему вставать съ разсвѣтомъ и, выпивъ стаканъ парнаго молока, отправляться въ поле на работы. Къ сожалѣнію, выбранная имъ, такъ же какъ и всѣми нами, система «раціональнаго хозяйства», несмотря на несомнѣнные достоинства, имѣла тотъ очень важный недостатокъ, что требовала безконечныхъ затратъ, не принося никакого дохода, и потому деньги, полученныя изъ банка и оставшіяся отъ экипировки Люси и покупки машинъ, очень скоро истощились. Не «намъ», конечно, упрекать его и осуждать за нѣкоторую, быть можетъ, легкомысленность и вообще слабость къ прелестямъ прекраснаго пола, поглотившимъ довольно значительныя суммы. Вспомнимъ, что это было единственной его отрадой среди неусыпныхъ трудовъ, заботъ и огорченій!

Между тѣмъ, недостатокъ въ деньгахъ становился не только съ каждымъ днемъ, а съ каждымъ часомъ все болѣе и болѣе ощутительнымъ, и, что самое сѣверное, несмотря на усиленный и явный «спросъ», «предложенія» не было рѣшительно никакого. Подходили августъ—срокъ платежа въ банкъ процентовъ и погашенія; въ сентябрѣ наступалъ срокъ платежа по векселямъ Сладкопѣвцеву, въ октябрѣ — Подъугольнивову... Нависшія, такимъ образомъ, со всѣхъ сторонъ тучи, очевидно, должны были непременно разразиться грозой, и катастрофа была неминуема въ самомъ непродолжительномъ времени. Съ своей стороны, мы ничего не могли сдѣлать ему на помощь уже по одному тому, что сами, что называется, дышали на ладонь. Такимъ образомъ, ему оставалась надежда только на Провидѣніе, да на самого себя, на свою энергію. Онъ и дѣйствительно ни съ кѣмъ изъ насъ не совѣтовался, ни у кого ничего не просилъ, напередъ зная всю бесполезность того и другого.

Однако, обо всемъ этомъ мы только догадывались; самъ же онъ никому никогда на свои затрудненія не жаловался и даже ничѣмъ не давалъ понять о существованіи ихъ. И теперь, и въ этомъ году, перваго іюля, въ день своего рожденія, онъ пригласилъ къ себѣ весь уѣздъ и обѣдъ былъ приготовленъ такъ же прекрасно, какъ и всегда.

По всему этому мы были совершенно спокойны за него и даже

*

нисколько не сомнѣвались, что и чрезъ годъ такъ же прекрасно проведемъ этотъ день, вновь собравшись къ нему на радушный обѣдъ. Такъ крупка и непоколебима была въ насъ вѣра въ его умъ и находчивость! Но дни пребыванія его между нами были ужъ сочтены...

Недѣли черезъ двѣ послѣ описаннаго обѣда, въ уѣздѣ вдругъ стало извѣстно, что неизвѣстно куда Николай Николаевичъ уѣхалъ, взявъ съ собою нѣкоторые предметы, повидимому, не первой необходимости, какъ, напримѣръ, Сусанну, всѣ чубуки, серебро и проч. Въ то же время рассказывали, что и паркъ, и садъ рубятъ какіе-то пріѣхавшіе изъ города мѣщане. Кромѣ этого, передавалось еще множество вещей ужъ совершенно несообразныхъ...

Очень понятно, что всѣ мы, одинъ за другимъ, поснѣшиди побывать въ Большихъ собачьихъ хвостахъ и на мѣстѣ собрать точныя свѣдѣнія о происходящемъ. Къ сожалѣнію, печальные слухи на этотъ разъ имѣли основаніе. Уже версты за двѣ не доѣзжая господской усадьбы было видно, что она стоитъ оголеная, лишившись своего лучшаго украшенія—парка и сада. При вѣздѣ во дворъ, мы видѣли домъ заколоченнымъ, равно какъ и всѣ флигеля, службы и хозяйственныя постройки. Казалось, единственными живыми существами во всей усадьбѣ были старій кобель смуругой масти Катай и буфетчикъ Иванъ Степанычъ. Этотъ послѣдній и давалъ намъ всѣмъ объясненія, водилъ насъ по стогнамъ и, чвакая и шамкая своимъ беззубымъ ртомъ, рассказывалъ о послѣднихъ минутахъ пребыванія Николая Николаича.

— И изволили они позвать повара Василія. И говорятъ ему такъ ласково: поди, говорятъ, Васильюшка, налови мнѣ съ Ванюшей—это значить со мной—карасиковъ и зажарь ихъ, какъ я люблю, въ сметанѣ съ укропомъ, да чтобы по поджаристѣй были.

— Что-жь и Люси вмѣстѣ съ нимъ уѣхала?

— И мадама съ ними-съ.

— Да вѣдь она беременная?

— Какъ-же-съ, совсѣмъ на сносяхъ-съ. Они такъ и приказали говорить, если кто будетъ спрашивать, что рожать въ Америку поѣхали.

— Куда?

— Въ Америку-съ.

— Ну, а тебѣ самому-то онъ что говорилъ? Вѣдь онъ любилъ тебя, вѣжета.

— А это ужъ наше-съ дѣло.

Но мы, разумѣется, давали ему на чай, а Иванъ Степанычъ щурясь, улыбаясь и пряча деньги въ карманъ, говорилъ:

— Извѣстно, въ «отхожій промыселъ» поѣхали.

— Т. е., какъ-же это? куда?

— А ужъ этого-съ и самъ не знаю. Изволили сказать: ѣду я, Ванюша, въ отхожій промыселъ, а больше ничего не объяснили.

— Ну, а кто же садъ-то съ паркомъ вырубилъ?

— А это изволите знать купца Подъугольниковъ?—такъ племянники его.

— Значить, Николай Николаичъ имъ продалъ еще?

— Безпремѣнно-съ. Иначе кто-жъ бы имъ дозволилъ такую срамоту произвести.

— И всѣ вещи съ собою увезъ?

— Какія увезли-съ, а какія продали.

— А Сусанну?

— Сусанну приказали изъ рамы вылупить, свернули въ трубку и съ собой взяли. Это, должно быть, на память о покойномъ папенькѣ...

— Ну, и что-жъ, веселый онъ уѣхалъ?

— Ничего-съ, въ расположеніи духа. Я, говорить, не пропаду...

И дѣйствительно, какъ мы увидимъ это дальше, онъ не только не пропалъ, но и не могъ даже пропасть...

Такимъ образомъ, дѣло стало ясно. Дольше сомнѣваться нельзя ужъ было, что нашъ предводитель сбѣжалъ. Удивительнаго тутъ для насъ, конечно, ничего не было, такъ какъ мы ужъ давно привыкли, что у насъ сбѣгаютъ не только уѣздные, но даже и губернскіе предводители, а все-таки намъ было жаль его.

— Какъ это такъ: жилъ-былъ человекъ, ѣли, пили мы у него и вдругъ его нѣтъ? И въ тоже время онъ несомнѣнно живъ...

Потосковали мы по немъ, посплетничали, разумѣется, а тутъ вскорѣ, какъ-то мѣсяца черезъ три или четыре, слышимъ, что Большіе собачьи хвосты купилъ съ аукціона, съ надбавкой противъ оцѣнки чуть-ли не трехъ рублей, нашъ общій знакомый купецъ Подъугольниковъ. Прошло еще что-то съ годъ или немного больше, и мы узнали, къ общей нашей радости, гдѣ обрѣтается нашъ бывшій предводитель и какимъ отхожимъ промысловъ онъ занимается.

Я нарочно подробнѣе рассказалъ и біографію Николая Николаича до его отпращиванія въ отхожіе промыслы, и судьбу Большихъ собачьихъ хвостовъ съ той цѣлью, чтобы, рассказывая дальше похождения «нашихъ» на промыслахъ, уже не повторять двадцать разъ одного и того же, такъ какъ и біографіи ихъ до промысловья, и судьбы ихъ Осиновокъ, Стрекаловокъ и проч. въ

общемъ поразительно сходны другъ съ другомъ. Поэтому, я прошу читателя предполагать у каждаго изъ дѣйствующихъ лицъ этихъ очерковъ подобное прошлое такъ же точно, какъ и у его Сосновки или Ивановки такую же точно исторію до перехода къ Подъугольникову или Сладкопѣвцеву. Повторяю: сущность у всѣхъ одинакова и различія самыя мелкія, детальныя. Исключеніе надо будетъ сдѣлать развѣ только для одного брата Николая Николаича, Ѳедора Николаича, не самостоятельно, безъ личнаго, такъ сказать, участія потерявшаго свое имѣніе, Малые собачьи хвосты. Съ него мы и начнемъ, пока Николай Николаичъ устраивается на промыслахъ.

Хотя они были и родные братья, происшедшіе отъ того же отца и той же матери, но сходства между собой не имѣли никакого, даже и во внѣшности. Николай Николаичъ былъ высокъ ростомъ, мужественъ, черты лица имѣлъ крупныя, рѣзкія, растительность волосъ повсемѣстно обильную, вспылчивъ, неумоимъ, сластолюбивъ, и вообще походилъ на отца. Братъ Ѳедоръ, напротивъ, роста былъ средняго, черты лица имѣлъ мелкія, кротокъ, растительность волосъ повсемѣстно имѣлъ слабую, былъ акуратень, прилеженъ и хотя, подобно отцу и старшему брату, былъ сластолюбивъ, но за то, подобно своей матери, былъ застѣнчивъ и стыдливъ. Въ собраніяхъ и вообще публично никто никогда не видалъ его вольнаго обращенія съ дѣвками хотя бы самаго зазывательнаго поведенія. Для сего онъ любилъ уединеніе и прежде всего тщательно осматривалъ въ номерѣ замки, задвижки, пробовалъ ихъ крѣпость и удостовѣрялся: не проверчено-ли гдѣ дырочекъ для нескромнаго наблюденія, тогда какъ брату Николаю на все это было наплевать.

Оба они получили воспитаніе и образованіе въ только-что открытомъ тогда училищѣ статскихъ юнкеровъ и хотя изъ самаго названія этого училища видно, что оно партикулярное, а не военное, тѣмъ не менѣе оба брата «промѣняли перья на шпаги» и въ моментъ кончины родителя служили, какъ сказано, гвардіи штабсъ-ротмистрами.

Выше было ужъ говорено, какъ и почему ихъ обоихъ наслѣдственное имѣніе селцо Большіе собачьи хвосты достались одному брату Николаю. Покончивъ раздѣлъ, т. е. получивъ отъ брата векселя и заемныя письма на сумму, равную стоимости половины «селца», Ѳедоръ уѣхалъ въ Петербургъ, гдѣ и продолжалъ служить «шпагой». Но будучи по природѣ нрава кроткаго, а не

воинственнаго, онъ почти не посѣщалъ трактировъ и вообще болѣе или менѣе опасныхъ мѣстъ, предпочитая уединеніе и наслажденія любовью втайнѣ. Для этого послѣдняго у него была нѣкая Клемансъ, французенка лѣтъ сорока, когда-то извѣстная кокетка, но въ данный моментъ, за старостью, сошедшая со сцены и содержавшая *chambres garnies*. Теперь, съ каждымъ годомъ, такихъ содержательницъ меблированныхъ комнатъ становится все больше и больше, но тогда онѣ были наперечетъ и «дѣлали отличныя дѣла». У нихъ останавливались вновь прїѣзжія изъ Парижа французенки; у нихъ онѣ экипировывались, сводили знакомство и начинали карьеру. Вслѣдствіе всего этого, въ подобныхъ меблированныхъ комнатахъ почти исключительно жили офицеры, воятки и только-что выпущенные воспитанники училища статскихъ юнкеровъ. Тамъ, въ этихъ *chambres garnies* всегда пахнетъ помадой, духами, всѣ комнаты носятъ будуарный характеръ; на мебели, остаткахъ прежняго величія хозяйки, преобладаютъ, хотя ужъ и выпѣвшіе и засаленные, цвѣта голубой, розовый; масса разбитыхъ и склеенныхъ фарфоровыхъ фигурокъ на этажеркахъ; вездѣ наставлены когда-то несомнѣнно дорогія, но теперь ободранныя и изломанныя бомбоньерки; эротомъ такъ и несетъ всюду. Въ такомъ-то гнѣздышкѣ поселился и тихохонько-смирнеконько проживавалъ Федоръ Свистовъ, все свободное отъ службы и визитовъ время проводя въ объятіяхъ Клемансъ, умѣвшей, не смотря на свои престарѣлыя прелести, безконечно разнообразить искусство любви. И жизнь ихъ обоихъ текла до такой степени прекрасно и невозмутимо, что оба они ничего лучшаго и не желали. По всей вѣроятности, такъ и пошло бы на долго, если бы ихъ счастьемъ не помѣшалъ, хотя и не злонамѣренно, безъ умысла, братъ Николай.

Подвижной, энергичный, вѣчно или раздраженный измѣной любимой женщины, или преисполненный ненасытныхъ вожделѣній къ вновь намѣченной, онъ—надо правду сказать—иногда бывалъ въ сужденіяхъ и поступкахъ своихъ легкомысленъ и черезчуръ поспѣшенъ. Такъ точно было и въ данномъ случаѣ. Одна помѣщицья вдова, полюбивъ становаго пристава, рѣшила дать ему приличное образованіе «и вообще хорошія манеры», для чего и собралась съ нимъ за границу. Обсудивъ серьезно свое намѣреніе, она, однако, увидала, что имѣющихся у нея средствъ для пребыванія за границей и воспитанія становаго недостаточно, а потому съ поспѣшностью начала продавать свое имѣніе, доставшееся ей отъ покойнаго мужа. Едва Николай Николаичъ услышалъ объ этомъ, какъ тотчасъ же написалъ брату Федору, чтобы тотъ скорѣе прїѣзжалъ и покупалъ вдовье имѣніе. Нетерпѣливой

вдовѣ была выдана кабая-то ничтожная сравнительно часть наличными, а на остальную сумму она получила отъ Ѳедора векселя брата Николая съ его, Ѳедора, отвѣтственными бланками, и имѣніе было куплено. Хотя, само собою разумѣется, вдова вполнѣ воспользовалась и выкупными, и банковской ссудой, и имѣніе, такимъ образомъ, представляло ужь выжатый лимонъ, но съ заведеніемъ «раціональнаго хозяйства», оно должно было, по всѣмъ соображеніямъ, расцвѣсти и сдѣлаться необыкновенно доходнымъ. Въ этихъ видахъ братъ Ѳедоръ бросилъ службу, а Клемансъ продала свои *chambres garnies*, и они явились хозяйничать въ «благопріобрѣтенное», названное въ воспоминаніе о родомъ, гдѣ сидѣлъ братъ Николай, «Малыми собачьими хвостами».

Ничего нельзя себѣ представить прелестнѣ этого уголка, какимъ его вскорѣ сдѣлалъ Ѳедоръ. Лужайки, мостики, газончики, дорожки—все это пестрѣло и услаждало взоръ. Въ каждомъ маломальски уединенномъ мѣстечкѣ сада были поставлены или удобные диванчики, а то и вовсе построены легкія и изящныя бѣсѣдки во всевозможныхъ вкусахъ, со всевозможными приспособленіями. Миниатюрныя и самого причудливаго вида собачья рѣзвились у ногъ ихъ, когда они гуляли въ саду. По настоящю Клемансъ, онъ положилъ основаніе обширному зданію со стеклянной крышей, въ которомъ предполагалось разводить виноградъ — этотъ любимый фруеть ея родины...

Но и здѣсь они вели жизнь уединенную, не бывая рѣшительно ни у кого изъ сосѣдей, кромѣ брата Николая. Подъ его же руководствомъ и по его указаніямъ, братъ Ѳедоръ накупилъ у Бутеноповъ сельско-хозяйственныхъ орудій и машинъ и съ будущаго года хотѣлъ серьезно заняться «раціональнымъ хозяйствомъ». Уже все было готово: куплена легкая и удобная панاما, сшито нѣсколько прелестныхъ сѣренъкихъ пиджачковъ, самыхъ нѣжныхъ цвѣтовъ пестрыя рубашки, такъ удобныя въ деревнѣ; для Клемансъ былъ купленъ изящный плетеный вабриолетъ (она тоже хотѣла заняться раціональнымъ хозяйствомъ и, между прочимъ, въ обширныхъ размѣрахъ засѣвать поля салатомъ, сельдереемъ и артишоками, которые такъ дороги у Бореля). Впереди все было розово, улыбалось... и вдругъ, менѣе чѣмъ черезъ годъ, вслѣдствіе «несчастія» съ братомъ Николаемъ, пришлось и брату Ѳедору, бросивъ все и все, лишиться, за неплатежъ по векселямъ, не только Малыхъ собачьихъ хвостовъ, но и тѣхъ усовершенствованій и приспособленій, какія онъ уже сдѣлалъ въ имѣніи. Извѣстившись о катастрофѣ съ предводителемъ, вдова, не окончивъ даже воспитанія становаго

пристава, послѣшно вернулась изъ-за границы. Начались взысканія, описи, и въ концѣ-концовъ братъ Ѳеодоръ долженъ былъ сперва удалиться изъ имѣнія въ нашъ уѣздный городъ, такъ какъ Малые собачьи хвосты были куплены съ аукціона родственникомъ станового, губернскимъ секретаремъ Сладкопѣвцевымъ, а потомъ ѣхать въ Петербургъ тоже въ отхожія промыслы.

— Конечно, хоть я и на законномъ основаніи, покупкою приобрѣлъ ваше имѣніе, говорилъ ему, прощаясь съ нимъ при отъѣздѣ, Сладкопѣвцевъ:—но все же вы не повѣрите, какъ мнѣ неприятно видѣть васъ въ горѣ, а ужь особенно вашу мадамъ: берегите «ихъ» здоровье—здоровье важнѣе всего. И потомъ, христіанинъ никогда не долженъ отчаяваться—это грѣхъ...

Съ такими напутствіями покинулъ насъ и Ѳеодоръ Свистовъ. Продолжать службу въ штабсъ-ротмистрахъ на одно жалованье, очевидно, было бы абсурдомъ. Служить тамъ, гдѣ онъ служилъ прежде, можно еще кое-какъ, получая нѣсколько тысячъ «изъ деревни»; но жить и «служить» на 86 рублей жалованья въ мѣсяць — это...

Какъ мы увидимъ дальше, Ѳеодоръ послушалъ совѣта Сладкопѣвцева, т. е., какъ истинный христіанинъ, не допустилъ отчаянію овладѣть собой, и, благодаря этому, избранный имъ промыселъ оказался и удачнымъ, и обильнымъ. Но мы пока и оставимъ его въ покоѣ: пусть онъ устроивается тамъ и прилаживается.

Около этого же времени, не больше какъ черезъ годъ, сбѣжалъ у насъ изъ своего имѣнія «Вонючіе пруды» еще одинъ помѣщикъ, Дмитрій Васильичъ Сольдеревскій, тоже, конечно, отставной штабсъ-ротмистръ. Это былъ мужчина лѣтъ тридцати, брюнетъ, высокаго роста и желѣзнаго здоровья. Въ уѣздѣ у насъ онъ считался первымъ красавцемъ, и въ этомъ всѣ были согласны: и барыни, и барышни, и чиновницы, и бабы, и дѣвки крестьянскія. Сколько онъ у насъ завязалъ и развязалъ романовъ — это, кажется, и самому Донъ-Жуану было бы не подъ силу, а онъ—ничего: какимъ проявился у насъ розовымъ и цвѣтушимъ, такимъ и «пропалъ». Относительно образованія сказать что-нибудь опредѣленное чрезвычайно трудно, до того оно было оригинально. Онъ учился вездѣ, въ буквальномъ смыслѣ этого слова. Въ Петербургѣ и въ Москвѣ нѣтъ того, кажется, частнаго и казеннаго учебнаго заведенія, въ которомъ бы онъ не былъ хоть одну недѣлю. Однажды, около полугода, онъ прожилъ

даже въ женскомъ пансіонѣ, куда, замѣтивъ грубость его характера и манеръ, помѣстилъ его отецъ, рассчитывая на вліяніе нѣжнаго пола и заботы содержательницы пансіона, каковой-то ихъ дальней родственницы. Но здѣсь пребываніе его, какъ и слѣдовало ожидать, кончилось печально ужъ не для одного его... Когда Митинька сдѣлалъ эту «шалость», ему было ужъ шестнадцать лѣтъ и потому родитель, испытавъ еще три-четыре учебныхъ заведенія, убѣдился, наконецъ, въ тщетѣ своихъ усилій и опредѣлилъ его на службу въ какой-то гвардейскій кавалерійскій полкъ. Что-жъ мудренаго послѣ всего этого, что онъ и все зналъ, и ничего не зналъ. Два, впрочемъ, предмета онъ зналъ: французскій языкъ и лошадей. Одному его выучили коготки у Бореля, другому научился дома еще, на заводѣ у отца. Если хотите, по своему, онъ былъ и добрый малый. Въ полку, говорить, его всѣ любили и товарищи, и ростовщики: первые — за то, что онъ ставилъ за нихъ сколько угодно бланки на векселяхъ; вторые — за то, что отецъ его исправно платилъ по бланкамъ. Но, какъ ни велико было состояніе у отца, распаталось, наконецъ, и оно: ссуда опекунскаго совѣта ушла на воспитаніе, а выкупныя на уплату по бланкамъ, такъ что самъ Митинька, унаслѣдовавъ Вонючіе пруды, продѣлалъ съ ними только два послѣднихъ эксперимента, т. е. перезаложилъ ихъ въ обществѣ взаимнаго поземельнаго кредита и заложилъ по второй закладной какому-то Подъугольнику. И обѣ эти операціи онъ произвелъ скоро, года въ три или четыре, не больше. Затѣмъ, нахватавъ, гдѣ удалось и сколько удалось, займы и не дожидаясь аукціонной продажи Вонючихъ прудовъ, въ справедливомъ убѣжденіи, что не стоить этого и дожидаться, покинулъ насъ, казалось, навсегда. Разсказывали, впрочемъ, что наканунѣ своего исчезновенія онъ кутилъ со своими пріятелями, двумя извѣстными на всю Россію лошадиными барышниками, и при этомъ хвасталъ имъ, что скоро они опять его будутъ встрѣчать и опять у него куры клевать не стануть денегъ.

— Да это онъ такъ, куражился только—гдѣ ему! усмѣхался потомъ барышникъ, разсказывая про проводы. — Ъду, говорить, я отъ васъ не надолго, сердце мое предчувствуетъ, что меня тамъ счастье ждетъ.

— Да куда же онъ поѣхалъ? спрашивали мы.

— Куда? Извѣстно куда—на промыселъ какой. Здѣсь сидѣть ему нечего, а на новомъ мѣстѣ, можетъ, что и промыслить.

— Да вѣдь онъ никакого дѣла не знаетъ?

— И не нужно.

— Что ты, какъ не нужно, Господь съ тобой!

— А очень просто: въ лихн люди пойдеть—вотъ и все.
 Такъ уѣхалъ отъ насъ и этотъ герой.

Есть пословица: «на погостѣ жить—всѣхъ не оплакать». Такъ и мнѣ—всѣхъ не перечестъ. Много нашего брата помѣщика сошло на нѣтъ. Много ушло «насъ» на промыслы, и гдѣ теперь эти ушедшіе искать счастья на новыхъ мѣстахъ — одному Богу извѣстно. Встрѣчалъ я ихъ и на ярмаркахъ, и на желѣзныхъ дорогахъ, и въ гостинницахъ, за конторкой пишущихъ по диктовкѣ повара меню обѣда и счета прїѣзжающимъ; встрѣчалъ ихъ и за границей, вѣчно ждущихъ какихъ-то денегъ изъ Россіи. Чѣмъ они живутъ, на что они рассчитываютъ — Господь ихъ знаетъ. Здѣсь же я выбираю только тѣхъ, которыхъ хорошо зналъ и знаю, и притомъ самыхъ крупныхъ и типичныхъ. То, что продѣлали «на промыслахъ» эти крупные въ большомъ масштабѣ, масса мелочи продѣлала въ масштабѣ маленькомъ. Поэтому, я нахожу нужнымъ взять для этого же очерка еще одного героя, только прогремѣвшего и у насъ въ глуши, и здѣсь, въ Петербургѣ... Новаго слова міру онъ, какъ и всѣ они, конечно, не сказалъ и съ этой стороны не интересенъ, но любопытенъ, какъ знаменіе времени и какъ самый крупный удачникъ на томъ промыслѣ, на которомъ искали себѣ счастья многіе изъ нашихъ, да и до сихъ поръ его ищуть...

Подъ самымъ нашимъ городомъ, такъ верстахъ въ пяти отъ него, стояла, и не такъ еще давно, очень скромная, запущенная, даже и похилившаяся усадьба, какія прежде обыкновенно бывали у помѣщиковъ, владѣвшихъ пятьюдесятью — шестьюдесятью душами. Но вокругъ этой бѣдной и похилившейся усадьбы густо и роскошно разросся огромный садъ, съ толстыми и высокими липами, кленами, плакучими березами и цѣлыми куртинами яблонь, вишенъ. Происхожденіе такихъ громадныхъ садовъ у мелкопомѣстныхъ помѣщиковъ объяснялось тѣмъ, что прежде когда-то въ этомъ гнѣздѣ жилъ крупный баринъ; по смерти его, дѣти землю и души подѣлили; каждый заново выстроился на своемъ новомъ мѣстѣ, а эта старая усадьба съ нѣсколькими десятками душъ и нѣсколькими сотнями десятинъ земли досталась теперь одному изъ наслѣдниковъ, и вотъ отъ чего такая непропорціонность. Въ усадьбѣ, о которой идетъ рѣчь, жилъ именно такой мелкопомѣстный баринъ Михайлъ Михайловичъ Полѣнинъ. Какъ сталъ я себя помнить — помню и его исправникомъ. Это былъ типъ тогдашнихъ исправниковъ. По первому зову помѣ-

щива онъ летѣлъ къ нему въ имѣніе и «усмирялъ». Обыкновенно эти усмиренія состояли въ томъ, что Михаль Михайлычъ, въ тарантасѣ съ колокольчикомъ, бубенчиками, съ разсылнымъ на козлахъ, какъ угорѣлый подвѣтывалъ въ дому, сажень за двадцать еще крича во все горло съ побагровѣвшимъ лицомъ:— подайте мнѣ «его» сюда!.. «его» «подавали», Михайлъ Михайлычъ, ничего не спрашивая, ничего не узнавая, съ ужаснымъ сквернословіемъ накидывался на виновника своего безпокойства, вышибалъ ему нѣсколько зубовъ, въ кровь разбивалъ носъ и самъ чуть не за-мертво падалъ тутъ же. Затѣмъ, разсылный, при помощи лакеевъ, вносилъ его въ кабинетъ, ставилъ ему куда-то горчишникъ, надѣвалъ чистое бѣлье, и черезъ полчаса, Михайлъ Михайлычъ уже совершенно спокойно сидѣлъ и пилъ чай съ лимономъ, немилосердно дымя трубкой. Въ то блаженное время такая собачья способность по заказу приходитъ въ ярость и уродовать человѣка, ни за что ни про что, и притомъ человѣка, котораго иногда прежде и въ глаза не видывалъ — была присуща почти всѣмъ опытнымъ исправникамъ и на выборахъ (исправники тогда были выбранные дворянами) цѣнилась особенно высоко. Оттого его и выбирали постоянно, безъ перерыва, вплоть до самой его смерти. Но внѣ этой способности и дѣятельности, онъ былъ очень добрый человѣкъ и до тошноты радушный хозяинъ. Хотя въ то время исправники съ помѣщиковъ, кромѣ исключительныхъ и рѣдкихъ случаевъ, взятокъ не брали, вполне довольствуясь данью съ откупщика, государственныхъ крестьянъ, раскольниковъ и приношеніями «гражданъ», т. е. мѣщанъ и купцовъ, но, и несмотря на это, они жили на широкую ногу. Такая осетрина, такая селянка и такая игра, какъ у исправника, подавались, кромѣ предводителя, только у откупщика, городничаго да у городского головы... Такихъ же точно нравовъ и взглядовъ, разумѣется, держался и Михайлъ Михайлычъ. Оттого у него въ «Жеребачьемъ» — такъ называлось его имѣніе — постоянно была, что называется, не отолченная труба: туда съѣзжались и въ карты играть, и удивительную игру ѣсть, и удивительныя наливки пить, и любоваться, наконецъ, удивительной красотою мелкопсовыхъ борзыхъ все той же излюбленной смругой масти. Въ такой обстановкѣ родились и лѣтъ до десяти, до двѣнадцати прожили двое дѣтей его — дочь Лиза и сынъ Костя, когда, въ одно очень скверное осеннее утро, въ Жеребачье привезли въ тарантасѣ мертваго Михаила Михайловича.

— Да, такого другого исправника у насъ ужъ не будетъ, говорили «мы» потомъ, вспоминая его. — Какъ это, онъ только показался еще за садомъ, гляжу, ужъ стоитъ въ таранта-

съ и ореть: — «Подайте мнѣ его! Подайте!» Увидалъ Андрушку, выскочилъ, «влипъ» въ него и до того «зарьялъ», что даже и не ударилъ ни разу, такъ и подохъ на немъ. Ставили и горчишники, и кровь пускали—ничего не помогло. Рассыльный обмылъ это его, перемѣнилъ на немъ ужъ на мертвомъ бѣлье, подождали, пока окостенѣлъ, и отправили въ Жеребачье.

Произошло это печальное событіе года за два до 19-го февраля, и хотя до сихъ поръ у насъ исправники все хорошіе, но совершенно въ иномъ жанрѣ, и другого такого, дѣйствительно, ужъ больше не было.

Тутъ какъ-то скоро Костю опредѣлили, за заслуги отца, на казенный счетъ въ корпусъ, а Лиза осталась при матери въ деревнѣ. Каждое лѣто этотъ Костя являлся на каникулы и былъ такой чистенькій, акуратный, ласковый ко всѣмъ, даже ужъ слишкомъ иногда. Видалъ и я его, разумѣется, и мнѣ тогда и въ голову не приходило, что передо мной — будущая знаменитость. Потомъ я его какъ-то потерялъ изъ виду и встрѣтилъ ужъ офицеромъ, въ формѣ какого-то армейскаго гусарскаго полка. Такой же ласковый, чистенькій, «искательный»; на губахъ усики пробиваются; на цѣпочкѣ брелоки, медальончики. Помню, еще въ это время я получилъ отъ него какое-то письмо, и меня поразило его почеркъ—совершенно женскій. Повертѣлся тутъ у насъ онъ что-то около мѣсяца, поплясалъ кой у кого на именинахъ, влюбился въ какую-то Соничку или Катеньку—и пропалъ опять.

Года черезъ три послѣ этого его пріѣзда, съ Лизой разыгралась буквально такая же точно драма, какая рассказана Тургеневымъ въ «Дворянскомъ гнѣздѣ». Точно вотъ она сговорила въ продѣлать шагъ за шагомъ все то, что продѣлала *та* Лиза съ *тѣмъ* Лаврецкимъ. Вся разница была только въ томъ, что здѣсь обѣ—и мать, и дочь—пошли въ монастырь. Развязка этого живого романа случилась поздней осенью, а по первопутью къ намъ пріѣхалъ ужъ Костя, и однимъ отставнымъ штабсъ-ротмистромъ у насъ стало больше. Извѣстно, каждый хоть немного наблюдательный человѣкъ сейчасъ узнаетъ военнаго, недавно надѣвшаго штатское платье. Всегда оно какъ-то особенно и сшито, и сидитъ на немъ: не то узко оно ему, не то не привыкъ онъ что-ли, только видно, что человѣку въ немъ не ловко, оттого онъ и какой-то самъ не ловкій, и руки—то не знаетъ куда ихъ дѣвать, то ужъ очень развязно, ухарски съ ними распоряжается. Непріятно смотрѣть! У Кости же ко всему этому еще цѣпочки, колечки, брелоки, благовоніе отъ головы и платка — и, когда первый разъ я увидалъ его въ этотъ пріѣздъ, онъ мнѣ показался ужасно хаховатымъ. А тутъ еще эта непріятная его ласковость...

Но все это мнѣ, должно быть, только такъ показалось, а на дѣлѣ этого не было, потому что всѣ за нимъ уваживали, такъ всѣ сочувствовали «его несчастію...» И въ немъ—столько покорности судьбѣ, столько послушанія, столько желанія выслушать отъ всѣхъ совѣты и замѣчанія. Всѣ маменьки и тетеньки считали его примѣрнымъ сыномъ и молодымъ человекомъ, котораго Богъ знаетъ за что постигло «такое несчастіе».

— Это ужасно! Онъ еще почти мальчигъ и такой скандалъ въ семействѣ...

Сестру обвиняли, вѣжета, даже и въ томъ, что она «зарѣзала» «своимъ поведеніемъ» его карьеру. Все это или говорилось ему почти, въ глаза, или доходило до него, и онъ молчалъ.

— Какъ же вы думаете, Костя (половина «насъ», помѣщиковъ, и почти всѣ дамы и дѣвицы говорили ему «Костя»), поступить съ Жеребичимъ? Вѣдь «онѣ» обѣ въ монастырѣ, стало быть ихъ части...

— Право, я ничего не знаю. Вы какъ посоветуете?

И совѣты такъ и лились. А онъ ихъ все слушалъ, слушалъ, раза два съѣздивъ въ монастырѣ къ сестрѣ и матери, и въ одно прекрасное или ужасное утро только мы узнали, что Жеребиче Костя продаетъ Сладкопѣвцеву и при томъ на какихъ-то необыкновенно хитрыхъ и сложныхъ условіяхъ. Разумѣется, мы всѣ его жалѣли и рѣшили, что это еще одна, новая жертва этого «проклятаго пауза».

— Чтожъ вы думаете дѣлать, Костя? Опять на службу?

— Опять. Въ Жеребичемъ мнѣ все такъ напоминаетъ...

— Смотрите, Костя, будьте осторожны съ деньгами. Вы еще такъ молоды, васъ, при вашей добротѣ, такъ легко обмануть.

Наконецъ, эта продажа совершилась. «Наличныхъ» Костѣ осталось очень немного. Покойный Михаилъ Михайловичъ, не смотря на свои «обильные» доходы, со всѣхъ сторонъ къ нему притекавшіе, постоянно нуждался въ деньгахъ. Оттого Жеребиче было, разумѣется, заложено въ опекуномъ и, кромѣ того, были и такъ частные долгишки, которые какимъ-то образомъ вдругъ всѣ очутились въ рукахъ у Сладкопѣвцева, и онъ «слѣдуемая суммы полностію удержалъ». Такъ что всего на всего Костя «выручилъ» тысячки четыре или пять. Правда, онъ, какъ оказалось потомъ, далъ матери и сестрѣ что-то около 25 руб. на ихъ долю, но во всякомъ случаѣ, для молодого человека изъ гусаръ что же за деньги и пять тысячъ?..

Но Костя, какъ будетъ это видно дальше, оказался «мальчикомъ» серьезнымъ и сумѣлъ нетолько сохранить свой «капи-

талъ», но и значительно его преумножить, мимоходомъ приобрѣтая себѣ еще и всероссійскую славу...

Все это, однако, оказалось ужь позже; теперь же мы проводили Костю «на службу» съ самыми сердечными пожеланіями успѣха и съ грустнымъ предчувствіемъ, что «бѣднаго мальчика» непремѣнно оберутъ.

— Прощайте, Костя, пишите намъ. Вы знаете, какъ васъ всѣ полюбили.

Костя цѣловался съ мужчинами, у дамъ и дѣвицъ цѣловалъ ручки и хотя не плавалъ, но за то такъ сжималъ брови и прикусывалъ себѣ нижнюю губу, что казалось вотъ-вотъ у него брызнуть слезы. Почти у всѣхъ «насъ» онъ былъ съ прощальнымъ визитомъ: у кого обѣдалъ, у кого прогостилъ цѣлыя сутки, у кого хотя на минутку, но все-таки побывалъ. Наконецъ, кончился и этотъ объѣздъ, и прощанія, и Костя закатился.

— Да, ужасна его судьба! Мальчикъ—и одинъ. Это хуже, кажется, сироты, рѣшили наши дамы.

— Теперь выучится, съ деньгами-то, въ карты играть, такъ товарищи поразберутъ въ займы... Конечно, молодой человекъ безъ поддержки... Такъ рѣшили «мы».

Прошло около полугода. Отъ Кости ни строчки. По правдѣ сказать, и «мы» мало-по-малу тоже забыли его. Вдругъ Семенъ Филиппчъ—есть у насъ такой сосѣдъ—прочиталъ въ «Инвалидѣ», что Полѣнинъ Константинъ переводится въ гвардію, въ такой-то полкъ, и по своему обыменовенію началъ ѣздить съ этой новостью отъ одного къ другому, всюду показывая номеръ «Инвалида» (Семенъ Филиповичъ ужасно вретъ, ему никто не вѣритъ, и потому онъ всегда ѣздитъ съ вещественными доказательствами).

— Ну, вотъ и выпло по нашему. «Мальчикъ» не утерпѣлъ, захотѣлось пофрантить въ столицѣ, и теперь пропадетъ, запутается въ долгахъ. Развѣ можно безъ средствъ служить въ гвардіи?..

Такъ посудили, порядили мы о Костѣ и, разумѣется, опять забыли: у всѣхъ и своего горя въ то время было вдоволь, хоть отбавляй. Да и то сказать: развѣ одинъ Костя былъ хорошей человекъ? Ихъ, этихъ «хорошихъ», тогда «пропадало» страхъ что. То и дѣло, бывало, слышишь: тотъ «пропалъ», другой пропалъ, т. е. они и не сбѣгали отъ насъ, тутъ же, горькіе, шатались, лишенные своихъ «владѣній», но все-таки, какъ помѣщички, «пропали»... Это время, т. е. лѣтъ семь, восемь назадъ, было для насъ особенно трудно. Теперь рѣже «пропадаютъ» помѣщички. Кто уцѣлѣлъ — пообдержались, такъ сказать, изловчи-

лись, насобачились, за всякую штуку берутся, ну, и держатся кое-какъ; все же, что было по слабѣе, по «душевиѣе»—это все «пропало».

Прошло года два, три. Ни о братьяхъ Свистовыхъ, ни о Сольдеревскомъ, ни о Полѣнинѣ — ни слуху, ни духу. Пропали они у насъ всѣ четверо почти-что, можно сказать, разомъ и, по странной игрѣ случая, разомъ же обо всѣхъ четверыхъ долетѣли до насъ слухи, и одинъ за другимъ появились они между нами, блеснули и опять закатились.

Была глубокая осень, холодная, сухая, до того сухая, что сентябрьская грязь теперь высохла отъ морозовъ и потрескалась; голыя, не прикрытыя снѣгомъ зелени казались такими тощими, жалкими, вывѣтрѣвшими.

— Если скоро снѣгу не будетъ—бѣда!..

Но снѣгу все-таки не было, и къ общему тяжелому настроенію прибавились еще опасенія за будущій урожай. И вотъ скучные, убитые, мы, какъ сурки, забились въ свои норы и сидѣли въ нихъ. Это было лѣтъ семь, восемь назадъ. Въ это время ужъ почти всѣ «мы» выучились выписывать и читать журналы и газеты. Читали мы ихъ, да и теперь читаемъ такъ, какъ въ столицахъ никто ихъ не читаетъ. Въ Москвѣ и въ Петербургѣ газеты и журналы не читаютъ, а «пробѣгаютъ»; въ деревнѣ, особенно осенью и зимою, ихъ чуть не учатъ наизусть. Такъ ихъ у насъ всѣ читаютъ, такъ читалъ ихъ и я въ ту пору. И вотъ въ одинъ изъ такихъ невеселыхъ дней, на послѣдней страницѣ газеты, просматривая, т. е. правильнѣе, прочитывая объявленія, я наткнулся на знакомую фамилію. Объявленіе было отъ полтавско-астраханской или ужъ Богъ ее тамъ знаетъ отъ какой дороги, и подъ нимъ подпись: директоръ Н. Свистовъ.

— Свистовъ... неужели это нашъ? Вѣдь для того, чтобы быть директоромъ, надо быть или крупнымъ акціонеромъ, т. е. быть богатымъ человекомъ, или если акціонеромъ не крупнымъ, то ужъ опытнымъ, прагматикомъ, дѣльцомъ... Ни тѣмъ, ни другимъ нашъ Николай Николаевичъ Свистовъ быть, казалось, не могъ. Должно быть, это не тотъ, какой-нибудь другой, его однофамилецъ...

Понятно, это объявленіе прочиталъ и удивился не я одинъ, а всѣ у насъ удивились ему, и всѣ въ одинъ голосъ рѣшили, что это какой-нибудь другой.

— А можетъ и тотъ?..

— Да гдѣ-жь это можетъ быть?

— А почему знать—все бываетъ, особенно въ Петербургѣ: на насъ только говорятъ, что всѣ чудеса лишь у насъ, а тамъ дѣла дѣлаются еще почище нашего...

Но это высказывалъ отъявленный скептикъ, человѣкъ, который прямо отвергалъ ужь здравый смыслъ... Тѣмъ не менѣе, однажды, онъ оказался правъ. Вскорѣ появилось другое объявленіе—протоколъ акціонернаго собранія, гдѣ было уже прямо сказано, что за выбытіемъ директора, по очереди, согласно такому-то § устава, была произведена баллотировка, и на мѣсто выбывающаго члена правленія Николая Николаевича Свистова избирается большинствомъ такихъ-то голосовъ Николай Николаевичъ Свистовъ, т. е. онъ же, значить, опять.

— Да, помилуйте, откуда же у него акціи?

— А можетъ быть 200,000 выигралъ.

— Да, вотъ это развѣ...

Такъ разсуждали мы, положимъ, сегодня, а завтра намъ пришлось воочию ужь убѣдиться, что нашъ именно Николай Николаевичъ Свистовъ, а не какой-нибудь другой, и есть тотъ самый директоръ, который «пронечатанъ» въ объявленіи полтавско-астраханской—или какая она тамъ—дороги.

Единственное развлеченіе въ такую глухую осень—охота. Понятно, теперь «мы» охотимся ужь не съ борзыми и гончими, а съ ружьемъ: это поскромнѣе, да и моціонъ... Пошелъ пѣшечкомъ и я съ однимъ моимъ сосѣдомъ побродить по зеленымъ да по кустивамъ зайчиковъ поискать. Дальше да дальше, и ушли верстъ за пять отъ дома; устали, захотѣлось отдохнуть, закусить.

— А знаете, не зайти-ли на станцію?

Теперь, благодаря земству, какъ я ужь разсказывалъ въ одномъ изъ прошлыхъ очерковъ, у насъ вся губернія, какъ сѣткой, покрыта желѣзными дорогами и, кромѣ удобства сообщенія, онѣ, эти дороги, еще тѣмъ намъ милы и любезны, что теперь у насъ вся степь, вмѣсто распаханнаго ковылю, блеститъ трактирами-клубами, т. е. станціями. Можно сказать, что это неопѣненное приобрѣтеніе. Не будь станцій, мы, кажется, померли бы со скуки. Такъ и теперь мой сосѣдъ, конечно, съ великимъ удовольствіемъ согласился зайти.

— И почту кстати сами получимъ—посылать не нужно будетъ.

— Разумѣется!

Т. ССЛІ. — Отд. I.

Пришли, закусили, выпили.

— А что же, спрашиваемъ начальника станціи: — почта получена?

— Нѣтъ, говорятъ:—почтовый поѣздъ задержали на той станціи на два часа, чтобы дать пройти экстренному.

— Развѣ ѣдетъ кто изъ...?

— Нѣтъ, коммиссія ѣдетъ открывать (онъ назвалъ какую-то дорогу). Теперь хорошо открывать: все замерзло, ничего не разберешь—всѣ строители наравятъ сдавать дороги осенью.

— А кто строитель?

— Утробинъ. Онъ тоже въ поѣздѣ. Черезъ полчаса они тутъ будутъ. Посмотрите, свита какая съ нимъ!

Дѣйствительно, минутъ черезъ двадцать къ станціи подошелъ поѣздъ, всего пять-шесть вагоновъ, но за то всѣ перваго класса. Начальникъ станціи и всѣ служащіе какъ-то съежились, уменьшились въ своемъ ростѣ, и такъ и замерли, гдѣ кто стоялъ. Но вотъ дверки вагоновъ отворились, и изъ нихъ одинъ за другимъ начали выходить наши инженерные тузы и знаменитости, почти всѣ съ широкими погонами. Все такія довольныя, здоровыя лица—сейчасъ видно, что люди работаютъ на чистомъ воздухѣ и работа не изнуряетъ ихъ до истощенія. Между ними нѣсколько штатскихъ, тоже, очевидно, работающихъ на чистомъ воздухѣ, потому что и у нихъ не менѣе, если не болѣе здоровыя и довольныя лица... Одинъ изъ нихъ, весь въ соболяхъ и бобрахъ, подошелъ къ начальнику станціи и громко на столбе, что я могъ слышать шаговъ за двадцать, сказалъ ему:

— Пожалуйста, потише чтобъ было. Звонковъ не нужно. Иона Титычъ сейчасъ только заснулъ. Онъ вотъ въ этомъ вагонѣ спать.

— Смотрите, вѣдь это нашъ Свистовъ! чуть не во все горло вскрикнулъ мой сосѣдъ, такъ что баринъ въ бобрахъ и соболяхъ быстро обернулся въ нашу сторону, посмотрѣлъ на насъ, очевидно узналъ, распустилъ улыбку и пошелъ къ намъ на встрѣчу:

— Вотъ не ожидалъ кого встрѣтить! Ну, какъ живете-можете?

— Нечего говорить, какое ужъ наше житье...

— Трудно?

— И не говорите. А вы какъ поживаете? Цвѣтете...

Свистовъ, дѣйствительно, былъ цвѣтушъ; только одутловатость на щекахъ и подъ глазами да воспаленный цвѣтъ кожи намекали какъ бы на то, что, кромѣ чистаго воздуха, этотъ излишекъ здоровья происходитъ и отъ нѣкотораго знакомства съ «крѣпкими спиртными...»

— Ничего, я устроился у Утробина. Жить можно.

— Директорствуете. Мы читали....

— Что такое? Гдѣ? Про меня?..

— Какъ же! Читали, что васъ второй разъ выбрали въ полтавско-астраханской дорогѣ.

— А-а... протянулъ онъ покойнѣе:—а я думалъ, пасквиль какой на меня вы читали въ газетахъ. Нынче это того и гляди. Чуть не заплатилъ деньги или забылъ, въ какую газету объявлений послать — ну и жди, что напечатаютъ мерзость. Ужасная продажность!.. Ну, да чертъ съ ними! Вы лучше скажите, какъ вы вотъ поживаете? Что Подзугольниковы, Сладкогѣвцевы?

— Всѣ цѣлы. Жрутъ насъ.

— Да, теперь ихъ царство... Бываете въ «Большихъ собачьихъ хвостахъ»? Вѣдь это тутъ гдѣ-то недалеко, въ какую это сторону будетъ? спросилъ онъ, взглядываясь въ даль.

Я указалъ ему.

— Бываете?

— Да, проѣздомъ иногда.

— А что Сусанна? спросилъ мой сосѣдъ.

— Сусанна? Цѣла. Я продалъ ее Утробину. Теперь она у него въ кабинетѣ виситъ. Влюбился въ нее. Жена его только терпѣть ее не можетъ—все сплевываетъ, какъ увидитъ...

Между тѣмъ, инженеры и вся честная компанія опять одинъ за другимъ начали собираться въ вагоны.

— Ну, прощайте, господа, и мнѣ пора: сейчасъ поѣздъ пойдетъ.

— Прощайте. Всякаго вамъ успѣха.

— Будете въ Петербургѣ, во мнѣ милости прошу.

— Непремѣнно. Разумѣется.

Въ это время одинъ изъ тузовъ-инженеровъ—видно, наскучило ему жчать—закричалъ, чтобы давали звонокъ для отхода поѣзда, и сторожъ пошелъ къ колоколу. Свистовъ услышалъ это и такъ и встрепенулся. Стой! стой! замахалъ онъ руками и чуть не рысью побѣжалъ останавливать.

— Вотъ ты разбуди мнѣ ея!

Мы невольно переглянулись съ сосѣдомъ.

— Однако, онъ ихъ всѣхъ, кажется, крѣпко въ рукахъ держитъ, невольно думалось при этомъ, глядя, какъ всѣ на ципочкахъ ходили мимо оконъ его вагона.

Поѣздъ, дѣйствительно, тронулся безъ звонка. Изъ окна еще разъ показалась намъ кивающая голова Свистова и скрылась.

— Да, этотъ «не пропалъ».

*

— Любопытно, какъ это онъ втерся.

Но объ этомъ я узналъ позже, почти черезъ годъ, и объ этомъ у насъ рѣчь еще впереди.

Какъ-то въ эту же зиму мнѣ нужно было прожить около недѣли въ нашемъ уѣздномъ городѣ. Зимой въ деревнѣ, конечно, мертвая тишина и скука; но, по моему, все-таки веселѣй, чѣмъ въ уѣздномъ городѣ. Тамъ можно хоть читать, думать — никто не мѣшаетъ; въ уѣздномъ же городѣ и этого удобства нѣтъ. Поэтому, всякій разъ, когда мнѣ приходится жить въ нашемъ городѣ и чего-нибудь или кого-нибудь дожидаться, я по цѣлымъ днямъ сижу на конюшняхъ то у одного, то у другого барышника. Тутъ хоть налюбуйшься, насмотришься всласть на дѣйствительно великолѣпныхъ лошадей. Такъ было, разумѣется, и въ этотъ разъ. Пересмотрѣлъ я у одного барышника лошадей съ полсотни, потомлевали мы объ нихъ, поспорили.

— А вотъ теперь я вамъ покажу парочку, которую къ праздникамъ надо будетъ въ Петербургъ отправить.

Вывели пару превосходныхъ каравовыхъ жеребцовъ, вершковъ пяти, длинные, правильные—заглядѣнье!

— Цѣна?

— Четыре тысячи.

Мы обошли ихъ кругомъ еще разъ, внимательно осматривая. Лошади были, дѣйствительно, безукоризненно хороши и этихъ денегъ стоили.

— Продешевиль...

— Да. Въ Петербургѣ за такую пару сейчасъ дадутъ шесть тысячъ.

— Нельзя было не уступить: вѣдь землячку проданы.

— Кому?

— Дмитрія Васильевича Сольдеревского помните?

— Ну?!..

— Ему-съ.

— Да деньги-то у него откуда же?

— А ужъ это хитрое дѣло. Былъ это я недѣли двѣ въ Петербургѣ, тоже водилъ лошадей, и повстрѣчалъ «ихъ» на улицѣ. Сейчасъ узналъ меня, посадилъ съ собой въ санки и привезъ къ себѣ. Живетъ царемъ. Однихъ лавеевъ, ваяется, и не сосчитать. Квартира—двадцать комнатъ. По коврамъ не знаешь какъ и ступить. А самъ все такой же ласковой, какъ и былъ. Я, говорить,

сказалъ вамъ, когда уѣзжалъ на промыселъ, что не пропаду— видишь, пропалъ развѣ?.. Какъ же-съ, живутъ — слава Богу, и прежде такъ не жили...

— Да чѣмъ же онъ живетъ?

— А ужь это «ихъ» дѣло. Говорю вамъ: хитрость одна.

— Хитрость! Да развѣ хитростью можно жить?

— А вотъ живутъ же — стало быть, можно.

— Можеть, въ карты играетъ.

— Ни, Боже мой—въ руки картъ и прежде не бралъ, и теперь не беретъ. Говорю: хитростью.

Чортъ знаетъ чтѣ... Какъ это хитростью жить? Я ничего не могъ понять. Продолжалъ спрашивать, и чѣмъ дальше, все туманнѣе.

— Корабли покупаетъ.... мѣдъ продаетъ...

— Какъ корабли?

— А очень просто. Обрекутъ какой корабль на продажу, онъ его сейчасъ и купитъ, разберетъ весь по косточкамъ и продаетъ, а барышъ себѣ въ карманчикъ положить... Мѣдью тоже «занимаются»... Покупаютъ «старую» мѣдъ и потомъ англичанину и продаютъ ее. Намъ не продадутъ, а имъ сейчасъ продадутъ, потому, они во всякое время и во всякое мѣсто вхожи...

— Молодецы!

— А все черезъ кого? продолжалъ барышникъ: — все черезъ прелесть свою. Посмотрѣлъ это я на нихъ—красота да и только. Не въ обиду сравненіе—жеребецъ какъ есть. И смѣхъ «у нихъ» такой пріятный, лошадиный совсѣмъ... А женскій полъ это обожаетъ больше всего, заключилъ мой собесѣдникъ.

— Что-жь онъ, значить, на содержаніи что-ль?

— Нѣтъ-съ. «Они» только черезъ эту мадаму себѣ ходы всякіе пооткрывали. Какъ какое дѣло «хорошее» гдѣ наклеивается по этому вѣдомству, такъ «они» сейчасъ тутъ какъ тутъ, ужь и караулятъ его. Потомъ цапъ — и въ карманчикъ... Барышникъ показалъ, какъ Сольдеревскій дѣлаетъ этотъ «цапъ» и потомъ попавшееся кладезь въ «карманчикъ»...

— Хорошее дѣло...

— Т. е. такое себѣ счастье нашли, что и рассказать невозможно. Другой разъ прихожу къ нимъ, а ихъ нѣтъ дома — я и разговорился, пока дожидался, съ ихъ камердинеромъ—онъ тоже здѣшній, нашей же губерніи.—У насъ, говорить, три такихъ мадамы, и что хочеть баринъ, все онѣ для него сдѣлаютъ. Если иная какая передъ нами провинится, не велитъ пускать, пока своего проступка не исправитъ. Такъ ужь она изъ шкуры вы-

лѣзеть, а устроить ему что нужно... Одну я видѣль, при мнѣ пріѣхала.

— Старуха?

— Нѣтъ, старушка—это другая. Я которую видѣль—такъ среднихъ лѣтъ, высокая, изъ себя полная, глаза на выкатѣ... «Они» въ голубомъ халатѣ сидѣли и чай еушали, какъ она пріѣхала, и я съ ними сидѣль. Вижу ужь въ чемъ дѣло и хотѣль уйти, а они съ ней по-французски говорятъ да увидали, что я за шапку взялся, засмѣялись:—Сиди, говорятъ, ты не то подумалъ... А ужь я все вижу, куда она наровить-то... Эй, ты, Ванюшка, обратился онъ къ конюху, выведившему намъ какую-то лошадь:—отчего хвостикъ-то не заточилъ? Эхъ, горе съ вами! Пошолъ заключи. Развѣ такъ выводять! А Константина Михайлыча Полѣнина изволите помнить?

— Ну?

— И «ихъ» тоже видѣль...

— Ну, а этотъ что-жь?

— Тоже-съ и они въ люди вышли...

— Тоже? И этотъ, значить, тѣмъ же промысляетъ?

— Нѣтъ-съ, «эти» на другомъ промыслѣ.

— На какомъ же на другомъ?

— А ужь я и самъ, признаться, хорошо ничего не могъ понять. Придумали «они» новую какую-то игру и такъ въ нее играютъ, что супротивъ нихъ никто устоять не можетъ.

— Ну, шуллеръ, значить.

— Нѣтъ-съ, это не въ карты. Говорю вамъ, новая какая-то игра. Весь городъ къ нимъ стѣзжается, «они» играютъ и за то деньги получаютъ. Тоже живутъ, говорятъ, по царски. Квартира не квартира, лошади не лошади.

Что бы это такое было? думалъ я и, разумѣется, не могъ догадаться.

— Онъ въ офицерскомъ платьѣ? спросилъ я.

— Какъ же-съ, офицеромъ.

Это ужь совсѣмъ меня сбilo съ толку: Костя, Костя, что это ты, голубчикъ, измыслилъ? раздумывалъ я и никакого объясненія не могъ прибрать... А ларчикъ, какъ мы увидимъ дальше, отерывался, по обыкновенію, просто.

Въ эту же зиму кое-что мы услышали и узнали и про четвертаго героя—Федора Николаича Свистова. Тоже, прочитывая «на-

сквозь» какую-то газету, я наткнулся въ публикаціи одного книжнаго магазина на страннаго названія книги: о *титани* стрѣлковыхъ ротъ патронами, сочиненіе (чинъ и званіе) Ѳ. Н. Свистова, и потомъ, о *титани* линейныхъ батальоновъ штыками. Сочиненіе того же автора, цѣна такая-то... Слыхалъ я, что солдаты на войнѣ иногда кормятъ, т. е. пожалуй, «питаютъ», гнилыми сухарями, но чтобы «питали» ихъ патронами и штыками... Чортъ знаетъ, что такое!..

А между тѣмъ, до насъ дошелъ какой-то сбивчивый, отдаленный слухъ о необыкновенныхъ успѣхахъ и карьерѣ автора этихъ удивительныхъ сочиненій.

Слѣдующую зиму я всю прожилъ въ Петербургѣ; понятно, встрѣтился со всѣми ими и хорошо могъ наблюдать ихъ на ихъ промыслахъ. Теперь и перейдемъ къ рассказамъ объ нихъ.

(Продолженіе впереди).

Сергій Атава.

ЗА МОНАСТЫРСКОЮ ОГРАДОЙ.

(Изъ Шамиссо).

За этими стѣнами, въ тоскѣ, всегда одна,
Я провести насильно всю молодость должна:
Меня замуровали, до срока хороня,
Живую положили въ холодный гробъ меня.

Я пѣть должна молитвы, но сердце глухо къ нимъ.
Прости меня, о Боже—мы, люди, всё грѣшимъ —
Прости и тѣхъ безумцевъ, озлобленныхъ, слѣпыхъ,
Которые виновны въ несчастіяхъ моихъ.

Здѣсь подъ тяжелымъ сводомъ нѣмѣеть каждый звукъ
И въ узкую могилу тѣснятся стѣны вокругъ —
Но въ рабствѣ только тѣло, а духъ свободный мой
Всегда паритъ на волѣ за этою тюрмой.

Мечта меня не рѣдко въ тотъ свѣтлый міръ зоветъ,
Гдѣ любящее сердце вѣсть сердцу подаетъ,
Гдѣ любить и любимы ровесницы мои...
Лишь для меня нѣтъ въ мірѣ ни ласки, ни любви.

Подругъ своихъ я вижу: долгъ матери, жены
Онѣ считаютъ счастьемъ, дѣтми окружены,
И рвусь я въ міръ прекрасный, и плачу въ тишинѣ:
Была такая-жъ доля назначена и мнѣ!

Не богача желала-бъ я мужемъ звать своимъ:
Лишь-бы меня любилъ онъ и мною былъ любимъ,
А вечеромъ, окончивъ тяжелый трудъ дневной,
Бѣжалъ въ пріютъ свой скромный, чтобъ отдохнуть со мной.

Я въ первый годъ замужства, счастливая, какъ мать,
 Могла-бъ ребенка-сына къ груди своей прижать;
 Заботъ, волненій новыхъ я-бъ испытала рядъ:
 Вѣдь счастье не дается намъ даромъ, говорить.

У дѣтской колыбели, храня ребенка сонъ,
 Ждала-бы я съ любовью, когда проснется онъ...
 Съ улыбкою рученки ты подымаешь... О, отецъ!
 Тебя достать желаетъ, нашъ ангелъ нашъ пленець...

За радостью, однако, меня и горе ждетъ:
 Отнять отъ груди нужно мнѣ сына черезъ годъ.
 Мой бѣдный мальчикъ плачетъ, и плачу я, какъ мать,
 О томъ, что такъ жестоко должна съ нимъ поступать.

Но онъ подросъ; за стулья держась, онъ ужъ встаетъ,
 Онъ, бросивши опору, шагъ дѣлаетъ впередъ,
 И падаетъ—бѣдняжка!—Но это не бѣда:
 Ребенка успокоить сумѣю я всегда.

Какъ внятно онъ лепечетъ, какъ трогаютъ меня
 И забавляютъ часто малютки болтовня
 И звуки — мама, папа!.. Глаза раскрывъ едва,
 Какъ связываетъ странно онъ первыя слова!

Ему коня съ качалкой заводимъ мы — и вотъ
 Его онъ объѣзжаетъ и шумно плѣткой бьетъ. —
 — Шалунъ, куда ты лѣзешь? Смотри! — Но баловнигъ
 Ласкается, и гнѣвъ мой проходить въ тотъ же мигъ.

Наступитъ время — въ школу, конечно, помѣщенъ,
 Хоть и шалунъ, прилежно учиться станетъ онъ;
 За каждую отмѣтку хорошую дарить
 И лакомствами буду я милого кормить.

Но ты, отецъ, будь ласковъ и не сердись, хотя
 Начнетъ лѣниться мальчикъ — вѣдь онъ еще дитя;
 Вознаградивъ насъ щедро за множество заботъ,
 Со временемъ въ наукахъ онъ всѣхъ превзойдетъ.

Мелькаюгъ годы быстро, и, утѣшая насъ,
 Изъ класса переходитъ онъ въ слѣдующій классъ;
 А вскорѣ поступаетъ и въ университетъ
 Однимъ изъ первыхъ... въ этомъ несбыточнаго нѣтъ.

Не правда-ли? Къ намъ станетъ онъ ѣздить на вакачь,
Студентъ, красавецъ!.. Боже, отецъ какъ будетъ радъ!
А я-то?.. Но каникулъ насталь послѣдній срокъ —
Лишь кончывъ курсъ, вернется онъ вновь въ нашъ городокъ...

— Письмо! Письмо! Скорѣе, читай, отецъ! — «Богъ мой,
Онъ съ докторскимъ дипломомъ слѣзшитъ теперь домой,
Съ послѣдней почтой, завтра прибудеть... Эй, жена,
Изъ погребеа бутылку дай лучшаго вина!» —

Я слышу почтальона рожокъ!.. Но это сонъ:
То въ хоръ сзываетъ всѣхъ насъ обычный, грустный звонъ.
Вѣдь здѣсь замурававши, до срока хороня,
Живую положили въ холодный гробъ меня.

Я пѣть должна молитвы, но сердце глухо къ нимъ.
Прости меня, о Боже — мы, люди, всѣ грѣшимъ —
Прости и тѣхъ безумцевъ, озлобленныхъ, слѣпыхъ,
Которые виновны въ несчастіяхъ моихъ.

Дмитрій Минаевъ.

ФРАНЦУЗСКІЕ РОМАНТИКИ.

(Историко-литературные очерки).

Викторъ Гюго.

IV.

Преобладаніе драмы въ романтической школѣ.—Взгляды на значеніе драмы и эстетическія требованія отъ нея В. Гюго.—Общая характеристика драмъ В. Гюго съ эстетической точки зрѣнія.—Раздѣленіе драмъ В. Гюго на моральныя и политическія. — Характеристика моральныхъ драмъ: *Marion-Delorme*, *Angele*, *le Roi s'amuse*, *Lucrèce Borgia*, *Marie Tudor*.—Характеристика политическихъ драмъ: *Hernani*, *Ruy Blas*, *les Burgraves*.

Извѣстно, что драма была самою любимою формою романтической школы. Можно положительно сказать, что во все продолженіе господства романтизма не было писателя въ Европѣ, который не сдѣлалъ бы попытки написать что-либо въ этой формѣ. При этомъ, не брались въ расчетъ ни характеръ таланта, ни наклонность его къ этого рода творчеству: писали драмы такіе ультра-субъективные лирики, какъ Байронъ, и олимпийскіе объективисты, какъ Гёте. Писались драмы спеціально для сцены, и спеціально для чтенія. На ряду съ такими маленькими пьесками, какъ «Скупой рыцарь» или «Моцартъ и Сальери» Пушкина, создавались въ драматической формѣ цѣлые томы, писавшіеся въ продолженіе десятилѣтій, каковы, напримѣръ, «Фаустъ» Гёте.

Это объясняется нѣсколькими причинами. Такъ, прежде всего слѣдуетъ принять въ соображеніе, что романтизмъ былъ литературнымъ возстаніемъ противъ гнета ложнаго классицизма. Въ моменты же всякаго рода переворотовъ самая выдающаяся роль принадлежитъ обыкновенно тому элементу, который подлежалъ наибольшему угнетенію при старомъ режимѣ. Безспорно же, что

ни одна поэтическая форма не испытывала таких тисковъ, какъ драматическая. Писатели всѣхъ прочихъ родовъ были подчинены однимъ внѣшне-формальнымъ условіямъ, драматурги же терпѣли иго, простирающееся на самое содержаніе ихъ пьесъ. Пресловутыя три единства мало того что стѣсняли ихъ въ выборѣ сюжетовъ, но принуждали до-нельзя коверкать самое содержаніе пьесъ. Понятно, что съ наступленіемъ романтизма ни въ одномъ литературномъ родѣ ломка старыхъ формъ не приняла такого ожесточеннаго характера, какъ въ драматическомъ. Здѣсь дѣло доходило до полной анархіи, до отрицанія, рядомъ съ угнетавшими предписаніями ложнаго классицизма, и такихъ естественныхъ условій драмы, пренебреженіе которыми дѣлало пьесу невозможною не только на сценѣ, но и въ чтеніи. Такимъ образомъ и явились драмы въ видѣ цѣлыхъ томовъ, съ дѣйствіемъ, длящимся десятки лѣтъ и безпрестанно переходящимъ изъ одной части свѣта въ другую, съ земли на небо, съ раздѣленіями вмѣсто актовъ на части, на главы, а иногда и безъ всякихъ раздѣленій и т. п.

И замѣчательно при этомъ, что ни одинъ родъ поэзіи не оспаривался классиками съ такимъ ожесточеніемъ, какъ драматическій. Когда дѣло шло о прочихъ родахъ, классики ограничивались одною литературною полемикою, а тутъ они выходили нерѣдко на арену политической борьбы, какъ мы видѣли это въ предъидущей главѣ при обзорѣни процессовъ В. Гюго.

Второю причиною преобладанія драмы было поклоненіе генію Шекспира. Только-что возстановленный изъ своего двухсотлѣтняго забвенія, возведенный на пьедесталъ міроваго генія, поставленный во главѣ романтизма, какъ первый его родоначальникъ и предвозвѣстникъ, Шекспиръ игралъ такую же роль предшественника-вдохновителя для романтиковъ, какую играли Виллефъ и Гуссъ для протестантовъ XVI вѣка или Кромвелъ и Вашингтонъ для французовъ XVIII вѣка.

Вмѣстѣ съ тѣмъ, различныя эстетическія теоріи и философскія системы, господствовавшія въ то время, въ свою очередь возводили драму въ особенный апофеозъ, можетъ быть, опять-таки не по чему иному, какъ по ея судьбѣ въ качествѣ наиболее угнетенной мученицы стараго режима. Но нее смотрѣли не просто, какъ лишь на одинъ изъ родовъ поэзіи, а какъ на высшій родъ, преобладающій надъ всѣми прочими, присущій наиболѣе зрѣлымъ цивилизаціямъ, какъ на послѣднюю фазу развитія искусства, тотъ всеобъемлющій синтезъ, въ которомъ сливаются не только всѣ роды поэзіи, но всѣ изящныя

искуства. Понятно, что для честолюбія каждаго писателя званіе драматурга представлялось въ то время тѣмъ-то въ родѣ сана фельдмаршала: возвыситься до драмы—значило сдѣлаться поэтомъ въ высшемъ смыслѣ этого слова, отъ частнаго перейти къ общему и встать вполнѣ на уровнѣ той высоты, до которой достигло искусство, создавши драму, какъ свое послѣднее слово. Ради нагляднаго представленія подобнаго культа драмы, стоитъ только вспомнить тѣ восторженные диѳирамбы, какіе расточалъ Бѣлинскій по поводу театра, въ первые года своей дѣятельности.

Кромѣ этихъ общихъ причинъ были и другія, зависящія отъ различныхъ мѣстныхъ общественныхъ условій. Такъ понятно, что по своему могучему и непосредственному дѣйствию на толпу, драма получаетъ особенное значеніе въ странахъ, гдѣ политическая жизнь сильно развита, и въ моменты наибольшаго ея напряженія. Не всегда, конечно, подобные моменты ознаменовываются появленіемъ сильныхъ драматическихъ талантовъ и процвѣтаніемъ сцены, тѣмъ не менѣе, въ какомъ бы состояніи она ни находилась, каждая партія стремится овладѣть ею и утвердиться на ней, смотря на подобное завоеваніе, какъ на одинъ изъ главныхъ шансовъ своего успѣха.

Очень понятно, что и В. Гюго, и какъ поэтъ-романтикъ, и какъ политическій дѣятель, не могъ не отдать своей дани этому роду литературы и въ продолженіи 16-ти лучшихъ лѣтъ своей жизни съ 1827 по 1843 годъ, написалъ слѣдующія девять драмъ (исключая либретто на оперу Эсмеральду, передѣланное изъ романа «Nôtre dame»): «Cromwell» (1827), «Marion Delorme» (1827) «Hernani» (1827), «Le Roi s'amuse» (1832), «Lucrece Borgia» (1833), «Marie Tudor» (1833), «Angelo» (1835), «Ruy-Blas» (1838), «Les Burgraves» (1843).

Мы уже отчасти видѣли, при обзорѣннн романтическихъ теорій В. Гюго, какъ высоко ставилъ онъ драму, раздѣляя въ этомъ отношеніи взгляды своихъ современниковъ. Драма, по его мнѣнію, принадлежитъ позднѣйшему, старческому періоду зрѣлости челоувѣчества, періоду, выразителемъ котораго представляется современная Европа, потому драма должна въ настоящее время преобладать надъ всѣми прочими родами поэзіи. «Драма, говоритъ онъ въ предисловіи къ «Кромвелю»:—есть поэзія въ полной зрѣлости. Ода и эпопея представляются лишь ея зародышами, драма же вмѣщаетъ въ себѣ и ту, и другую, и развиваетъ ихъ. Безъ сомнѣнія, тотъ, кто сказалъ, что французы лишены эпического дара, выразилъ справедливую и остроумную мысль; но еслибы онъ слово французы замѣнилъ словомъ современные люди, умная

мысль сдѣлалась бы глубокою. Между тѣмъ безспорно, что геніальная Аталія проникнута эпическимъ духомъ, столь высокимъ и, при всемъ своемъ величїи, дышалымъ такою простотою, что королевскій вѣкъ не могъ понять этой пьесы. Безспорно, что и серія шекспировскихъ хроникъ проникнута тѣмъ же эпическимъ духомъ. Но поэзія лирическая наиболѣе соотвѣтствуетъ драмѣ: она въ ней ничего не портитъ, впутываясь во всѣ ея изгибы и участвуя во всѣхъ ея образахъ, то высокихъ, каковъ Аріель, то комическихъ въ родѣ Калибана. Наша эпоха прежде всего драматическая—вслѣдствіе этого самаго, по преимуществу лирической. И это потому, что между началомъ и концомъ всегда есть нѣкоторое соотвѣтствіе. Заходъ солнца во многомъ похожъ на восходъ; старикъ дѣлается ребенкомъ. Но это второе дѣтство во многомъ отличается отъ перваго: оно въ той же степени печально, какъ то—радостно. Тоже самое можно сказать и о лирической поэзіи: сіяющая и мечтательная на зарѣ народовъ, она дѣлается мрачною и задумчивою на ихъ закатѣ. Библія начинается радостною книгою Бытія, а кончается грознымъ Апокалипсисомъ. Современная ода по прежнему вдохновенна, но въ ней нѣтъ уже прежней наивности. Она болѣе размышляетъ, чѣмъ созерцаетъ, ея грезы полны меланхолїи. По дѣтямъ этой музы можно судить, что она находится въ связи съ драмой. Для того, чтобы наглядно представить всѣ эти идеи въ живомъ образѣ, мы можемъ сравнить первобытную лирическую поэзію съ тихимъ озеромъ, отражающимъ облака и звѣзды; эпопея—это рѣка, которая, отражая въ своихъ быстрыхъ струяхъ берега, лѣса, поля и города, стремится въ океанъ драмы. Драма-же тоже отражаетъ и небеса, подобно озеру, и берега, подобно рѣкѣ, но она одна имѣетъ пропасти и бури».

Таковы были идеи В. Гюго на общее значеніе драмы въ исторїи человѣчества, взгляды, которые, еще разъ повторяемъ, принадлежали не ему одному, а были въ то время общимъ достояніемъ всей Европы. Теперь мы обратимъ вниманіе на эстетическія требованія, какія В. Гюго высказывалъ относительно этого рода поэзіи, и затѣмъ увидимъ, насколько практика у В. Гюго согласовалась съ его теорїями. Такъ въ предисловіи къ Рюи-Блазу (1838 г.) онъ между прочимъ говоритъ:

«То, что называется *публикою*, состоитъ изъ трехъ родовъ зрителей: во-первыхъ, женщинъ, во-вторыхъ, мыслителей, въ-третьихъ—толпы въ буквальномъ смыслѣ этого слова. Толпа требуетъ отъ пьесы исключительно—дѣйствія; женщины—прежде всего—страстей; мыслители—характеровъ. Для толпы—лишь бы было

много дѣйствія, она не особенно интересуется страстями и характерами; женщины, не пренебрегающія и дѣйствіемъ, въ тоже время бывають до такой степени поглощены развитіемъ страстей, что обращаютъ мало вниманія на характеры. Что же касается до мыслителей, то они имѣють такое пристрастіе къ характерамъ, т. е. къ изображенію живыхъ людей на сценѣ, что, охотно допуская развитіе страстей, какъ необходимое условіе драматическаго произведенія, они тяготятся обиліемъ дѣйствія. Это ведетъ къ тому, что толпа требуетъ отъ театра впечатлѣній, женщины—эмоцій, а мыслители—размышлений: всѣ жаждутъ удовольствія, но одни—удовольствія глазъ, другія—сердца, третьи—ума. Вслѣдствіе этого, на нашей сценѣ существуетъ три рода пьесъ совершенно различныя: одинъ — низшаго сорта, площадной, другіе два высшіе и почетныя, но всѣ три одинаково необходимы: для толпы—мелодрама, для женщинъ — трагедія, анализирующая страсти, для мыслителей — комедія, рисующая нравы.

«Каждый, кто только обратитъ серьезное вниманіе на эти три рода зрителей, пойметъ, что всѣ они имѣють свое основаніе: женщины имѣють свое основаніе желать, чтобы пьеса ихъ потрясла, мыслители—свое, чтобы пьеса ихъ наставила, не виновата и толпа, желающая, чтобы пьеса ее развлекала. Изъ этой очевидности вытекаетъ законъ драмы. Въ самомъ дѣлѣ, цѣль драмы въ томъ именно и заключается, чтобы за огненною оградою, называемою рампою и отдѣляющею дѣйствительный міръ отъ идеальнаго, создавать и заставлять жить, въ общихъ условіяхъ искусства и природы, характеры, т. е. людей; въ этихъ людяхъ, въ этихъ характерахъ поселять страсти, развивающія и объясняющія ихъ; наконецъ, изъ столкновенія этихъ характеровъ и страстей съ великими законами судьбы, выводить человѣческую жизнь, т. е. дѣйствія великія, малыя, печальныя, комическія, страшныя, которыя доставляютъ сердцу то удовольствіе, которое называется *интересомъ*, а уму тѣ уроки, которые называются *моралью*. Изъ этого явствуетъ, что драма соприкасается съ трагедіей, изображая страсти, и съ комедіей—изображая характеры. Драма есть высшій родъ искусства, вмѣщающій и дополняющій два первые рода. Корнель и Мольеръ существовали бы независимо другъ отъ друга, еслибы между ними не стоялъ Шекспиръ и не держалъ бы за правую руку Корнеля, а за лѣвую—Мольера. Однимъ словомъ, два противоположныя электрическіе полюса встрѣтились, и произошла молнія—драма».

Далѣе, В. Гюго дѣлаетъ оговорку, чтобы не подумали, что

онъ себя ставить на подобную высоту: онъ опредѣляетъ лишь свою цѣль, не то, что онъ сдѣлалъ, а что онъ хотѣлъ сдѣлать. Подобная оговорка, сдѣланная, конечно, лишь изъ авторской скромности, имѣетъ однако же для насъ глубокое значеніе: мы видимъ, что драмы В. Гюго дѣйствительно далеко не достигаютъ тѣхъ высокыхъ цѣлей, какия онъ ставитъ, въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ идутъ даже совсѣмъ въ противоположную сторону. Онѣ являются не такими, какими бы хотѣлъ видѣть ихъ авторъ, а каковыми создала ихъ жизнь, повинующаяся не отвлеченнымъ теоріямъ, а своимъ живымъ условіямъ.

Такъ, прежде всего бросается намъ въ глаза въ драмахъ В. Гюго одно весьма существенное явленіе, какое сопутствуетъ всѣ быстрые и крутые перевороты. Люди съ легкостью и рѣшительностью ломаютъ различныя внѣшнія формы устарѣвшихъ режимовъ. Но не такъ легко имъ бываетъ отдѣлаться отъ того внутренняго содержанія, которое скрывается подъ этими внѣшними формами, отъ тѣхъ привычекъ, въ которыхъ вѣками воспитывается общество. Такъ, французы, несмотря на нѣсколько своихъ революцій и вполне, повидимому, демократическій строй общества, до сихъ поръ не могутъ отдѣлаться отъ такихъ наслѣдій стараго режима, какъ централизація, пристрастіе къ громкимъ титуламъ и знакамъ отличій и т. п. Подобное же явленіе мы видимъ и въ драмахъ В. Гюго. Повидимому, онѣ стоятъ на вполне новой почвѣ, отрѣшившись отъ всѣхъ правилъ ложнаго классицизма. Нѣтъ въ нихъ ни трехъ единствъ, ни римскихъ тогъ и греческихъ хитоновъ; тѣмъ не менѣе изъ-подъ романтической оболочки на васъ вѣетъ отъ нихъ все тѣмъ же ложно-классическимъ духомъ. Такъ, подобно тому, какъ и въ ложно-классической трагедіи, вы видите въ пьесахъ В. Гюго тоже отсутствіе характеровъ, значеніе которыхъ въ драмѣ В. Гюго ставилъ, какъ мы сейчасъ видѣли, такъ высоко. Лица, парадирующія въ этихъ пьесахъ—не живые люди, рисующіеся передъ вами въ своихъ индивидуальныхъ особенностяхъ, какъ это мы видимъ у Шекспира и въ новѣйшей реальной драмѣ, а политическія и моральныя идеи, воплощенныя въ различныя историческія краски. Когда вы мысленно представляете себѣ Корделію, Офелію и Дездемону, то, несмотря на то, что эти женщины сходны между собою во многихъ душевныхъ качествахъ, вы не смѣшиваете ихъ въ одно безразличное представленіе; каждая изъ нихъ, какъ живая, стоитъ передъ вами съ своею собственною фізіономіей. Совершенно не то мы видимъ въ пьесахъ В. Гюго. Чѣмъ, напримеръ, отличается Рюи-Блазъ отъ Эрнани, отъ Дженаро, отъ

Дидье, отъ Родольфо? и проч. Единственно только тѣмъ, что одинъ—испанецъ эпохи Карла V, другой—испанецъ эпохи Филиппа IV, третій—итальянецъ временъ Цезаря Борджіа, четвертый—французъ вѣка Людовика XIII; каждый изъ нихъ, вслѣдствіе этого, одѣтъ въ особенный костюмъ и продѣлываетъ свою особенную драму. Но если переодѣтъ ихъ и поставитъ одного вмѣсто другого, вы не узнаете этой перемѣны, до такой степени всѣ они похожи другъ на друга, представляя изъ себя одинъ и тотъ же стереотипный образъ добродѣтельнаго, храбраго и самоотверженнаго *jeune premier*. Женщины же драмъ В. Гюго еще однообразнѣе и стереотипнѣе. Большинство ихъ проявляютъ все одинъ и тотъ же, въ каждой драмѣ повторяющійся мотивъ любви, доходящей до полнаго самозабвенія, а порою и пренебреженія всѣми обязанностями и интересами не только своими, но и чужими.

Представляя изъ себя не живыхъ людей, а отвлеченныя идеи, дѣйствующія лица пьесъ В. Гюго и разговариваютъ между собою, по большей части, не какъ живые люди, а въ видѣ длинныхъ, патетическихъ чувство-измѣній, что еще болѣе сближаетъ драму В. Гюго съ ложно-классической, въ которой, какъ извѣстно, лирическіе монологи и діалоги составляли главную и необходимую принадлежность, требовавшую отъ актѣровъ особеннаго рода декламаторскаго искусства.

Что касается до развитія дѣйствія въ пьесахъ В. Гюго, то здѣсь авторъ, отступая отъ классической рутинны, предписывавшей строгое единство, пересаливаетъ въ противоположную крайность: онъ пренебрегаетъ и тѣмъ элементарнымъ закономъ драмы, требующимъ, чтобы дѣйствіе драмы съ логическою и фатальною необходимостью вытекало изъ характеровъ дѣйствующихъ лицъ и драматическихъ положеній. Въ пьесахъ же В. Гюго, вмѣсто этого, мы видимъ искусственно скомбинированныя интриги, поражающія васъ на каждомъ шагѣ неожиданными случайностями и диковинными совпаденіями. Очевидно, что, посредствомъ прихотливыхъ сюжетовъ, В. Гюго мечталъ расширить кругъ зрителей, удовлетворяя вкусамъ не только избранныхъ мыслителей, но и толпы, которая, по его теоріи, ищетъ въ драмѣ интереснаго дѣйствія. Но подобнаго рода принаровленіемъ къ грубымъ вкусамъ толпы В. Гюго невольнo соприкасался съ тѣми романтистами-афферистами его времени, въ родѣ Ал. Дюма и комп., которые играли на литературной биржѣ и снискивали популярность, главнымъ образомъ, хитросплетенными сюжетами, исполненными эффектныхъ неожиданностей и фантастическихъ совпаденій невоз-

возможных обстоятельств. Такимъ путемъ В. Гюго не только не ставилъ драмы на ту высоту, о которой онъ мечталъ, а, напротивъ того, низводилъ ее на низшую степень мелодрамы. И, дѣйствительно, драмы его далеко не удовлетворяютъ истинному значенію этого слова. По всей справедливости, ихъ слѣдуетъ назвать лирическими мелодрамами.

Но въ то же время, о драмахъ В. Гюго слѣдуетъ сказать тоже самое, что и о всѣхъ прочихъ его произведеніяхъ: какъ бы ни были велики ихъ эстетическіе недостатки, всѣ они сторичею выкупаются богатствомъ внутренняго содержанія, страстной жизненностью этихъ пьесъ и глубокою связью ихъ со своимъ вѣкомъ. Въ этомъ отношеніи, эстетическіе недостатки драмъ В. Гюго не только не парализовали вліянія этихъ пьесъ на современниковъ, а, напротивъ того, усиливали его. Еслибы В. Гюго создавалъ свои драмы исключительно для тонкихъ знатоковъ по части эстетики и съ этою цѣлью избѣгалъ бы вычурныхъ и эффектныхъ сюжетовъ и длинныхъ лирическихъ монологовъ, онъ вмѣстѣ съ тѣмъ лишилъ бы себя двухъ могущественныхъ орудіи, которыми онъ дѣйствовалъ на толпу: онъ не имѣлъ бы возможности высказать съ подмостковъ сцены столько, сколько ему удалось высказать въ этихъ самыхъ монологахъ, а съ другой стороны—болѣе простые и бѣдные сюжеты, конечно, не привлекали бы таковой толпы, какъ какъ пьесы его не были бы въ той же степени популярны. Онъ былъ совершенно правъ, говоря, что толпа требуетъ мелодрамы. Онъ разсуждалъ въ этомъ отношеніи вполне, какъ демократическій писатель въ демократической странѣ, въ которой театральныя зрѣлища существуютъ не для кружка избранныхъ, какъ это было при старомъ режимѣ, а для толпы, и ей принадлежитъ рѣшающій голосъ относительно успѣха пьесъ. Очень жаль, что эта толпа не возвышается по своему вкусу до высоты знатоковъ, и очень желательно, чтобы писатели развивали ея вкусъ. Очень прискорбно, наконецъ, если иные писатели принаравливаются въ грубымъ вкусу толпы, не имѣя при этомъ никакой иной цѣли, какъ лишь снисканіе наибольшей популярности. Но совсѣмъ другое дѣло, если писатель въ данный моментъ приходится дѣлать выборъ: заботиться-ли о развитіи эстетическихъ вкусовъ толпы, или употреблять наиболѣе вѣрные и близкіе пути для проведенія своихъ излюбленныхъ идей. Какъ ни почтенны сами по себѣ различныя эстетическія требованія, но есть вещи еще болѣе почтенныя, ради которыхъ люди жертвуютъ и не одною эстетикою.

Что же касается до идейнаго содержанія пьесъ В. Гюго, со-

ставляющаго главное ихъ достоинство и значеніе, то, прежде чѣмъ мы приступимъ къ характеристикѣ ихъ съ этой стороны, мы приведемъ одну выдержку изъ «Mélanges littéraires» В. Гюго. Выдержка эта относится къ весьма раннему періоду жизни поэта, именно къ 1819 году, когда у него и въ головѣ еще не было всѣхъ тѣхъ пьесъ, которыя онъ написалъ впоследствии; а между тѣмъ, она весьма вѣрно и метко устанавливаетъ тѣ два отдѣла, на которые слѣдуетъ раздѣлять эти пьесы:

«Слѣдуетъ замѣтить, говорить В. Гюго:—что существуетъ два рода трагедій: однѣ имѣютъ дѣло съ чувствами, другія съ событіями. Въ однѣхъ—люди представляются въ ихъ отношеніяхъ между собою, установленныхъ природою; въ другихъ — въ ихъ отношеніяхъ, установленныхъ обществомъ. Въ однѣхъ интересъ сосредоточивается на развитіи одной изъ тѣхъ великихъ страстей, которымъ человекъ подчиняется, потому что онъ—человекъ, каковы: любовь, дружба, сыновья и отеческая привязанность; въ другихъ дѣло идетъ о политическихъ стремленіяхъ, клонящихся къ защитѣ или отмѣнѣ существующихъ учрежденій. Въ первомъ случаѣ личность играетъ роль, очевидно, пассивную: она не можетъ противиться внѣшнимъ влияніямъ; ревнивецъ не можетъ удержаться отъ ревности, или отецъ отъ страха за своего сына. Здѣсь дѣло идетъ не о томъ, чѣмъ возбуждены страсти, лишь бы сами онѣ были интересны; зритель здѣсь всецѣло поглощенъ тѣмъ, чего онъ боится или чего желаетъ. Во второмъ случаѣ, наоборотъ, личность играетъ роль вполне активную, она движется непреклонною волею, воля же обнаруживается не иначе, какъ въ дѣйствіяхъ. Оба эти рода трагедій можно сравнить съ чеканкою и отливкою статуй: въ первомъ случаѣ—отъ массы ничего не требуется, чтобы сдѣлаться статуей, какъ лишь подвергаться внѣшнимъ дѣйствіямъ; во второмъ же случаѣ необходимо, чтобы самъ металлъ имѣлъ способность стремиться въ форму, которую онъ долженъ наполнить. Такъ какъ всѣ трагедіи приближаются къ одному изъ этихъ типовъ, то каждая должна быть принаровняема сообразно этому: разсудочныя трагедіи должны имѣть строгій планъ, тогда какъ трагедіи сердца почти-что не нуждаются ни въ какомъ планѣ. Сравните Магомета и Сиды».

Подобное раздѣленіе драмы на два типа какъ нельзя болѣе подходитъ къ пьесамъ В. Гюго: онѣ дѣйствительно распадаются на два разряда: однѣ изъ нихъ—драмы по преимуществу моральныя, другія—политическія. Къ первому относятся—«Marion-De-lorme», «Angelo», «Le roi s'amuse», «Lucrece Borgia», «Marie-Tudor»; ко второму—«Cromwell», «Hernani», «Ruy-Blas» и «Les

Burgraves». Я далека от утверждения, чтобы в драмах первого разряда вовсе не было политического элемента, а драмы второго разряда исключали всякий моральный интерес. Тем не менее, основная идея и центр тяжести остаются для первых драм моральными, для вторых—политическими. Сначала мы займемся первыми, а потом обратим внимание на вторые.

Драмы «Marion Delorme» и «Angelo» замечательны тем, что они пробили первую брешь в той китайской стѣнѣ, которая до того времени раздѣляла такъ называемую «потерянную женщину» отъ женщины «легально-добродѣтельной». Эти драмы повлекли за собою цѣлую серію протестовъ въ пользу падшей женщины, противъ безчеловѣчія пошлой уличной морали, начиная съ «Dame aux camélias», этого законнаго чада «Marion Delorme», и кончая «Убогой и нарядной» Некрасова. Извѣстно, какъ относилась допотопная уличная мораль къ падшей женщинѣ: съ ея точки зрѣнія, между падшею женщиною и легально-добродѣтельной лежала цѣлая пропасть; съ одной стороны этой пропасти красовались всевозможныя добродѣтели: цѣломудренная чистота, кротость, безпредѣльная любовь, готовая на самопожертвованіе, съ другой—ничего не предполагалось, кромѣ безстыдства, наглости, плотоядной чувственности и хищническаго корыстолюбія, готоваго на всѣ самыя низкія средства. И вдругъ, передъ изумленною толпою, воспитанною въ духѣ подобной морали, предстала отъявленная кокетка, Марионъ Делормъ, въ видѣ героини драмы и оказалась способною не только къ горячести, чистой и беззаветной любви, но и къ самопожертвованію ради спасенія любимаго челоуѣка. Можно себѣ представить, какимъ ужасомъ должны были преисполниться при появленіи такой драмы всѣ чопорные святоши и пуристы эпохи реставраціи. Драма эта была запрещена строгою цензурою Карла X, очевидно, не за одни только совершенно мнимые политическіе намеки въ четвертомъ актѣ, а за все содержаніе и, главнымъ образомъ, за свою героиню, оскорблявшую цѣломудренную гордость сентиментальныхъ обитательницъ сен-жерменскаго предмѣстья.

А между темъ, какое бы впечатлѣніе скандала ни производила «Marion Delorme» при своемъ появленіи, не надо забывать, что она была написана въ 1827 году, когда В. Гюго только-что становился въ ряды оппозиціи и медленно, нерѣшительно, ощупью добирался еще до тѣхъ новыхъ идей, въ которыхъ утвердился въ 30-е годы. Поэтому, «Marion Delorme» сама по себѣ была не столько громкимъ протестомъ, сколько слабымъ и робкимъ намекомъ на протестъ. Настоящій протестъ на ту же

тому, рѣшительный и смѣлый, появился въ драмѣ «Angelo», написанной въ 1835 году. И дѣйствительно, если мы сравнимъ между собою обѣихъ героинь этихъ двухъ драмъ, Маріонъ Делормъ и Тизбу, то разница между ними прямо совпадаетъ съ тою разницею, какая была между В. Гюго 1827 и 1835 годовъ.

Въ лицѣ Маріонъ Делормъ авторъ протестуетъ лишь тѣмъ, что выставляетъ свою героиню не какимъ-либо скопищемъ пороковъ, а женщиною, способною къ высокой и чистой любви не менѣе любой легально-добродѣтельной особы. Но сама Маріонъ далека отъ подобнаго протеста: она относится совершенно пассивно къ тому позору, который терпитъ отъ окружающихъ людей, считаетъ его вполне заслуженнымъ, раздѣляя всѣ предразсудки уличной морали. Встрѣтивъ Дидье въ Блуа, далеко отъ шума парижской жизни, и полюбивъ его съ первой встрѣчи, она тщательно скрываетъ отъ него свое имя и положеніе. Когда это инкогнито раскрывается и Дидье осыпаетъ ее градомъ оскорбительнѣйшихъ упрековъ, она совершенно смиряется и поникаетъ головою подъ этимъ градомъ. «Дидье, говоритъ она:—я не имѣю права возражать на это ни однимъ словомъ. Я—одна изъ тѣхъ женщинъ, съ которыми не стѣсняются! Вы меня проклинали и отвергли, и прекрасно! Я сознаю, что я заслужила болѣе, чѣмъ ненависть и поруганіе. А васъ я все-таки считаю добрымъ, и мое растерзанное сердце благословляетъ васъ!»

Совершенно не такова Тизба. Она не только не смиряется передъ приговорами добродѣтельныхъ людей, но рѣшительно и смѣло бросаетъ обществу перчатку борьбы и мщенія. Такова она въ сценѣ съ женою Анжело, Катариню, когда та вдругъ неожиданно-негаданно застаетъ ее въ своей спальнѣ, по сосѣдству съ которой въ это самое время былъ спрятанъ общій ихъ любовникъ, Родольфо.

— Кто это здѣсь? восклицаетъ Катарина.

Тизба. Здѣсь? Кто здѣсь? Извольте, я вамъ сейчасъ скажу: здѣсь любовница подесты, которая держитъ въ своихъ рукахъ жену подесты.

Катарина. О небо!..

Тизба. Да, вотъ кто здѣсь, сударыня! Комедіантша, дочь театра, фиглярка, какъ вы насъ называете, и держитъ въ своихъ рукахъ, объявляю вамъ, великосвѣтскую даму, замужнюю, уважаемую, добродѣтельную! Да! Держитъ въ своихъ рукахъ, въ когтяхъ, въ зубахъ... и можетъ сдѣлать все, что ей угодно съ этой великосвѣтской дамой, высокой репутаціей, можетъ разорвать ее на части, на куски, въ лохмотья!.. А, сударыни, велико-

свѣтскія барыни, я не знаю, что изъ этого выйдетъ, но достоверно то, что одна изъ васъ подъ моими ногами, и я не выпущу ея, можете быть спокойны!.. А для нея легче было бы, чтобы молнія упала ей на голову, чѣмъ видѣть меня передъ собою!.. Однакоже, сударыня, я удивляюсь, что вы осмѣливаетесь глядѣть мнѣ въ глаза, когда у васъ здѣсь спрятанъ любовникъ!

Катарина. Послушайте...

Тизба. Спрятанъ!..

Катарина. Вы ошибаетесь!

Тизба. О, не отпирайтесь! Онъ былъ здѣсь! Посмотрите, по кресламъ видно, гдѣ вы сидѣли! Вы хоть бы позаботились привести ихъ въ порядокъ! О чемъ же вы безъдумали? Тысяча нѣжныхъ словъ, сладкихъ любезностей, не правда-ли? Я тебя люблю! Я тебя обожаю! я твоя!.. А! не дотрогивайтесь до меня, сударыня!..

Катарина. Я не могу понять...

Тизба. Не далеко вы отъ насъ отошли, барыни!.. То, что мы говоримъ мужчинѣ громко и при всѣхъ, вы ему лепечете воровски, ночью. Вся разница въ часахъ! Мы у васъ отбиваемъ мужей, вы у насъ отбиваете любовниковъ! Это—борьба. Ну что-жь, отлично, будемъ бороться! О, фальшивыя женщины, какія вы притворщицы, лицемѣрки, измѣнницы подъ маскою поддѣльныхъ добродѣтелей! Нѣтъ, чортъ возьми, вы насъ не стѣдите! Мы никого не обманываемъ! Вы надуваете весь свѣтъ, обманываете своихъ родныхъ, обманываете мужей, провели бы и самого Бога, еслибы могъ!.. О добродѣтельныя дамы, проходящія по улицамъ подъ вуалями!.. Онѣ идутъ въ церковь! Сторонитесь, кланяйтесь, падайте ницъ!.. О нѣтъ, не сторонитесь, не кланяйтесь, не падайте, идите прямо на нихъ, срывайте съ нихъ вуали, подъ вуалями вы найдете маски, срывайте маски, подъ масками—живыя уста!.. О, мнѣ это все равно, я—любовница подесты, а вы—его жена, и я хочу васъ погубить!..

По первому впечатлѣнiю, читатель-моралистъ, конечно, отдастъ предпочтенiе Марiонъ передъ Тизбою: тамъ кротость, смиренiе и сокрушенное сознание своей виновности, здѣсь же, напротивъ того, строптивая нераскаянность и дерзкая похвальба своею порочностью! Но концы драмъ способны поставить совершенно въ тупикъ каждаго моралиста. Обѣ героини кончаютъ одинаково—самоотверженiемъ, но самоотверженiе Марiонъ не стѣдитъ и мѣднаго гроша передъ самоотверженiемъ Тизбы. Самоотверженiе Марiонъ носить вполнѣ эгонистическiй характеръ, на сколько только соединимы эти два противоположныя понятiя: Марiонъ спасаетъ

Дидье тѣмъ же средствомъ, какимъ наживала она богатства, т. е. жертвою своего тѣла, и спасаетъ его столько же для себя, сколько для него самого. Только въ послѣднюю минуту, когда Дидье рѣшительно отвергаетъ спасеніе, купленное подобно цѣноу, она умоляетъ его убить ее и все-таки спастись, хотя бы перешагнувъ черезъ ея трупъ. Совершенно не таково самоотверженіе Тизбы: та самая дерзкая куртизанка, которая осмѣиваетъ такъ жестоко свою добродѣтельную соперницу и грозитъ погубить ее, въ концѣ-концовъ великодушно спасаетъ и ее, и своего невѣрнаго любовника и, устроивши ихъ счастье, умираетъ на ихъ рукахъ, пораженная кинжаломъ Родольфа, вмѣсто благодарности за свой высокій подвигъ. Впрочемъ, этотъ ударъ кинжала совершенно излишенъ, ничего онъ не прибавляетъ къ драмѣ и представляется одною изъ тѣхъ натяжекъ, которыхъ не мало въ пьесахъ В. Гюго. И безъ него личность Тизбы рисуется передъ нами во всемъ величїи своей нравственной высоты и трагичности, а добродѣтельные счастливицы пассуютъ передъ нею уже тѣмъ однимъ, что получаютъ изъ рукъ ея счастье, купленное цѣноу всего, что было дорогого въ жизни ея...

Подобно тому, какъ драмы «Marion Delorme» и «Angelo» соединяются въ одну группу, драмы «Le roi s'amuse» и «Lucrèce Borgia» составляютъ другую. Здѣсь на сценѣ парадируетъ передъ нами родительская любовь, которая, въ свою очередь, составляетъ нравственную опору героевъ этихъ драмъ. Вотъ что говоритъ намъ самъ авторъ объ основной мысли, общей обѣмъ драмамъ, въ предисловіи къ первому изданію «Луcreці Борджіи»:

«Le roi s'amuse» и «Lucrèce Borgia» не похожи одна на другую ни по содержанію, ни по формѣ, и каждое изъ этихъ произведеній имѣло столь различную участь, что, можетъ быть, впоследствии одно изъ нихъ послужитъ политическою, другое литературною эпою въ жизни автора. А между тѣмъ, онъ долженъ сказать, что эти двѣ пьесы, столь различныя по содержанію, по формѣ и по участи, тѣсно соединены въ его умѣ. Идея, изъ которой вышла «Le roi s'amuse», и идея, произведшая «Lucrèce Borgia», родились въ одинъ и тотъ же моментъ, при одномъ и томъ же ударѣ сердца. Какая, въ самомъ дѣлѣ, внутренняя идея скрывается подъ тремя, четырьмя оболочками въ драмѣ «Le roi s'amuse»? Вотъ она: возьмите *физическое* уродство, самое отвратительное, отталкивающее, крайнее; поставьте его тамъ, гдѣ оно выставится передъ вами наиболѣе рельефно, въ самый низшїй, подземный и презираемый этажъ общественнаго зданія; освѣтите это несчастное созданіе мрачнымъ свѣ-

томъ контрастовъ; бросьте вы въ это созданіе душу, а въ эту душу чувство, самое чистое изъ всѣхъ, какими одаренъ человекъ—чувство родительской привязанности. Что же произойдетъ въ такомъ случаѣ? То, что высокое чувство, разогрѣтое при извѣстныхъ условіяхъ, преобразуетъ передъ вашими глазами это отверженное существо; ничтожное твореніе обратится въ великана, безобразное сдѣлается прекраснымъ. Вотъ что такое «Le roi s'amuse» въ сущности. Прекрасно. Ну, а что же такое «Lucrèce Borgia»? Возьмите *нравственное* безобразіе, самое чудовищное, отвратительное, крайнее; помѣстите его тамъ, гдѣ оно будетъ выставляться наиболѣе рельефно, въ сердцѣ женщины, при всѣхъ условіяхъ физической красоты и королевскаго величія, которыя обращаютъ преступленіе въ дѣло каприза. И вотъ, къ этому нравственному безобразію примѣшайте чистое и самое высокое чувство, какое только можетъ ощущать женщина—чувство материнской любви. Поселите въ вашемъ чудовищѣ мать, и чудовище возбудитъ въ васъ участіе, заставитъ васъ плавать; къ тому самому созданію, которое способно возбуждать одинъ страхъ, вы проникнетесь жалостью, и безобразная душа сдѣлается въ глазахъ вашихъ почти прекрасною. Такимъ образомъ, отеческая любовь, освѣщающая физическое уродство—вотъ вамъ «Le roi s'amuse»; материнская любовь, очищающая нравственное безобразіе—вотъ вамъ «Лукреція Борджиа».

Но при всей общности основныхъ идей, объ эти драмы разошлись другъ съ другомъ не только по различію въ содержаніи и формѣ, но и по тѣмъ впечатлѣніямъ, которое производитъ каждая. Въ то время, какъ «Le roi s'amuse» превзошла свою основную идею и вышла за предѣлы моральной драмы на общественную почву, «Lucrèce Borgia» не достигаетъ и того моральнаго эффекта, производитъ который она должна была бы по своей основной идеѣ. Эта неудача «Lucrèce Borgia» произошла вслѣдствіе той ошибки автора, что онъ предположилъ возможность достиженія равныхъ эффектовъ при такихъ несовмѣстныхъ вещахъ, какъ физическое уродство и нравственное, низшая общественная ступень и высшая.

Дѣло въ томъ, что физическое и нравственное уродство стоятъ въ діаметрально-противоположномъ отношеніи къ нашимъ эмоціямъ. Человѣчество, по крайней мѣрѣ, въ своемъ интеллигентномъ меньшинствѣ, настолько уже развилось въ нравственномъ отношеніи, что физическое безобразіе не возбуждаетъ уже въ немъ такого неодолимаго и исключительнаго чувства отвращенія и ужаса, смѣшаннаго съ ненавистью, какъ въ диварѣ.

Мы нетолько *разсуждаемъ*, что уродъ не виноватъ въ своемъ уродствѣ, но мы способны *чувствовать* непритворную и непосредственную жалость къ несчастному. Если же уродъ является обиженнымъ нетолько природою, но и людьми, находится на самомъ низу общественной іерархіи, задавленный, забитый, и люди безъ всякой жалости, мало того, что тычутъ ему въ глаза его уродствомъ, но посягаютъ безъ всякой жалости на всѣ его самыя завѣтныя святыни, то чувство жалости еще болѣе обостряется въ насъ и переходитъ во взрывъ негодованія и возмущенія противъ людскаго безчеловѣчія.

Совершенно не то мы ощущаемъ при видѣ нравственнаго уродства. Не говоря уже о толпѣ, самыя великіе философы, самыя свѣтлыя и смѣлыя умы способны оказываются только отвлеченно разсуждать о томъ, что безнравственные люди и злодѣи, въ свою очередь, не виноваты въ своихъ порокахъ, что ихъ сдѣлали такими тѣ или другія условія жизни, и что поэтому ихъ тоже слѣдуетъ жалѣть. Разсуждать мы объ этомъ можемъ сколько угодно, но ощущать непритворное, непосредственное чувство жалости въ этомъ случаѣ намъ еще не дано; челоѣчество не развилось еще въ нравственномъ отношеніи до такой тонкости нервовъ, и вы не вѣрите разнымъ пророкамъ и проповѣдникамъ любви, когда они говорятъ вамъ, что они плачутъ о своихъ врагахъ и злодѣяхъ. Если это не метафора, а дѣйствительныя слезы, то, во всякомъ случаѣ, не тѣ непосредственныя, неудержимыя слезы, которыя выливаются прямо изъ сердца при видѣ чего-либо жалкаго, а разсудочныя слезы, которыя челоѣкъ вымучиваетъ изъ себя посредствомъ разныхъ размышленій и искусственныхъ настроеній.

Это зависитъ также и отъ того, что наша мысль неспособна еще обхватывать разомъ и притомъ въ живомъ и наглядномъ представленіи всѣ тѣ сложныя обстоятельства, которыя приводятъ волю челоѣка къ разнымъ поступкамъ, и мы начинаемъ наши сужденія о поступкахъ прямо съ воли, она представляется намъ главною виновницею добра и зла, совершенно подобно тому, какъ дикарь, не зная о различныхъ дѣйствіяхъ стихій природы, приписываетъ громъ и дождь произвольному дѣйствію тучи. Вслѣдствіи этого-то и негодованіе наше, возбуждаемое злымъ поступкомъ, неволью обрушивается не на тѣ обстоятельства, которыя подготовили его, а на самого челоѣка, кажунагося намъ главнымъ виновникомъ произведеннаго имъ зла. Далѣе за тѣмъ, приписывая свободной волѣ добро и зло, мы естественно приходимъ къ той иллюзіи, что, чѣмъ челоѣкъ

стоитъ выше на общественной лѣстницѣ, тѣмъ онъ свободнѣе можетъ проявлять свою волю и тѣмъ онъ нравственно отвѣтственнѣе за свои поступки. Поэтому, чувства отвращенія и негодованія не уменьшаются, а, напротивъ того, обостряются: по мѣрѣ того, какъ мы поднимаемъ наши глаза на общественныя высоты, у насъ является наклонность относиться гораздо снисходительнѣе къ порокамъ и преступленіямъ маленькихъ людей, чѣмъ большихъ; въ первомъ случаѣ мы возвышаемся даже и до жалости, хотя, отвлеченно судя, большіе люди, завися въ своихъ поступкахъ, въ свою очередь, отъ вліяющихъ на нихъ условій жизни, заслуживали бы не меньшей жалости.

Примѣняя все это къ «Lucrèce Borgia», мы поймемъ, почему драма эта отнюдь не производитъ на насъ того впечатлѣнія, какое желалъ произвести авторъ. Несмотря на всѣ лирическія словоизверженія о своей материнской любви, Лукреція Борджія не только не возбуждаетъ въ насъ участія къ себѣ, а напротивъ того, съ каждымъ дѣйствіемъ представляется безобразнѣе и отвратительнѣе. Еще въ первомъ дѣйствіи, въ тотъ моментъ, когда она падаетъ въ обморокъ, осыпаемая со всѣхъ сторонъ оскорбленіями друзей Дженнаро, она можетъ показаться жалкою и несчастною. Но затѣмъ, съ каждымъ дѣйствіемъ ея нравственное безобразіе обнаруживается болѣе и болѣе, и зритель видитъ, что материнская любовь не только не возвышаетъ и не очищаетъ ея, а напротивъ того, влечетъ къ новымъ преступленіямъ. Такъ, въ послѣднемъ дѣйствіи она кончаетъ тѣмъ, что отравляетъ разомъ всѣхъ друзей Дженнаро и его самого въ томъ числѣ, не зная, что сынъ ея случайно тоже присутствовалъ на балу Нигрони. Когда же это обнаруживается, она въ ужасѣ предлагаетъ Дженнаро противодіе, но только одному ему, выдѣляя его отъ всѣхъ прочихъ подъ свою материнскую протекцію. Подобное кумовство, въ свою очередь, не особенно привлекаетъ зрителя на ея сторону, и когда сынъ отказывается отъ подобной протекціи и передъ смертію мститъ за своихъ друзей, убивая ее (онъ до послѣдней минуты не знаетъ, что она мать его), у зрителя можетъ только вырваться невольная фраза: такъ ей слѣдуетъ, злодѣйка!..

Совершенно иное, противоположное впечатлѣніе производитъ «Le roi s'amuse». Главный герой этой драмы, придворный шутъ Франциска I, Трибулэ (оперный Риголетто), возбуждаетъ глубокое участіе въ зритель не тѣмъ только, что онъ несчастный отецъ, но вообще, какъ человѣкъ униженный, оскорбленный, задушенный. Это тотъ же Квазимодо, съ тою только разницею,

что Квазимодо — натура глубоко сосредоточенная въ себѣ, пассивная: долгіе годы онъ таитъ въ себѣ слезы и желчь оскорблений, пока не раздражается чисто стихійнымъ, неосмысленнымъ взрывомъ, во время котораго онъ разрушаетъ вокругъ себя все безъ разбора. Между тѣмъ, Трибулэ—натура экспансивная и дѣятельная: за каждое посмѣянье онъ немедленно же мститъ злыми и бѣдными сарказмами, но этого ему мало: вся жизнь его обращается въ непрестанное мщеніе, онъ только и дѣлаетъ, что науськиваетъ короля на женъ и дочерей придворныхъ сановниковъ и радостно потираетъ руки при видѣ ихъ горя и позора. Правда, такимъ образомъ дѣйствій онъ самъ себѣ роетъ яму: развращая короля, онъ приготовляетъ въ лицѣ Франциска оболстителя и своей дочери—Бланшъ. Но несмотря на то, что часть вины падаетъ и на него, онъ все-таки возбуждаетъ глубокую жалость къ себѣ, особенно въ той знаменитой и ужасной сценѣ, когда онъ, узнавъ о похищеніи дочери, мечется по сценѣ передъ торжествующими придворными, ломаясь, кривляясь передъ ними и распѣвая разгульные пѣсенки сквозь затаенныя рыданья, ищетъ ее по всѣмъ угламъ дворца, а ее въ эту самую минуту обольщаетъ Францискъ I въ своей спальнѣ. Въ послѣднемъ же дѣйствіи, въ образѣ мстящаго отца, Трибулэ возвышается до грандіознаго героизма. Здѣсь, какъ я уже сказалъ выше, драма выходитъ изъ моральныхъ предѣловъ и получаетъ острый социальный характеръ. Когда вы слушаете монологъ Трибулэ, стоящаго на трупѣ своей дочери и воображающаго, что это трупъ Франциска, передъ вами словно раздвигаются декорации и вы видите передъ собою тьму темъ униженныхъ и оскорбленныхъ стараго режима, которые нѣвогда, подобно Трибулэ, радостно попирали порою трупы своихъ же братьевъ, смѣшивая ихъ съ гонителями, а гонители удирали со сцены, распѣвая веселыя пѣсенки.

Въ драмѣ «Marie Tudor», передъ вами рисуется параллель двухъ совершенно различныхъ, чтобы не сказать противоположныхъ любовныхъ страстей, съ одной стороны—страсти королевы Маріи къ итальянскому проходимцу Фабіани, съ другой—ремесленника Жильбера къ Жанѣ. Страсть Маріи—это страсть людей избалованныхъ, изнѣженныхъ и пресыщенныхъ, та грубо-эгоистическая страсть, которая не только не возвышаетъ человѣка нравственно, а, напротивъ того, совершенно стираетъ съ него всякій человѣчскій обликъ, всецѣло поглощаетъ его, заставляя пренебрегать всѣми своими обязанностями, жертвовать всѣми интересами и окружающихъ людей, и своими собственными, исключительно ради одного удовлетворенія разгорѣвшейся похоти.

Совершенно не такова страсть Жильбера къ Жанѣ. Это та любовь, которая коренится въ средѣ трудового народа и которую народъ называетъ обыкновенно не любовью, а жалостью. И дѣйствительно, въ этой любви не столько пламенѣють страстью, сколько жалѣють, любить не для себя, а для другого, стремятся не къ одному только личному удовлетворенію похоти, но на первомъ планѣ здѣсь благо и счастье любимаго предмета. Подобная страсть нетолько не унижаетъ нравственнаго уровня чловѣка, а, напротивъ, возвышаетъ иногда до героизма.

Противоположныя въ своихъ основаніяхъ, эти двѣ страсти не менѣе различны и въ своихъ проявленіяхъ.

Страсть Маріи, основанная на стремленіи къ личному удовлетворенію чувственности, естественно нуждается во взаимности, и въ тоже время, исключительно поглощая всего чловѣка, она по чувству справедливости требуетъ, чтобы и любимый чловѣкъ былъ въ той же степени исключительно поглощенъ страстью. Поэтому, для подобной страсти достаточно нетолько холодности, измѣны, но чтобы любимый чловѣкъ былъ способенъ чѣмъ-нибудь интересоваться кромѣ своей страсти, чтобы любовь тотчасъ же обратилась въ ненависть. Такъ Марія, узнавъ объ измѣнѣ Фабіани, тотчасъ проникается жаждою мстить ему смертію. Если потомъ она и колеблется въ своемъ рѣшеніи, стремясь спасти Фабіани, то и въ этомъ порывѣ вы не видите ничего великодушнаго, что бы возвышало ее надъ низменностью чисто животной страсти. Этотъ порывъ происходитъ въ ней просто потому, что снова накипѣла страсть, требующая удовлетворенія, и она слѣпо отдается ей, жертвуя всѣмъ: она знаетъ, сколько зла причинилъ Фабіани ея родинѣ, знаетъ, какую всеобщую ненависть заслужилъ онъ; она внимаетъ яростнымъ крикамъ возмущеннаго народа, требующаго смерти Фабіани и грозящаго ей лишеніемъ престола, и готова пожертвовать и спокойствіемъ родины, и своимъ престоломъ, лишь бы Фабіани снова былъ въ ея объятіяхъ; и еще бы: что ей счастье народа и престоль, когда она не дорожить даже и честью и достоинствомъ женщины и готова прижать къ груди того самаго Фабіани, который надругался надъ ея любовью своею низкою измѣною.

Совершенно не таковъ Жильберъ въ своей страсти. Онъ любить Жану не для себя, а для нея самой, любить въ ней не только свою будущую жену, но и свое произведеніе: принявши въ домъ подкидыша, онъ воспиталъ ее, взлелѣялъ и счастье ея сдѣлалось для него главною потребностью жизни.

Когда Фабіани обольстилъ Жану, Жильбера возмутилъ не са-

мый фактъ измѣны милой, а тѣ несчастныя послѣдствія, какія обрушились на Жану, какъ на обманутую и повиную дѣвушку. Будь вмѣсто Фабіани другой, человѣкъ честный и достойный, Жильберъ, конечно, не только не сталъ бы проявлять какой-либо ревности, а великодушно отказался бы отъ всякихъ притязаній на Жану и устроилъ бы счастье ея съ другимъ, какъ это сдѣлала Тизба. Въ настоящемъ же случаѣ, онъ воспылавъ местию къ Фабіани, не какъ къ счастливому сопернику, а какъ къ коварному обольстителю Жаны. Когда же Жана, только послѣ своего паденія оцѣнившая Жильбера и проницаяся любовью къ нему, бросилась къ нему въ ноги со слезами раскаянія, Жильберъ поступилъ такъ, какъ всегда въ подобныхъ случаяхъ поступаютъ люди народа, онъ великодушно простилъ ея минутное паденіе. «Что же такое и любовь, сказали онъ:—какъ не милосердіе и прощеніе!...»

Личность Жильбера, сходная съ личностью Тизбы великодушными проявленіями страсти, невольно сближаетъ между собою драмы «Marie Tudor» и «Angelo». Обѣ онѣ были написаны въ одинъ и тотъ же періодъ—первая въ 1833 году, послѣдняя въ 1835 году. А если мы примемъ во вниманіе, что въ это же самое время, въ 1834 году, былъ написанъ и «Клодъ-Гё», то для насъ станетъ ясно, что эти три года въ жизни В. Гюго (1833—1835), были эпохою уясненія поэтомъ нравственныхъ народныхъ идеаловъ. Во всѣхъ предъидущихъ произведеніяхъ В. Гюго, если и встрѣчаются подобные же идеалы, то въ весьма смѣшанномъ и неопредѣленномъ видѣ отдѣльныхъ нравственныхъ чертъ, присущихъ людямъ вообще, какимъ бы то ни было. Съ этого же періода поэтъ начинаетъ отличать типы людей народа, приписывая имъ совершенно особенный, свой самостоятельный нравственный складъ, отличающій ихъ отъ типовъ людей всѣхъ прочихъ слоевъ общества.

Что касается политическихъ драмъ В. Гюго, то весьма естественно, что характеръ ихъ и основныя идеи еще въ большей степени, чѣмъ въ моральныхъ драмахъ, зависятъ отъ того, въ какое время жизни В. Гюго была написана та или другая драма. Такъ, первая политическая драма, «Cromwell», написанная въ 1827 году и разсмотрѣнная нами во второй главѣ, является еще проникнутою тѣмъ духомъ легитимизма, который характеризуетъ собою первые годы литературной дѣятельности В. Гюго. Написанная въ томъ-же году «Hernani» преисполнена того-же самаго духа и имѣетъ много точекъ соприкосновенія съ первыми романами В. Гюго, въ томъ отношеніи, что всѣ излюбленныя традиціи ле-

гитимизма рисуются въ ней въ томъ же обольстительномъ свѣтѣ, самыми радужными красками. Авторъ нарочно, какъ говоритъ онъ въ предисловіи къ «Ruuy Blas», выбралъ для «Hernani» эпоху Карла V, въ которую старый режимъ дошелъ въ Испаніи до апогея своего блеска и всѣ элементы его находились въ полномъ разцвѣтѣ. Драма эта отличается тѣмъ, что въ ней нѣтъ порочныхъ людей и злодѣевъ: всѣ дѣйствующія лица подъ рядъ удивляютъ васъ своимъ нравственнымъ величіемъ и привилегированными доблестями: мятежный дворянинъ-бандитъ Эрнани ничѣмъ не уступаетъ своевольному феодалу-сепаратисту Дону-Рюи-Гомесу-де-Сильва, этому ревностному стражу-охранителю феодальныхъ традицій. Что же касается Дона-Карлоса (Карла V), то онъ цѣлою головою выше всѣхъ прочихъ дѣйствующихъ лицъ драмы. Съ самаго перваго дѣйствія, онъ является передъ вами лихачемъ-кудрявичемъ, въ которомъ сила и удалъ такъ и переливаются по всѣмъ жилочкамъ и которому все тринь-трава, ничего не стоитъ преодолѣть всѣ препятствія и выйти героемъ изъ всѣхъ опасностей. Во всемъ же своемъ всеобъемлющемъ могуществѣ онъ является передъ вами въ своемъ монологѣ передъ гробницею Карла Великаго. Здѣсь лихачъ-кудрявичъ превращается передъ вами въ величественнаго властелина имперіи, въ которой никогда не заходитъ солнце, олицетворяющаго въ своемъ лицѣ традицію Карла Великаго. Передъ вами абсолютизмъ, только-что сознавшій всю гордую мощь и готовый сжать въ своей длани весь міръ. Постѣ этого монолога васъ нисколько не удивляетъ, что Карлъ великодушно простилъ всѣхъ своихъ мятежныхъ вассаловъ и феодаловъ-сепаратистовъ, которые только-что передъ этимъ собирались извести его. Въ подобномъ великодушномъ прощеніи въ гораздо большей степени выразилась только что развернувшаяся сила, чѣмъ бы въ какихъ либо кровавыхъ жестокостяхъ, на которыя обыкновенно опирается трусливое ничтожество. Этимъ прощеніемъ Карлъ выразилъ презрѣніе къ своимъ врагамъ, какъ къ жалкимъ пигмеямъ, которыхъ ему нечего бояться; свободолюбивыхъ бандитовъ и гордыхъ своею независимостью феодаловъ онъ однимъ жестомъ превратилъ въ покорныхъ и льстивыхъ придворныхъ, и имъ ничего болѣе не оставалось, какъ выражать свои традиціонныя доблести во взаимоистребленіи, что они и не замедлили сдѣлать въ послѣднемъ актѣ драмы, гдѣ счастливый Эрнани, желая показать рыцарскую вѣрность своему слову, въ первую же ночь своего брака послѣшилъ на трубный зовъ Рюи-Гомеса, чтобы принять смерть отъ его мстящей руки...

Совершенно противоположный характер имѣютъ двѣ остальные политическія драмы В. Гюго, «Ruou Blas» и «Les Buirgaves», написанныя — первая въ 1838 году, вторая въ 1843. Онѣ рисуютъ картину разлѣнія и паденія того самаго стараго режима, который въ «Hernani» изображается въ такомъ пышномъ разцвѣтѣ. Здѣсь авторъ поетъ похоронную пѣснь тому, что онъ прежде прославлялъ и чему такъ ревностно когда-то поклонялся. Вотъ въ какомъ весьма вѣрномъ и замѣчательномъ историческомъ обобщеніи выражаетъ В. Гюго, въ предисловіи къ «Ruou Blas», основную идею этой драмы: «Въ тѣ моменты, когда рушится какой-нибудь старый порядокъ вещей, появляется множество симптомовъ этого разрушенія. Такъ, первымъ дѣломъ разлагается дворянство, и, разлагаясь, оно вотъ какимъ образомъ распадается на свои различные элементы: государство колеблется, династія гаснетъ, законъ рушится; политическая солидарность разбѣдается интригами; высшее общество разлѣвается и вырождается; смертельное изнеможеніе чувствуется и внѣ и внутри государства; великія государственныя предпріятія замѣняются мелочными дѣлишками, придающими общественной жизни печальный видъ; ни полиціи, ни арміи, ни финансовъ; каждый предугадываетъ, что приходитъ конецъ. Вслѣдствіи этого, во всѣхъ умахъ господствуетъ тоска, страхъ за завтрашній день, взаимное недовѣріе, разочарованіе, пресыщеніе. Такъ какъ подобная государственная болѣзнь коренится въ головѣ, то дворянство первое заражается ею. Что же происходитъ съ нимъ? Одна часть господъ, менѣе честныхъ и великодушныхъ, остается въ высшихъ сферахъ. Все стремится къ пропасти, время не ждетъ, надо торопиться — обогащаться, возвышаться, пользоваться обстоятельствами. Каждый думаетъ лишь о себѣ. Каждый заботится, безъ малѣйшаго сожалѣнія о родинѣ, лишь о томъ, какъ бы устроить свое частное личное благосостояніе въ какомъ-нибудь уголку общественныхъ развалинъ. Ордена, чины, мѣста, все это раскидается и захватывается всѣми, у кого только хватаетъ на это смекалки. Люди эти только и живутъ, что честолюбіемъ и алчностью, стараясь скрывать подъ личиною наружнаго величія внутреннія безобразія, а такъ какъ эта жизнь, исполненная необузданнаго тщеславія и гордости, неминуемо заглушаетъ всѣ естественныя чувства, то въ результатъ является жестокость. Когда наступаетъ день опалы, падшій вельможа вдругъ дѣлается чудовищемъ, человѣкъ превращается въ демона.

«Тоже отчаянное положеніе государства направляетъ лучшую и наиболѣе здоровую часть дворянства по совершенно другому

пути. Она удаляется изъ столицы въ свои дворцы, замки, усадьбы. Въ ней развивается отвращеніе отъ общественныхъ дѣлъ: она ничего не можетъ съ ними подѣлать, приближается, очевидно, кончина міра, чего же тутъ понапрасну суетиться и тревожиться? Остается только забыться, закрыть глаза и жить, т. е. пить, любить и наслаждаться. Кто можетъ поручиться, что не остался всего одинъ годъ впереди? Сказавши это или, правильнѣе, почувствовавши, господинъ спѣшитъ насладиться жизнью: онъ удесятеряетъ свою дворню, накушаетъ лошадей, обогащаетъ камелей, устраиваетъ пиршества и расплачивается за оргіи, бросаетъ деньги направо и налево, продаетъ, покупаетъ, закладываетъ и запутывается въ долгахъ, однимъ словомъ, подкладываетъ огонь подъ свое благосостояніе со всѣхъ четырехъ сторонъ. И вотъ, въ одно прекрасное утро онъ является полнымъ банкротомъ. Оказывается, что хотя государство и быстрыми шагами идетъ къ гибели, онъ предупредилъ его и еще раньше пришелъ къ раззоренію. Все кончено, все сторѣло. Изъ всей этой фейерверочной жизни не осталось и дыму—онъ улетѣлъ, не осталось и пеплу. Забытый и оставленный всѣми, кромѣ кредиторомъ, бѣдный джентльмэнъ дѣлается чѣмъ придется: искомомъ приключеній, буянсмъ, цыганомъ. Онъ погружается въ толпу и тонетъ въ этой мутной и мрачной безднѣ, которая до сего времени зіяла далеко внизу подъ его ногами. У него нѣтъ болѣе золота, за то есть солнце; это богатство тѣхъ, которые ничего не имѣютъ. Прежде онъ обиталъ въ высшихъ сферахъ, теперь онъ опускается въ самыя низшія и свывается съ ними. Онъ смѣется надъ своимъ честолюбивымъ, богатымъ и знатнымъ родственникомъ, дѣлается философомъ и проводитъ аналогіи между придворными и ворами. По натурѣ добрый, храбрый, честный и смышленный, онъ представляетъ изъ себя смѣсь поэта, принца и нищаго. Онъ смѣется надъ всѣмъ и вся, точно такъ же и теперь науськиваетъ своихъ товарищей на драку съ ночной стражей, какъ прежде онъ это дѣлалъ со своими людьми, но самъ не вмѣшивается въ свалку, соединяя съ наглостью маркиза и безстыдствомъ цингара остатки прежняго изящества. Грязный снаружи, онъ остается чистъ внутри, сохраняя изъ всего своего джентльмэнства свою честь, за которую онъ стоитъ горю, имя, которое скрываетъ, и шпагу, которую обнажаетъ при каждомъ случаѣ.

«Подобная картина является передъ нами въ исторіи каждый разъ, когда старый порядокъ приходитъ къ концу; но въ особенности въ самыхъ яркихъ краскахъ она раскрывается передъ нами

въ Испаніи XVII вѣка. Такимъ образомъ, если только автору удалось въ настоящей драмѣ выразить эту часть своей идеи, то первая половина испанскаго дворянства этой эпохи олицетворяется въ Донъ-Саллюсти, вторая — въ донъ Цезарь. Оба они, естественно, родственники.

«Далѣе затѣмъ, разсматривая эту эпоху, мы видимъ, что внизу, подъ слоемъ дворянства, такимъ образомъ раздѣленного, движется во мглѣ нѣчто великое, мрачное, невѣдомое. Это—народъ. Народъ, имѣющій будущее, но не имѣющій настоящаго, народъ—сирота, бѣднякъ, смысленный и сильный, поставленный въ самый низъ и стремящійся къ верху, носящій на своей спиѣ клейма рабства, а въ головѣ замыслы гения, народъ—слуга господъ и обожающій въ своей нищетѣ и отверженности единственную личность, которая представляется ему среди развращеннаго общества, въ божественныхъ лучахъ власти, щедрости и изобилія. Народъ—это Рюи-Блазъ. Надъ этими тремя личностями, олицетворяющими Испанію XVII вѣка, возвышается чистое и лучезарное созданіе, женщина, королева. Несчастливая, какъ женщина, потому что у нея такой мужъ, какъ будто совсѣмъ нѣтъ мужа, несчастная, какъ королева, потому что у нея такой король, какъ будто совсѣмъ нѣтъ короля, она устремляетъ свои взоры къ тѣмъ, которые далеко внизу подъ нею, столь же изъ королевской милости, сколько вслѣдствіе своего женскаго инстинкта, и стремится внизъ въ то время, какъ Рюи-Блазъ стремится къ верху. Ко всѣмъ этимъ личностямъ остается прибавить пятую— короля Карла II. Но въ исторіи, какъ и въ драмѣ, Карль II не столько личность, сколько тѣнь».

Совершенно подобная же идея вырожденія джентльмена проведена и въ драмѣ «Les burgraves», написанной въ 1843 году подъ свѣжимъ впечатлѣніемъ путешествія по Рейну, которое совершилъ В. Гюго въ этомъ году.

Вотъ что говоритъ онъ объ основной идеѣ этой драмы въ предисловіи къ ней:

«Основная идея драмы заключается въ томъ, чтобы воспроизвести во всей полнотѣ и во всемъ могуществѣ одинъ изъ тѣхъ замковъ, въ которыхъ бурграфы, равные принцамъ, жили жизнью почти королевскою. *Въ двенадцатомъ и тринадцатомъ вѣкахъ,* говоритъ Кольраушъ:—*титულъ бурграва былъ лишь одною степеню ниже королевскаго.* Слѣдуетъ показать въ бургѣ три вещи, изъ которыхъ онъ состоялъ: крѣпость, дворецъ и пещеру; въ этомъ бургѣ, раскрытомъ такимъ образомъ передъ изумленными очами зрителей, слѣдуетъ поселить и поставить рядомъ другъ передъ

другомъ четыре поколѣнія: прадѣда, дѣда, отца и сына; въ этой семьѣ олицетворить вопиющій и поражающій символъ грѣхопаденія; на голову прадѣда положить грѣхъ Каина, въ сердце дѣда вселить инстинкты Немврода, а въ душу отца—пороки Сарданапала и показать, что сынъ можетъ совершить въ одинъ прекрасный день преступленіе разомъ и въ порывѣ страсти, какъ прадѣдъ, и изъ жестокости, какъ дѣдъ, и въ испорченности, какъ отецъ; прадѣда представить преданнымъ Богу, дѣда—преданнымъ прадѣду; перваго очистить покаяніемъ, втораго—сыновней преданностью, такъ что прадѣдъ долженъ рисоваться священнымъ, дѣдъ—великимъ, тогда какъ два послѣдующія поколѣнія, измельчавшія вслѣдствіе все развивающихся пороковъ, должны все болѣе и болѣе погружаться во мракъ. Такимъ образомъ, основная идея драмы заключается въ томъ, чтобы представить передъ толпою во всей наглядности ту великую моральную лѣстницу вырожденія расъ, которая должна вѣчно стоять передъ глазами всѣхъ людей, какъ живой примѣръ, но о которой, увы! до сихъ поръ помышляютъ лишь мыслители и поэты, облечь въ живой образъ эту идею мудрецовъ, сдѣлать изъ этой философской абстракціи драматическую реальность, поразительную, вопиющую, полезную».

Но успѣшное выполненіе этой благой мысли не удалось поэту. Драма вышла такая длинная, растянутая, неуклюжая и скучная, что она не удержалась на сценѣ и была снята послѣ нѣсколькихъ представленій, непонятая и ошibanная парижскою публикою. Не говоря уже о недостаткахъ самой драмы, успѣхъ этотъ зависѣлъ, конечно, и отъ того, что прошло ужъ и время для рыцарскихъ драмъ: наступили уже сороковые годы, эпоха, въ которую во всѣхъ европейскихъ литературахъ романтизмъ смѣнялся новыми натуральными школами, и публика требовала отъ пьесъ болѣе близкаго и непосредственно относящагося къ ея жизни содержанія. Эта неудача такъ охладила самого В. Гюго къ сценѣ, что онъ совсѣмъ покинулъ драматическое поприще и болѣе уже не возвращался къ этому литературному роду. Но идея вырожденія расъ, положенная въ основу «Бургграфовъ», какъ мы видимъ, не умерла. За нее, въ настоящее время, ухватился тотъ самый Зола, который отрицаетъ въ В. Гюго всякое современно-философское значеніе, и положилъ ее въ основу своихъ «Ругоновъ». И хотя Зола осуществляетъ эту мысль на совершенно иной, болѣе реальной почвѣ, но изобрѣтеніе снята порока въ настоящемъ случаѣ все-таки остается за В. Гюго.

V.

Реакціонный періодъ жизни и дѣятельности В. Гюго.—Полученіе ордена.—Занятіе академическаго кресла.—Вступительная рѣчь.—Назначеніе въ члены палаты перовъ.—Рѣчи В. Гюго въ этой палатѣ.—Путешествія.—Литературная дѣятельность В. Гюго съ 1835 по 1848 годъ.—Рефлекси и противорѣчія.—Два теченія во взглядахъ на призваніе поэта.—Видержки изъ стихотвореній этого времени.

Въ третьей главѣ, если читатель припомнить, было уже говорено мною, что литературная дѣятельность В. Гюго въ эпоху июльской монархіи раздѣляется на два рѣзкіе періода, совершенно соотвѣтствующіе двумъ періодамъ общественнаго настроенія въ эту эпоху. Годы, начиная съ 1827 года, когда оппозиція противъ Бурбоновъ начала рѣшительно подымать голову, и до 1835 г., когда была подавлена послѣдняя вспышка революціоннаго движенія 1830 г., были, какъ мы видѣли, самыми бурными, горячими и наиболѣе плодовитыми во всей жизни В. Гюго. Въ этотъ періодъ В. Гюго не переставалъ стоять во главѣ оппозиціи; каждое произведеніе его воплощало ту или другую изъ новыхъ и прогрессивныхъ идей его времени и носило характеръ горячаго протеста противъ различныхъ предрассудковъ современниковъ.

Совершенно въ иномъ видѣ рисуется передъ нами и жизнь, и дѣятельность В. Гюго съ 1835 по 1848 годъ. Мы видимъ, какъ реакція, наступившая во всѣхъ сферахъ общественной жизни Франціи, отразилась и на немъ. Изъ этого вовсе, конечно, не слѣдуетъ, чтобы В. Гюго изъ либерала и прогрессиста сдѣлался сразу реакціонеромъ. Подобнаго рода быстрые перевороты и беззастѣнчивыя ренегатства возможны лишь въ такомъ юномъ и незрѣломъ обществѣ, какъ наше, въ которомъ люди съ такою же быстротою оставляютъ свои убѣжденія, какъ и увлекаются ими, потому что не воспитываются въ духѣ ихъ, не утверждаютъ въ нихъ долгимъ и мучительнымъ путемъ развитія, а лишь минутно напечатлѣваются тѣмъ или другимъ стаднымъ настроеніемъ.

Совершенно въ иномъ родѣ отразилась общественная реакція въ В. Гюго. Онъ остался все съ тѣми же убѣжденіями, съ какими она его застала. Но мы не видимъ уже въ немъ того оппозиціоннаго задора, съ какимъ онъ нѣкогда нападалъ на существовавшій порядокъ вещей, какъ, напримѣръ, въ предисловіи къ «*Le dernier jour*», въ своей судебной рѣчи въ вышеизложенномъ процессѣ противъ Тайлора, или въ «*Claude Gueux*». Теперь

*

у него является, напротивъ того, побужденіе обсуждать вещи съ безпристрастіемъ высшихъ философскихъ точекъ зрѣнія, во всемъ находить свои хорошія и дурныя стороны, со многимъ мириться и многое прощать, принимая во вниманіе общее несовершенство всѣхъ человѣческихъ дѣлъ.

Вслѣдствіе такого мирнаго настроенія Виктора Гюго, ему открываются теперь доступъ къ такимъ почестямъ, которыя до сихъ поръ были закрыты для него по его оппозиціонной непримиримости. Такъ, въ 1837 году Луи-Филиппъ удостоиваетъ его ордена Почетнаго легіона, а 2 іюня 1841 года, большинствомъ 18 голосовъ противъ 16, онъ былъ избранъ въ члены той самой академіи, которая цѣлою ратью стариковъ-академиковъ нѣкогда ополчалась противъ него доносами въ высшія сферы, и какъ противъ опаснаго гражданина, и какъ противъ дурнаго писателя. Свою вступительную рѣчь В. Гюго закончилъ слѣдующаго рода электическими взглядами, наглядно представляющими намъ его политическое настроеніе этого времени:

«Господа, наши предки были хранителями исторической традиціи; конвентъ олицетворялъ собою распространеніе прогрессивныхъ идей, Наполеонъ—національное единство. Традиція ведетъ въ устойчивости, прогрессивныя идеи рождаютъ свободу, изъ единства вытекаетъ власть. И такъ, традиція, единство и прогрессъ, иными словами, устойчивость, власть и свобода, все это вмѣстѣ составляетъ цивилизацію все равно, какъ дерево состоитъ изъ корня, стеблей и листьевъ. Традиція, господа, необходима нашей странѣ. Франція—не колонія, насильно сдѣлавшаяся націей, не Америка, а неотъемлемая часть Европы. Она не можетъ разорвать съ прошлымъ, не оторвавшись отъ почвы. Поэтому, по моему мнѣнію, наша послѣдняя революція, столь великая, могучая и мудрая, съ удивительнымъ инстинктомъ поняла, что въ династіяхъ, правящихъ великими народами, въ нѣкоторые моменты наследственность лицъ можетъ быть замѣнена наследственностью отраслей, и съ глубокимъ здравымъ смысломъ избрала конституціоннымъ вождемъ бывшаго лейтенанта Думурье и Келлермана, потомка Генриха IV и Людовика XIV, съ величайшею мудростью превратила древній родъ въ молодую династію, въ одно и тоже время легитимную и популярную, исполненную преданій въ своемъ прошедшемъ и славнаго призванія въ будущемъ. Но если историческая традиція необходима Франціи, то не менѣе необходимо для нея и свободное движеніе, составляющее сущность ея существованія. Боже васъ сохрани, господа, подумать, что, напомнивши въ своей рѣчи о томъ, какъ

Франція была могущественна и величава тридцать лѣтъ тому назадъ, я хоть моментально руководился бы нечестивымъ намѣреніемъ унизить и посрамить мнимымъ контрастомъ Францію настоящаго. Мы можемъ сказать вполне спокойно, не возвышая голоса для такой простой истины, что никогда Франція не была такъ велика, какъ нынѣ»... и т. д.

Если мы сравнимъ съ этими словами ту выдержку изъ судебной рѣчи В. Гюго, которая была приведена въ третьей главѣ, выдержку, въ которой вся суть заключается въ контрастѣ эпохъ Наполеона и Луи-Филиппа, въ томъ, что при Наполеонѣ все было величественно, а при Луи-Филиппѣ все ничтожно, то мы поймемъ, какая разница была между В. Гюго 1832 и 1841 года. Къ этому нужно пояснить, что подобная деградация является не столько умственной, сколько нравственной: мы увидимъ ниже, что взгляды В. Гюго на современное положеніе вещей были въ это время вовсе не такіе оптимистскіе, какіе онъ выразилъ въ своей вступительной рѣчи, такъ что въ настоящемъ случаѣ онъ былъ неискренъ, позволилъ себѣ скрыть горькія истины подъ шумихою пышныхъ и блестящихъ фразъ, прельстясь тѣмъ почетомъ, котораго онъ удостоился въ видѣ академическаго кресла. Такъ растлѣвающе дѣйствовала въ то время реакція даже на такія атлетически сложенные въ нравственномъ отношеніи личности, какъ В. Гюго.

Оптимистская риторика, которою разразился В. Гюго въ своей вступительной рѣчи и затѣмъ въ двухъ отвѣтныхъ рѣчахъ при вступленіяхъ въ академію Сен-Марка-Жирардена (бывшаго нѣкогда заклятымъ врагомъ В. Гюго) и Сент-Бѣва, не замедлила сторицею окупиться новымъ, не менѣе почетнымъ назначеніемъ: въ 1845 году, В. Гюго былъ пожалованъ членомъ палаты перовъ, гдѣ онъ засѣдалъ до революціи 1848 г., озпаменовавши свое участіе въ верхней палатѣ тремя рѣчами: 1) по польскому вопросу, 2) по предложенію Буасси объ огражденіи морскихъ береговъ отъ буйства морскихъ стихій и 3) по вопросу о дозволеніи возвратиться во Францію семейству Наполеона. Первая двѣ рѣчи не представляютъ ничего особеннаго, замѣчательнаго; что же касается третьей, то эту рѣчь онъ, въ числѣ прочихъ защитниковъ вопроса, оказалъ по истинѣ медвѣжью услугу своему отечеству и заложилъ первый камень тѣмъ бѣдствіямъ, которыя обрушились на него съ 1851 года.

Внѣшняя жизнь В. Гюго представляетъ въ этотъ періодъ картину полного затишья: онъ живетъ скромною и уединенною семейною жизнію, воспитывая дѣтей и пожиная нравственные и

матеріальныя плоды своей славы. Кромѣ полученія кресла въ академіи и перства, жизнь его во все это время только и ознаменовывается, что двумя путешествіями: въ 1842 году по Рейну, а въ 1843 году по Испаніи. Путешествіе по Рейну имѣло своимъ слѣдствіемъ драму «Les Burgraves» и сочиненіе «Le Rhin», представляющее путевыя письма, заключающія въ себѣ массу всякаго рода описаній, ландшафтовъ, характеристикъ, размышленій, историческихъ и археологическихъ свѣдѣній и т. п. Путешествіе по Испаніи было прервано извѣстіемъ о внезапной смерти дочери его Леопольдины, памяти которой было посвящено имъ нѣсколько элегій, напечатанныхъ въ послѣдствіи въ сборникѣ «Les Contemplations», изданномъ въ 1856 г.

Такое же затишь господствовало во все это время и въ литературной дѣятельности В. Гюго. Кромѣ двухъ драмъ («*Ruy Blas*» и «*Les Burgraves*») и «*Le Rhin*», онъ ограничивался лишь мелкими лирическими стихотвореніями, таковы «*Les chants de Crépuscule*» 1835 г., «*Les voix intérieures*» 1837 г., «*Les Rayons et les ombres*» 1840 г. Съ 1843 года, когда были изданы «*Les Burgraves*» и до 1852, почти въ продолженіи 10 лѣтъ, не было издано имъ ничего новаго.

Самыя заглавія этихъ сборниковъ: «Сумерки», «Лучи и тѣни», достаточно свидѣтельствуютъ о томъ смутномъ, умственномъ и нравственномъ настроеніи, которое переживалъ въ это время поэтъ. Подчинясь господствовавшей реакціи, В. Гюго въ тоже время вполне заплатилъ дань своему вѣку и во всѣхъ тѣхъ томительныхъ рефлексіяхъ, мукахъ безвыходныхъ противорѣчій, унынія, разочарованія и отчаянія, которыми ознаменовались знаменитые сороковые года не въ одномъ нашемъ отечествѣ, но и по всей Европѣ.

И дѣйствительно, во всѣхъ этихъ стихотвореніяхъ вы не найдете и тѣни тѣхъ опредѣленныхъ и рѣзкихъ теченій, безповоротно стремящихся въ ту или другую сторону, какія мы видѣли во всѣхъ прежнихъ произведеніяхъ В. Гюго. Здѣсь, напротивъ того, на каждомъ шагу поражаетъ васъ болѣзненная раздвоенность: на каждый предметъ является по два, по три противорѣчащія взгляда; поэтъ постоянно чувствуетъ себя словно на перекресткѣ нѣсколькихъ расходящихся дорогъ и спрашиваетъ себя безпрестанно: куда идти, гдѣ ложь, гдѣ истина, гдѣ свѣтъ, гдѣ тьма, можно-ли на что надѣяться, или остается на все махнуть рукою?

Обратимъ прежде всего вниманіе, какъ перепутались взгляды его на самый существенный предметъ его жизни—значеніе поэ-

зи и призваніе поэта. Мы видѣли уже, какіе опредѣленные и свѣтлыя взгляды на этотъ предметъ высказывалъ онъ даже въ первый мрачный періодъ своей дѣятельности, о которомъ самъ онъ отзывался, какъ о преисполненномъ всякихъ предрассудковъ. Однакожь, въ этотъ предрассудочный періодъ, образъ поэта и гражданина неразрывно сливался въ его воображеніи, поэтъ не иначе представлялся ему, какъ пророкомъ, который свыше предопредѣленъ «глаголомъ жечь сердца людей», и поэтъ, самовольно отклоняющійся отъ подобнаго божественнаго предназначенія въ міръ фантастическихъ грезъ или чувственныхъ наслажденій, представлялся ему недостойнымъ этого названія, какъ послѣдователь отжившаго языческаго идеала поэзіи. Посмотрите теперь, какіе взгляды высказываетъ онъ объ этомъ предметѣ въ своемъ предисловіи къ «Les rayons et les ombres» (1840 г.).

«Правда, что безсмертныя творенія были произведены въ наше время великими поэтами, принимавшими личное и непосредственное участіе въ ежедневныхъ движеніяхъ политической жизни. Но, по моему мнѣнію, истинный поэтъ, котораго случай или воля удалили бы хоть на время, необходимое для него, отъ всякаго участія въ дѣлахъ правительства и партій, могъ бы въ свою очередь создать великое произведеніе. Никакого обязательства, никакой цѣпи онъ не чувствовалъ бы на себѣ, полная свобода господствовала бы въ его идеяхъ и дѣйствіяхъ».

Судя по этому началу, вы можете предположить, что В. Гюго склоняется къ теоріи искусства для искусства и что далѣе онъ будетъ разсуждать на эту тему что-нибудь въ родѣ того, что искусство само въ себѣ заключаетъ свою цѣль, что ему вредитъ всякое увлеченіе поэта злобою дня и т. п. Но къ чести В. Гюго, у него не хватило духу быть вполнѣ послѣдовательнымъ до конца, онъ тотчасъ же остановился на полпути и началъ далѣе вставлять восхваляемую свободу поэта въ слѣдующаго рода рамки:

«Поэтъ въ такомъ случаѣ былъ бы свободенъ въ своемъ благорасположеніи къ тѣмъ, которые работаютъ, и въ своемъ отвращеніи отъ тѣхъ, которые вредятъ, въ любви къ труженникамъ и въ жалости къ страдальцамъ. Онъ былъ бы свободенъ преграждать дорогу всякой лжи, съ какою бы стороны и изъ какой бы партіи она ни проистекала, свободенъ помочь выбраться на дорогу всякому честному принципу, завязшему въ грязи мелкихъ интересовъ, свободенъ откликнуться на каждое несчастіе, преклониться передъ каждымъ самопожертвованіемъ. Въ его любовь къ народу не примѣшивалась бы ни малѣйшая ненависть къ королямъ; онъ не позволилъ бы себѣ ни малѣйшей обиды цар-

ствующимъ династіямъ, ради утѣшенія династій падшихъ, ни малѣйшаго оскорбленія сошедшимъ въ могилу расамъ, въ угоду расамъ грядущихъ. Живя въ обществѣ, онъ оставался бы вѣренъ своей природѣ. Слѣдуя своему вдохновенію, безъ всякой иной цѣли, кромѣ одной—мыслить самому и заставлять мыслить другихъ—съ сердцемъ, полнымъ искренности, и взглядомъ, полнымъ мира, онъ съ равною пріязнью созерцалъ бы и весну въ лугахъ, и принца въ Луврѣ, и осужденнаго въ темницѣ. Еслибы онъ порицалъ тотъ или другой законъ, написанный въ человѣческихъ кодексахъ, то люди знали бы, что дни и ночи проводить онъ въ изученіи предвѣчныхъ законовъ, начертанныхъ въ божественныхъ кодексахъ. Ничто не смущало бы его въ глубокомъ и строгомъ созерцаніи: ни преходящія бури общественныхъ событій, потому что онъ ассимилировалъ бы ихъ и опредѣлялъ ихъ значеніе въ своихъ произведеніяхъ, ни случайное сосѣдство какой-нибудь частной великой скорби, потому что привычка мыслить даровала бы ему искусство утѣшать, ни даже внутреннія бури личныхъ страданій, потому что сквозь всѣ наши душевныя муки онъ провидѣлъ бы Бога и, вмѣсто того, чтобы плакать, размышлялъ бы».

Все это очень прекрасно и возвышенно, но спрашивается: при чемъ же тутъ мнимая свобода поэта отъ вмѣшательства въ злобу дня? Напротивъ того, любить трудящихся, ненавидѣть вредящихъ, помогать честному принципу выбраться на дорогу изъ какого-нибудь болота, преградить путь какой бы то ни было лжи, откуда бы она ни исходила, вѣдь все это вмѣстѣ и есть не что иное, какъ вмѣшательство именно въ эту самую злобу? И выходитъ, такимъ образомъ, изъ всей тирады В. Гюго одна праздная игра антитезами, которую всю можно умѣстить въ слѣдующую формулу: поэтъ долженъ быть свободенъ отъ всякихъ обязательствъ служенія своей родинѣ въ томъ отношеніи, чтобы свободно исполнять всѣ эти обязательства. Но стоитъ ли объ этомъ и рѣчь вести? Само собою разумѣется, что если у поэта существуетъ непреодолимое желаніе уклониться отъ всякихъ злобъ дня, то всѣ обязательства, предписываемыя ему, какъ бы они почтенны ни были, будутъ ему казаться цѣлью, а если они глубоко входятъ въ его природу, составляютъ все содержаніе его жизни, то они перестаютъ быть и обязательствами, а становятся естественнымъ и вполне свободнымъ влеченіемъ духа. Что же касается до качества вмѣшательства поэта въ злобу дня, т. е. будетъ-ли это вмѣшательство производиться съ точекъ зрѣнія высшаго философскаго синтеза, или преходящихъ мелочныхъ

дрязгъ, обуславливающихъ ежедневную борьбу партій, то это зависитъ опять-таки не отъ того поэтъ или не поэтъ человѣкъ, удаляется онъ, или не удаляется отъ злобы дня, а отъ степени его умственного развитія, большей или меньшей широты его міросозерцанія, эрудиціи и т. п. качествъ, присущихъ не однимъ поэтамъ, а всѣмъ людямъ безъ различія. Источникъ подобной логической путаницы слѣдуетъ искать не въ чемъ иномъ, какъ въ двухъ теченіяхъ мысли, которыя въ это время смѣшивались въ В. Гюго. Съ одной стороны шло своимъ путемъ прежнее привычное теченіе, сдѣлавшее изъ В. Гюго творца «Le dernier jour d'un condamné», «Claude Gueux» и прочихъ горячихъ и живыхъ твореній его молодости, въ которыхъ онъ стремительно вмѣшивался въ злобу дня безъ всякихъ колебаній и оглядокъ; съ другой же стороны шло новое теченіе, возбужденное наступившей реакціей и выражавшееся охлажденіемъ поэта къ общественной жизни. Изъ всѣхъ прежнихъ безоглядныхъ устремленій къ злобѣ дня не представлялось никакихъ осязательно-благодетельныхъ результатовъ, поневолѣ рождалось сомнѣніе, да стоитъ-ли продолжать вязываться во всѣ эти тщетныя хлопоты, не правильнѣе-ли удалиться въ какую-нибудь философскую высь и тамъ въ спокойномъ и безпристрастномъ созерцаніи искать развязки хитросплетенныхъ узловъ жизни, повергшихъ въ отчаяніе всѣхъ мыслящихъ людей вѣка?

Изъ всѣхъ трехъ вышеупомянутыхъ сборниковъ мы обратимъ вниманіе лишь на нижеслѣдующія три стихотворенія, вполне обрисовывающія раздвоенное и сумерочное состояніе духа поэта. Такъ, въ первомъ же стихотвореніи сборника «Les chants du crépuscule», подъ заглавіемъ «Prélude», помѣченномъ 20-мъ октябремъ 1835 года, вотъ въ какомъ видѣ обрисовываетъ поэтъ свой вѣкъ:

«Какъ назвать тебя, тревожный часъ, который мы переживаемъ? Всѣ лица покрыты холоднымъ потомъ. И въ небесной выси, и въ сердцахъ людей — повсюду мракъ борется со свѣтомъ.

«Вѣрованья, страсти, надежды, отчаянье—ничто не сверкаетъ въ блескъ дня и ничто не скрывается въ мракъ ночи, и міръ, полный колеблющихся призраковъ, покрытъ сумракомъ, окутывающимъ всѣ предметы.

«Шумъ, который слышится въ этомъ сумракѣ, оглушаетъ мысль: все смѣшивается въ немъ, начиная съ пѣсни птицелова и кончая журчаніемъ засохшаго листа, скрывающаго подъ собою, можетъ быть, гнѣздо, можетъ быть, цвѣтокъ.

«Все смѣшивается: и невѣрные шаги сбившагося съ пути путника, и шорохъ тростника, трущаго одинъ о другой свои сверкающіе зеленые ремни, и небесные хоры въ горныхъ пространствахъ.

«И лодка, съ которой раздаются въ сумракѣ звуки лиры, несущаяся вдали отъ береговъ быстрымъ потокомъ, и гимны лѣсовъ по горамъ, и эти стонущіе голоса, которые доносятся изъ городовъ.

«Это стонетъ человѣкъ, потому что въ настоящемъ вѣкѣ каждое убѣжденіе тотчасъ же дѣлается жертвою насмѣшливой улыбки и низлагается сомнѣніемъ, этимъ страшнымъ отстоемъ во всѣхъ сердцахъ.

«Всѣ эти смѣшанные звуки, то страшные, то отрадные, сливаются въ странную пѣсню, которую поетъ наша эпоха, не имѣющая въ рукахъ никакого свѣтильника и неустанно работающая. Что она такое—могильщикъ или кормилица? Снаряжаетъ она колыбель или роетъ могилу?

«Заря! заря!.. Обратите къ востоку ваши очи, поэты!.. Увы! отвѣчаютъ ихъ голоса, столь долгое время молчавшіе: — мы видимъ тамъ таинственный свѣтъ.

«Таинственный свѣтъ въ безмолвномъ небѣ, озаряющій горизонтъ за холмами, въ родѣ кузницы, которую далеко видишь во мракѣ ночи, но не слышишь еще стука молотовъ.

«Но мы не знаемъ, возвѣщаетъ-ли эта отдаленная заря приближеніе дня и пылающаго солнца, потому что, достигнутые мракомъ въ этотъ невѣдомый часъ, мы не знаемъ, гдѣ востокъ, гдѣ западъ.

«Можетъ быть, вечеръ принимаютъ за утро? Можетъ быть, солнце, къ которому стремятся люди, вызывая его изъ-за горизонта—заходящее солнце?

«Создатель! дѣйствительно-ли это заря сіяетъ въ отдаленіи? О! тревога растетъ съ каждою минутою!.. Ничего не видно *уже*, или ничего не видно *еще*? Начало-ли это, о, Создатель, или конецъ?

«Ужасающія сумерки и на землѣ, и во всѣхъ душахъ! Глаза, которые съ другого конца свѣта смотрятъ на это невѣдомое солнце, готовятся-ли смениться сномъ, или только-что открылись по пробужденіи?

«Этотъ смѣшанный шумъ, который сковываетъ наши души, можетъ быть, происходитъ отъ шуршанія повсюду крыльевъ, готовящихся къ отлету? Можетъ быть, въ эту минуту земля говорить: прощай!..

«Или, можетъ быть, этотъ шумъ, чистый, какъ дуновение вѣтерка, и прелестный, какъ лютня, представляетъ собою звуки пробуждающагося эдема, и земля въ эту минуту говорить: здравствуй!

«Дерево шумитъ — что это, восторгъ или жалоба? Птица поетъ—плачетъ она или смѣется? Океанъ рокочетъ—отъ радости или страха? Звуки человѣческаго голоса — что это, пѣсня или плачь?

«Обратя къ востоку, въ свою очередь, очи, исполненные сомнѣнія, собирая всѣ звуки, страшные и плѣнительные, раздающіеся сверху и снизу, вздохъ каждаго и ропотъ всѣхъ, поэтъ, въ своихъ пѣсняхъ, исполненныхъ горечи, отражаетъ печальнымъ, но спокойнымъ эхомъ все, о чемъ мечтаетъ душа и что мръ поэтъ или лепечетъ во мракѣ, исполненный ожиданія».

Вотъ въ какомъ двойственномъ видѣ рисуетъ В. Гюго современный прогрессъ въ сборникѣ «Les voix intérieures», въ стихотвореніи безъ названія, помѣченномъ апрѣлемъ 1837 года:

«Нашъ вѣкъ великъ и могучъ; благородный инстинктъ руководитъ имъ; повсюду идея совершаетъ свою миссію, и шумъ труда, полный звуковъ человѣческихъ голосовъ, смѣшивается съ звуками божественнаго творенія.

«Повсюду, въ городахъ и пустыняхъ, человѣкъ вѣренъ молву, которымъ онъ вскормленъ. И изъ безформенной массы темныхъ толпъ творческая мысль изсѣкаетъ націи.

«Устарѣлый эшафотъ рушится и Гревская площадь омывается. Мятажь дремлетъ. Лучшіе дни готовы наступить. Гнѣвъ народа, подобно лавѣ вулкана, сначала опустошаетъ, а потомъ оплодотворяетъ землю.

«Могучіе поэты, божи помазанники, озаряютъ насъ лучами своего вдохновенія. Искусство имѣетъ свои свѣжія долины, гдѣ души утоляютъ свою жажду поэзіей, наклоняясь къ священнымъ источникамъ ея.

«Камень за камнемъ, размышляя о древнихъ сокрушившихся нравахъ, подъ обществомъ, колеблемымъ всѣми вѣтрами, мыслитель возобновляетъ двѣ святыя твердыни: почтеніе къ старцамъ и любовь къ дѣтямъ.

«Обязанность, чадо права, подъ нашими домашними кровлями обитаетъ, какъ царственный и степенный хозяинъ. Группы нищихъ подъ сѣнію портиковъ обнаруживаютъ менѣе ненависти въ сердцахъ и менѣе мрачнаго блеска въ глазахъ.

«Двери не заперты передъ суровою истиною, каждое слово свободно. Нашъ изумленный разумъ, читая книгу знаній, каждый день раскрываетъ во вселенной новый неожиданный смыслъ.

«О, поэты! въ ту минуту, какъ вы мечтаете, желѣзо и горячій паръ отымають у земли ея древнее тяготѣніе, которое дробило твердую мостовую подъ тяжелыми осями!

«Человѣкъ заставилъ служить ему слѣпую матерію. Онъ размышляетъ, изслѣдуетъ, создаетъ. Отъ его живого духа во всей природѣ трепещетъ всякая тварь, какъ листья въ лѣсу, колеблемые вѣтромъ.

«Да, все идетъ впередъ, все развивается. Каждый изъ быстролетныхъ часовъ оставляетъ свой слѣдъ. Наступаетъ великій вѣкъ, и, созерцая издали сіяющіе берега, человѣкъ представляетъ свою судьбу въ видѣ рѣки, все болѣе и болѣе разливающейся.

«Но среди всего этого прогресса, которымъ тщеславится наше поколѣніе, во всемъ этомъ ослѣпительномъ блескѣ нашего славнаго вѣка, одна вещь, о Иисусъ, пугаетъ меня: эхо твоего голоса все болѣе и болѣе слабѣетъ день отъ дня».

Наконецъ, въ стихотвореніи «Sagesse», напечатанномъ въ «Les Rayons et les ombres» и помѣченномъ апрѣлемъ 1840 года, онъ говоритъ о трехъ голосахъ, которые борются въ немъ и влекутъ его въ разныя стороны:

«Въ моемъ колеблющемся разумѣ вопіютъ три голоса, иногда одинъ за другимъ, а иногда и сразу. Одинъ голосъ говоритъ:

«— Пылай гнѣвомъ, поэтъ! Адъ рукоплещетъ всему, что эта эпоха создаетъ и на что она покушается. Негодуй! твой вѣкъ, это грязный шатеръ, въ которомъ человѣкъ, видя наступающій вечеръ, зоветъ къ себѣ сладострастье и всѣ разнузданные пороки. Правда, которую нѣкогда сіялъ Римъ, удалилась на небо и нѣтъ болѣе любви въ человѣкѣ. Очи у всѣхъ сомкнуты для каждаго сверкающаго луча. О! не отвергай воинственную музу, которая посѣщала нѣкогда, въ видѣ суровой гостыи, Амоса и Иеремию, этихъ двухъ мрачныхъ гигантовъ! Люди неблагоприятны, злы, живы, завистливы! Преступленіе—удѣлъ многихъ, тщеславіемъ заражены всѣ, потому что нѣкоторые изъ нихъ ведутъ свое происхожденіе отъ Каина, а всѣ отъ Евы!..

«Другой голосъ говоритъ: прощай! любви! Богъ, которому поклоняются, милосердъ къ человѣку и никогда не будетъ жестокимъ. Уважай муравья не менѣе льва. Мечтатель! Ничего нѣтъ ничтожнаго въ мірозданіи. Вся вселенная состоитъ изъ атомовъ и въ каждомъ атомѣ частичка божества. Развивай въ себѣ любовь, жалость, участіе. Если судьба принуждаетъ тебя близко сталкиваться съ человѣкомъ, иногда суетнымъ, слѣпымъ и безразсуднымъ, умѣрай строгость судьи слезами брата. Пусть все, что окружаетъ тебя, и воздухъ, и цвѣты, и мурава, и группа

дѣтей, играющихъ на порогѣ твоего дома, и нищій, сидящій на нивѣ, и птица, подстерегающая муху въ травѣ, и волны, эти древнія книги, которыя перелистываетъ вѣтеръ, и изъ которыхъ вѣетъ утонченный, свободный и живой духъ древнихъ, овладѣвающій твоими мыслями, созерцаніе оскорбленныхъ женщинъ, которыя тонуть въ слезахъ, какъ водоросли въ водѣ, и человѣкъ—этотъ зритель, и міръ, эта картина—пусть все это вмѣстѣ устремляетъ и твою жизнь, и твое вдохновеніе къ таинственному оку, которое смотритъ на всѣхъ насъ, невидимому стражу, принципу, цѣли, средоточію, свѣту, теплу, утѣшенію, скрывающемуся во всѣхъ вещахъ и видимому каждой душою!..

●Третій голосъ говоритъ:—любить, ненавидѣть? Очень нужно! Пусть поютъ или проваливаются, рождаются или умираютъ. Добро, зло, смерть, пороки, ложные боги, какое все это имѣетъ значеніе передъ сіяющими небесами? Развѣ отъ этого всего бѣднѣе станеть сѣнь прохладнаго лѣса, менѣе будетъ всякаго произростанія, украшающаго луга, поля, воды, скалы и горы? Развѣ волна будетъ не такъ синя и шумъ лѣсной не такъ сладокъ, или вѣтерокъ не будетъ также гнать по небу счастливыя облака? Потеряетъ-ли солнце, одинаково улыбающееся и цвѣтамъ въ поляхъ, и королю во дворцѣ, и каторжнику въ острогѣ, хоть одинъ лучъ, когда земля забудетъ добродѣтель? Нѣтъ, Панъ не имѣетъ нужды, чтобы ему молились или его любили! О мудрость! чистый духъ! верховная ясность!.. Зевсъ, Ирменсуль, Вишну, Юпитеръ, Іегова, Божество, которое искалъ Сократъ и нашель Іисусъ, ты двинушій твоимъ дыханіемъ мириады міровъ, что тебѣ такое безумные люди, зря толкающіе другъ друга въ пропасть, призраки, проходящіе безслѣдно передъ твоими глазами, тѣни, мелькающія передъ твоимъ ликомъ!..

«Въ моемъ темномъ уголѣ, гдѣ изъ подъ зеленой занавѣски дружескимъ взглядомъ смотрятъ на меня полураскрытыя книги, гдѣ библія улыбается Виргилію, я внимаю этимъ тремъ голосамъ, и если мой слабый умъ колеблется, я все-таки настоятельно и безъ страха исполняю, что они мнѣ внушаютъ. Потому, что люди, смущаясь этими противорѣчіями, всю мудрость ищутъ въ чемъ-нибудь одномъ. Каждый имѣетъ претензію познать истину, но лишь изъ своего окошка и съ одной стороны, и никто не попытается обогнуть кругомъ эту высочайшую скалу и взойти на самую ея вершину.

«Вслѣдствіе этихъ трехъ точекъ зрѣнія, съ которыхъ я смотрю на все меня окружающее, вслѣдствіе этого тройнаго совѣта, которому люди не внимаютъ, ненависть гаснетъ въ моемъ сердцѣ

и наполняется оно сладкимъ благоволеніемъ, какъ заря поэтизирующимъ и смягчающимъ мои стихи, которые я лелѣю въ своей головѣ, чтобы окончить ихъ среди благоуханія полей, подъ сѣнію облаковъ и при журчаніи источниковъ».

Всѣ эти выдержки ясно показываютъ намъ смутное, раздвоенное, полумистическое, полускептическое настроеніе духа поэта во весь этотъ періодъ его жизни. Мы не будемъ долѣ останавливаться на этомъ мрачномъ періодѣ и поспѣшимъ къ иному болѣе свѣтлому времени, когда новая политическая буря, очистивши душный и спертый воздухъ 40-хъ годовъ, оживила и В. Гюго, пробудивъ его отъ десятилѣтняго усыпленія и наполнивъ фантазію его болѣе ясными, опредѣленными и благотворными звуками и образами.

А. Снабичевскій.

РЕТЧЕЛЬ ДЕЙСОПЪ.

РАЗСКАЗЪ ИЗЪ ТЮРЕМНОЙ ЖИЗНИ.

МАРНА ГОПА, автора «Въ Тюръжъ».

I.

Присяжные уже два часа совѣщались, и публика въ судѣ начинала выказывать нетерпѣніе. Судья около получаса оставался на своей скамьѣ, читая газету, но потомъ ему надоѣло ждать и онъ ушелъ въ свою комнату; шерифъ, не зная что дѣлать съ треугольной шляпой, которая лежала у него на колѣняхъ, и шпагой, болтавшейся между ногами, силился принять натуральную позу и любезно разговаривалъ по временамъ съ дамами. Адвокаты, окруживъ столъ защитника, громко болтали обо всемъ, кромѣ разбиравагося дѣла. Ихъ интересъ къ этому дѣлу былъ уже исчерпанъ съ часъ передъ тѣмъ и могъ быть вновь возбужденъ только прочтеніемъ приговора присяжныхъ.

Дѣло Гьюга Мольверера стояло послѣднимъ въ спискѣ настоящей уголовной сессіи въ Толминстерѣ. Онъ обвинялся въ убійствѣ, но это было убійство изъ ревности и совершено при такихъ обстоятельствахъ, что присяжные могли вынести оправдательный вердиктъ. Все зависѣло отъ того, какъ взглянуть присяжные на право человека наказать коварнаго соперника. Подсудимый былъ джентльмэнъ, молодой, красивый, и его достойное, сдержанное поведеніе на скамьѣ обвиняемыхъ снискало ему общее сочувствіе публики, особенно дамъ. Рѣчь его защитника Сутля, лучшаго адвоката по уголовнымъ дѣламъ, отличалась могучей силой и краснорѣчивой убѣдительностью, а заключительное слово судьи нѣсколько склонялось въ его пользу. Но всѣ знавшіе судью Кобля видѣли въ этомъ дурной признакъ, потому что онъ обыкновенно склонялся въ пользу обвиняемаго за своею заключительномъ словѣ, когда его опытный, зоркій глазъ

замѣчалъ, что присяжные были предубѣждены противъ него. Такимъ образомъ, онъ старался уравновѣсить его шансы.

Раздался звонокъ, и стали говорить, что присяжные потребовали свѣчей. Сѣроватый свѣтъ ноябрьскаго дня быстро переходилъ въ сумерки, и глубокая тѣнь ложилась въ углахъ судебной залы. Платья и шляпки дамъ казались одного цвѣта, а красный багдахинъ надъ судейскимъ мѣстомъ совершенно почернѣлъ. Однако, не было еще на столько темно, чтобы зажечь газъ. Наконецъ, въ комнатѣ присяжныхъ послышался второй звонокъ, и вслѣдъ за этимъ появился судья, предшествуемый приставомъ, который поставилъ на судейскій столъ двѣ зажженные восковыя свѣчи. Мерцающій ихъ свѣтъ рельефно выставилъ красную мантию судьи, его горностаевый воротникъ и обшлага, а также черныя перчатки. Всѣ зрители, вышедшіе изъ залы, быстро возвратились. Двери были настежь открыты, и полиція выпустила всѣхъ желавшихъ, такъ что не осталось ни одного уголка не занятаго. Судебные пристава громко кричали: «Потише, господа». Адвокатъ Сутль въ шелковой мантии проложилъ себѣ дорогу къ своему столу въ ту самую минуту, какъ обвиняемый появился въ сопровожденіи двухъ полицейскихъ.

Нѣкоторыя изъ дамъ навели на него бинокли, но было слишкомъ темно, чтобы разглядѣть выраженіе лица подсудимаго. Онъ видѣли только, что лицо его было обращено къ скамьѣ присяжныхъ, которые послѣдно выходили изъ своей комнаты. Секретарь, стоя у судейскаго стола, началъ на распѣвъ: «Господа присяжные»... но прежде, чѣмъ онъ успѣлъ окончить свою фразу, старшина присяжныхъ, очень нервный человѣкъ произнесъ:

— Виновенъ.

— Вы говорите, что подсудимый виновенъ въ преднамѣренномъ убійствѣ и таковъ вердиктъ всѣхъ присяжныхъ?

— Виновенъ, повторилъ старшина дрожащимъ голосомъ.

Глухой ропотъ пробѣжалъ въ публикѣ, и нѣкоторыя дамы громко выразили свое сочувствіе. Но, повидимому, приговоръ удовлетворялъ общественную совѣсть, и въ дальней части залы, гдѣ толпились мелкіе негодяи, мошенники и ворюшки, эти обычные завсегдатаи судовъ, не послышалось ни одного возраженія. Еслибы приговоръ былъ иной, то, быть можетъ, толпа выразила бы свое удовольствіе, но теперь она была только поражена, какъ обыкновенно въ тѣхъ случаяхъ, когда правосудіе бываетъ безжалостно къ людямъ, стоящимъ на высокой общественной ступени. Однако, въ залѣ тотчасъ воцарилось мертвое молчаніе, и секретарь спросилъ подсудимаго: имѣеть-ли онъ что возразить про-

тивъ объявленія ему смертнаго приговора въ установленной формѣ?

Онъ молча покачалъ головой, и судья вынулъ изъ стола нѣчто похожее на черный футляръ бювара съ протечной бумагой. Онъ надѣлъ это нѣчто на макушку своего парика, и лицо его приняло совершенно каррикатурный видъ. Но слова, съ которыми онъ обратился къ подсудимому, были не глупы и не лишены теплаго чувства.

— Гьюгъ Мольвереръ, сказалъ онъ: — всѣ должны сожалѣть, что человѣкъ въ вашемъ общественномъ положеніи признанъ виновнымъ въ самомъ ужасномъ преступленіи; но ваша защита, ваше увѣреніе, что вы убили Сайлеса Бовера въ честной открытой борьбѣ, не могутъ заслуживать уваженія. Онъ былъ вашъ соперникъ и гнусно васъ оклеветалъ; вы его подвараулили, дали ему дубину по вашимъ словамъ, вызвали его на бой и убили безъ свидѣтелей, которые могли бы засвидѣтельствовать, что поединокъ былъ честный. Это—предназначенное убійство, и я не могу оставить въ васъ ни малѣйшей надежды, чтобы отмѣнили тотъ приговоръ, зоторый я тотчасъ произнесу.

Послѣ этого, судья проговорилъ обычную формулу смертнаго приговора, и подсудимый не выказалъ ни малѣйшаго признака волненія.

— Мольверера повѣсять, сказалъ одинъ адвокатъ своему товарищу, когда толпа хлынула изъ судебной залы: — если Кобль говорить, что нѣтъ надежды, значить, ея дѣйствительно нѣтъ.

— Ну, жестоко вѣшать человѣка за убійство такого негодяя, какъ Боверь, отвѣчалъ другой адвокатъ, и они оба направились въ гостинницу, гдѣ былъ приготовленъ общій столъ для всѣхъ лицъ судебного сословія.

II.

Гьюгъ Мольвереръ и Сайлесъ Боверь любили одну молодую дѣвушку—Ретчель Дейсопъ, единственную дочь и наслѣдницу банкира, который, ликвидировавъ свои дѣла, купилъ въ окрестностяхъ Толминстера большое помѣстье. Мистеръ Дейсопъ былъ уважаемъ всѣми за его прямой, благородный характеръ. Онъ очень любилъ свою дочь и позволялъ ей полную свободу, но всегда говорилъ, что не выдастъ ея замужъ за искателя богатыхъ невѣстъ, что, конечно, означало въ немъ твердую рѣшимость руководить ея выборомъ. А всѣмъ было извѣстно, что Гьюгъ Мольвереръ велъ въ университетѣ распутную жизнь, нѣсколько разъ

испортилъ себѣ карьеру чрезмѣрной страстью къ скачкамъ и находился въ затруднительныхъ обстоятельствахъ, когда онъ началъ ухаживать за миссъ Дейсопъ. Въ сущности, онъ не былъ въ такомъ стѣсненномъ положеніи, какъ всѣ полагали, потому что принадлежалъ къ тому роду людей, которымъ дорого купленный опытъ идетъ въ прокъ, и онъ мало-по-малу сѣужьлъ такъ устроить свои дѣла на скачкахъ, что пари приносили ему положительный доходъ. Но его соперникъ Сайлесъ Боверь, который былъ его закадычнымъ другомъ въ университетѣ и вмѣстѣ съ нимъ кутилъ, не остановился передъ клеветой и увѣрилъ мистера Дейсопа, что Гьюгъ былъ самый развратный человѣкъ, что онъ не любилъ Ретчель и что онъ только желалъ овладѣть ея деньгами. Этими путемъ ему удалось очернить своего друга въ глазахъ всей семьи молодой дѣвушки, которую они оба любили. Сайлесъ Боверь былъ умный, краснорѣчивый и ловкій человѣкъ; нѣкогда онъ велъ такую же жизнь, какъ Гьюгъ, и даже самъ поощрялъ его къ кутежамъ, но въ послѣдствіи онъ наслѣдовалъ небольшое состояніе, остепенился и принялъ наружный видъ очень приличнаго, почтеннаго джентльмена. Онъ носилъ высокіе, туго накрахмаленные воротнички и произносилъ въ носъ лицемерно набожныя рѣчи. Онъ былъ церковнымъ старостою, председателемъ комитета для раздачи супа бѣднымъ и часто по вечерамъ распѣвалъ церковныя гимны въ обществѣ молодыхъ дѣвицъ на урокахъ вокальной музыки. Но душа у него была низкая, и его зоркіе глаза всегда искали легкой наживы. Ретчель Дейсопъ его ненавидѣла, но онъ мало-по-малу втерся въ милость ея семьи, и сама Ретчель, хотя и подозрѣвала его истинный характеръ, но не имѣя доказательствъ его лжи и коварства, должна была пересилить свою антипатію и старалась его уважать. Въ глубинѣ же своего сердца бѣдная молодая дѣвушка любила Гьюга Мольверера и дала себѣ слово, что если не будетъ его женой, то вовсе не выйдетъ замужъ. Поэтому, можно себѣ представить, что она почувствовала, когда въ одно прекрасное утро до нея дошла страшная вѣсть, что ея поклонники встрѣтились на землѣ Сайлеса Бовера и что, послѣ гнѣвной ссоры, Гьюгъ Мольвереръ нанесъ своему сопернику смертельный ударъ. Передъ своей смертью, Сайлесъ Боверь успѣлъ сказать людямъ, которые нашли его истекающаго отъ крови:

— Онъ ударилъ меня сзади, не предупредивъ. Это—предназначенное убійство.

По несчастію, Гьюгъ Мольвереръ испортилъ еще свое дѣло попыткой бѣгства. Его поймали, отдали подъ судъ и приговорили къ смертной казни.

Это печальное извѣстіе принесъ въ домъ мистера Дейсопа адвокатъ Сутль черезъ часъ послѣ закрытія судебного засѣданія. Онъ нашелъ всю семью въ самомъ глубокомъ отчаяніи. Мистеръ и мистрисъ Дейсопъ едва не сошли съ ума, безпокоясь о дочери, которая не переставала упрекать ихъ въ жестокости, доведшей Гьюга до его безумнаго поступка. Узнавъ, что любимый ею человѣкъ приговоренъ къ позорной смерти, она истерически зарыдала и стала безсвязно кричать, что бросится къ ногамъ королевы, чтобы вымолить ему помилованіе, что напишетъ письма во всѣ газеты, что подниметъ всю страну противъ такого несправедливаго приговора. Однако, когда первая вспышка отчаянія миновала, она немного успокоилась и спросила у адвоката съ страшнымъ хладнокровіемъ:

— Что теперъ надо дѣлать для его спасенія?

— Мы должны подать прошеніе министру внутреннихъ дѣлъ, отвѣчалъ онъ:—я не думаю, чтобъ приговоръ былъ приведенъ въ исполненіе.

— Я подпишу съ удовольствіемъ прошеніе, замѣтилъ мистеръ Дейсопъ дрожащимъ голосомъ.

Въ послѣдній мѣсяцъ онъ постарѣлъ на десять лѣтъ.

— Вы должны это сдѣлать, папа, воскликнула съ жаромъ Ретчель, и слезы снова хлынули изъ ея глазъ:—ахъ, отчего вы не поняли сразу, что за человѣкъ былъ Сайлесъ Боверь!

— Милое дитя мое, я дѣйствовалъ такъ изъ любви къ тебѣ, промолвилъ старикъ печально.

— Намъ не слѣдуетъ отчаяваться, сказала Сутль:—я напишу прошеніе, въ которомъ выставлю всѣ доводы въ его пользу, и я увѣренъ, что его подпишутъ многіе. У Гьюга столько друзей.

— Всякій, кто знаетъ Гьюга, любитъ его, промолвила съвозъ слезы Ретчель:—онъ всегда былъ прямой, храбрый человѣкъ и, безъ всякаго сомнѣнія, убилъ мистера Бовера въ честномъ поединкѣ. За-границей это назвали бы дуэлью; они были одинаковой силы, мистеръ Боверь былъ даже выше ростомъ и плотнѣе Гьюга.

Мистрисъ Дейсопъ молча плакала. Она не могла промолвить ни слова отъ сердечнаго горя и съ материнской любовью оплакивала мрачную участь молодой дѣвушки. Мистеръ Дейсопъ переговорилъ съ адвокатомъ насчетъ формы прошенія къ министру внутреннихъ дѣлъ и обѣщалъ найти много сторонниковъ въ Толминстерѣ.

— Не унывайте, миссъ Дейсопъ, сказала Сутль, уходя:—я надѣюсь получить нѣчто большее, чѣмъ отмѣну смертной казни; мы будемъ хлопотать о помилованіи.

*

Онъ, однако, сказалъ это только изъ сожалѣнiя къ бѣдной молодой дѣвушкѣ, которая съ самаго начала объявила, что она не хочетъ ни о чемъ слышать, кромѣ совершеннаго помилованiя; ее не могло удовлетворить присужденiе Гьюга къ каторжной работѣ, которая была хуже смерти.

Прежде, чѣмъ уѣхать въ Лондонъ, Сутль написалъ прошенiе, и не трудно было найти желающихъ подписать его. Преступленiе Гьюга ни кѣмъ не считалось обыкновеннымъ убийствомъ. Быть можетъ, законъ считалъ его таковымъ, но поведение Сайлеса Бовера по отношенiю къ своему старому товарищу и другу было такъ гнусно, что могло вывести изъ себя самаго тихаго человѣка. Къ тому же, ничего не стоило подписать бумагу, и многiе, которымъ рѣшительно было все равно, повѣсять-ли или нѣтъ Мольверера, присоединили свой голосъ къ просьбѣ о помилованiи тѣмъ болѣе, что всѣ дамы были горячими его сторонницами. Доброжелатели Гьюга нашлись и внѣ Толминстера, копии съ прошенiя были посланы во всѣ главные города, и поднято было нѣчто въ родѣ національнаго движенiя въ его пользу. Газеты отзывались о немъ очень сочувственно; многiе влиятельные люди лично просили за него министра внутреннихъ дѣлъ. Но въ министерствѣ существуетъ рутина для подобныхъ дѣлъ, и когда, по обыкновению, спросили мнѣнiе судьи Кобля, то его неудовлетворительный отвѣтъ перевѣсилъ тысячи подписей некомпетентныхъ лицъ. Такимъ образомъ, прошенiе было оставлено безъ послѣдствiй, подъ тѣмъ предлогомъ, что законъ долженъ быть исполненъ.

Прошло десять дней послѣ объявленiя приговора, и исполненiе его назначено черезъ недѣлю, въ понедѣльникъ. Ретчель Дейсонъ это знала и, когда ея послѣдняя надежда на помилованiе Гьюга исчезла, она рѣшилась сама спасти его. Время слезъ и отчаянiя прошло; обезумѣвшая отъ любви молодая дѣвушка стала хладнокровно обдумывать средства вырвать несчастнаго изъ рукъ палача силой или хитростью. Она добилась отъ отца торжественнаго обѣщанiя, что онъ дастъ сколько угодно денегъ на бѣгство изъ тюрьмы Гьюга, если только это можно было сохранить въ тайнѣ. Основываясь на этомъ, Ретчель принялась за дѣло.

— Я его спасу во что бы ни стало, сказала она отцу: — замки и засовы для того и созданы, чтобъ ихъ ломать. Черезъ недѣлю Гьюгъ будетъ свободенъ, или мы оба умремъ!

III.

Толминстерская тюрьма находилась въ полчасаовомъ разстояніи отъ дома мистера Дейсопа. Она стояла на границѣ города, въ уединенномъ мѣстѣ, вдали отъ жилыхъ строеній. Женатые сторожа, уходившіе изъ тюрьмы на обѣдъ и на ночь, должны были пройти около четверти мили до перваго ряда домовъ въ ближайшемъ городскомъ предмѣстьѣ.

Однажды вечеромъ, въ 6 часовъ, тюремные сторожа, возвращаясь домой послѣ дневнаго дежурства, увидѣли съ изумленіемъ молодую даму въ густомъ вуалѣ, стоящую подъ фонаремъ у перваго поворота дороги изъ тюрьмы. Они посмотрѣли на нее, недоумѣвая, для чего она тутъ стояла, но не могли хорошенько разглядѣть ея лица; она же, напротивъ, отлично видѣла каждаго изъ нихъ при свѣтѣ фонаря. Девять сторожей прошли мимо нея, группами по двое и по трое, по держась всё вмѣстѣ. Наконецъ, на разстояніи двухъ или трехъ минутъ, слѣдовалъ за ними десятыи сторожъ, очевидно запоздавшій. Не успѣлъ онъ поравняться съ Ретчель Дейсопъ, какъ она махнула ему рукою. Она успѣла замѣтить, что у него лицо было молодое, доброе.

— Сдѣлаете вы мнѣ одолженіе? спросила она, дрожа всѣмъ тѣломъ и подавая сторожу золотую монету.

— Съ большимъ удовольствіемъ, сударыня, отвѣчалъ онъ, снимая шапку.

— Скажите мнѣ, какъ здоровье мистера Мольверера?

— Онъ переноситъ свою судьбу мужественно, сказалъ сторожъ, смотря пристально на молодую дѣвушку: — обыкновенно джентльмэны не выказываютъ своего волненія, но онъ ведетъ себя, какъ лордъ. Вы его, вѣроятно, знаете?

— Да, я — его невѣста, произнесла Ретчель: — выслушайте меня: если вы поможете его бѣгству изъ тюрьмы, то получите тысячу фунтовъ.

— Извините, миссъ, это невозможно, отвѣчалъ сторожъ, качая головой.

— Вамъ этого мало. Хотите двѣ тысячи?

— Я взялъ бы и менѣе тысячи за спасеніе мистера Мольверера, еслибъ это было возможно, сказалъ сторожъ, не выказывая никакого негодованія при этомъ открытомъ подкупѣ: — я буду очень сожалѣть, если такого славнаго джентльмэна повѣсятъ; но вы, кажется, не знаете внутренняго устройства тюремъ.

И онъ въ двухъ словахъ объяснилъ внутреннее устройство

тюремъ. Два сторожа постоянно, днемъ и ночью, дежурили въ кельѣ арестанта, приговореннаго къ смертной казни, и смотритель приходилъ, отъ времени до времени, убѣдиться, на мѣстахъ ли они. Такимъ образомъ, надо было подкупить трехъ лицъ, но тутъ деньги не причемъ, потому что ни одинъ сторожъ не согласится рисковать каторжными работами на десять лѣтъ за содѣйствіе побѣгу убійцы.

Она говорила спокойно, сочувственно и, повидимому, былъ бы очень радъ оказать просимую помощь, еслибъ это было возможно. Она это видѣла, и сердце ея бѣнуло при мысли, что взятая ею на себя задача была неисполнима. Они молча сдѣлали нѣсколько шаговъ по направленію къ городу. Ночь была холодная, на небѣ ходили черныя тучи. Ретчель лихорадочно дрожала. Она теперь думала, что ей оставалось одно: подкупить этого сторожа и послать ядь Гьюгу, а потомъ отравиться и самой. Но отъ этой мысли холодъ пробѣжалъ по ея спинѣ и въ глазахъ у нея помутилось.

— Мнѣ дурно, промолвила она, схватившись за руку сторожа:— мнѣ надо сѣсть.

— Войдемте въ кабачекъ въ концѣ этой улицы, отвѣчалъ сторожъ, поддерживая ее.

— Нѣтъ, меня здѣсь всѣ знаютъ. Вонъ, поведите меня въ ту хижину.

— Нѣтъ; туда, миссъ, нельзя. Тамъ оспа. Дойдемъ ужъ до моего дома; онъ недалеко отсюда.

— Оспа! произнесла Ретчель, и это слово какъ бы осѣнило ее счастливой мыслью:— оспа прилипчива. Вы боитесь ея?

— Нѣтъ, я не боюсь, миссъ. Я укаживалъ за арестантами, у которыхъ была оспа. Но я боюсь за васъ.

— Вы не боялись бы войти въ этотъ домъ, взять тамъ съ больного какое-нибудь зараженное бѣлье и... отнести мистеру Мольвереру, чтобъ онъ занемогъ. Намъ нельзя терять времени; казнь его должна произойти въ понедѣльникъ; но вѣдь они его не убьютъ больного, неправда-ли? Такая болѣзнь, какъ оспа, проходитъ не ранѣе нѣсколькихъ недѣль. И потомъ, когда онъ избѣгнетъ смерти отъ болѣзни, они, конечно, не убьютъ его! Нѣтъ, вѣдь не убьютъ?

Ретчель схватила сторожа за руку и смотрѣла ему прямо въ лицо съ самой пламенной мольбой.

— Это странная идея, но, можетъ быть, она удастся, промолвилъ онъ, глубоко тронутый.

— Вы получите, въ случаѣ успѣха, тысячу фунтовъ, сказала Ретчель, едва переводя дыханіе.

— Хорошо, я попробую, отвѣчалъ сторожъ послѣ минутнаго колебанія:—за тысячу фунтовъ стоить похлопотать, и рискъ не великъ.

IV.

Въ это время мистеръ Гарди, докторъ Толминстерской тюрьмы, былъ боленъ подагрой и его обязанности исполнялъ его помощникъ, молодой человекъ, лѣтъ тридцати-трехъ, по имени Перси Сиринъ.

Онъ обладалъ недюжинными способностями, приятными манерами и красивой наружностью, но потерялъ лучшія двѣнадцать лѣтъ своей жизни въ безуспѣшномъ ожиданіи счастливаго момента занять мѣсто доктора Гарди. При поступленіи къ нему въ помощники, Перси прямо уговорился насчетъ перехода къ нему всей практики доктора послѣ его удаленія отъ дѣлъ, но докторъ Гарди не хотѣлъ ни подать въ отставку, ни умереть, и, что было всего хуже, онъ такъ небрежно относился къ своимъ пациентамъ, посѣщая ихъ, лишь когда онъ былъ въ духѣ и погода хорошая, что большая ихъ часть мало-по-малу его бросила. Такимъ образомъ, Перси Сиринъ, тридцати-трехъ лѣтъ отъ рода, былъ помощникомъ доктора, упустившего хорошую практику, и получалъ только 150 ф. с. въ годъ жалованья. Его будущность тѣмъ болѣе казалась мрачной, что докторъ Гарди съ обычнымъ эгоизмомъ старости никому его не рекомендовалъ. Напротивъ, онъ всегда называлъ Перси «мой мальчишка», что равнялось официальному удостовѣренію въ его неспособности, такъ какъ люди серьезно больные не любятъ лечиться у мальчишекъ, а по несчастью для него, докторъ Сиринъ казался на взглядъ гораздо моложе, чѣмъ былъ на самомъ дѣлѣ.

Онъ имѣлъ долги, что не было удивительно, ибо онъ одѣвался и жилъ хорошо, рассчитывая въ продолженіи многихъ лѣтъ на переиъну своего положенія, которая все не наступала. Такимъ образомъ, въ то время, когда Гьюгъ Мольвереръ былъ присужденъ къ смертной казни, Перси Сиринъ пришелъ къ тому заключенію, что ему надо или тотчасъ наслѣдовать доктору Гарди какъ по тюремнымъ обязанностямъ, такъ и по рѣдѣвшей практикѣ, или уѣхать изъ Толминстера. Послѣдняя мысль была для него очень непріятна, и онъ не разъ, размышляя о судьбѣ Мольверера, завидовалъ его блестящимъ шансамъ, которыми онъ не умѣлъ воспользоваться. Еслибъ его, Сирина, любила богатая наслѣдница, то, конечно, никакой Сайлесъ Боверь

ихъ не разлучилъ бы. Онъ увезъ бы молодую дѣвушку на зло ея родителямъ и тайно женился бы на ней; отличаясь романтическими стремленіями, онъ презиралъ Мольверера за то, что послѣдній не счужьлъ разыграть игру, въ которой всѣ козыри были у него на рукѣ.

— Я не понимаю, что хорошаго находятъ въ немъ миссъ Дейсонъ и публика, говорилъ онъ себѣ послѣ каждаго посѣщенія Мольверера въ его тюремной кельѣ: — это просто гордый, надменный дуракъ. Я не пророню ни слезинки, когда его повѣсятъ.

Но однажды вечеромъ, посѣтивъ по обыкновенію арестанта, онъ засталъ его въ большомъ волненіи. Онъ впервые, со времени своего заточенія, плакалъ. Голова его горѣла, пульсъ былъ лихорадочный. Его рвало и на кожѣ показалась сыпь.

— Гм! промолвилъ Перси: — счастье ему продолжаетъ улыбаться. У него оспа, и онъ увернется отъ висѣлицы.

— Сегодня занемогъ еще арестантъ, сэръ, сказалъ одинъ изъ сторожей, дежурныхъ въ кельѣ Мольверера: — это № 12.

— Онъ помогаетъ сторожамъ этого отдѣленія и убираетъ эту келью, не такъ-ли?

— Да, сэръ; вѣроятно, онъ схватилъ болѣзнь у Мольверера или Мольвереръ у него, замѣтилъ сторожъ.

— Удивляюсь, какъ сюда занесли оспу! произнесъ докторъ, пожимая плечами, и, обѣщавъ прислать лекарство Мольвереру, пошелъ къ арестанту № 12.

Это былъ Джонъ Биртль, сидѣвшій въ тюрьмѣ три мѣсяца за недозволенную охоту; онъ велъ себя очень хорошо, и его произвели въ тюремные слуги вмѣсто того, чтобы заставлять щипать паклю или ходить на колесѣ. Одна изъ его обязанностей заключалась въ уборкѣ кельи приговореннаго къ смерти, и тамъ онъ заразился оспой. Докторъ Сиринъ засталъ его на койкѣ въ сильномъ жару: онъ сбросилъ съ себя арестантскую куртку и лежалъ въ одной рубашкѣ съ краснымъ лицомъ и ужасной головной болью. Докторъ тотчасъ увидалъ, что онъ находился въ такомъ же опасномъ положеніи, какъ Мольвереръ, и его прямой обязанностью было изолировать этихъ двухъ больныхъ, чтобы пресѣчь дальнѣйшее распространеніе заразы въ тюрьмѣ.

Онъ послѣшилъ къ директору и заявилъ, что ихъ необходимо немедленно перевести въ лазаретъ. Конечно, директоръ былъ очень пораженъ этимъ извѣстіемъ. Нервный, боязливый человѣкъ, очень тяготившійся лежавшей на немъ отвѣтственностью, онъ такъ испугался появленію въ тюрьмѣ заразительной болѣзни, что, не теряя ни секунды, принялъ энергичныя мѣры. Онъ вызвалъ смотрителя надъ сторожами и приказалъ распорядиться тотчасъ

о переводѣ въ лазаретъ больныхъ арестантовъ. Черезъ нѣсколько минутъ, Гьюгъ Мольвереръ, едва шевеля ногами и опираясь на двухъ сторожей, взобрался по лѣстницѣ въ верхній этажъ въ лазаретъ, гдѣ уже пылалъ огонь въ каминѣ. Вскорѣ за нимъ принесли туда и Джона Биртля.

Директоръ и докторъ Сиринъ сами позаботились, чтобы больные ни въ чемъ не нуждались. Ихъ помѣстили въ отдѣльныхъ комнатахъ, которыя были гораздо обширнѣе обыкновенныхъ келій; кромѣ каминовъ, онѣ еще отличались большими окнами, изъ которыхъ открывался красивый видъ на окрестности. На чисто выбѣленныхъ стѣнахъ висѣли тексты священнаго писанія и картины изъ библейской исторіи.

— А кто будетъ ухаживать за этими людьми? спросилъ докторъ у директора, когда Мольверера уложили въ постель.

— Да, конечно, отвѣчалъ директоръ, совершенно теряясь, какъ обыкновенно съ нимъ случалось въ критическія минуты: — такъ какъ Мольвереръ боленъ, я думаю, его можетъ караулить и одинъ сторожъ?

— Я не боюсь оспы, сэръ, произнесъ одинъ изъ сторожей, снимая свою фуражку:—если вамъ угодно, я останусь при немъ и буду почевать въ лазаретѣ.

— Хорошо, Докинсъ, мы очень будемъ вамъ обязаны, сказалъ директоръ, видимо успокоенный:—но помните, что необходимъ строгій караулъ.

— И не забудьте, что оба больные должны быть тепло накрыты, прибавилъ докторъ:—я приду въ лазаретъ завтра, рано утромъ.

— Хорошо, сэръ, отвѣчалъ сторожъ, провожая начальство до лѣстницы.

Такимъ образомъ, Гьюга Мольверера отдали подъ личный надзоръ сторожа Докинса, а сторожъ Докинсъ былъ именно тотъ человѣкъ, котораго подкупила Ретчель Дейсопъ.

V.

Ни одна женщина не ожидала извѣстія о безопасномъ возвращеніи любимаго человѣка съ войны или изъ морского путешествія съ такимъ лихорадочнымъ біеніемъ сердца, какъ Ретчель Дейсопъ ждала вѣсти о томъ, что Гьюгъ Мольвереръ занемогъ опаснымъ недугомъ, который могъ стоить ему жизни. Она сдѣлала нѣчто ужасное, но у нея не было другого средства спасти Гьюга отъ висѣлицы. Поэтому, она не сожалѣла о своемъ поступкѣ и не мучилась мыслью о возможныхъ послѣдствіяхъ,

но просто ждала съ натянутыми нервами, и сосредоточивъ въ свои мысли на страшномъ понедѣльникѣ, въ который любимый ею человѣкъ долженъ былъ, если только онъ здоровъ, умереть позорной смертью.

Довинсъ предупредилъ ее, чтобы она не старалась вступать въ сношенія съ нимъ или съ кѣмъ либо другимъ въ тюрьмѣ, такъ какъ иначе могли возбудиться подозрѣнія. Она должна была терпѣливо ждать извѣстія о результатѣ ея стратагемы чрезъ газеты или какой-либо другой случайный источникъ. Что же касается до него, то, въ случаѣ успѣшнаго выполненія взятой на себя задачи, онъ явится самъ за деньгами.

Прошло три дня, и Ретчель не имѣла никакихъ извѣстій. Наступила пятница, и оставалось только два дня до страшнаго понедѣльника. Молодая дѣвушка не могла долѣе переносить мучительной неизвѣстности и сказала отцу, что она нездорова, прося послать за докторомъ Гарди. Мистеръ Дейсопъ хотя и не зналъ, что сдѣлала его дочь, но подозрѣвалъ причину, заставившую ее пригласить тюремнаго врача, а не ихъ обыкновеннаго доктора. И такъ, послали за докторомъ Гарди; но, какъ намъ извѣстно, докторъ Гарди былъ боленъ, и потому Перси Сиринъ пріѣхалъ въ Эльмъ-Гренджъ въ кабриолетѣ, отправленномъ въ Толминстеръ.

Былъ холодный, дождливый вечеръ, и молодой докторъ промокъ. Но онъ былъ въ очень веселомъ настроеніи духа, полагая, что наконецъ-то судьба ему улыбнулась. Это приглашеніе въ домъ мистера Дейсопа казалось ему поворотной эпохой въ его жизни, началомъ новой, счастливой эры. Онъ не сомнѣвался, что Дейсопы, по крайней мѣрѣ, Ретчель, хотѣли его разпространить о Гьюгѣ Мольверерѣ, и догадывался, какое удовольствіе доставить та вѣсть, которую онъ могъ сообщить. На этомъ камнѣ онъ построилъ цѣлый фантастичный замокъ, потому что люди, ничего не имѣющіе и очень самолюбивые—чрезвычайные мечтатели.

Прибывъ въ Эльмъ-Гренджъ, докторъ Сиринъ, по указанію дворецкаго, прошелъ прямо въ гостинную, гдѣ Ретчель сидѣла одна передъ каминомъ, грѣя свои холодныя руки. Онъ видалъ ее прежде раза два или три издали, но не узналъ бы ея въ этой блѣдной молодой дѣвушкѣ, съ большими смутно блуждавшими глазами. Увидѣвъ доктора, она устремила на него такой пристальный взоръ, что онъ опустилъ голову. Она была очень хороша. Ея черные, роскошные волосы падали въ беспорядкѣ на плечи; глаза были глубокіе; ротъ удивительно изященъ. Она была одѣта вся въ черномъ, какъ вдова. Дѣйствительно, она была дѣвственною вдовою.

— Докторъ, начала она дрожащимъ голосомъ:—я нездорова... у меня голова...

— Сядьте, миссъ Дейсопъ, произнесъ Перси Сиринъ, взявъ ея руку и слушая пульсъ:—у васъ лихорадочное состояніе. Вы столько перенесли въ послѣднее время! Я все знаю.

— Каковъ онъ? спросила поспѣшно Ретчель и закрыла лицо платкомъ, который стала грызть въ мучительной агоніи.

— Вы говорите о мистерѣ Мольверерѣ? Успокойтесь; онъ, по крайней мѣрѣ, избѣгнетъ судьбы, которая его такъ устрашала.

— А! произнесла Ретчель съ тяжелымъ вздохомъ и опустилась въ изнеможеніи въ кресло.

— Да, онъ боленъ, продолжалъ докторъ:—онъ слегъ во вторникъ и теперь находится въ лазаретѣ. Вчера писали министру внутреннихъ дѣлъ, и...

— И казнь отложена? воскликнула Ретчель, неожиданно вскакивая.

— Успокойтесь. Сегодня полученъ отвѣтъ, съ разрѣшеніемъ отложить казнь. Иначе и быть не могло; а со временемъ, конечно, смертную казнь замѣнятъ другимъ наказаніемъ.

— Слава Богу! воскликнула Ретчель, бросаясь на колѣни, и зарыдала истерически.

Докторъ стоялъ безпомощно подлѣ нея и въ глубинѣ своего сердца ненавидѣлъ Мольверера за то, что тотъ съумѣлъ внушить подобную любовь.

— Миссъ Дейсопъ, сказалъ онъ, наконецъ, поднимая съ пола молодую дѣвушку:—успокойтесь; вы теперь избавлены отъ большой тревоги и должны подумать о своихъ родителяхъ. Мистеръ Мольвереръ навсегда избѣгнулъ позорной смерти...

— Но онъ можетъ умереть отъ болѣзни? воскликнула Ретчель, которая, освободившись отъ одного страха, теперь поддавалась другому.

— Да, онъ можетъ умереть, отвѣчалъ холодно докторъ:—онъ опасно боленъ, и подобная смерть была бы для него спасеніемъ.

Ретчель вздрогнула всѣмъ тѣломъ, и губы у нея похолодѣли. Она думала о томъ, что Гьюгъ въ эту минуту умиралъ по ея милости, и въ головѣ ея происходилъ такой водоворотъ мыслей, что она не слышала словъ доктора. Онъ же ей рассказалъ, что, вмѣстѣ съ Мольвереромъ, заболѣлъ другой арестантъ, который одинаково могъ умереть. Онъ даже намекнулъ на возможность эпидеміи въ тюрьмѣ; но какое было дѣло Ретчель до всего этого? Ей даже не приходило въ голову, что болѣзнь Гьюга можетъ повести за собою смерть нѣсколькихъ другихъ людей; впрочемъ, если-

бы она объ этомъ и подумала, то жертва тысячи жизней за сохраненіе одного дорогаго ей человѣка не показалась бы ей чрезмѣрной. Она хотѣла говорить только о Гьюгѣ, объ одномъ Гьюгѣ. Она до того была поглощена своими мыслями, что едва не открыла доктору заговоръ, составленный ею вмѣстѣ съ сторожемъ Довинсомъ, но, по счастью, въ-время удержалась. Это обстоятельство ее немного отрезвило, и она рѣшилась переманить на свою сторону этого пріятнаго на взглядъ молодого доктора.

— Расскажите мнѣ, пожалуйста, всѣ подробности о болѣзни мистера Мольверера, сказала она нѣжнымъ, вкрадчивымъ голосомъ и смотря на него съ трогательной мольбой:—скажите мнѣ, кто за нимъ ухаживаетъ и не нужно-ли ему чего-нибудь? О! вы его спасете? да? вы мнѣ общаете?

— Я, конечно, сдѣлаю все, что могу, миссъ Дейсонъ, отвѣчала докторъ:—но хорошо-ли будетъ, если онъ выздоровѣетъ? Вѣдь ему тогда грозитъ пожизненная ваторжная работа.

— Все равно; вы его только спасите, воскликнула Ретчель, снова болѣзненно вздрагивая:—когда онъ выздоровѣетъ, мы выхлопочемъ ему помилованіе. О, никто не будетъ такъ жестокъ, чтобы засадить его въ тюрьму на всю жизнь. И... постарайтесь, чтобы болѣзнь его не изувѣчила. Ухаживайте за нимъ самымъ нѣжнымъ образомъ, ради меня.

— Я сдѣлаю все, что могу, повторилъ Перси съ искреннимъ чувствомъ.

— Благодарствуйте, докторъ, отвѣчала молодая дѣвушка съ обворожительной улыбкой:—и вы будете посѣщать меня каждый день, если можете, и по два раза. Я нуждаюсь сама въ докторѣ, и ваши посѣщенія будутъ для меня лучшимъ утѣшеніемъ.

Перси не заставилъ себя много просить и общалъ пріѣзжать каждый день. Потомъ онъ разсказалъ подробно устройство тюремнаго лазарета и написалъ рецептъ для своей новой пациентки. Прощаясь съ нею, онъ почувствовалъ съ удовольствіемъ, что Ретчель нѣжно пожала ему руку. Онъ вернулся въ Толминстеръ совершенно счастливый, утѣшая себя мыслью, что онъ произвелъ впечатлѣніе на миссъ Дейсонъ. Но это впечатлѣніе было далеко не такое, какого онъ ожидалъ. Ретчель съ женскимъ инстинктомъ ясно видѣла, что онъ будетъ въ ея рукахъ мягокъ, какъ воскъ.

VI.

Слухъ, что Гьюгъ Мольвереръ опасно заболѣлъ, быстро распространился и подготовилъ умы къ послѣдующему извѣстiю объ отсрочкѣ его казни. Министръ внутреннихъ дѣлъ—не такой жестокой человѣкъ, чтобы повѣсить человѣка, который не сознавалъ бы того, что съ нимъ дѣлають. Въ старину, арестанта прежде вылечили бы, а потомъ повѣсили, но наши нравы стали мягче, и отсрочка казни въ подобныхъ случаяхъ всегда бываетъ прологомъ къ ея отмѣнѣ. Быть можетъ, власти были рады исполнить просьбу многочисленныхъ лицъ, ходатайствовавшихъ въ пользу Мольверера, не выказывая при этомъ излишней слабости. Во всякомъ случаѣ, никто не подозрѣвалъ, чтобы его болѣзнь была плодомъ ухищренiй его друзей. Въ наше практическое время люди предугадываютъ только то, что вѣроятно, и это обстоятельство служитъ объясненiемъ многихъ невѣроятныхъ явленiй, по милости которыхъ дѣйствительность—часто страннiе вымысла.

Далѣе всѣхъ отъ мысли о настоящей причинѣ случившагося былъ докторъ Сиринъ. Бродяги, грязные, въ лохмотьяхъ, постоянно заносятъ въ тюрьмы различныя болѣзни, и его главной заботой въ первое время было старательно обкуривать укусомъ всѣ отдѣленiя тюрьмы, чтобы помѣшать распространенiю заразы. Дѣйствительно, болѣе никто не занемогъ; Гьюгъ Мольвереръ и Джонъ Биртль остались единственными обитателями лазарета, и Докинсъ одинъ ухаживалъ за ними во время отсутствiя доктора.

Докинсъ былъ человѣкъ лѣтъ тридцати пяти, совершенно рыжий. Онъ прослужилъ въ армiи двѣнадцать лѣтъ и былъ уже два года тюремнымъ сторожемъ. Онъ былъ женатъ и имѣлъ двухъ дѣтей. Онъ былъ вообще честный человѣкъ, ни за что не укралъ бы даже въ крайности, и если поддался соблазнительному подкупу Ретчель Дейсопъ, то лишь потому, что не каждый день выпадаетъ тюремному сторожу случай заработать тысячу фунтовъ стерлинговъ. Однако, согласившись спасти отъ висѣлицы одного джентльмэна, онъ никакъ не подозрѣвалъ, что другой арестантъ можетъ полатиться за это жизнью. Такимъ образомъ, когда занемогъ Джонъ Биртль, то совѣсть заговорила въ сердцѣ Докинса, и онъ рѣшилъ выдать ему, послѣ его выздоровленiя, извѣстную сумму денегъ. Эта сумма измѣнялась отъ пяти до десяти фунтовъ, соразмѣрно тому, лучше или хуже становилось бѣдняку.

Когда Джону Биртлю становилось очень дурно, то Докинсъ назначалъ цифру вознагражденія въ десять фунтовъ; когда происходила перемѣна къ лучшему, то Докинсъ считалъ, что довольно и пяти фунтовъ, такъ какъ не слѣдовало поощрять всякихъ воровъ и мошенниковъ. Наконецъ, въ одно прекрасное утро, Биртлю такъ значительно стало лучше, что Докинсъ сказалъ себѣ: «будетъ ему нѣсколько золотыхъ». Но къ вечеру въ тотъ же день произошелъ у больного кризисъ, и онъ быстро сталъ умирать.

Прибывъ въ лазаретъ въ шесть часовъ, докторъ Сиринъ засталъ Докинса, стоящаго въ отчаяніи подлѣ кровати умирающаго.

— А какъ сегодня другой? спросилъ докторъ у сторожа, не обращая вниманія на то, что тотъ говорилъ насчетъ Джона Биртля.

Вообще, въ послѣдніе два или три дня, Перси Сиринъ былъ очень задумчивъ и разсѣянъ.

— Кажется, лучше, отвѣчалъ Докинсъ:— онъ еще не пришелъ въ себя, но бредъ уменьшается. А этотъ умретъ, сэръ, какъ вы думаете?

— Нѣтъ, отвѣчалъ докторъ коротко:— директоръ былъ сегодня?

— Да, сэръ; но онъ никогда не входитъ въ эти комнаты; онъ только спрашиваетъ у меня-ваши рапорты.

— Хорошо, если онъ придетъ сегодня вечеромъ, то скажите ему... нѣтъ, лучше ничего не говорите. Я самъ пошлю ему свой рапортъ. Я возвращусь къ девяти часамъ.

Въ эту минуту Джонъ Биртль повернулся и промолвилъ въ бреду какія-то несвязныя слова.

— О, докторъ! воскликнулъ Докинсъ, чувствуя тяжелые узоры совѣсти:— жаль будетъ, если этотъ бѣднякъ умретъ, а тотъ человѣкъ, которому теперь жизнь не въ утѣшеніе...

— Когда срокъ тюремному заключенію Биртля? спросилъ докторъ.

— Послѣ завтра, сэръ.

— Накройте его потеплѣе, сказалъ Перси Сиринъ и удалился изъ лазарета, не сказавъ болѣе ни слова.

Проходя черезъ корридоры тюрьмы, онъ услышалъ звонокъ къ ужину. Жестяныя ведра съ кашей поднимались изъ кухни на особой машинѣ; навстрѣчу ему попадались длинные ряды арестантовъ въ маскахъ, возвращавшихся съ работы. Всюду слышался шумъ, и въ отверстіе двери каждой кельи просовывалась коричневая кружка, которую наполняли кашей, составлявшей весь ужинъ арестантовъ. Вездѣ блестѣли газъ, чисто натертые полы, блестящія мѣдныя принадлежности. Послѣ раздачи ваши тюрьма погрузилась въ могильную тишину.

Докторъ Сиринъ направился въ свою докторскую комнату, гдѣ на стѣнахъ были многочисленныя полки съ лекарствами и бѣлыми ступками, въ которыхъ онъ каталъ всегда пилюли. На письменномъ столѣ лежала груда печатныхъ бланковъ, на одной изъ которыхъ онъ долженъ былъ ежедневно подавать отчетъ о положеніи больныхъ. Смотритель надъ сторожами выставлялъ всегда имена больныхъ, а докторъ писалъ свои замѣчанія противъ каждаго изъ именъ.

Перси Сиринъ взялъ одной рукою дневной листокъ, а другой—перо. Онъ два раза обмакнулъ перо въ чернила и хотѣлъ что-то написать, но такъ ничего и не написалъ.

— Нечего съ этимъ торопиться, промолвилъ онъ:—я прежде ее увидаю.

Онъ подразумѣвалъ Ретчель Дейсопъ. Прошло пять дней со времени его перваго посѣщенія молодой дѣвушки, и онъ видѣлся съ нею каждый день, а иногда и по два раза въ день. При каждомъ свиданіи она спрашивала о положеніи Гюга Мольверера, и онъ самъ, мало-по-малу, сталъ интересоваться этимъ пациентомъ, потому что она слушала съ пламеннымъ вниманіемъ его рассказы о больномъ. Любовь Ретчель къ Мольвереру выходила изъ ряда обыкновенныхъ привязанностей, и Сиринъ, влюбившись въ нее по уши, былъ совершенно слѣпъ. Онъ не замѣчалъ, что молодая дѣвушка обманывала его, нѣжно пожимая ему руку, называя своимъ другомъ и благодаря за всю его доброту къ ней и къ бѣдному арестанту. Онъ воображалъ, что уже занялъ мѣсто Мольверера въ сердцѣ Ретчель, и объяснялъ ея желаніе видѣть несчастнаго человѣка здоровымъ естественнымъ чувствомъ гордой молодой дѣвушки, которая не могла помириться съ мыслью, чтобъ человѣкъ, сдѣлавшій преступленіе по ея милости, заплатилъ бы за это жизнью или пожизненнымъ заключеніемъ. Но отчего, выходя теперь изъ тюрьмы, онъ казался столь мрачнымъ? Отчего его брови такъ насушены, словно онъ обдумывалъ какойнибудь ужасный поступокъ?

Онъ, какъ всегда, зашелъ домой, чтобъ передодѣться, изъ бязни занести заразу въ Эльмъ-Гренджъ, и потомъ поспѣшилъ въ гостинницу «Корона», у двери которой его ожидалъ кабриолетъ, присланный мистеромъ Дейсопомъ. Былъ уже восьмой часъ, когда онъ прибылъ въ Эльмъ-Гренджъ, и, по обыкновенію, засталъ въ гостинной одну Ретчель, которая, при извѣстіи объ его пріѣздѣ, вышла изъ столовой, гдѣ остались за обѣденнымъ столомъ ея отецъ и мать.

— Какія новости? спросила она, протягивая руку и видя по лицу доктора, что онъ привезъ какія-то извѣстія.

— Мольвереръ въ опасности, отвѣчала Перси Сиринъ, не выпуская ручки Ретчель изъ своей дрожащей руки:—теперь скажите мнѣ, миссъ Дейсопъ, вы непременно хотите, чтобъ этотъ человѣкъ вышелъ изъ тюрьмы?

— Да, произнесла она тихо и покрасѣла, но не вырвала своей руки.

— Почему вы этого хотите?

— Потому, отвѣчала молодая дѣвушка, мужественно встрѣчая пристальный взглядъ доктора и вполне сознавая, что, если она въ эту минуту не разыграетъ комедіи, Мольвереръ погибъ навсегда:— потому что... мистеръ Мольвереръ... когда-то меня любилъ... и я не могла бы вынести всю жизнь пытки...

— Я такъ и думалъ, воскликнулъ Перси, перебивая ее, и, схвативъ уже ея обѣ руки, прибавилъ тихо, почти ей на ухо, какъ говорятъ влюбленные:— хорошо, миссъ Дейсопъ, я его освобожу; я рискну своей репутаціей, свободой, чтобы вы не мучились всю жизнь мыслью, что изъ-за васъ этотъ человѣкъ попалъ на каторгу. Черезъ недѣлю онъ будетъ на свободѣ, въ тюремныхъ стѣнъ, и я дамъ ему пріютъ въ моемъ домѣ, пока онъ не найдетъ себѣ безопаснаго пути за-границу. Мы его пошлемъ въ Америку, не правда-ли? и, когда онъ будетъ далеко отсюда и въ всякой опасности попастьъ въ руки правосудія, вы легко вздохнете.

— Да, сдѣлайте это, и я вамъ вѣчно буду благодарна, промолвила Ретчель, не сопротивляясь доктору, который привлекъ ее къ себѣ.

— А могу я просить награды, Ретчель? шепнулъ онъ и поцѣловалъ ее.

Она не отскочила, но, еслибъ онъ увидалъ ея лицо, когда она въ ту-же минуту отвернулась въ смущеніи, то пришелъ бы въ тупикъ отъ болѣзненнаго, страдающаго выраженія ея прелестныхъ чертъ. Любая собака на улицѣ была для нея дороже этого человѣка, и она позволяла ему цѣловать себя только ради спасенія Гьюга.

— Вы его спасете? Да? воскликнула она черезъ минуту, повертываясь снова къ нему:— скажите мнѣ какъ?

— Теперь не время говорить, милая Ретчель. Каждая минута дорога. Мнѣ надо еще уговорить сторожа помочь мнѣ.

— Докинса? о! это не трудно. Я его подкупила. Теперь можно въ этомъ сознаться. Приказывайте ему смѣло все, что хотите, и онъ исполнитъ.

— Неужели? Зачѣмъ-же вы его подкупили? спросилъ съ удив-

леніемъ докторъ, который былъ очень далекъ отъ разгадки таинственной услуги, оказанной Докинсомъ.

— Я вамъ скажу другой разъ, отвѣчала съ принужденной улыбкой Ретчель:—когда мы увидимся? Пріѣзжайте поскорѣе.

— Завтра, сказалъ Перси и хотѣлъ снова ее поцѣловать, но она застѣнчиво отвернулась.

Несмотря на это, возвращаясь въ Толминстеръ, онъ чувствовалъ себя самымъ счастливымъ докторомъ во всей Англій. Онъ былъ теперь вполнѣ убѣжденъ, что судьба ему улыбнулась.

VII.

На тюремныхъ часахъ пробило половина девятого. Докинсъ стоялъ одинъ у кровати Джона Биртля. Онъ былъ очень блѣденъ. Прежде онъ никогда не боялся смерти и на полѣ сраженія, не дрогнувъ, смотрѣлъ, какъ кругомъ его смерть косила тысячи жертвъ. Но теперь онъ не смѣлъ ни сказать слова, ни дотронуться до неподвижно лежавшаго на постели Джона Биртля. Онъ молча стоялъ, держа въ рукахъ свѣчу, и дрожалъ всѣмъ тѣломъ.

Вдругъ скрипнула дверь, и въ комнату вошелъ докторъ. Онъ подошелъ къ кровати и такъ странно посмотрѣлъ на Докинса, что у того подкосились ноги. Ему стало страшно при мысли, что, можетъ быть, его тайна узнана и ему придется искупить на висѣлицѣ попытку спасти убійцу. Любимые образы жены и дѣтей мелькнули передъ нимъ.

— Докинсъ, онъ умеръ, сказалъ докторъ.

— Да, сэръ.

— Выслушайте меня; миссъ Дейсопъ сказала мнѣ, что я могу рассчитывать на васъ. Вы должны мнѣ помочь перенести этотъ трупъ на постель Мольверера, а того — сюда. Они такъ обезображены оспой, что ихъ невозможно узнать. Биртля похоронятъ подъ именемъ Мольверера, а Мольвереръ черезъ нѣсколько дней выйдетъ изъ тюрьмы подъ именемъ Джона Биртля. Никому отъ этого не будетъ ни теплѣе, ни холоднѣе.

— О! Боже мой, какъ я радъ, что кто нибудь раздѣляетъ со мною эту страшную тайну! воскликнулъ Докинсъ:—а мнѣ становилось уже невыносимымъ это время. Я исполню всѣ ваши приказанія, но если будетъ опасность, вы меня защитите.

Онъ, дѣйствительно, сталъ теперь совершенно другимъ человекомъ и весело смотрѣлъ на доктора. Они оба сняли сюртуки и быстро замѣнили живого мертвецомъ и обратно мертвеца жи-

вымъ. Джонъ Биртль былъ, дѣйствительно, мертвецъ и не пошевелился, а Гьюгъ Мольвереръ спалъ, что означало въ его болѣзни перемѣну къ лучшему.

Спустя четверть часа, докторъ отмѣтилъ въ своей рапортчкѣ противъ имени Мольверера—умеръ, а противъ Джона Биртля—«перемѣна къ лучшему».

VIII.

Какъ мы уже сказали, директоръ толминстерской тюрьмы, капитанъ Кизеръ, былъ очень боязливый человекъ, угнетаемый бремениемъ лежавшей на немъ отвѣтственности. Онъ постоянно жаловался на судьбу, что такъ часто неожиданныя обстоятельства нарушаютъ установленную рутину жизни. Сегодня никогда не походило на вчера, и нельзя было рассчитывать, чтобы обѣденный звонокъ въ тюрьмѣ раздавался каждый день въ одно, положенное время, такъ какъ новые арестанты могли явиться именно въ ту минуту, какъ изъ кухни отпускали порціи, и перевернуть все вверхъ дномъ. Подобные неприятные случаи бывали часто.

Кромѣ того, каждый день приносилъ съ собою какую-нибудь новую диллему, для выхода изъ которой требовались отъ капитана Кизера присутствіе духа и тактъ. Такимъ образомъ, Гьюгъ Мольвереръ умеръ отъ болѣзни, а не былъ повѣшенъ, какъ было рѣшено. Родственники потребовали его тѣло, и директору пришлось разрѣшить важный вопросъ: находится ли арестантъ, приговоренный къ смерти, но умершій отъ болѣзни, въ томъ же положеніи, какъ повѣшенный, который, по приговору суда, долженъ быть похороненъ въ предѣлахъ тюрьмы? Эта задача была для него положительно неразрѣшимой, и онъ телеграфировалъ министру внутреннихъ дѣлъ, который заставилъ его ждать отвѣта два дня. Между тѣмъ, послѣ официального осмотра тѣла, согласно закону, родственники Мольверера прислали три гроба — два деревянные и одинъ свинцовый; но едва они прибыли въ тюрьму, какъ получился приказъ министра поступить съ тѣломъ Мольверера согласно опредѣленію суда, такъ какъ смертная казнь была только отсрочена, а не отмѣнена. Крайне смущенный директоръ старался утѣшить родственниковъ завѣреніемъ, что приготовленные три гроба будутъ употреблены въ дѣло, но тутъ его мнѣніе сталъ энергично оспаривать докторъ Сиринъ, по словамъ котораго слѣдовало, согласно обычаю, хоронить убійцъ въ негашеной извести. Никогда молодой врачъ

не выказывалъ себя такимъ строгимъ исполнителемъ тюремныхъ правилъ, и его странное поведеніе привело въ ярость тюремнаго комиссара, который намѣревался поставить на счетъ негашенной извести сумму въ двадцать шиллинговъ и, не расходуя матерьяла, положить деньги себѣ въ карманъ. Система побочныхъ доходовъ царить въ тюрьмахъ такъ же, какъ и въ другихъ общественныхъ учрежденіяхъ, и комиссары терпѣть не могутъ, когда доктора или пасторы вмѣшиваются не въ свое дѣло.

Но докторъ Сиринъ былъ правъ; и въ одинъ холодный, дождливый вечеръ тѣло флетивнаго Гьюга Мольверера вынесли изъ лазарета и предали землѣ въ углу тюремнаго двора. Шесть другихъ убійцъ покоились уже тутъ, и ихъ могилы были обозначены бѣлыми досками, вдѣланными въ кирпичную стѣну, съ надписями, которыя оглашали только первыя буквы имени и фамиліи каждаго, а также число и годъ ихъ казни. Пасторъ въ полномъ облаченіи прочелъ отходную. Обыкновенно, при погребеніи убійцъ этого не дѣлается, такъ какъ часть отходной читается, когда преступника ведутъ на висѣлицу; но этотъ случай былъ совершенно исключительный.

Пока пасторъ послѣшно читалъ молитвы при мерцающемъ свѣтѣ фонаря, который держалъ одинъ изъ сторожей, другіе двое бросали негашеную известь на тѣло бѣднаго Джона Биртля. Докторъ стоялъ подлѣ и смотрѣлъ, чтобы все было исполнено по правиламъ. Тутъ же находился и комиссаръ чернѣ ноци; онъ никакъ не могъ помириться съ мыслью, что пропало даромъ столько драгоцѣннаго матерьяла. Наконецъ, пастору умокъ, сторожа засыпали могилу землею, и докторъ Сиринъ удалился. Хоть одно тяжелое бремя свалилось съ его плечъ.

Вообще, онъ находился теперь въ ужасно тревожномъ положеніи. Настоящій Гьюгъ Мольвереръ не давалъ ему ни минуты покоя. Бредъ у него прошелъ, но онъ былъ слишкомъ слабъ, чтобы перенести какое бы то ни было движеніе, а удалить его изъ тюрьмы было необходимо для безопасности его самого, доктора, и сторожа Докинса. Докторъ Гарди поправлялся и могъ во всякое время явиться въ тюрьму для исполненія своихъ обязанностей и обличить подмѣну одного арестанта другимъ. Съ другой стороны, еслибы Мольверера тронули съ мѣста преждевременно, то онъ могъ умереть, и что сказала бы тогда Ретчель Дейсопъ?

Докторъ Сиринъ еще не сказалъ больному о томъ, что съ нимъ сдѣлали. Онъ рѣшился теперь повѣдать ему эту тайну, надѣясь, что извѣстіе о его спасеніи придастъ ему силы, чтобы разыграть свою роль въ предстоявшей маленькой комедіи. По-

*

этому, онъ пошелъ прямо въ лазаретъ, гдѣ засталъ Докинса, убравшаго комнату, въ которой стояло тѣло Биртля.

— Мольвереръ не спитъ? спросилъ онъ.

— Нѣтъ, и очень мечется, отвѣчалъ сторожъ: — онъ спрашивалъ, когда вы придете. Кажется, съ памятью вернулось къ нему и сознание рововой участи.

Докторъ Сиринъ вошелъ въ комнату больного и оставался тамъ цѣлый часъ. Потомъ онъ отправился прямо къ директору.

— Капитанъ Кизеръ, сказалъ онъ:—срокъ заключенія Джона Биртля истекъ, и онъ желаетъ завтра выйти изъ тюрьмы.

— Боже мой! воскликнулъ директоръ, приведенный въ смущеніе этой новой диллемой: — развѣ онъ достаточно для этого здоровъ?

— Да, онъ чувствуетъ себя достаточно сильнымъ, и я полагаю, что, если его тепло закутать, то онъ можетъ безопасно выйти на воздухъ.

— Но куда онъ пойдетъ? Онъ нищій.

— Онъ говоритъ, что у него есть друзья въ Фердэлѣ, и притомъ я такъ интересуюсь этимъ бѣднякомъ, что найму для него кѣбъ.

— Къ несчастью, произнесъ капитанъ Кизеръ, мигая, что всегда случалось съ нимъ при сообщеніи неприятнаго извѣстія:—полиція просила меня задержать Джона Биртля.

— Что? воскликнулъ докторъ дрожащимъ голосомъ.

— Полиція просила увѣдомить ее, когда Биртль будетъ выходить изъ тюрьмы, потому что его подозрѣваютъ въ участіи еще въ другомъ дѣлѣ незаконной охоты.

Въ глазахъ Перси Сириня потемнѣло, и директорская комната, съ весело пылавшимъ огнемъ въ каминѣ и колодками на стѣнахъ, завружилась передъ нимъ. Онъ походилъ теперь на человека, который стоитъ на льду и слышитъ вдругъ ужасный трескъ подъ ногами. Онъ погибъ, и не было ни малѣйшей надежды на спасеніе. Прямо противъ него, на шкапу, стоялъ рядъ масокъ, снятыхъ съ повѣшенныхъ убійцъ. Онѣ смотрѣли на Перси съ выкатившимися глазами и судорожно искривленными губами. Взглядъ его остановился на этихъ страшныхъ маскахъ, и онъ схватился за стулъ, чтобы не упасть.

— Я очень сожалѣю объ этомъ обстоятельстве, если вы такъ интересуетесь этимъ арестантомъ, сказалъ директоръ, удивляясь неожиданному волненію, овладѣвшему докторомъ:—но вѣдь вы знаете, обвиненіе въ незаконной охотѣ не очень тяжелое.

— Новый арестъ убить бѣднаго Биртля, произнесъ докторъ,

чувствуя, что ему необходимо сказать нѣчто:—онъ такъ жаждетъ поскорѣе очутиться среди своихъ друзей.

— Очень, очень сожалѣю, повторилъ директоръ, нервно качая головой: — вы, можетъ быть, нашли бы возможнымъ обратиться въ полицію съ просьбой, чтобы обвинители отказались отъ привлеченія Биртля къ отвѣтственности; но это не входитъ въ кругъ моихъ обязанностей.

— Послушайте, капитанъ Кизеръ, воскликнулъ докторъ, доведенный до отчаянія:—вы вѣдь не получили приказа объ арестѣ Джона Биртля. Никакой законъ не обязываетъ васъ задерживать этого человѣка по минованіи срока его заключенія. Онъ имѣетъ полное право выйти изъ тюрьмы. Полиція сама виновата, что не распорядилась арестовать его въ день срока.

— Это правда, промолвилъ директоръ, не любившій отходить отъ буквы закона.

— Такъ выпустите на свободу Биртля сегодня ночью. Полиція будетъ знать, куда его отвезуть, ибо онъ далеко не въ состояніи ѣхать, и будетъ имѣть полную возможность арестовать его на дому, если мнѣ не удастся уговорить обвинителей прекратить преслѣдованіе.

— Ничего подобнаго никогда не дѣлалось въ этой тюрьмѣ, произнесъ директоръ, ломая себѣ голову, чтобы припомнить хоть одинъ случай, когда административная рутинная преклонилась передъ пользою арестанта.

Однако, онъ не могъ не согласиться, что по закону молодой докторъ былъ правъ.

— Я только могу высказать свое мнѣніе, какъ докторъ, сказалъ Перси Сиринъ, пользуясь впечатлѣніемъ, которое произвели его слова на директора: — и я долженъ васъ предупредить, что мой пациентъ можетъ умереть, если вы немедленно не выпустите его на свободу.

Сказавъ это, онъ послѣшно вышелъ изъ комнаты и побѣжалъ въ лазаретъ, рѣшившись немедленно одѣть Мольверера и свести его внизъ. Это было послѣднее средство для спасенія Мольверера, себя и Докинса. Но директоръ отгадалъ его намѣреніе и, боясь взять на себя такую серьезную отвѣтственность, написалъ два слова начальнику полиціи въ Толминстерѣ. Запечатавъ это письмо, онъ вышелъ въ корридоръ, чтобы послать кого-нибудь въ полицію. Но всѣ дневные сторожа смѣнились съ дежурства, а ночныхъ было всего три, за исключеніемъ Докинса, находившагося въ лазаретѣ. Случайно Докинсъ попался ему на встрѣчу. Онъ шелъ съ совкомъ за угломъ. Директоръ остановилъ его.

— Снесите сейчасъ эту записку въ полицію, сказалъ онъ: — это очень срочное.

— Хорошо, сэръ, я только пойду наверхъ и надѣну сапоги, отвѣчалъ Докинсъ, который былъ въ туфляхъ, какъ и слѣдовало по правиламъ для ночного дежурства.

— Нѣтъ, ступайте прямо. Теперь сухо, вы можете и не надѣвать сапогъ.

Докинсъ не видалъ доктора послѣ его свиданія съ директоромъ и нимало не подозрѣвалъ, что письмо капитана Кизера касалось Мольверера. Поэтому, онъ повиновался приказанію своего начальника.

Спустя нѣсколько минутъ, въ лазаретѣ раздался звонокъ, и дежурный сторожъ, поспѣшивъ туда, увидѣлъ Джона Биртля на ногахъ. Докторъ кое-какъ его одѣлъ и вывелъ на лѣстницу. Лицо его было такъ завернуто въ шерстяномъ платкѣ, что невозможно было разсмотрѣть его чертъ, которыя, впрочемъ, были до того изуродованы оспой, что никто не могъ узнать въ немъ молодого, красиваго джентльмена.

— Возьмите его за другую руку и помогите мнѣ свести его внизъ, промолвилъ докторъ дрожащимъ голосомъ.

Сторожъ повиновался. Съ большимъ трудомъ Мольвереръ спустился по лѣстницѣ; онъ едва передвигалъ ноги и всей своей тяжестью опирался на доктора и сторожа. Но, несмотря на слабость, онъ былъ въ полной памяти и, чувствуя всю важность этой критической минуты, напрягалъ всѣ свои силы. Наконецъ, онъ достигъ кое-какъ директорской комнаты и глухо промолвилъ по наущенію доктора:

— Я требую, сэръ... чтобъ... меня выпустили на свободу.

— Хорошо, отвѣчалъ директоръ, смотря съ сожалѣніемъ на несчастнаго, который дрожалъ всѣмъ тѣломъ и скорѣе висѣлъ на шеѣ поддерживавшихъ его людей, чѣмъ стоялъ на полу: — вы имѣете право получить три шиллинга за вашу работу въ тюрьмѣ, и вотъ деньги, которыя были у васъ въ карманѣ при вашемъ поступленіи сюда. Подпишите квитанцію.

— Возьмите перо и пишите свое имя, сказалъ докторъ, подводя Мольверера къ столу:—ну, теперь все кончено.

Но капитанъ Кейзеръ съ удивленіемъ разсматривалъ одежду арестанта.

— Чья эта одежда? спросилъ онъ: — конечно, онъ пришелъ сюда не въ этой одеждѣ.

— Нѣтъ, это одежда Мольверера; я надѣлъ на него что мнѣ попалося подъ руку, произнесъ докторъ съ нетерпѣніемъ:—онъ не можетъ же выйти отсюда въ арестантскомъ костюмѣ.

— Но я не могу отдать ему одежды Мольверера. Его родственники могутъ ее потребовать, и мнѣ придется отвѣчать.

— Я вамъ пришлю эту одежду обратно, сказалъ докторъ.

— Но лучше было бы, еслибы этотъ человекъ вышелъ отсюда въ своей одеждѣ, отвѣчалъ боязливый директоръ:—я пойду въ кладовую и отыщу ее.

Онъ сказалъ это только, чтобы выиграть время, зная очень хорошо, что частная одежда арестантовъ находится у особаго сторожа, котораго ночью не было въ тюрьмѣ. Всегда выпускали арестантовъ изъ тюрьмы въ 8 часовъ утра, и, конечно, ночью кладовая была заперта. Поэтому, онъ оставался въ корридорахъ минутъ съ десять и потомъ вернулся, очень недовольный въ глубинѣ своей совѣсти, что ему пришлось прибѣгнуть къ обману. Въ комнатѣ теперь уже не находилось доктора Сириня; онъ ушелъ въ городъ за кэбомъ и приказалъ, чтобы Мольверера переодрѣли, если найдется его платье, и потомъ свели бы въ комнату привратника, гдѣ держали бы у огня. Между тѣмъ, Мольвереръ едва держался на ногахъ, и поддерживавшій его сторожъ выразилъ капитану Кизеру, что безчеловѣчно было выпускать человека въ такомъ положеніи.

Дѣйствительно, докторъ Сиринъ побѣжалъ за кэбомъ въ городъ на станцію желѣзной дороги; хотя она отстояла на милю отъ тюрьмы, но онъ поспѣшилъ ближайшей дорогой черезъ поля и достигъ станціи въ десять минутъ. Еще прошло десять минутъ, и онъ уже былъ съ кэбомъ у воротъ тюрьмы. Не зная, что директоръ увѣдомилъ полицію, онъ считалъ дѣло счастливо оконченнымъ и намѣревался тотчасъ перевезти Мольверера къ себѣ на квартиру, а на слѣдующій день переправить его къ какому-нибудь знакомому фермеру, у котораго онъ могъ бы скрываться до совершеннаго выздоровленія.

Войдя въ комнату привратника, Перси Сиринъ остановился въ оцѣпенѣніи. Ужасное зрѣлище представилось его глазамъ. Мольвереръ упалъ въ обморокъ и лежалъ неподвижно на полу, окруженный директоромъ, двумя сторожами и нѣсколькими полицейскими. Немного поодаль стоялъ Докинсъ, блѣдный, какъ полотно, и скрежеща зубами.

— Намъ очень непріятно, сэръ, сказалъ одинъ изъ полицейскихъ, обращаясь къ доктору:—но мы обязаны арестовать этого человека.

— Куда вы его повезете? спросилъ докторъ, нагибаясь къ Мольвереру и стараясь скрыть свое волненіе.

— Въ городскую больницу. Онъ не въ состояніи отправиться въ полицію.

— Конечно, замѣтилъ съ горечью докторъ.

Онъ только теперь замѣтилъ, что несчастный былъ совершенно раздѣтъ и его нижнее платье было мокрое. Дѣло въ томъ, что когда Мольвереръ упалъ въ обморокъ, полицейскіе раздѣли его, оватили холодной водой и вынесли на воздухъ, полагая, что это—лучшее средство привести его въ чувство. Докторъ хотѣлъ накинуться на нихъ за подобное безуміе, но слова замерли на его устахъ. Не было-ли теперь всего лучше и для него, и для самого Мольверера, чтобы онъ поскорѣе умеръ?

— Этотъ человѣкъ умретъ завтра; но вы правы, ему лучше умереть въ больницѣ, чѣмъ здѣсь, произнесъ онъ мрачно, насупивъ брови.

— А, можетъ быть, на воздухѣ онъ и очнется, замѣтилъ добродушный полицейскій.

IX.

Гьюгъ Мольвереръ умеръ въ ту же ночь; второй арестъ и простуда доконали его.

На слѣдующее утро, Перси Сиринъ долженъ былъ сообщить Ретчель Дейсонъ эту мрачную вѣсть. Треволненія прошлой ночи оставили неизгладимый слѣдъ на его лицѣ. Онъ видѣлъ свою гибель лицомъ къ лицу, и подобное зрѣлище не скоро забывается. Поэтому, отправляясь въ Эльмъ-Гренджъ, онъ утѣшалъ себя мыслью, что вполнѣ заслужилъ награду изъ прелестныхъ ручекъ Ретчель. Онъ такъ ей прямо и сообщилъ о неудачѣ всѣхъ его усилій и неожиданной смерти Гьюга. Въ эту минуту онъ думалъ только о себѣ. Онъ слишкомъ много выстрадалъ изъ-за этого убійцы, обманувшаго висѣлицу. Онъ нуждался теперь въ нѣжномъ увѣреніи со стороны Ретчель, что она его любитъ, и жаждалъ забыть совершенно объ отвратительной тюрьмѣ среди своего блаженства. Ретчель онъ показался пьянымъ.

Она стояла передъ нимъ блѣдная и неподвижная, какъ статуя.

— Такъ онъ умеръ? промолвила она, наконецъ:— и я его убила. Сказали вы ему, докторъ, что я устроила его спасеніе?

— Нѣтъ, зачѣмъ было васъ компрометировать?

— Такъ онъ умеръ, не зная, что я его любила до конца?

— Я ни за что не сказалъ бы ему этого. Что съ вами, Ретчель?

— Я его любила всѣмъ сердцемъ, произнесла молодая дѣвушка медленно, какъ бы находя удовольствіе въ страданіяхъ человѣка,

который не сумѣлъ оказать ей услугу:—еслибы онъ остался въ живыхъ, то я вышла бы за него замужъ и мы уѣхали бы въ Америку. Благодарю васъ, докторъ, за ваши хлопоты; но прошу васъ, не приѣзжайте болѣе въ Эльмъ-Гренджъ: я не могу васъ видѣть.

— Ретчель, развѣ вы мнѣ это обѣщали? Развѣ это—моя награда? воскликнулъ Перси, внѣ себя отъ изумленія и отчаянія.

— Вы правы, я передъ вами въ долгу, сказала она глухимъ голосомъ и, вынувъ изъ стола двѣ пачки банковыхъ билетовъ, подала ихъ доктору:— вотъ двѣ тысячи фунтовъ; одна половина вамъ, другая Докинсу. Пожалуйста, передайте сторожу его долю и поблагодарите его отъ меня. Онъ, по крайней мѣрѣ, спасъ Гьюга отъ висѣлицы.

Перси машинально взялъ деньги. Лицо его покрылось яркимъ румянцемъ, и онъ высказалъ бы бѣдной молодой дѣвушкѣ все свое негодованіе, еслибы Ретчель не вышла поспѣшно изъ комнаты. Въ первую минуту онъ хотѣлъ бросить деньги на столъ, но онъ былъ по уши въ долгахъ и не могъ позволить себѣ роскоши быть гордымъ. Онъ скомкалъ банковые билеты и сунулъ ихъ въ карманъ. Многіе люди не лучше его умѣютъ глотать позолоченныя пилюли.

— Впрочемъ, утѣшалъ онъ себя по дорогѣ въ Толминстеръ:— я никогда не былъ бы счастливъ съ этой дѣвчонкой. Она меня постоянно мучила бы своей надменной гордостью.

Никто никогда не подозрѣвалъ, что Гьюгъ Мольвереръ вышелъ изъ тюрьмы и покоился послѣднимъ сномъ въ могилѣ Джона Биртля. Но главные участники въ этомъ дѣлѣ процвѣтаютъ доселѣ. Докинсъ вышелъ изъ тюремныхъ сторожей и открылъ кабацекъ; а Перси Сиринъ бросилъ тюрьму и доктора Гарди, поступилъ въ помощники къ другому старому доктору и, послѣ его смерти, не заставившей себя долго ждать, наслѣдовалъ его обширную практику. Тогда онъ женился и выбралъ не гордую молодую дѣвушку, а напротивъ очень скромную и нѣжную, считавшую его великимъ человѣкомъ. Онъ теперь уже окончательно убѣжденъ, что счастье ему улыбнулось.

По своей обязанности доктора, онъ часто бываетъ на кладбищѣ, отдавая послѣднюю честь своимъ важнымъ паціентамъ. Однажды, уходя съ кладбища послѣ подобной церемоніи, онъ замѣтилъ, что молодая женщина, въ которой онъ тотчасъ узналъ Ретчель Дейсопъ, клала два вѣнка изъ незабудокъ на богатый мраморный крестъ, съ терновымъ вѣнкомъ на верху. На этомъ роскошномъ памятникѣ не было никакой надписи.

— Кто тутъ похороненъ? спросилъ докторъ у могильщика.

— Это—бѣдный человѣкъ, по имени Джонъ Биртль, умершій въ городской больницѣ, отвѣчалъ могильщикъ:—но у этой молодой дѣвушки что-то неладно въ головѣ: она вообразила, что это—могила другого человѣка, и уговорила отца поставить великолѣпный памятникъ.

— А чья это могила, по ея словамъ?

— Гьюга Мольверера, ея жениха, похороненнаго, какъ убійца, въ тюрьмѣ. Но тише, вотъ она идетъ.

Они посторонились. Ретчель была въ траурѣ и шла, опустивъ глаза въ землю. Но, поравнявшись съ могильщикомъ, она подняла голову и сунула ему въ руку серебряную монету.

— Смотрите, Джонсонъ, чтобы цвѣты на могилѣ не завяли, сказала она нѣжнымъ, мягкимъ голосомъ и прошла далѣе, какъ бы не замѣчая доктора.

ИЗЪ ВОСПОМИНАНІЙ ССЫЛЬНАГО.

Симона Майера.

(Продолженіе).

Продолжаю свой рассказъ. Мнѣ нужно сначала дать читателю, въ общихъ чертахъ, понятіе о томъ, что такое островъ Ну. Онъ находится на югѣ отъ нумейскаго рейда и имѣетъ форму акулы, съ разинутой пастью, обращенной къ сторонѣ открытаго моря. Размѣры его не превосходятъ пяти или шести километровъ въ длину и одного километра въ ширину. Исправительное заведеніе построено на той сторонѣ, которая противъ рейда. Эта сторона самая бесплодная и каменистая на всемъ островѣ. Цѣпи горъ прорѣзываютъ середину острова въ ширину. Та часть, которая на картѣ изображаетъ голову акулы, очень лѣсиста. Вершины горъ лишены почти всякой растительности. Только пять пунктовъ на всемъ пространствѣ острова заслуживаютъ быть указанными.

1) Скалы, на которыхъ построены казармы морской пѣхоты. 2) Прекрасный лѣсъ, зеленѣющій въ нѣкоторомъ разстояніи отъ сѣверной фермы. 3) Равнина, гдѣ выстроены госпиталь. Въ этой равнинѣ множество болотистыхъ мѣстъ; но они обыкновенно высыхаютъ; такъ, что воздухъ все-таки здѣсь очень здоровъ, вѣроятно, вслѣдствіе существованія минераловъ, поглощающихъ міазмы и очищающихъ воздухъ. 4) Возвышенность, гдѣ расположенъ пестрѣющій огородъ, словно въ насмѣшку называемый «огородомъ ссыльныхъ», хотя ссыльные дѣйствительно обрабатываютъ это обширное пространство, равняющееся тысячѣ слишкомъ гектаровъ; но никогда ни одинъ кочанъ капусты, ни одна морковка изъ этого огорода не попадали въ котлы осужденныхъ и 5) Французскій садъ, принадлежащій г-ну Понти, главному доктору на островѣ Ну, купившему эту землю и заплатившему,

какъ мнѣ говорили, по 25 франковъ за гектаръ; онъ обратилъ ее въ англійскій садъ, который, съ чисто-каледонской логикой, называютъ французскимъ садомъ. Въ этомъ саду есть гигантскія деревья, носящія и варварскія названія и научныя, но я забылъ и тѣ и другія. Они имѣютъ отъ восьми до девяти метровъ въ вышину, и листва ихъ осыпаетъ окружность въ 48 метровъ. Тамъ находится также и красное дерево, плодъ котораго мнѣ часто случалось ѣсть. Онъ бываетъ — смотря по роду деревьевъ — красный и бѣлый и походить на большой каштанъ. Вкусъ этого плода напоминаетъ вкусъ мускатнаго орѣха. Косточка, находящаяся въ серединѣ плода, очень ядовита. Отъ нея пухнуть губы и дѣлается нѣчто въ родѣ цыгги. Десны слабѣютъ и изъ нихъ сочится кровь. При этомъ чувствуется страшная боль, точно вамъ непрестанно жгутъ ротъ каленымъ желѣзомъ. И потому, когда ѣшь плодъ краснаго дерева, всегда нужно оставлять, около косточки, нѣсколько мякоти... Однажды, когда я поднесъ къ губамъ ножъ, которымъ сначала привоснулъ къ косточкѣ, — у меня такъ разнесло губы, что я не могъ ни шевелить ими, ни ѣсть, въ продолженіи нѣсколькихъ дней.

Окрестности сѣверной фермы очень живописны. Съ вершины горы Ю, изображающей на картѣ глазъ акулы, открывается великолѣпная панорама. Къ сѣверу отъ рейда, имѣющаго около двухъ километровъ въ ширину, находится полуостровъ Джоксъ, выдвигающій въ море цѣпь своихъ горъ, которыя отличаются самыми странными, прихотливыми формами. Вправо отъ васъ, островъ Ну тянется во всю длину свою, за нимъ нумейскій проходъ и расположенные по уступамъ холма, словно игрушечные, домики Нумеи. Влѣво гора Терещъ возвышаетъ свою вершину, подобную голому черепу старика. Если вы обернетесь назадъ, вы увидите Падданскую губу и безконечное море.

Для того, чтобы пройти изъ исправительнаго заведенія, находящагося на берегу противъ рейда, въ госпиталь, расположенный на другомъ берегу, со стороны открытаго моря, нужно подняться на гору, потомъ опуститься и обогнуть «огородъ ссыльныхъ», въ концѣ котораго тянется прекрасная аллея кокосовыхъ деревьевъ.

Госпиталь такъ обширенъ, какъ будто администрація, воздвигая его, имѣла въ виду помѣстить туда всѣхъ ссыльныхъ разомъ. Онъ построенъ изъ камня и крытъ красной черепицей. Три большія палаты предназначены для каторжниковъ трехъ первыхъ разрядовъ. Далѣе идетъ палата для каторжниковъ четвертаго разряда, которые, хотя бы они были при смерти, остаются прикованными къ ножкамъ своихъ кроватей. Въ другомъ корпусѣ помѣщается аптека, кухня, баня, кабинетъ главнаго доктора,

канцелярія надзирателя и священника. Третій корпусъ содержитъ въ себѣ прачешную. Помѣщеніе сестеръ милосердія и складъ бѣлья—находятся дальше. Госпиталь этотъ стоилъ правительству три милліона. Когда я оставилъ островъ Ну, тамъ пристраивали двѣ или три новыя палаты и деревянный флигель...

Съ нѣкотораго времени носился слухъ, что насъ будутъ посылать партіями въ большую колонію. Говорили о той части бухты Прони, называемой иначе южной, гдѣ также построено исправительное заведеніе и находятся дѣсныя дворы. Преступники противъ общаго права сожалѣли о насъ, говоря, что эта каторга худшая во всей колоніи. Тамъ умираютъ съ голода, остаются съ утра до ночи по колѣни въ водѣ для того, чтобы таскать тяжелыя бревна, и возвращаются покрытые желѣзистой землей, краснаго цвѣта. Мѣстность эта была самая дикая, безплодная, безъ всякаго сообщенія съ какой-либо обитаемой средой. Кромѣ того, надсмотрщики были тамъ настоящіе звѣри. Мы нѣсколько дней жили въ страхѣ.

Однажды утромъ, сформировали партію, но вмѣсто того, чтобы направить насъ къ той оконечности острова, которая находится противъ Нумеи, насъ направили въ сторону сѣверной фермы. Мы дѣйствительно должны были провести нѣсколько дней на сѣверной фермѣ.

Сѣверная ферма находится въ одинаковомъ разстояніи отъ каторги и госпиталя и въ трехъ-стахъ метрахъ отъ моря. Она состоитъ изъ двухъ или трехъ домиковъ, мастерской, коровника, помѣщенія надзирателя и земледѣльческаго агента. Мѣстность была великолѣпная, берега тѣнистые. Надсмотрщикъ былъ не золь, что же касается до главнаго надзирателя г. Аржантье, то читатель уже знаетъ, что я ничего не могу сказать о немъ, кромѣ хорошаго. Разумѣется, нужно было восемь часовъ въ сутки работать лопаткой и заступомъ и воздѣлывать землю. Но въ промежутки между работами можно было купаться, удить рыбу, искать раковинъ. Мы надѣялись, что насъ забудутъ на этой фермѣ. Къ сожалѣнію, случилось не такъ. 1-го февраля 1873 г. мы узнали, что насъ отправляютъ въ Сен-Луи. Сен-Луи находится въ главной колоніи, въ глубинѣ бухты Бунари.

Мы оставили сѣверную ферму 17-го февраля въ три часа утра. Такъ какъ была ночь и мы шли очень скоро, то я, чтобы догнать свое отдѣленіе, пустился бѣжать мимо рѣшотки надсмотрщика 4-го разряда. Онъ бросился на меня съ ругательствами и сталъ осыпая меня кулачными ударами и пинками, потомъ схватилъ за воротъ и хотѣлъ тащить въ карцеръ, но нашъ писарь, увидѣвъ это, велѣлъ ему освободить меня.

Мы переѣхали на парусной шлюпкѣ. Погода была въ этотъ день отвратительная. Когда мы вышли на берегъ въ Нумеѣ, насъ заставили пробыть болѣе получаса на набережной, подъ страшнымъ ливнемъ. Мы промокли до костей. Потомъ насъ повели на дровяной дворъ, гдѣ заставили взять тачки и инструменты. Намъ пришлось тащить ихъ до Сен-Луи, до котораго оставалось восемнадцать километровъ. Этотъ походъ въ Сен-Луи принадлежитъ къ самымъ тяжелымъ воспоминаніямъ моей жизни, обильной, однакоже, печальными странствованиями. Я долженъ былъ везти тачку, поперекъ которой положили лопату. Продливной дождь не переставалъ идти, размывая на крутыхъ склонахъ горной цѣпи землю, масса которой падала на дорогу, превращая ее буквально въ рѣку грязи. Мы вязли въ ней по колѣна, но должны были продолжать путь впередъ. Достигнувъ моста французовъ, находящагося на рѣкѣ Кари, недалеко отъ того мѣста, гдѣ она впадаетъ въ заливъ «Зачатія», мы надѣялись, что намъ, наконецъ, дадутъ нѣсколько отдохнуть, такъ какъ здѣсь было поменьше грязи, но мы ошиблись. Надо было идти, несмотря ни на что. Меня затрудняла моя тачка, съ которой безпрестанно падала лопата. Каждую минуту ступая въ водомоину, я нѣсколько разъ спотыкался и падалъ. Миновавъ «Зачатіе» — мѣсто, получившее свое названіе отъ монастыря—надсмотрщики согласились сдѣлать привалъ въ какомъ-то покинутомъ сараѣ. Дождь, между тѣмъ, все лилъ да лилъ. Наши чулки, сдѣлавшись жесткими отъ еремнистой грязи, рѣзали намъ ноги. Кромѣ чашки плохого кофе, у насъ ничего не было въ желудкѣ, и мы изнемогали отъ голода и усталости. Послѣ нѣсколькихъ минутъ отдыха, надсмотрщикъ сказалъ намъ:

— Въ походъ! Если вы опоздаете, котлы будутъ опрокинуты, и вамъ нечего будетъ поѣсть.

Дождь не переставалъ лить. Когда я поднялся съ мѣста, ноги мои были, какъ деревянные; ступени распухли, и я чувствовалъ въ нихъ сильную боль. Я снова взялся за оглобли своей тачки и, двигая ее передъ собой, зашлепалъ по грязнымъ лужамъ. Тоже самое сдѣлали всѣ мои товарищи. Мы шли, стиснувъ зубы, не говоря ни слова.

Двадцать минутъ спустя, мы поднимались въ гору, на верху которой находилась каторга, состоявшая изъ двухъ зданій, гдѣ могли помѣститься отъ 50-ти до 60-ти арестантовъ, изъ хижины, гдѣ помѣщался надзиратель, нѣкій Сортонъ, изъ другого строенія, носившаго громкое названіе «жандармеріи», и еще нѣсколькихъ лачугъ: конюшни, плотничной и вузничной мастерской и кухни. Всѣ эти зданія были построены изъ земли, смѣшанной

съ рубленной соломой, за исключеніемъ жилища надсмотрщика, выстроеннаго изъ досокъ.

Кромѣ Жерезма и трехъ-четырехъ товарищей, встрѣтившихъ насъ и отобравшихъ у насъ лопатки и тачки, никто не вышелъ изъ домовъ, чтобы принять насъ. Мы вошли въ одно изъ этихъ строеній. Надсмотрщикъ, арабъ, принялъ насъ довольно грубо, сказавъ намъ: «размѣщайтесь, какъ можете, пока надзиратель не укажетъ вамъ ваши мѣста». Надсмотрщикъ былъ рослый и очень худошавый малый, съ бронзовой кожей, съ изрытымъ оспой лицомъ. Онъ назывался Бенъ-Аисса. Впослѣдствіи я узналъ отъ него, что онъ былъ взятъ во время алжирскаго возстанія въ 1871 г. и приговоренъ къ смерти за поджогъ, но потомъ помилованъ.

Намъ дали похлебку. Мы набросились на эту гадеую, нездоровую жидкость съ прожорливостью голодныхъ собакъ. За ѣдой мы спрашивали себя, какъ мы ляжемъ здѣсь, если намъ не принесутъ нѣсколькихъ пучковъ соломы. Дѣйствительно, внутренность нашего помѣщенія была не менѣе грязна, чѣмъ дорога: одежда, находившаяся у насъ въ мѣшкахъ, такъ же вымокла, какъ и та, которая была на насъ. Высушить ее не было никакой возможности, такъ какъ зажигать огонь въ нашихъ жилищахъ строго воспрещалось. Всѣ измокшіе, мы должны были лечь на землю, совѣмъ влажную отъ воды, непрестанно проникавшей въ двери, и которую почва медленно въ себя впитывала. Мы скорѣе попадали, чѣмъ легли, въ эту тину, гдѣ тотчасъ же отпечатлѣлись наши фигуры. Но не успѣли мы проспать и десяти минутъ, какъ насъ разбудилъ рѣзкій, пронзительный звукъ рожка, подобнаго тому, въ какой уличные мальчишки въ Парижѣ трубятъ на масляницѣ. Бенъ-Аисса вошелъ къ намъ и закричалъ: «вставать! и на работу!»

— Но мы только-что пришли...

— А мнѣ какое дѣло...

— Мы совѣмъ выбились изъ силъ...

— Мнѣ дано приказаніе...

— По правиламъ осужденные не должны работать въ день ихъ прихода на новое мѣсто...

— По правиламъ?.. Надсмотрщикъ—вотъ для васъ правила. По правиламъ не слѣдуетъ также работать во время дождя... А вотъ вы увидите, какъ здѣсь не работаютъ. Вставать! и живѣй по участвуемъ...

Мы работали четыре часа. Трудно представить себѣ, до какой степени бесполезна и грязна была эта работа. Заставить людей работать на дорогѣ подъ проливнымъ дождемъ—эта мысль могла

родиться только въ эксцентричномъ мозгу каледонскаго надсмотрщика. Все, что мы дѣлали, дождь раздѣлывалъ. Земля, которую мы выбрасывали изъ вырытыхъ нами ямъ, падала въ нихъ опять въ видѣ грязи. Мы работали съ глухимъ раздраженіемъ, съ отвращеніемъ къ дѣлу. Впослѣдствіи намъ довелось испытать еще и не то.

Въ Сен-Луи находилось 124 каторжника, изъ нихъ 40 политическихъ преступниковъ и 4 араба, сосланныхъ за возстаніе 1871 г. Кромѣ этихъ четырехъ, было еще 26 арабовъ, но они принадлежали къ преступникамъ противъ общаго права.

Всѣ должности, за исключеніемъ писаря, двухъ надсмотрщиковъ, главнаго повара, плотника, кузнеца и башмачника, отданы были арабамъ. Конечно, нельзя судить о племени по его отребью, но арабы, благодаря своему раболѣпію передъ начальствомъ, своей наглости въ отношеніи къ намъ, можетъ быть, своимъ порокамъ и всему, что способно было возбудить къ нимъ презрѣніе, очень скоро успѣли поддѣлаться къ нѣкоторымъ изъ тѣхъ, на комъ лежала обязанность надзирать за нами.

Изъ числа этихъ послѣднихъ я долженъ исключить г. Рожье, надсмотрщика второго класса, впрочемъ, теперь умершаго. Г. Рожье не былъ крокодь, но я никогда не видѣлъ, чтобы онъ сдѣлалъ какую нибудь несправедливость. Не таковы были главный надсмотрщикъ Сортонь и надсмотрщикъ третьяго класса, нѣкій Бессине.

Этотъ Бессине былъ чѣмъ-то въ родѣ мрачнаго Жюкрисса. Онъ смѣялся надъ всѣмъ, что было намъ непріятно. Если шелъ дождь, Бессине прогуливался взадъ и впередъ подъ огромнымъ зонтикомъ и говорилъ намъ:

— Дождь идетъ. Вы можете, вамъ досадно. А мнѣ наплевать; у меня есть зонтикъ.

Точно также, если былъ зной, Бессине подходилъ къ каждому изъ насъ и говорилъ: «Что? Васъ печетъ солнце? Вы потѣете? А мнѣ наплевать. У меня есть зонтикъ».

И такъ во всемъ остальномъ. Если не хватало вина или хлеба была нигуда не годная, Бессине покатывался со смѣху и повторялъ свое вѣчное: «а мнѣ наплевать». Наши наказанія радовали его. Я никогда не видалъ человѣка, который бы смѣялся такъ глупо.

Тотъ, кто не испытывалъ страданій отъ голода, жажды и изнурительныхъ работъ, не въ состояніи представить себѣ, какую огромную важность мы придавали всему, что относилось къ нашему продовольствію. Лишь послѣ восьмичасоваго непосильнаго труда поймешь вполне, въ какой степени стаканъ вина состав-

леть необходимую потребность. Когда вамъ грустно, когда вы больны сердцемъ, больны умомъ, только глотокъ вина, согрѣвающій вашъ желудокъ, можетъ хоть нѣсколько развеселить васъ. Отсюда нашъ гнѣвъ, наша злоба, когда у насъ воровали вино. Намъ казалось, что тѣ самые люди, которые заставляютъ насъ такъ работать, воруютъ у насъ наше мужество, наши силы. Прибавлю, что большая часть осужденныхъ находилась въ періодѣ анеміи. Мы изнемогали отъ страшной усталости; кровь прилиwała у насъ къ головѣ съ необычайной силой; потъ совершенно изнурялъ насъ. Мы чувствовали по временамъ такую слабость, что заступы и лопаты валялись у насъ изъ рукъ. Тогда надсмотрщики-арабы накидывались на насъ, называя насъ «алуфъ-руми» (христіанская свинья) и грозя убить до смерти.

Я уже упомянулъ объ одномъ изъ этихъ надсмотрщиковъ, Бенъ-Аиссъ. Другой былъ молодой человекъ, съ необыкновенно правильными чертами. Онъ былъ проворенъ и гибокъ, какъ пантера, и на смугломъ лицѣ его глаза блестяли, какъ два черные брильянта. Зубы его отличались сверкающей бѣлизной, словно зубы красного звѣря. И это былъ, дѣйствительно, звѣрь. Онъ имѣлъ прежде двухъ женъ мулатокъ и отъ каждой изъ нихъ по дѣвочкѣ, надъ которыми онъ совершилъ звѣрское насиліе: надъ одной въ ручѣ, надъ другой въ лѣсу, въ присутствіи матери, привязанной къ дереву. Таковъ былъ человекъ, который во всякое время могъ велѣть дать намъ 25 ударовъ плетью.

Между преступниками противъ общаго права въ С. Луи находилось четыре китайца и два негра. Негры были чѣмъ-то въ родѣ факировъ, очень опасныхъ. Они иногда смотрѣли на насъ страшными глазами, словно хотѣли принести насъ въ жертву фетишамъ своей страны. Съ ними были также начальникъ шайки марсельскихъ отравителей и нѣкто Мартенъ, убившій во время имперіи, въ Парижѣ, молодую дѣвушку. Правосудіе долго искало его и не могло найти. Онъ былъ открытъ и арестованъ при коммунѣ, полицейскимъ комиссаромъ коммуны, г-мъ Бланъ. Это имѣло послѣдствіемъ любопытный фактъ. Г. Бланъ былъ въ свой чередъ схваченъ за участіе въ коммунѣ. Его судили, приговорили къ ссылке и прислали въ С. Луи. Первый человекъ, котораго онъ встрѣтилъ тамъ, былъ Мартенъ. Когда онъ увидѣлъ г-на Бланъ, имъ овладѣла страшная злоба.

— А! это ты меня арестовалъ, сказалъ онъ съ угрожающимъ видомъ.—Погоди же. Я съ тобой справлюсь при первомъ удобномъ случаѣ.

Къ удивленію, г. Сортонъ согласился не помѣщать г. Блана въ одномъ жилищѣ съ Мартеномъ; но, тѣмъ не менѣе, г. Бланъ,

каждый разъ какъ мы отправлялись на работу, держался на сторожѣ... Почти каждое утро его предупреждали, что врагъ его хочетъ его убить. Существованіе г. Блана было такое мрачное, какое только можно себѣ представить. Но, въ сущности, эта драма забавляла надсмотрщика Сортона и, въ особенности, надсмотрщика Бессине, который, какъ мнѣ передавали, говорилъ г. Блану, посмѣиваясь:

— Ну, что? Мартенъ будетъ нынче васъ рѣзать? А мнѣ наплевать. Пускай васъ зарѣжутъ. Все-таки однимъ коммунаромъ будетъ меньше; а Мартена гильотинируютъ, что также уменьшить число негодяевъ, за которыми намъ приходится смотрѣть. Все будетъ въ лучшему, значить.

Въ первый день мы работали на дорогѣ. На второй день намъ пришлось идти на каменоломню, находившуюся въ нѣсколькихъ километрахъ отъ каторги, по дорогѣ въ Монъ-Доръ. Способъ извлеченія камней былъ такой же примитивный, какъ и всѣ другіе способы, употреблявшіеся тамъ. Сперва дѣлали долго заступомъ въ скалѣ зарубки, потомъ отдѣляли глыбу ломомъ, служившимъ рычагомъ. Глыба, иногда огромная, катилась съ высоты подъ гору. Другіе каторжники, разставленные по дорогѣ группами, въ нѣкоторомъ разстояніи одна отъ другой, разбивали глыбу съ помощью палицъ. Добытымъ такимъ способомъ мелкимъ камнемъ настилали дорогу. Всѣ инстинктивно старались, чтобы не быть задѣтыми этими камнями, тяжело катившимися по склону горы, посреди града мелкихъ камешковъ. Тогда надсмотрщикъ Пемі, стоявшій въ далекомъ разстояніи, кричалъ намъ:

— Стоять на мѣстахъ! Перваго, кто пошевелится, сейчасъ отведу къ начальнику. Онъ ему успокоитъ нервы. Если вы боитесь, чтобы васъ не убило, не надо было идти на каторгу. Здѣсь, коли прикажутъ дать себя раздавить—повинуйся!

Раненыхъ въ С. Луи было много. Одинъ изъ нихъ Парнеъ, осужденный за участіе въ Нарбоннской коммунѣ, былъ совсѣмъ обезображенъ и лишился глаза, вслѣдствіе несчастнаго случая на каменоломнѣ.

Однажды, послѣ того, какъ и меня чуть не раздавило камнемъ, я вооружился всѣмъ своимъ мужествомъ и пошелъ жаловаться на Пемі Сортону. Онъ захоталъ.

— Велика бѣда, еслибъ васъ и задѣло! сказалъ онъ и прибавилъ:—Пемі правъ; не должно покидать своего мѣста.

— Позвольте, возразилъ я.—Если слышишь, что позади тебя катится съ громомъ глыба, нельзя удержаться, чтобы хоть на шагъ не отодвинуться въ сторону.

— Стало быть, еслибы шель каменный дождь, вы бы цѣлый день ничего не дѣлали? Убирайтесь, и будьте довольны тѣмъ, что ваша спина не пострадала отъ чего-нибудь другого.

Обращаться съ дальнѣйшими жалобами къ человѣку, разсуждающему такимъ образомъ, очевидно, было бесполезно.

Въ Сен-Луи была миссія Маристовъ. Цѣль этой миссіи состояла въ томъ, чтобы обращать канаковъ и причинять тысячу неприяностей ссыльнымъ.

Евреи и протестанты должны были ходить къ обѣднѣ, падать на колѣни при звукѣ колокольчика, вставать и снова опускаться на колѣни по военной командѣ. Арабы, однакожь, не присутствовали при богослуженіи. Я спросилъ однажды у мудраго Сортона, какая тому причина?

— Арабы—магометане, отвѣчалъ онъ.

— А евреи—Моисеева закона.

— Арабскій Богъ—не нашъ Богъ.

— И еврейскій Богъ также...

— Это не мое дѣло. По регламенту, это одинъ и тотъ же. И потомъ, очень мнѣ нужно... Протестанты, евреи—это для меня не существуетъ. Я хочу, чтобы ходили къ обѣдни и молились въ назначенное время—вотъ и все.

Нетолько нужно было по воскресеньямъ ходить къ обѣднѣ, но еще и къ вечернѣ. Церковь находилась въ 25-ти минутахъ ходьбы отъ каторги. Стало быть, нужно было употребить часъ и сорокъ минутъ на это путешествіе, и иногда въ проливной дождь.

Каждое воскресенье и каждый праздникъ намъ дѣлали по утрамъ инспекторскій смотръ. Нужно было имѣть праздничный видъ. Требовалось, чтобы рубашка, панталоны и блуза были бѣлыя и башмаки хорошо вычищены. У насъ не было ваксы, что позволяло намъ чистить платъе и башмаки одной и той же щеткой изъ палочной травы, служившей намъ въ тоже время и головной щеткой. Мы даже могли, если намъ было угодно, чистить ею зубы.

Церковь въ Сен-Луи походила на деревенскую. Въ ней было холодно, алтарь былъ скуденъ. Въ глубинѣ его находилось изображеніе короля Людовика Святого, патрона церкви. Маристы увѣряли, что эта дешевая мазня—произведеніе великаго мастера. Въ церкви было два придѣла и двѣ исповѣдальни.

Въ первомъ ряду, передъ алтаремъ, помѣщались обращенныя каледонскія дѣвственницы, составлявшія хоръ. Пѣніе ихъ немилосердно терзало наши уши, но маристы слушали ихъ съ умиленіемъ. Для мариста каждая молодая канацкая дѣвушка—ангелъ.

*

Она служить утѣшеніемъ благочестивыхъ миссіонеровъ до тѣхъ поръ, пока ея не выдадутъ замужъ за какого-нибудь туземца изъ Булупари или Бассабума.

Я никогда не забуду проповѣдей отца Вигуру. Краснорѣчіе этого святого отца отличалось свирѣпостью. Онъ указывалъ, съ каедры, канагамъ и уголовнымъ преступникамъ на политическихъ смельчанъ, какъ на изверговъ, заслуживающихъ всякаго презрѣнія.

— Есть между вами люди, говорилъ онъ: — совершившіе всѣ преступленія. Это—не преступники противъ общаго права. Это—другіе. Они будутъ горѣть въ вѣчномъ огнѣ. Ихъ будутъ поджаривать на рѣшеткѣ, поворачивать вилами и ерюками, печь подъ золой, какъ картофель.

Потомъ начиналась тирада противъ свободныхъ мыслителей:

— Знаете-ли вы, что такое свободный мыслитель? Это—человѣкъ, который хуже вора, хуже отравителя, хуже убійцы и т. д. И онъ указывалъ на насъ пальцемъ.

Туземныя женщины и дѣвушки глядѣли на насъ, и, казалось, въ нихъ пробуждались свирѣпыя инстинкты. Глаза ихъ горѣли дикимъ огнемъ. Очевидно, онъ не прочь бы былъ въ эту минуту полакомиться «бѣлымъ». Довольный результатами своего краснорѣчія, отецъ Вигуру обводилъ побѣдоноснымъ взглядомъ своихъ черныхъ неофитокъ.

Однажды, я закрылъ лицо руками, чтобы не видѣть этого эпилептика, который, несмотря на всѣ мои усилія относиться къ нему хладнокровно, иногда все-таки раздражалъ меня. Пока онъ оканчивалъ проповѣдь, я задумался о своихъ близкихъ, о родинѣ, какъ вдругъ сильный ударъ кулакомъ по носу заставилъ меня очнуться. Это былъ младшій надсмотрщикъ, предупредившій меня по своему.

— Какое право вы имѣете бить меня? спросилъ я его.

— Вы спите! отвѣчалъ онъ.

Подожелъ Бессине. «Г. Бессине, сказалъ я ему:—развѣ преступники противъ общаго права могутъ насъ бить теперь?

Бессине спросилъ у младшаго надсмотрщика: «Что онъ дѣлалъ?»

— Онъ спалъ...

— Это ложь, возразилъ я.

— Вы подадите о немъ рапортъ, сказалъ Бессине, обращаясь къ младшему надсмотрщику:—что онъ спалъ за обѣдней.

Я былъ въ ярости... По возвращеніи, Соргонъ призвалъ меня къ себѣ и, не слушая моихъ объясненій, сказалъ: «Я не хочу,

чтобы въ церкви спали. Пами разбудилъ васъ и хорошо слѣлалъ. Проваливайте; и будьте довольны тѣмъ, что я васъ не называю».

Канаковъ различныхъ миссій приучаютъ къ охотѣ на людей. Если кто-нибудь изъ ссыльныхъ заблудится или бѣжить съ каторги и канакъ приведетъ его, то получаетъ за это отъ правительства десять франковъ. Десять франковъ—это цѣлый мѣсяць работы у маристовъ, и потому канаки рады-радѣшеньки, когда они могутъ привести бѣглаго или сбившагося съ дороги. Они бросаются на несчастнаго съ пронзительнымъ крикомъ, связываютъ ему руки и ноги вмѣстѣ и несутъ, какъ поросенка на убой. Приведеннаго въ жандармерію бѣглеца приговариваютъ къ «скамейгъ». Пытаются бѣжать съ острова Ну—безуміе; тотъ, кто попадетъ въ пасть этой акулы, самъ не выберется оттуда. Тѣмъ не менѣе, были люди, выведенные изъ терпѣнія дурнымъ обращеніемъ, и уходили въ разное время въ одиночку съ каторги; но почти всегда возвращались назадъ, умирающіе съ голода, и, отдавая себя въ руки начальства, получали свыше 50 плетей. Нѣсколько разъ и канаки, посланные администраціей, высадившись на островѣ Ну, съ своими стрѣлами и кастетами, охотились на людей. Въ ноябрѣ 1876 г. исчезъ одинъ ссыльный съ южной оконечности (Pointe Sud). Онъ нѣсколько дней блуждалъ по склону горы, питаясь кореньями и дикими плодами. Онъ спалъ въ гротѣ; на него пустили канаковъ.

Канаки проворны, какъ борзны собаки. Хотя они ходятъ босые, но вы видите ихъ быстро влѣзающими на крутизны, поросшія ліанами и всякими колючими растеніями. Привыкшіе къ дикой жизни, они скоро отыскаютъ слѣды тѣхъ, кого ищутъ, и тотчасъ же могутъ сказать, туземецъ или европеецъ прошелъ въ извѣстномъ мѣстѣ.

Бѣглець былъ мигомъ отысканъ въ гротѣ, гдѣ онъ скрывался. Канаки всѣ вмѣстѣ устремились на него съ дикими криками, убили его и съ торжествомъ принесли окровавленный трупъ его на каторгу. Администрація не думала тогда, что она играетъ въ опасную игру и что приглашать канаковъ убивать бѣлыхъ не совсѣмъ удобно. Эти дикари вошли во вкусъ своихъ новыхъ обязанностей, что можно было замѣтить впоследствіи въ Булу-пари.

Канаки не ѣдятъ мяса и, что бы ни говорили, никогда не были людоедами иначе, какъ изъ мести. До завоеванія эти племена

были скорѣй кроткіе, нежели опасныя. Маристы, для того, чтобы овладѣть ихъ довѣріемъ, увѣрили ихъ, что бѣлыя—людоѣды, и что канаки всѣ будутъ съѣдены европейскими пришельцами, если не примутъ католичества. Эти люди, питающіеся рыбой и кореньями, тѣмъ охотнѣе повѣрили маристамъ, что видѣли, какъ пришельцы ѣдятъ мясо съ кровью.

Съ другой стороны, увѣривъ европейцевъ, что канаки почти исключительно питаются человѣческимъ мясомъ, маристы возбудили въ нашихъ соотечественникахъ ужасъ и отвращеніе къ дикарямъ и, вмѣстѣ съ тѣмъ, глубокое уваженіе къ миссіонерамъ, непрестанно подвергающимъ свою жизнь опасности. Такимъ образомъ, извѣстное правило «раздѣлять, чтобы царствовать» было ловко примѣнено къ дѣлу этими миссіонерами, которые съ тѣхъ поръ могли, сколько имъ угодно, эксплуатировать туземцевъ и служить посредниками во всѣхъ коммерческихъ сдѣлкахъ.

Подъ игомъ маристовъ, канаки подвергаются невообразимой эксплуатаціи. Въ Сен-Луи ихъ заставляютъ работать весь день за пять су, на сахарныхъ плантаціяхъ благочестивыхъ отцовъ. Вся ихъ пища состоитъ изъ небольшого количества рису.

Маристы, очень взыскательныя въ дѣлѣ стыдливости, требуютъ, чтобы канаки одѣвались, по крайней мѣрѣ во многихъ случаяхъ. Разумѣется, они продаютъ имъ одежду и по цѣнѣ непомерно высокой; канакъ долженъ работать двѣ недѣли, чтобы приобрести рубашку. Можно все сдѣлать съ этими первобытными людьми, угрожая имъ то тѣмъ, что ихъ съѣдятъ бѣлыя, то тѣмъ, что они будутъ горѣть въ аду.

Хижины канаковъ довольно прочно построены изъ коры растенія ніолисъ, пальмовыхъ листьевъ и банановыхъ волоконъ. Эти хижины круглыя, какъ норы бобровъ. Маленькое отверстіе служить дверью; ни оконъ, ни какихъ другихъ отверстій. Внутри никакой мебели, даже ни малѣйшей скамейки. Канакъ сидитъ и спитъ на землѣ. Въ этомъ жилищѣ онъ въ золѣ печетъ себѣ пищу, добывая огонь посредствомъ тренія двухъ кусковъ сухого дерева. Канакъ ловитъ рыбу съ помощью своихъ «загѣ» (нѣчто въ родѣ стрѣлы). Онъ сторожитъ рыбу съ терпѣніемъ выдры и, замѣтивъ ее, прокалываетъ, бросая въ нее эту стрѣлу. Пораженная рыба всплываетъ, и канакъ, бросившись въ воду, достаетъ и загѣ, и свою добычу.

У канаковъ, какъ у всѣхъ дикихъ народовъ, женщина носитъ тяжести. У дикихъ канаковъ есть изящный культъ. Они обожаютъ цвѣты. Они срываютъ ихъ съ благоговѣніемъ, говорятъ съ ними и украшаютъ ими свои курчавые волосы. Начальники втыкаютъ ихъ себѣ столько, что, кажется, будто у нихъ, вмѣсто

волось, букеты. У cadaго племени есть свой крикъ, долгій, рѣзкій, и который слышится за цѣлое льѣ. Съ помощью этого крика они находятъ другъ друга, соединяются, какъ для возвращенія въ свою деревню, такъ и для защиты противъ какого-нибудь непріятели.

Канаки очень понятливы. Они скоро выучиваются европейскимъ языкамъ. Я зналъ двоихъ, служившихъ при миссіи, которые бѣгло говорили по-французски.

Такъ называемый инженеръ лагеря въ Сен-Луи, заставлявшій насъ работать, строить дома, извлекать и дробить камни для дорогъ, былъ изъ поляковъ. Нужно ли говорить, что у него не было никакихъ способностей. Это былъ просто надсмотрщикъ, у котораго явилась страсть къ постройкамъ и котораго вдругъ сдѣлали строителемъ всѣхъ мостовъ и дорогъ въ окрестностяхъ Сен-Луи. Онъ былъ грубъ, придирчивъ и билъ людей хлыстомъ по лицу. Лакей его—былъ арабъ, отчаянный воръ и когда-то убійца. У этого человѣка, котораго называли тамъ арабскимъ Синей Бородой, было одиннадцать женъ. Онъ убилъ восемь изъ нихъ; и еслиби не правосудіе, то покончилъ бы и съ тремя остальными. Когда его спросили, зачѣмъ онъ совершилъ этотъ рядъ ужасныхъ преступленій, онъ отвѣчалъ, что эти одиннадцать женъ перестали ему нравиться и что онъ хотѣлъ взять одиннадцать другихъ. Говорили, что Алла-Шмицъ скопилъ 8,000 франковъ со времени своего прибытія въ Новую Каледонію и прячетъ эти деньги въ душлѣ какого-то дерева. Каторжники слѣдили за нимъ нѣсколько разъ, желая обокрасть его. Но онъ былъ предупрежденъ и держалъ ухо остро, такъ что никому не удалось открыть его кладъ.

Боже милостивый! Чтò это было за общество! и подумаешь, что, среди всѣхъ этихъ людей, мы провели восемь лѣтъ!

Кто ѣдетъ изъ Нумей въ миссію Сен-Луи, проѣзжаетъ мимо лагеря каторжниковъ, остающагося у него вправо. Лагерь, какъ я уже сказалъ, находится въ двухъ километрахъ отъ миссіи. Къ миссіи подъѣзжаютъ обширными полями сахарнаго тростника, которыя обрабатываютъ канаки и ихъ жены. Заведеніе маристовъ стоитъ на возвышенности и господствуетъ надъ огромной долиной, усаженной апельсиновыми деревьями, покрытыми золоти-

стыми плодами. Эта часть острова—настоящій земной рай. Воздухъ здѣсь упоительный, и когда изъ долины слезь, гдѣ находится каторга, вступаешь въ эту благоухающую долину, невольно вспоминается пѣсня Миньоны...

Зданіе построено изъ досокъ и на каменномъ фундаментѣ. Оно имѣетъ около сотни метровъ въ длину и пять или шесть въ ширину. Вокругъ всего зданія идетъ веранда. Оно обнесено деревянной рѣшеткой; двустворчатые ворота также рѣшетчатые. Внутри находятся: комната и кабинетъ настоятеля, воинствующаго отца Вигуру, комната отца Томассень, его коадьютора, комнаты маристовъ, комнаты «невѣжествующихъ монаховъ» (*frères ignotants*), магазины; одинъ изъ магазиновъ отведенъ для платя, мелочного товара, табаку и галантерейныхъ вещей. Влѣво — помѣщенія освобожденныхъ преступниковъ, канавъ и цивилизованныхъ, состоящихъ при заведеніи. Позади идутъ конюшни, хлѣва и курятники. Маристы ни въ чемъ не отказываютъ себѣ, у нихъ всегда есть супъ съ курицей, тогда какъ тѣ, которые обогащаютъ ихъ, питаются рисомъ и кореньями. Вправо—сахарный заводъ. Противъ этого коммерческаго заведенія стоитъ церковь. О ней я уже говорилъ.

Если оставить церковь влѣво и спуститься по маленькой дорожкѣ, извивающейся вдоль холма, то придешь къ гигантскому сельскому мосту, переброшенному на высотѣ десяти метровъ черезъ прекрасную рѣку съ прозрачными ясными водами, гдѣ множество рыбы. Вы видите, какъ она плещется и ныряетъ. Въ нѣсколькихъ метрахъ отъ моста, падаетъ съ горы великолѣпный каскадъ. Въ этой восхитительной мѣстности, одѣтой яркой зеленью, пестрѣющей красками радуги, цвѣты и плоды растутъ безъ культуры и принимаютъ громадныя размѣры. Маристы знали, гдѣ пріютиться. На всемъ островѣ, вѣроятно, не найдется подобнаго мѣста.

Деревня канавовъ довольно кокетлива. Между тѣми норами, о которыхъ я говорилъ, находятся маленькія шале. Это смѣшеніе построекъ очень живописно. Однажды, въ день какой-то религиозной процессіи, вся деревушка была увѣшена одѣялами, разноцвѣтными ситцами и простынями, по которымъ висѣли фестоны и гирлянды изъ широкихъ листьевъ, цвѣтовъ и красныхъ стручковъ индійскаго перца. Красивое зрѣлище это заслуживало кисти художника.

Случалось, что начальство посылало насъ и по праздникамъ, между обѣдомъ и вечерней, на работу — за тростникомъ и ла-

нами. Эта работа имѣла свои пріятныя стороны. Мы могли отправляться куда намъ угодно, подъ условіемъ, чтобъ каждый изъ насъ непременно принесъ съ собою корзину этихъ растений. Возвратившись, мы иногда должны были идти за двумя другими корзинами, и потому мы часто плутовали и, вмѣсто того, чтобъ тотчасъ же возвратиться, лежали въ лѣсу.

Однажды, отправившись вмѣстѣ съ Лакайлемъ, мы порѣшили не лежать въ лѣсу, а пройти въ морю. Мы приблизились къ маленькой губѣ, гдѣ были привязаны йолы — лодки канаковъ. Лакайлъ сказалъ мнѣ, смѣясь: «Не удрать-ли, Майеръ?» Я отвѣчалъ то же самое: «Не удрать-ли, Лакайлъ?» Мы оба прибавили: «а куда мы поѣдемъ?» Я сказалъ Лакайлю: «Еслибъ мы были увѣрены, что встрѣтимъ въ морѣ корабль; но мы встрѣтимъ только одни канонерки правительства». Не успѣлъ я произнести эти слова, какъ мы увидѣли великолѣпный парусный корабль подъ американскимъ флагомъ, огибавшій утесъ. Мы думали, что это—обманъ воображенія.

Корабль скользилъ по волнамъ въ нѣсколькихъ стахъ метровъ отъ берега. «Это американскій флагъ», сказалъ мнѣ Лакайлъ.— «Да, отвѣчалъ я:—ѣдемъ... Кто насъ увидитъ?»—«ѣдемъ... авось Богъ поможетъ».

Мы побѣжали по направленію къ лодкамъ, не спуская глазъ съ корабля. О, какъ сердце наше билось! Мы видѣли въ этой случайности что-то провиденціальное. Мы только-что пожелали спасенія—и судьба посылаетъ его намъ. Этотъ прекрасный корабль сулилъ намъ свободу. Мы были какъ сумасшедшіе.

Я первый вскочилъ въ лодку; Лакайлъ послѣдовалъ за мной. Лодка была привязана на веревкѣ. Я сталъ развязывать узелъ, какъ вдругъ увидѣлъ, что изъ-за кустовъ показался одинъ изъ преступниковъ противъ общаго права. Онъ бѣжалъ въ нашу сторону. Въ ту же минуту, въ отдаленіи, послышался свистокъ надсмотрщика. Декорація перемѣнилась.

— Мы погибли, сказалъ мнѣ Лакайлъ:—если только не пригласимъ этого преступника бѣжать съ нами.

— Это невозможно, отвѣчалъ я:—мы не въ правѣ безчестить нашъ побѣгъ.

— Ну, такъ отчалимъ скорѣй...

Я обернулся и взглянулъ на море. Корабль уже миновалъ губу и скрылся изъ вида. Лакайлъ, въ свой чередъ, посмотрѣлъ въ даль. «Поздно!» произнесъ онъ печально. Дѣйствительно, ужъ было поздно. Уголовный преступникъ находился подлѣ насъ. Раздался второй свистокъ, ближе перваго. Надсмотрщикъ шель къ намъ.

— Чтѣ вы здѣсь дѣлаете? вскричалъ каторжникъ.—Вотъ ужъ цѣлые полчаса, какъ васъ ищутъ.

— Мы сѣли въ лодку подышать свѣжимъ воздухомъ...

— И подумывали, какъ бы дать тягу, сказали, смѣясь, каторжникъ. — Выходите скорѣй изъ лодки. Если надсмотрщикъ увидитъ васъ въ ней—бѣда! Не уйдете отъ плетей!

Мы быстро вышли на берегъ. Надсмотрщикъ не обратилъ на насъ вниманія. Онъ распекалъ одного политическаго преступника, который недостаточно набралъ лианъ. Я часто дивился потому, что намъ удалось избѣжать кары. Въ эту эпоху, удары плетей сыпались градомъ. У меня передъ глазами лежитъ списокъ ссыльныхъ, подвергшихся тѣлеснымъ наказаніямъ въ теченіи восьми мѣсяцевъ. Изъ него видно, что съ 1-го апрѣля по 16-е декабря 1876 года дано было 745 ударовъ плетью за попытку или пособничество къ побѣгу. Между прочимъ, одинъ молодой человекъ, лѣтъ двадцати-двухъ или трехъ, по имени Байонъ, 23-го декабря 1873 года былъ посаженъ въ тюрьму и приговоренъ за многократные рецидивы къ 200 ударамъ плетей, которые онъ долженъ былъ получать по мѣрѣ заживленія своихъ ранъ. Когда я уѣзжалъ изъ Новой Каледоніи, то есть, нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ, онъ все еще находился въ тюрьмѣ.

Немного времени спустя послѣ нашего прибытія въ Сен-Луи, г. Алейронъ, временный губернаторъ, посѣтилъ нашъ лагерь. Этотъ день былъ одинъ изъ самыхъ тяжелыхъ, какіе мы только провели въ ссылкѣ. Г. Алейронъ тщательно осмотрѣлъ наши помѣщенія. Онъ велѣлъ выбросить посуду, изъ которой мы ѣли, и всѣ вещи, которыя не допускаются правилами. Онъ запретилъ намъ дѣлать на ночь изъ нашихъ блузъ подушки. На другой день пришло официальное приказаніе: четыре раза въ недѣлю лишать насъ мяса, кофе, вина, масла, уксуса и отчасти нашихъ овощей. Однажды мы стали считать, сколько намъ даютъ за обѣдомъ бобовъ; оказалось, что приходится 32 штуки на человека.

Между тѣмъ, какъ мы умирали съ голода, г. Сортоаъ ни въ чемъ себѣ не отказывалъ. У него былъ прекрасный садъ съ фруктами и овощами. У него были быки, коровы, бараны, поросята, козы, дичь и голуби. Онъ торговалъ всѣмъ этимъ. Каждый разъ, какъ ссыльный занемогалъ, онъ удерживалъ изъ его раціона 250 граммовъ и, оставляя себѣ мягкій хлѣбъ, на другой

или на третій день заставлялъ раздавать намъ черствый. Мы разъ сосчитали, сколько мягкихъ хлѣбовъ онъ оставилъ; оказалось 18.

Вслѣдствіе посѣщенія г. Алейрона, насъ стали заставлять еще больше работать. Мы работали уже не восемь, но десять и двѣнадцать часовъ. Пища была скудная, и мы походили на скелеты. Тогда-то намъ съ Жеремомъ пришло въ голову варить и ѣсть лѣсные плоды или дикіе корни: яблоки ланы, каледонскій шафранъ, стручки корнепуска. Это было отвратительно на вкусъ, но питательно. Однажды г. Сортопъ, замѣтивъ, что Жеремъ прибавилъ къ своей похлебкѣ нѣсколько стручковъ корнепуска, на мѣсяцъ заковалъ его въ кандалы.

До прибытія временнаго губернатора, намъ дозволено было, вслѣдствіе приказанія свыше, развести себѣ въ свободное время маленькіе садики. Я разбилъ свой у подошвы горы. Почва была дурная, твердая... Я ее взрылъ, унавозилъ, засѣялъ, окружилъ колючимъ кустарникомъ для того, чтобы быки начальства не заходили въ него. Въ тотъ день, какъ пріѣхалъ г. Алейронъ, я съ благоговѣніемъ срѣзалъ и съѣлъ свой первый салатъ. Временный губернаторъ велѣлъ все разорить, и наши повинутые садики опять сдѣлались бесплодны, словно мы засѣяли ихъ солью.

Впрочемъ, чего же мы могли ждать отъ той реакціонной администраціи, подъ игомъ которой мы находились. Г. Прицбауръ стоилъ г. Алейрона. Сто человѣкъ ссыльныхъ, находившихся на Сосновомъ Островѣ и теперь возвращенныхъ, могутъ засвидѣтельствовать слѣдующій фактъ. Въ маѣ 1876 года, четырнадцать человѣкъ ссыльныхъ, тяготясь жизнью, повѣсились. Вслѣдствіе этихъ трагическихъ событій, г. Бартеlemi, командиръ 3-го полка морской пѣхоты, созвалъ 18-го мая 1876 года совѣтниковъ пяти общинъ Сосноваго Острова и сказалъ имъ, что не надо приходить въ отчаяніе и что весьма возможно, что въ скоромъ времени послѣдуетъ амнистія. 24-го мая, когда показался корабль, всѣ ссыльные думали, что онъ везетъ добрыя вѣсти. Онъ везъ г-на Прицбауера.

Прежде всего, губернаторъ посѣтилъ церковь, отслушалъ обѣдню и причастился. Потомъ, созвавъ всѣхъ ссыльныхъ, онъ обратился къ нимъ съ слѣдующей рѣчью, проникнутой не со-всѣмъ христіанскимъ духомъ:

«Вамъ сказали, что васъ ожидаетъ амнистія. Не рассчитывайте на это. Знайте, что легче вамъ выйти изъ могилы, нежели съ Сосноваго Острова. Вы вѣрите въ республику. Но республика—это только пустое слово: она не можетъ жить во Франціи; она тамъ никогда не привьется. Это правительство — мер-

творожденный ребенокъ. Вы жалуетесь, я слышалъ, на вашего достойнаго священника, отца Жанена. Это — превосходнѣйшій человекъ въ мѣрѣ. Я не желаю, чтобы вы позволяли себѣ судить объ его словахъ и дѣйствіяхъ. Я — сынъ церкви, добрый католикъ, добрый христіанинъ, и мнѣ отъ этого не хуже живется. Потому, я не потерплю также гражданскихъ похоронъ. Я имѣю за себя силу—знайте это—и буду ею пользоваться».

Такимъ образомъ, административная нетерпимость преслѣдовала не только живыхъ, но и умирающихъ. Разсказанное мною даетъ достаточное понятіе о томъ, что мы терпѣли въ Сен-Луи. Я говорилъ, какъ насъ заставляли работать на дорогахъ, въ каменоломнѣ... Намъ приходилось также таскать огромныя тяжести, бревна для столбовъ и строилъ, которыя мы рубили въ лѣсу. Лѣсъ находился въ шести километрахъ отъ лагеря. Мы должны были каждый разъ принести два столба, имѣвшіе пять метровъ въ длину и пятнадцать сантиметровъ въ діаметрѣ, двадцать стропилъ, двадцать-четыре хворостины въ семь метровъ длины, на сорокъ-шесть сантиметровъ въ діаметрѣ. Для того, чтобы возвратиться въ лагерь, нужно было пробиваться съвозъ чащу, взбираться на горы, идти по болотамъ. Иногда мы падали отъ изнеможенія, и надсмотрщики-арабы бросались на насъ съ палками и часто били насъ. Вы поймете изъ этого, какъ сильно мы желали увидать родину—если даже такое ужасное обращеніе не могло вывести насъ изъ себя!

Вотъ при какихъ обстоятельствахъ я покинулъ Сен-Луи.

Меня назначили тащить тяжелый возъ, нагруженный матерьялами для постройки насыпи. Дорога была усѣяна водомоинами. Двое моихъ товарищей были запряжены впереди, двое другихъ толкали возъ сзади, я и еще одинъ ссыльный — мы подталкивали колеса. Одна ступня моя попала подъ колесо, которымъ мнѣ отдало три пальца. Я не вскрикнулъ, но не могъ болѣе держаться на ногахъ и сѣлъ на землю. Надсмотрщикъ Пелле сказалъ мнѣ, шутя: «Странная мысль пришла вамъ въ голову: отдавить себѣ на ногѣ три пальца!»

У меня хватило силъ дотащить кое-какъ до лагеря, съ помощью двухъ товарищей, поддерживавшихъ меня. Сорто́нъ велѣлъ положить меня въ лазаретъ, т. е. въ какую-то конуру для кроликовъ, имѣвшую два метра въ ширину и три въ длину. Ни кровати, ни соломы; голая, сырая земля. Мнѣ надѣли на ногу такъ называемую тамъ «barre de justice». Это — тяжелый желѣзный брусъ съ двумя кольцами, въ которыя продѣваютъ ногу страдальцевъ. Этотъ способъ леченія раздавленной ступни показался мнѣ оригинальнымъ. Разумѣется, ступня моя, а потомъ и нижняя

часть ноги сильно опухли. У меня сдѣлалась лихорадка. Я въ продолженіи пяти дней оставался въ этой конурѣ безъ ухода, лишенный вина, и питаясь только дурнымъ черствымъ хлѣбомъ съ водой. Прибавлю къ этому, что Сортопъ каждый день приходилъ глумиться надо мной. «Ну что! говорилъ онъ:—нога-то пухнетъ... Да! пощелкаете еще зубами...»

На пятый день опухоль сдѣлалась такъ велика, что Сортопъ испугался. Я не могъ воздержаться наканунѣ, чтобъ не отвѣтить ему на одну изъ его шуточекъ:

— Напрасно вы такъ поступаете, г. Сортопъ. Какъ ни далеко находится Новая Каледонія отъ Франціи, но въ концѣ-концовъ все узнается. Тѣ, которые останутся въ живыхъ, возвысятъ свои голоса за мертвыхъ. Они расскажутъ, какъ вы обходились съ нами. Не злоупотребляйте вашей властью... и нашимъ безсліемъ. Это не принесетъ вамъ счастья...

Сортопъ отвѣчалъ мнѣ:—Плюю я на васъ всѣхъ!

Однакожь онъ, какъ видно, одумался, и на другой день велѣлъ выдать мнѣ госпитальный билетъ. Когда прѣѣхала тележка, привозившая провіантъ, меня бросили въ нее, и я доѣхалъ до Нумеи, откуда меня отправили водой, въ госпиталь, на островъ Ну.

Я прибылъ туда въ ужасномъ состояніи. Толчки, на пути въ Нумею, причиняли мнѣ страшную боль и усилили мою лихорадку. Мнѣ разрѣшили лежать въ моемъ гамакѣ.

Госпиталь острова Ну—есть не что иное, какъ вонючій баракъ, еще болѣе вредный для здоровья, нежели помѣщенія каторжниковъ, потому что въ немъ скопляются всякаго рода міазмы. При входѣ въ него поставлена лохань для испражнений, изъ которой выливаютъ только по утрамъ, каковы бы ни были обстоятельства и болѣзни людей, лежащихъ въ этой клоакѣ. Трудно представить себѣ тѣ отвратительныя картины, которымъ я былъ здѣсь свидѣтелемъ. Воспоминаніе объ этомъ мѣстѣ вызываетъ во мнѣ непобѣдимый ужасъ и глубочайшее омерзѣніе.

Здѣсь я долженъ рассказать слѣдующій фактъ. Многіе изъ находившихся въ госпиталѣ искусственно создавали себѣ различныя болѣзни, для того, чтобы избѣжать работы. Въ то время господствовала какая-то загадочная эпидемія, которую докторъ ничѣмъ не могъ объяснить себѣ. На ногѣ появлялось мятнышко, какъ будто отъ укушенія мухи. Потомъ нога опухала и становилась черной. Лечение этой болѣзни продолжалось нѣсколько мѣсяцевъ. Сначала приписывали это жалу какого-нибудь ядовитаго насѣкомаго неизвѣстной породы. Я говорилъ уже, что Новая Каледонія изобилуетъ пауками, скорпіонами и ядовитыми

мухами. Но какъ ни значительны бывали иногда послѣдствія ихъ укушенія, они имѣли однакоже совсѣмъ другой характеръ.

Докторъ положительно терялъ голову; какъ вдругъ однажды, прорѣзывая ножомъ центральную точку опухоли, онъ открылъ нѣчто въ родѣ шиша, величиною около двухъ сантиметровъ, вошедшаго въ мясо. Разсматривая ногу другого больного, страдавшаго тѣмъ же недугомъ, и сжавъ больное мѣсто, онъ выдвинулъ точно такой же шишъ. Эти два заостренные кусочка дерева вырѣзаны были изъ вѣтвей ядовитаго растенія, называемаго тамъ «le saipbois». Тогда докторъ понялъ, что эта таинственная болѣзнь была искусственная. Дѣйствительно, во всѣхъ ранахъ оказались кусочки saipbois, имѣвшіе форму шиша и очень острые. Такимъ образомъ, было доказано, что каторжники, для того, чтобъ избѣгнуть немощно тяжкихъ работъ, готовы были перенести страшную болѣзнь, имѣвшую иногда исходомъ отнятіе больного члена и даже смерть. Открытіе это было сдѣлано въ тотъ день, какъ я выходилъ изъ госпиталя. Рѣшено было, что каждый каторжникъ, который произведетъ себѣ искусственную опухоль ноги или руки, будетъ по выходѣ изъ госпиталя навазанъ плетью и переведенъ въ четвертый разрядъ.

Нравы въ госпиталѣ были невозможны. Бѣлая часть служащихъ при немъ принадлежала къ такимъ гнуснымъ мерзавцамъ, что я согласился бы, чтобъ ихъ замѣнили еще нѣсколькими доханьями. Смотритель, человѣкъ, имѣвшій жену и дѣтей, держалъ при себѣ, съ цѣлю, ни для кого не составлявшей тайны, каторжника, который, притворяясь, что у него болятъ глаза, носилъ повязку, но, тотчасъ же по уходѣ доктора, снималъ ее и пускался въ плясъ. Смотритель просилъ доктора не тревожить несчастнаго больного, потому что, «когда снимаютъ съ него повязку, то это причиняетъ ему такую невыносимую боль, какъ будто ему вырываютъ глаза». Докторъ, всегда спѣшившій, проходилъ мимо. Ночью происходили сцены, какихъ я уже былъ свидѣтелемъ на тулонской каторгѣ. Смотритель, въ обществѣ съ подобными ему негодьями, воровалъ цѣлыми ведрами вино, которое пили, играя въ какую-то игру, походившую на «баккара» и называемую тамъ le Vendôme. Я отказываюсь отъ описанія адскаго шума, споровъ, ругани и плутней, происходившихъ каждую ночь въ этомъ вертепѣ. Я слышалъ это, я видѣлъ вещи, приводившія меня въ содроганіе. Однажды, я былъ до такой степени возмущенъ, что рѣшился все рассказать доктору, рискуя быть зарѣзаннымъ каторжниками или отправленнымъ «на скамейку». Надсмотрщикъ, приставленный наблюдать за порядкомъ въ госпиталѣ, зналъ все, что тамъ дѣлалось, какъ воровали

и проч., но онъ молчалъ, потому что и надъ нимъ самимъ быль бы необходимъ надзоръ. Но въ то самое утро, какъ я собирался сказать доктору, въ какую среду я попалъ, гильотинировали одного каторжника, за нѣсколько дней передъ тѣмъ лежавшаго въ госпиталѣ, противъ меня; и ужасъ, испытанный мною при видѣ этого зрѣлища, заставилъ меня забыть на нѣкоторое время всѣ другія впечатлѣнія. Этотъ несчастный лечился въ больницѣ отъ ранъ, нанесенныхъ ему однимъ изъ надсмотрщиковъ. Онъ былъ довольно искусный плотникъ. Его послали на какія-то работы далеко отъ лагеря и выдали ему «свободный пропускъ». Надсмотрщикъ хотѣлъ отнять у него этотъ пропускъ. Онъ не отдавалъ, говоря основательно, что пропускъ гарантируетъ его безопасность. Тогда надсмотрщикъ сталъ грозить ему револьверомъ. «Если ты не отдашь мнѣ пропуска, я разможжу тебѣ черепъ». И почти тотчасъ же выстрѣлилъ, понавъ каторжнику въ руку. Каторжникъ схватилъ лошадь надсмотрщика подъ уздцы. Другая пуля попала ему въ шею. Хотя и опасно раненный, каторжникъ бросился на надсмотрщика, чтобы отнять у него револьверъ, но сильная потеря крови помѣшала ему это сдѣлать. Онъ ослабѣлъ. Надсмотрщикъ скрутилъ его, привязалъ къ своей лошади и, окровавленнаго, дотащилъ до жандармской караулни, откуда его отвезли въ госпиталь. По выздоровленіи своемъ, несчастный былъ преданъ военному суду, приговорившему его къ смертной казни.

Его-то и гильотинировали при мнѣ. Я никогда не забуду этого зрѣлища. Тотъ, кого ждала гильотина, скорѣе бѣжалъ, нежели шелъ на казнь. Онъ былъ блѣденъ и улыбался. Онъ развязно взошелъ на ступеньки эшафота и самъ легъ на доску, сказавъ: «мое почтеніе честной компаніи!» Одновременно съ шумомъ падавшаго ножа, слышался голосъ казнимаго, кричавшій: «allons! hor!» Всѣ были поражены.

Когда нога моя нѣсколько зажила, т. е. въ октябрѣ 1873 г., я возвратился въ Сен-Луи. Главный лодочникъ былъ бретонецъ, бывшій матросъ, преступникъ противъ общаго права. Онъ, во все время нашего плаванія на «Виргиніи» изъ Тулона въ Нумею, находился со мною въ одной клѣткѣ. Я сидѣлъ подлѣ него въ лодкѣ, когда ѣхалъ съ острова Ну въ Нумею. Онъ сказалъ мнѣ тихо:

- А вы не думаете бѣжать?
- Куда?
- Въ Австралію.
- Это не легко.
- Я убѣгу.

— Молчите, прошепталъ я.—Вѣгите, если можете, но не говорите о нашемъ намѣреніи.

— Это—дѣло рѣшеное, сказалъ онъ мнѣ.

Нѣсколько времени спустя, я узналъ, что онъ, дѣйствительно, привелъ свой планъ въ осуществленіе. Онъ былъ приставленъ въ провіанту. Однажды, когда онъ поѣхалъ въ лодкѣ за провіантомъ для сорока человѣкъ и для ихъ сторожей, онъ сказалъ надсмотрщику, чтобы тотъ ѣхалъ впередъ, и прибавилъ, что самъ онъ будетъ слѣдовать за нимъ на близкомъ разстояніи. Надсмотрщикъ, который запоздалъ немного, уѣхалъ. Но, вмѣсто того, чтобы слѣдовать за нимъ, жаторжникъ, съ тремя своими товарищами, пустился въ открытое море. Впослѣдствіи узнали, что, послѣ долгаго плаванія, въ которомъ они чуть не погибли и не умерли съ голоду, они кое-какъ, наконецъ, полумертвые добрались до Сиднея.

Изъ Нумей въ Сен-Луи мы шли пѣшкомъ. Сортона, увидѣвъ меня, сказалъ злобно:

— А! вы возвратились; вы выздоровѣли. Стало-быть, теперь можно васъ наряжать на самыя трудныя работы. Вамъ надо наверстать время, потерянное въ больницѣ.

Онъ исполнилъ свою угрозу. Нельзя и сказать, что я вынесъ. Не было тяжелой работы, на которую бы меня не назначили. Я дошелъ до совершеннаго изнеможенія и походилъ болѣе на скелегъ, нежели на человѣка. Сортона это забавляло. Я помню, что онъ сказалъ мнѣ однажды:

— Правда, что у тебя остались однѣ кости. Но за то ты испытываешь удовольствіе работать подъ щелканье кастанетъ.

Бронхитъ мой возобновился. Я день и ночь страшно кашлялъ. Потомъ опять сдѣлалась у меня лихорадка. Я горѣлъ, какъ въ огнѣ. Мнѣ еще разъ пришлось работать до тѣхъ поръ, пока я не упалъ на дорогѣ. Тогда меня опять бросили въ заячью конуру, заковавъ въ кандалы.

Въ этой клоакѣ лежалъ еще больной, политическій ссыльный, по имени Вираргъ. У него была диссентерія, и онъ находился въ самомъ плачевномъ состояніи. Однажды утромъ, онъ не могъ болѣе держаться на ногахъ и упалъ на лѣсномъ дворѣ. Его должны были отвезти въ лагерь на тачкѣ. Онъ, безъ всякаго ухода, съ кандалами на ногахъ, пролежалъ на голой землѣ восемнадцать дней!

Впродолженіи четырехъ дней, которые я провелъ съ нимъ, я присутствовалъ при ужасномъ зрѣлищѣ. Вираргъ не въ силахъ былъ защищаться противъ москитовъ. Ихъ была вокругъ него цѣлая туча. Эти насѣкомыя покрывали его вѣки, набивались

ему въ ротъ, въ уши, въ носъ, улетая при всякомъ движеніи его и опять возвращаясь. Я легъ подлѣ него, чтобы отгонять ихъ. Но они искушали меня самого, и кожа моя такъ болѣла, какъ будто у меня было рожистое воспаленіе.

Положеніе наше становилось до такой степени ужаснымъ, что Сортонъ опять выпустилъ свою добычу. Однажды утромъ, насъ съ Вираргомъ положили въ телегу. Мы доѣхали въ ней до Ну-меи, откуда насъ снова отправили на островъ Ну. По прибытіи въ госпиталь, Вираргъ умеръ.

И мнѣ тоже не суждено было видѣть болѣе ни Сортона, ни этотъ адъ, называемый Сен-Луи. Я пролежалъ въ госпиталѣ шесть мѣсяцевъ. Слабость, въ которую я впалъ, заставила начальство причислить меня къ «неспособнымъ». Я выдержалъ три болѣзни въ ряду. Когда прошелъ мой бронхитъ и я почувствовалъ, что мои силы возстанавливаются, я попросилъ доктора отправить меня на сѣверную ферму. Докторъ уже подписалъ бумагу о моемъ отправленіи, какъ вдругъ, взглянувъ мнѣ въ лицо, разорвалъ ее и сказалъ:

— Я долженъ оставить васъ здѣсь.

— Почему? спросилъ я.—Мнѣ такъ хотѣлось бы подышать, наконецъ, чистымъ воздухомъ?

— Понимаю васъ, но это невозможно. Вы много испортили себѣ крови?

— О, да... могу сказать это... но чтò значитъ, что вы...

— У васъ желтуха, посмотрите на свои ногти.

Я взглянулъ, они дѣйствительно были окружены желтой каймой. Я сказалъ доктору:—я ничего не чувствую.

— Погодите, отвѣтилъ онъ.—Черезъ нѣсколько часовъ вы почувствуете горечь во рту, тошноту и, можетъ быть, поносъ. Вы не скоро отдѣляетесь отъ этого.

Докторъ ушелъ, прописавъ что нужно. Я посмотрѣлъ въ зеркало на свои глаза. Въ углахъ показалась легкая желтизна. На другой день губы и щеки пожелтѣли. Черезъ день я уже былъ съ головы до ногъ желтый. У меня болѣла печень; меня то и дѣло рвало. Я чувствовалъ дрожь, головную боль, общее изнеможеніе, постоянную бессонницу. Нѣсколько разъ, думая о Сортонѣ, о Нутцбаумѣ, о моихъ палачахъ, я приходилъ въ какое-то изступленіе. Меня лечили опиумомъ. Г. Боралло, докторъ, лечившій меня въ госпиталѣ, былъ человѣкъ даровитый и опытный, хотя еще очень молодой.

— Я никогда не встрѣчалъ въ своей практикѣ, говорилъ онъ:— такой желтухи, какая у Майера. Онъ приводилъ смотрѣть на меня губернатора, директора, всѣхъ высшихъ должностныхъ лицъ администраціи и всѣхъ поповъ. Меня показывали, какъ рѣдкое животное, и я долго сохранялъ прозвище—человѣка съ желтухой. Полгода спустя послѣ моей болѣзни, я все еще походилъ на собаку красильщика. Докторъ Боралло лечилъ меня очень старательно и выказывалъ ко мнѣ большое расположеніе. Когда я поправился, онъ отправилъ меня на сѣверную ферму. Но, одиннадцать дней спустя, я опять занемогъ и на этотъ разъ упорной диссентеріей. Я думалъ, что я умру.

Г. Боралло спасъ меня, однакоже. Этотъ превосходный врачъ и добрый человѣкъ умеръ въ прошедшемъ году, въ Сенегалии, жертвою своего самоотверженія, ухаживая за больными, отъ которыхъ заразился желтой горячкой.

На сѣверной фермѣ меня чуть не гильотинировали.

Но прежде, чѣмъ я разскажу это приключеніе, состарившее меня на десять лѣтъ, нужно познакомить читателя съ директоромъ сѣверной фермы, г. Гревиссомъ. Это былъ неугомонный человѣкъ лѣтъ 50, который вѣчно кричалъ, топалъ, бранился, все разбивалъ стальнымъ набалдашникомъ своей трости, имѣвшимъ форму молотка. Вслѣдствіе посѣщенія фермы какимъ-то инспекторомъ, объявившимъ, что всѣ мы совершенно здоровы и что насъ слѣдуетъ запретъ на работу, онъ сдѣлался просто невыносимъ. Онъ тотчасъ составилъ списокъ неспособныхъ, которыхъ намѣревался отправить назадъ. Въ этомъ списокѣ стояло и мое имя. Докторъ Понти не утвердилъ рѣшенія г. Гревисса. Онъ сказалъ намъ, что мы останемся на фермѣ и что онъ не допустить никакого инспектора и никакого надсмотрщика судить о состояніи здоровья неспособныхъ. Г. Гревиссъ, взбѣшенный этой неудачей, старался вымѣстить ее на всѣхъ, и въ особенности на мнѣ. А онъ былъ всемогущъ. На сѣверной фермѣ находились тогда вмѣстѣ со мной, между прочими: Фонтанъ, бывший профессоръ математики до войны и бывший директоръ государственныхъ имуществъ при коммунахъ; Фуршъ, бывший первый тромбонъ въ оперѣ и помощникъ капельмейстера въ 26 линейномъ полку; во время осады, онъ былъ поручикомъ въ баталіонѣ, которымъ я командовалъ; Рокъ де-Фильоль, нынѣшній мэръ въ Путо; Брюнель, сошедшій съ ума на «Виргиніи», несчастную исторію котораго я разсказывалъ, и др.

Нѣсколько дней спустя послѣ своего приключенія съ докторомъ Понти, г. Гревиссъ построилъ насъ въ два ряда и сдѣлалъ намъ смотръ. Онъ велъ себя самымъ возмутительнымъ образомъ,

особенно въ отношеніи къ тѣмъ двадцати неспособнымъ, которыхъ ему не удалось выслать. Онъ придирался къ мелочамъ въ ихъ одеждѣ, называлъ ихъ скотами, свиньями, рвалъ ихъ блузы и панталоны, трясъ ихъ за воротъ, угрожалъ имъ своей тростью.

Я сдѣлалъ себѣ поясъ и пряталъ въ немъ тѣ небольшія деньги, которыя прислало мнѣ мое семейство. Гревиссъ остановился передо мной, посмотрѣлъ мнѣ въ глаза и спросилъ:

— Это что?

— Что такое? спросилъ я въ свою очередь.

— Этотъ поясъ?

И, схвативъ меня за поясъ, онъ сталъ меня сильно встряхивать, крича:—Ахъ! ты свинья... Вотъ я задамъ тебѣ поясъ! Въ кандалы его...

Хотя я всего ожидалъ отъ этого тюремщика, но грубость его, тѣмъ не менѣе, подняла во мнѣ всю желчь. Я сжалъ кулакъ и замахнулся на Гревисса. Одинъ изъ политическихъ ссыльныхъ, по имени Люсь, удержалъ мою руку, но сдѣлалъ это не до такой степени быстро, чтобы мое движеніе могло остаться незамѣченнымъ. Гревиссъ посмотрѣлъ на меня...

— Ты обо мнѣ скоро услышишь, сказалъ онъ и перешелъ къ другому; потомъ удалился.

По уходѣ его, мои товарищи окружили меня.

— Ты погибъ, бѣдный Майеръ, сказалъ мнѣ одинъ изъ нихъ.

— Да, сказалъ одинъ уголовный преступникъ:—дѣло ваше плохо... Съ вами живо покончатъ.

— Кто подыметъ руку на надзирателя—тому смертная казнь.

— Какъ это вы до такой степени потеряли голову?

— Это—безуміе, изъ-за Гревисса жертвовать своей шкурой.

— Теперь и къ намъ еще больше станутъ придираяться. Мы за васъ поплатимся.

Другіе, напротивъ, старались меня утѣшить и говорили, что дѣло, можетъ быть, уладится.

— Я думаю, сказалъ я:—что Гревиссъ не напишетъ рапорта.

— Какъ бы не такъ! Разсчитывайте на это, возразилъ кто-то.— Вы знаете, что онъ ищетъ случая показать примѣръ.

— Будь что будетъ! отвѣчалъ я.

Не задолго передъ тѣмъ было пять смертныхъ казней. И въ послѣднее время былъ произнесенъ еще новый смертный приговоръ.

Между «исполнителями» находился Арабъ, громаднаго роста. Онъ одѣвался въ какое-то пестрое фантастическое тряпье и носилъ соломенную шляпу на бекрень. Онъ привыкъ заирать всѣхъ, кого ни встрѣтитъ на улицѣ, и былъ осужденныхъ

безъ всякаго повода. Тѣмъ, кого онъ отводилъ въ тюрьму, онъ давалъ пощечины или наносилъ по головѣ удары связкой ключей до тѣхъ поръ, пока они не отдавали ему свои послѣднія деньги. Надсмотрщики говорили о немъ: «Это—страшный мерзавецъ, но, какъ исполнитель, онъ незамѣнимъ. Рука у него страшная. Никто такъ не сѣчетъ плетью, какъ онъ». Этотъ палачъ былъ дѣйствительно чудовище. Наказывая, онъ подымался на ципочки, для того, чтобы плеть падала съ большей высоты. Надо было видѣть его, когда онъ сѣлъ! Лицо его судорожно подергивалось, глаза сверкали. Онъ показывалъ всѣ свои зубы. Онъ былъ ужасенъ.

— Кто насъ избавить отъ этого звѣря! раздался однажды, въ группѣ разговаривавшихъ каторжниковъ, чей-то голосъ при видѣ его.

Одинъ изъ осужденныхъ, молча сидѣвшій на землѣ, вдругъ всталъ и спокойно произнесъ: я.

Это былъ нѣкто Дельфо. Онъ не лишенъ былъ образованія и нѣкоторое время исполнялъ у насъ обязанности писца. Наканунѣ, нѣсколько человѣкъ, приговоренныхъ къ плети, были до такой степени изувѣчены арабомъ, что ихъ должны были отнести въ госпиталь. Когда вслѣдъ за ними показался арабъ, проходившій мимо помѣщенія каторжниковъ, Дельфо громко сказалъ: «Вотъ онъ, этотъ кровожадный звѣрь».

— Ты оскорбляешь меня, вскричалъ арабъ.

— Звѣрь! повторилъ Дельфо.

— Я убью тебя, сказалъ арабъ.

— Попробуй, отвѣчалъ Дельфо.

— Когда хочешь...

— Завтра, во время докторскаго осмотра.

— Буду.

На другой день, во время осмотра, арабъ былъ тутъ. Дельфо также. Послѣдній не говорилъ ни слова и даже не смотрѣлъ на араба. Тотъ, напротивъ, не сводилъ съ него своихъ страшныхъ зрачковъ.

По окончаніи осмотра, арабъ направился къ Дельфо.

— Ну, что же ты? вскричалъ онъ.

— Я? ничего, отвѣчалъ Дельфо.

— А! ты ничего не говоришь теперь! Струсилъ?

И взявъ Дельфо за воротъ, онъ сильно встряхнулъ его. Дельфо быстро вынулъ изъ своего кармана ножъ и ударилъ имъ араба въ грудь; а лѣвой рукой придавилъ рукоятку, для того, чтобы лезвіе вонзилось глубже. Арабъ попробовалъ—было бороться; но Дельфо нанесъ ему еще пять ударовъ ножомъ. При видѣ

великана, лежащаго на землѣ, Дельфо сказалъ:—теперь ты не будешь истязать людей!

Араба отнесли въ больницу. Надсмотрщикъ, увидѣвъ это огромное тѣло, покрытое ранами и окровавленное, вскричалъ:

— Ахъ! Подлецы... какъ они его отдѣляли!

— Нѣтъ... не они подлецы, отвѣчалъ арабъ:—вы подлецы... Вы меня заставляли больнѣе бить... я вамъ служилъ... вы подлецы». Это были его послѣднія слова. Онъ умеръ. На его ростъ не могли отыскать гроба, и тогда могильщикъ—это почти невѣроятно, но тѣмъ не менѣе справедливо—взявъ топоръ, отрубилъ имъ обѣ ноги араба, по колѣна, и уложилъ ихъ въ гробъ по обѣимъ сторонамъ трупа. У этого могильщика была маленькая черная собаченка, слѣдовавшая за всѣми похоронами. Это было единственное живое существо, провожавшее тѣло отверженныхъ. Когда она побѣжала—было за гробомъ араба, хозяинъ прогналъ ее. Такъ, что даже собаки не было на похоронахъ палача. Дельфо предали военному суду и приговорили къ смерти; но этотъ приговоръ былъ кассированъ. Ему только увеличили наказаніе, прибавивъ еще сорокъ лѣтъ каторжныхъ работъ.

Въ пенитенціарной колоніи господствовало тогда нѣчто въ родѣ общаго помѣшательства. Осужденные и надсмотрщики, всѣ болѣе или менѣе, одержимы были этимъ страннымъ душевнымъ недугомъ, который называютъ «маніей преслѣдованія» и который иногда, въ эпохи деспотизма, можетъ распространиться на цѣлый народъ.

То, что мы замѣчали въ Парижѣ, во время осады, повторялось и въ Новой Каледоніи. Причины, повидимому, различны, но въ сущности тождественныя, производили одно и тоже дѣйствіе.

Всѣ помнятъ, что во время осады повсюду видѣли пруссаковъ. Свѣча, горѣвшая въ комнатѣ служанки, была сигналомъ, предупреждавшимъ непріятеля. Каждый эльзасецъ превращался въ пруссака. Всѣмъ только и снились засады, ловушки, комплоты, развѣтвленія, стачки съ непріятелемъ.

Нервное возбужденіе, усталость, заботы, мысль, постоянно направленная въ извѣстную сторону, дурная пища—все это порождало какую-то тревожную анемію въ крови и въ умахъ.

Тоже самое явленіе замѣчалось и въ Каледоніи. Но было, однакожь, нѣкоторое различіе между каледонійской лихорадкой и той, которую называли «осадной» — *fièvre obsidionale*.

Въ Каледоніи было четыре класса, враждебныхъ другъ другу: колонисты, для которыхъ ничего не дѣлали, администраторы, ничего ни для кого не дѣлавшіе, надсмотрщики, непрестанно распеваемые своимъ начальствомъ, и ссыльные, на которыхъ вы-

мешали свою злобу надсмотрщики. Такимъ образомъ, существовали три категоріи преслѣдуемыхъ, не считая канаковъ, у которыхъ отнимали земли и трудъ которыхъ эксплуатировали.

Отсюда непрерывная война, безпримѣрное ожесточеніе, доносы, предательство, приниженіе характеровъ и потребность избѣжать такъ или иначе, то есть посредствомъ-ли побѣга или алькоголизма, этого гнуснаго зрѣлища всеобщей деморализаціи. Отсюда, точно также, и этотъ диллетантизмъ жестокости, образцами котораго могли служить иные агенты военнаго правительства.

Впродолженіи нѣсколькихъ дней я былъ ни живъ, ни мертвъ. Я еще не видѣлся съ Гревиссомъ, но ожидалъ отъ него всего. Однажды вечеромъ, я услыхалъ, что меня зовутъ. «Майеръ! Майеръ!» кричалъ чей-то голосъ.—«Что такое?» спросилъ я.—«Васъ требуютъ къ начальнику». При этихъ словахъ, точно кто нибудь ударилъ меня обухомъ по головѣ. Очевидно, Гревиссъ написалъ свой рапортъ. Я мысленно простился съ жизнью, съ семьей, съ надеждой. «Къ начальнику!» Это была гильотина.

На дорогѣ мнѣ встрѣтился вѣстовой; онъ подалъ мнѣ письмо изъ Франціи. Я узналъ руку своего сына, служившаго офицеромъ въ одномъ изъ армейскихъ пѣхотныхъ полковъ.

«Какая иронія! подумалъ я.—Чѣмъ я заслужилъ такую жестокость судьбы? Читать-ли мнѣ это письмо, которое еще усилитъ мое отчаяніе, мое сожалѣніе?»

Но, однакожь, прежде чѣмъ войти къ Гревиссу, я распечаталъ письмо. Въ первую минуту я подумалъ, не во снѣ-ли это все происходить... Глаза мои застигала туманъ... Мой сынъ извѣщалъ меня, что я избавленъ отъ каторжныхъ работъ и назначенъ на поселеніе.

Я не вошелъ, а ворвался къ г. Гревиссу. Онъ стоялъ у стола.

— Мнѣ смягчено наказаніе! вскричалъ я.

— Чтò вы мнѣ тутъ рассказываете? сказалъ Гревиссъ.

— Смягчено. Прочтите это письмо моего сына... письмо изъ Франціи... Посмотрите штемпель. Я говорю вамъ, что смягчено еще 24-го января, а теперь 22-е апрѣля. Я уже три мѣсяца, какъ не каторжникъ.

— Мнѣ ничего не извѣстно, холодно возразилъ г. Гревиссъ.

Къ письму моего сына приложена была копія съ отвѣта министра на просьбу, поданную сыномъ о моемъ помилованіи.

— Вотъ... сказалъ я г. Гревиссу: — прочтите эту копію съ письма морского министра.

Г. Гревисъ взялъ копію и прочелъ:

«Я сдѣлалъ распоряженіе, чтобы отецъ вашъ былъ немедленно препровожденъ къ мѣсту своего новаго назначенія»...

— Но я ничего объ этомъ не знаю! вскричалъ онъ и прибавилъ:—для меня вы все еще каторжникиъ.

— Позвольте... началъ-было я.

— Я ничего вамъ не позволяю.

— Я уже три мѣсяца, какъ не каторжникиъ.

— Пока я не получилъ официального предписанія объ облегченіи вашей участи, я долженъ относиться къ вамъ, какъ къ каторжнику.

— Не могу-ли я, по крайней мѣрѣ, поговорить съ полковникомъ?

— Есть ему когда заниматься вами.

— Но если я попрошу у него аудіенціи?

— Не знаю, получите-ли вы ее.

— Я горю нетерпѣніемъ выбраться отсюда...

— Можетъ быть; но это вамъ не такъ скоро удастся. Если вы оставите каторгу черезъ три или четыре мѣсяца, то должны будете благодарить судьбу.

Я не могъ удержаться, чтобы не сказать Гревиссу, что онъ превышаетъ власть свою и что это будетъ произвольное задержаніе. Онъ подумалъ и, покачавъ головой, сказалъ:

— Такъ и быть, я поговорю съ полковникомъ. Значить, у васъ есть друзья во Франціи?

— Много, и которые уважаютъ меня.

— Я вскорѣ дамъ вамъ отвѣтъ.

30-го апрѣля 1875 г., въ девять часовъ вечера, я гулялъ по дорогѣ съ гг. Рокъ де-Фильолемъ, Фуршемъ и Бланомъ, бывшимъ полицейскимъ комиссаромъ, о которомъ я рассказывалъ выше, когда мы увидѣли свѣтъ, двигавшійся по склону горы, со стороны лагеря острова Ну.

— Пойдемте домой, сказалъ мнѣ г. Рокъ.—Это, кажется, ночной дозоръ.

— Нѣтъ, отвѣчалъ Фуршъ.—Это вѣстовой.

И мы продолжали прохаживаться. Вдругъ я услышалъ, что меня зовутъ.

— А! вѣрно насъ ожидаетъ карцеръ, сказалъ я.

Голосъ продолжалъ звать: «Майеръ! Майеръ! Да торопитесь же!»

— Въ тюрьму? спросилъ я.

— Ступайте улаживать ваши пожитки.

— Мои пожитки?

— Да... чтобы отправиться на полуостровъ Дюбо.

Не могу описать того дѣйствія, какое произвели на меня эти слова. Сначала я подумалъ, что надо мной издѣваются. Потомъ я, какъ сумасшедшій, со всѣхъ ногъ бросился въ нашу казарму. Я вскочилъ на свою койку и торопливо собралъ свои вещи, завернувъ ихъ въ одѣяло. Я не зналъ, чтѣ я дѣлаю. Со мной говорили, я ничего не слышалъ. Я повторялъ: «уѣзжаю! уѣзжаю!» Мнѣ хотѣлось плясать, хохотать, хлопать въ ладоши. Безконечная радость наполняла все существо мое. Мнѣ помогли взвалить себѣ на спину мѣшокъ, узелъ, который я сдѣлалъ изъ своего шерстяного одѣяла, и гамакъ. Я выскочилъ на дворъ. «Добрый путь! Будь здоровъ! Дай Богъ удачи!» кричали мнѣ.—Я отвѣчалъ на ходу: «спасибо, спасибо»!

По приходѣ въ канцелярію, я попросилъ писаря дать мнѣ пропускъ, для того, чтобы меня не задержали на разныхъ караульныхъ постахъ.

— Вамъ не нужно пропуска, отвѣчалъ писарь. — Васъ ожидаютъ въ канцелярії военнаго начальника лагеря.

— А если въ меня выстрѣлить часовой?

— Это—ваше дѣло.

— Дайте мнѣ билетъ, который бы я могъ предъявить.

— Я не имѣю на это права, безъ особеннаго приказанія.

— А если меня схватятъ или убьютъ, какъ бѣгло, канаки?..

— Я тутъ не причемъ...

— Вѣдь это можетъ случиться?

— Это до меня не касается.

— А если я встрѣчу надсмотрщика и онъ выстрѣлитъ въ меня изъ револьвера?

— Тѣмъ хуже для васъ.

— Ну, будь что будетъ, сказалъ я:—а я все-таки не останусь.

И, разставшись съ писаремъ, я погрузился въ ночную тьму.

Нельзя представить себѣ ничего болѣе унылаго, какъ островъ Ну въ ночную пору. На небѣ не было ни одной звѣздочки. Я шелъ впередъ, руководимый какимъ-то инстинктомъ. Наканунѣ шелъ проливной дождь. Всѣ дороги были изрыты. Я каждую минуту оступался и попадалъ въ ямы, наполненныя водой. Нѣсколько разъ я падалъ и вставалъ съ лицомъ, облѣпленнымъ грязью. Но ничто, ни пни, ни рытвины, ни водомоины, ни глубокая ночь, не могло остановить меня. Я былъ уже не каторжникъ! Я шелъ, шелъ... у меня выросли крылья! Вдругъ рѣзкій голосъ пронизалъ мракъ:

— Кто идетъ?

— Ссылный, назначенный на поселеніе, отвѣчалъ я.

— Проваливай! отвѣчалъ часовой.

— Мнѣ приказано явиться въ лагерь.

— Покажи предписаніе.

Часовой, котораго я не разглядѣлъ, находился совсѣмъ подлѣ меня. Онъ взялъ ружье «на руку» и загородилъ мнѣ дорогу штыкомъ. Я объяснилъ ему свое дѣло.

— Я бы не долженъ былъ пропускать васъ, отвѣчалъ солдатъ.

— Но однакожь...

— У васъ нѣтъ билета.

— Мнѣ не хотѣли дать.

— Это не мое дѣло. А впрочемъ... проходите пожалуйста. Только смотрите, чтобъ слѣдующій часовой не пропоролъ вамъ брюха штыкомъ!

Я прошелъ еще сотню метровъ и снова услышалъ: «Стой! кто идетъ?»

— Поселенецъ, изъ ссыльныхъ; приказано явиться въ лагерь.

— Кто приказалъ?

— Полковникъ.

— Гдѣ предписаніе?

Я сдѣлалъ шагъ впередъ и на этотъ разъ почувствовалъ прикосновеніе штыка часового.

— Осторожниѣ, сказалъ часовой. Потомъ, отстранивъ ружье, спросилъ:

— Покажите ваши бумаги.

— Мнѣ ихъ не дали.

— Ну, такъ ступайте назадъ.

— Но первый часовой пропустилъ же меня?

— Первый часовой мнѣ не указъ.

— Если вы не пропустите меня, вы навлечете наказаніе на вашего товарища, который меня пропустилъ.

Часовой подумалъ. «Ну, проходите, сказалъ онъ: — «только берегитесь. Третій часовой, пожалуйста, поподчуеъ васъ черносливомъ»».

Третій часовой былъ еще строже двухъ первыхъ. Я цѣлые полчаса велъ съ нимъ переговоры, стараясь доказать ему, что мнѣ невозможно было исполнить приказаніе начальника лагеря и явиться къ нему, минуя линію часовыхъ. Онъ не переставалъ повторять: «Гдѣ же вашъ пропускъ?»—«Да коли мнѣ его не дали»...

— А не дали, такъ значить начальникъ не требуетъ васъ.

— Увѣрю васъ, что требуетъ.

— Есть-ли у васъ какая-нибудь бумага?

— Нѣтъ.

— Стало быть, не требуетъ!

Въ эту минуту пришелъ надсмотрщикъ.

«Чего этому скоту нужно?» спросилъ онъ, схвативъ меня за воротъ и спихнувъ мои пожитки въ грязь.—«Что онъ тутъ разглагольствуетъ? Я тебѣ дамъ помялованіе! Вотъ мы тебя «на скамейку» отправимъ... Иди, иди голубчикъ!»

И онъ тащилъ меня къ караульнѣ, гдѣ находился другой надсмотрщикъ.

— Слышите: увѣряетъ, что ему смягчено наказаніе!

— Должно быть, съума сошелъ, сказалъ другой надсмотрщикъ.

— Меня требуетъ начальникъ, сказалъ я.

— Чтобъ задать тебѣ головонойку?

— Чтобъ отправить меня на полуостровъ Дюко.

— Въ одиннадцать часовъ вечера?

— Вотъ уже два часа, какъ я вышелъ...

Другой надсмотрщикъ схватилъ меня за блузу и также поволокъ за собой.

— Это мы посмотримъ, сказалъ онъ.

Мы отправились—онъ, таща меня за блузу, я, чуть не падая отъ усталости—къ караульнѣ, находившейся на другомъ концѣ лагерь. Тамъ мы нашли еще одного надсмотрщика.

— Вотъ осужденный Майеръ, сказалъ ему тащившій меня надсмотрщикъ.

— Знаю, знаю, отвѣчалъ тотъ.—Мнѣ извѣстно его дѣло. Въ «летучій отрядъ» его!

Подъ «летучимъ отрядомъ», peloton flottant, разумѣлось помѣщеніе, куда запирали тѣхъ, кто проходилъ черезъ островъ Ну. Но я могъ содержаться тамъ и, тѣмъ не менѣе, оставаться ка-торжникомъ.

— Чтобы посадить его туда, нужно достать ключъ... сказалъ надсмотрщикъ, который привелъ меня.

— А развѣ у васъ нѣтъ ключа?

— Нѣтъ.

— Ну, такъ ступайте и возьмите его у исполнителя.

Достаточно знать, что такое были исполнители, чтобы понять, какое впечатлѣніе произвели на меня эти слова. Я, однакоже, ничего не сказалъ. Я около часа просидѣлъ на лѣстницѣ, не зная что ожидаетъ меня, освобожденіе или плеть.

Явился исполнитель со связкой ключей и повелъ меня въ мою новую тюрьму. Войдя въ нее, я чуть не задохся. Такого зловонія нельзя себѣ представить. Въ отхожей ямѣ казармы, въ знойные дни, не бываетъ большаго скопленія мѣфитическихъ газовъ. Первой мыслью моею было убѣжать. Но рѣпотка уже затворилась за мной, и потому я рѣшился лечь на землю и попытаться за-

снуть. Несмотря на свою усталость, я, однакоже, не могъ сомкнуть глазъ. Я не зналъ навѣрное, будутъ-ли продолжать меня мучить, или освободятъ. Было около трехъ часовъ, когда меня позвалъ надсмотрщикъ. Услышавъ, что меня кличуть, я хотѣлъ приподняться. Но сырость почвы въ соединеніи съ сыростью моей одежды такъ сказать парализовали меня. Я чувствовалъ такую боль, какъ будто мнѣ нанесли сильный ударъ по спинѣ. Но, наконецъ, я призвалъ на помощь всю силу рукъ своихъ, и мнѣ удалось кое-какъ приподняться. Я всталъ на ноги, но не могъ разогнуть спины. Словомъ, у меня сдѣлался *lumbago*.

— Или вы не хотите идти пить кофе? спросилъ надсмотрщикъ.

— Поясница болитъ, отвѣчалъ я.

— Торопитесь, торопитесь.

Я вышелъ. Отрадно было вдохнуть въ себя струю свѣжаго воздуха. Мы отправились на кухню, гдѣ я напился дурнаго кофе, который показался мнѣ превосходнымъ. Отсюда надсмотрщикъ повелъ меня на набережную. У пристани была привязана лодка.

— Садитесь въ лодку, сказалъ надсмотрщикъ.—Я въ одинъ прыжокъ очутился въ ней. Мнѣ хотѣлось взять весла и поскорѣе удалиться изъ этой проклятой страны. О счастье! повинуть островъ Ну! Не думать каждый день, что завтра тебя могутъ гильотинировать! Не видѣть свирѣпыхъ надсмотрщиковъ, убѣжать отъ чумы, отъ каторги!

Я просіялъ. Я совсѣмъ забылъ о своей боли въ поясницѣ. Наконецъ-то, наконецъ-то, наконецъ-то! думалъ я.

Въ эту минуту надсмотрщикъ сказалъ мнѣ:

— Выходите изъ лодки!

Я не вѣрилъ ушамъ своимъ. Я захохоталъ, какъ идиотъ.

— Зачѣмъ? спросилъ я.

— Я не обязанъ вамъ объяснять...

— Но однакожь...

— Ну, ну—выходите.

Я вышелъ изъ лодки и сталъ ждать на берегу. Вотъ что произошло:

Военный начальникъ полуострова Дюко телеграфировалъ, что онъ посылаетъ «дежурную лодку» съ полуострова — лодку, не такую какъ та, въ которой я готовился отплыть.

— Ждите здѣсь, сказали мнѣ.

Не зная, что случилось, я прождалъ до шести съ половиною часовъ вечера. Въ шесть съ половиною часовъ я увидалъ на морѣ чернѣвшую вдали лодку. Надсмотрщикъ, разговаривавшій

съ своими товарищами въ нѣкоторомъ разстояніи отъ меня, подошелъ ко мнѣ и сказалъ:

— Вотъ ваша лодка!

— Это лодка полуострова? вскричалъ я.

— Да. Вы сейчасъ поѣдете.

Мнѣ хотѣлось броситься на колѣни. Я не спускалъ глазъ съ этой тѣни, качавшейся на волнахъ и приближавшейся къ берегу...

О! драгоценная лодка!.. Она несла мнѣ освобожденіе, надежду...

Я уже, дѣйствительно, не долженъ былъ увидѣть острова Ну, этой безобразной акулы.

Я сѣлъ въ лодку. Удаляясь отъ береговъ, я находился въ экстазѣ. Шумъ весель, разсѣвавшихъ волны, казался мнѣ музыкой. Я видѣлъ, какъ мало по малу уменьшались дома исправительнаго заведенія... Вправо отъ меня, вершины Уо, Ю и Терекъ все понижались. Весь этотъ адъ, гдѣ я былъ такъ несчастливъ, гдѣ вынесъ столько страданій, какъ-будто проваливался; казалось, его поглощали волны...

Полуостровъ Дюко походитъ на женщину, лежащую на берегу, голова которой—вершина Кумуру, а полуострова Нумбо и М'би—руки, простирающіяся къ морю. Мнѣ уже казалось, по выраженію В. Гюго, что родина открываетъ мнѣ свои объятія.

Пристань на полуостровѣ Дюко—точно такая же, какъ и на островѣ Ну. Это—просто мостки, построенные на сваяхъ и выдающіяся въ море, подобно мосткамъ, служащимъ на Сенѣ пристанью для нашихъ маленькихъ лодочекъ, bateaux-mouches.

Военный лагерь тянется вокругъ бухты М'би, гдѣ я вышелъ на берегъ. Здѣсь живетъ начальникъ территоріи, г. Басканъ, и главный надзиратель, г. Дюма. Тутъ же находятся магазины, квартиры жандармеріи, лагерь ссыльныхъ и укрѣпленія, его окружающія. На извиистой дорогѣ, идущей отъ пристани къ инженернымъ казармамъ, тамъ и сямъ разбросаны домики. Это, во-первыхъ, канцелярія, потомъ жилище полковника, жилище офицера—секретаря его—потомъ главный магазинъ одежды и провіанта. Дорога идетъ далѣе. Вправо, на возвышенности, построены казармы и пороховой погребокъ. Влѣво, въ кругѣ, образуемомъ лѣсистыми горами, окаймляющими бухту Нумбо, находится лагерь Нумбо, предназначенный для поселенцевъ. Бухта Нумбо имѣетъ форму подковы. Вдоль берега расположено обнесенное укрѣпленной оградой исправительное заведеніе, гдѣ жили

поселенцы и гдѣ мнѣ предстояло жить. Оно походитъ на большую деревню, правильно распланированную. Каждая улица, каждый бульваръ имѣетъ свое названіе: Торговая улица, Промышленная улица, Западная улица, Восточная улица, Госпитальный бульваръ. Этотъ бульваръ называется также бульваромъ вздохомъ, потому что самые молодые изъ насъ ходили сюда искать приключеній, впрочемъ, всегда платоническихъ. Если для монахинь, живущихъ затворницами, монастырскій садовникъ—мужчина, то для ссыльныхъ, которые въ теченіи нѣсколькихъ лѣтъ не имѣли никакихъ сношеній съ поломъ, «составляющимъ нашу радость», какъ выражается Лафонтенъ, сестра милосердія—женщина. Вслѣдствіе этого, молодые люди ходили вздыхать подъ окнами госпиталя. На нихъ сочинили потѣшный хоръ, гдѣ они поютъ:

Embrasés comme des cièrges
 Nous rêvons, et nous
 Changeons les plus chastes vièrges
 En simples nounous.

(Плающіе, подобно восковымъ свѣчамъ, мы мечтаемъ и превращаемъ цѣломудренныхъ дѣвственницъ въ простыхъ кормилицъ). Но спѣшу засвидѣтельствовать, что подобнаго превращенія никогда не случалось и что влюбленныхъ гораздо рѣже награждали благосклонными взглядами, нежели подвергали изысканіямъ.

Между поселенцами произошло необычайное волненіе, когда я прибылъ туда. Объ облегченіи моей участи уже узнали, и каждый спѣшилъ ко мнѣ навстрѣчу, чтобы первымъ пожать мнѣ руку. Меня окружили со всѣхъ сторонъ, разспрашивали, жалѣли. Мнѣ предлагали ѣсть. Вѣроятно, у меня былъ очень жалкій видъ, потому что всѣ смотрѣли на меня съ соболѣзнованіемъ. И дѣйствительно, я былъ оборванный, весь въ грязи. Всѣ, не исключая женщинъ, хотѣли вести меня къ себѣ въ домъ. Я на время пріютился у перваго встрѣчнаго.

На другой день, я подалъ г-ну Дидіо, начальнику 3-й группы, просьбу о «концессіи», то есть, объ отведеніи мнѣ участка. Онъ обѣщалъ мнѣ передать эту просьбу начальнику территоріи.

Мнѣ хотѣлось какъ можно скорѣе уединиться. Я зналъ, что поселенцы не могли терпѣть другъ друга и что, когда первый порывъ участія пройдетъ, меня точно такъ же будутъ честить, какъ другихъ. Несчастные раздражительны, и въ средѣ ихъ, болѣе чѣмъ гдѣ-либо, мрачныя слова Гамлета могутъ найти себѣ

примѣненіе: «Будь холоденъ, какъ мраморъ, и чистъ, какъ снѣгъ—ты все-таки не избѣжишь клеветы».

Такъ какъ мнѣ не отвѣтили на мою просьбу о концессіи, то я купилъ себѣ хижину за 45 франковъ. Она находилась въ уединенной улицѣ, около шинга.

16-го мая я отпраздновалъ новоселье. Я откладывалъ часть провіанта, который мнѣ отпускался въ послѣднее время, и мы ѣли бобы, рисъ, салатъ, пили вино и «тафію»¹. Мы были почти веселы. Когда, въ десять часовъ, раздался выстрѣлъ зоревой пушки, мои товарищи разошлись въ восхищеніи отъ меня, а я заснулъ сномъ человѣка, плотно пообѣдавшего.

(Окончаніе слѣдуетъ).

А. П.

---

¹ Сахарная водка.

СОВРЕМЕННОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

ПЕРВЫЕ ЖЕНСКІЕ КУРСЫ ВЪ МОСКВѢ,

ИЗВѢСТНЫЕ ПОДЪ ИМЕНЕМЪ *ЛУБЯНСКИХЪ*.

(Посвящается памяти студентки В. Некрасовой).

Нынѣшній годъ минетъ ровно десять лѣтъ, какъ въ Москвѣ открылись первые женскіе курсы! Несмотря на ихъ давнее существованіе и на услугу, какую они оказывали въ свое время, а отчасти продолжаютъ оказывать и теперь въ дѣлѣ женскаго образованія, въ обществѣ о нихъ слишкомъ мало знали и знаютъ. Причина этого — скромная, тихая дѣятельность самихъ курсовъ, которые ни разу не заявляли о своемъ существованіи никакимъ шумнымъ фактомъ, ни чѣмъ такимъ, что бы поразило публику и заставило вдругъ, разомъ обратить на себя общее вниманіе.

Курсы тихо, безъ шума продолжали вести свое дѣло на свои маленькія средства, не пользуясь во все время никакимъ вспомоществованіемъ со стороны правительства, кромѣ дароваго помѣщенія, и только изрѣдка прибѣгали къ поддержкѣ того небольшого кружка лицъ, которыя прямымъ или косвеннымъ образомъ имѣли сопряженіе съ ними.

Исторія возникновенія и самой десятилѣтней дѣятельности лубянскихъ курсовъ, какъ перваго въ такомъ родѣ учрежденія въ Москвѣ, на мой взглядъ, не можетъ не заслуживать доли общаго вниманія, тѣмъ болѣе, что въ устройствѣ этихъ курсовъ есть нѣчто своеобразное, оригинальное. Имѣя съ ними почти постоянное сношеніе съ самаго ихъ зарожденія, я хочу подѣлиться съ читателями тѣмъ, что знаю объ ихъ десятилѣтней дѣятельности.

ИСТОРІЯ ВОЗНИКНОВЕНІЯ КУРСОВЪ.

Съ тѣхъ поръ, какъ женщины въ Москвѣ впервые были допущены въ качествѣ преподавательницъ въ женскія гимназіи,
Т. ССЛІ. — Отд. II.

онѣ яснѣе, осознательнѣе начали сознавать недостаточность полученнаго ими въ пансіонахъ и институтахъ образованія. Эта первая официальная педагогическая дѣятельность явилась пробнымъ камнемъ для ихъ собственнаго сознанія. Каждая чувствовала, что запасъ ея знаній слишкомъ несостоятеленъ, что нѣтъ у нея почвы подъ ногами. Начались муки, самобичеванія, сокрушенія о потраченныхъ годахъ и т. д., и т. д. Но положеніе отъ этого нисколько не измѣнялось. Дѣло оставалось въ томъ же видѣ. Ограничиться только самобичеваніями не позволяла жизнь; она же потребовала и строгаго анализа прошлаго; она же—эта жизнь—подказала и новыя требованія, требованія болѣе солидныхъ, прочныхъ и серьезныхъ знаній. Мало-по-малу началось броженіе, начались невѣрныя и неровныя порыванія. Они показывали полное неумѣнье взяться за дѣло, неумѣнье приступить къ устройству какого-нибудь уголка, гдѣ бы женщина, прошедши обычный «женскій курсъ» образованія, могла пополнить его, гдѣ бы она могла научиться серьезно работать.

Много времени прошло въ этомъ колебательномъ, нерѣшительномъ положеніи до тѣхъ поръ, пока въ Москвѣ не была сдѣлана первая, правда, неумѣлая и неудавшаяся попытка подойти къ осуществленію желаемаго.

Живо припоминается это время, живо возстаютъ въ памяти всѣ волненія, надежды, страхи, какіе охватывали тогда женскую московскую молодежь! Много было свѣтлаго, хорошаго въ этихъ волненіяхъ; была, конечно, и своя доля комизма! Сплоченности, общительности, товарищескихъ простыхъ отношеній между женщинами въ то время не существовало; щепетильность, церемонія, недовѣрчивость—вотъ что замѣняло ту простоту отношеній, которая выработалась уже въ послѣдствіи съ открытіемъ курсовъ. Понятно, что это могло служить съ одной стороны тормозомъ для общаго дѣла, а съ другой—порождать рядъ комическихъ сценъ. Такъ наприимѣръ, женщина, не будучи официально представлена одна другой, считала неприличнымъ подойти и заговорить объ общемъ дѣлѣ, которое одинаково сильно интересовало обѣихъ; она искала случая познаться лично, сдѣлать визитъ и, являясь на общее собраніе, требовала отъ хозяйки квартиры отвѣтнаго визита. Иногда бывали, конечно, и крайнія исключенія, переходившія другую грань, но эти исключенія настолько всѣмъ и каждому знакомы, что о нихъ говорить будетъ лишнимъ. Многихъ въ собраніяхъ интересовалъ самый процессъ сборовъ, хожденій, непривычнаго шума, общей болтовни... Бывали нерѣдко такіе случаи, что, услыхавъ о сборищѣ въ такомъ-то домѣ по поводу «женскаго университета», богато-расфранченная дама, полулежа въ коляскѣ, подбѣжала къ маленькому домику.

— Ну что, mesdames? покровительственно спрашивала она: — у васъ собраніе?

— Сегодняшнее собраніе уже кончено, говорили ей.

— Кон-че-но?! протяжно и съ оттѣнкомъ сожалѣнія восселичала она.—Ну, а когда же опять будетъ собраніе? Назначьте поскорѣе... Вѣдь надо, чтобы женскій университетъ открыли, *какъ можно, какъ можно* скорѣе. При этомъ, она перегибала голову нѣсколько назадъ, съ снисходительной улыбкой осматривала присутствовавшихъ и, какъ бы думая вслухъ, говорила въ полголоса: «Собраніе женщинъ... засѣданіе... это что-то tout-à-fait original! Это такъ мило, такъ забавно!»

Первое собраніе по поводу «женскаго университета» было въ іюнѣ или въ іюлѣ 1868 года. Собрались въ одномъ изъ захолустныхъ уголковъ Москвы пять незнакомыхъ между собою женщинъ и стали бесѣдовать о томъ, какъ бы подать прошеніе въ московскій университетъ объ открытіи... Но чего? вотъ вопросъ. Какъ назвать ту новую школу, которая не имѣла еще за собой предшественницъ? Название въ данномъ случаѣ казалось очень и очень важнымъ: назвать просто «школоу», «учебнымъ заведеніемъ» казалось обиднымъ, да къ тому же такое названіе могло породить недоразумѣніе. Если назвать «женскимъ университетомъ», то можно подорвать дѣло въ самомъ началѣ: сважутъ: «многаго захотѣли». Какъ написать прошеніе? на чье имя? гдѣ собрать достаточное количество подписей?.. Всѣ эти и подобныя вопросы были предметомъ обсужденій перваго собранія и представляли много затрудненій. Помочь разрѣшить ихъ было некому. Подобная попытка со стороны женщинъ людямъ солиднымъ казалась дѣтской шалостью, въ которой они видѣли даже нѣботораго рода дерзость; потому, вмѣсто помощи, эти люди скорѣй устраивали тормазъ на дорогѣ и безъ того не гладкой: такое отношеніе съ ихъ стороны подрывало и безъ того нетвердую вѣру въ хорошій исходъ дѣла даже въ самихъ женщинахъ.

Неумѣло, непрактично велись эти первыя засѣданія. Не зная, какъ взяться за дѣло, женщины невольно пародировали на своихъ собраніяхъ мужчинъ, сохраняя при этомъ всѣ недостатки мужскихъ засѣданій; говорились рѣчи, писались протоколы, шумѣли, кричали и въ концѣ-концовъ какое-нибудь лицо брало перевѣсъ, и его мнѣніе вписывалось въ протоколъ какъ рѣшающее спорный вопросъ. По окончаніи засѣданія, протоколъ подписывался не только присутствовавшими на засѣданіи, но и тѣми, которыя запаздывали и обыкновенно приходили только справляться: «скоро ли назначать слѣдующее засѣданіе?»

Собранія съ каждымъ разомъ дѣлались многочисленнѣе и шумнѣе. Число желающихъ открытія «женскаго университета» все росло и росло.

Говорь о томъ, что гдѣ-то въ Москвѣ собираются женщины, о чемъ-то толкуютъ, кого-то о чемъ-то просить хотять, быстро сталъ распространяться, принимая отчасти, какъ это и всегда бываетъ въ подобныхъ случаяхъ, легендарный характеръ. Дошелъ этотъ говоръ и до полиціи. Она сперва стороной, а по-

томъ прямо, открыто положила свое veto на эти вполне невинныя и ни для кого не вредныя собранія. Поднятія указательнаго полицейскаго пальца въ то время было достаточно, чтобы запугать боязливо примкнувшихъ къ этому кружку женщинъ. Нѣкоторые изъ нихъ потребовали исключенія своихъ фамилій изъ числа подписавшихся. Однако, несмотря на это, подписей подъ прошеніемъ оставалось не мало.

Говоръ о дѣлѣ, вдругъ сдѣлавшемся подпольнымъ, принялъ еще болѣе непріязненные наросты. Въ такомъ видѣ онъ проникъ въ стѣны московскаго университета, куда рѣшено было черезъ нѣсколько дней подать прошеніе объ открытіи «женскаго университета». На одномъ изъ засѣданій университетскаго совѣта поднялась рѣчь о ходившихъ по Москвѣ слухахъ, и тутъ же заранѣе, до полученія прошенія, рѣшено было на просьбу отвѣтить отказомъ. Нѣкоторые же изъ членовъ совѣта предлагали менѣе рѣзкую мѣру: оставить прошеніе безъ отвѣта, положивъ его подъ зеленое сукно. Рѣшеніе совѣта, по его-ли порученію или безъ всякаго полномочія съ его стороны, было передано въ этотъ кружокъ однимъ изъ членовъ совѣта.

Что оставалось дѣлать послѣ угрозы квартальнаго и таково нечувствительнаго отношенія со стороны университета, на который была единственная надежда? Оставалось или сложить руки на время, или искать новаго пути и строить новые планы.

Но строить новые планы и думать объ иномъ пути сталъ уже другой кружокъ. Уставшія отъ всѣхъ непріятностей и рада хлопотъ, которыя, главнымъ образомъ, лежали на основательницахъ кружка, отъ на время замолкли, остановились обезкураженныя неудавшейся попыткой, которой суждено было сдѣлаться первымъ реальнымъ толчкомъ, породившемъ собою рядъ толчковъ, непрерывно слѣдовавшихъ одинъ за другимъ и увѣнчавшихся въ концѣ-концовъ открытіемъ лубянскихъ курсовъ.

Одна изъ примыкавшихъ къ названному кружку, г-жа Салова, принимавшая горячее участіе въ дѣлѣ, но случайно далеко стоявшая отъ всѣхъ связанныхъ съ дѣломъ непріятностей, не остановилась на полпути. Она съ помощью другихъ лицъ собрала другой кружокъ, куда попала и г-жа Рагозина (бывшая Шипова). Послѣдняя въ домѣ своихъ родственниковъ (кажется, на Никитской) стала устраивать собранія. Эти собранія носили уже болѣе официальный характеръ, въ нихъ было больше порядка, число присутствовавшихъ иногда доходило почти до ста членовъ. Много говорилось здѣсь, говорилось съ большимъ тактомъ, съ болѣею обдуманностью.

Разъ проученныя въ своей неосторожности женщины теперь приняли всѣ мѣры, чтобы опять не навлечь своими собраніями подозрѣнія со стороны пугливой въ то время полиціи. Помнится, какъ боязливо, тайнственно впускалъ старый швейцарь въ богатую переднюю барскаго дома, какъ осторожно входили сами женщины по одиночѣ, замедляя нарочно шагъ, чтобы не столкнуть

въ числѣ трехъ у подъѣзда; какъ тщательно завѣшивались выходящія на улицу окна квартиры, гдѣ готовилось собраніе, какъ будто собирались дѣлать что-то недоброе, нехорошее. А между тѣмъ, все это было лишь слѣдствіемъ личнаго опыта, вынесеннаго самими женщинами изъ ихъ первой попытки общаго хорошаго начинанія. Изъ передней также тихо и осторожно вереница женщинъ тянулась въ залу. Зала—большая, большая; вся уставлена рядами стульевъ. Въ глубинѣ залы маленькій столикъ; на немъ бумага, перо, чернила и колокольчикъ. Въ залѣ свѣтло, какъ днемъ, она полна, всѣ стулья заняты. Но во всей этой толпѣ ни одного мужчины. Говоръ, шумъ, споры... Зазвонилъ колокольчикъ, и все притихло. Мѣрно и громко высказываетъ свое мнѣніе одна, за ней другая, третья... повемногу слышатся голоса съ разныхъ концовъ, сперва тихо, въ видѣ шопота, затѣмъ все громче и громче... наконецъ, все сливается въ общій гулъ, который мало-по-малу утихаетъ подъ аккомпаниментъ колокольчика.

На этихъ собраніяхъ на первый планъ ставятъ уже не то, какъ назвать будущую школу—университетомъ или просто школою, этотъ вопросъ остается пока на заднемъ планѣ. Всѣхъ, главнымъ образомъ, интересуетъ, каковаго рода образованіе должна будетъ давать будущая школа—общее или специальное. Всѣмъ хочется договориться на счетъ этого вопроса. Но договориться оказывается вовсе не такъ легко: однѣ изъ присутствующихъ стоятъ за общее образованіе, другія — за специальное. Послѣ всѣхъ толковъ и споровъ въ концѣ-концовъ на этихъ собраніяхъ (которыя, кажется, впоследствии были перенесены еще въ другое помѣщеніе), просьба объ открытіи женскаго университета въ Москвѣ отвергается, и большинство приходитъ къ рѣшенію просить открытія женскихъ курсовъ, а за ходатайствомъ объ этомъ дѣлѣ обратиться къ директору 2-й московской мужской гимназіи, Филиппу Николаевичу Королеву.

Сколько препятствій встрѣтило такое рѣшеніе на своемъ пути къ осуществленію, легко ли отозвался на просьбу г. Королевъ—не знаю, но извѣстно, что онъ въ своемъ посредничествѣ не отказалъ и подалъ прошеніе г. министру народнаго просвѣщенія.

31-го мая 1869 года официально бумагою на имя г. попечителя московскаго учебнаго округа было дано разрѣшеніе г. министромъ на открытіе женскихъ курсовъ при второй московской мужской гимназіи. Надзоръ за веденіемъ курсовъ поручался Ф. Н. Королеву.

ОТКРЫТІЕ КУРСОВЪ.

Сколько шуму, сколько радостныхъ волненій вызвала первая публикація, извѣщавшая о разрѣшеніи г. министра народнаго просвѣщенія открыть женскіе курсы! То былъ первый женскій праздникъ въ Москвѣ, то была радостная встрѣча новой зари,

новой жизни. Непритворно, искренно приветствовала эту зарю каждая женщина. Ей казалось тогда, что вотъ, наконецъ, идетъ къ ней навстрѣчу новый освободитель, и болѣе надежный, чѣмъ всѣ другіе! Этого освободителя она видѣла въ знаніи и въ этого освободителя вѣрила.

Открытие женскихъ курсовъ теперь зависѣло исключительно отъ числа желающихъ ими пользоваться: суммъ на открытіе и на веденіе курсовъ не было; они должны были содержаться взаимно слушательницами. И вотъ женщины вереницами потянулись по Басманной улицѣ къ зданію 2-й мужской гимназіи. Каждая спѣшила попасть туда скорѣй, чтобы хоть единицею увеличить число желающихъ открытія курсовъ. Въ сдѣланной публикаціи ни слова не говорилось о томъ, каковъ будетъ характеръ курсовъ, какова ихъ программа, способъ чтеній и т. д. и т. д. Желаніе, какъ можно скорѣй узнать все это, заставляло ускорять шагъ и сильнѣе биться сердце.

На другой день послѣ публикаціи, пріемная второй гимназіи была полна женщинами. Тутъ были и гувернантки, и учительницы, и жены мировыхъ судей, и почтенныя матери семействъ; посреди этого многолюднаго женскаго общества виднѣлись и отцы, пріѣхавшіе разузнать о курсахъ, на которые пожелали поступить ихъ дочери.

Какое разнообразіе костюмовъ и возрастовъ представляла въ этотъ день пріемная! На всѣхъ лицахъ выраженіе вопроса, ожиданія, не совсѣмъ увѣренная надежда на что-то, сдержанная радость и какой-то страхъ, точно передъ экзаменомъ. Въ концѣ залы, у стола, стоитъ Ф. Н. Королевъ. Онъ что-то поясняетъ ближайшей къ нему группѣ. Всѣмъ хочется его слышать; каждая старается подойти къ нему ближе. Но въ залѣ такая толкотня и шумъ, что разобрать что-нибудь изъ его словъ стоящимъ отъ него поодаль, нѣтъ никакой возможности.

— Что, что онъ сказалъ? спрашиваетъ въ толпѣ юркая, хотя и довольно кругленькая, некрасивая блондинка.

— Не знаю, лагически отвѣчаетъ стоящая рядомъ, какъ бы недовольная тѣмъ, что «какая-то незнакомая» осмѣливается обращаться къ ней съ вопросомъ.

Но блондинка не унимается; она, извернувшись, задаетъ тотъ же вопросъ въ другую сторону.

— Отстаньте, вы мнѣ мѣшаете слушать, безцеремонно замѣчаетъ ей другая.

— Потрудитесь подходить подписываться! раздается на всю залу голосъ г. Королева. Все на минуту стихло; послышался скрипъ пера. Юркая блондинка успѣла уже протолкаться сквозь толпу; она стоитъ возлѣ Филиппа Николаевича и довольно громко задаетъ ему вопросы:

— Вы говорите — лекціи будутъ читаться по вечерамъ; ну, а по какой же программѣ?..

— По вечерамъ!! раздается жалобный голосъ изъ толпы.

Неужели по вечерамъ?! Какъ же я ночью буду отпускать свою дочь? — Мнѣ вечеромъ тоже неудобно, говорить высокая брюнетка:—я живу очень далеко.—А ты все-таки подпишись, говорить ея подруга.—Слышишь? непременно подпишись!

Въ толпѣ снова поднимается шумъ, общій гвалтъ, ничего не разберешь.

Долго продолжала шумѣть толпа, медленно двигаясь по направлению въ г. Королеву, который очень любезно и обязательно толковала съ каждой, охотно отвѣчая на всѣ предлагаемые ему вопросы по поводу курсовъ. Все то, что приходилось ему объяснить въ этотъ разъ каждой подписавшейся въ отдѣльности, въ январю 1870 года было напечатано на отдѣльныхъ листочкахъ, которые онъ раздавалъ каждой слушательницѣ бесплатно. На этихъ листочкахъ были напечатаны всѣ правила касательно курсовъ; эти правила имѣли видъ устава. Я приведу ихъ здѣсь цѣликомъ.

Основанія, на которыхъ и. министромъ народнаго просвѣщенія разрѣшено учредить при 2-й московской гимназiи для лицъ женскаго пола исключительно публичныя курсы по программѣ классическихъ гимназiй министерства народнаго просвѣщенія.

1. Доступъ къ поступленiю на назначенные курсы долженъ быть не вполнѣ свободнымъ, дабы въ оныя могли поступать только тѣ лица женскаго пола, кои дѣйствительно желаютъ обучаться.

2. Въ этихъ курсахъ должны быть преподаваемы тѣ же предметы, какіе преподаются въ классическихъ гимназiяхъ вѣдомства министерства народнаго просвѣщенія, а именно: 1) Законъ Божій, 2) математика: арифметика, алгебра, геометрiя, 3) физика, 4) исторiя всеобщая и Россiи, 5) географiя и языки: 6) русскій, 7) нѣмецкiй, 8) французскiй, 9) латинскiй, 10) греческiй, 11) англійскiй,—и по программамъ, учрежденнымъ для этихъ гимназiй.

3. Желающія участвовать въ слушанiи курсовъ могутъ учиться одному, двумъ или даже всѣмъ предметамъ по желанiю.

4. Курсъ каждаго предмета открывается тогда, когда желающихъ будетъ достаточно для того, чтобы платить издержки, сопряженныя со слушанiемъ предмета.

5. Всѣ издержки — вознагражденiе преподавателей за чтенiе, расходы на освѣщенiе, прибавка къ жалованью прислугѣ, вознагражденiе лицу, которое должно присутствовать для соблюденiя порядка (надзиратель или другой изъ лицъ, служащихъ въ гимназiи) и проч., слушательницы принимаютъ на свой счетъ.

6. Для покрытiя всѣхъ расходовъ слушательницы вносятъ полугодно впередъ опредѣленную плату, размѣръ которой будетъ зависѣть отъ числа слушательницъ. За норму можетъ быть принято 7 р. с. за годовой урокъ.

7. Деньги за слушанiе (напримѣръ, по 5 р., за годовой урокъ) вносятся даже и въ томъ случаѣ, когда кто-либо изъ преподавателей выразитъ желанiе читать даромъ. Въ этомъ случаѣ, тѣ деньги составляютъ запасный фондъ и могутъ быть употреблены, по усмотрѣнiю слушательницъ, на уплату за тѣхъ изъ нихъ, которыя не будутъ въ состоянiи платить за уроки.

8. Въ началѣ, для слушанiя курсовъ могутъ поступить всѣ желающія, если только ихъ образъ жизни и поведенiе во время слушанiя курсовъ не будутъ тому препятствовать, въ послѣдствiи же, еслибы оказалось полезнымъ, могутъ быть учреждены приемныя испытанiя.

9. Въ продолженіи курса ученія преподаватели отъ времени до времени назначаютъ репетиціи для желающихъ съ тою цѣлью, чтобы удостовѣриться, на сколько слушательницами усвоено то, что имъ преподавано.

10. Главнымъ распорядителемъ этихъ курсовъ долженъ быть директоръ второй московской гимназіи, ему же вѣряется храненіе денегъ и завѣдываніе кассою, а также предоставляется право входить въ сношеніе съ избранными съ общаго согласія слушательницъ преподавателями относительно вознагражденія ихъ за труды по преподаванію.

11. *Право избранія для этихъ курсовъ преподавателей, извѣстныхъ своею опытностью въ дѣлѣ преподаванія, предоставляется самимъ слушательницамъ, но никто не можетъ быть ими избранъ окончательно безъ согласія на то директора московской второй гимназіи.*

Понятно, что всѣ эти правила г. Королевъ сообщалъ при подпискѣ слушательницъ отрывочно, урывками, удовлетворяя только дѣлаемые ему запросы.

Какъ извѣстіе, что чтенія будутъ происходить по вечерамъ, такъ и та новость, что программа открываемыхъ курсовъ будетъ въ предѣлѣ мужскихъ классическихъ гимназій—возбудили сильныя пренія, недовольство, неудовлетворенность. Нѣкоторые тутъ же рѣшили, что на открываемые курсы много надѣяться нечего, что на нихъ надо смотрѣть только, какъ на временный переходъ, на мостикъ, который долженъ въ концѣ-концовъ провести женщину въ университетъ и въ медико-хирургическую академію.

— А если не пустятъ? не пустятъ и года черезъ два?

— Ну, тогда за-границу пѣшкомъ уйдемъ, слышался уже на улицѣ женскій голосъ.—Вѣдь уйдемъ? уйдемъ?

— Конечно, уйдемъ, рѣшительно отвѣтила другая.

И эти женщины вѣрили въ то, что если черезъ годъ, черезъ два ихъ не пустятъ въ стѣны университета, онѣ не останутся и не сложатъ руки.

Дѣйствительно, смотря на нихъ, и со стороны вѣрилось въ то, что онѣ не останутся, что имъ остаться въ безсильномъ ожиданіи много труднѣй, чѣмъ, не смотря на торную дорогу, обратиться въ стѣны университета или въ медико-хирургическую академію. Не смотря на юные годы, въ этихъ молодыхъ существахъ было нѣчто положительное, стойкое, увѣренное въ себя и въ силу своей идеи. Что сталося съ ними—объ этомъ послѣ, теперь же скажу только, что онѣ дѣйствительно не потратили своей силы только на слово: онѣ добились своего.

По троттуару Басманной улицы тянулись между тѣмъ попарно и въ одиночку записавшіяся на курсы женщины. Всѣ говорили, говорили по поводу открываемыхъ курсовъ. Однѣхъ занималъ вопросъ, помогутъ ли имъ курсы лучше изучить математику и овладѣть латинскимъ языкомъ на столько, чтобы въ случаѣ надобности сдать въ медико-хирургической академіи colloquium; другихъ занимала та вличья, какою онѣ будутъ носить, посѣщая курсы.

— Какъ же теперь насъ звать будутъ? спрашивала одна записавшаяся другую.

— Какъ? Студентками.

— Студентками? нѣтъ, не правда. Студентками нельзя, да и какъ-то не идетъ къ женщинѣ.

— Ну, такъ придумай другое. Называй институтками—это, можетъ быть, больше идетъ.

— Вѣдь мы будемъ ходить на курсы, значить и звать насъ надо «курсицы» или «курсовицы»...

— Ахъ, какъ прекрасно придумала: *курсовицы!* Очень мило! Точно рукавицы! Ха, ха, ха...

— По твоему, все не хорошо. Ты вѣчно надо всѣмъ смѣшешься. Ну, и называйся студенткой, если хочешь, а я не хочу.

— Точно я своей фамиліи правильно написать не умѣю, говорила громко и задыхаясь отъ волненія очень молоденькая дѣвушка, быстро опережая первую пару. Она шла съ женщиной лѣтъ 25-ти. Молоденькая дѣвушка была чѣмъ-то сильно взволнована и сконфужена: лицо покрыто красными пятнами, въ голосѣ и походкѣ чувствовалось сильное волненіе; она не замѣчала, что кругомъ ея народъ, что она идетъ по улицѣ, и громко, громко рассказывала, какъ Ф. Н. Королевъ сдѣлалъ ей замѣчаніе на счетъ ея малограмотности.

— Понятно, я сконфузилась, я взволновалась, оттого и...

— Взволновалась!.. Оно, конечно, и я взволновалась, и другая, но вѣдь...

— Что «но вѣдь»? еще первѣй проговорила раскраснѣвшаяся барышня.—Такъ по вашему, я дѣйствительно не умѣю написать своей фамиліи? Да?! не умѣю?! Говоря это, она вся дрожала.

— Я этого не сказала; но ты помнишь, сколько ошибокъ ты всегда дѣлала въ диктантѣ? А давно ли это было? Всего полгода тому назадъ. Вѣдь, полгода, какъ ты бросила гимназію? А развѣ въ эти полгода ты что-нибудь дѣлала?

— Да, да, я знаю, я очень хорошо знаю, что во всемъ я... я... во всемъ я виновата, задыхаясь, говорила она.—Я виновата даже въ томъ, что меня за... за невзносъ... платы выг...нали изъ чет...вер...таго класса гим...на...зіи... Последнія слова она говорила уже рыдая... И вся эта разношерстная толпа разошлась по Москвѣ въ ожиданіи октября мѣсяца, когда по словамъ г. Королева должны были открыться курсы.

Въ день торжественнаго открытія курсовъ мнѣ не пришлось быть во 2-й гимназіи, потому этотъ знаменательный день для лубянскихъ курсовъ я должна буду пройти молчаніемъ и прямо перейти къ дѣятельности отерывшихся курсовъ.

Десятилѣтняя дѣятельность курсовъ.

Приведенный въ предыдущей главѣ уставъ курсовъ, повидимому, вполне опредѣлялъ ихъ программу. Но въ такой строго опредѣленной рамкѣ программа курсовъ держалась только одинъ годъ; съ октября 1870 года она начала колебаться, суживаясь съ одной стороны и постепенно расширяясь съ другой. Это коле-

баніе въ программѣ и постепенный ея ростъ въ извѣстномъ, опредѣленномъ направленіи обусловливались энергическимъ требованіемъ со стороны самихъ женщинъ.

Согласно уставу, съ октября 1869 года должны были открыться лекціи по всѣмъ предметамъ, входящимъ въ программу классическихъ гимназій. Но открытіе ихъ, за неимѣніемъ основного капитала, стояло въ прямой зависимости отъ числа подписавшихся. Къ октябрю это число дошло до 190 человекъ. Правда, не всѣ подписавшіяся могли воспользоваться лекціями, какъ вслѣдствіе дальности разстоянія отъ 2-й гимназій, такъ и вслѣдствіе чтеній по вечерамъ. Многія подписывались только для того, чтобы оказать, съ своей стороны, матеріальную поддержку курсамъ. Съ октября лекціи открывались постепенно, по мѣрѣ накопленія слушательницъ на каждый предметъ. Лекціи по русской исторіи и физикѣ открылись только 8-го ноября, а по греческому языку совсѣмъ не открывались, за неимѣніемъ желающихъ изучать этотъ языкъ.

Съ большимъ нетерпѣніемъ ждали слушательницы первой лекціи физики. То, что онѣ нѣкогда проходили на школьной скамьѣ подъ именемъ этой науки, былъ не больше, какъ рядъ фокусовъ, разныхъ побасенокъ, передаваемыхъ учителемъ-французомъ, не столько ради изученія самой физики, сколько ради практики французскаго языка. Такъ проходила физика и въ институтахъ, и въ пансіонахъ того времени. Потому выраженіе особеннаго интереса къ этому предмету было вполне понятно.

Еще далеко не было 7-ми часовъ, какъ въ пріемной гимназій столпилось человекъ 20 слушательницъ. Тутъ же, у стола, сидѣлъ и Ф. Н. Королевъ. Онъ выдавалъ слушательницамъ печатные билеты для входа на лекцію. Каждой слушательницѣ, записавшейся на одинъ или нѣсколько предметовъ, выдавалась одна или нѣсколько пачекъ билетовъ, съ обозначеніемъ на каждомъ того предмета, который она избрала для слушанія. Полагалось, что, при входѣ на лекцію, отъ пачки каждый разъ будутъ отрывать по билету; но это дѣлалось только первое время, а затѣмъ этотъ формальный обычай былъ совсѣмъ оставленъ. Получившія билеты шли въ классъ, гдѣ передній рядъ скамеекъ весь уже былъ занятъ бумагами, подобно тому, какъ это дѣлается въ студенческихъ аудиторіяхъ. Къ 7-ми часамъ въ классъ набралось около 50-ти слушательницъ. Пробыло семь, и Филиппъ Николаевичъ ввелъ преподавателя физики.

— Рекомендую, сказалъ онъ, обратившись къ слушательницамъ.

Преподаватель живо взбѣжалъ на кафедру, поклонился, вынулъ изъ кармана бумажку и началъ лекцію. Слушательницы притихли и взялись за карандаши.

«Милостивыя государыни! началъ громко преподаватель:— физика бываетъ разная: во-первыхъ, элементарная, или гимназическая, во-вторыхъ, высшая, или университетская, наконецъ,

въ-третьихъ, популярная, предлагаемая лицамъ, незнакомымъ съ математикою. Я для своихъ лекцій избираю послѣднюю». Затѣмъ, онъ перешелъ къ опредѣленію физики, физиологіи, астрономіи, химіи и т. д., объяснилъ, что надо разумѣть подъ словомъ «явленіе», и занялся перечисленіемъ послѣднихъ. Въ заключеніе лекціи, рекомендовалъ учебники Краевича, Гано и Ленца. Онъ говорилъ живо, толково; но нѣкоторыя слушательницы находили, что было уже *слишкомъ* толково.

По окончаніи лекціи, я подошла къ одной знакомой мнѣ слушательницѣ, дѣвушкѣ развитой, мнѣніемъ которой я дорожила, и обратилась къ ней съ вопросомъ:

— Ну, что? какъ вамъ понравилась лекція?

— Лекція могла бы быть хороша, еслибы преподаватель хоть немножко посерьезнѣе отнесся къ слушательницамъ; онъ относится къ намъ, словно къ дѣтямъ или диварямъ.

— Гдѣ же? я... не замѣтила... проговорила я не совѣмъ увѣренно.

— А развѣ вы не слышали, какъ онъ связалъ, объясняя, что такое радуга? *«Не думайте*, что это мостъ или лѣстница, которая упирается концомъ въ землю» (!). А помните его выраженіе относительно оси земного шара: *«Не подумайте*, что это палка, которую протянули сѣвозъ землю». Этихъ двухъ фразъ, кажется, вполне достаточно, чтобы понять, съ какого рода представленіемъ о слушательницахъ пришелъ преподаватель на лекцію... И здѣсь, должно быть, вмѣсто физики, будутъ только фокусы, предлагаемые женщинамъ, если не во имя изученія французскаго языка, то еще хуже—съ цѣлью позабавить. Да развѣ преподаватель и не забавлялъ насъ сегодня? Помните, какъ онъ говорилъ о маятникѣ? *«Мы, говорить* (помните, какъ это онъ связалъ?), посредствомъ маятника можемъ землю *сътиснить*! а?! какъ-во?! вотъ что!».. Будь среди насъ, слушательницъ, хоть одинъ мужчина, сказала она, немного помолчавъ: — преподаватель не позволилъ бы себѣ такого отношенія... Нѣтъ, видно, еще долго наука будетъ преподноситься женщинѣ въ формѣ шутки, забавы, прибавила она съ отгѣнкомъ ироніи, въ которой звучала большая нота.

— Не правда-ли, какъ понятно, какъ хорошо, какъ живо онъ прочелъ! восторженно проговорила подбѣжавшая востроносенькая блондинка, держа въ рукахъ исписанную карандашемъ бумагу.— Вы записали? все записали? подробно? Дадите мнѣ? Я нѣкоторыя мѣста пропустила, и, должно быть, самыя интересныя...»— Она говорила быстро, закидывала вопросами и, какъ видно, не особенно интересовалась отвѣтомъ.

— Нѣтъ, я не записывала, снисходительно отвѣтила моя знакомая:—попросите у кого-нибудь другого.

И востроносенькая блондинка побѣжала въ другую сторону.

Такого рода разнорѣчивые отзывы и толки можно было слышать послѣ всякой лекціи—была-ли то дѣйствительно хорошая,

или дѣйствительно плохая. Сначала эти разнорѣчивыя отзывы слышались въ стѣнахъ гимназіи, затѣмъ стали доходить до ушей той части публики, которая интересовалась дѣлами курсовъ. Последняя приходила въ недоумѣніе отъ такихъ разнорѣчій: однѣ изъ слушательницъ находили лекціи совсѣмъ негодными, другія— о тѣхъ же самыхъ говорили съ восторгомъ и увлеченіемъ! Публика сбивалась съ толку. Не понимая причины такихъ разнорѣчій, она обвиняла слушательницъ въ легкомыслии, въ ребячливости, въ капризѣ. Но такого рода обвиненіе было рѣшеніемъ смаху. Дѣло надо было разсмотрѣть поглубже и попристальнѣе.

Собравшіяся слушательницы—какъ видно было изъ предшествующей главы—слишкомъ разнились между собою, какъ возрастомъ, такъ и образованіемъ, такъ и степенью развитія, потому почти постоянно одна и та же лекція, удовлетворяя однѣхъ, казалась не достаточно серьезна для другихъ, и наоборотъ. Проверки знаній и развитія, съ какими приходила женщина на курсы, не существовало; никто не освѣдомлялся даже о томъ, училась-ли она гдѣ-нибудь, окончила-ли курсъ, и съ какими требованіями и запросами пришла на лекцію. Одна могла быть хорошо образована, развита, другая, сидящая рядомъ, могла совсѣмъ не знать граматѣ. Потому, присматриваясь ближе, видно было, что не легко преподавателю читать такой разношерстной толпѣ: онъ не зналъ, въ какой шерсти примѣняться. Не легче было при такомъ положеніи и слушательницамъ.

Но такого рода неудобства замѣчались вполнѣдствіи почти на всѣхъ женскихъ курсахъ, за исключеніемъ только однихъ врачебныхъ, открытыхъ въ 1872 году, при петербургской медико-хирургической академіи. Последніе требовали отъ каждой вступающей опредѣленнаго возраста (21 года) и извѣстнаго образованія. Предъявлять такія требованія женщинамъ другіе женскіе курсы не могли: во-первыхъ, потому, что они существовали только на средства слушательницъ и, слѣдовательно, ихъ благосостояніе и даже прямо существованіе стояло въ тѣсной связи съ численностью слушательницъ; а во-вторыхъ, предъявлять стѣснительныя требованія они могли только тогда, когда въ перспективѣ манили бы правами и имѣющимъ оффиціальное значеніе дипломомъ. Но, какъ извѣстно, права и дипломъ до настоящаго времени даютъ только одни женскіе курсы—это опять врачебные.

Такъ какъ правила лубянскихъ курсовъ не стѣсняли слушательницъ въ выборѣ предмета, то естественно, что тѣ предметы, въ знаніи которыхъ женщина чувствовала болѣшій пробѣль, имѣли и наибольшее число слушательницъ. Въ первый же годъ такими излюбленными предметами сдѣлались математика, физика, а также и русскій языкъ. Меньшее число слушательницъ приходилось на иностранныя языки, которые, за исключеніемъ латинскаго, вмѣстѣ съ лекціями по закону Божію, съ октября 1870 года должны были совсѣмъ прекратиться, за неимѣніемъ

слушательницъ. Такое соображеніе программы самими слушательницами прямо говоритъ за то, что женщина въ пополненіи знаній съ этой стороны не чувствовала потребности. Исключивъ изъ программы нѣсколько предметовъ, она сдѣлала запросъ на другіе, которые не упоминались въ уставѣ курсовъ: она заявила требованіе на изученіе химіи. Для открытія лекцій по этому предмету потребовалось разрѣшеніе начальства, потребовались новыя хлопоты, которыя въ ноябрѣ 1870 года увѣичались успѣхомъ. Въ концѣ второго учебнаго года, 18 слушательницъ, прешедшихъ основательно гимназическій курсъ математики, обратились съ ходатайствомъ къ г. министру народнаго просвѣщенія о дозволеніи лубянскимъ курсамъ открыть лекціи по высшей алгебрѣ и аналитической геометріи. Надо, между прочимъ, сказать, что курсы, во всѣ десять лѣтъ своего существованія, ни разу не встрѣчали препятствій къ расширенію своей программы со стороны министерства народнаго просвѣщенія, и на этотъ разъ г. министръ 17-го мая 1871 года разрѣшилъ открытіе лекцій по названнымъ предметамъ.

Съ октября 1871 года преподаваніе математики и физики раздѣлилось уже на три курса, а всеобщей исторіи и латинскаго языка — на два. Въ этотъ же годъ были открыты лекціи по астрономіи. Этими лекціями пользовались преимущественно тѣ 18 или 12 слушательницъ, которыя въ продолженіи первыхъ двухъ лѣтъ выказывали особенное усердіе къ изученію математики. Но лекціи по астрономіи продолжались недолго; по уходѣ профессора, начавшаго этотъ курсъ, нельзя было найти лица, которое бы взялось продолжать его дѣло: не было преподавателя.

Невозможность найти преподавателя составляла громадный тормазъ, преслѣдовавшій лубянскіе курсы во все время ихъ существованія. Не имѣя большихъ средствъ, чтобы хорошо оплачивать лекціи преподавателямъ, понятно, курсы не могли свободно обращаться за ними въ университетъ, и съ величайшей благодарностью относились къ тѣмъ университетскимъ профессорамъ и хорошимъ преподавателямъ, которые, несмотря на ничтожное вознагражденіе, удѣляли имъ свое время.

Эти затрудненія въ отысканіи преподавателей еще больше увеличились съ ноября 1872 года, когда профессоръ Герье открылъ въ Москвѣ высшіе женскіе курсы. Понятно, что его товарищи по университету охотнѣе пошли къ нему. Такъ съ лубянскихъ курсовъ ушелъ г. Бредихинъ; такъ взялъ назадъ свое обѣщаніе читать лекціи по иностранной литературѣ г. Стороженко; впрочемъ, онъ, начавши свои чтенія на высшихъ курсахъ, предложилъ всѣмъ лубянскимъ слушательницамъ пользоваться его лекціями на тѣхъ же условіяхъ, на какихъ онѣ слушали бы его на лубянскихъ курсахъ. Нерѣдко невозможность найти преподавателя заставляла курсы на полгода или на годъ закрывать лекціи не только по одному, а иногда по двумъ, тремъ предметамъ.

Въ ноябрѣ 1872 года вплоть до октября 1873 года не было лекцій физики ни 1-го, ни 2-го курса; съ ноября 1872 по январь 1873 года также, за неимѣніемъ преподавателя, не читались лекціи по русской исторіи. Потому, когда понадалъ на курсы хорошій преподаватель, слушательницы дорожили имъ и старались всѣми силами удержать его. Помнится, такую любовь со стороны слушательницъ пользовался г. Ключевскій, который принужденъ былъ оставить курсы, какъ вслѣдствіе личнѣхъ обстоятельствъ, такъ и вслѣдствіе неудобствъ, порождаемыхъ разношерстностію слушательницъ. Страніе удержать преподавателя, разъ выразившаго желаніе оставить курсы, конечно, рѣдко удавалось. Рѣдко случалось также и то, чтобы преподаватель, не удовлетворявшій большинства слушательницъ, удержался бы долго на курсахъ. Недовольство слушательницъ скоро отражалось на лекторѣ, и онъ, подыскивая какой-нибудь благовидный предлогъ, отказывался отъ преподаванія. Эти частыя смѣны преподавателей порождали несомнѣмъ лестные отзывы о курсахъ и еще болѣе тормазили и затрудняли пріискиваніе новыхъ. Впрочемъ, были на курсахъ и такіе преподаватели, которые относились къ нимъ съ большою любовью, сочувствіемъ, которые работали на нихъ иногда безъ всякаго матерьяльнаго вознагражденія, принимали близкое участіе во всемъ, что интересовало курсы, затрачивали на нихъ всѣ часы своего досуга. О такихъ преподавателяхъ я скажу въ концѣ этой главы.

Открытіе въ Москвѣ высшихъ женскихъ курсовъ отразилось на лубянскихъ не въ одномъ вопросѣ о пріисканіи преподавателей, оно отразилось во многомъ, и довольно сильно.

Курсы, открытыя г. Герье, въ первый же годъ своего существованія носили чисто историческій характеръ. Серьезныя чтенія и довольно серьезныя занятія какъ по исторіи литературы, такъ и по исторіи вообще, должны были оттянуть къ себѣ тѣхъ слушательницъ лубянскихъ курсовъ, которыя имѣли болѣе склонности къ изученію историческихъ наукъ. Открытыя г. Герье курсы сулили впереди дипломъ и соединенныя съ нимъ права, что, конечно, представляло большую приманку для женщинъ, экономическое положеніе которыхъ съ каждымъ годомъ становится въ Россіи все затруднительнѣе и затруднительнѣе; лубянскіе же курсы ни въ ближайшемъ, ни въ далекомъ будущемъ не обѣщали тогда никакихъ правъ: они предлагали женщинамъ, какъ продолжаютъ предлагать и теперь, только знаніе ради самого знанія. Потому, послѣ открытія высшихъ курсовъ, на лубянскихъ остались только тѣ изъ женщинъ, которыя даже ради будущихъ экономическихъ благъ не хотѣли поступиться любовью къ математикѣ, а также и тѣ, которыхъ лубянскіе курсы привлекали свободою занятій и отсутствіемъ всякихъ формальностей. Но во всякомъ случаѣ число слушательницъ на лубянскихъ курсахъ должно было уменьшиться. И дѣйствительно, въ 1873 году число слушательницъ значительно

понизилось, что можно видѣть изъ слѣдующей маленькой таблички:

Въ 1870 году. . . .	181	слушат.
» 1871 »	159	»
» 1872 »	141	»
» 1873 »	103	»

Сознавая полную невозможность конкурировать преподаваніемъ историческихъ наукъ съ курсами профессора Герье, большинство слушательницъ лубянскихъ курсовъ стали высказываться за необходимость закрытія лекцій по русскому языку, литературѣ и по русской и всеобщей исторіи и за то, чтобы расширить курсы по предметамъ математическимъ и ввести чтенія по естественнымъ наукамъ. На послѣднія уже давно дѣлался запросъ со стороны женщинъ.

Съ цѣлью обсудить эти и другіе вопросы весною 1873 года было назначено общее собраніе всѣхъ слушательницъ и преподавателей. Большинство слушательницъ склонялось къ тому, чтобы просить преподавателей образовать изъ курсовъ естественно-математическое отдѣленіе. Преподаватели благосклонно отнеслись къ высказанному проекту и изъявили желаніе тутъ же заняться выработкою программы. Нѣкоторыя же слушательницы упорно стояли за необходимость совмѣстнаго существованія еще предварительнаго общаго двух-годичнаго курса по всѣмъ предметамъ, входящимъ въ программу гимназіи. Послѣдній долженъ былъ служить въ одно время подготовкою какъ для поступленія на естественно-математическое отдѣленіе, такъ и къ экзамену на степень домашней учительницы. Преподаватели рѣшили по возможности удовлетворить требованія всѣхъ: «сама дѣйствительность и обстоятельства — говорили они — покажутъ, что вызывается необходимостью, потребностью, дѣйствительнымъ запросомъ и что есть слѣдствіе только прихоти, каприза. Дѣйствительность, конечно, не замедлила показать то и другое.

Расширить программу существовавшихъ уже на курсахъ предметовъ не представляло особеннаго затрудненія, а ввести новые — чтенія по естественнымъ наукамъ — безъ позволенія начальства, хотя бы ближайшаго, было нельзя. Потому весною же 1873 г. слушательницы въ числѣ 32 обратились къ директору, завѣдующему курсами, съ ходатайствомъ о разрѣшеніи ввести чтенія по естественнымъ наукамъ. 20-го октября 1873 г. разрѣшеніе было дано, и съ января слѣдующаго года открылись лекціи по ботаникѣ, зоологіи; за то въ этомъ же мѣсяцѣ *за неимѣніемъ слушательницъ* закрылись лекціи по латинскому языку. Въ 1875 году преподаваніе по математикѣ раздѣлилось на 4 курса, начались правильныя и систематичныя практическія занятія по химіи, а первый курсъ *всеобщей исторіи* закрылся *за неимѣніемъ слушательницъ*.

Но строго-опредѣленнаго курса естественно-математическихъ наукъ, какой проецировали преподаватели, все же не существовало, такъ какъ на курсахъ не было ни постоянныхъ слушательницъ (или если онѣ и были, то число ихъ было слишкомъ не велико), ни постоянныхъ преподавателей—тѣ и другіе мѣнялись; вслѣдствіе этого нерѣдко бывало, что курсъ по какому-нибудь предмету не доводился до конца или за немѣнимъ преподавателя, или же, случалось, не открывался на слѣдующій годъ за малочисленностью слушательницъ.

Вся эта неурядица и безпорядокъ въ учебной части чувствовались слишкомъ сильно, какъ нѣкоторыми изъ постоянныхъ преподавателей, такъ и постоянными слушательницами. Тѣ и другія рѣшили еще разъ попробовать отыскать выходъ изъ такой неурядицы, рѣшили сойтись, перетолковать, придумать что-нибудь.

Особенно горячо въ данномъ случаѣ взялся за дѣло одинъ изъ преподавателей математики. Онъ не разъ собиралъ слушательницъ своего предмета, горячо говорилъ имъ о необходимости установить полный систематическій курсъ высшей математики. Составилъ имъ программу, для выполненія которой потребовалось значительное увеличеніе число часовъ въ недѣлю исключительно на математику. Начались лекціи. Слушательницы присѣли за математику такъ усердно, что порой становилось страшно за нихъ. Онѣ углубились въ эту строгую, отвлеченную науку до забвенія всего окружающаго. Преподаватель искренно торжествовалъ, онъ увлекался вмѣстѣ съ ними и все дальше и больше тянулъ ихъ въ глубь математики, занятіе которой съ нѣкотораго времени на курсахъ стало идти положительно въ ущербъ другимъ предметамъ. Неурядица по преподаванію другихъ предметовъ между тѣмъ не уменьшалась, число слушательницъ замѣтно рѣдѣло, финансы становились затруднительнѣе. Послѣднее обстоятельство представило сильный тормазъ для слушательницъ, погружившихся въ изученіе чистой математики, тѣмъ болѣе, что ихъ расходы со времени установленія систематическаго курса значительно увеличились. И вотъ, весной 1878 года, начался рядъ новыхъ собраній преподавателей съ цѣлью присягать способъ къ улучшенію курсовъ. На этихъ собраніяхъ присутствовали не всѣ слушательницы, а только выбранныя депутаты. Здѣсь было выработано нѣсколько положеній, которыя касались какъ учебной части курсовъ, такъ и ихъ управленія. Въ этихъ положеніяхъ рѣшено было: 1) образовать систематическій курсъ по всѣмъ предметамъ какъ математическихъ, такъ и естественныхъ наукъ; 2) сбавить плату со слушательницъ, которыя одновременно желаютъ записаться на слушаніе лекцій по математикѣ, химіи, ботаникѣ и зоологіи; 3) обратиться къ г. министру народнаго просвѣщенія съ ходатайствомъ о значительномъ расширеніи всей программы и, наконецъ, 4) положено, что преподаватели начнутъ лекціи съ сентября 1878 года даже при 5 слушательни-

цахъ; поведуть дѣло безъ всякаго вознагражденія, пока у курсовъ не будетъ средствъ.

Въ настоящее время на лубянскихъ курсахъ выработана полная программа физико-математическаго и естественнаго факультетовъ. Составлявшіе ее преподаватели обратились черезъ московскій университетъ къ г. министру народнаго просвѣщенія съ просьбой объ утвержденіи этой программы и о дарованіи правъ лицамъ, окончившимъ курсъ на одномъ изъ названныхъ факультетовъ.

Обо всѣхъ этихъ измѣненіяхъ и ростѣ въ программѣ лубянскихъ курсовъ никогда ничего не печаталось и не публиковалось, потому лица, знавшія курсы только въ началѣ, при ихъ основаніи, теперь должны имѣть о нихъ невѣрное представленіе. Какъ видно изъ сейчасъ приведеннаго мною сухого историческаго очерка учебной стороны курсовъ, они уже давно не носятъ того характера, каковой былъ имъ опредѣленъ въ началѣ уставомъ; уже давно они перестали быть курсами, дающими гимназическое образованіе, и никогда не имѣли исключительно классическаго направленія.

Еще въ началѣ, съ самаго открытія курсовъ, лекціи по нѣкоторымъ предметамъ носили чисто университетскій характеръ, на что вынуждали преподавателей сами слушательницы. Лекціи по русской исторіи г. Ключевскимъ велись въ духѣ университетскомъ. Онъ въ своихъ лекціяхъ не занималъ слушательницъ передачею фактовъ, а пользовался послѣдними на столько, на сколько это было ему необходимо для подтвержденія и выясненія дѣлаемыхъ имъ обобщеній. Лекціи по физикѣ, какъ скоро была пройдена слушательницами основательно низшая математика, также приняла характеръ серьезный. Г. Умовъ удовлетворилъ тѣхъ, которыя въ физикѣ искали науки. Но, къ сожалѣнію, слушательницамъ недолго пришлось пользоваться его лекціями: онъ былъ приглашенъ на кафедру въ новороссійскій университетъ. Такимъ же характеромъ съ самаго начала отличались лекціи по ботаникѣ и зоологіи. Профессоръ Горожанкинъ, читавшій ботанику и продолжающій въ настоящее время свои занятія на курсахъ, не ограничивался чтеніемъ однихъ лекцій: онъ съ перваго же года сталъ устраивать съ слушательницами экскурсіи, практическія занятія, которыя—надо замѣтить—въ высшей степени интересовали слушательницъ. Чтобы практическія занятія имѣли извѣстный смыслъ и результатъ, г. Горожанкинъ каждый разъ предварительно говорилъ слушательницамъ, въ чемъ будутъ состоять занятія слѣдующаго раза, и при этомъ указывалъ книжку и даже страницы, которыя надо было подчитать.

Уставъ курсовъ не обязывалъ слушательницъ подвергать себя официальной провѣркѣ пройденнаго. Пользуясь этой свободой, а главное вслѣдствіе непривычки, конфузливости и того жалкаго самолюбія, которое—къ несчастію—прививается къ намъ еще съ ранняго дѣтства, слушательницы часто отказывались отъ экза-

меновъ, на которые не разъ выражали требованіе многіе изъ преподавателей. Такъ было въ первое время по открытіи курсовъ. Впослѣдствіи же, нѣсколько попривыкнувъ, какъ къ преподавателямъ, такъ и другъ къ другу, онѣ охотно соглашались на репетиціи, а разъ даже изъявили желаніе на публичный экзаменъ изъ математики, который производился въ присутствіи нѣкоторыхъ профессоровъ математическаго факультета. Г. Горожанкинъ дѣлалъ ежегодно весной репетиціи изъ пройденнаго имъ курса. Его репетиціи нѣсколько отличались отъ обычныхъ: на нихъ осмысливалось, обобщалось пройденное, и непонятное дѣлалось понятнымъ.

Собственно говоря, въ программѣ гимназической на лубянскихъ курсахъ читались только лекціи по русскому языку, русской литературѣ и латинскому языку. Лекціи же по математикѣ, даже по низшей, съ самаго перваго года открытія курсовъ превосходили обычный курсъ гимназіи, не говоря женской, но даже и мужской. Г. Ломовскій, начавшій преподаваніе математики на лубянскихъ курсахъ, слишкомъ серьезно и любовно относился къ своему предмету, чтобы позволить себѣ, подобно нѣкоторымъ, разграничивать его на курсъ женскій и мужской; онъ видѣлъ въ математикѣ науку, которая должна быть одна для всѣхъ, кто бы ни пожелалъ ею заниматься. Иное отношеніе къ ней онъ счелъ бы профанаціей, невозможной для своей природы. Живой отъ природы, онъ вносилъ много жизненности въ преподаваніе своего предмета. Съ напряженнымъ вниманіемъ слушала его аудитория и охотно подвергала свои знанія его провѣрѣ. Не смотря на душевныя страданія, г. Ломовскій до послѣдняго дня своей жизни не переставалъ работать для курсовъ. Разстроенный и чѣмъ-то сильно озабоченный, явился онъ въ послѣдній разъ на лекцію. Но, взявши мѣлъ и подойдя къ доскѣ, онъ какъ бы забылся отъ давившаго его нравственнаго гнета и съ обычной живостью началъ лекцію. На другой день слушательницы узнали, что черезъ нѣсколько часовъ послѣ лекціи онъ покончилъ съ собой въ московской гостинницѣ «Эрмитажъ». Сильно поразила слушательницъ смерть любимаго преподавателя, который — надо замѣтить — работалъ на курсахъ безвозмездно. Искренно жалѣли его слушательницы, провожая его — нѣсколько дней тому назадъ здороваго, молодого, красиваго, умнаго — на кладбище. Съ декабря 1871 года его мѣсто на курсахъ заняли два преподавателя, изъ которыхъ г. Преображенскій, вплоть до своего отъѣзда въ новороссійскій университетъ, не переставалъ работать для курсовъ, устраивая иногда безвозмездныя чтенія нѣтолько по математикѣ, но и по химіи.

Еще о многихъ бы преподавателяхъ нужно было вспомнить съ благодарностью и помянуть добромъ ихъ теплое отношеніе къ курсамъ, но я и такъ чрезчуръ растянула эту длинную и сухую главу моихъ записокъ, потому ограничусь только упоминаніемъ нѣсколькихъ фамилій; я назову въ числѣ ихъ: г. Ша-

пошниковъ, г. Линдемана* и г. Церасскаго. Сочувствіе и содѣйствіе курсамъ оказывали также и студенты московскаго университета естественнаго факультета. Г. Бубновъ и г. Карпевъ въ продолженіи двухъ лѣтъ безвозмездно удѣляли курсамъ 3 вечера въ недѣлю для того, чтобы руководить слушательницъ во время практическихъ занятій химіей.

И такъ, если съ одной стороны вопросъ о преподавателяхъ часто являлся тормазомъ въ ходѣ курсовъ, то съ другой — не рѣдко преподаватели являлись самыми сильными помощниками и оказывали большую поддержку курсамъ, какъ со стороны материальной, такъ и нравственной.

У П Р А В Л Е Н І Е К У Р С А М И.

Лубянскіе курсы, какъ я сказала выше, имѣютъ въ себѣ нѣчто особенное, оригинальное. Это особенное, своеобразное, принадлежашее исключительно первымъ московскимъ курсамъ, заключается въ ихъ внутренней жизни, въ ихъ управленіи или, точнѣе, самоуправленіи. Послѣднее, несмотря на рядъ промаховъ и неровностей, почти неизбѣжныхъ при всякомъ новомъ шагѣ и новомъ положеніи, развивало женщину со стороны общественной, приучало ее къ самостоятельности, къ умѣнью искать и находить опору въ себѣ, въ своихъ силахъ.

Испросивъ позволеніе на открытіе курсовъ, г. Королевъ, съ октября 1869 года, взялъ на себя трудъ завѣдывать ими: приглашать преподавателей, распредѣлять часы лекцій, принимать отъ слушательницъ подписку, завѣдывать денежною частью и т. д., и т. д. Все это, конечно, исполнялось имъ безъ всякаго вознагражденія; да у слушательницъ не было и средствъ оплачивать такую въ сущности безпокойную работу, требовавшую большой затраты времени. Слушательница обыкновенно приходила, записывалась, вносила требуемую сумму денегъ, а до остальнаго ей не было дѣла: отказывается преподаватель—дѣло г. Королева отыскать новаго; недостааетъ денегъ—дѣло г. Королева найти; нуженъ фотогенъ для лампъ — и объ этомъ опять долженъ позаботиться г. Королевъ. Исполняя офиціально-взятыя на себя обязанности, онъ не уклонялся и отъ такихъ, которыя вызывались случайностью. Вдругъ какой-нибудь изъ преподавателей переноситъ свои лекціи съ одного дня на другой, г. Королевъ тотчасъ увѣдомляетъ объ этомъ по почтѣ каждую слушательницу, записавшуюся на этотъ предметъ. Для послѣдней цѣли онъ завелъ на курсахъ печатные бланки, которые впоследствии замѣнились открытыми письмами.

Первое время, какъ только открылись курсы, онъ почти каждый день присутствовалъ въ пріемной: давалъ разъясненія, за которыми къ нему обращались новыя наплывавшія слушательницы, бесѣдовалъ съ преподавателями, принималъ деньги отъ слушательницъ, запоздавшихъ взносомъ, а иногда просто загля-

*

дываль въ приемную съ цѣлью убѣдиться, все-ли тамъ обстоитъ благополучно.

Случалось такъ: въ классѣ идетъ лекція, положимъ, по русской литературѣ. Въ приемной сидитъ нѣсколько слушательницъ. Одна что-то читаетъ, другія въ полголоса разговариваютъ.

— Здравствуйте, mesdames, обращается къ нимъ г. Корольевъ, входя въ приемную.—Развѣ г. N еще не начиналъ лекціи?

— Нѣтъ, онъ ужь читаетъ.

— Такъ отчего-же вы не тамъ?

— Я не записывалась на литературу.

— А я жду сестру, говорила другая.

— Что-же вамъ за неволя ждать здѣсь? Вамъ бы лучше пройти на лекцію, обращается онъ ко всѣмъ.

— Я бы очень рада...

— Но вѣдь незаписавшіяся не имѣютъ права входа...

— Сдѣлайте ваше одолженіе, говорилъ онъ, указывая на дверь, гдѣ происходило чтеніе. И всѣ сидѣвшія шли въ классъ. Потому въ приемной во время лекцій рѣдко можно было встрѣтить слушательницъ.

Но Филиппу Николаевичу не долго пришлось завѣдывать курсами. Въ январѣ 1870 года онъ былъ назначенъ директоромъ Петровской земледѣльческой академіи. Извѣстіе объ этомъ скоро распространилось на курсахъ. Говоръ, шумъ, вопросы о будущей судьбѣ курсовъ занимали всѣ промежутки между лекціями.

— Уходить?! Филиппъ Николаевичъ уходитъ?! Кто же возьметъ на себя завѣдываніе курсами?

— Ахъ, какъ жаль! ахъ, какъ жаль! раздавалось съ разныхъ сторонъ.

— Ну, не особенно. Онъ все-таки держалъ себя, какъ начальникъ.

— Но кто же у насъ-то будетъ вмѣсто него?

— Говорятъ, новый директоръ.

— А я такъ слышала, что намѣсто Филиппа Николаевича у насъ будетъ профессоръ Минъ. Онъ, говорятъ, не прочь взять насъ подъ свое покровительство и ужь по поводу этого бесѣдовалъ съ нѣкоторыми профессорами. Они тоже обѣщали свое содѣйствіе.

— Не въ томъ дѣло, кто нами завѣдывать будетъ, а гдѣ мы сами-то будемъ? Я слышала, что наши курсы изъ второй гимназіи погнать хотятъ.

— Куда?

— Ну, а это вѣдаетъ Аллахъ! Погонять безъ дальнѣйшихъ околочностей: идите съ миромъ, куда хотите—и все тутъ.

— Какъ же «куда хотите»?! не на улицу-же?

— А хоть бы и на улицу...

— Филиппъ Николаевичъ этого не допуститъ, сказала уже не молоденькая блондинка, которая только-что подошла къ собравшейся кучкѣ. Она была нѣсколько знакома съ г. Корольевымъ и

потому всё обратились въ ея сторону въ надеждѣ узнать отъ нея что-нибудь опредѣленное.

— Филиппъ Николаевичъ, сказала она громко, обращаясь къ толпѣ, которая вдругъ притихла:—Филиппъ Николаевичъ перо-давалъ, что курсы по прежнему останутся въ зданіи второй гимназіи, а завѣдываніе ими перейдетъ къ новому директору. Впрочемъ, все это, какъ и многія другія подробности насчетъ будущаго существованія курсовъ, онъ передастъ слушательницамъ лично самъ.

— Но, господа! еще громче раздался голосъ изъ толпы:—Филиппъ Николаевичъ слишкомъ много сдѣлалъ для насъ, и намъ слѣдовало бы хоть чѣмъ-нибудь выразить ему свою признательность...

Въ толпѣ зашумѣли и не дали окончить рѣчь: «Слѣдуетъ! слѣдуетъ! непременно нужно! давайте открывать подписку!..» кричали со всѣхъ сторонъ. Среди этихъ звуковъ одобренія, раздававшихся довольно громко, можно было разобрать также два-три голоса, выражавшихъ нѣчто недоброжелательное. Какъ ни хорошъ казался Филиппъ Николаевичъ однѣмъ въ положеніи завѣдующаго курсами, но и у него, какъ у всякаго смертнаго, бывали промахи, случайные недосмотры. Эти промахи и недосмотры нѣкоторымъ изъ слушательницъ иногда сильно бросались въ глаза, заслоняя все, что было хорошаго въ его дѣятельности. Этимъ и объясняется то не совсѣмъ полное единодушіе, которымъ было встрѣчено предложеніе, сдѣланное кѣмъ-то изъ толпы. Подписка, само собою разумѣется, состоялась. Собрали болѣе 200 р. с.

Долго происходили совѣщанія насчетъ выбора подарка: однѣ говорили, что желательно воднести серебряное блюдо и на немъ хлѣбъ-соль; другія стояли за поднесеніе альбома. Долго препирались; наконецъ, большинство рѣшило поднести альбомъ. «Но какой? какого цвѣта? въ какомъ переплетѣ? съ карточками или безъ карточекъ?..»—и опять пренія, безконечные споры, хожденія по магазинамъ. Въ результатѣ всѣхъ этихъ хлопотъ явился альбомъ въ синемъ бархатномъ переплетѣ съ серебряной отдѣлкой.

Въ среду на масляницѣ повезли его въ гимназію. То былъ прощальный вечеръ слушательницъ съ основателемъ ихъ курсовъ. Филиппа Николаевича благодарили... Благодарилъ и онъ... Это было уже вторичное изъясненіе благодарности со стороны слушательницъ. Еще въ началѣ января того же года онъ поднесли ему благодарственный адресъ за подписью большинства слушательницъ. На прощальномъ вечерѣ Филиппъ Николаевичъ прочелъ слушательницамъ отчетъ по дѣламъ кассы и вручилъ имъ всѣ бумаги, относящіяся до курсовъ.

Еще за недѣлю или больше до этого прощальнаго вечера, Филиппъ Николаевичъ разослалъ всѣмъ слушательницамъ печатныя приглашенія явиться 12-го февраля въ гимназію для рѣшенія вопроса о кассѣ, а также и нѣкоторыхъ другихъ.

Въ назначенный день съ шести часовъ вечера стали наби-

ратся слушательницы въ зданіе гимназіи. Къ девяти часамъ, когда окончилась послѣдняя лекція, число ихъ дошло до 60-ти или 70-ти. По приглашенію г. Королева, всѣ онѣ двинулись въ актовую залу, которая на этотъ разъ была уставлена скамейками. Шумно вошла толпа, съ такимъ же шумомъ стала размѣщаться по мѣстамъ и, несмотря ни на какія просьбы со стороны г. Королева и нѣкоторыхъ слушательницъ, долго не могла успокоиться. Слишкомъ ново и непривычно казалось ей теперешнее ея положеніе. Ее призвали для рѣшенія вопросовъ; у нея хотятъ спрашивать совѣта; ее изъ роли ученицы переводятъ въ роль самоначальника... Почему до сихъ поръ ей ни о чемъ не спрашивали? и зачѣмъ спрашиваютъ теперь? Всѣ эти вопросы были предметомъ разговора, а также и причиною неумолаемаго шума.

Давъ нѣсколько поутихнуть толпѣ, г. Корольевъ объяснилъ слушательницамъ, что онъ оставляетъ гимназію, а вмѣстѣ съ нею принужденъ оставить и курсы, офиціальное завѣдываніе которыми перейдетъ къ его преемнику; но *заботу о ходѣ курсовъ, о средствахъ и т. д. слушательницы должны принять на себя, согласно уставу.* Для завѣдыванія кассой онъ предложилъ избрать кассиршу, а въ помощь ей двухъ контролершъ, которыя бы, кромѣ контроля, завѣдывали приглашеніемъ преподавателей, подпискою слушательницъ и т. д., и затѣмъ предложилъ тотчасъ приступить къ баллотировкѣ названныхъ должностныхъ лицъ изъ самихъ слушающихъ.

Началось избраніе. Г. Корольевъ вручилъ каждой изъ присутствовавшихъ по три бумажки съ приглашеніемъ на каждой написать по фамиліи. «Я же, съ своей стороны, сказалъ онъ: — указалъ бы вамъ на госпожъ: Ф., М., А. и К.».

Слушательницы, еще не успѣвшія ознакомиться другъ съ другомъ, еще не суждѣвшія установить между собою какихъ бы то ни было отношеній, которыя бы дали имъ возможность поближе разглядѣть другъ друга, понятно, не были въ состояніи сдѣлать самостоятельный выборъ и принуждены были воспользоваться указаніемъ Филиппа Николаевича. Большинствомъ голосовъ были выбраны, даже послѣ вторичной перебаллотировки, которую потребовалось произвести вслѣдствіе какой-то вкравшейся ошибки: въ кассирши—г-жа Ф., а въ должности контролершъ—г-жи А. и К.

Здѣсь же, на этомъ собраніи, въ первый разъ было предложено слушательницамъ сдѣлать выборы новаго преподавателя исторіи на мѣсто ушедшаго съ курсовъ и читавшаго тамъ недолго г. Забѣлина.

Съ этого дня, т. е. съ 12-го февраля, всѣ матерьяльныя и другія заботы о курсахъ всецѣло легли на трехъ выбранныхъ слушательницъ или, вѣрнѣе, на одну г-жу Фреймутъ, такъ какъ выбранныя контролерши, по семейнымъ обстоятельствамъ, много времени отдавать курсамъ не могли и вскорѣ принуждены были совсѣмъ отказаться отъ своихъ должностей.

Очутившись безъ всякаго руководящаго лица, безъ всякаго пред-

ставителя, имя котораго покрывало бы курсы и стояло бы во главѣ ихъ, каждая слушательница силою самихъ обстоятельствъ призывалась вносить большую или меньшую долю заботы о курсахъ. Теперь авторитетность и извѣстную санкцію могло имѣть только общее курсовое рѣшеніе, въ которомъ участвовали бы всѣ слушательницы и рѣшали бы дѣла большинствомъ голосовъ. Г-жа Фреймутъ замѣнить г. Королева со стороны авторитетной для слушательницъ не могла: она была такая же слушательница, какъ всѣ остальные. Директоръ, занявшій мѣсто г. Королева, только въ мартѣ мѣсяцѣ получилъ отъ г. министра приказъ взять курсы подъ свое покровительство, потому до марта въ дѣла курсовъ онъ не входилъ и не имѣлъ къ нимъ никакого отношенія. До этого времени слушательницы успѣли нѣсколько освоиться съ своимъ новымъ положеніемъ, онѣ уже не разъ устраивали—разумѣется, съ позволенія директора—общія собранія, на которыхъ большинствомъ голосовъ рѣшали курсовыя дѣла, и потому естественно, что къ новому директору онѣ встали уже нѣсколько въ иныя отношенія, чѣмъ было при г. Королевѣ. Черезъ свою кассиршу, г-жу Фреймутъ, онѣ представили ему списокъ всѣхъ слушательницъ и всѣхъ преподавателей, а также и распределеніе лекцій; заботы же и хлопоты о курсахъ, какія лежали на г. Королевѣ, онѣ отстранили отъ новаго директора, не желая стѣснять его. Да и дѣйствительно, странно бы было навязывать ему ту бездну мелкихъ хлопотъ, которую охотно брала на себя г-жа Фреймутъ. Послѣдняя являлась къ нему въ мѣсяцъ разъ съ отчетомъ по дѣламъ курсовъ, а также обращалась за утвержденіемъ новаго преподавателя, избраннаго самими слушательницами, или же приходила просить позволенія устроить въ извѣстный день общее собраніе. Этимъ ограничивалось все отношеніе новаго директора къ курсамъ. Ежедневный надзоръ за порядкомъ на нихъ былъ препорученъ одному изъ надзирателей гимназіи, которому курсы платили 25 р. с. въ мѣсяцъ.

Слушательницы, мало-по-малу, привыкли смотрѣть, что всѣ дѣла, касающіяся курсовъ, настолько же и ихъ дѣла, насколько г-жи Фреймутъ, что послѣдняя только исполнительное лицо. Но исполнять рѣшенія 180 человекъ одному лицу, конечно, было весьма тяжело. Въ апрѣлѣ мѣсяцѣ, передъ закрытіемъ лекцій, слухи объ удаленіи курсовъ изъ второй гимназіи подтвердились, а вмѣстѣ съ этимъ увеличились и хлопоты, лежавшія на г-жѣ Фреймутъ. Возникъ вопросъ о присканіи для курсовъ новаго помещенія.

— Развѣ мы можемъ переѣхать на частную квартиру? говорила одна изъ слушательницъ, у которой собралось нѣсколько знакомыхъ курсистокъ.

— А почему бы и не переѣхать?

— Да по очень простой причинѣ: разъ—денегъ нѣтъ; во-вторыхъ... Впрочемъ, «во-вторыхъ» и говорить нечего: если денегъ нѣтъ, то и плановъ подобныхъ строить нельзя.

— Неправда. Мы можем похлопотать и намъ кто-нибудь дастъ даровое помѣщеніе.

— Положимъ, еслибы и явились такіе благодѣтели — хотя я этому не особенно вѣрю—но и тутъ возникаютъ довольно солидныя препятствія: намъ министерство не дозволить перебираться на частную квартиру. Да и потомъ: чѣмъ гарантированы мы на частной квартирѣ отъ вмѣшательства любого — не говорю уже квартального, а даже будочника? Частная квартира для насъ— это самый глупѣйшій, самый безразсудный рискъ!

— Рисуемъ мы или нѣтъ, а все же частная квартира останется для насъ единственнымъ исходомъ. И я лично вовсе не вижу тутъ гибели для курсовъ; мнѣ, напротивъ, представляется...

Но рѣчь молоденькой, еще неопытной, увлекающейся курсистки была прервана приходомъ новаго лица.

— Нѣтъ, удачи нѣтъ!.. проговорила, едва переводя духъ, вошедшая слушательница. Она быстро сняла съ себя шляпу, нервно бросила ее на роаяль и въ изнеможеніи опустилась на кресло.

— Ну что же? что? мигомъ обступили ее всѣ курсистки.

— Въ третьей гимназій въ помѣщеніи отказали. Директоры сказали, что самъ онъ лично не противъ курсовъ, но дать имъ помѣщеніе у себя безъ формальнаго разрѣшенія со стороны г. попечителя московскаго учебнаго округа не можетъ...

— На чемъ же теперь остановилась Фреймутъ?

— Пойдетъ къ попечителю?

— Нѣтъ; она хочетъ обратиться въ городскую думу. А если и тамъ получить отказъ, то въ школу живописи, которая помѣщается у Страстного бульвара, въ домѣ Римско-Корсакова.— Начались новыя предположенія, каждая высказывала свое.

Такого рода сборища и толки о присѣнаніи новаго помѣщенія для курсовъ велись почти все лѣто.

Въ сентябрѣ слушательницы узнали, что, послѣ всѣхъ хлопотъ г-жи Фреймутъ и другихъ курсистокъ, по приказу г. попечителя ихъ курсы переносятся въ зданіе третьей мужской гимназій, которая находится на Лубянкѣ. Отсюда и самыя курсы, въ отличіе отъ выспихъ курсовъ г. Герье, съ 1872 года получили между слушательницами прозваніе «лубянскихъ» и именуются такъ до настоящаго времени.

Перебравшись со второго академическаго года въ третью гимназію, слушательницы, не желая утруждать новаго директора, г. Малиновскаго, дѣлами курсовъ, хотѣли удержать къ нему то же отношеніе, какое установилось за послѣднее время къ директору второй гимназій. Но г. Малиновскій самъ пожелалъ встать къ курсамъ поближе. Онъ взялъ на себя трудъ посѣщать лекціи новыхъ преподавателей, пожелалъ кассу курсовъ хранить у себя, сталъ входить во внутреннія дѣла и интересы курсовъ съ добрымъ желаніемъ помочь имъ. Понятно, что всѣ хлопоты и заботы о курсахъ слушательницы оставили за собой и, не желая стѣснять г. Малиновскаго ежедневнымъ присутствіемъ на кур-

сахъ, попросили его, согласно уставу, назначить кого-нибудь изъ надзирателей гимназій, которому бы онъ довѣрилъ надзоръ за порядкомъ курсовъ. Г. Малиновскій назначилъ г. Вердана, который ежедневно являлся и является въ гимназію въ часы лекцій, а также приходитъ въ часы общихъ собраній.

Общія собранія съ этихъ поръ стали правильно назначаться каждый мѣсяцъ. На этихъ собраніяхъ обыкновенно читался всѣмъ слушательницамъ отчетъ по дѣламъ кассы, рѣшались вопросы о выборѣ преподавателей, о числѣ часовъ на каждый предметъ, о способѣ отысканія средствъ къ поддержанію курсовъ, объ увеличеніи или уменьшеніи платы со слушательницъ, о допущеніи даровыхъ, о необходимости оказать нѣкоторымъ слушательницамъ пособіе и т. д.

Всѣ положенныя на собраніи рѣшенія, какъ уже было сказано, должны были приводиться въ исполненіе г-жей Фреймутъ. Не имѣя никакой возможности со всѣми дѣлами справляться одной, она предложила слушательницамъ произвести новые выборы четырехъ распорядительницъ, и съ этою цѣлью назначила собраніе 30-го октября въ зданіи гимназій. Собраніе она открыла рѣчью, въ которой указала на необходимость избрать изъ среды слушательницъ еще нѣсколько распорядительницъ.

Но прежде чѣмъ приступить къ акту избранія, она старалась обратить вниманіе присутствующихъ на тѣ качества, которыми, по ея мнѣнію, должны отличаться лица, выбираемыя въ распорядительницы.

...«Вотъ уже почти годъ, какъ я исполняю обязанность распорядительницы, сказала она.—Личный опытъ показалъ мнѣ, что эта должность требуетъ большого самообладанія, большого запаса хладнокровія. Обязанность распорядительницы, какъ она ни мелка въ сущности, требуетъ большой затраты времени. Потому я совѣтовала бы вамъ при настоящихъ выборахъ не упускать изъ вниманія того обстоятельства, что выбираемое вами лицо должно быть человѣкомъ свободнымъ, которому бы возможно было безъ ущерба для себя посвящать большую долю своего времени курсамъ. Притомъ слушательница, выбираемая въ распорядительницы, должна непременно имѣть извѣстный достатокъ, который бы позволялъ ей производить изъ собственнаго кармана мелкіе встрѣчающіеся расходы, какъ на примѣръ, на извозчиковъ, на письма и т. д.». Слѣдуя примѣру г. Королева, она указала также и на лицъ, которыя, по ея мнѣнію, болѣе или менѣе отвѣчали высказаннымъ требованіямъ. Въ заключеніе своей рѣчи, она упомянула о тѣхъ заявленіяхъ, которыя ей, какъ распорядительницѣ, дѣлались со стороны слушательницъ въ продолженіи года. «Многія, сказала она:—не разъ выражали желаніе положить распорядительницѣ извѣстное вознагражденіе за принятый на себя трудъ; другія настаивали освободить ее отъ всякаго взноса за слушаніе лекцій, что въ сущности одно и то же. Что касается до меня, то я стою противъ всякой оплаты

за такой трудъ; тутъ платы быть не должно: распорядительница служить не лицамъ, а идеѣ, а за это заплатить нельзя!».

Рѣчь ея выслушали со вниманіемъ, воспользовались указаніемъ на лицъ, какъ и при первыхъ выборахъ; но указанныя ея атрибуты распорядительницъ—излишекъ свободнаго времени и свободныхъ денегъ—впослѣдствіи оказались вовсе не такъ важны и необходимы, какъ казались въ этотъ первый годъ, когда на курсахъ была только одна распорядительница; впослѣдствіи большею частью приходилось ихъ выбирать изъ людей занятыхъ, напримѣръ, учительницъ гимназій, которыя, какъ извѣстно, никогда не бываютъ особенно богаты ни пустымъ временемъ, ни деньгами.

При настоящихъ выборахъ баллотировали въ числѣ четырехъ также и г-жу Фреймутъ и, конечно, выбаллотировали. Впослѣдствіи, число распорядительницъ пришлось увеличить еще тремя, изъ которыхъ одна назначалась въ кассирши. Форма выборовъ осталась почти та же, что была при г. Королевѣ. Обыкновенно всѣмъ присутствовавшимъ раздавались бумажки, на которыхъ онѣ должны были написать столько фамилій, сколько выбиралось распорядительницъ. Когда переставали скрипѣть перья и карандаши, одна изъ распорядительницъ обирала у всѣхъ билетки съ фамиліями и со всѣмъ этимъ ворохомъ бумагъ усаживалась у большой черной доски, громко читала выставленныя фамиліи, между тѣмъ, какъ другая распорядительница, или просто кто-нибудь изъ слушательницъ, записывала ихъ крупными буквами на доскѣ съ обозначеніемъ при каждой фамиліи числа голосовъ, какое пришлось на ея долю.

Со второго академическаго года было положено правило выбирать распорядительницъ на годъ, а выборы производить ежегодно въ декабрѣ мѣсяцѣ. По опредѣленію общаго собранія, всѣ заботы о курсахъ распорядительницы дѣлили между собой по взаимному соглашенію. Онѣ должны были по очереди дежурить на курсахъ, т. е. являться вечеромъ въ учительскую, принимать подписку, слѣдить за числомъ лекцій преподавателей, расплачиваться съ ними за лекціи, записывать въ книгу неудовольствія слушательницъ на какіе-нибудь безпорядки, принимать для передачи на общее собраніе возникающіе вопросы и т. д. Послѣдніе въ первое время встрѣчались очень часто; что ни день, то возникалъ новый вопросъ и незнаніе, какъ рѣшить его, какъ поступить. Напримѣръ, является слушательница, которая только вчера или третьяго дня записалась на лекціи какого-нибудь предмета, и проситъ вернуть ей внесенныя деньги назадъ, такъ какъ сегодня она взяла мѣсто въ гувернантки и должна уѣхать изъ Москвы, или потому, что ей подвернулся новый урокъ, часы котораго совпадаютъ съ часами лекцій. Распорядительницы рѣшаютъ вопросы безъ общаго согласія слушательницъ не могли; онѣ записывали ихъ въ книгу или просто на словахъ передавали на разсмотрѣніе и рѣшеніе общаго собранія, которое почти всег-

да, не смотря на недостатокъ собственныхъ средствъ, на подобные вопросы отвѣчало: «выдать!», а иногда еще къ этому прибавляло: «если нужно, то дать еще изъ имѣющихся на лицо денегъ займообразно». Если же возникали такіе вопросы, которые требовали немедленного разрѣшенія, въ такихъ случаяхъ распорядительницы устраивали экстренныя собранія, бывавшія всегда по вечерамъ въ промежутки между лекціями, о чемъ, конечно, увѣдомляли за день всѣхъ слушательницъ. Если же вопросъ касался слушательницъ только какого-нибудь отдѣльнаго предмета, то распорядительницы собирали на экстренное собраніе слушательницъ только этого предмета.

Общія ежемѣсячныя собранія обычно бывали по воскресеньямъ, если не ошибаюсь, въ первое воскресенье послѣ перваго числа. Въ первые годы на этихъ собраніяхъ бывало человѣкъ по 80, а затѣмъ мало-по-малу они стали рѣдѣть, какъ и вообще въ послѣднее время стало рѣдѣть число слушательницъ на курсахъ¹; нерѣдко случалось даже, что собранія не могли состояться за малочисленностью присутствующихъ. Это обстоятельство вынудило, наконецъ, установить небольшую цифру—20 слушательницъ—при которой собраніе можно считать дѣйствительнымъ. Начинали собираться обычно часовъ съ 11, собраніе же открывалось въ 12. Въ продолженіи этого часа въ корридорѣ и во всѣхъ классахъ стоялъ неумолкаемый шумъ, говоръ. Въ корридорѣ видѣлись отдѣльныя группы, человѣкъ въ 5, 6. Одна ораторствуетъ, желая склонить большее число слушательницъ на свою сторону при рѣшеніи того или другого вопроса на собраніи, остальные молчатъ, или смиренно соглашаясь съ ораторшей, или, едва сдерживая улыбку, говорятъ ей, что ея ораторское краснорѣчіе не къ чему. Случалось, что тутъ же, въ корридорѣ завязывались пренія и переходили въ несовсѣмъ умѣренный споръ. Въ 12 часовъ всѣ направлялись въ классъ и размѣщались, гдѣ кто находилъ удобнѣе. Тѣ, которыя получили привѣчку говорить на собраніяхъ, не стѣснялись, обычно размѣщались на переднихъ лавкахъ, передъ которыми стоялъ столикъ. На немъ—курсовыя бумаги, письменныя принадлежности и иногда колокольчикъ. Если въ собраніи случались враждующія партіи, то онъ оказывался умѣстнымъ, въ противномъ же случаѣ про колокольчикъ совсѣмъ забывали. Одна изъ распорядительницъ обыкновенно становится у столика, сосчитаетъ всѣхъ присутствующихъ, раздастъ слушательницамъ бумажки съ приглашеніемъ выбрать для настоящаго собранія предсѣдательницу и секретаря. Такъ приступали обычно къ каждому засѣданію. Этотъ непрактичный обычай постоянно избирать предсѣдательницу и секретаря сильно затягивалъ каждое засѣданіе. Понятно, что на ту и на другую должность попадали обыкновенно кто-

¹ Въ 1875 году слушательницъ было 74; въ 1876 г.—103; въ 1877 г.—85; въ 1878 г.—65.

нибудь изъ распорядительницъ: онѣ извѣстны были всѣмъ слушательницамъ, да и сами больше, чѣмъ остальные курсистки, знали всѣ дѣла курсовъ и всѣ вопросы, которые предстояло поднимать на собраніи. Выбранная предсѣдательница садилась у столика, читала протоколъ прошлаго собранія и затѣмъ переходила къ отчету по кассѣ. Нерѣдко бывало, что вопросы, рѣшенные на прошломъ засѣданіи, возбуждали новые толки и споры, которые сильно оттягивали обсужденіе новыхъ, стоящихъ на очереди вопросовъ. Случалось, что для послѣднихъ не хватало времени, такъ какъ все засѣданіе уходило на полное перерѣшеніе вопросовъ прошлаго засѣданія, которые не имѣли никакой гарантіи за то, чтобы ихъ не подвергли таковой же строгой критикѣ и, пожалуй, вторичному перерѣшенію на слѣдующемъ засѣданіи. Но такого рода тормазація случайности бывали на тѣхъ собраніяхъ, гдѣ въ предсѣдательницы попадало лицо, не умѣвшее достаточно ориентироваться въ своей роли. Это бывало, конечно, больше въ первое время, какъ только курсы были оставлены самимъ себѣ. Къ этому же времени относятся и самыя бурныя, шумныя засѣданія, гдѣ нерѣдко съ непривычки общій интересъ смѣшивался съ личнымъ, гдѣ, случалось, у слушательницъ спутывались и сплетались эти оба понятія. Случалось также, что одна какая-нибудь слушательница, умѣющая хорошо и свободно говорить на собраніи, завербовывала на свою сторону всѣхъ, кто относился пассивно или кто не успѣлъ еще освоиться съ дѣлами курсовъ и для кого вся форма курсоваго управленія представлялась еще неожиданной новизной. Само собою разумѣется, что послѣднія, освоившись съ дѣломъ, такъ сказать, разобравшись во всемъ хаосѣ, какой имъ представлялся въ первое время при поступленіи, если успѣвали заинтересоваться этой стороною курсовъ, становились самими дѣятельными лицами, если же нѣтъ—онѣ отстранялись отъ управленія, переставали посѣщать общія засѣданія. Курсы не возлагали на слушательницъ обязательнаго вмѣшательства въ управленіе: оно было вполне добровольное. И нѣкоторыя изъ слушательницъ, не будучи распорядительницами, такъ близко принимали къ сердцу все, что касалось до курсовъ, такъ охотно жертвовали (и теперь жертвуютъ) и временемъ, и здоровьемъ, чтобы помочь въ случаѣ какой нужды и неурядицы, что забывали и объ усталости, и о личномъ безпокойствѣ. Къ числу такихъ лицъ принадлежала г-жа Коленова, бывшая впоследствии въ продолженіи нѣсколькихъ лѣтъ кассиршей. Ей не разъ приходилось брать на себя заботу объ отысканіи матерьяльныхъ средствъ для поддержки курсовъ и почти всегда ея хлопоты бывали успѣшны. Про нее можно сказать, что она совершенно безкорыстно была предана курсамъ въ продолженіи всѣхъ десяти лѣтъ со времени ихъ основанія и служила имъ такъ, какъ умѣла и могла.

Съ того времени, какъ число постоянныхъ слушательницъ стало уменьшаться, когда многія изъ нихъ стали переходить на

курсы г. Герье или г. Бестужева-Рюмина, или на врачебные въ Петербургъ, съ тѣхъ поръ, какъ для многихъ дубявскіе курсы сдѣлались только временнымъ промежуткомъ—на нихъ можно видѣть постоянные приливы и отливы слушательницъ. Эти приливы и отливы несомнѣнно должны были неблагоприятно отражаться и на управленіи. Нерѣдко стало случаться, что вдругъ въ распорядительницы попадала какая-нибудь новенькая, только-что записавшаяся слушательница. Не зная хорошенько ни устава, ни тѣхъ правилъ, которыя выработаны общими курсовыми собраніями, она, попадая въ предсѣдательницы, предлагала на разсмотрѣніе собранію такіе вопросы, которые давнымъ-давно считались уже рѣшенными, или по молодости лѣтъ—такъ какъ за неимѣніемъ большого выбора при избраніи въ распорядительницы не приходилось быть особенно разборчивыми — она часто забывала о той или другой своей обязанности, что такъ или иначе плохо вліяло и на учебную часть. Чтобы помочь такому горю, нѣкоторыя изъ прежнихъ слушательницъ составили полный уставъ касательно внутренняго управленія курсовъ. Въ этомъ уставѣ онѣ предлагали: устроить конференцію изъ 12 распорядительницъ; ограничить нѣсколько вмѣшательство въ управленіе тѣхъ, которыя еще не успѣли оглядѣться и освоиться съ курсами и т. д. Но этотъ уставъ на первомъ же собраніи потерпѣлъ фіаско: онъ былъ отвергнутъ большинствомъ голосовъ, и курсы остались при прежней неурядицѣ.

Съ второй половины 1878 года въ управленіи курсовъ произошло нѣкоторое измѣненіе. Слушательницы—какъ я говорила—обратились въ этотъ годъ къ преподавателямъ съ просьбой выработать болѣе цѣльную программу для курсовъ по математическимъ и естественнымъ наукамъ. Собравшись для обсужденія программы, преподаватели въ свою очередь предложили слушательницамъ въ видахъ бѣльшей прочности и стойкости для курсовъ допустить ихъ во внутреннее управленіе курсами. Съ этой цѣлью они выразили готовность составить изъ себя конференцію, которая бы обсуждала со слушательницами всѣ вопросы, касающіеся курсовъ, а въ нѣкоторыхъ направляла бы ихъ или даже ограничивала. Къ числу послѣднихъ относились вопросы о выборѣ и смѣнѣ преподавателей. Преподаватели положили, что слушательницы могутъ дѣлать попрежнему ежегодно весной выборъ преподавателей на слѣдующій годъ, но только изъ тѣхъ лицъ, которыя имъ будутъ указаны конференціей. Прежде случалось, что слушательницы, если оставались недовольны преподавателемъ, и если послѣдній этого не замѣчалъ, переставали посѣщать его лекціи, или же, если дотягивали до ваканціи или до другого годичнаго перерыва—святокъ, то не приглашали его съ слѣдующаго полугодія. Конференція преподавателей такой смѣны среди года не допускаетъ; она обязываетъ слушательницъ продержатъ лектора до конца текущаго академическаго года и только весной на слѣдующій годъ выбрать новаго. Въ числѣ

другихъ ограниченій конференція предложила слушательницамъ сократить число своихъ общихъ собраній до 5 въ годъ, не считая, конечно, экстренныхъ.

Не легко было тѣмъ слушательницамъ, которыя помнили старое славное время лубянскихъ курсовъ, поступаться теперь своей полной независимостью и свободой, которая установилась уже обычаемъ и годами; не легко имъ было отдавать ее самимъ въ руки конференціи; но онѣ отдали ее ради будущаго курсовъ, въ надеждѣ получить права, о которыхъ изъявила готовность хлопотать конференція.

Средства курсовъ.

Если посмотрѣть, на какія средства существовали лубянскіе курсы, то можно подумать, что во главѣ ихъ экономическаго управленія стоялъ опытный, домовитый хозяинъ-нѣмецъ, руководившійся своей особой экономіей. Трудно представить, чтобы безъ всякаго основнаго капитала, почти исключительно на взносы слушательницъ, и притомъ—надо замѣтить—слушательницъ изъ небогатаго класса, могла просуществовать школа-въ продолженіи цѣлыхъ десяти лѣтъ! Само собой разумѣется, что она должна была требовать очень и очень немалыхъ затратъ: гонораръ преподавателямъ, устройство физическаго кабинета, химической лабораторіи и т. д. Казалось бы, отерывать школу, требующую такихъ расходовъ, безъ всякаго запаснаго капитала есть непростительный, легкомысленный рискъ. Но тѣмъ не менѣе г. Королевъ рискнулъ—вонецно, въ надеждѣ на нравственную помощь своихъ сослуживцевъ изъ гимназій, а также, навѣрно, считывая и на матерьяльную поддержку со стороны московскихъ богачей. Но въ послѣднемъ онъ сильно ошибся.

Получивъ разрѣшеніе на устройство курсовъ, г. Королевъ тотчасъ отерылъ подписку на лекціи. Назначить большую плату за слушаніе онъ не могъ; напротивъ, даже и ту, какая была имъ опредѣлена—5 р. за годовую часъ—онъ принужденъ былъ въ видахъ удобства для слушательницъ разбить на два взноса: въ октябрѣ и въ январѣ. Если же случилось впоследствии, что какая-нибудь слушательница была не въ состояніи внести въ показанное время и этой маленькой суммы, то впоследствии на общемъ курсовомъ собраніи было положено дѣлать льготы: послѣднимъ срокомъ для взноса платы въ первое полугодіе считались первыя числа декабря, а во второмъ — послѣднія числа марта. Кромѣ того, въ слѣдующій же годъ по открытіи курсовъ были допущены даровыя слушательницы. Получить даровой билетъ на слушаніе курсовъ и въ настоящее время очень легко. Для этого требуется только ручательство или просто заявленіе со стороны двухъ или трехъ слушательницъ о бѣдности—и билетъ тотчасъ выдается на всѣ лекціи. Конечно, между слушательницами въ первое же время нашлись и такія, которыя до-

бровольно предложили нѣсколько лишнихъ рублей въ пользу курсовъ. Такого же рода небольшіе взносы сдѣлали и частныя лица, знакомыя г. Королеву. Такимъ путемъ на курсахъ къ январю мѣсяцу образовался небольшой капиталъ, кажется, около двухъ тысячъ.

На эти деньги надо было оплатить всѣ лекціи преподавателямъ, напечатать билеты, бланки для писемъ, сдѣлать газетныя публикаціи, приплачивать гимназической прислугѣ за пребываніе въ гимназіи по вечерамъ, освѣщать классы во время лекцій, платить надзирателю гимназіи и т. д. И, за всѣми этими расходами въ курсовой кассѣ къ январю мѣсяцу нетолько не оказалось дефицита, а — сверхъ ожиданія — получился остатокъ въ 1309 р. съ какими-то копейками. Въ маѣ этого же года, по уходѣ г. Королева, когда управление курсами перешло въ руки слушательницъ, послѣ второго полугодія имъ пришлось съэкономничать отъ всѣхъ расходовъ 59 р., которые онѣ и приложили къ прошлогоднему остатку. На общемъ собраніи въ маѣ 1870 года онѣ рѣшили всю оставшуюся сумму 1368 р. съ копейками обратить въ запасный капиталъ и внести въ коммерческій банкъ на текущій счетъ.

Но такой экономный расходъ на курсы въ первый годъ ихъ существованія, конечно, можетъ быть объясненъ именно тѣмъ, что каждый предметъ тогда читался по часу въ недѣлю, много по два; физическій кабинетъ существовалъ уже готовый при гимназіи; многіе изъ преподавателей, большинство которыхъ состояло изъ учителей той же гимназіи, брали за часовую лекцію по 3 рубля, а иные и совсѣмъ отказались отъ всякой платы, жертвуя ее въ пользу курсовъ. Такое отношеніе со стороны преподавателей, какъ я уже говорила раньше, встрѣчалось не разъ и въ дальнѣйшіе годы существованія курсовъ. Кромѣ вышеупомянутыхъ лицъ, г. Гиляровъ, читавшій нѣкоторое время русскій языкъ, профессоръ Марковниковъ, читавшій химію, оба отказались отъ платы въ пользу курсовъ, хотя, съ другой стороны, при приглашеніи преподавателей слушательницамъ не разъ приходилось получать отказъ вслѣдствіе малой оплаты за трудъ, назначаемой курсами. Это послѣднее обстоятельство заставило ихъ еще въ 1873 году возвысить оплату за часовую лекцію отъ 4 до 5 рублей, а въ настоящее время она доходитъ до 6 рублей и, кажется, больше.

Съ каждымъ годомъ число лекцій и предметовъ на курсахъ увеличивалось, а вмѣстѣ съ тѣмъ увеличивались и расходы на преподавателей. Число слушательницъ въ первые года было достаточно велико, и потому въ первое же полугодіе 2-го года отъ взноса слушательницъ получился остатокъ въ 758 р. Неопытныя въ дѣлѣ счетоводства, неимѣющія никакой практической сметки, непривыкшія въ подобныя дѣлахъ разсчитывать вдаль, онѣ увлеклись такой большой цифрой остатка и тотчасъ же рѣшили уменьшить на слѣдующее полугодіе взносъ за слу-

шаніе лекцій: вмѣсто 5 р. за годовой часъ, онѣ рѣшили брать со слушательницъ 4 р. Но это была, конечно, большая поспѣшность съ ихъ стороны, въ чемъ онѣ сами должны были убѣдиться въ концѣ этого же академическаго года. Во второе полугодіе число слушательницъ всегда бывало меньше, чѣмъ въ первое, курсовые же расходы никогда не уменьшались, а напротивъ скорѣй увеличивались, какъ это и было во второе полугодіе второго года, о которомъ идетъ рѣчь, когда по разрѣшенію г. министра былъ открытъ курсъ высшей математики, потребовавшій несравненно больше затратъ, чѣмъ другіе. Не имѣя возможности содержать этотъ вновь открывшійся курсъ математики на взносы посѣщавшихъ ихъ слушательницъ, курсы отказались оплачивать ихъ изъ общихъ взносовъ, тѣмъ болѣе, что послѣдніе по уменьшеніи платы за годовой часъ такъ оказались незначительны, что не въ состояніи были покрыть даже обычныхъ курсовыхъ расходовъ. Потому слушательницамъ высшей математики пришлось, кажется, до 1872 года оплачивать самимъ, отдѣльно отъ общихъ курсовыхъ расходовъ, лекціи по высшей алгебрѣ и аналитической геометріи. Чтобы исправить ошибку, сдѣланную въ силу своей неопытности и непрактичности, слушательницы волей-неволей должны были положить большую годовую плату за слушаніе химіи, которая тоже требовала большихъ расходовъ, чѣмъ остальные предметы—на лаборанта, на реактивы, на посуду и т. д.; положено было брать 6 р. за каждый годовой часъ. А въ январѣ 1873 года пришлось снова назначить прежнюю плату за годовой часъ слушанія всѣхъ другихъ предметовъ, т. е. 5 р.; вполнѣдствіи же и она оказалась не достаточна, и ее пришлось увеличить до 6 р. По мѣрѣ того, какъ число слушательницъ уменьшалось, уменьшалось, конечно, и количество ежегодныхъ взносовъ; на курсахъ сталъ появляться дефицитъ. Трогать для покрытія его запасный капиталъ слушательницамъ не хотѣлось, и вотъ онѣ рѣшили съ этою цѣлью устраивать подписки, концерты, литературные вечера и т. д. Послѣдніе устраивались ежегодно великимъ постомъ. Въ нихъ не разъ принимали участіе совершенно бесплатно актрисы московскаго Малаго театра: г-жа Федотова и г-жа Ермолова. Сборы съ этихъ концертовъ, или лучше жертвованія лицъ, посѣщавшихъ концерты, давали возможность покрыть дефицитъ текущаго года и отложить часть на покрытіе будущихъ расходовъ.

Послѣ смерти г. Ломовскаго, слушательницы курсовъ захотѣли открыть подписку на стипендію въ честь покойнаго. Въ этой подпискѣ принимали участіе слушательницы, а также друзья и знакомые г. Ломовскаго. Сбранъ былъ капиталъ, не помню какой. Жертвователи не разъ собирались для рѣшенія вопроса, на что его назначить и куда пристроить. Послѣ долгихъ совѣщаній рѣшили его положить въ коммерческой банкѣ съ тѣмъ условіемъ, чтобы курсы пользовались съ него процентами во все время своего существованія; если же въ случаѣ курсы когда-нибудь перестав-

нуть существовать, то распорядиться помѣщеніемъ этого капитала въ другое мѣсто могутъ только лица, основавшіа его.

Впослѣдствіи, когда Струсбергъ и компанія такъ безцеремонно подшутили надъ коммерческимъ банкомъ, отъ этой шутки плохо пришлось и курсамъ: они сильно приуныли, прощаясь съ своимъ маленькимъ запаснымъ капиталомъ, а также и съ капиталомъ «памяти Ломовскаго». Но г-жа Фреймутъ, которая болѣе другихъ стояла за помѣщеніе обоихъ капиталовъ въ коммерческой банкъ, успокоивала курсы, гарантируя деньги, въ случаѣ потери, своими собственными средствами. Она много хлопотала по этому дѣлу, и ея хлопоты увѣнчались успѣхомъ — ей удалось вернуть капиталъ изъ погибшаго банка. Ея же хлопотамъ курсы обязаны субсидіей отъ г-на Бостонжогло, который ежегодно выдавалъ на поддержаніе курсовъ 500 р. с.

Разсчитывая когда-нибудь основаться прочно, курсы слишкомъ бережно относятся къ тѣмъ небольшимъ вѣрокамъ, которыя имъ удалось сберечь; они не дотрогиваются до нихъ, и по силѣ возможности увеличиваютъ ихъ каждый годъ. Но для того, чтобы имъ прочно установиться, задержка представляется не въ деньгахъ: деньги бы нашлись и, какъ слышно, нашлись бы довольно большія и крупныя, еслибы только г. министръ утвердилъ поданную черезъ совѣтъ московскаго университета новую программу курсовъ и далъ бы имъ права.

Что дали курсы и чего ждутъ отъ нихъ.

Давно, лѣтъ восемь тому назадъ, когда общія собранія курсовъ бывали шумны и многолюдны, когда на лекціяхъ собиралось по 40—50 человекъ, еще тогда слушательницы дѣлали попытку подвести итогъ тому, что дали имъ курсы въ продолженіи двухъ лѣтъ.

Прекрасно освѣщенный залъ, направо и налево виднѣется нѣсколько большихъ комнатъ—гостинная, столовая, кабинетъ... Въ гостинной мягкая мебель, такая уютная, что такъ и манитъ къ себѣ, такъ и тянетъ усѣсться со всѣмъ комфортомъ. Во всѣхъ комнатахъ горятъ большія матовыя лампы... То былъ обычный пріемный день въ домѣ одной изъ достаточныхъ курсистокъ. Въ комнатахъ еще пусто, никого нѣтъ, и только горничная, вмѣстѣ съ старушкой няней, хлопчатъ въ столовой около чаю.

Въ передней раздался громкій продолжительный звонокъ, какой слышится обычно только тогда, когда звонятъ сами хозяева, или если поблизости случился пожаръ.

Няня засуетилась, зачѣмъ-то схватила полотенце, висѣвшее на стулѣ, и побѣжала отпирать.

— Пожалуйте, пожалуйста, говорила она, широко растворивъ двери и умильно улыбаясь.

Въ переднюю ворвались звонкіе, молодые голоса. Вошла молод.

денька хозяйка и за ней человекъ пять молодыхъ дѣвушекъ. Онѣ пришли прямо съ курсовъ, всѣ были очень оживлены.

Хозяйка пробѣжала черезъ столовую въ дальнія комнаты, а молодые дѣвушки направились въ гостинную. Одна подошла къ роялю, взяла аккорды и что-то начала напѣвать, а другія усѣлись группой на круглый диванчикъ вокругъ столика.

Онѣ были подъ впечатлѣніемъ курсовъ.

— Ну вотъ, сказала одна довольно бойкая и живая курсистка, принявши позу музыканта и разыгрывая на столѣ что-то въ родѣ прощальнаго марша:—сегодня послѣдняя лекція, и всѣ мы опять разоидемя надолго, надолго, на цѣлые четыре мѣсяца, до слѣдующаго октября, протянула она заувнвно послѣднее слово.

— Что-жъ? развѣ намъ будетъ особенно жаль другъ друга? развѣ мы ужъ особенно другъ къ другу привязались? сказала молоденькая, хорошенькая блондинка, разсматривая валявшійся на столѣ № «Недѣли».

— Если мы не привязались, то привязались другія. Посмотрите, какъ въ эти два года сплотились между собой наши математики! Когда смотришь на нихъ, то думаешь, что это родныя сестры. Ихъ сплотилъ общій интересъ, постоянныя занятія вмѣстѣ. Я вѣрю въ то, что между ними связь останется и тогда, когда онѣ уйдутъ съ курсовъ.

— Ну и только эти пять, шесть человекъ?

— Нѣтъ, вы относитесь какъ-то черезчуръ скептически и недоувѣрчиво, сказала высокая, довольно крѣпко сложенная брюнетка.—Не однѣ математики составляютъ на курсахъ сплоченную группу: здѣсь же встрѣтились и сошлись между собой и еще нѣсколько группъ. И всѣхъ ихъ связываетъ какой-нибудь общій интересъ: любовь къ какому-нибудь предмету, къ какимъ-нибудь общимъ занятіямъ. Я видѣла, какъ съѣхавшіяся съ разныхъ концовъ Россіи: одна изъ Смоленска, другая изъ Рязани, третья еще откуда-то—всѣ онѣ познакомились между собой. Связующимъ элементомъ для нихъ явилась медицина и одно общее желаніе—добиться поступленія въ академію или въ университетъ.

Но скептически относящаяся блондинка и тутъ нашлась:

— Ужъ курсы тутъ не причемъ, онѣ бы и безъ курсовъ сошлись.

— А гдѣ-же бы это? сказала нѣсколько насмѣшливо бойкая курсистка.—Развѣ вы не помните наши первыя общія встрѣчи въ гимназіи? Развѣ не помните, какъ мы тогда относились другъ къ другу? Когда это и гдѣ могли бы мы вотъ такъ, за-просто, положивши ноги на диванчикъ, бесѣдовать другъ съ другомъ?.. Подумайте хорошенько! Вы сто разъ не правы!

— Понимаю, понимаю! вы хотите подвести итогъ благимъ результатамъ двухлѣтняго существованія курсовъ? Такъ ужъ ищите ихъ скорѣй въ учебной сторонѣ, тамъ они замѣтнѣе и существеннѣе. Тамъ результаты видны, я съ вами согласна.

— Только этого не доставало, чтобы вы и тамъ ихъ не за-

мѣтили, мой милый человѣкъ, сказала, хлопая ее по плечу, бойкая курсистка.—И вы вѣдь навѣрно слышали, говорила она, улыбаясь:—что двѣ или три изъ поступившихъ на курсы уже сдали вышней весной экзаменъ на домашнюю учительницу, избравъ главнымъ предметомъ математику? Слышали вѣдь—да? За это и вы курсамъ скажете спасибо?

— Да, тутъ и я скажу; только вы сидите помирнѣе и не особенно восторгайтесь.

— За математику я имъ тоже говорю большое спасибо, сказала высокая блондинка.—Они дали мнѣ возможность пройти весь гимназическій курсъ довольно основательно, а для меня это очень важно и очень нужно.

— Вы ужъ не скрывайте, прервала ее бойкая курсистка:—мы знаемъ, зачѣмъ вамъ нужна математика, вѣдь вы мечтаете о поступленіи на медицинскій факультетъ. А я, хоть не мечтающая о великихъ степеняхъ, также съ благодарностью отношусь... ну хоть за чтеніе тѣхъ предметовъ, которые я слушаю.

— А вы что слушаете?

— Исторію, русскую исторію. На курсахъ у меня хоть нѣсколько осмыслились тѣ отрывочныя разбросанныя знанія, которыя нанизались въ школѣ. Напримѣръ, вопросы о развитіи государственной власти на Руси, о причинахъ паденія Новгорода... Прежде все это было какъ-то въ туманѣ, а теперь осмыслилось, стало ясно, свѣтъ проглянулъ...

— Будетъ вамъ толковать о свѣтѣ и тѣмѣ, сказала быстро вошедшая хозяйка.—Пойдемте лучше чай пить. И съ этими словами она взяла говорившую дѣвушку подъ руку.

— Уведите ихъ, уведите, закричала сидѣвшая у рояля. Онѣ мнѣ такъ надоѣли съ своей математикой, съ своимъ Новгородомъ—мало имъ курсовъ, онѣ и здѣсь продолжаютъ тѣ же разговоры.

— Успѣете, объ этомъ успѣете еще наговориться, а теперь пойдемте чай пить.

И всѣ двинулись въ столовую.

Такъ высказывались сами слушательницы о результатахъ двухгодичнаго существованія курсовъ.

Да, курсы сдѣлали свое дѣло, сослужили ту службу, какую возлагали на нихъ при открытіи. Учительница, вступающая на педагогическое поприще прямо со школьной скамьи, имѣла съ открытіемъ курсовъ полную возможность не только пополнить тѣ пробѣлы, которые она замѣчала въ своихъ знаніяхъ, но и расширить свои свѣдѣнія по естественнымъ и математическимъ наукамъ. Оканчивая курсъ въ какомъ-нибудь среднемъ учебномъ заведеніи и имѣя въ виду со временемъ поступить на женскіе врачебные курсы, она за сравнительно небольшую плату, а то и даромъ, могла пріобрѣсти здѣсь тѣ знанія математики и физики, которыхъ у нея не доставало по выходѣ изъ школы. И потому очень многія дѣвушки, захвативъ здѣсь нужныя для нихъ

свѣдѣнія, уходили на врачебные курсы, гдѣ въ настоящее время успѣшно продолжаютъ свои занятія, а нѣкоторые изъ нихъ уже кончили на врачебныхъ курсахъ и вступили на поприще практической медицины. Другія изъ слушательницъ лубянскихъ курсовъ выдержали экзаменъ на домашнюю учительницу и подвизаются на педагогическомъ поприщѣ, открыли школы, пансіоны. Благодаря лубянскимъ курсамъ, въ Москвѣ появилось нѣсколько хорошихъ учительницъ математики, прекрасно знающихъ свой предметъ.

Да, повторяю, лубянскіе курсы сдѣлали свое дѣло, они дали то, что отъ нихъ требовалось когда-то, давно, когда во всей Россіи, кромѣ петербургскихъ аларчинскихъ, никакихъ другихъ женскихъ курсовъ не существовало. То было дѣйствительно давно—десять лѣтъ тому назадъ! Въ эти десять лѣтъ много—много воды утекло: во всѣхъ провинціальныхъ университетскихъ городахъ открылись женскіе курсы, открылись высшіе курсы въ обѣихъ столицахъ, открылись педагогическіе курсы и наконецъ врачебные въ Петербургѣ. И съ лубянскихъ курсовъ начинается мало по малу прогрессивный отливъ слушательницъ. Отчего? Пусть опять сами слушательницы выясняютъ причину.

— Что-же вы записались на курсы? спрашиваетъ одна изъ прежнихъ слушательницъ, встрѣтивъ на улицѣ знакомую курсистку, которая шла съ какой-то молоденькой дѣвушкой.

— Нѣтъ, не записывалась, отрицательно покачала она головой:—времени нѣтъ, да и не вѣкъ же быть курсисткой! Помните, на лубянскихъ курсахъ можно слушать десять, лѣтъ, и все до конца курса не дойдешь: то преподавателя нѣтъ, то въ слушательницахъ недостача...

— Неправда, теперь тамъ преподаватели постоянные... Какъ видно, вы уже не стоите такъ за лубянскіе курсы, какъ было прежде?

— Въ томъ видѣ, въ какомъ они существуютъ—нѣтъ, не стою и процвѣтанія имъ не желаю.

— Что-же такъ? Вѣдь они и прежде представляли тѣ же недостатки, а пожалуй даже и худшіе.

— Можетъ быть, но за то тогда и требованіе отъ нихъ было иное, чѣмъ теперь.

— Стало быть, тутъ уже вина наша, а не курсовъ.

— Причемъ тутъ вина, и какая вина? Прежде, когда мы чувствовали полнѣйшій голодъ, мы рады были и черствымъ сухарямъ; когда же отыскиали такія лавочки, гдѣ продаютъ свѣжій хлѣбъ, что намъ за nevoля ходить за черствыми сухарями?

— Я васъ плохо понимаю.

— Да вотъ, спросите у этой юницы, отчего она не посѣщаетъ лубянскихъ курсовъ, сказала она, указывая на молоденькую дѣвушку.

— Мало ли какія; могутъ быть причины, которыя не дозволяютъ...

— Нѣтъ, я могла бы ходить на курсы, перервала молоденькая дѣвушка:—но я не хожу.

— Отчего? Вы думаете, что не услышите тамъ ничего новаго? Въ такомъ случаѣ вы очень ошибаетесь...

— Я этого вовсе не думаю. Напротивъ, судя по тѣмъ отдѣльнымъ лекціямъ, на которыя я туда заходила раза два изъ любопытства, я вижу, что зоологія, ботаника, химія и математика—такъ какъ онѣ тамъ преподаются—даютъ очень и очень много новаго...

— Значить, вы не интересуетесь естественными науками?

— Напротивъ, я ихъ очень люблю и была бы очень рада основательно познакомиться съ ними.

— Ну и что-же? Что вамъ мѣшаетъ?

— Изучать ихъ только ради удовольствія я не могу.

— У васъ нѣтъ средствъ? Но для того, чтобы посѣщать курсы, вовсе не требуется большихъ средствъ.

— Она, какъ видно, ничего не понимаетъ! вмѣшалась опять знакомая курсистка, которая все время стояла молча и улыбалась.—Дѣло ясно, какъ Божій день: ну поступить она на лубянскіе курсы, поступить, конечно, не съ тѣмъ, чтобы только ходить ради пріятнаго препровожденія времени и того самообмана, которому въ прежнее время поддавалось большинство изъ насъ—ходимъ, бывало, на курсы, и думаемъ, что дѣло дѣлаемъ. Она поступила бы съ тѣмъ, чтобы заниматься, пройти тамъ полный трехгодичный курсъ. Сколько бы силъ она должна была затратить въ эти три года? Какъ вамъ кажется? Да ровно столько, сколько бы ей хватило на 6 лѣтъ даванья уроковъ. Вѣдь она, кромѣ усиленныхъ занятій на курсахъ и дома, въ это же время должна бы была затрачивать силы на то, чтобы кушать, т. е. давать уроки, да, кромѣ того, должна бы была прихватить одинъ или два лишніе урока, чтобы имѣть возможность купить необходимые для занятій книги, чтобы оплатить за занятія въ химической лабораторіи и т. д. и т. д.

— Будто ей одной приходится такъ? перервала ее нѣсколько нетерпѣливо прежняя курсистка.

— Такъ развѣ отъ этого легче, что также приходится не ей одной? Въ этомъ-то и печальное положеніе!

— Ну и по вашему при такомъ положеніи надо сложить руки? Постыться въ даванье уроковъ—и конецъ!

— Вы слишкомъ поспѣшны на выводы, вы не дали мнѣ докончить.

— Я вовсе не сижу сложа руки, вскользь проговорила молодая дѣвушка, выказывая нетерпѣніе отъ такого длиннаго разговора.

— Скорѣй мы съ вами, посѣщая курсы, сидѣли сложа руки, а она не сидитъ... Погодите, не перерывайте, да и не обижайтесь. Я вамъ безъ всякой обиды выясню, что она поступаетъ много разумнѣе насъ. Опытъ и несчастная судьба многихъ изъ нашего

поволѣнія, зараженного когда-то идеализмомъ, заставили ее прежде обдумать, а потомъ шагнуть, а мы, вѣдь, привыкли дѣлать какъ разъ наоборотъ... Не обижайтесь: говоря мы, я разумѣю и себя. Ну вотъ она-то теперь, это молодое-то поколѣніе, и рассчитываетъ: еслибы она поступила на лубянскіе курсы, проработала бы тамъ три года, положимъ, приобрѣла бы тамъ нѣкоторыя основательныя знанія, при этомъ затратила бы съ эти три года вдвое или втрое силъ. Что же предстояло бы ей впереди по прошествіи этихъ трехъ лѣтъ? Продолжать занятія ботаникой и зоологіей для собственнаго удовольствія? О, она не прочь отъ этого! Она бы была очень рада, еслибы это было возможно. Но дѣло въ томъ, что прежде всего надо кушать. Облегчается-ли хоть сколько-нибудь возможность кушать послѣ трехъ лѣтъ усиленнаго труда? Конечно, нѣтъ...

— Какъ нѣтъ? Вѣдь, знаній у нея теперь больше?

— Да куда же она пойдетъ съ ними? гдѣ приложить ихъ? На сколько она знала ботанику по выходѣ изъ гимназіи, на столько ей и достаточно, чтобы преподавать въ элементарныхъ школахъ или въ низшихъ классахъ гимназіи, а что сверхъ того, то излишняя роскошь. Когда это и гдѣ ей придется воспользоваться тѣми знаніями зоологіи, различными научными теоріями, гипотезами, съ которыми она познакомится на курсахъ? — Вотъ вы теперь сами не находите, что отвѣтить; сознали, что не правы.

— Совсе нѣтъ; я не могу стать на вашу точку зрѣнія: если нельзя знанія приложить, если нельзя изъ нихъ выжать копейки, то—по вашему выходитъ: ихъ и имѣть не надо.

— Ахъ! Боже ты мой! Да поймите вы меня, какъ слѣдуетъ, какъ нужно. Я говорю, что бѣднымъ людямъ приобрѣтеніе знаній обходится не дешево; платиться такъ дорого за нихъ не слѣдуетъ, если они не облегчаютъ возможности кушать сытнѣе.

— Но вѣдь все равно, если она и не пойдетъ на лубянскіе курсы, кушать сытнѣе она не будетъ?

— Нѣтъ, будетъ. Она пойдетъ на курсы, только не на лубянскіе, пойдетъ на такіе, которые хотя и возьмутъ у нея силъ, здоровья, времени, можетъ быть, вдвое больше, но за то впереди дадутъ возможность лучшаго заработка, лучшее матеріальное обеспечение—я говорю про медицинскіе курсы. Они черезъ 5 лѣтъ труда рисуютъ лучшую перспективу.

— Такъ ей тѣмъ болѣе слѣдуетъ воспользоваться лубянскими курсами: тамъ она можетъ подготовиться изъ математики и физики.

— Ну, лубянскіе курсы и эту службу свою ужь отслужили. Этой особѣ теперь 20 лѣтъ, сказала она, указывая на молоденькую дѣвушку.—Поступить въ академію она хочетъ на будущій годъ. Въ одинъ годъ на лубянскихъ курсахъ гимназической курсъ математики и физики не проходитъ; тамъ онъ растягивается на 2 года; а ей тянуть не рука. Да при томъ, ея теперешнія

знанія математики вовсе ужъ не такія жалкія, какія были у насъ съ вами по выходѣ изъ школы. Ей удобнѣе взять какого-нибудь студента математики урочевъ на 10, чтобы провѣрить себя и выяснитъ непонятное. Вотъ вамъ и замѣна *вашихъ* курсовъ съ этой стороны.

— Они на столько же ваши, на сколько и мои...

— Вы не обижайтесь, вѣдь я шучу.—Однако, прощайте... Мы до неприличія долго зарпортовались.

И пожавши дружески другъ другу руки, онѣ разошлись.

Вотъ и отвѣтъ на поставленный вопросъ: почему въ настоящее время лубянскіе курсы насчитываютъ у себя слишкомъ мало слушательницъ? Безъ надежды на полученіе правъ затрачивать три года усиленнаго труда на курсахъ въ настоящее время могутъ очень немногія женщины: жизнь со стороны экономической давитъ ихъ все сильнѣй и сильнѣй; она съ каждыиъ годомъ позволяетъ имъ все меньше и меньше заниматься ради удовольствія, ради наслажденія, хотя бы и наукою. — Но пусть курсы получать систематичную программу, пусть имъ дадутъ права— и тогда тотчасъ окажется громаднй наплывъ на нихъ. Тогда будетъ возможно установить вступительные и переходные экзамены, а вмѣстѣ съ тѣмъ и имѣть постоянныхъ слушательницъ. Все это, конечно, разомъ бы уничтожило тѣ неудобства, которыя происходятъ на курсахъ отъ разношерстности слушательницъ, а также и положило бы полный конецъ всѣмъ неурядицамъ, связаннымъ съ постоянными приливами и отливами. Тогда не зачѣмъ бы было москвичкамъ стремиться на математическое и естественное отдѣленіе курсовъ г. Бестужева-Рюмина и наводнять собою Петербургъ, и безъ того обильный молодежью.

Некрасова.

1879 г. 30-го августа.

МЕРТВАЯ ПЕТЛЯ.

«Стоять мужик—колышется,
Идет мужик—не дышется!
Съ коры его распучило,
Тоска—бѣда измучила».

Некрасовъ.

Голодь—болѣзни, болѣзни—голодь, вотъ обычные вѣсти «изъ деревни» въ нашемъ краѣ за послѣдніе три-четыре года. «Бѣда бѣду родить», говоритъ обыкновенно нашъ народъ про свое безысходное и безконечное горе, про которое, надо признаться, трудно молвить что-либо иное, болѣе разумное, при настоящемъ состояніи крестьянскаго хозяйства. Неурожай, напимѣрь, хлѣба заставляеть нашего крестьянина продавать за безцѣновъ скоть, который доставляетъ единственное удобрение малопродуктивной почвѣ, по каковой причинѣ послѣдняя напередки будетъ родить хлѣбъ, само собой, еще хуже, что, въ свою очередь, должно понизить и безъ того малый подсобный заработокъ, благодаря увеличенному предложенію труда; недостаточность заработка и неурожай хлѣба произвести голодуху, а эта—болѣзни, т. е. огромную, непродуцательную потерю рабочаго времени и ослабленіе силъ и новую большую воспримчивость къ новымъ заболѣваніямъ. Тоже, конечно, будетъ съ этимъ уже надломленнымъ крестьянскимъ хозяйствомъ, если толчекъ къ разрушенію будетъ ему данъ и другой какою-либо бѣдой: падежемъ скота, продажей его за недоимки и подати, или «полежкой работниковъ», или рекрутчиной — все дѣло здѣсь во времени разрушенія. Что это такъ, а не иначе, подтверждать нижеслѣдующіе факты, которые вмѣстѣ съ тѣмъ должны сказать и о конечномъ звѣнѣ крестьянской бѣды. Невѣрующимъ въ это критическое и въ безвыходное положеніе крестьянскаго хозяйства мы скажемъ одно, что можно только сказать въ данномъ случаѣ: «прійдите и посмотрите!»; современнымъ же фарисеямъ, которые «и видя — не видятъ, и слыша — не слышатъ, и которые не хотятъ разумѣть», что имъ можно сказать и что можетъ ихъ вразумить? Въ прошедшее лѣто въ большинствѣ волостей Орловскаго уѣзда не родилась рожь, такъ какъ озимь осенью 1877 г. во многихъ мѣ-

стахъ уничтожалась червемъ, весной же 1878 г., благодаря непрерывнымъ дождямъ, на низкихъ мѣстахъ вымокла, а на болѣе высокихъ — малоудобренная почва не могла противостоятъ противъ сорныхъ травъ, почему всюду, вмѣсто ржи, родилась метлица, такъ что съ овина молотилось отъ 1 до 2 пуд. и въ лучшемъ отъ 5 до 8 пуд. Въ иныхъ мѣстахъ крестьяне не собрали сѣмень, да кромѣ того бѣднякамъ пришлось начать жать рожь на ѣду еще незрѣлую, такъ какъ ѣсть положительно было нечего да и добыть-то было негдѣ (намъ извѣстны случаи питанія крестьянъ «кисленицей» и «пестивами»); на сѣмена рожь пришлось купить или прикупить, продавая, конечно, за-дешево единственное свое движимое имущество — скотъ. Во второй половинѣ юля прошлаго года, во время посѣва, на сельскихъ базарахъ можно было видѣть въ продажѣ даже «нетельный» скотъ. Приговоры же сельскихъ обществъ относительно выдачи ссуды на обсѣменение, какъ намъ передавалъ одинъ орловскій земецъ, по особому содѣйствію мѣстной полиціи, поступили въ управу, когда уже прошло время посѣва, а ихъ еще нужно было, чтобы имѣть право выдать ссуду, провѣрить на мѣстѣ члену управы, а затѣмъ отослать для провѣрки въ губернскую управу, какъ того требуетъ законъ, 21-го мая 1874 г., такъ какъ ссуду пришлось бы просить изъ губернскаго продовольственнаго капитала. Въ хлѣбныхъ запасныхъ магазинахъ, какъ видно изъ доклада орловской управы «по продовольственной части» нынѣшнему очередному земскому собранію XII сессіи, во всемъ уѣздѣ на лицо состояло: 1988 четвертей озимаго и 2779 четвертей ярового почти на 200,000 человѣкъ обоого пола населенія уѣзда, т. е. по пяти фунтовъ ржи и около этого ярового на каждого человѣка; въ недоимкѣ же по ссудамъ числятся: 107,668 четвертей озимаго и 40,844 четвертей ярового, такъ что во многихъ запасныхъ магазинахъ по нѣскольку дѣтъ нѣтъ уже ни зерна, и земцы ихъ зовутъ «безхлѣбными». Яровые хлѣба въ прошедшій годъ родились соломой удовлетворительно, но умолотомъ не превышаютъ средняго урожая, т. е. самъ 3—4, а въ иныхъ мѣстахъ Левинской, Кольковской и Коврижской волостей и яровые были плохи—самъ 2 и самъ 2½. Кромѣ того, яровыхъ, по неимѣнію сѣмень (1877 г., какъ увидимъ ниже, былъ также тяжелый), было посѣяно меньше обыкновеннаго, хотя и безъ того посѣвъ ихъ не превышаетъ 10 пуд. на ревиз. душу. Но дѣло въ томъ, что величина бѣдствія отъ неурожая обусловливается тѣмъ уровнемъ экономическаго положенія населенія, въ какомъ оно находилось до этого. Имѣя массу матерьяла подъ рукой объ экономическомъ положеніи населенія Орловскаго уѣзда, мы на этотъ разъ ограничимся передачей вкратцѣ содержанія двухъ записокъ, «объ экономическомъ положеніи населенія» членовъ орловской зем. управы гг. Булычева и Короваева, представленныхъ ими на разсмотрѣніе бывшаго очереднаго уѣзднаго собранія, а затѣмъ переданныхъ послѣднимъ на разсмотрѣніе губернскаго земскаго

собрания въ виду ходатайства орловскаго земства о ссудѣ въ 100,000 р. на продовольствіе населенія и на обмѣненіе яровыхъ полей въ 1879 г. по случаю вышеупомянутаго неурожа я ржи въ прошедшее лѣто. Въ этихъ запискахъ гг. Булычевъ и Короваевъ передаютъ результаты своего подворнаго изслѣдованія трехъ сельскихъ обществъ, состоящихъ изъ 643 хозяйствъ; изслѣдованіе это заслуживаетъ, по нашему мнѣнію, тѣмъ большаго вниманія, что представляетъ едва-ли не первую попытку со стороны самихъ земцевъ «познать самихъ себя». Эти свѣдѣнія также краснорѣчиво говорятъ намъ о жизни крестьянъ Орловскаго уѣзда за минувшій тяжелый годъ. Г. Короваевъ подворно изслѣдовалъ Зубаревское и Захарьевское сельскія общества Левинской волости, въ которыхъ оказалось 25 селеній съ 299 дворами и 1663 жит. об. п. Работниковъ изъ нихъ (отъ 16 до 50 лѣтъ): 412 муж. и 516 жен.; свыше 50 л.—25 муж. и 30 жен.; дѣтей до 16 л. 659 и дряхлыхъ стариковъ 21. Всѣхъ ревиз. душъ 698. На каждый же дворъ: ревиз. душъ 2,33, работниковъ 1,38, работницъ 1,72, стариковъ об. п. 0,25, дѣтей 2,23, а всего 5,58 ч. об. п. Всего скота: 239 лош., 10 жеребятъ, 444 круп. рог. скота, 186 мелкаго, 549 овецъ и 2 свиньи; на дворъ скота: 0,83 лош., 1,48 круп. рог. скота и 2,46 мелкаго, считая въ томъ числѣ и овецъ. Изъ общаго числа жителей работниковъ муж. 25%, работ. жен. 31%, дряхлыхъ 4%, дѣтей 40%. Надѣль — 1,5 десят. Въ среднемъ высѣвается на ревиз. душу 4 пуда ржи и 5 пуд. ярового. Лѣсу совсѣмъ нѣтъ. Урожай въ 1877 г. былъ плохъ: озимой и яровой самъ 2. Травы были плохи. Изъ 299 семействъ только у 77, или 26%, достало своего хлѣба и у которыхъ достаточное количество скота; затѣмъ у 215 семействъ, или у 72%, хлѣба не достало. Изъ нихъ покупали: 4 семейства съ 1-го сентября 1877 г., 10 сем. съ 1-го октября, 9 сем. съ 1-го ноября, 3 сем. съ 15-го н., 78 сем. съ 1-го декабря, 23 сем. съ 25 декабря, т. е. у 127 сем., болѣе тѣмъ у половины, недостало хлѣба до новаго года. Затѣмъ 8 сем. начали покупать хлѣбъ съ 1-го января 1878 г., 12 сем. съ 1-го февраля, 28 сем. съ 15-го февр., 20 сем. съ 1-го марта, 3 сем. съ 15-го марта, 16 сем. съ 1-го апрѣля, 13 сем. съ 15-го апр., 1 сем. съ 20-го апр., 15 сем. съ 1-го мая, 2 сем. съ 15-го мая, 1 сем. съ 20-го мая, 19 сем. съ 1-го іюня, 1 сем. съ 10-го іюня, 3 сем. съ 15-го іюня и 6 сем. съ 1-го іюля. Остальные семь семействъ, или 2%, хлѣба не сѣяли. Изъ 299 сем. болѣе или менѣе сносная хозяйства по крестьянски имѣютъ 129 сем., или 43%. Бѣдныхъ—170, или 57%. Большинство изъ этихъ семействъ продали необходимый, а нѣкоторые даже послѣдній скотъ за безцѣнокъ, вошли въ долги и заложили необходимую одежду и прочее имущество. Тѣмъ не менѣе, по словамъ члена Короваева, эти семейства хлѣба не имѣли и перебивались съ пуда на пудъ, многіе даже покупали въ городѣ (эта волость подгородная) печеный хлѣбъ фунтами, нѣкоторые по суткамъ сидѣли безъ хлѣба

и, не видя другого исхода, шли за подаяніемъ. 122 семействамъ, не имѣвшимъ никакихъ средствъ къ жизни, была выдана ссуда въ 413 р. 28 к., т. е. около 58 коп. на человѣка. Продано на хлѣбъ, подать и другія повинности за дешевую цѣну: 13 лошадей, 52 коровы, 10 телятъ, 11 овецъ и 2 свиньи; кромѣ этого, продавались покосы, платье и т. п. имущество. Всего продано на 1,170 р. 30 к.; дѣйствительная же стоимость проданнаго — 1,560 р. 80 к., убытокъ, слѣдовательно, 382 р. 50 к. 215 семействъ израсходовали на покупку хлѣба, по цѣнамъ отъ 80 к. до 1 р. 10 к. за пудъ, сумму 5,178 р. 50 к. и на сѣно 63 р., всего 5,241 р. 50 к.; затѣмъ взято ими же взаймы хлѣба 381 пуд. на сумму 381 р., денегъ на хлѣбъ—291 р. 50 к., заложено за ссуду хлѣба и денегъ покосовъ, одежды, холста, нитовъ на сумму 424 р. 40 к. Всѣхъ крестьянъ, бывшихъ на заработкахъ, 350 чел., или 85% изъ общаго числа работниковъ. Сумма заработковъ 15,149 р. 80 к., на каждого работника 43 р. 28 к., но изъ нихъ 64 чел., т. е. 18% общаго числа уходившихъ, входящіе въ составъ 38 семействъ, служили прикащиками, заработковъ которыхъ состоитъ изъ 9,238 р., т. е. 144 р. 34 к. на каждого; остальные же 286 чел., или 82%, изъ 261 семейства заработали 5,911 р. 80 к., на каждого работника 20 р. 67 к. Эти 261 семейство оплачиваютъ 591 рев. душ., плата за каждую по 6 руб., всего 5,546 р.; на покупку хлѣба ими издержано 4,573 р. 50 к., на покупку корма скоту 33 р., весь расходъ слѣдовательно, 8,152 р. 50 к., а отъ заработковъ получено 5,911 р. 80 к., дефицитъ 2,240 р., на пополненіе котораго продано скота и проч. имущества на 1,140 р. 30 к. и занято денегъ 291 р. 50 к., итого 1,431 р. 80 к. Недостатокъ 808 р. 90 к. перешелъ въ недоимку за первую половину 1878 г. въ числѣ 814 рублей, которая и прибавилась вновь къ неуплоченнымъ старымъ. Точно такое же, говоритъ г. Короваевъ, экономическое положеніе и остальныхъ 14 сельскихъ обществъ Левинской волости, отъ которыхъ также поступали приговоры о ссудѣ, но, составленные неправильно (безъ круговой поруки или безъ означенія срока возврата), нѣсколько разъ возвращались для пересоставленія, на что потребовалось времени 1½ мѣсяца, и только въ началѣ іюня были получены уже правильные приговоры. По произведенному дознанію оказалось, что многіе изъ крестьянъ продали за безцѣнокъ необходимый скотъ, а нѣкоторые и послѣдній; другіе вошли въ долги и заложили необходимую одежду. По дознанію г. Короваева, нуждалось 1,626 семействъ, или 7,492 ѣдока, которымъ требовалась ссуда въ 7,197 р. Но эта ссуда не была разрѣшена, а дано было только 46 семействамъ 197 р. на основаніи списка, представленнаго орловскимъ исправникомъ. По этому поводу, орловская управа въ своемъ докладѣ по продовольственной части очередному уѣздному земскому собранію XII сессіи говоритъ: «Вмѣшательство администраціи дошло, наконецъ, до того, что губернская управа принуждена

была разрѣшать ссуду не по акту члена управы, какъ того требуетъ законъ 21-го мая 1874 г., а по списку, представленному исправникомъ. Между тѣмъ, голодный или полуголодный народъ цѣлыми массами приходилъ въ управу и громко заявлялъ о своей нуждѣ, прося немедленной помощи». Такимъ образомъ, 14 обществъ остались безъ всякой помощи и пришли въ крайнее раззореніе. Въ хлѣбъ примѣшивали мякину и куколь. Въ іюнѣ и въ іулѣ крестьяне толпами приходили въ управу съ просьбой о ссудѣ, но управа не могла удовлетворить ихъ. Были и такіе случаи, что просили ради Христа хотя 10 коп. на покупку хлѣба. Продано скота въ 14-ти обществахъ: 91 лошадь, 364 коровы, 70 телятъ, 77 овецъ и 14 свиней, всего съ прочимъ имуществомъ на сумму 8,248 р., дѣйствительная же стоимость проданнаго 10,000 р. По словамъ г. Короваева, не менѣе бѣдственное положеніе угрожаетъ крестьянамъ Левинской волости и въ будущемъ году, т. е. уже въ наступившемъ нынѣшнемъ 1879 г., такъ какъ такого неурожая ржи, какъ нынѣшній, по отзывамъ крестьянъ, не было нѣсколько десятковъ лѣтъ, хотя урожаи нашихъ крестьянъ много не балуютъ. Степень урожая въ среднемъ самъ $1\frac{1}{4}$, а въ селеніяхъ Кузнецовскаго, Ивано-Вознесенскаго и Шерешневскаго обществъ не собраны даже сѣмена. Степень урожая ярового самъ $2\frac{1}{2}$. Въ 16-ти обществахъ Левинской волости считается 2,077 дворовъ, изъ которыхъ получаютъ хорошіе заработки только 270 семействъ, или 13%; остальные, 1,807 семействъ, или 87%, зарабатываютъ весьма немного и имъ грозитъ бѣдствіе. Полагая на каждое семейство 2,33 ревизскія души, оказывается, что 1,807 семействъ имѣютъ 4,216 ревизскихъ душъ. Осимаго хлѣба было собрано 42,160 п. (на рев. д. по 10 п.) и ярового 105,400 пуд. (по 25 п. на рев. душу); исключивъ изъ этого количества на обѣмненіе: ржи по 8-ми п. на душу — 33,728 п., ярового—по 10 пуд. на душу—42,160 п., получимъ на годовое продовольствіе 8,432 п. ржи и 63,240 п. ярового, превративъ который въ муку, получимъ 42,160 п.;¹ всего 50,592 п. На продовольствіе 1,807 семействъ, или 9,954 человекъ, (въ среднемъ 5,58 человекъ въ семьѣ) потребуется въ теченіи года, съ 1-го августа 1878 г. по 1-ое августа 1879 г., считая по 30 ф. въ мѣсяцъ или 9 п. въ годъ на человека, всего 89,586 п., почему недостатокъ хлѣба г. Короваевъ опредѣляетъ въ 38,994 п. на сумму 27,295 р. (по 70 к. за пудъ). Если же принять за минимумъ на каждого человека на годовое продовольствіе 1,75 четверти, или, по крайней мѣрѣ, 15 п. ржи (управа въ докладѣ считаетъ необходимымъ 2 четверти ржи на человека), то этотъ недостатокъ уже опредѣлится въ 98,718 пуд. на сумму 69,102 р. 60 к. На уплату податей въ годъ за 4,216 ревиз. д., въ среднемъ по 6 р. 50 к. съ души, 27,404 р.; всего же на хлѣбъ и подати 96,506 р. 60 к. Полагая на дворъ, 1,38 раб., всего со-

¹ Яровой по питательности равенъ $\frac{2}{3}$ ржи, благодаря массѣ мякины.

ставится 2,499 раб., изъ которыхъ 85%, или 2,125 раб., получать на заработкѣ каждый по 20 р. 67 к., а всѣ 43,923 р. 75 к. Вычтя на подати 27,404 р., получимъ на продовольствіе 16,519 р. 75 к., т. е. дефицитъ въ 52,582 р. 85 к.; считая же 30 ф. въ мѣсяцъ на человѣка, какъ это дѣлаетъ почему-то г. Короваевъ, дефицитъ этотъ опредѣляется въ 10,776 р. Эту сумму крестьянамъ, по мнѣнію г. Короваева, взять негдѣ, такъ какъ хлѣбные магазины, сдѣлавшись безхлѣбными, пустуютъ болѣе 10-ти лѣтъ. Ниже мы приводимъ данныя врача Праздникова о жизни крестьянъ Левинской волости въ настоящее время, т. е. въ началѣ этого года. Теперь же приведемъ данныя члена г. Булычева «объ экономическомъ состояніи крестьянъ Малковскаго общества Орловскаго уѣзда», которыя отличаются, надо замѣтить, еще болѣею подробностью, чѣмъ свѣдѣнія г. Короваева.

Малковское сельское общество, говоритъ г. Булычевъ, состоитъ изъ 28-ми селеній и 3 починковъ, въ которыхъ числится 344 двора: изъ нихъ 291 дворъ принадлежитъ взрослымъ домохозяйствамъ, 15 дв.—недостигшимъ 18-ти лѣтъ, 27—нижнимъ чинамъ, 4 д.—солдатамъ и 7 д.—вдовамъ. Ревизскихъ душъ, которыя имѣютъ земельный надѣлъ, 728 съ окупомъ податей и повинностей, и 34 безъ окупа, всего 762 души. Составъ населенія: мужчинъ 883 (въ числѣ ихъ неработниковъ, стариковъ 66), холостыхъ парней 81, всего работниковъ 393 человекъ—парней подростковъ—15, 16, 17 л.—57 чел.—дѣтей съ 5-ти до 15-ти лѣтъ 234 чел., менѣе 5 л. 149 чел., всего мужскаго пола 904 чел. Всего женскаго пола 991 чел. Не имѣющихъ ни одного работника 36 дворовъ, или 10,5%, имѣющихъ одного работника 242 двора, или 70,3%, 2 раб. 56 дв., или 16,3%, 3 раб. 10 дв., или 3%. Величина средней семьи 5,5 чел. обоюго пола. Изъ 344 дворовъ, по словамъ г. Булычева, 92 двора, или 26,7%, такіе, цѣнность домовъ которыхъ такъ ничтожна, что за одинъ изъ нихъ, если даже покупать при нуждѣ, нельзя дать болѣе пятнадцати рублей. Что цѣнность такихъ лачугъ ничтожна, въ этомъ, кромѣ личнаго моего мнѣнія, говоритъ г. Булычевъ, убѣждаетъ достаточно страховая оцѣнка, произведенная въ нынѣшнемъ лѣтѣ. По этой оцѣнкѣ, дома эти оцѣнены отъ 10-ти до 15 р.; такую оцѣнку не только нельзя считать низкой, но скорѣе высокою, потому что крестьяне въ настоящее время вполне понимаютъ пользу страхованія и зачастую стараются страховать свои дома по возможности дороже. Домовъ, болѣе или менѣе оправдывающихъ свое названіе, при которыхъ, напримѣръ, имѣются влѣтъ, житенка, погребокъ и задворьце, т. е., кое-какъ сносныхъ для жилья незажиточныхъ семействъ, насчитывается 49%. Цѣнность ихъ со всѣми службами отъ 25-ти до 50 р. и болѣе. Затѣмъ, домовъ, довольно приличныхъ по-крестьянски, владѣльцами которыхъ являются зажиточные крестьяне, считается до 24,3% общаго числа, цѣнность ихъ отъ 80 до 150 р. и болѣе. Вся оцѣночная сумма домовъ составляетъ 12,734 р., а средняя оцѣ-

ночная стоимость дома въ 37 р. 30 к. Нѣтъ ни одной деревни, по словамъ г. Булычева, въ которой не было бы 3-хъ избенокъ, покрытыхъ кой-какъ соломой, безъ всякихъ пристроекъ, вмѣсто которыхъ иногда на зиму загораживають изъ жердовника оградки съ окуткой соломой или хворостомъ. Избенки эти рѣдко бывають 8—9 аршинъ, а большою частію 6 и 7 арш., при двухъ окнахъ: одномъ въ $\frac{3}{4}$ арш. длины и 10 вершковъ ширины и другомъ маленькомъ—длины по стѣнѣ 6—7 вершковъ и ширины 4—5 вер., называемыхъ волоковыми или собачьими лазѣйками. Въ такихъ избенкахъ нерѣдко увидишь, вмѣсто рамъ со стеклами, тряпки или брюшники. Избенки эти большою частію, за отсутствіемъ строевого лѣса, выстроены то изъ еловыхъ, то изъ пихтовыхъ комельниковъ въ 3 и $3\frac{1}{2}$ вершка толщины. Такія избенки на зиму окутываются съ внѣшней стороны отъ земли до крыши снопами соломы или паргою, или мхомъ и обметываются снѣгомъ, оставляя одни лишь окна; изъ нихъ есть много и ветхихъ, стѣны которыхъ поддерживаются подпорками. Избенки эти вмѣщаютъ отъ 2-хъ до 3-хъ куб. саж. воздуха. Принимая среднее содержаніе воздуха въ 2,5 куб. саж., мы найдемъ, что при средней семьѣ 5,5 чел., придется, 0,45 куб. саж. на каждаго человѣка. Такихъ избенокъ въ малковскомъ обществѣ насчитывается, какъ связано выше, 92, или 25,7% общаго числа домовъ. По даннымъ г. Булычева, въ малковскомъ сельскомъ обществѣ въ настоящее время скота состоитъ на лицо: 327 лоша., 14 жереб., 562 шт. рогатаго скота, 168 тел., 337 ов., 314 ягнать и 11 свиней. Этотъ скотъ распредѣляется слѣд. образомъ: изъ числа 344 домохозяевъ 81 или 23,5% не имѣють ни одной лошади, имѣють по одной лошади 208 домохозяевъ, или 60,44% по 2 лошади 46 домох., или 13,3%, по 3 лошади 8 домох., или 2,3%, и 4 лошади имѣеть только одинъ домохозяинъ, или 0,3%; не имѣють ни одной коровы 45 домох. или 14%, по одной коровѣ имѣють 138 домох. или 40,11%, по 2 кор. 98 домох. или 28,5%, по 3 кор. 41 домох. или 11,8%, по 4 кор. 16 домох., или 4,65%, по 5 кор. 3 домох., или 0,84%, 6 коровъ имѣеть одинъ домох., или 0,28%, и 7 кор. тоже одинъ домох., или 0,28%. Въ среднемъ же на одинъ дворъ приходится: 0,95 лоша., 0,04 жеребятъ, 1,63 кор. 0,48 тел., 0,98 ов., 0,91 ягн., 0,03 свиней, на одну десятину пашни: 0,14 лоша., 0,006 жер., 0,27 кор., 0,08 тел., 0,16 ов., 0,15 ягн., отъ которыхъ едва-ли получится двѣсти пудовъ навозу на десятину песчаной земли, т. е. въ среднемъ даже удобреніе менѣе въ десять разъ необходимаго, если считать послѣднее до 2,000 пуд. на десятину. Но, кромѣ того, что это еще за рабочій скотъ? Рабочія лошади, говоритъ г. Булычевъ, при худомъ содержаніи въ зимнее время и при отсутствіи хорошихъ пастбищъ въ лѣтнее время оказываются истощенными и, конечно, слабосильными. По словамъ бѣдняковъ, лошади ихъ едва таскають соху. Рогатый скотъ измельчалъ до того, что взрослые коровы представляются годовыми телушвами. Сами крестьяне называютъ ихъ «коротко-

лапыми», которыхъ сколько ни корми, а толку отъ нихъ будетъ все-таки мало. «Не въ коня овесъ тратить—самъ себя съѣсть», говорятъ крестьяне про такой скотъ, а потому и кормятъ его кой-чѣмъ, только бы получить отъ него сколько-нибудь навоза. Что содержаніе скота и лошадей дурно, это не подлѣжитъ ни малѣйшему сомнѣнію. Намъ, говорить г. Булычевъ, лично пришлось убѣдиться, что одною соломою (ржанкою) кормятъ не только коровъ и лошадей, но телятъ и овецъ. Для послѣднихъ солома сушится, потомъ мнется въ мялкахъ, рубится и получается такимъ образомъ «рубленка», которая заваривается водою и посыпается горстью муки, послѣ чего кормъ готовъ. Продуктивность такого скота, само собою разумѣется, весьма ничтожна. Только въ такихъ семействахъ, гдѣ имѣется 3—4 коровы, скапливается пудъ или два масла и то исключительно въ лѣтнее время; такихъ семействъ въ Малковскомъ обществѣ изъ 344 только 67, или 19%. Переводя на деньги количество корма, приходящагося въ среднемъ на каждый дворъ, получимъ стоимость его въ 18 р. 20 к.; содержаніе же скота, беря опять среднюю цифру его на дворъ, стоитъ 27 р. 19 к., откуда видно, что на каждый дворъ получается дефицитъ въ 8 р. 99 к. Такой недостатокъ покрывается состоятельными покупкою сѣна и соломы, а бѣдняки замѣняютъ сѣно соломою или не докармливаютъ свою родимую скотинку. При такихъ неблагоприятныхъ условіяхъ, развитіе скотоводства, хотя бы въ видахъ поддержки производительности земли, подвигаться впередъ не можетъ, а напротивъ, какъ увидимъ ниже, при ежегодномъ почти повторяющихся неурожаяхъ хлѣбовъ (на голомъ песку безъ удобренія иначе и быть не можетъ—на лучше удобренныхъ полосахъ и нынѣ былъ средней урожай или, по крайней мѣрѣ, было много разъ меньше метлицы, чѣмъ на полосахъ бѣдняковъ), скотъ въ большинствѣ семействъ долженъ уничтожиться совсѣмъ. Количество земли г. Булычевъ опредѣляетъ количествомъ высѣваемого на душу хлѣба, вслѣдствіе чего, благодаря неравномѣрности посѣва раздѣляетъ всѣ селенія Малковскаго общества, числомъ 31 сел., на четыре группы:

	Число селеній.	Число въ нихъ ревиз. душъ.	Величина посѣва на ревизскую душу.	Количество земли на ревизскую душу въ погѣ.	Количество земли въ погѣ на всѣ ревизскія души.	Всего наличнаго населенія въ каждой группѣ.
1-я группа.	1	3	12 пуд.	1,5 дес.	36 дес.	9 ч. об. п.
2-я >	5	100	9 >	1,125 >	112½ >	296 > >
3-я >	12	299	7 >	0,875 >	255½ >	705 > >
4-я >	13	360	5 >	0,625 >	225 >	886 > >

Теперь опредѣлимъ, сколько родится ржи, за исключеніемъ сѣмянъ, на 1 ревизскую душу и на 1 человѣка наличнаго насе-

ленія каждой группы, а затѣмъ также опредѣлимъ количество ярового особо для каждой группы. «Средній урожай ржи въ Орловскомъ уѣздѣ, говоритъ земскій статистикъ г. Романовъ:— можно считать не выше самъ $3\frac{1}{2}$, средній урожай овса не выше— самъ 3, ячменя и ярицы—самъ 4»¹. Г. Буличевъ средній урожай опредѣляетъ этими же цифрами. Такимъ образомъ, все количество хлѣба при среднемъ урожаѣ опредѣлится въ слѣдующихъ числахъ.

Г р у п п ы.	Число ревиз. душъ въ каждой группѣ.	Число наличн. населенія на каждую группу.	Вѣличина посѣва ржи на ревизскую душу.	Количество урожаевъ на ревизскую душу, исключая сѣмена.	Количество урожаевъ на все наличное население групп.	Количество урожаевъ овса на 1 человѣка наличнаго населенія группы.	Вѣличина посѣва овса на ревизскую душу.	Количество урожаевъ на ревизскую душу, исключая сѣмена.	Количество урожаевъ овса на все наличное население групп.	Количество урожаевъ овса на 1 человѣка наличнаго населенія группы.	Количество овса, переведеннаго въ рожь, на 1 человека наличнаго населенія группы.	Общее количество овса и ржи на 1 человѣка наличнаго населенія групп.
	Об.	п.	В	ь	п	у	д	р	к	ь.		
1-я	3	9 ч.	12	30	90	10	16 $\frac{1}{2}$	33	99	11	7 $\frac{1}{2}$	17 $\frac{1}{2}$
2-я	100	296 ч.	9	22,5	2250	7 $\frac{2}{3}$	12 $\frac{2}{3}$	24 $\frac{3}{4}$	2475	9	6	13 $\frac{2}{3}$
3-я	299	705 ч.	7	17,5	5232,5	7 $\frac{2}{3}$	9 $\frac{5}{8}$	17 $\frac{1}{4}$	5158 $\frac{3}{4}$	7 $\frac{7}{10}$	4 $\frac{12}{15}$	12 $\frac{4}{15}$
4-я	360	886 ч.	5	12,5	4500	5	6 $\frac{4}{5}$	14 $\frac{2}{5}$	5256	6	4	9

Кромѣ овса и ржи, по словамъ г. Буличева, въ «подпаркахъ», т. е. въ озимовомъ полѣ («во ржищахъ»), сѣется ячмень по 1 пуду на ревизскую душу, всего слѣдовательно, 762 пуда, которыми засѣвается 95,25 десят. (0,125 или $\frac{1}{8}$ десят. на рев. д.). При среднемъ урожаѣ ячменя самъ 4, исключая сѣмена, получимъ 2,286 пуд. на 1,896 человѣкъ обоого пола, или иначе $1\frac{1}{5}$ пуд. на 1 человѣка наличнаго населенія каждой группы. Эти $95\frac{1}{4}$ десят. засѣваются на другой годъ овсомъ, на который, считая 11 пуд. посѣва овса на 1 десят., высѣвается 1,048 пуд.; при урожаѣ овса самъ 3, получимъ, исключая сѣмена, 2,096 пуд. на 1,896 человѣкъ наличнаго населенія, или около $1\frac{1}{10}$ пуд. на 1 человѣка опять каждой группы. Переведемъ овесъ на рожь, т. е. считая 1 пудъ овса равнымъ по питательности $\frac{2}{3}$ пуда ржи, получимъ вмѣсто $1\frac{1}{10}$ пуд. овса 30 ф. ржи на человѣка и, принявъ $1\frac{1}{5}$ пуд. ячменя равнымъ 1 пуду ржи, мы должны будемъ прибавить по 1 пуду 30 ф. ($1\frac{3}{4}$ п.) ржи на 1 человѣка наличнаго населенія каждой группы къ прежде полученному годовому продовольствію. Для первой группы, слѣдовательно, получится: 1-я группа— $17\frac{1}{2}$ п. + $1\frac{3}{4}$ п. = $19\frac{1}{12}$ п.; 2-я группа— $13\frac{2}{3}$ п. + $1\frac{3}{4}$ п. = $15\frac{7}{20}$ п.; 3-я группа— $12\frac{4}{15}$ п. + $1\frac{3}{4}$ п. = 14 п.; 4-я группа— 9 п. + $1\frac{3}{4}$ п. = $10\frac{3}{4}$ п. И такъ, выходитъ, что только первая двѣ группы при среднемъ урожаѣ могутъ считать себя обеспеченными и удѣлить нѣчто на кормъ скоту, что для третьей группы уже невозможно, такъ какъ 14 пуд. ржи принято счи-

¹ Описаніе Орловскаго уѣзда. Романовъ, 42 стр.

тать за минимум годового продовольствія на каждого человѣка населенія; четвертая же группа, составляющая 46,73% общаго населенія Малковскаго общества, на годовое продовольствіе, при среднемъ урожаѣ хлѣбовъ, получаетъ только 10³/₄ п. на человѣка, т. е. недостаетъ 3¹/₄ пуд., а на всю семью (въ среднемъ 5,5 человѣкъ обоего пола) около 18 пуд., не говоря уже о кормѣ скоту. Это, повторяю, при среднемъ урожаѣ всѣхъ хлѣбовъ; что же должно быть, напримѣръ, не при среднемъ, а просто при «удовлетворительномъ урожаѣ» хлѣбовъ, какъ изволить называть нынѣшній урожай г. Сырневъ, старшій чиновникъ особыхъ порученій при губернаторѣ, командированный въ ноябрѣ прошедшаго года въ Орловскій уѣздъ съ другимъ чиновникомъ г. Домрачевымъ (чиновникомъ казенной палаты) для изслѣдованія экономическаго положенія населенія Орловскаго уѣзда, хотя и по его изслѣдованію урожай ржи во многихъ волостяхъ не превышалъ самъ 2, а въ нѣкоторыхъ сельскихъ обществахъ и селеніяхъ былъ даже самъ 1, т. е. собрали сѣмена? Третья группа, или 37,18% населенія, должна въ такомъ случаѣ также отойти въ разрядъ населенія, немогущаго кормиться своимъ хлѣбомъ въ продолженіи пѣлаго года, хотя бы плохой урожай былъ и одного изъ хлѣбовъ, т. е. ржи или овса, не говоря уже о плохомъ урожаѣ обоихъ хлѣбовъ. Вотъ что говоритъ г. Булычевъ въ своемъ изслѣдованіи про урожай 1877 года и объ его послѣдствіяхъ. Хотя урожай хлѣбовъ въ 1877 году въ Колковской волости, по его словамъ, былъ посредственный и, слѣдовательно, невыдающійся особенно худымъ въ сравненіи съ предшествовавшими годами, но въ частности въ Малковскомъ обществѣ онъ настолько не обеспечилъ населенія, что воспоминаніе о его послѣдствіяхъ должно быть тяжело для всякаго, знающаго крестьянскую жизнь. Многимъ семействамъ, напримѣръ, хлѣба хватило только на сѣмена и многимъ не далѣе октября—«по голу съѣли», какъ говорили крестьяне, такихъ семействъ изъ 344 было 88 семействъ, или 25,6%, въ которыхъ считалось наличнаго населенія обоего пола 438 чел.; до декабря своего хлѣба достало у 21 сем., или 6%, имѣющихъ наличнаго населенія 117 человѣкъ обоего пола; до Рождества и новаго года у 51 сем., или 14,82%, съ наличнымъ населеніемъ въ 309 человѣкъ обоего пола; до масляницы у 56 сем., или 16,28%, съ наличнымъ населеніемъ въ 340 человѣкъ обоего пола; до Благовѣщенія у 21 сем., или 6%, съ наличнымъ населеніемъ въ 126 человѣкъ обоего пола; до весны и далѣе у 20 сем., или 5,84%, съ наличнымъ населеніемъ въ 113 человѣкъ обоего пола, и только у 84 сем., или 24,3%, съ налич. нас. въ 452 человѣка обоего пола достало своего хлѣба до новаго, эти 84 сем. и давали въ займы или продавали. Такимъ образомъ, только одна четвертая часть населенія можетъ считать себя счастливыми, говоритъ г. Булычевъ, а остальные, въ особенности первыя 88 сем., составляющія также четвертую часть населенія, заслуживаютъ полнаго сожалѣнія. Недостатокъ корма скоту, дороговизна хлѣба

(пудъ муки доходилъ до 1 р. 10 к. на наличныя деньги, а въ долгъ и подъ залогъ до 1 р. 20 и 25 к.), недостатокъ денежных средствъ, несмотря на всѣ усилія населенія приобрести ихъ, гдѣ только была возможность, черезъ заработки, довели, наконецъ, жителей до того, что пошелъ въ продажу послѣдній скотъ (конечно, по самой низкой цѣнѣ), разные необходимые въ хозяйствѣ предметы, если не въ продажу, то подъ залогъ, напримѣръ: колеса, телеги, сбура, разная утварь, одежда и проч., пошли займы съ жидовскими процентами, нищенство и т. д. Всего же изъ 344 сем. 260 семействами перекуплено хлѣба на 2,876 р. 50 к., занято хлѣба на 615 р., взято хлѣба подъ залогъ имущества на 490 руб. 40 к., продано скота на 1,288 руб. 30 к., а всего на 5,270 р. 20 к.; кромѣ того, перекуплено корму скоту на 1,053 р. 55 к.; скота же всего числомъ 138 головъ, изъ которыхъ 116 головъ крупнаго скота: 18 лошадей, 93 коровы, 5 быковъ и мелкаго скота: 11 телятъ, 11 овецъ и 1 свинья. Про покупку же корма г. Булычевъ говоритъ, что затрата эта дѣлалась въ крайнихъ случаяхъ, когда съ крышъ и овиновъ солома была уже употреблена въ кормъ. Весной 1878 года овинъ ржаной соломы доходилъ до 3 руб., какой цѣны никто не помнить. Нельзя сказать, справедливо замѣчаетъ тотъ же изслѣдователь, чтобы этимъ только исчерпывалась вся дѣйствительная нужда населенія, съ которой доводилось бороться, нельзя потому, что тѣ несчастные, на долю которыхъ выпало кормиться Христовымъ именемъ, несомнѣнно, замѣнили кусками и голодными днями тоже тысячныя на деньги потребности. Такихъ же несчастныхъ было 88 семействъ изъ 344 семействъ съ наличнымъ числомъ членовъ 438 человекъ обоого пола; въ нѣкоторыхъ селеніяхъ процентъ собирающихъ семей доходилъ до 50 и выше, какъ, напримѣръ, въ деревнѣ «Большіе Шабалины» изъ 32 семействъ, состоящихъ изъ 119 человекъ обоого пола, собирали 11 семействъ, состоящихъ изъ 48 человекъ обоого пола, въ деревнѣ «Захаровкѣ» изъ 10 сем. собирали 5 сем., имѣющія 24 человека обоого пола, въ деревнѣ «Игнатичи» изъ 7 семействъ собирали 5 семействъ, состоящихъ изъ 29 человекъ обоого пола, не собирали только во всей деревнѣ 10 человекъ. По четыремъ группамъ недостача своего хлѣба и нищенство распредѣлялись слѣдующимъ образомъ. Въ первой группѣ, состоящей изъ одной семьи, хлѣба своего достало на цѣлый годъ, потому ни покупать, ни продавать не было нужды. Во второй группѣ своего хлѣба не достало у 38 сем. изъ 55 сем., т. е. у 70%, изъ которыхъ 21 сем. или 38% общаго числа семействъ, состоящихъ изъ 108 чел. обоого пола, собирали милостыню; своимъ хлѣбомъ пронылись только 17 сем. или около 30%. Перекуплено хлѣба на 463 р., занято на 15 р., продано скота на 160 р. 75 к. (13 коровы, 5 лошадей и 1 телка), взято подъ залогъ имущества на 162 руб. 30 к., куплено корму скоту на 81 р. 20 к., всего 38 семьями перекуплено и добыто хлѣба и корму скоту на 882 р. 25 коп.,

что на одну семью въ среднемъ будетъ 23 р. 21 к. Въ третьей группѣ своимъ хлѣбомъ пронылись только 32 семьи или 24,6%, изъ 130 семействъ своего хлѣба недостало, значить, 98 сем. или 75,4%, изъ которыхъ нищенствовали 26 сем., т. е. 20% общаго числа семействъ, состоящія изъ 142 чел. обоого пола. Перекуплено хлѣба на 863 р., занято на 278 р. 50 к., взято подъ залогъ на 93 р. 70 к., продано скота на 510 р. 75 коп. (48 коровъ, 7 лошадей, 3 быка, 11 овецъ, 3 теленка), куплено корму скоту 428 р. 70 к., всего на 2,174 р. 65 к., а на одну семью въ среднемъ изъ 98 сем. 22 р. 19 к. Въ четвертой группѣ своимъ хлѣбомъ пронылись 34 сем. изъ 168 сем., или 20%, своего хлѣба недостало у 134 сем., или у 80%, изъ которыхъ собирали милостыню 41 сем., т. е. 24,4%, состоящія изъ 189 ч. обоого пола. Перекуплено хлѣба на 1,550 р., занято на 316 р. 50 к., продано скота на 442 р. 50 к. (32 коровы, 6 лошадей, 8 телятъ, 2 быка и 1 свинья), взято подъ залогъ имущества на 220 р. 50 к., куплено корма скоту на 510 р. 65 к., всего на 3,040 р. 15 к., а на одну семью въ среднемъ изъ 134 сем. 22 р. 70 коп. Всего же заработковъ отъ отхожихъ и мѣстныхъ промысловъ, по изслѣдованію г. Булычева, оказалось, что 301 рабочій заработали всего 12,518 р. 50 к., исключивъ же на необходимые расходы на пищу, обувь, одежду, на переходы, на письменные виды, на пересылку денегъ, табакъ и т. п., на что г. Булычевъ отчисляетъ изъ названнаго заработка всего 25%, принимая во вниманіе крестьянскую бережливость, получимъ чистаго дохода отъ заработковъ 9,538 р. 88 к., или на 1 дворъ 27 р. 70 к., на 1 работ. 23 р. 95 к., на одного наличнаго человѣка 5 р. Еслибы исключить по заработку болѣе счастливыя семьи, какъ-то дѣлаетъ г. Короваевъ, то въ среднемъ на большинство дворовъ, заработокъ еще понизился бы, но преувеличивая даже заработокъ, если мы вспомнимъ только о необходимости уплаты податей, то мы получаемъ значительный дефицитъ въ годовомъ крестьянскомъ бюджетѣ, который кромѣ нищенства, распродажи скота, отдачи подъ залогъ имущества, займовъ подъ кабалу, недоимокъ въ податяхъ пополнить нечѣмъ, даже принявъ во вниманіе голоданіе и мякинный хлѣбъ. Этотъ ежегодный дефицитъ, увеличивающійся съ каждымъ годомъ все болѣе и болѣе, а равно и захватывающій все большее число семей, мы и называемъ, читатель, мертвой петлей, отъ которой нашъ крестьянинъ не освобождается даже тогда, когда онъ броситъ свою землю-кормилицу, за неимѣніемъ орудій производства и капитала, выражаясь высокимъ слогомъ, для дальнѣйшей ея обработки, когда броситъ свое насыщенное мѣсто — дворъ, заколотивъ его наглухо или продавъ его «на свозъ и сломъ» за 10 — 15 р. и побредетъ съ семьей «батрачить» и исхать «гдѣ лучше», освободившись *de facto* отъ земли и *de jure*, въ большинствѣ случаевъ, платя за нее, такъ какъ рѣдко пахатная земля, въ силу ея истощенности и неплодородія, берется въ аренду деревен-

*

пами, исключая только покосовъ, за что даютъ очень немного. Нынѣ г. Молчановъ, чумный корреспондентъ «Новаго Времени», говоря о рыбныхъ промыслахъ и ватагахъ, переполнился такою патріотической скорбью, что не захотѣлъ докончить свой рассказъ «о бѣглыхъ, безпаспортныхъ рабочихъ», забираемыхъ всецѣло въ лапы рыбопромышленниками и содержимыхъ много разъ хуже, чѣмъ рабовладѣльцы содержали своихъ негровъ и рабовъ, такъ какъ этотъ товаръ имъ доставляется даромъ и съ каждымъ годомъ, надо полагать, прибываетъ больше съ увеличивающейся нищетою населенія и раззореніемъ крестьянскаго хозяйства. Отъ души жалѣю, что г. Молчановъ прервалъ свой рассказъ о такомъ интересномъ людѣ на самомъ интересномъ мѣстѣ; будь смѣлѣе г. Молчановъ, можетъ быть, ему пришлось бы побывать для окончанія своего рассказа въ нашихъ палестинахъ, на которыя не смотря и о которыхъ не говорятъ только потому, что существующія болѣзни здѣсь именуются болѣе скромными именами, чѣмъ извѣстная ветлянская; а не мѣшало бы гг. корреспондентамъ и къ намъ заѣхать, потому что насъ, мѣстныхъ корреспондентовъ, какъ обычныхъ заурядныхъ писаекъ, не часто даже пускаютъ на страницы столичныхъ изданій, ибо издатели ихъ приняли за правило «внутреннимъ извѣстіямъ» удѣлять по одному или по два столбца изъ двадцати, и то, моль, въ годъ-то ихъ наберется до 500! А исторія бѣглыхъ и безпаспортныхъ рабочихъ, этихъ рабовъ изъ рабовъ, по истинѣ интересная и достойная пера г. Молчанова, не говоря уже о новости и нетронутиости этого вопроса: «о новыхъ рабахъ на Руси» и «о бѣглыхъ крестьянахъ», о людяхъ, сбѣжавшихъ отъ нищеты, отъ голодающей семьи, отъ мякинаго хлѣба, отъ уплаты податей... да мало-ли отъ чего?! а такіе бѣглые крестьяне нынѣ на Руси есть, и съ семьей одного изъ нихъ, т. е. ребятами, я лично знакомъ; и этотъ бѣглецъ изъ Орловскаго уѣзда, Верхотинженской волости, изъ той волости, гдѣ мнѣ довелось нынѣ лѣтомъ наблюдать исчезнувшія съ лица земли деревни, на мѣстѣ которыхъ сейчасъ остается только рядъ ямъ, да кругомъ заросшія рѣдвой травой поля, на которыхъ еще значутся полосы и борозды, изобличающія прежній трудъ земледѣльца — работника. Сначала эти ребята, покинутые отцомъ и за смертью матери, оставались на попеченіи міра, т. е. просто ходили и собирали, такъ какъ бѣгать уже были оба въ состояніи, а потомъ, когда подросли, люди прибрали себѣ на работу. Говорятъ, что недавно отецъ ихъ приходилъ тихимъ образомъ провѣдать, а затѣмъ опять ушелъ. И о такихъ случаяхъ приходилось мнѣ слышать не разъ, хотя мое постоянное мѣстожительство — городъ. Во времена крѣпостнаго права «состоять въ бѣгахъ» — былъ своего рода единственный выходъ изъ подъ гнета крѣпостниковъ; теперь начнется таже исторія, такъ какъ другаго выхода изъ настоящихъ условій крестьянской жизни для немогущихъ сносить всю ея тяготу трудно найти. Нелегко, конечно, живетъ этимъ бѣглымъ, какъ указываетъ,

напримѣръ, г. Молчановъ на работниковъ ватагъ; но развѣ лучше жилось имъ до освобожденія гдѣ-нибудь въ Новороссіи, какъ писалъ г. Скавронскій въ своихъ очеркахъ объ этихъ бѣглыхъ (смотри сочиненія Данилевскаго «Бѣглецы въ Новороссіи»), гдѣ бѣглецы попадали также въ лапы эксплуататоровъ-помѣщиковъ?

Но вернемся къ дефициту годового бюджета крестьянъ Малковскаго общества и рассмотримъ данныя, собранныя г. Булычевымъ о податяхъ. Окладныхъ денежныхъ сборовъ по раскладкѣ на 1878 г., кромѣ страховыхъ платежей, назначено было 4,613 р. 69 к. на 728 ревизскихъ душъ, на каждую душу, слѣдовательно, придется 6 р. 33²/₃ к. Препней недоимки податной оставалось 4,324 р. 96 к., общаго продовольственнаго капитала 1,930 р. 94 к., губернскаго земскаго продовольственнаго капитала 5,722 р. 50 к., страховыхъ платежей 81 р. 58 к., итого на 1878 г. ко взысканію подлежало 16,743 р. 67 к. Къ 1-му августа 1878 г., т. е., собственно за первую половину, поступило: въ число податной недоимки 76 р. 35 к., оклада податей первой половины 1,046 р. 78 к., страховыхъ платежей 81 р. 58 к., всего 1,204 р. 71 к.; оставалось къ 1-му января 1879 г. ко взысканію, вмѣстѣ съ вновь выданной ссудой изъ земскаго продовольственнаго капитала 11-го августа 1878 г. въ 263 р. 69 к., всего съ 344 дворовъ 15,831 р. 96 к., на одну ревизскую душу въ среднемъ 20 р. 78 к., на одинъ дворъ 45 р. 79 к.

Всѣ поступления въ счетъ податной недоимки въ процентномъ отношеніи составляютъ 1,76%, а поступления оклада первой половины 45,38%. Такой ничтожный процентъ поступления сборовъ, въ особенности недоимки (1³/₄ к. на 1 р.), говоритъ г. Булычевъ, хотя и свидѣтельствуеъ за неуспѣшность взысканія, но если принять во вниманіе, какъ увидимъ ниже, что недостатка энергіи со стороны лицъ, взыскивающихъ недоимки, не было, то неуспѣхъ поступления естественно долженъ лежать въ единственномъ условіи — *неимѣніи платежныхъ средствъ*. Изъ 344 домохозяевъ Малковскаго общества, не смотря на всѣ мѣры ко взысканію сборовъ, какія принимались, въ счетъ оклада первой половины 1878 г. *не уплатили ни одной копейки 120 домохозяевъ*, или 34,8%, самый высшій процентъ неплательщиковъ выпадаетъ на селеніе Едренники (2 двора) 100%, затѣмъ идутъ Горбалысолы (7 дв.), Игнатичи (7 дв.), Малковы (17 дв.), Захаровичи (10 дв.), Давидовы (14 дв.), Двиничи (9 дв.), Лѣльковы (10 дв.), Сухари (7 дв.), Сѣры (4 дв.) и Середнички (16 дв.), гдѣ неплательщики составляютъ отъ 50 до 83%; въ остальныхъ селеніяхъ отъ 10 до 50% и только въ 4 селеніяхъ изъ 31, именно въ починкахъ: Морды (1 дворъ), Васиха (1 дв.), Корешки (5 дв.) и Шеромовы (12 дв.), неплательщиковъ нѣтъ. Что касается энергіиотносительно сбора податей со стороны лицъ, взыскивающихъ ихъ, то г. Булычевъ для характеристики указываетъ на такого рода факты, что нѣкоторые сборщики податей брали подати хлѣбомъ.

Такъ, напримѣръ, сборщикъ податей Сусловскаго общества, Шароповской волости, Петръ Сусловъ, взявъ въ подати съ Андр. Фил. Суслова 27 пудовъ, Ив. Кир. Суслова 24 п., Петра Фил. Суслова 30 п., Ив. Ѳед. Скупина 15 п. такъ и съ многихъ другихъ. Это дѣлалось такимъ образомъ: только крестьяне начали молотить, какъ онъ и пошелъ съ понятиями, требуя подати; а такъ какъ зимнее сообщеніе еще не установилось, то крестьянамъ некуда было сбывать продукты и сборщикъ, ни мало не думая, описывалъ овесъ и увозилъ къ себѣ, говоря: «подпишу въ подати» и, дѣйствительно, подписывалъ въ подати по 37 и 40 к. за пудъ и вкладывалъ послѣ деньги, а самъ въ то же время сбывалъ этотъ овесъ по 50 и 55 к. за пудъ. Въ своемъ сельскомъ обществѣ Петръ Сусловъ набралъ такимъ образомъ тысячи пудовъ. Мы уже видѣли, какъ и цѣною чего приходилось поддерживать крестьянамъ свою жизнь; для большей наглядности привожу краткое описаніе нѣсколькихъ дворовъ изъ приложенныхъ къ запискѣ г. Булычевымъ описаній 84 дворовъ, въ которыхъ, кромѣ оставшагося скота, ни заложить, ни продать нечего. Беру для примѣра 5 дворовъ деревни Середничи, дворы такіе же, какъ и остальные 79 дворовъ; эти 5 дворовъ имѣютъ еще что-нибудь изъ скота, а то, изъ остальныхъ 79 дворовъ, есть 11 дворовъ, въ которыхъ уже ровно ничего: ни лошади, ни коровы, ни овцы.

1) *Дворъ Ѳедора Максимова Колбина.* Хозяинъ 30 лѣтъ, жена, два сына: 7 и 5 л. и три дочери: 9, 4 и 2 л. Избенка и за дворье ветхое. Земли на 1½ души. Податей въ этотъ годъ не платилъ. Лошади нѣтъ, продалъ осенью за 75 коп. (пусть читатель не удивляется этой цѣнѣ, такъ какъ осенью лошадѣ отдавали даже даромъ, за неимѣніемъ корма и покупателей), продалъ и корову за 7 руб. Есть корова, теленокъ, овца и 4 ягненокъ. Хлѣба хватило до октября. Въ теченіе зимы хлѣба перекупили на 40 руб.; весной заложилъ на хлѣбъ: скать колесъ и шлею за 5 р. 25 к., узду за 1 р. 5 к., женинь тулупъ за 5 р., двѣ новины холста за 1 р. 10 к. и свой единственный полшубокъ за 2 р. 20 к. Хлѣба нѣтъ, придется продать послѣднюю корову. Рожь—плоха, овсомъ засѣяно менѣе ½ поля.

2) *Дворъ Зота Егорова Колбина.* Самъ старикъ 60 лѣтъ, жена и два сына: 16 и 12 л. Избенка ветхая. Земли на 1 душу. Податей въ этотъ годъ не платилъ. Есть лошадь и корова. Своего хлѣба отъ урожая 1877 г., за исключеніемъ сѣменъ на 1878 г., осталось всего 6 пудовъ. Овесъ не сѣялъ, а отдалъ исполу. Старикъ и старуха собирали всю зиму, собираютъ теперь (г. Булычевъ былъ лѣтомъ); старшій сынъ жилъ въ Вяткѣ и получалъ 1 р. 50 к. въ мѣсяцъ.

3) *Дворъ Якова Максимова Колбина.* Самъ 32 лѣтъ, жена, три сына: 12, 8 и 5 л., двѣ дочери: 6 и 1 г. Есть лошадь и корова. Избенка напоминаетъ небольшую крестьянскую баню. Земли на 2½ души. Податей въ этотъ годъ не платилъ. Осенью про-

далъ корову за 8 р. въ подати. Хлѣба хватило до пасхи. Затѣмъ заложилъ пилу за 2 р. 20 к., 6 овчинъ и два холста за 10 р., женинъ тулупъ за 4 р. 50 к. Далѣе придется продать корову или лошадь.

4) *Дворъ Д. Лав. Колбина.* Самъ 30 лѣт., жена и двѣ дочери: 4 и 1 г. Зиму болѣлъ лихорадкою, а весною ушелъ работать на чугунку, получивъ задатокъ 10 р., изъ которыхъ 6 р. отдалъ въ подати. Земли на 1½ души. Скота, за исключеніемъ одной лошади, нѣтъ. Осенью продалъ послѣднюю корову за 15 р., которые пошли въ подати и на хлѣбъ; своего хлѣба хватило только до ноября. Проѣли на хлѣбѣ: полушубокъ — 4 р., женскую бебешку — 2 р. и 20 арш. холста за 1 р. Теперь сидятъ (т. е. лѣтомъ 1878 г.) по дню и болѣе безъ хлѣба, остается на хлѣбъ продать единственную лошадь, если самъ не вышлетъ денегъ. Ржи засѣяно 12 пуд., овса не высѣяно ни фунта.

5) *Дворъ Саввы Григор. Колбина.* Самъ 53 лѣтъ, жена, три сына: 24 л.—женатый, 11 л. и 6 л., двѣ внучки. Старикъ былъ боленъ всю зиму, сынъ ушелъ на чугунку, получивъ задатокъ 10 р., изъ нихъ 8 р. пошли въ подати. Земли на 3 души. Лошади нѣтъ, одна корова и овца. Хлѣба хватило до Рождества. Зиму старуха и дѣти собирали. Весной заложилъ покосъ за 6 р., деньги на хлѣбъ; передъ Великорѣцкой (это бываетъ въ маѣ) продалъ единственную лошадь за 7 р. Теперь хлѣба нѣтъ (т. е. опять лѣтомъ 1878 г.).

Изъ этихъ 84 дворовъ 25 двор., или 30%, не засѣяли всего надѣла; многіе собирали ярового на сѣмена и засѣвали частичку надѣла. Многіе, не дождавшись зрѣлости ржи, рвали колосья, выбивали зерно и варили кашницу. Объ урожаѣ 1878 года г. Булычевъ говорить, что онъ въ Малковскомъ обществѣ плохъ, особенно же въ 16 селеніяхъ изъ 31 села, т. е. въ половинѣ, потому что осенью 1877 г. озимые всходы во многихъ мѣстахъ истребилъ червь такъ сильно, что многіе домохозяева сѣяли вновь, а весною много мѣстъ вымогло. Тѣ домохозяева, у которыхъ были средства, весною засѣяли такія мѣста овсомъ, но большинство этого не сдѣлало по неимѣнію средствъ, и земля осталась впустѣ. Во всѣхъ этихъ селеніяхъ рожь поросла матлицею на стожьяхъ, что на низахъ даже оеагистыхъ полей рѣдко гдѣ увидишь колосья, а на низкихъ, плоскихъ мѣстахъ матлицы было такъ много, что мѣста эти выносили. Поэтому, урожай ржи такъ малъ, что едва ли дастъ сѣмена, а нѣкоторымъ домохозяевамъ не получить и сѣмень. Овесъ въ этихъ селеніяхъ не дастъ и посредственнаго урожая, потому что мѣстами такъ поросъ торницею, что едва замѣтно его присутствіе: низокъ, рѣдокъ и небранистъ. Въ остальныхъ 15 селеніяхъ урожай ржи сносите, но во всякомъ случаѣ, ниже посредственнаго; по умолотамъ оказывается такимъ, какимъ бывалъ въ чисто голодные, неурожайные годы. Молотится, напимѣръ, съ лучшей ржи отъ 5 до 8 пуд. съ овина. Овесъ, хотя удовлетворителен соломою, но умолотомъ

обыкновенный. Ленъ въ нѣкоторыхъ изъ вышеупомянутыхъ 16 селеній вымокъ и на корню сгнилъ. Сѣнокосеніе и уборка травъ производились при самыхъ неблагоприятныхъ условіяхъ: благодаря частымъ дождямъ, много попортилось и сгнило травы, такъ что сборъ сѣна не можетъ считаться удовлетворительнымъ. По мнѣнію г. Булычева, урожай хлѣбовъ 1878 года, сравнительно съ урожаемъ 1877 г., вообще дастъ еще меньшее обезпеченіе въ продовольствіи населенію, а въ частности для многихъ домохозяевъ не дастъ и малѣйшаго обезпеченія. Таковы, читатель, данныя и выводы членовъ орловской земской управы, которыя ими были представлены, какъ мы уже сказали выше, на очередное земское собраніе, какъ приложение къ докладу управы по продовольственной части, въ которомъ, по обыкновенію, сообщались свѣдѣнія объ урожаѣ хлѣбовъ, доставленныя въ управу волостными правленіями. По этимъ официальнымъ свѣдѣніямъ объ урожаѣ хлѣбовъ управа и высчитываетъ, принимая, конечно, во вниманіе число заработковъ отъ отхожихъ и мѣстныхъ промысловъ, необходимую сумму на продовольствіе и обмѣненіе полей въ будущемъ году. Это обычный управскій приемъ. Уѣздная управа беретъ въ своихъ расчетахъ minimum потребностей и maximum заработка населенія: собраніе уѣздное или губернское изъ этого minimum'a потребностей сдѣлаетъ еще minimum, а о maximum'ѣ заработка сдѣлаетъ предположеніе, что «голодъ—не тетка»—побудитъ населеніе къ открытію новыхъ заработковъ и, пожалуй, чего невозможнаго — вѣдь «худа безъ добра не бываетъ» — въ недалекомъ будущемъ этотъ голодъ принесетъ несомнѣнную пользу населенію. Этотъ управскій приемъ исчисления и опредѣленія необходимой ссуды въ данномъ году и въ данной мѣстности на продовольствіе и обмѣненіе полей вслѣдствіе неурожая хлѣбовъ выработалъ особый типъ и официальныхъ изслѣдователей, командируемыхъ обыкновенно начальникомъ губерніи въ нуждающійся уѣздъ послѣ уѣзднаго собранія, которыя у насъ бывають въ сентябрѣ или октябрѣ, въ указанные волости уѣзднымъ собраніемъ для опредѣленія урожая и степени нужды населенія. Земству доставляли свѣдѣнія волостныя правленія, на которыхъ управа и собраніе строили свои выводы, поэтому и командированные чиновники-изслѣдователи начинаютъ изслѣдовать волостныя правленія и волостное начальство, смотрятъ у волостныхъ писарей даже черновыя вѣдомости объ урожаѣ, какъ это дѣлалъ г. Тучемскій въ Уржумскій и Малмыжскомъ уѣздахъ, не подчищено-ли гдѣ или не уменьшено-ли на бѣловой, а то и прямо заявляютъ, что эти цифры невѣрны и нужны другія. «У Ивана-богатаго урожай хлѣбовъ былъ самъ 4—5, у Ивана-бѣднаго самъ 1—2, средній урожай, слѣдовательно, будетъ самъ 3, и нужды поэтому не предвидится». Или другой оборотъ: «по обстоятельному разпросѣ волостнаго начальства и сельскихъ старостъ, собранныхъ нарочно для этого въ волостное правленіе, средній урожай хлѣбовъ оказался го-

раздо выше, чѣмъ прежде доносило въ управу волостное правленіе, а именно: урожай ржи былъ самъ 2 и самъ 2¹/₂, а у нѣкоторыхъ даже самъ 3» и т. д. И вотъ такія-то данныя доставляются съ обѣихъ сторонъ на разсмотрѣніе губернскаго собранія, не проливая ни мало, конечно, свѣта на положеніе крестьянскаго хозяйства. Что стѣютъ эти неурожаи и голода населенію? Сколько распродано скота населеніемъ? Сколько домохозяевъ лишилось возможности вести свое хозяйство за утратой рабочаго скота и необходимаго на это капитала, т. е., хотя для покупки сѣмянъ? Сколько осталось незасѣянныхъ полей? Сколько бѣдное населеніе задолжало богатому? Въ какомъ положеніи остаются производительныя силы населенія? Куда идетъ среднее и бѣдное крестьянское хозяйство? Напрасно вы будете исевать отвѣта на собраніяхъ на эти и многіе другіе вопросы, хотя и идетъ на нихъ рѣчь о неурожаяхъ, объ экономическомъ положеніи населенія, о степени нужды населенія въ помощи. Вотъ поэтому-то нельзя искренно и душевно не поблагодарить гг. Короваева и Булычева, что они сдѣлали «первый шагъ», первую попытку отвѣтить себѣ и обществу на эти вопросы. Г. Булычевъ, какъ увидимъ ниже, дѣлалъ попытку отвѣчать на эти вопросы еще въ 1875 г., когда былъ въ Орловскомъ уѣздѣ также неурожаемъ хлѣбовъ. До тѣхъ же поръ, когда земцы не посвящаютъ всѣ свои силы изслѣдованію подворно крестьянскаго хозяйства, а только будутъ имѣть въ виду свѣдѣнія волостныхъ правленій, но не свои собственные, до тѣхъ поръ имъ предстоитъ обязанность покорно вслушиваться «о собственной поверхностности и легкости» отеческія наставленія, какое сдѣлалъ, напримѣръ, въ своей рѣчи и Тройницкій, начальникъ губерніи, гг. губернскимъ гласнымъ передъ открытіемъ нынѣшняго очереднаго губернскаго земскаго собранія. Эта рѣчь напечатана въ «Вятскихъ Губернскихъ Вѣдомостяхъ» въ № 7 за 1879 г., и мы позволимъ себѣ ее цитировать, чтобы познакомить читателя подробно съ положеніемъ земцевъ, въ какое они поставили себя, благодаря своей апатіи и ложному пониманію своихъ обязанностей. «О раздачѣ пособій пострадавшему отъ неурожая населенію я признаю необходимымъ», говорилъ г. Тройницкій въ своей рѣчи:—войти въ нѣсколько болѣе подробныя объясненія. Вы, безъ сомнѣнія, изволите помнить обстоятельства, сопровождавшія, въ минувшую вашу очередную сессію, постановленіе ваше о необходимости выдачи населенію ссуды изъ губернскаго и общаго по имперіи продовольственныхъ капиталовъ. По разсмотрѣніи заявленныхъ уѣздными земскими собраніями требованій кредитовъ на сумму 1.600,000 р., въ томъ числѣ Уржумскимъ—997,000 р. и Малмыжскимъ—345,000 р., а также данныхъ, собранныхъ губернской управою и доставленныхъ мною, вы признали необходимымъ открытіе кредита въ 824,631 руб.; въ томъ числѣ на Уржумскій уѣздъ—336,631 р. и на Малмыжскій—200,000 руб., предполагая отнести на губернской продовольственный капиталъ,

соотвѣтственно его наличности, 333,072 р., а остальную сумму въ 445,559 р. испросить отъ правительства, изъ общаго по имперіи продовольственнаго капитала. Комитетъ министровъ, согласно заключенію министра внутреннихъ дѣлъ, по означенному ходатайству вашему, ассигновалъ въ распоряженіе министра для выдачи, сообразно дѣйствительной необходимости, ссудъ изъ общаго продовольственнаго капитала, примѣрную сумму въ 450,000 р., но при этомъ поставилъ земству въ обязанность въ точности выполнять при выдачѣ ссудъ существующія на этотъ предметъ законоположенія. При выполненіи означенныхъ условій и при осторожномъ и внимательномъ отношеніи уѣздныхъ и преимущественно губернской управы къ требованію о выдачѣ ссудъ, дѣйствительные результаты выдачи вполне подтвердили, что *уѣздная земская собранія—уржумское и малмыжское—отнеслись слишкомъ поверхностно къ этому важному предмету, такъ какъ выдачи ссудъ по этимъ уѣздамъ ограничилисъ — по Уржумскому около 116,000 (вмѣсто 997,000) и по Малмыжскому около 155,000 (вмѣсто 345,000); остальные уѣзды, требовавшие кредита въ примѣрномъ количествѣ, были также осторожны въ выдачѣ, такъ что вся выдача ссудъ достигла по губерннй цифры только 355,116 р. 40 к. (вмѣсто 1.600,000 р.); такимъ образомъ, на удовлетвореніе всѣхъ этихъ требованій оказалось исполнѣ достаточнымъ наличнаго губернскаго продовольственнаго капитала, съ прибавкой къ нему нѣкотораго количества поступленій прежде выданныхъ ссудъ; сумма же 450,000 р., ассигнованная изъ общаго по имперіи продовольственнаго капитала, осталась совершенно нетронутою. Отдавая полную справедливость дѣятельности въ данномъ случаѣ исполнительныхъ органовъ земства, за нѣкоторыми незначительными исключеніями, въ особенности же губернской управы ¹, я въ такомъ результатѣ этого серьезнаго дѣла не могу, къ сожалѣнію, не усмотрѣть со стороны уѣздныхъ собраній, уржумскаго и малмыжскаго, крайне поверхностнаго и односторонняго отношенія къ этому вопросу.*

«Имѣвъ случай заявить объ этомъ вамъ, милостивые государи, еще при открытіи минувшаго очереднаго собранія, я не сталъ бы утруждать вашего вниманія повтореніемъ этого въ нынѣшній разъ, еслибы вашему разсмотрѣнію не долженъ былъ быть представленъ вопросъ, совершенно сходный. Орловское земское собраніе постановило ходатайствовать передъ губернскимъ собраніемъ объ открытіи кредита на народное продовольствіе въ размѣрѣ 100,000 рублей, не подтверждая этого ходатайства никакими дѣйствительными, серьезными данными и назначая на пособіе населенію 20-ти волостей уѣзда примѣрныя суммы. Въ минувшемъ году, по Орловскому уѣзду изъ ассигнованнаго губернскимъ собраніемъ кредита въ 25,000 руб. было роздано 18,028 руб. 45 коп., при-

¹ Предсѣдатель губернской земской управы г. Дерновъ награжденъ въ этомъ году орденомъ.

чемъ управою, въ нѣсколькихъ случаяхъ, допущена была выдача ссудъ лицамъ состоятельнымъ, о чемъ я сообщалъ губернской управѣ и, вѣроятно, будетъ вамъ доложено. Въ виду недавняго примѣра излишняго требованія кредита на продовольствіе и принимая во вниманіе, что гласное ходатайство о большой суммѣ на этотъ предметъ не можетъ не возбуждать въ населеніи надежды на ея полученіе и тѣмъ заставлятъ его относиться равнодушно къ обеспеченію личными усиліями своего благосостоянія, я счелъ необходимымъ командировать, какъ въ прошломъ году въ Уржумскій и Малмыжскій уѣзды, нынѣ въ Орловскій уѣздъ чиновника особыхъ при мнѣ порученій (Сырнева), поручивъ ему, совмѣстно съ чиновникомъ казенной палаты (Домрачевымъ), удостовѣриться, насколько возможно, на мѣстѣ въ дѣйствительности положенія населенія, степени урожая и потребности въ ссудѣ. *Произведенныя командированными лицами изысканія, которыя будутъ предложены мною на ваше разсмотрѣніе, достаточно выяснили, что орловское земское собраніе отнеслось крайне поверхностно къ этому дѣлу, и что дѣйствительная потребность въ ссудѣ будетъ совершенно незначительная, если управою будутъ въ точности исполняемы установленныя на этотъ предметъ правила; едва ли даже до сихъ поръ изъ какой-либо мѣстности были заявлены ходатайства самихъ крестьянъ о ссудѣ, такъ какъ урожай почти повсемѣстно былъ посредственный, а во многихъ мѣстахъ лучіе обыкновеннаго.* Я не стану утруждать въ настоящее время ваше вниманіе изложеніемъ подробностей, которыя вы будете имѣть возможность обсудить въ свое время, но считаю своимъ долгомъ просить васъ, милостивые государи, отнестись внимательно и осторожно къ этому требованію орловскаго уѣзднаго земскаго собранія и безпристрастно взвѣсить данныя земской управы и предлагаемыя мною свѣдѣнія. *Вопросъ о продовольствіи населенія на счетъ земства, въ особенности въ Орловскомъ уѣздѣ, идѣ большинство крестьянъ имѣетъ отхожіе заработки, слишкомъ важенъ, чтобы къ нему относиться съ такою легкостью, какъ это сдѣлало орловское собраніе, и можетъ въ непродолжительномъ времени повести къ дѣйствительному объдѣнтію мѣстнаго населенія, пріучая подобными выдачами къ беспечности.* Эту рѣчь мы привели цѣликомъ, то есть, все, что было сказано начальникомъ губерніи гг. земцамъ по поводу выдачи ссуды въ прошедшемъ году на продовольствіе и объѣмененіе; выводъ о «легкости, поверхностности и односторонности» земцевъ г. Тройницкій, какъ видите самъ читатель, дѣлаегъ на томъ основаніи, что ссуда на 1878 годъ уѣздными земствами испрашивалась, для обеспеченія отъ нужды населенія, въ 1,600,000 рублей, тогда какъ пришлось выдать изъ этой суммы только 355,116 руб. 40 коп., то есть, излишекъ требованія оказался въ 1,244,883 руб. 60 коп.; отсюда выводъ тотъ, что 1) *нужда населенія, благодаря «легкости, поверхностности и односторонности» г. земцевъ, была преувеличена земствомъ въ пять разъ, и 2) что*

чиновники-ислѣдователи степени крестьянской нужды въ пять разъ компетентнѣе и, земцевъ въ опредѣленіи этой нужды, или, другими словами, гг. земцы не видятъ у себя подъ носомъ того, что гг. официальные ислѣдователи видятъ, такъ сказать, съ высоты птичьяго полета, такъ какъ послѣдніе обыкновенно 10—15 волостей уѣзда объѣзжаютъ не болѣе, какъ въ двѣ недѣли, не говоря уже о величинѣ пространства нашихъ уѣздовъ и волостей. Этотъ выводъ былъ бы бесспорно блестящій и вполне по-срамляющій гг. земцевъ, еслибы онъ, въ свою очередь, не былъ «одностороненъ, легокъ и поверхностенъ», а еще, пожалуй, и болѣе этого, потому что забывать такой простой и естественный вопросъ: «что дѣлалось съ крестьянскимъ хозяйствомъ въ этотъ голодный, тяжелый годъ?», при обсужденіи степени нужды населенія, и останавливаться только на одной цифрѣ выданной ссуды, когда еще извѣстно, что выдать этой полагались всевозможныя препоны, не значить-ли, повторяю, быть еще болѣе «легкимъ», чѣмъ гг. земцы, которые полѣнились дать обстоятельныя данныя *подворной нужды*, насколько это было возможно, не значить-ли это поставить вопросъ объ опредѣленіи степени нужды населенія, объ этомъ «важномъ предметѣ и серьезномъ дѣлѣ», только канцелярскимъ, по истинѣ бюрократическимъ образомъ? Такія ислѣдованія, какъ гг. Булычева и Короваева, по нашему мнѣнію, особенно тѣмъ и важны, что устраняютъ возможность такого канцелярскаго, бюрократическаго сужденія о степени крестьянской нужды, какое позволилъ себѣ высказать г. Тройницкій передъ нашими, какими ни на есть, все-таки земскими народными представителями «земскихъ нуждъ и нуждишекъ». Будь другое отношеніе гг. земцевъ къ этимъ «земскимъ нуждамъ и нуждишкамъ», мы подробно бы знали, чѣмъ пополнилъ голодающій и раззорившійся народъ хотя бы эти невыданные въ видѣ ссуды 1,244,883 р., которые испрашивали его представители на поддержку хозяйства въ неурожайный и голодный годъ; можетъ быть, тогда и г. Тройницкій удержался бы отъ стереотипной полицейской фразы: все обстоитъ благополучно. Читатель уже знаетъ отчасти изъ вышеприведенныхъ результатовъ ислѣдованія гг. Булычева и Короваева, на счетъ чего пополнялась невыданная ссуда крестьянами, и пусть самъ отвѣтитъ себѣ о благополучіи тѣхъ крестьянскихъ хозяйствъ, гдѣ продавались на ѣду и подать послѣдняя корова или лошадь, продавались или закладывались послѣдніе полшубоги и шуба или сѣать колесъ и упряжь, когда нечѣмъ, наконецъ, было засѣять поле — это, по нашему мнѣнію, высшая степень даже нашей крестьянской нужды, когда уже были испробованы всѣ предварительныя мѣры: мякинный хлѣбъ, хлѣбъ съ лебедой и буколемъ, нищенство, голоданіе и т. п. мѣры борьбы съ нуждой; результатъ такой нужды — уничтоженіе крестьянскаго хозяйства, чтò мы въ дѣйствительности и видимъ. Прекрасныя свѣдѣнія на этотъ разъ даетъ намъ «замѣтка объ экономическомъ

состояніи крестьянъ Яранскаго уѣзда Вятской губерніи» А. Р—ва, помѣщенная въ № 2-мъ, за 1879 годъ, въ «Словѣ», къ которой за подробностями мы и отсылаемъ читателя. Г. А. Р—ву, въ качествѣ медива, приглашеннаго земствомъ на лѣто 1878 года для борьбы съ эпидеміей тифа, во время развѣздовъ по уѣзду, удалось собрать *подворныя свѣдѣнія двадцати деревень* въ одиннадцати различныхъ волостяхъ, обобщая которыя онъ получилъ слѣдующіе выводы. *«Первый выводъ, по его словамъ, тотъ, что менѣе половины домохозяевъ засыjali все яровое поле, большинство же—только часть его, а нѣкоторые совсѣмъ ничего не посадили.* Процентное отношеніе различныхъ категорій домохозяевъ выразится слѣдующими цифрами: 30% домохозяевъ засыjali все яровое поле, 58%—засыjali только часть его и 12% *ничего не засыjali».* Размѣръ ссуды овса колебался между 25 фунтами и 6 пудами на душу, такъ-что максимумомъ ссуды, по даннымъ г. А. Р—ва, могло быть обсыjано менѣе $\frac{1}{3}$ всего ярового поля; кромѣ того, овесъ выдавался часто лежалый, невсхожий, почему крестьянамъ приходилось его мѣнять съ приплатой на меньшее количество всхожаго овса, вслѣдствіе чего размѣръ ссуды оказывался еще менѣе. Цѣна же на овесъ во время посѣва доходила до 80 к. и даже до 1 р. за пудъ, осенью же она была 30—40 к. При обыкновенномъ урожаѣ овса самъ 3 въ этихъ мѣстахъ, не было разсчету покупать сѣмена по такой цѣнѣ и дѣлать посѣвъ. Второй важный выводъ, говоритъ г. Р—въ, изъ собранныхъ свѣдѣній получается относительно количества домашняго скота у крестьянъ. *«Оказывается, что не всѣ домохозяева имѣютъ его: почти во всѣхъ деревняхъ, въ какихъ привелось быть, есть по нѣскольку домохозяевъ, не имѣющихъ никакой скотины. Процентъ такихъ, выведенный на основаніи свѣдѣній относительно 18-ти деревень, выражается цифрой 8,4%.* Изъ остальныхъ домохозяевъ также не у всѣхъ есть лошадь и корова. Имѣющіе только корову составляютъ 4% всѣхъ домохозяевъ. У большинства остальныхъ имѣется по одной штукѣ коровы и лошади—большее количество скота въ одномъ хозяйствѣ встрѣчается рѣдко. По словамъ крестьянъ деревни Кресты, въ 1878 г. количество скота уменьшилось на половину, о чемъ заявляли крестьяне Каленурской волости и официальнымъ изслѣдователямъ» (104—105 стр.). Третій выводъ касается продовольствія населенія. По собраннымъ свѣдѣніямъ оказывается, что *«нѣкоторые крестьяне начали покупать хлѣбъ еще съ осени 1877 г. и почти всѣ съ марта 1878 г. Пудъ муки весной стоилъ 1 р. и дороже (въ среднемъ выводѣ за шесть лѣтъ—съ 1868—1874 гг., по словамъ земскаго губернскаго статистика г. Романова, пудъ ржи въ Яранскомъ уѣздѣ стоилъ 44 к.).* Что же касается заработковъ, то на сколько великъ былъ избытокъ рабочихъ рукъ въ концѣ 1877 г. и въ началѣ 1878 г. видно изъ того, что зимой въ работники шли даже изъ одного хлѣба, а весной, во время пашии и сѣва ярового, за 10—15 коп.

въ день, тогда какъ прежде въ это время поденщина стоила не менѣе 30 к. Ссуду же изъ запасныхъ магазиновъ стали выдавать только въ апрѣлѣ 1878 г., въ размѣрѣ максимум 30 фунтовъ ржи на ѣдока, изъ числа которыхъ въ семьѣ исключались дѣти до пяти лѣтъ и взрослые работники, почему, за неимѣніемъ какой-либо другой пищи, ссуды, выданной на четыре мѣсяца, въ концу второго мѣсяца уже не оставалось ничего. О накопленіи недоимокъ уже говорить нечего, и въ данномъ случаѣ никакія мѣропріятія со стороны лицъ, завѣдующихъ сборомъ податей, не достигали вполнѣ желаемой цѣли. Г. А. Р.—въ говорить, что волостной старшина Ернурской волости многихъ крестьянъ поролъ даже по нѣскольку разъ за невѣность податей, а въ послѣдній разъ всѣхъ неаккуратныхъ плательщиковъ поставилъ на колѣни во дворѣ волостного правленія и въ такомъ положеніи продержалъ ихъ часа два. Въ деревнѣ Бабушкинѣ, Успенской волости, у нѣкоторыхъ домохозяевъ за невѣность податей описали даже послѣднюю корову. Яранская уѣздная земская управа въ 1877—1878 г., въ этотъ поистинѣ тяжелый годъ для народа, относилась къ «земскимъ нуждамъ и нуждишкамъ» такъ, какъ могутъ относиться люди, которымъ въ земствѣ дорогъ одинъ только «земскій пирогъ». Ссуда яранскимъ земствомъ испрашивалась у губернскаго земства въ размѣрѣ 186,000 руб., изъ которыхъ 126,000 р. предполагалось на продовольствіе, а 60,000 р. на обмѣненіе яровыхъ полей; за непредставленіемъ данныхъ, подтверждающихъ необходимость этой ссуды въ данномъ размѣрѣ, губернскимъ собраніемъ размѣръ ссуды былъ сокращенъ до 60,000 р.; но и послѣ этой неудачи управа не исправилась и не попыталась, чтобы и эти 60 тысячъ были, по крайней мѣрѣ, отданы въ время и кому слѣдуетъ — земцы-управцы не вышли также за предѣлы канцеляризма. Яранская управа 11-го января 1878 г. предложила черезъ волостныя правленія составить не позже, какъ 1-го или 5-го февраля, приговоры о ссудѣ по всѣмъ волостямъ, а затѣмъ и стала ждать у моря погоды. «Результатомъ такого отношенія къ дѣлу, говорить г. Р.—въ: — явились крайне печальныя послѣдствія: только въ маѣ населеніе (даже въ тѣхъ волостяхъ, о которыхъ ходатайствовала сама управа) узнаеть о возможности получить ссуду. Въ Кипанурской волости, на примѣръ, только въ началѣ мая крестьяне узнали, что возможно получить ссуду изъ продовольственнаго капитала, и только около 20-го мая составили приговоръ. Въ Пиштанской волости крестьяне деревни Оснаки заявили, что въ правленіи не было даже объявлено о возможности получить денежную ссуду. Крестьяне Ернурской волости точно также не знали до мая мѣсяца, что для нихъ управа выпросила ссуду въ нѣсколько тысячъ изъ продовольственнаго капитала, и лишь благодаря софдству съ Казанской губерніей, гдѣ крестьянамъ выдали денежную ссуду, узнали о ней. Такимъ образомъ, денежная ссуда, испрошенная управой и собраніемъ, между прочимъ для посѣва,

едва-ли хотя въ одной волости была выдана вò время; по крайней мѣрѣ, въ 11 волостяхъ уѣзда, въ которыхъ г. Р—ву привелось быть, только въ маѣ мѣсяцѣ составлялись приговоры. Въ Ернурской и Юншумской волостяхъ овесъ на сѣмена былъ выданъ изъ запасныхъ магазиновъ поздно, когда время посѣва прошло. По словамъ крестьянъ деревни «Дубники», Пшштанской волости, которая находится въ числѣ особенно пострадавшихъ отъ неурожая и нуждающихся въ ссудѣ, старшина, несмотря на много разъ дѣлаемая съ ихъ стороны заявленія, схода не созвалъ, и, такимъ образомъ, крестьяне остались безъ ссуды. Далѣе, волостные старшины, какъ это было въ двухъ волостяхъ, на сходѣ уговаривали крестьянъ не брать ссуды изъ продовольственнаго капитала и заявляли, что ссуда выдается не иначе, какъ съ 20—30%, и притомъ только до осени, и что если крестьяне осенью не возвратятъ ея, то у нихъ опишутъ послѣднее имущество и скотъ и разорятъ въ конецъ; между тѣмъ, хорошо было извѣстно этимъ же волостнымъ старшинамъ, что ссуда выдается безъ процентовъ до новаго года, съ новаго же года, въ случаѣ неуплаты, полагается въ годъ 4%» (109—112 стр.).

ХРОНИКА ПАРИЖСКОЙ ЖИЗНИ.

I.

Послѣдствія манифестаціи 23-го мая. — Запросъ Энгельгардта въ муниципальномъ совѣтѣ. — Запросъ Клемансо въ палатѣ. — Дуэль Рошфора съ Кѣхленомъ. — Серия дуэлей. — Выборъ Баллю вмѣсто Бланки въ Лионѣ. — Гамбетта пользуется случаемъ для склоненія правительства къ полной амнистии. — Отмѣна декрета о помилованіи. — Гамбетта въ Менильмонтанѣ. — Выборъ Тренкз. — Знаменательное засѣданіе палаты 21-го іюня. — Докладъ Жозона; возраженіе лѣваго центра и реплика президента совѣта. — Рѣчь Гамбетты съ трибуны. — Голосованіе амнистии въ палатѣ. — Нерѣшительность сената. — «Черная касса» роаялистовъ и подготовленія къ исполненію мартовскихъ декретовъ.

Несмотря на всю свою незначительность, неудавшаяся манифестація 23-го мая привела къ довольно важнымъ послѣдствіямъ. Если значительныя массы полицейскихъ, согнанныхъ Андриѣ на площадь, и сдѣлали невозможнымъ проявленіе сколько-нибудь серьезныхъ беспорядковъ, то съ другой стороны — полицейскіе агенты, большинство которыхъ все еще состоитъ изъ бонапартистовъ, выказали значительную грубость относительно небольшого

числа недовольныхъ, явившихся на площадь, пускали въ ходъ свою силу и даже оружіе, вынудое ими изъ ноженъ. По этому поводу, въ первомъ же послѣдовавшемъ за этимъ засѣданіи муниципальнаго совѣта, Энгелгардтъ внесъ запросъ полицейскому префекту, на что Андріе весьма раздраженно отказался отвѣчать, отрицая рѣшительно право представителей города Парижа критиковать дѣйствія полиціи, хотя большая часть расходовъ на ея содержаніе и падаетъ на городъ. Это до-нельзя раздражило муниципальный совѣтъ, который большинствомъ 36-ти голосовъ противъ 7-ми принялъ очередной переходъ «съ порицаніемъ префекту Андріе за то, что онъ въ день 23-го мая далъ своимъ агентамъ такія приказанія, исполненіе которыхъ, напоминая самыя позорные способы дѣйствій, употреблявшіеся во времена имперіи, нанесло значительныя оскорбленія свободѣ гражданъ». Черезъ четыре дня, это постановленіе было признано незаконнымъ—декретомъ президента республики. Совѣтникъ Ланессанъ внесъ предложеніе, чтобы совѣтъ отвѣчалъ на этотъ декретъ отказомъ въ вотированіи муниципальнаго полицейскаго бюджета, но товарищи его этому воспротивились, такъ какъ было извѣстно, что подобный же запросъ будетъ внесенъ и въ палату. И дѣйствительно, Клемансъ внесъ его къ министру внутреннихъ дѣлъ, требуя, чтобы во Франціи была допущена такая же полная свобода сходовъ, какая терпима въ Америкѣ. Появившійся въ первый разъ на трибунѣ, въ качествѣ министра, Констанъ заявилъ, что онъ прикрываетъ вполне свою личною отвѣтственностью отвѣтственность полицейскаго префекта и что «правительство само очень дорожить общественными гарантіями и потому намѣрено ихъ охранять отъ тѣхъ, кто стремится внести смуты въ умы и на улицы». Въ пользу мотивированнаго Клемансо перехода къ очередному порядку присоединилось — и это было настоящимъ поражениемъ Клемансо—всего-на-все 28 членовъ крайней лѣвой. Правда, 170 депутатовъ, то есть, всѣ правые и нѣсколько членовъ республиканскаго союза, отъ голосованія отстранились, но, какъ бы то ни было, за новаго министра и простой очередной переходъ оказалось громадное большинство, въ 299 голосовъ.

Между тѣмъ, въ прессѣ непримиримыхъ происходило необычайное оживленіе. Рошфоръ напечаталъ въ одной изъ газетъ, что его сынъ, оканчивающій курсъ въ одной изъ подготовительныхъ школъ лицея Шарлеманъ и живущій на площади Бастиліи, былъ одною изъ жертвъ полицейской грубости и насилія 23-го мая. Горячій памфлетистъ обвинялъ самого Андріе за тѣ сабельные удары, которые были нанесены его сыну полицейскими, и заявлялъ, что, едва онъ получитъ возможность явиться въ Парижъ, онъ оплатитъ за нихъ полицейскому префекту такимъ же числомъ пощечинъ. Кромѣ того, Рошфоръ вмѣшалъ въ свою полемику нисколько въ этомъ дѣлѣ неповиннаго двоюроднаго брата Андріе, Кехлена, назвавъ въ своемъ письмѣ «безчестной» его извѣстную октябрьскую дуэль. Вы, можетъ быть, вспомните, что

отъ ранъ, полученныхъ на этой дуэли, погибъ кузенъ Кёхлена, Либенбергъ, по поводу смерти котораго ближайшіе его родственники, по частнымъ причинамъ, не сочли возможнымъ начинать судебного дѣла. Дознаніе, однако, все-таки было произведено, и если это дѣло не было поднято самой прокуратурой, то при этомъ послѣдняя руководилась тѣми соображеніями, что, при отсутствіи частныхъ обвинителей, лучше было не начинать процесса, результатомъ котораго могло быть только оправданіе подсудимаго, а между тѣмъ, онъ далъ бы поводъ къ толкамъ о честныхъ женщинахъ, имя которыхъ было подвергнуто при этомъ столкновеніи незаслуженной диффамациі. Кёхлень не простилъ Рошфору публичнаго своего оскорбленія, и между ними произошла въ Швейцаріи, близъ Коппета, дуэль. Дуэль продолжалась всего нѣсколько секундъ. При первомъ же своемъ нападеніи, Кёхлень заставилъ своего противника выронить изъ рукъ шпагу и нанести ему рану въ подреберье. Ударъ этотъ могъ быть смертельнымъ, не будь Кёхлень ловкимъ дуэлистомъ и не сдержи во-время свою шпагу; теперь же, когда она проникла не глубоко, Рошфоръ могъ отдѣлаться отъ бѣды всего-на-все двухнедѣльнымъ пребываніемъ въ постели.

Дуэль эта, о которой очень много толковали на Монтмартрскомъ и Итальянскомъ бульварахъ, подала поводъ къ цѣлой серіи столеновеній и вызововъ. Прежде всего былъ вызванъ Рошфоромъ-сыномъ женевскій корреспондентъ «Gaulois», Лажёнъ-Вилларъ. Секунданты Рошфора не могли его разыскать и напечатали протоколъ о своихъ поискахъ, съ заявленіемъ, что отсутствіе его они считаютъ «умышленнымъ укрывательствомъ» отъ дуэли. Тогда редакторъ «Gaulois» отвѣчалъ на этотъ протоколъ, что, хотя Лажёнъ-Вилларъ уже болѣе не сотрудникъ его газеты, но такъ какъ протоколомъ затронута ея честь, то онъ самъ къ услугамъ Рошфора (отца), а что сотрудникъ «Mot d'Ordre», Лепелльтье, и другое лицо, подписавшее оскорбительный для всѣхъ сотрудниковъ «Gaulois» протоколъ, могутъ помѣяться оружіемъ съ кѣмъ изъ нихъ пожелаютъ. Гг. Лепелльтье и Оливье Пэнъ пожелали имѣть своими противниками депутата Роберта Митчеля и бывшаго государственнаго секретаря Вейсса. Но смѣшанная коммиссія изъ сотрудниковъ «Gaulois» и «Mot d'Ordre», согласно съ общественнымъ мнѣніемъ, высказавшимся въ этомъ случаѣ весьма опредѣленно, рѣшила, что подобныя дуэли «цѣлымъ составомъ редакцій» не должны вводиться въ практику, и все дѣло окончилось дуэлью Лепелльтье съ Лажёнъ-Вилларомъ, ставшимъ сотрудникомъ «Фигаро», на которой противники отдѣлались легкими царапинами.

Во время этой эпидеміи дуелей, въ Лионѣ непримиримые выставили кандидатуру въ палату Бланкй, а непримиримый его врагъ Феликсъ Піа противопоставилъ ему соперничество Тренкэ. Первая баллотировка была удачна для Бланки, почему передъ перебаллотированіемъ, назначеннымъ 2-го іюня, противниками

оппортунизма были пущены въ ходъ всѣ средства избирательной агитаціи, такъ что, напримѣръ, выставляясь въ публику окровавленная рубашка Рюшфора; обоихъ радикальныхъ кандидатовъ, однако, побѣдилъ умѣренный республиканецъ Баллю, который умѣлъ, съ одной стороны, доказать избирателямъ, что выборъ нелегальнаго кандидата ни къ чему не поведетъ, такъ какъ будетъ кассированъ, а съ другой—обѣщаль лѳнцамъ, что, въ случаѣ его выбора, онъ внесетъ предложеніе о восстановленіи въ Лѳионѣ центральной мѣри, уничтоженной правительствомъ нравственнаго порядка. Кромѣ того, онъ доказывалъ, что самый его выборъ приблизитъ возможность принятія палатой амнистіи. И дѣйствительно, легальность этого выбора и благоуміе, выказанное лѳнскими избирателями, произвели самое благопріятное впечатлѣніе на парламентскій міръ, чѣмъ Гамбетта немедленно и воспользовался, задумавъ провозглашеніе полной амнистіи одновременно съ раздачею арміи республиканскихъ знаменъ на 14-го іюля, въ годовщину взятія Бастиліи, съ тѣмъ, чтобы впередъ считать этотъ днемъ національнаго праздника республики. Для того, чтобы убѣдиться, возможно-ли добиться этой цѣли, Гамбетта устроилъ нѣсколько парламентскихъ собраній, которыя вызвали, въ свою очередь, нѣсколько совѣщаній между министрами. Сначала, однакоже, и на собраніяхъ, и на совѣщаніяхъ этихъ, въ виду опасеній сенатской оппозиціи, было сочтено возможнымъ лишь опубликованіе президентомъ республики новаго декрета о помилованіяхъ; разсказываютъ даже, что Гревъ, пользуясь своимъ конституціоннымъ правомъ помилованія, уже подписалъ такой декретъ и отправилъ его въ редакцію «Оффиціального Журнала», но Гамбетта, въ частной аудіенціи у Гревъ, добился его отмѣны и разрѣшенія взять его обратно изъ типографіи. Послѣ этого, 16-го іюня, по приглашенію президента палаты, у президента совѣта, Фрейсина, произошло совѣщаніе, на которомъ присутствовали всѣ министры, президентъ сената Леонъ Сэ и всѣ предводители лѳвыхъ и лѳваго центра обѣихъ палатъ. На этомъ собраніи Гамбетта произнесъ краснорѣчивую рѣчь, сущность которой заключалась въ слѣдующемъ: амнистія стала политической необходимостью, и для провозглашенія ея едва-ли можетъ наступить болѣе благопріятный моментъ, нежели тотъ, когда вслѣдъ за Бордо, не рѣшившимся на новое избраніе Бланкы, Лѳионъ не выбралъ его изъ уваженія къ закону. Умѣренная партія, оказавшая уже такія важныя услуги въ дѣлѣ основанія республики, можетъ принести еще болѣе важную помощь въ дѣлѣ развитія республиканскихъ учрежденій, если, наконецъ, будетъ дано удовлетворительное разрѣшеніе по вопросу, представляющему собою единственный поводъ къ коренному несогласію между республиканцами. Частныя амнистіи, относившіяся къ 6-ти тысячамъ осужденныхъ, не произвели никакихъ безпорядковъ. Амнистировать еще какихъ-нибудь 500 человекъ не составитъ точно та-

же никакой опасности, а, напротивъ, придасть всѣмъ благоразумнымъ республиканцамъ нравственное преобладаніе надъ крайними, которые при этомъ потеряютъ поводъ къ эксплуатаціи народной жалости. Эти аргументы, повторенные притомъ Гамбеттою и въ отвѣтъ его Леону Сэ, говорившему о колебаніяхъ между сенаторами, произвели такое сильное впечатлѣніе на собраніе, что побудили всѣхъ министровъ, не исключая Ферри, Варруа и Жорегиберри, рѣшиться на внесеніе въ палату, отъ имени всего правительства, законопроекта о полной амнистіи. На убѣжденіе Гриви при его колебаніяхъ пришлось потерять еще болѣе двухъ сутокъ, такъ что законопроектъ могъ быть внесенъ въ палату Фрейзинэ только 19-го, при самомъ открытіи засѣданія. Бонапартисты встрѣтили это внесеніе съ недоумѣніемъ и иронически требовали неотложности для его обсуждения, но шутство ихъ было подавлено единодушіемъ массы республиканцевъ, и проектъ былъ обыкновеннымъ порядкомъ отправленъ въ бюро для новаго представленія въ засѣданіе 21-го іюня.

Въ самый день 20-го іюня, въ Парижѣ, въ томъ именно округѣ, представителемъ котораго въ палатѣ Гамбетта, происходили выборы въ муниципальный совѣтъ для замѣщенія вакансіи Шарля Кэнтена, сдѣлавшагося директоромъ приказа общественнаго призрѣнія. И при этихъ выборахъ, какъ и въ Люнѣ на первой баллотировкѣ 13-го, большинство голосовъ получилъ кандидатъ сторонниковъ коммуны, сапожныхъ дѣлъ мастеръ Тренкэ, коммунаръ, находящійся еще въ Нумеѣ на каторгѣ. Поэтому, въ «République Française» было помѣщено слѣдующее предостереженіе этимъ избирателямъ: «подавать голоса за Тренкэ значитъ голосовать противъ возможности принятія амнистіи». Въ ночь съ 20-го на 21-е, въ Elysée Ménilmontant происходилъ большой народный балъ, сборъ съ котораго предназначался для учрежденія свѣтскаго училища въ Белльвилѣ. Гамбетта явился на него и, дружески разговаривая съ своими избирателями, высказалъ имъ, между прочимъ, слѣдующее: «Вы, конечно, слышали уже о пріятной новости, которую я вамъ очень радъ подтвердить. Правительство внесло предложеніе о полной амнистіи. Меня много обвиняли за образъ дѣйствій, но мои критики весьма часто упускаютъ изъ вида тѣ препятствія, съ какими мнѣ приходится бороться, а часто ихъ даже и не понимаютъ; вы знаете, что я постоянно принимаю въ соображеніе такія препятствія, но *всякій разъ, какъ я двигаю шагъ впередъ, я уже назадъ никогда не отступаю*. По вопросу объ амнистіи, убѣжденіе въ ея необходимости могло созрѣть въ ея противникахъ лишь мало-по-малу, при видѣ того, какъ растетъ въ населеніи уваженіе къ законности; такъ будетъ и съ каждой прогрессивной мѣрой. Не забывайте никогда, что существуетъ обязанность, которую соблюдать долженъ каждый искренній республиканецъ: уваженіе къ закону. Вашъ сегодняшній праздникъ — только прелюдія къ великому народному празд-

нику 14-го іюля, который доставить вамъ радость привѣтствовать вашихъ друзей, возвращенныхъ изъ ссылки, такъ что въ сердцахъ нашихъ не останется болѣе мѣста ни для какихъ враждебныхъ чувствъ, и мы всѣ можемъ слиться въ одномъ чувствѣ братства и единопущія».

Эти слова Гамбетты были выслушаны присутствовавшими съ энтузіазмомъ, и ему едва удалось уйти съ бала, такъ какъ каждый хотѣлъ пожать его руку. И, несмотря на это, побѣдителемъ на муниципальныхъ выборахъ оказался Тренкэ, получившій 2,338 голосовъ, тогда какъ его конкурентъ, тоже радикаль, всего только 1,880. Хотя это голосованіе и обидѣло лично Гамбетту, но это тяжелое для его самолюбія оскорбленіе какъ бы овергло его энергію: онъ вышелъ изъ-за кулисъ и выступилъ лично на парламентской аренѣ, гдѣ выказался въ своей рѣчи такимъ сильнымъ государственнымъ человѣкомъ и могучимъ ораторомъ, что, восхитивъ своихъ друзей, вызвалъ оживленныя рукоплесканія своихъ противниковъ, даже изъ крайнихъ лѣвыхъ, и заставилъ правыхъ до того растеряться, что никто изъ нихъ не отважился ему возражать. Комиссія, въ которой разсматривался законопроектъ, употребила на его разсмотрѣніе 21-го іюня время отъ часа до пяти; вся она была составлена изъ членовъ, стоявшихъ за амнистію. Предсѣдателемъ ея былъ назначенъ Гюишаръ, а секретаремъ вновь избранный лионскій депутатъ Баллю. Нѣкоторую трудность представлялъ только выборъ докладчика: бывшій министръ Леперъ отказался отъ этой обязанности, какъ потому, что онъ нѣкогда говорилъ въ защиту амнистіи ограниченной, такъ и потому, что онъ членъ республиканскаго союза, а выбранъ былъ депутатъ Жозонъ, принадлежащій вмѣстѣ и къ республиканской лѣвой, и къ лѣвому центру. За нѣсколько минутъ до пяти часовъ, Гамбетта занялъ предсѣдательское кресло и Жозонъ прочелъ коротенькій докладъ, представлявшій собою изложеніе мотивовъ министерства, побудившихъ его къ принятію этой мѣры, безъ особенныхъ нападокъ на послѣднихъ коммунаровъ. Правда, въ докладѣ говорится, что «взглядъ правительства на преступность мятежническихъ дѣйствій» нисколько не измѣнился, но рядомъ съ этою фразою находится слѣдующая: «амнистія—это свидѣтельство силы правительства и его довѣрія въ устойчивость республики; это—залогъ того, что оно чувствуетъ себя въ силахъ совладать со всякою попыткой къ произведенію безпорядковъ и болѣе чѣмъ когда-либо рѣшилось продолжать дѣйствовать въ смыслѣ той умѣренной, благоразумной и твердой политики, которая до сихъ поръ охраняла правильный и постепенный прогрессъ республиканскихъ учреждений». Мало этого, далѣе въ докладѣ говорится: «освободившись, такимъ образомъ, отъ всѣхъ трудностей, завѣщанныхъ намъ въ прошедшемъ, мы будемъ смотрѣть лишь на будущее, и пойдемъ къ нему на встрѣчу съ увѣренностью, что оно осуще-

ствить для нашей страны то величіе и благоденствіе, какого мы ей желаемъ».

Казиміръ Перрье, напоминая то, что 4 мѣсяца тому назадъ говорили противъ общей амнистіи и въ пользу помилованій тогдашній министръ юстиціи Леройэ и настоящій президентъ совѣта Фрейсинэ, заявили отъ имени части лѣваго центра о несогласіи на такую мѣру, которая «не требуется особенно настоятельно большинствомъ, и принятіе которой можетъ быть истолковано въ смыслѣ побѣды меньшинства надъ большинствомъ» и, повторяя выраженіе Фрейсинэ, какъ «симптомъ мало благоразумной и шаткой политики».

Замѣшанный лично въ пренія президентъ совѣта успѣшилъ замѣтить, что хотя онъ дѣйствительно и не думалъ въ февралѣ, что амнистія станетъ возможной въ іюнѣ, но «часы исторіи не заносятся на циферблатъ, стрѣлки котораго должны показывать всегда одинаково». Амнистія въ настоящее время, по мнѣнію министра, не можетъ быть поводомъ къ агитаціи въ странѣ совершенно спокойной и гдѣ общественный порядокъ никогда не былъ болѣе обезпеченъ. «Въ настоящемъ вопросѣ мы руководствуемся не интересомъ нѣсколькихъ сотенъ лицъ, болѣе или менѣе заслуживающихъ облегченія своей участи, закончилъ министръ:—а интересомъ великой республиканской партіи, въ средѣ которой уже столько времени существуетъ поводъ къ раздѣленію и несогласіямъ, который мы и стремимся, какъ можно скорѣй, уничтожить».

Поль де-Кассаньякъ, старающійся придать внѣшнюю сдержанность началу своей ядовитой рѣчи, цитируя слова Клемансо и Андриэ, возразилъ на сравненіе Фрейсинэ такимъ образомъ: «когда стрѣлки часового циферблата начинаютъ неправильно показывать, то часы относятъ въ починку; когда министры измѣняютъ свои мнѣнія, то ихъ смѣняютъ». Слушатели засмѣялись, но смѣхъ ихъ немедленно прекратился, когда ораторъ, начиная говорить о неудачѣ выбора Бланки и выборѣ Тренезъ, замѣтилъ: «очевидно, что выборъ этотъ направленъ противъ представителя самого избирательнаго округа, г. Гамбетты». Гамбетта останавливаетъ оратора и, обращаясь къ вице-президенту со словами: «прошу г. Бриссона занять, вмѣсто меня, предсѣдательское кресло» и привѣтствуемый дружными рукоплесканіями лѣвыхъ, садится на скамью комиссіи у подножія трибуны, откуда, опустивъ голову на руки, впивается глазами въ Кассаньяка, какъ бы вызывая его на дальнѣйшія разъясненія; эффектъ, впрочемъ, происходитъ совершенно обратный: Кассаньякъ совершенно теряется, путается, не находить въ себѣ даже обычной дерзости, чтобы отвѣтить депутату, прервавшему его рѣзкимъ замѣчаніемъ о 2-мъ декабрѣ, и заканчиваетъ свою рѣчь банальной выходкой, что «амнистія понадобилась въ настоящее время для того, чтобы при иллюминаціяхъ на національномъ праздникѣ 14-го іюля дать мѣсто и петролеуму». Балаганная эта интермедія служить только

къ тому, чтобы еще ярче оттънить политическое значеніе и сердечность рѣчи, которую тотчасъ же вслѣдъ произноситъ Гамбетта, никогда еще не произносившій рѣчей съ такимъ горячимъ одушевленіемъ и ни въ одной изъ нихъ не выказавшій въ относительно немногихъ словахъ столько глубины своего политическаго пониманія и изобилія мыслей.

Личный вопросъ свой Гамбетта исчерпалъ тотчасъ же въ приступѣ къ своей рѣчи, упомянувъ, какъ о тѣхъ, которые хотѣли бы эксплуатировать во вредъ республики это недовольство противъ него, распуская въ то же время слухи и о вліяніи его на правительство, такъ и о тѣхъ, которые «въ личныхъ своихъ видахъ готовы возбуждать противъ него чувство неблагодарности». Относительно амнистіи, «этого великаго закона забвенія и прощенія», онъ хотѣлъ бы согласиться съ своими друзьями, находящимися въ правительствѣ отъ имени всего республиканскаго большинства, такъ какъ законъ этотъ—дѣло рукъ не одного, а всѣхъ республиканцевъ. Можетъ-ли на такое общее дѣло имѣть хоть какое-нибудь вліяніе «ничтожный» эпизодъ муниципальнаго выбора въ одномъ округѣ, не имѣющій ни будущности, ни значенія? Онъ представляетъ собою только новый поводъ для принятія амнистіи, такъ какъ «нѣтъ другого способа для прекращенія безстыдныхъ попытокъ къ возбужденію гражданскаго междоусобія». Затѣмъ Гамбетта, напоминая «трагическое и ужасное существованіе», которое влечиль Парижъ съ 7-го сентября 1870 года по 26-го мая 1871 г., говорить, что до тѣхъ поръ, пока подобное тяжелое воспоминаніе можетъ быть вызываемо, какъ аргументъ противъ «неравенства въ прощенія», оно послужитъ всегда «къ сохраненію народныхъ массъ, которыя слѣдуетъ успокоить, и къ поддержанію отчаянія въ умахъ, навести которые на прямой путь было бы очень просто». «Кто станетъ отрицать, что бываютъ въ жизни обществъ минуты, когда во что бы ни стало слѣдуетъ предать забвенію всѣ преступленія, всѣ слабости и проявленія малодушія, если они составляютъ въ какой-либо моментъ поголовныя *ошибки встѣхъ*?».

Это напоминаніе объ ошибкахъ всѣхъ, ясно намекающее на то, что слѣдуетъ одинаково позабыть, какъ убійство заложниковъ, такъ и разстрѣливаніе коммунаровъ массами безъ суда, произвело самое сильное впечатлѣніе какъ на всю палату, такъ и на министерство, такъ какъ всѣ поняли, что въ тяжелое время, о которомъ упомянулъ ораторъ, весьма многіе потеряли голову.

«Амнистія, продолжаетъ ораторъ:—вовсе не будетъ въ настоящее время представлять собою выраженіе слабости правительства или отступленія подъ давленіемъ требованій людей крайней партіи, но какъ бы мѣрою для группировки и сосредоточенія республиканской партіи, для уничтоженія во всѣхъ рядахъ розни, которую враги непременно эксплуатировали бы въ свою пользу при будущихъ общихъ выборахъ. Лучше провозгласить ее за 15 мѣсяцевъ до выборовъ, нежели наканунѣ ихъ; такимъ образомъ,

ко времени, когда нація будетъ призвана для заявленія своей воли, въ ней успѣетъ возстановиться забвеніе, спокойствіе и прощеніе относительно всего, что осталось воспоминаніемъ нашего ужаснаго междоусобія».

Обращаясь затѣмъ къ тѣмъ изъ республиканцевъ, которые еще отвергаютъ необходимость амнистіи, и къ Казиміру Перрье, говорившему отъ ихъ имени, Гамбетта, отзываясь съ полною похвалою объ «умѣренныхъ», замѣчаетъ, что, такъ какъ они способствовали въ весьма значительной мѣрѣ водворенію во Франціи устойчиваго республиканскаго правительства и несли свою долю тяготы въ невзгодахъ, пережитыхъ странкою, то было бы несправедливо устраненіе ихъ въ такомъ дѣлѣ, которое доставитъ честь его участникамъ.

«Найдется-ли здѣсь, среди насъ, продолжалъ онъ:—хотя одинъ человѣкъ, который рѣшился бы утверждать, что амнистія никогда не будетъ провозглашена, и что слѣдуетъ вѣчно держаться той безпощадной политики, которая не допускаетъ искупленія ни для какой вины? Всѣ молчатъ, значить весь вопросъ въ томъ: своевременно-ли великое мѣропріятіе, о которомъ я говорю, для настоящей минуты? Что Франція въ цѣломъ своемъ составѣ не успѣла еще забыть «неудобозабываемое безуміе» и не выказываетъ особенно страстнаго желанія амнистіи, я это допускаю, но я отвѣчаю за то, что она утомлена и раздосадована тѣмъ, что повсюду, безпрестанно и по всякому поводу возбуждаются горячія пренія и споры по поводу амнистіи, и увѣряю васъ, что вся Франція какъ бы спрашиваетъ у своихъ представителей: «да когда же вы меня, наконецъ, избавите отъ этихъ *ложмотьевъ междоусобія* и развяжете меня съ нимъ окончательно?»

«Политику мою называютъ, продолжалъ онъ, улыбаясь: — оппортунистской, обозначая этимъ варварскимъ словомъ такую политику, которая почерпаетъ свои рѣшенія въ великодушій однихъ и въ разсудительности другихъ и изучаетъ каждый вопросъ съ двухъ точекъ зрѣнія, съ внутренней и внѣшней. Какъ я уже замѣтилъ, настало время отнять предлогъ и орудіе къ смутамъ у анархистовъ по профессіи и сказать честнымъ избирателямъ и искреннимъ республиканцамъ, сбивымъ съ толку и смотрящимъ на провозглашеніе амнистіи, какъ на переходъ къ господству какихъ-то страшныхъ доктринъ, слѣдующее: республика—это правительство демократіи и правительство самое сильное противъ демагогіи. Почему? потому что оно управляетъ не отъ имени одного лица или семейства, и если что либо и преслѣдуетъ, то лишь отъ имени закона и Франціи.

«Для страны вопросъ объ амнистіи не только созрѣлъ, но и перезрѣлъ. Еще 4 мѣсяца тому назадъ, Европа посмотрѣла бы, можетъ быть, косо на принятіе нами амнистіи, отчего послѣдняя тогда и не была провозглашена. Въ настоящее же время мы можемъ отдѣлаться отъ этой заботы, не вызывая безпокойства Европы, довѣряющей нашему нравственному могуществу и политической

устойчивости». Почти ованчивая свою рѣчь, Гамбетта снова упомянула объ «ошибкѣ» квартала Отца Лашеза, отомщая увлекшимся, апологической этого самого Белльвильскаго округа, представителемъ котораго онъ состоитъ уже 12 лѣтъ и население котораго по его словамъ составляетъ собою цвѣтъ парижской демократіи. «Они знаютъ, замѣтилъ онъ:—что я имъ никогда не льстилъ, но никогда и не обманывалъ», и, намекая на тѣ лица, которыя рассчитывали нанести ему горчайшую обиду, съя раздоръ въ средѣ его избирателей, продолжалъ: — «конечно, есть люди, которые, выдавая себя за сторонниковъ амнистіи, готовы идти на всякія средства, чтобы помѣшать ея осуществленію». Затѣмъ, онъ указывалъ, какъ было легко, возбудивъ жалость къ жентѣ и сыну Тренкэ, пользующимся всеобщимъ уваженіемъ сосѣдей, собрать около имени этого комунара всѣхъ тѣхъ, кто полагалъ, что для возвращенія его съ каторги нѣтъ другихъ средствъ, кромѣ выбора его въ муниципальный совѣтъ. Между тѣмъ, Тренкэ слѣдовало бы возвратить его семьѣ гораздо ранѣе, такъ какъ онъ изъ тѣхъ комунаровъ, которые пошли въ каторгу не за личныя свои преступленія, а только за то, что не хотѣли отказать отъ солидарности съ своими единомышленниками въ то время, какъ другія личности, болѣе счастливыя или ловкія, сумѣли отдѣлаться бѣгствомъ». Въ словахъ этихъ заключается намекъ на Феликса Піа, который первый затѣялъ дѣло кандидатуры Тренкэ, какъ въ Лионѣ, такъ и въ Парижѣ. Въ эффектно окончаніи рѣчи, ораторъ нарисовалъ блестящую картину національнаго праздника 14-го іюля, на которомъ «войско, это законное дитя націи, получить изъ рукъ правительства свои знамена, нѣкогда столь позорно повинутыя другими руками, а отечество положить надгробную плиту забвенія на всѣ увлеченія и преступленія комуны, причемъ для всѣхъ станетъ очевидно, что существуетъ *только одна Франція, одна республика*».

По заключеніи общихъ преній, единственная статья законопроекта, на основаніи которой «объявляется полная амнистія всѣхъ преступленій и проступковъ, относящихся къ мятежамъ 1870 и 1871 годовъ, такъ же какъ всѣхъ проступковъ и политическихъ преступленій по дѣламъ печати и выборовъ, совершенныхъ до 19-го іюня 1880 года», принимается большинствомъ 312 голосовъ противъ 136. Добавочная статья, лишающая амнистіи осужденныхъ за убійства и поджоги, по невозможности добиться истины въ дѣлахъ военныхъ судовъ, поддержанная только 181 голосомъ—отвергается 240.

Такъ какъ срокъ формальнаго начатія правительственныхъ распоряженій противъ клерикаловъ наступаетъ 30-го іюня, то я, для связности разсказа, буду говорить обо всемъ до этого относящемся въ слѣдующей своей хроникѣ. Здѣсь же не могу не упомянуть только объ одномъ дѣлѣ, получившемъ у насъ названіе «заговора черной кассы», о которомъ такъ странно и неожиданно заявилъ «Фигаро» въ номерѣ своемъ отъ 17 іюня. Очевидно, что легкомыслен-

ленный другъ реакціонеровъ, «полуклерикальный и полусвѣтскій» органъ, хотя и заявилъ по обыновенію, что узналъ дѣло «изъ самыхъ достовѣрныхъ источниковъ», никакъ не рискнулъ бы смѣлымъ обнародованіемъ этого столько же важнаго, сколько и щекотливаго дѣла, еслибы не зналъ «изъ самыхъ достовѣрныхъ источниковъ», что полиціи это дѣло такъ же хорошо извѣстно, какъ и ему. Тогда онъ рѣшился навлечь на себя гнѣвъ нѣкоторыхъ изъ своихъ друзей-заговорщиковъ, чтобы предупредить другихъ и спасти какъ ихъ, такъ можетъ быть и себя. отъ послѣдствій неудачи затѣи, которой правительство не дало бы осуществиться. Дѣло заключалось въ попыткѣ произведенія цѣлаго ряда открытыхъ мятежей въ разныхъ провинціальныхъ городахъ для защиты иезуитовъ. Полемика, возбужденная оппортунистскимъ докладомъ «Фигаро», заставила «Union» (официальный органъ Генриха V) сознаться въ дѣйствительномъ существованіи кассы, составленной изъ добровольныхъ взносовъ роялистовъ и благочестивыхъ людей, подъ скромнымъ названіемъ «страховой кассы убытковъ отъ революціи», и гдѣ, по словамъ однихъ, собрано до 13½ миллионѣвъ, а по словамъ другихъ—только 3. Послѣ того были напечатаны двѣ чрезвычайно важныя новости, которыя не могутъ быть отвергнуты, по словамъ моего знакомого легитимиста, такъ какъ онѣ истинны: 1) касса эта находится за границей и 2) графъ Шамборъ заявилъ своимъ приближеннымъ, что, въ случаѣ новой попытки реставраціи, онъ готовъ принять трехцвѣтное знамя. Признанія свои мой собесѣдникъ дѣлалъ совершенно добровольно, говоря, что всѣ чистые легитимисты возмущены, такъ же, какъ и онъ, «іезуитской капитуляціей своего короля», чего отъ него никто не могъ ожидать. По его словамъ, легитимисты и заставили редакцію «Фигаро» напечатать его пикантный докладъ съ цѣлью во что бы ни стало помѣшать «безцѣльному пожару, при которомъ было бы достаточно нѣсколькихъ человѣкъ пожарныхъ и пары гасительныхъ трубъ, чтобы залить навсегда во Франціи тронъ и алтарь».

II.

Юридическая хроника: дѣло Эсторе; убійство помѣшаннаго смотрителемъ сумасшедшаго дома.—Скандалный процессъ г-жи Вастъ-Вижѣ. — Дочь Мануэль Родригесъ или любитель чужихъ вѣровъ и зонтиковъ. — Комнатная дуэль.—Театръ: дѣло Сары Бернаръ. — Эпизодъ съ Коклономъ. — «Мушары» на сценѣ «Ambigu». — «Кларвены-отецъ и сынъ», на сценѣ театра Націй. — Возобновленіе «Вильгельма Телля» въ Большой Оперѣ.—Праздникъ Камюэнса въ Парижѣ и международное литературное общество.

Судебные процессы и въ іюнѣ такъ же напряженно занимали общественное мнѣніе, какъ и въ маѣ; важнѣйшій изъ нихъ—дѣло Эсторе—заставилъ публику обратить особенное вниманіе на

состояніе наших сумасшедших домовъ, такъ какъ смотритель одного изъ этихъ пріютовъ попалъ на свамью подсудимыхъ за убійство лица, ввѣреннаго его надзору. Всѣ знаютъ, чѣмъ были во Франціи сумасшедшіе дома до революціи. Ими обыкновенно управляли монахи, которые видѣли въ несчастныхъ больныхъ «одержимыхъ діаволомъ», почему и смотрѣли на нихъ съ отвращеніемъ, подвергая ихъ всевозможнымъ жестокостямъ. Тенонъ, врачъ Бисетра, первый обратившій вниманіе публики на ужасы, господствовавшіе въ этихъ домахъ, обезсмертилъ этимъ свое имя. Онъ первый снялъ съ сумасшедшихъ цѣпи, отгѣнилъ при леченіи истязанія и началъ смотрѣть на нихъ, не какъ на дикихъ звѣрей или закоренѣлыхъ преступниковъ, не заслуживающихъ никакого состраданія, но какъ на несчастныхъ больныхъ, нѣкоторые изъ которыхъ могутъ быть излечены и которые заслуживаютъ особенной жалости еще и потому, что не сознаютъ своего болѣзненнаго состоянія.

Въ ученое мѣръ, въ министерствѣ внутреннихъ дѣлъ, вѣдѣнію котораго подчиненъ надзоръ надъ сумасшедшими домами, и вообще въ публикѣ господствовала полная увѣренность, что въ убѣжищахъ для умалишенныхъ въ наши дни не можетъ быть и тѣни того, чтó происходило въ нихъ сто лѣтъ тому назадъ. Поэтому, общественное негодованіе вышло изъ всякихъ границъ, когда обнаружилось, что въ одномъ изъ значительнѣйшихъ заведеній этого рода въ Клермонѣ (уазскаго департамента) могутъ происходить случаи, подобные тому, который привелъ на свамью подсудимыхъ ассизнаго суда въ Бовэ смотрителя фермы Вильеръ-Эррери, гдѣ помѣшанныхъ лечатъ полевыми работами.

На основаніи медицинскихъ предписаній и административныхъ регламентовъ, сумасшедшихъ не слѣдуетъ принуждать къ труду, такъ какъ изъ опыта извѣстно, что земледѣльческія занятія на чистомъ воздухѣ приносятъ имъ пользу, а иногда и совершенно ихъ излечиваютъ только въ такихъ случаяхъ, когда они трудятся съ удовольствіемъ; принужденіе же къ труду, напротивъ, раздражая ихъ, приводитъ иногда къ бѣшенству. Подобный случай и произошелъ 3-го марта съ помѣшаннымъ Аппертомъ, котораго стали принуждать къ работѣ смотритель Эсторе. Эсторе этотъ—бонапартистъ, такъ же какъ и директоръ клермонскаго пріюта, бывшій депутатъ, послѣ 16-го мая вновь не выбранный. Эсторе, кромѣ того, мэръ своей общины и исполнительный чиновникъ; въ дѣлѣ, порученномъ ему, онъ обращалъ главнѣйшее вниманіе на работу земли даровыми руками; до врачебной науки ему не было никакого дѣла, и на больныхъ онъ смотрѣлъ лишь какъ на рабочую силу. Поэтому, его чрезвычайно раздражилъ отказъ отъ работы Апперта, помѣшаннаго, отличавшагося до того времени необычайною кротостію, и все помѣшательство котораго состояло только въ томъ, что онъ считалъ себя племянникомъ и наследникомъ генерала Апперта, знаменитаго докладчика военныхъ судовъ надъ комунарами. Эсторе набросился сначала съ угрозами

на бѣднаго помѣшаннаго, а потомъ, когда тотъ не переставалъ сопротивляться, сталъ его бить своей тростью и вилою, которою сгребаютъ сѣно. Аппертъ впалъ въ бѣшенство, набросился на зрителя и ударилъ его въ свою очередь лопатой. Тогда Эсторе приказалъ его отвести подъ холодныя души, куда и самъ пошелъ вслѣдъ за нимъ, продолжая бить несчастнаго по головѣ и плечамъ, и остановился только тогда, когда переломилъ ему вилою лѣвую руку въ двухъ мѣстахъ.

Придя въ себя, безумный зритель понялъ, что дѣло его будетъ плохо, если несчастнаго Апперта отправить въ клермонскій лазаретъ, гдѣ врачъ или фельдшеръ, узнавъ о причинѣ перелома, тотчасъ извѣстятъ объ этомъ высшее начальство. Поэтому онъ, приказавъ строго на строго своимъ подчиненнымъ молчать обо всемъ происшедшемъ, сталъ самъ лечить больнаго прикладываніемъ камфарнаго спирта. Черезъ пять дней, однако, дежурный сторожъ донесъ ему, что руку больнаго такъ вздуло, что его необходимо отправить въ лазаретъ. Хорошо, отвѣчалъ Эсторе; я его отвезу самъ. И вотъ онъ приказываетъ заперчь фургономъ, предназначенный для перевозки мебели, куда владутъ связаннаго Апперта, и уѣзжаетъ. Возвратился онъ не позже, какъ черезъ часъ, а на слѣдующій день сталъ рассказывать, что на дорогѣ онъ остановился у гостиницы, чтобы выпить стаканъ вина, а когда вернулся къ экипажу, то Апперта въ фургономъ уже не нашелъ. При этомъ, въ качествѣ мэра, онъ далъ мѣстнымъ жандармамъ приказаніе разыскать бѣглеца. Между тѣмъ, два служителя фермы видѣли, что когда Эсторе уѣхалъ въ Клермонъ, то, вмѣсто того, чтобы ѣхать по большой дорогѣ, онъ свернулъ въ сторону на засѣянныя картофелемъ поля. Ихъ это заинтересовало и они при помощи зрительной трубки разглядѣли, что, отъѣхавъ саженъ на 50, зритель остановилъ телегу и сталъ зачѣмъ-то рыть землю. Тогда они, дождавшись ночи, пошли на это мѣсто и открыли слѣды зарытія трупа Апперта. Объ этомъ тотчасъ было донесено директору пріюта Лабитту, который спустя нѣсколько дней поручилъ мѣстнымъ жандармамъ задержать зрителя до прибытія судебной власти. Эсторе встрѣтилъ съ удивленнымъ видомъ жандармовъ, объявившихъ ему о полученномъ ими приказаніи, сталъ увѣрять ихъ въ полной своей невинности и подчивать виномъ, а самъ, выйдя подъ какимъ-то предлогомъ изъ комнаты, вскочилъ на лошадь и ускакалъ въ Компіень, гдѣ какъ разъ засталъ желѣзнодорожный поѣздъ, отправлявшійся въ Бельгію. По прибытіи въ Бельгію, Эсторе направился въ Лондонъ, гдѣ однако былъ вскорѣ закрытъ полиціей. По совѣту адвоката Лашо и понявъ, что ему не отдѣлаться отъ выдачи, онъ согласился добровольно слѣдовать за полицейскимъ комисаромъ Массе для явки въ судъ.

Передъ уазскимъ судомъ ассизовъ Эсторе явился 16-го іюня. Это человѣкъ лѣтъ 50-ти, съ грубыми чертами лица, злыми глазами и полусѣдой бородой. Несмотря на свою атлетическую фи-

гуру, на судѣ онѣ обнаруживалъ вполнѣ ребяческое малодушіе, путался, терялся и только отнѣкивался, отвѣчая не впопадъ. Твердо стоялъ онѣ лишь на одномъ—что имѣлъ право давать пощечины помѣшаннымъ. «Но вы этимъ не ограничивались, замѣтилъ ему предсѣдатель суда:—а наносили Апперту удары палкой и вилою, и даже изувѣчили его?» «Я право не знаю, отвѣчалъ онѣ:—были ли у него кости переломлены», и потомъ сталъ рассказывать, что когда онѣ повезъ Апперта въ клермонскій лазаретъ, то Аппертъ накинулся на него, и онѣ, чтобы его удержать, сжалъ руками его галстухъ, «не думая, что онѣ этимъ его убьетъ». Вы говорите, продолжалъ предсѣдатель, что нечаянно задавили его галстухомъ, отчего-же на трупѣ убитаго найдена веревочная петля?—Петля? я объ ней ничего не знаю, сказалъ онѣ испуганно. Когда же его стали расспрашивать, для чего ему понадобилось распускать слухъ о бѣгствѣ Апперта, то онѣ отозвался тѣмъ, что ничего не помнилъ, что дѣлалъ.

Въ числѣ главныхъ свидѣтелей были выслушаны директоръ заведенія бывший депутатъ Лабиттъ и его братъ, докторъ Лабиттъ, которые немедленно были уволены въ отставку за то, что когда имъ было донесено о зарытіи трупа, то сначала розыскъ они поручили самому Эсторе. Подавляющимъ показаніемъ противъ подсудимаго былъ докладъ доктора Жоли, доказавшаго, что Аппертъ задавленъ петлей, а не задушенъ галстухомъ. Тоже подтвердилъ и нѣкто Лоранъ, подчиненный Эсторе и пользующійся его расположеніемъ. Несмотря на защиту Лапо, отрицавшаго предумышленность убійства и выставившаго своего кліента чуть не образцомъ гражданской доблести, присяжные признали фактъ предумышленнаго убійства при обстоятельствахъ, смягчающихъ виновность подсудимаго. Такимъ образомъ, Эсторе отдѣлался отъ смертной казни и приговоренъ къ безсрочнымъ каторжнымъ работамъ.

Передъ пятой палатой парижскаго апелляціоннаго суда производилось скандальное дѣло нѣкой г-жи Вастъ-Вимѣ, жены отставнаго чиновника въ Реймсѣ, брата имперіалистскаго депутата округа нижней Шаранты, затмившее дѣло супруговъ Сантерровъ. Особа эта тоже обвинялась въ адюльтерѣ, но списокъ ея измѣнъ обширнѣе списка побѣдъ Донъ-Жуана. Она не отрицала справедливости обвиненій, но сваливала причину своихъ частыхъ паденій на мужа, который яко бы не только ея не останавливалъ, но даже поощрялъ къ разврату. Реймскій трибуналъ 1-й инстанціи производилъ слѣдствіе надъ поведеніемъ мужа, но парижскій апелляціонный судъ оставилъ это слѣдствіе безъ вниманія и, считая виновность жены вполнѣ доказанною, рѣшилъ дѣло личнымъ и имущественнымъ разлученіемъ супруговъ.

Уже нѣсколько мѣсяцевъ сряду, обычные посѣтители Большой Оперы стали замѣчать, что стоять имъ только во время антракта выйти въ корридоры или въ фойе театра, какъ лорнеты и вѣера,

оставляемые ими на креслахъ или на барьерахъ ложь, исчезали какъ бы волшебствомъ. Объ этомъ была предупреждена полиція, и вотъ однажды, во время представленія «Фауста», одинъ изъ ея агентовъ поймалъ на мѣстѣ преступленія лицо, на которое никакъ нельзя было имѣть подобныхъ подозрѣній, такъ какъ оно пользовалось хорошею репутаціею въ артистическомъ, литературномъ, а отчасти и въ политическомъ мѣрѣ. Лицо это было благородный испанецъ донъ-Мануэль Родригесъ, членъ мадридской аристократіи и командоръ ордена Карла III. При Тьеръ онъ получилъ орденъ почетнаго легіона, а при маршалѣ Маеъ-Монгъ и Гриви не пропустилъ ни одного параднаго приѣма въ Елисейскомъ Дворцѣ. Въ 1870 и 71 годахъ онъ стоялъ во главѣ испанскихъ добровольцевъ, сражавшихся за Францію, а въ настоящее время исполнялъ обязанность вице-президента синдиката испанской печати, въ качествѣ корреспондента различныхъ газетъ своей родины. Въ минуту его арестованія, въ карманахъ его нашли три краденые бинокля, а на квартирѣ его, въ Улицѣ Мучениковъ, цѣлыхъ 70, да 27 вѣровъ — всего на сумму около 10,000 франковъ. Начатое слѣдствіе привело къ открытію многочисленныхъ его мошенничествъ, и оно еще далеко не доведено до конца.

Одновременно съ дуэлами въ политическомъ мѣрѣ, въ кругу «золотой молодежи» тоже произошла дуэль и довольно оригинальная. Какой-то кавалерійскій подпоручикъ и итальянскій кутила затѣяли между собою ссору въ одномъ изъ ресторановъ латинскаго квартала за то, что одинъ изъ нихъ посмотрѣлъ слишкомъ фамильярнымъ образомъ на даму, обѣдавшую съ другимъ. Изъ ресторана противники отправились въ кафе и продолжали тамъ между собою ссориться до тѣхъ поръ, пока одинъ другого не вызвалъ на дуэль. Особа, изъ за которой загорѣлся этотъ сыр-боръ, весьма любезно предложила мѣстомъ дуэли свою квартиру въ улицѣ Медицинской Школы, куда и отправились торжественно, какъ дуэлисты, такъ и четыре секунданта, тутъ же въ кафе ими завербованные. Дуэль происходила на шпагахъ, и итальянецъ получилъ легкую рану, заставившую его около недѣли пролежать въ постели у этой гостепріимной особы. Полиція узнала объ этой дуэли только случайно, недѣли черезъ двѣ послѣ происшествія, изъ болтовни посѣтителей кофейни. Кажется, гостепріимная хозяйка попала въ Сен-Лазаръ, такъ какъ «свобода жилищъ» не разрѣшаетъ производить въ нихъ сраженія, а дуэлистовъ прокуратура притянула къ суду.

18-го іюня разбирался передъ гражданскимъ судомъ искъ обидчиковъ театра Французской Комедіи съ Сары Бернаръ трехъ-сотъ тысячъ франковъ убытковъ, причиненныхъ театру своевольнымъ нарушеніемъ контракта этою капризной артисткой. Требованіе это поддерживалъ краснорѣчивый адвокатъ Аллу, не вдававшийся въ нравственную оцѣнку дѣйствій своей

противницы и охотно допускавший, что избалованной артисткѣ и любимицѣ публики могутъ быть прощаемы всевозможные капризы за исключеніемъ, однако, одного—неисполненія серьезныхъ обязательствъ по добровольно заключенному контракту, которымъ притомъ были выговорены значительныя денежныя выгоды. При этомъ онъ цитировалъ письмо Ренье къ Арну Плесси послѣ того, какъ послѣдняя за свое бѣгство въ Петербургъ заплатила театру 200,000 франковъ убытковъ; въ письмѣ этомъ онъ писалъ знаменитой артисткѣ: «надо умѣть покрывать своимъ обязанностямъ и исполнять ихъ, какъ слѣдуетъ честнымъ людямъ». Адвокатъ Сары Бернаръ, Барбу, просилъ судъ допустить смягчающія обстоятельства относительно своей клиентки, принявъ во вниманіе виновность противъ нея директора театра, Перрена, не даваго ей возможности подготовиться къ исполненію роли въ «Aventurière» достойнымъ ея таланта образомъ. Въ заключеніе своей рѣчи, онъ просилъ судъ избавить артистку отъ уплаты убытковъ, видя въ этомъ «лучшій способъ примиренія Селимены съ Альцестомъ». Но на это возразилъ Аллу, что Альцестъ несравненно охотнѣе помирится съ Селименой послѣ получки съ нея 300,000 франковъ. Прокуратура дала заключеніе о взысканіи убытковъ, но судъ потребовалъ восьми дней для рѣшенія вопроса. Въ ту минуту, какъ я вамъ пишу, рѣшеніе его еще неизвѣстно.

Подобное же дѣло едва не возникло между Перреномъ и Кокленомъ-старшимъ. Подобно Сарѣ Бернарь, и этотъ артистъ желалъ утилизировать свой лѣтній отпускъ тѣмъ, чтобы явиться въ Лондонъ на сценѣ «Gaiety Theater». Но директоръ Перрень, строго пользуясь своимъ правомъ, не разрѣшилъ знаменитому артисту отпуска на этотъ срокъ, и Кокленъ, въ свою очередь, подалъ въ отставку. Такъ какъ, на основаніи устава общниковъ театра Французской Комедіи, отставки артистовъ не могутъ быть принимаемы окончательно ранѣ истеченія года, то былъ созванъ третейскій судъ для рѣшенія вопроса, какъ поступить относительно обязательства Коклена съ дирекціей лондонскаго театра, нарушеннаго имъ вслѣдствіе неполученія имъ отставки. Сенаторъ Денорманди, директоръ Французскаго Банка, и Гамбетта, личный другъ Коклена, рѣшили дѣло противъ него, но послѣдній оговорилъ въ своемъ рѣшеніи, что Перрень разрѣшитъ Коклену поѣздку въ Лондонъ для исполненія ангажемента, какъ только Сара Бернарь изъ него уйдетъ. Дирекція лондонскаго театра согласилась на это условіе, Кокленъ взялъ назадъ свою отставку и все дѣло окончилось къ общему удовольствію.

Лѣтомъ, обыкновенно въ Парижѣ большая половина театровъ закрыта для публики. На остальныхъ идутъ только старыя и ни для кого не интересныя пьесы. Исключеніе въ настоящемъ году составляютъ только два театра: «Ambigu» и «Театръ Націй». Въ «Ambigu» идетъ драма двухъ писателей Жюль Муано и Поля Парфа «Мушары», нѣчто въ родѣ исторической драмы изъ времени

реставраціи. Драма сама по себѣ довольно скучна и растянута, но въ ней выведены всевозможные типы полицейскихъ, передаваемые неподражаемо артистами, а особенно Дальи, что и обуславливаетъ громадный ея успѣхъ.

Театръ Націй, послѣ самоубійства его послѣдняго директора, былъ взятъ Балландомъ, который и обратилъ его въ «третій французскій театръ». Онъ поставилъ на сцену его новую пьесу имъ открытаго автора Альбена Вальбега; но «Кларвены—отецъ и сынъ» далеко не «Вдова Шаццо» и особеннаго успѣха не имѣла.

Я не стану говорить о возобновленіи «Вильгельма Телля» въ Большой Оперѣ, такъ какъ увѣренъ, что во всѣхъ большихъ городахъ, какъ Лионъ, Марсель или Бордо, шедевръ Россини исполняется лучше. Между тѣмъ, какъ въ Москвѣ происходили празднества въ память Пушкина, Лиссабонъ праздновалъ память Камюэнса. Трехсотлѣтняя годовщина автора «Луизады» отпразднована была и въ Парижѣ, такъ какъ международной литературной ассоціаціей назначенъ былъ на нынѣшній годъ конгрессъ въ Лиссабонѣ, который, вслѣдствіе праздника въ честь Камюэнса, пришлось отложить съ іюня на сентябрь. Въ день праздника, въ залѣ Герца, по почину португальской колоніи въ Парижѣ, происходило музыкально-литературное собраніе, на которомъ читались различныя стихотворенія Камюэнса въ подлинникъ и во французскихъ переводахъ, и великолѣпный оркестръ республиканской гвардіи исполнилъ торжественный маршъ, написанный Контскимъ. Артистъ театра Французской Комедіи, Делонэ, прочиталъ отличный советъ Ратисбона и возложилъ лавровый вѣнокъ на бюстъ Камюэнса. Вечеромъ въ Café Riche общество латинской лиги «Allouette» устроило собраніе, на которое пригласило какъ членовъ португальскаго посольства, такъ и членовъ литературной международной ассоціаціи. Было провозглашено много тостовъ, а одинъ изъ французскихъ писателей прочиталъ краснорѣчивый отзывъ Эдгара Кине о Камюэнсѣ, послѣ чего былъ провозглашенъ тостъ «въ честь памяти Камюэнса, Эдгара Кине и Помбаля, счумѣвшаго изгнать іезуитовъ».

III.

Выставка художественныхъ произведеній въ Елисейскихъ поляхъ и недоразумѣнія между администраціей изящныхъ искусствъ и жюри. — Запросъ Митчелля въ палатѣ депутатовъ и его послѣдствія. — Банкетъ художниковъ въ честь Жюль Ферри и Тюрэ. — Рѣчь министра на банкетѣ. — Общій взглядъ на выставку и невозможность точнаго объ ней отчета. — Нѣкоторыя изъ картинъ исторической живописи, жанровъ и портретовъ. — Скульптурный отдѣлъ.

Обычная художественная выставка Елисейскихъ полей открылась и въ настоящемъ году, какъ всегда, 1-го мая, а закрылась

20-го іюня. Открытіе ея произошло безъ всякой торжественности, но самое устройство сопровождалось цѣлымъ рядомъ столкновений между администраціей изящныхъ искусствъ и жюри, выбраннымъ художниками.

Сначала администраціей былъ поднятъ вопросъ о систематическомъ размѣщеніи картинъ по родамъ живописи, но противъ этого протестовали художники, находя, что такое размѣщеніе лишитъ выставку необходимаго разнообразія.

Потомъ хлопотъ надѣлало электрическое освѣщеніе, противъ котораго возстали колористы, находя, что оно убиваетъ оттѣнки изображеній человеческого тѣла, иногда съ такимъ трудомъ достигающіея художнику, между тѣмъ, какъ портретисты стояли за него. Яблочковъ, однакоже, побѣдилъ, и громадное помѣщеніе дворца промышленности, какъ и въ прошломъ году, каждый вечеръ отъ 8 до 11 часовъ освѣщалось его фонарями; въ саду же, какъ всегда, размѣщены скульптурныя произведенія.

Громадное число выставленныхъ предметовъ тоже надѣлало не мало хлопотъ. До 1879 года общее число ихъ никогда не превышало 5,000, въ 1879 году оно поднялось до 6,893, а въ настоящемъ достигло до 7,289! Въ залахъ не достало для нихъ мѣста и пришлось множество картинъ развѣсить на галереяхъ, окружающихъ садъ. Разумѣется, этой участи подверглись не шедевры, и вотъ противъ рѣшеній жюри поднялось множество оскорбленныхъ самолюбій; начались протесты словами и дѣйствіемъ. Художникъ Габріель Феррье, на примѣръ, снялъ съ выставки свою картину «Саламбо». Другой обиженный художникъ венгерець Албертъ Коссака поступилъ еще энергичнѣе: онъ вырѣзалъ свою картину изъ рамы, свернулъ ее и унесъ съ выставки, оставивъ на стѣнѣ пустую раму.

Кромѣ того, многіе изъ членовъ жюри, а именно гг. Бугеро, Валлонъ и Ванмарки, отказались передъ самой выставкой отъ исполненія своихъ обязанностей, обвиняя администрацію въ томъ, что, отлагая для нѣкоторыхъ изъ экспонентовъ срокъ представленія ими своихъ произведеній до безконечности, она затрудняетъ этимъ размѣщеніе картинъ. Къ этому, очевидно, подъ вліяніемъ конгреганистовъ, покупателей картинъ религіознаго содержанія, присоединилось еще новое обстоятельство: жюри, принимавшее охотно болѣе чѣмъ посредственные бюсты и статуи республики, вдругъ почему-то не захотѣло принять на выставку работы извѣстнаго скульптора Франсіа, одобренныя президентомъ Греви для помѣщенія ихъ въ зданіяхъ парижской префектуры и мѣряхъ.

Всѣми этими мелочами и недоразумѣніями затѣялъ воспользоваться бонапартистскій депутатъ Митчель, внесшій 18 мая въ палату громовый, по его мнѣнію, запросъ о дѣйствіяхъ помощника государственнаго секретаря изящныхъ искусствъ. На запросъ этотъ добродушно-насмѣшливо отвѣчалъ Тюркэ, и этотъ онъ его отвѣта убилъ интерпелляцію такъ, что побитый Мит-

цель не рискнул даже предложеніемъ мотивированнаго имъ очереднаго перехода. Но провалившійся въ палатѣ запросъ все-таки далъ поводъ къ дальнѣйшимъ недоразумѣніямъ. Бодри, замѣнившій въ качествѣ предсѣдателя жюри Бугеро, подалъ, въ свою очередь, въ отставку, обидѣвшись тѣмъ, что Тюркэ въ своей рѣчи назвалъ «мятежнической» организованную на выставкѣ продажу религиозныхъ предметовъ въ пользу конгрегационистскихъ школъ, самое объявленіе о которой составлено въ видѣ протеста противъ парижскаго муниципальнаго совѣта и во имя «свободы отцовъ семействъ». Все кончилось, однако, благополучно, и по смѣнѣ Бодри Бонна, члены жюри, для прекращенія всякихъ недоразумѣній между администраціей и художниками, рѣшили устроить публично банкетъ министру Ферри и Тюркэ. Министръ произнесъ на немъ дружескую рѣчь, въ которой высказалъ мысль, что искусство должно жить дружно съ политикой, такъ какъ между ними очень мало основаній для раздора, и старался опровергнуть предразсудокъ, усердно поддерживаемый ретроgrадами, будто республиканскій образъ правленія не благоприятствуетъ прогрессу искусствъ. Онъ напомнилъ, что періодическія художественныя выставки и учрежденіе присяжныхъ оцѣнщиковъ было дѣломъ двухъ великихъ революціонныхъ собраній 1791 и 1793 годовъ. «Многихъ пугаетъ, замѣтилъ онъ:—громадное количество произведеній настоящей выставки, я же вижу въ этомъ доказательство значительнаго распространенія во Франціи артистическаго образованія. Когда при Людовикѣ Филиппѣ государственный бюджетъ достигъ до милліарда, то Тьеръ сказалъ депутатамъ: «раскланяйтесь съ этимъ милліардомъ! Вы его уже болѣе не увидите». Точно также и я скажу при видѣ почти 10,000 художественныхъ произведеній, выставленныхъ въ нынѣшнемъ году: раскланяйтесь съ ними—въ будущемъ году и въ слѣдующіе за нимъ, явится новыхъ еще больше».

Изобиліе это для меня лично имѣетъ огромное неудобство, такъ какъ мѣшаетъ близко познакомиться читателей съ выставкою. Чтобы дать объ ней вѣрное понятіе не издавшимъ ея, пришлось бы написать цѣлую книгу. Я задумалъ-было ограничить свою хронику отзывами о болѣе замѣчательныхъ изъ картинъ и статуй, и для этого сталъ заносить въ свою записную книжку ихъ названія и имена художниковъ, и что же? въ самое короткое время у меня оказалось записанными 150 названій и 140 именъ художниковъ. Понятно, что, взглянувъ только на это число, я долженъ былъ оставить свою мысль, вспомнивъ, что мнѣ слѣдовало размѣстить ихъ всего на все на какихъ-нибудь 7 или 8 страницахъ. Поблагодарили бы меня читатели за такой винегретъ! Поэтому приходится ограничиться передачей лишь нѣкоторыхъ изъ моихъ впечатлѣній на выставкѣ.

Замѣчу, что настоящая выставка всею массою выставленныхъ предметовъ громко подтверждаетъ взглядъ, уже не однажды

высказанный мною, на то направление, въ которомъ прогрессируетъ наше искусство. Художники все болѣе и болѣе повидаютъ фантастическія области мистицизма и рутинной условности, стараясь вносить въ свои работы какъ можно болѣе естественности, нитаясь схватывать природу во всей простотѣ и величіи ея разнообразія. Если мы не встрѣчаемъ обилія особенно глубокихъ концепцій, то безпритязательныхъ шедевровъ, безукоризненно выполненныхъ — неисчислимо количество. Никогда еще наши художники не обнаруживали такой тонкой наблюдательности и такого *умнья смотреть и видѣть*, схватывать и воссоздавать. По обилію же великолѣпныхъ пейзажей и отличныхъ портретовъ, мы еще не имѣли въ Парижѣ ничего, подобнаго настоящей выставкѣ.

Изъ историческихъ картинъ одною изъ наиболѣе замѣчательныхъ должно признать «Каина послѣ братоубійства» Кормона. Картина эта производитъ очень сильное впечатлѣніе. Страхъ, ужасъ и отчаяніе на лицѣ этого перваго грѣшника, недоумѣвающая дикарка, жена его, и запуганныя дѣти, бѣгущія отъ гнѣва Іеговы, не зная куда, среди первобытной природы — невольно привлекаютъ къ себѣ вниманіе зрителей.

Первую почетную медаль по живописи за картину «Добрый самаритянинъ» получилъ Моро, молодой художникъ, только три года тому назадъ получившій римскую премію. Награда эта вполне заслуженная. Моро съумѣлъ, отдѣлавшись отъ всякой рутины, обработать евангельскій сюжетъ вполне реальнымъ образомъ. Письмо у него мастерское.

Самая значительная по размѣрамъ и сложности сюжета историческая картина на выставкѣ принадлежитъ польскому художнику Матейкѣ и изображаетъ «Битву при Грюнвальдѣ, въ 1410 году». Картина эта, очевидно, стоила художнику громаднаго труда и изученія; по отзывамъ знатоковъ, все въ ея подробностяхъ безукоризненно вѣрно исторіи, не исключая даже мельчайшихъ особенностей сбруи лошадей. Нѣкоторыя группы сражающихся, раненныхъ и убитыхъ очень эффектны и написаны съ энергіей; но въ общемъ, картина производитъ впечатлѣніе, прѣстите сравненіе, пестраго гобленовскаго ковра. Въ добавокъ ко всему, художнику понадобилось изобразить на облакахъ какаго-то святого, являющагося совершеннымъ диссонансомъ въ реальной батальной картинѣ.

Очень многіе изъ посѣтителей выставки приходятъ въ восторгъ передъ изображеніемъ Іова, кисти Бонна, и надо сознаться, что живопись вообще не производила ничего мрачнѣе и ужаснѣе со времени извѣстной картины Рибейры «Св. Іеронимъ». По этой картинѣ учащіеся медицинѣ, пожалуй, могутъ изучать проказу, воспаленія и гангрену, но чтобы наслаждаться подобнымъ произведеніемъ на выставкѣ, нужно, по моему мнѣнію, имѣть особенно крѣпкіе нервы и извращенные вкусы.

Шарлоттѣ Кордѣ особенно посчастливилось на настоящей вы-

ставѣ: она изображена на пяти картинахъ. На первой изъ нихъ, художника Авиа, она изображена стоящею за занавѣсью кабинета, гдѣ умираетъ только-что убитый ею Маратъ. Это лучшая изъ картинъ, и Шарлотта изображена въ ней именно такую, какой воспѣлъ ее въ своихъ стихахъ Ламартинъ, въ образѣ «ангела убійства», «неподвижной и окаменѣвшей въ своемъ преступленіи». Болѣе сложна по своей концепціи картина Клеръ, изображающая въ одной рамѣ три эпизода: появленіе Шарлотты передъ Маратомъ, ея арестъ и переодѣваніе передъ казнью. Картина эта, если хотите, исторически вѣрна; художникъ не позволилъ себѣ никакого мелодраматическаго преувеличенія; но она написана очень блѣдно. За то художникъ Веертсъ придалъ Шарлоттѣ Кордэ грозный образъ какой-то мегеры. На четвертой картинѣ вы видите и Марата, и Кордэ въ идиллическомъ свѣтѣ, а на пятой художникъ Люсьенъ Мелинь изобразилъ какую-то апологію Марата. Извѣстный эпизодъ ночи на 4-е декабря, который обезсмертилъ Виктора Гюго его стихами: «ребенку попали двѣ пули въ голову», далъ тему для картинъ трехъ художниковъ. Лучшая изъ нихъ принадлежитъ кисти Ланглуа (сынъ депутата); болѣе всего драматизма въ картинѣ Поля Робера; третья же картина, Анри Жервекса, отличается своимъ мрачнымъ характеромъ. Всѣ эти картины появились весьма кстати, и каждая изъ нихъ найдетъ себѣ мѣсто въ которомъ-нибудь изъ нашихъ провинціальныхъ музеевъ и сослужитъ службу стражѣ, напоминая избирателямъ о великомъ злодѣяніи второй имперіи.

Отъ описанія картинъ военнаго характера я васъ освобождаю и упомяну только о трехъ эпизодахъ изъ нашей недавней войны гг. Сикара, Лансона и Бомеза, великолѣпно написанныхъ. Проходя мимо всякихъ Измаиловъ, Сауловъ, Св. Францисковъ и Саломей, которые Богъ знаетъ для кого и для чего въ наши дни пишутся, останавливаю ваше вниманіе на купленной нашимъ правительствомъ картинѣ Ролля, написанной на сюжетъ весьма печальный, но — увя! — вполне современный. Называется она: «Стачка рудокоповъ». Все въ ней темно и мрачно, но вполне вѣрно дѣйствительности. Подъ сѣрымъ и дождливымъ небомъ толпятся мужчины, женщины, дѣти; нѣкоторые изъ нихъ держатъ въ рукахъ камни—они ждутъ жандармовъ! Еще минута, и долженъ произойти одинъ изъ тѣхъ кровавыхъ эпизодовъ, какими изобилуетъ наша печальная борьба труда и капитала. Картина эта, по всей вѣроятности, будетъ отправлена въ Лилль, Реймсъ или Руанъ, для помѣщенія въ мѣстный музей, и будетъ яркимъ напоминаніемъ, какъ хозяевамъ, такъ и рабочимъ, что пора, наконецъ, разрѣшить, ко взаимному удовольствію всѣхъ, такъ тяжело затянувшуюся, главнѣйшую экономическую проблему нашего времени.

Изъ «жанровыхъ» картинъ особеннымъ успѣхомъ, преимущественно между воскресной (даровой) публикой, пользуется кар-

*

тина Ренуфа «Вдова». На ней изображена въ обыкновенный ростъ женщина въ траурѣ, склонившаяся передъ свѣжей могилѣ одного изъ владѣльцевъ въ Бретани; подлѣ нея ребенокъ лѣтъ 6-ти, очевидно, ея сынъ, смотрящій вокругъ недоумѣвающимъ взоромъ, конечно, не понимая еще, что такое смерть. Обѣ фигуры написаны такъ мастерски, что кажутся живыми людьми, а выраженіе скорби на лицѣ женщины до того сильно, что многія зрительницы, глядя на нее, не могутъ удержаться отъ слезъ. Извѣстный каррикатуристъ Жилль выставилъ двѣ чрезвычайно удачныя жанровыя картины. На одной изъ нихъ изображенъ военный служака-капитанъ, весь проникнутый чувствомъ своего служебнаго достоинства; на другой—«Возвращеніе пьяницы»—представленъ загулявшій рабочій, возвращающійся ночью въ свою семью и наводящій на нее трепетъ и страхъ. Послѣдняя картина исполнена самаго искренняго драматизма и производитъ сильное впечатлѣніе.

Замѣчательно хорошъ «Уголокъ рыбнаго рынка» Жильбера, на которомъ живьемъ схвачены типы рыбныхъ торговцевъ и торговцевъ; рядомъ съ этой картиной, по глубокой правдѣ изображенія, можетъ быть поставленъ развѣ «Абсентъ» Мариуса Мишеля, гдѣ передъ зрителями изображена часть кафе и ея посѣтители съ изумительной фотографической вѣрностью. Весьма выдаются также «Бродячіе музыканты» и «Рыбная торговка» Гакета. Нельзя не упомянуть также о жанрѣ Лобришона «Передъ букольнымъ театромъ»: выраженія лицъ нѣсколькихъ десятковъ дѣтей, увлеченныхъ зрѣлищемъ того, какъ полишинель болотитъ палкой полицейскаго комиссара, показываютъ въ художникѣ такую тонкую наблюдательность, какая встрѣчается не часто.

Пейзажей, какъ я сказалъ уже, цѣлая масса и между ними такъ много замѣчательныхъ, что было бы несправедливо, говоря объ однихъ, не упоминать объ другихъ, почему я вовсе обойду ихъ, такъ же какъ морскіе виды, изображенія животныхъ, цвѣтовъ и т. д. Портретовъ также, какъ я уже говорилъ, большое обиліе. Портретъ Гриви—Бонна очень удаченъ, но поза президента республики дурно выбрана. Портретистка Тьера г-жа Жакмонъ написала изумительную фигуру стараго чиновника, какъ будто выхваченную изъ фантастическихъ сказокъ Гофмана. Бенъ выставилъ Клемансо, но сдѣлалъ его почему-то чрезвычайно блѣднымъ. Портреты сенатора Анри Мартена и депутата Поля Берта—Ивонэ хороши, но нѣсколько сухо написаны. Портретъ Лепера—Фейе-Перрена очень тщательно вырисованъ, но на лицѣ бывшаго министра не видно присущаго ему добродушія. Портретъ новаго министра Констана неизвѣстнаго художника замѣчателенъ по своему сходству. Шарль Беккеръ изобразилъ генерала Галифе, но въ такой комической позѣ, которая вызываетъ невольную улыбку. Говорятъ, что на ея неудобство портретистъ указывалъ своему оригиналу, но послѣдній настоялъ, чтобы его изобразили именно такъ, какъ ему хотѣлось. Изъ пор-

третовъ, написанныхъ «импрессионистами», не позволяющими себѣ никакихъ отклоненій отъ природы, какъ бы это ни вредило изображеніямъ въ смыслѣ художественномъ, замѣчательны портреты Огюста Вавери—Леона Глаза, Нака—Альфонса Гирша и Мариуса Прота—Вальтона.

Въ качествѣ женскаго портретиста побѣдителемъ и на настоящей выставкѣ, какъ всегда, оказался Карольюсъ Дюранъ; болѣе другихъ, по манерѣ письма, къ нему подошелъ Оттъ, а по тщательной вырисовкѣ атласа и мѣха, лучшимъ портретомъ оказался портретъ какой-то госпожи X.—Бакаловича.

Изъ безчисленнаго множества портретовъ нашихъ артистовъ, ни одинъ не выдается особенно своимъ достоинствомъ, а одинъ изъ нихъ, портретъ г-жи Мельси (изъ театра Гимназіи), топорной работы художника Бенара, заслуживаетъ упоминанія, какъ курьёзъ. Артистка изображена на немъ, на сѣромъ шелковомъ канапе, сбрасывающею съ себя черныя салопа, причемъ обнаруживается, что она вся одѣта въ желтое; на ней желтое шелковое платье, желтыя ботинки и волоса окрашенные въ желтый же цвѣтъ.

Скульптурный отдѣлъ, хотя и бѣднѣе хорошими произведеніями, нежели на прежнихъ выставкахъ, удостоился присужденія двухъ изъ трехъ главныхъ выставочныхъ наградъ. Почетная медаль досталась скульптору Томà, а главная почетная премія цѣлой выставки молодому скульптору Сюзетà. Томà выставилъ мраморную статую покойнаго реймскаго архіепископа Ландріо; она очень величественна и хорошо исполнена, но по моему мнѣнію нѣсколько суха; за то мифологическая богиня, превращающаяся въ источникъ—Сюзетà до того восхительна, что обѣщаетъ намъ въ этомъ молодомъ скульпторѣ положительно новаго Прадье.

Публику въ скульптурномъ отдѣлѣ привлекаютъ однакоже главнѣйшимъ образомъ не эти увѣнчанныя произведенія, а «Арлекинъ»—Сен-Марсо. Со скрещенными руками, въ одной изъ которыхъ, разумѣется, его традиціонная палочка, онъ бросаетъ на публику изъ-подъ своей полумаски такой насмѣшливый взглядъ, что зрителю кажется, при видѣ его губъ, сложенныхъ въ сардоническую улыбку, что онъ улыбается. Тѣло, обрисовывающееся подъ складками платья, при безукоризненной анатомической точности, исполнено такого движенія, что одной этой статуей Сен-Марсо сразу заслужилъ себѣ значительную извѣстность.

Группа скульптора Дюмилатра, «Жертвы катастрофы съ аэростатомъ Зенитъ», исполнена очень энергично и производитъ мрачное впечатлѣніе; трупы Кроче-Спинелли и Сивелля лежатъ передъ зрителями, прикрыты широкимъ плащомъ.

Очень удаченъ «Геній безсмертія» Фалгьера, предназначенный для украшенія памятника Жана Рэйно, спиритуалиста-товарища Пьера Леру и Анри Мартена, подобно тому какъ «Геній исторіи» Шапо украшаетъ могилу Мишлэ.

«Орфей находящій Евридику»—Париса останавливаетъ общее

вниманіе по выраженію, приданному лицу воскресающей Евридики. Очень эффектна тоже «Умирающая Клеопатра». Гюставъ Дорѣ оказался такимъ хорошимъ скульпторомъ, какъ и живописцемъ; выставленная имъ «Мадонна съ младенцемъ Христомъ» замѣчательна по экспрессіи, приданной обоимъ лицамъ. Чрезвычайно хороша «Ребенокъ-спартанецъ» де-Пина, старающійся скрыть чувствуемую имъ боль. Кромѣ того, заслуживаютъ вниманія «Урокъ чтенія» Шатрюса, классически исполненные «Эдипъ и Антигона» Шредера и восхитительная фигура «Седэна» — Лекуанта, изображающая каменьщика-писателя въ минуту, когда онъ оставляетъ свою тяжелую работу, безъ сомнѣнія для того, чтобы писать новую сцену для одной изъ своихъ комедій. Тому же Лекуанту принадлежитъ и мастерская статуя Раблэ. Бюстовъ современниковъ—множество; изъ нихъ особенно хороши Пьера Веррона, редактора «Шаривари», работы Готерена, Гриви—работы Карье-Беллэза и критика Лапомера, исполненная г-жею Сарроу Бернаръ, (а можетъ быть и К^о...). Этимъ окончу свое описаніе скульптурнаго отдѣла; читатели могутъ видѣть изъ моего обзорѣнія, что хотя онъ и бѣднѣе прошлогодняго, но все-таки не представляетъ особеннаго недостатка недурныхъ произведеній, т. е. не показываетъ, чтобы и эта отрасль искусства клонилась во Франціи къ упадку.

Людвигъ.

Парижъ 24 іюня 1880.

НОВЫЯ КНИГИ.

Александръ Андреевичъ Ивановъ, его жизнь и переписка, 1806—1858 гг., издалъ М. Боткинъ. Спб., 1880 г.

Согласно общему правилу, строго соблюдаемому въ Россіи относительно всѣхъ нашихъ замѣчательныхъ людей, А. А. Ивановъ до сихъ поръ, 20 лѣтъ по смерти, не дождался своей біографіи. Читатели не найдутъ ея собственно и въ настоящемъ изданіи, но здѣсь собранъ довольно богатый матеріалъ, съ помощью котораго можно, по крайней мѣрѣ, воспроизвести передъ собою эту сложную, типично русскую натуру. Кромѣ краткаго жизнеописанія, въ книгѣ М. Боткина помѣщены воспоминанія разныхъ лицъ о знаменитомъ художникѣ, его переписка (т. е. уцѣлѣвшая), списокъ всѣхъ его произведеній съ указаніемъ ихъ теперешняго мѣстонахожденія, перечень статей и отзывовъ, когда-либо появлявшихся въ нашей печати объ Ивановѣ, наконецъ, два его портрета и нѣсколько гравюръ съ его произведеній. Книга несомнѣнно крайне интересная.

Александръ Андреевичъ Ивановъ былъ истиннымъ сыномъ своего времени и племени. Только русская жизнь можетъ производить подобныя натуры, гдѣ высочайшіе порывы свободнаго духа непонятно, несомнѣстимо перемѣшиваются съ полной заботливостью и приниженностью. Тридцатилѣтнее пребываніе въ Европѣ не въ состояніи было изгладить съ благороднаго лба клеймо, наложенное русской жизнью, и только подъ старость начинаетъ эмансипироваться этотъ страдалецъ. Ивановъ былъ дѣйствительно мученикомъ безчисленныхъ противорѣчій своей души, и вся жизнь его составляетъ медленный, тяжелый процессъ сожженія старыхъ боговъ. Все завѣщанное любящими родителями, какъ залогъ человѣческаго благополучія, все, что на родинѣ было принято за основу гражданскаго общежитія, постепенно разрушалось, оказывалось ложью. А когда этотъ процессъ окончился, когда Ивановъ созналъ, наконецъ, себя, какъ человѣкъ и художникъ, жить уже было поздно: ему стукнуло 50 лѣтъ.

Въ первоначальномъ воспитаніи Иванова мы не находимъ никакихъ чрезвычайныхъ событій, способныхъ пришибить человѣка. Его молодость прошла тихо и мирно. Отецъ его не былъ ни деспотомъ, ни самодуромъ и въ послѣдствіи находился съ сыномъ въ чисто-товарищескихъ отношеніяхъ. Прекрасная подготовка, природный талантъ и покровительство отца (онъ былъ профессоромъ ак. худ.) обезпечивали положеніе молодого Иванова въ академіи. По всей вѣроятности, эта мирная обстановка и была причиною того, что господствующія тенденціи эпохи такъ ерѣвико ерѣзались въ душу Иванова. Несчастіе, гнѣтъ пробуждаютъ критику и протестъ, заставляютъ усомниться въ справедливости внушаемаго изъ-подъ палки. Но Ивановъ не испыталъ ничего подобнаго, и вся пошлость окружающей жизни, подъ прикрытіемъ родственной ласки, одобренія начальства и полнаго матеріальнаго довольства, могла безпрепятственно пропитывать молодое, впечатлительное существо. Общественная философія этихъ несчастныхъ временъ достаточно извѣстна. Ивановъ родился, можно сказать, вмѣстѣ съ тѣмъ направленіемъ, которое въ послѣдствіи создало Магницкихъ, Рунчей, Аракчеевыхъ и разлилось по Россіи мрачной, «допотопной» эпохой 30-хъ годовъ. Результатъ глубокаго невѣжества, это направленіе создало общественную философію, основанную на полномъ отричаніи личности. Всѣ стремленія, всѣ страсти, въ совокупности составляющія личность человѣка, аттестовались вмѣстѣ и порознь, какъ нѣчто грѣховное. Любовь, пытливость ума, стремленіе къ независимости — все это грѣхъ, развратъ, порожденіе дьявола. При такомъ опредѣленіи грѣха, человѣкъ, разумѣется, не могъ не проникнуться глубокимъ презрѣніемъ къ себѣ самому и ко всему человѣчеству, потому что, не смотря на всѣ усилія, не могъ не проявлять своей личности, т. е. значить, грѣшнить. Послѣдовательное проведеніе этого противуестественнаго міросозерцанія подрывало самое существованіе общества и порождало полное недовѣріе между людьми.

Люди — злые, коварные, вѣчно жаждущіе кого-нибудь погубить, возбуждаютъ къ себѣ не одно презрѣніе, но и страхъ. Постоянно опасаящийся людей и въ тоже время презирающій себя, потерявшій по принципу чувство собственного достоинства, человекъ легко идетъ на всякія униженія, на всякую пакость, чтобы только задобрить злыхъ людей. Такъ появляется молчалинскій типъ, готовый угождать не только дворнику, но и собакамъ дворника, чтобы ласкова была. Натуры болѣе высокаго качества, не привязанныя къ житейскимъ благамъ, оказываются въ еще худшемъ положеніи: къ обществу ихъ ничто не привязываетъ, и имъ остается одно—бѣжать въ монастырь, бѣжать въ уединенную студию художника, въ тихій кабинетъ ученаго, подальше отъ развратнаго, неисправимаго міра.

Ивановъ принадлежалъ къ типамъ послѣдняго рода. Никакія мрачныя теоріи, никакіе молчалинцы не въ состояніи были заглушить въ немъ вспыхъ человѣческихъ побужденій. Съ ранней юности въ немъ пробуждается стремленіе служить человечеству, Россіи. Онъ вообще былъ большой патриотъ. 21-го года, онъ упрекаетъ Рабуса (его другъ и покровитель) за то, что тотъ работаетъ на нѣмецкомъ языкѣ: «нѣмцы всего имѣютъ въ изобиліи, а мы русскіе... сами знаете», говоритъ онъ и прибавляетъ: «прискорбно мнѣ было читать ваше письмо». Служеніе искусству у него тѣсно связывалось съ идеей человѣческой пользы. «Выборъ сюжета для будущей картины моей, пишетъ онъ въ общество поощренія художниковъ (1831 г.):—долго затруднялъ меня; я думалъ, какъ бы возбудить вниманіе холоднаго современника, какой предметъ взять, чтобы онъ почувствовалъ и любовь, и привязанность къ моему искусству». Проникнутый горячимъ религиознымъ чувствомъ, Ивановъ остановился тогда на «Явленіи Мессіи», какъ величайшемъ моментѣ въ исторіи человечества. Впослѣдствіи онъ сталъ думать иначе, но постоянное убѣжденіе въ утилитарномъ значеніи искусства привело его къ выводамъ по истинѣ гениальнымъ. Задача искусства (см. письма и бесѣды съ Герценомъ), говорилъ онъ, воплощать идеи современной намъ цивилизаціи: этимъ соотвѣтствіемъ съ жизнью было велико искусство древности и среднихъ вѣковъ; въ наше время должно быть тоже самое, и только при такомъ условіи возможно процвѣтаніе самаго искусства. Таже идея о тѣсной связи жизни и искусства подсказываетъ Иванову мысль о національных картинныхъ галереяхъ (1833 г.), которыя онъ рекомендуетъ основывать только на первый разъ съ помощью правительства, а затѣмъ уже «извѣстить публику, что если нравятся таковыя храмы искусства, то начинать складываться для построенія другого ему подобнаго» (35 стр.). Естественно, что при такихъ взглядахъ Ивановъ относился къ работѣ чрезвычайно серьезно. Чуть не мальчикомъ, онъ уже сворбитъ о недостаточности своего образованія, начинаетъ изучать французскій языкъ, перечитываетъ доступныя ему русскія книги (Шлегель, Журналъ изящ. искусствъ и пр.), поль-

зуются переводами друзей (Рабусъ). Въ Итали онъ работалъ неутомимо. Великіе мастера живописи были имъ изучаемы постоянно. Не было такой галереи, такой церкви, гдѣ бы онъ не осмотрѣлъ все, мало мальски замѣчательное. Онъ постоянно совѣтовался съ Торвальдсеномъ, Камучини, Овербекомъ и пр., по поводу своихъ работъ, и не писалъ ни одной линіи, не продумавши ея со всѣхъ сторонъ. «Явленіе Мессіи» онъ писалъ 27 лѣтъ, да и то считалъ картину не отдѣланной. Безконечное множество этюдовъ до сихъ поръ остается живымъ памятникомъ этого упорнаго труда. «А какъ же-съ, отвѣчалъ онъ на замѣчанія друзей:—этюды-съ, мнѣ прежде всего-съ нужны этюды съ натуры, мнѣ безъ нихъ никакъ нельзя съ моей картиной» (стр. 401). Вотъ, на примѣръ, какъ онъ описываетъ Гоголю (стр. 125) свои работы: «Черезъ три дня уѣду... въ Перуджію для наблюденія купающихся въ Тибрѣ... Перваго мая надѣюсь быть въ Мизѣ видѣть праздники отпущенія грѣховъ, съ надеждою что-нибудь почерпнуть для своихъ фізіономій въ семъ религіозномъ торжествѣ. Второго или третьяго отправляюсь въ Синигалью на ярмарку присмотрѣться къ азиатскимъ чертамъ лица. Перебывъ тамъ два или три дня, отправляюсь во Флоренцію для скопированья нѣкоторыхъ этюдовъ въ галереѣ Питти», затѣмъ онъ рассчитывалъ отправиться въ горы рисовать рѣчные камни и пр. Для наблюденія «благородныхъ» еврейскихъ фізіономій, онъ ѣздилъ въ Геную (потому что въ Римѣ евреи слишкомъ унижены), еще гдѣ-то рисовалъ кипарисы для «Магдалины» и т. д. Книгъ онъ перечиталъ массу. Все относящееся до Палестины, Ассиріи, Египта зналъ, какъ рѣдкій археологъ, біблію и евангеліе помнилъ наизусть. Слѣдилъ также и за европейской литературой. Между прочимъ, онъ съ особеннымъ вниманіемъ изучалъ Штрауса и даже ѣздилъ къ нему переговорить объ Иисусѣ Христѣ. Всѣ воспоминанія объ Ивановѣ единогласно говорятъ о той внимательности, съ которой онъ относился къ работѣ. Искусство для Иванова было не забавой, не промысломъ, а священнодѣйствіемъ и высочайшимъ общественнымъ подвигомъ. Работу за деньги онъ глубоко презиралъ и былъ къ ней физически неспособенъ. При такомъ отношеніи къ искусству, въ глазахъ Иванова подымался на недостижимую высоту и художникъ-жрецъ искусства. «Вы полагаете, пишетъ онъ отцу:—что жалованье въ 6—8 тысячъ по смерти, получить красивый уголъ въ академіи, есть уже высокое блаженство для художника, а я думаю, что это есть его совершенное несчастье. Художникъ долженъ быть совершенно свободенъ, никогда ничему не подчиненъ, независимость его должна быть безпредѣльна» (103). Этого рода воззрѣнія онъ высказывалъ постоянно и, какъ святыню, берегъ у себя въ альбомѣ записочку Гоголя, гдѣ сказано между прочимъ: «Какъ ничтожно все происходящее въ мірѣ сравнительно съ тѣмъ, что совершается въ уединенной кельѣ художника». Ивановъ искренно сокрушался, когда его выбрали членомъ академіи, думалъ даже отказаться, да побоялся обидѣть

«удостоивающихъ». Еще болѣе тревоги возбуждало въ немъ опасеніе быть выбраннымъ въ профессора. Когда Марковъ началъ въ глазахъ академіи затемнять Иванова, онъ обрадовался: «Марковъ—мой громоотводъ», замѣчаетъ онъ.

Нужно теперь представить себѣ весь трагизмъ такого положенія: этотъ «безпредѣльно свободный» жрецъ величественнѣйшаго въ мірѣ культа былъ въ тоже время съ дѣтства преисполненъ сознанія своего полнѣйшаго ничтожества, какъ человѣка. Человѣкобоязнь, убѣжденіе въ человѣческой злобѣ и коварствѣ—держали художника въ постоянномъ трепетѣ. Молчалинская философія смиренія долгое время руководила всѣмъ поведеніемъ Иванова. Онъ почти съ ужасомъ рассказываетъ о дерзости Брюлова, когда этотъ послѣдній, раздраженный проволочками въ доставкѣ денегъ обществомъ поощренія художниковъ, отослалъ имъ деньги обратно. На такую штуку Ивановъ былъ совершенно неспособенъ. Смиранный, боязливый, онъ могъ только запереться отъ людей на семь замковъ, да и лишь тогда, если они за это не очень сердились. Онъ уединялся въ своей студіи и еще сильнѣе привязывался къ искусству, которое одно его не оскорбляло, которое возвышало его, давало ему сознаніе своего значенія и достоинства. Къ несчастью, художникъ былъ бѣденъ, а искусство требовало большихъ средствъ. Онъ прибѣгаетъ къ помощи общества поощренія художниковъ, получаетъ пособіе, но за то связанъ «инструментами». «Безпредѣльно свободный художникъ» оскорбляется, ропщетъ втихомолку, но терпитъ, забывая въ искусствѣ всѣ свои огорченія. Онъ уже началъ своего «Мессію», который долженъ вывести его изъ ничтожества на высоту Рафаэля и Леонардо да-Винчи, но это—работа трудная, медленная. А невѣжественное общество не хочетъ ждать, требуетъ картинъ. Начинается цѣлый рядъ униженій. «Доношенія» свободного художника испещряются выраженіями въ родѣ «благодѣтели мои», «ваши милости», «великодушное сословіе» и проч. Интимная переписка Иванова переполнена предостереженіями (брату, отцу) насчетъ необходимости беречься людей, не заноситься, не раздражать ихъ. Брата онъ увѣщаетъ не ссориться съ начальствомъ, потому что это можетъ разрушить все его «счастье». Отцу совѣтуетъ не писать аллегорическихъ картинъ: «Предметъ аллегорическій, куда входитъ императорская особа, не только непонятенъ для публики, но еще и опасенъ для самого художника. Злой невѣжда, а у насъ ихъ много, истолкуетъ самую невинную мысль художника сатирою, и вотъ ни въ чемъ неповинный безмолвно погибаетъ» (стр. 115). Передавая какія либо невыгодныя для кого-нибудь свѣдѣнія, Ивановъ никогда не забываетъ прибавить: «не сообщайте никому», «держите въ тайнѣ» и проч. Трудно придумать, кого онъ только не боялся. Даже посѣтители студіи приводили въ смущеніе свободного художника: онъ, неизвѣстно зачѣмъ, встрѣчалъ ихъ на лѣстницѣ, выходилъ провожать и вообще такъ терялся, что жаль было смотрѣть. Спорить онъ ни-

когда не рѣшался и рѣдко возражалъ даже на самыя антипатичныя ему мнѣнія. Какая-то баба, передъ которой онъ провинился, кажется, тѣмъ, что уговорилъ ея любовника прекратить связь, такъ напугала бѣднягу, что онъ просилъ Гоголя не поселиться на Via Felice, гдѣ жила эта госпожа: а то нельзя будетъ ходить. На бѣду, его еще напугалъ русскій консулъ въ Генуѣ, пригрозивши выслать на родину. Ивановъ долго не могъ забыть этого случая. Онъ боялся даже взять присланныя ему изъ академіи деньги и спрашивалъ графиню Апраксину: «что это за бумага, вслѣдствіе чего она прислана, можно ли быть увѣреннымъ, что не понесу новыхъ страданій, если возьму эти маленькія деньги». Желалъ онъ однажды видѣться съ Маццини и сейчасъ же спрашиваетъ: «не будетъ ли имѣть это свиданіе для меня пагубныхъ послѣдствій отъ римскаго правительства?» (290 стр.). Самое стремленіе поставить искусство на новыхъ началахъ, какъ выраженіе идей современной цивилизаціи, омрачалось для Иванова опасеніемъ, не возбудитъ-ли это на него преслѣдованій со стороны охранителей status quo. Этотъ вѣчный трепеть передъ всѣми живыми существами, подозрительность и ожиданіе всякихъ обидъ отъ ближнихъ, наконецъ, довели несчастнаго художника до чистаго помѣшательства: онъ воображалъ, что его кто-то старается отравить, началъ самъ себѣ готовить пищу, избѣгалъ обѣдать въ ресторанахъ и при малѣйшемъ подозрѣніи принималъ послѣ обѣда рвотное.

Легко вообразить, какимъ мучительнымъ крестомъ была жизнь человѣка, сложеннаго изъ такихъ двухъ половинокъ. Но внутренний разладъ на этомъ не оканчивался. Мы упоминали уже, что Ивановъ былъ вначалѣ человѣкъ очень религіозный. Нужно прочесть, съ какимъ теплымъ чувствомъ онъ описываетъ монастыри, церковную службу и проч. (см. письмо сестрѣ изъ Рима). Мало по малу, однако, въ его душу начали закрадываться сомнѣнія. Еще въ 1844 году онъ пишетъ Гоголю: «Одно мѣсто письма вашего, что я далеко не христіанинъ и проч., заставляетъ меня задумываться. *Я не въ состояніи теперь же на это отвѣчать*». Мало по малу, сомнѣнія дошли до степени увѣренности, а между тѣмъ вся жизнь была уложена въ одну идею, чисто христіанскую («Явленіе Мессіи»). Исчезла вѣра, и оказалось, что жизнь прошла даромъ. «Вотъ что меня тяготитъ, съ чѣмъ я не могу сладить, говорить онъ Г. въ 1857 г.:—я утратилъ ту религіозную вѣру, которая мнѣ облегчала работу, жизнь... Часто я вспоминалъ наши разговоры: вы правы, да что мнѣ изъ этого... Миръ души разстроился, сыщите мнѣ выходъ, укажите идеалы». Тотъ же самый процессъ произошелъ и въ общественныхъ симпатіяхъ Иванова. Большая часть людей, его знавшихъ, утверждаютъ, что онъ не интересовался политикой. Переписка и записныя книжки художника положительно опровергаютъ это мнѣніе. Въ 1848 году онъ съ огромнымъ интересомъ отнѣчается народное движеніе, указываетъ на то, что свободныя учрежденія положили отпе-

чатою особеннаго благородства на генуэзцевъ и проч. Канцелярскій формализмъ и придирки чиновниковъ стараго времени под конецъ возбуждаютъ въ Ивановѣ открытый протестъ. Такъ онъ рѣшился прямо не пустить къ себѣ въ студию начальнига русскихъ художниковъ. «Вы не повѣрите, пишетъ онъ Апраксиной:—какъ скучно смотрѣтъ на этихъ людей, которыхъ все занятіе состоитъ какъ будто въ томъ, чтобы безпокоить людей, истинно и дѣльно занимающихся» (245). А когда, при выдачѣ денегъ, возникъ вопросъ о разныхъ формальностяхъ, Ивановъ пишетъ: «не знаю, принять ли этотъ разговоръ за простой и обыкновенный правительственнаго лица съ вѣрноподаннымъ русскимъ... или и въ самомъ дѣлѣ тутъ нужна бумага» (245 стр.). Вообще нужно сказать, что, какъ ни тяжела была внутренняя ломка, Ивановъ вышелъ изъ нея побѣдителемъ. Онъ сжегъ все, чему поклонялся, и сознавалъ ясно, что весь результатъ многотрудной жизни заключался въ одномъ приобрѣтеніи техники и выработкѣ правильныхъ взглядовъ на искусство; но, не смущаясь этимъ, не смущаясь своими 52-мя годами, онъ бодро готовился къ работѣ въ новомъ направленіи: братъ художника сообщаетъ любопытныя подробности о его новыхъ планахъ. Лично, какъ человѣкъ, Ивановъ тоже видимо воскресалъ. П. М. Ковалевскій такъ описываетъ его жизнь въ Интерлакенѣ въ 1857 году: «Беззаботность жизни, разговоры на распашку и смѣхъ въ дружескомъ кружкѣ русскихъ, надежды, бодрившія старика въ скоромъ будущемъ, все сдѣлало изъ него неузнаваемаго человѣка. Ивановъ точно начиналъ только жить... Монахъ въ жизни, онъ пробовалъ ее только теперь и наслаждался каждымъ глоткомъ ея. Откровенный разговоръ, острая выходка, споръ съ заносчивостью и увлеченіемъ... все звучало ему ново и даже назидательно... «Весьма много любопытнаго почерпнулъ сегодня», говорилъ онъ, бывало, вечеромъ и покачивалъ съ довольствомъ головой»... (404 стр.). Въ это же время онъ писалъ Г., а потомъ отправился къ нему въ Лондонъ, чтобы переговорить о своихъ новыхъ взглядахъ на истинныя задачи искусства. Передъ нимъ какъ будто открывалась новая жизнь, но судьба и тутъ не оставила въ покоѣ своего пасынка: въ 1858 году Ивановъ умеръ.

Онъ умеръ на родинѣ. Оправдался его суевѣрный ужасъ передъ Петербургомъ. Привезши свою картину, Ивановъ больше всего хлопоталъ о томъ, чтобы поскорѣе ее сбыть и уѣхать снова изъ Россіи. Петербургскій климатъ дѣйствовалъ на него убійственно. Еще хуже повліяли неприятели съ картиной, потянулось дѣло объ условіяхъ. Безпокойный и мнительный характеръ Иванова дѣлалъ для него эти проволочки нестерпимыми. Наконецъ, ему было объявлено, что ему предлагаютъ 10,000 единовременно и 2,000 ежегодной пенсіи. Ивановъ согласился, но дѣло почему-то опять затянулось, и Иванову объявили, что еще ничего не рѣшено. Огорченный и разстроенный, вернулся

художникъ съ аудіенціи, заболѣлъ и черезъ три дня освободился навѣки ото всѣхъ своихъ сомнѣній, разочарованій и тревогъ.

Владимира Соловьева. Критика отвлеченныхъ началъ. Москва. 1880.

В. Д. Вольфсонъ. Позитивизмъ и «критика отвлеченныхъ началъ» В. Соловьева. Спб. 1880.

Книги, подобныя книгѣ г. Соловьева, глубоко-ученыя, непомярно-глубокомысленныя, до отчаянія толстыя, ставятъ рецензента въ презатруднительное положеніе. Въ самомъ дѣлѣ, какъ съ ними быть? Говорить о нихъ по существу? Но будетъ-ли стоить игра свѣтъ? А, главное, надо о читателѣ помнить, если не изъ чувства состраданія къ нему, то по чувству самосохраненія къ себѣ. Въ исторіи журналистики еще свѣжо преданіе о печальной судьбѣ «Атенея», почтеннаго журнала, почтенно и солидно толковавашаго о «сухихъ туманахъ» и погибшаго преждевременно «въ борьбѣ съ равнодушіемъ публики». Сухіе туманы, сухія матеріи—плохой и неблагодарный предметъ для собесѣдованія съ читателемъ. Возможенъ, правда, другой исходъ. Можно было бы представить такую, напримѣръ, рецензію: «Предметомъ книги г. Соловьева являются «отвлеченныя начала», которыя нашъ молодой ученый и критикуетъ съ свойственною ему глубиною и проникаемостью. Бумага плотная, шрифтъ прекрасный, дѣна умѣренная. Форматъ книги не оставляетъ желать ничего лучшаго. Пожелаемъ усѣха этому добросовѣстному труду, дѣлающему честь русской философской мысли». И затѣмъ—точка! Если читатель, обольщенный такою «рецензіей», приобрететъ книгу г. Соловьева — пусть и справляется съ своимъ несчастіемъ какъ знаетъ: рецензентское дѣло тутъ сторона. Но, однако, можно-ли такъ? Не лягутъ-ли тяжелымъ бременемъ на совѣсть рецензента тѣ рублики или трехрублевки, которыя пожертвуетъ читатель на приобретение сочиненія г. Соловьева, а, главное, то время, которое потратитъ онъ на его прочтеніе? Попытаемся же, отнюдь не вдаваясь въ бесплодную полемику съ г. Соловьевымъ, резюмировать содержаніе его взглядовъ.

Задача эта, въ сущности, очень не замысловатая. Мы прочли книгу г. Соловьева до послѣдней страницы, но сдѣлали это гораздо болѣе по чувству долга, чѣмъ по необходимости. Достаточно просмотрѣть предисловіе г. Соловьева, чтобы сразу понять, съ кѣмъ имѣешь дѣло. Извѣстно, что характеристическою чертою современной наукъ и современной философіи является стремленіе къ возможно широкимъ обобщеніямъ, къ объединенію не только частныхъ фактовъ, но и отдѣльныхъ законовъ и «силъ», функций которыхъ считались и до сихъ поръ отчасти считаются совершенно самостоятельными. Г. Соловьевъ не лькомъ шить и отставать отъ общаго движенія, разумѣется, не согласенъ. Онъ поднимается еще одною ступенью выше по лѣстницѣ синтеза и хлопочетъ объ «осуществленіи положительнаго всеединства въ жизни, знаніи и творчествѣ». Къ сожалѣнію, г. Соловьевъ понимаетъ задачу синтеза весьма своеобразнымъ образомъ.

Авторъ прямо заявляетъ, что «въ основѣ истиннаго знанія лежить мистическое или религиозное воспріятіе, отъ котораго только наше логическое мышленіе получаетъ свою *безусловную* разумность, а нашъ опытъ—значеніе безусловной реальности. Будучи непосредственнымъ предметомъ знанія мистическаго, истина (все-единое сущее) становится предметомъ знанія естественнаго» (XII). Въ другомъ мѣстѣ онъ еще рѣшительнѣе заявляетъ, что «нравственное значеніе общества опредѣляется религиознымъ или мистическимъ началомъ въ человѣкѣ». Мы, конечно, ровно ничего не имѣемъ противъ этого взгляда. Но мы желали бы отъ автора болѣе послѣдовательности и смѣлости. Ему рѣшительно не въ лицу брать на себя защиту разума, «начала чисто человѣческаго или рациональнаго», какъ выражается г. Соловьевъ. «Вѣрю, потому что недѣло», какъ говоритъ извѣстное латинское изрѣченіе—вотъ настоящій девизъ истинной мистики. Мы рѣшительно недоумѣваемъ, и г. Соловьевъ нисколько не разъясняетъ нашихъ сомнѣній, какимъ путемъ можно было бы ввести въ эту область, не посягая на ея цѣлостность, элементъ свободной критики, то «рациональное начало», которое такъ горячо защищаетъ г. Соловьевъ, напримѣръ, въ XXII главѣ своей книги. Ларчикъ, однакоже, открывается просто. Г. Соловьеву и хочется, и колется; онъ съ одной стороны признается, съ другой стороны сознается и, въ концѣ-концовъ, являетъ собою міру довольно печальное зрѣлище любу мудра, сидящаго между двухъ стульевъ.

Это «и хочется, и колется» красной нитью проходитъ черезъ всю книгу г. Соловьева. Приведемъ два-три примѣра. Разсуждаетъ г. Соловьевъ о морали. Извѣстно, что относительно воззрѣній на мораль и, главнымъ образомъ, на ея генезисъ существуетъ довольно значительное число философскихъ школъ, въ ряду которыхъ крайними и противоположными полюсами являются съ одной стороны школа такъ называемая интуитивная, съ другой—школа утилитарная. Интуитивная школа считаетъ нравственныя понятія прирожденными человѣку, непосредственными; утилитарная школа выводитъ ихъ изъ опыта, ставитъ ихъ въ зависимость отъ все болѣе и болѣе расширяющагося и просвѣтляющагося человѣческаго сознанія. Очевидно, что никакого мостика черезъ пропасть, отдѣляющую эти двѣ основныя школы нравственности, перекинуть нельзя. Какже распорядается въ этомъ затруднительномъ случаѣ г. Соловьевъ? Да по обыкновенію. Сначала онъ утверждаетъ, что интуитивная мораль «сама отказывается отъ всякаго теоретическаго значенія, такъ какъ въ самомъ принципѣ своемъ отрицаетъ основное теоретическое требованіе этики дать разумное объясненіе или оправданіе основному нравственному факту и признаетъ только этотъ фактъ въ его непосредственномъ эмпирическомъ существованіи» (43). Черезъ нѣсколько страницъ авторъ совершаетъ уже нѣкоторый поворотъ: «всѣ нравственныя понятія, говоритъ онъ:—*совершенно априорны* (курсивъ нашъ), т. е. имѣютъ свое мѣсто и

источникъ въ разумѣ и притомъ въ самомъ обыкновенномъ человѣческомъ разумѣ не менѣе, чѣмъ въ самомъ умозрительномъ, что, слѣдовательно, они не могутъ быть отвлечены ни отъ какого эмпирическаго и потому случайнаго познанія, и что въ этой чистотѣ ихъ происхожденія и заключается все ихъ достоинство, благодаря которому они могутъ служить намъ высшими критическими принципами» (55). А еще черезъ два десятка страницъ авторъ уже рѣшительно заявляетъ, что «разсудочнымъ и эмпирическимъ путемъ нельзя доказать нравственное достоинство какова бы то ни было лица или дѣйствія, такъ же, какъ нельзя доказать этимъ путемъ и эстетическую красоту. И то, и другое есть дѣло непосредственной живой интуиціи» (73). Вотъ и извольте тутъ разобраться. Положеніе автора, очевидно, безвыходное. Какъ мистикъ, ему необходимо держаться ученія интуитивовъ; какъ философъ, онъ столь же необходимо долженъ уважать разумъ и его верховныя права. Какъ тутъ быть? Остается только по комфортабельнѣе улечься между стульями.

Разсуждаетъ г. Соловьевъ о другомъ коренномъ вопросѣ философіи—о свободѣ воли. Понимая задачу синтеза исключительно въ смыслѣ прискиванія болѣе или менѣе благовидныхъ компромиссовъ между противоположными и враждебными другъ другу возрѣніями, г. Соловьевъ и въ этомъ случаѣ заботится только о томъ, чтобы и волковъ накормить, и овецъ сохранить. Для этого онъ употребляетъ нѣкоторый діалектическій фокусъ-покусъ, можетъ быть и замысловатый, но, въ сущности, ровно ничего не разрѣшающій. Всѣ явленія имѣютъ свою причину и предопредѣляются ею—этого основоположенія г. Соловьевъ «не подвергаетъ сомнѣнію». Но вѣдь явленія не имѣютъ «абсолютной реальности»; явленія—это не болѣе, какъ «представленія, а не вещи сами по себѣ». Ну, такъ что-жь? спроситъ читатель. А то, съ побѣдоноснымъ видомъ отвѣчаетъ г. Соловьевъ, что, стало-быть, «явленія должны имѣть сами такія основанія, которые уже не суть явленія» (100). Читатель, конечно, ошеломленъ такимъ неожиданнымъ выводомъ, да и самъ г. Соловьевъ сознается, что его діалектическій фокусъ «кажется въ высшей степени тонкимъ и темнымъ» (100). Еще бы! Тѣмъ не менѣе, г. Соловьевъ цѣлко, какъ за якорь спасенія, держится за свое различіе «умопостигаемыхъ» и «эмпирическихъ» причинъ, потому что только въ немъ видитъ возможность примиренія «природы» съ «свободой». Это, конечно, пусть будетъ какъ г. Соловьеву угодно. Спорить съ нимъ мы не намѣрены. Мы указываемъ только на постоянную тенденцію автора примирять непримиримое и соглашать несогласимое, посредствомъ-ли механическаго эклектизма, путемъ-ли діалектическихъ хитросплетеній или, наконецъ, просто одновременнымъ выраженіемъ двухъ противоположныхъ взглядовъ.

Обходя уморительныя разсужденія г. Соловьева о социализмѣ и «мѣщанскомъ царствѣ» (социализмъ, видите-ли, ничѣмъ существеннымъ не отличается отъ ученія экономистовъ, такъ какъ,

по мнѣнію г. Соловьева, имѣеть въ виду лишь матерьяльное благосостояніе, на которое нашъ мистическій философъ смотритъ чрезвычайно презрительно), любопытно посмотрѣть на тѣ конечные индивидуальныя и общественныя идеалы, которые рекомендуетъ г. Соловьевъ. Сущность этихъ идеаловъ понять не легко, если только даже возможно. По мнѣнію г. Соловьева, «истинный, нормальный человѣкъ безусловно солидаренъ со всеми или мыслимъ только во всемъ и точно также всѣ немислимы безъ него: человѣкъ или человѣчество есть *существо, содержащее въ себѣ* (въ абсолютномъ порядкѣ) *божественную идею*, то есть *всеединство*, или безусловную полноту бытія, и *осуществляющее* эту идею (въ естественномъ порядкѣ) *посредствомъ разумной свободы въ матерьяльной природѣ*» (186) (курсивъ автора). Противъ такого идеала (предварительно, разумѣется, очищеннаго отъ всякихъ мистическихъ наслоеній à la г. Соловьевъ) трудно, да и нѣтъ надобности спорить. Личность, воплощающая въ себѣ «безусловную полноту бытія», солидарная «во всемъ» съ человѣчествомъ и необходимая для него—полнѣе, шире и выше этого индивидуальнаго идеала ничего и придумать нельзя. Но философія г. Соловьева тѣмъ и отличается, что разрушаетъ одной рукой то, что создано другой. Казалось бы, если каждый олицетворяетъ собою «всю полноту бытія», то изъ этого, по всѣмъ правиламъ элементарнѣйшей логики, вытекаетъ и тождественность правъ и обязанностей. Такой выводъ, понятно, глубоко противенъ г. Соловьеву, и онъ начинаетъ свои общія оговорочки и урѣзочки: каждый, говоритъ г. Соловьевъ, долженъ имѣть «нѣкоторую коренную особенность, отличающую его отъ всѣхъ другихъ и дающую ему опредѣленное и нигдѣ другимъ незамѣнимое мѣсто и значеніе въ составѣ абсолютнаго цѣлаго» (188). Понимаете, читатель, куда дѣло пошло? Дальше въ лѣсъ, больше дровъ: «хотя, говоритъ г. Соловьевъ:—всѣ равно участвуютъ въ абсолютной идеѣ или входятъ въ составъ всеединства, но каждый, въ силу своего собственнаго качества представляя эту идею особеннымъ образомъ, самъ является какъ нѣкоторая особенная, специальная идея, необходимая для полноты всеединого: другими словами, хотя всѣ они по отношенію къ цѣлому или въ абсолютномъ (sub specie aeternitatis) тождественны между собою, какъ всѣ конечныя величины равны между собою по отношенію къ величинѣ безконечной, но взаимное ихъ отношеніе другъ къ другу, въ силу особенности или специальной идеи каждаго, необходимо является различнымъ» (188). Дѣло, такимъ образомъ, окончательно выясняется. Личность должна выражать собою всю общечеловѣческую, міровую идею—всю, за исключеніемъ всѣхъ тѣхъ частныхъ, специальныхъ идей, которыя составляютъ ея необходимыя элементы, но практическое выраженіе которыхъ (по мысли г. Соловьева) составляетъ обязанность и принадлежность другихъ индивидуумовъ. Много-ли, спрашивается, остается отъ «всеединой идеи» въ распоряженіи личности? Объ этомъ

г. Соловьевъ не заботится, онъ заботится лишь о томъ, чтобы, говоря вульгарно, какое нибудь суконное рыло не пробралось въ завѣтный калачный рядъ, чего успѣшно и достигаетъ. Въ самомъ дѣлѣ, *въ идеѣ* всѣ личности равны между собою, потому что всѣ онѣ передъ лицомъ «всеединства» одинаково ничтожны, одинаково нули, какъ одинаково ничтожны всѣ конечныя числа передъ безконечно большимъ числомъ. Но *фактъ*—дѣло иное: и двугривенный—деньги, и сто рублей—деньги, выражаютъ они одну и ту же идею, передъ безконечностью одинаково ничтожны, но это нисколько не препятствуетъ сторублевкѣ быть ровно въ пятьсотъ разъ цѣннѣе двугривеннаго. Понимаете, читатель? Ничего, штука ловкая!

Таковы индивидуальныя идеалы г. Соловьева. Соотвѣтственнаго достоинства и его общественныя идеалы. Общество должно слиться съ «перевью», отношенія между его членами должны регулироваться «любовью»... «Позвольте! воскликнетъ читатель.— Это что-то знакомое, я гдѣ-то читалъ нѣчто подобное». И даже очень знакомое: въ «Братьяхъ Карамазовыхъ» г. Достоевскаго, старецъ Зосима развиваетъ ту же самую общественную теорію, но развиваетъ ее, если не съ большею толковостію и опредѣленностію, чѣмъ г. Соловьевъ, то съ большею горячностію, со страстію, съ убѣжденіемъ. Въ «Перепискѣ съ друзьями» Гоголя тоже можно встрѣтить не мало намековъ соотвѣтственнаго содержания. Такимъ образомъ, теорія г. Соловьева не представляетъ собою даже интереса новизны. Все, что внесъ въ нее нашъ авторъ самобытнаго и оригинальнаго, заключается въ «синтетическомъ» примиреніи «неограниченнаго федерализма» съ «безусловною централизаціею» (189), примиреніи, представляющемъ собою только одинъ изъ безчисленныхъ образчиковъ обычнаго стремленія г. Соловьева соглашать несогласимое.

Такимъ, если можно такъ выразиться, убудочнымъ характеромъ отличается вся книга г. Соловьева. Мы далеки отъ мысли заподозрѣвать чистоту намѣреній автора. Онъ нерѣдко приходитъ къ выводамъ, по истинѣ, возмутительнымъ, но дѣлаетъ это, очевидно, отнюдь не изъ сознательнаго іезуитизма, а просто по своей беззащитности. Въ заглавіи онъ обѣщаетъ «критику», на дѣлѣ же оказывается неспособнымъ къ ней даже до смѣшного или до печальнаго. Излагаетъ онъ мнѣнія какого нибудь философа и, подавляемый его діалектикой и логикой, благодушно киваетъ утвердительно головою на всѣ его выводы; излагаетъ мнѣнія другого философа, противоположнаго направленія, и съ немнѣлимымъ благодушіемъ соглашается и съ нимъ. Чувствуя потребность выйдти изъ такого затруднительнаго положенія, онъ беретъ кое-что у одного авторитета, кое-что у другого, у третьяго, все это механически склеиваетъ и представляетъ читателю какъ результатъ своей «синтетической» работы. Конечно, выходитъ не синтезъ, даже не эклектизмъ, а просто-напросто сумбуръ, плѣнной мысли раздраженіе.

Брошюра г. Вольфсона, направленная против г. Соловьева, въ защиту позитивизма, по самой цѣли своей относится только къ одной и, притомъ, сравнительно говоря, незначительной сторонѣ вопроса. Вѣрный себѣ въ своихъ ежеминутныхъ, ежесекундныхъ противорѣчiяхъ, г. Соловьевъ наговорилъ о позитивизмѣ цѣлую кучу взаимно другъ друга уничтожающихъ вещей, и вотъ на эти-то именно противорѣчiя г. Вольфсонъ съ полнымъ основанiемъ и указываетъ въ своей брошюрѣ. Мы не понимаемъ, однакоже, почему г. Вольфсонъ усматриваетъ въ сочиненiи г. Соловьева «обильный матерьялъ для разъясненiя многихъ чрезвычайно важныхъ вопросовъ», почему онъ находитъ, что г. Соловьевъ «шевелитъ сознание интеллигенци, внушаетъ интересъ къ философскому мышленiю» и проч. Такое мнѣнiе, лестное для г. Соловьева, прямо оскорбительно для интеллигенци. Плоха та интеллигенци, сознание которой можетъ «шевелить» первый встрѣчный любомудрствующiй младенецъ или младенчествуещiй любомудръ.

Сельско-хозяйственныя и ветеринарно-статистическiя свѣдѣнiя о Вятской губернии, И. А. Козаченко. Вятка, 1879 г.

Объемистая книга г. Козаченко (441 стр.), снабженная множествомъ таблицъ, картою и проч., принадлежитъ къ числу тѣхъ солидныхъ трудовъ по изслѣдованiю Россiи, которыми нерѣдко насъ дарятъ провинциальные дѣятели. Всякiй интересующiйся положенiемъ нашего сельскаго хозяйства, не говоря уже о специалистахъ-ветеринарахъ, найдетъ здѣсь массу чрезвычайно цѣннаго матерьяла.

Общие выводы, къ которымъ приводитъ насъ авторъ по вопросу о состоянiи вятскаго скотоводства, не особенно утѣшительны. Среднее число животныхъ за 20 лѣтъ представляетъ такую картину:

	Среднее за 10 лѣтъ. (до 1867 г.).	Среднее за 10 лѣтъ. (съ 1867 г.).
Лошади	650,200 гол.	681,599 гол.
Рогатый скотъ ..	806,200 >	962,324 >
Овцы	1.198,300 >	1.457,790 >
Свиньи	460,300 >	347,315 >
Козы	76,000 >	71,833 >

Среднiя цифры за такой большой промежутокъ времени, конечно, находятся внѣ всякихъ случайныхъ колебанiй. Мы видимъ, что количество крупнаго скота остается почти неподвижнымъ, но все-таки нѣсколько увеличилось. Свиней и козъ, напротивъ, сдѣлалось нѣсколько меньше. Эти цифры, однако, становятся болѣе рѣзкими, если количество домашнихъ животныхъ разсматривать въ связи съ движенiемъ народонаселенiя. За тотъ же двадцатилѣтнiй перiодъ времени народонаселенiе вятскаго края увеличилось съ 1.982,874 человекъ до 2.505,115 чел. Переводя эти величины, согласно вычисленiямъ г. Козаченко, на

вѣсовыя отношенія, получимъ, что количество животныхъ сравнительно съ количествомъ людей уменьшилось на 3,22%, т. е. замѣчаемъ явленіе *относительной депекорации*. Это явленіе, собственно говоря, само по себѣ еще ничего не доказываетъ. Естественно, что съ возрастаніемъ населенія до извѣстнаго предѣла, число домашнихъ животныхъ должно уменьшаться. «Народонаселеніе растетъ въ ущербъ количеству домашняго скота. Какъ послѣдній вытѣснилъ сперва дикихъ животныхъ, подъ вліяніемъ человѣка, такъ теперь самъ человѣкъ вытѣсняетъ свой скотъ» (стр. 22). Все это вполне понятно. Но какимъ образомъ понять депекорацию въ Вятской губерніи, съ ея рѣдкимъ населеніемъ, съ ея огромными, впускъ лежащими землями? Ниже мы увидимъ, мимоходомъ сказать, что «подъ вліяніемъ человѣка» на Вяткѣ домашнія животныя не вытѣснили даже и дикихъ, наоборотъ — *имѣ* самимъ грозить вытѣсненіе. А между тѣмъ, при сравненіи количества домашнихъ животныхъ въ Европѣ и на Вяткѣ, оказывается, что свиней и овецъ, столь необходимыхъ при домашнемъ обиходѣ крестьянской семьи, по всей Европѣ гораздо больше, чѣмъ на Вяткѣ, количество рогатаго скота во многихъ странахъ (Австрія, Данія) также значительное, и только лошадей меньше. Въ то же время извѣстно, что во всѣхъ европейскихъ странахъ населеніе крайне густое, земли мало. Въ Вятской же губерніи изъ 13.904,020 десятинъ всего пространства неизбѣжно отнимается у животныхъ (т. е. эксплуатируется подъ пашнями) всего 4.914,269 дес., да и то при трехпольной системѣ хозяйства. Казалось бы, что на остальныхъ 9 милліонахъ десятинъ можно было пропитать животныхъ. Лѣсу въ губерніи 7 милліоновъ дес., а между тѣмъ, количество свиней уменьшается. Наверное, тѣ же свиньи, въ дикомъ состояніи, сѣмъ бы прожить, не вымирая, на 7.000,000 дес. Лѣсу, и вятскій гражданинъ оказывается, такимъ образомъ, въ эксплуатаціи силъ природы менѣе искуснымъ, чѣмъ сами животныя. Очевидно, депекорация въ Вятской губерніи—явленіе ненормальное, цѣликомъ зависящее отъ низкаго культурнаго развитія населенія. Это соображеніе подтверждается еще болѣе тѣмъ, что въ Европѣ депекорация не сопровождается вовсе ухудшеніемъ породы: напротивъ, тамъ количество уменьшается, когда нужно, но качество всегда прогрессируетъ. У насъ же на Вяткѣ, извольте видѣть: «скотъ по своей продуктивности, какъ со стороны молочности, такъ и по относительному количеству мяса, стоитъ несравненно ниже другихъ русскихъ культивированныхъ породъ», до такой степени, что корова, напримѣръ, не можетъ дать въ годъ доходу болѣе 17 руб., т. е. на 5 р. 80 к. меньше, чѣмъ стоитъ ея содержаніе (стр. 378—379); «не въ лучшемъ положеніи находятся и лошади» (376): знаменитыя нѣкогда *вятки* «почти исчезли въ общей массѣ туземныхъ лошадей»; «овцы и козы—простой русской породы». По характеристикѣ специалистовъ, всякій скотъ вообще—мелокъ, слабосиленъ и проч. и проч.

*

Для объясненія этого явленія, г. Козаченко обратилъ вниманіе на то соотношеніе, въ какомъ находится въ краю количество питательныхъ веществъ, необходимыхъ для даннаго числа людей и животныхъ и дѣйствительно имѣющихся па лицо. Эти вычисления до очевидности уясняютъ, что наша депекарація—явленіе совершенно иное, чѣмъ въ Европѣ. У насъ—это просто вымирание и вырожденіе вслѣдствіе дурнаго питанія и ухода. Подводя итоги изслѣдованіямъ г. Козаченко, мы видимъ, что для даннаго количества людей и животныхъ въ бѣлкахъ и углеводахъ оказывается огромный дефицитъ. Конечно, онъ отчасти пополняется тѣмъ, «что въ губерніи сильно распространено употребленіе дикорастущихъ растений и кореньевъ, грибовъ и проч.». Восполняютъ его, вѣроятно, до нѣкоторой степени и огородные продукты, хотя г. Козаченко и отрицаетъ это (потому что «огородничество въ губерніи развито слабо»). Но, какъ бы то ни было, недостатокъ ощущается огромный, и обрушивается онъ, безъ сомнѣнія, прежде всего на животныхъ. Отсюда слабое увеличеніе или даже уменьшеніе числа животныхъ, вырожденіе и проч. Г. Козаченко высчитываетъ, что среднимъ числомъ вятская лошадь получаетъ такое количество пищи, которое въ переводѣ на механическую работу даетъ всего 1,465 русскихъ фунто-футовъ въ день: лошадь съ подобною силою можетъ, на примѣръ, пробѣжать въ сутки, безъ груза, 30 съ небольшимъ верстъ. При такихъ условіяхъ, очевидно, невозможно имѣть сильныхъ лошадей и даже бесполезно заводить ихъ, ибо для работы нужна прежде всего пища. «Прежде чѣмъ хлопотать о приобрѣтеніи рослыхъ лошадей для улучшенія мѣстной породы, нужно позаботиться объ устройствѣ луговъ» (98 стр.).

Разсматривая продовольственное обезпеченіе домашнихъ животныхъ Вятской губерніи, дѣйствительно поражаешься его скудостью. Для даннаго количества головъ — необходимо питательнаго матерьяла ежегодно 189.672,908 пудъ средняго сѣна. Между тѣмъ, сѣна по всей губерніи (600,000 дес. дуга) получается только 27.677,073 пуда (среднее за 10 лѣтъ). Это жалкое количество дополняется затѣмъ главнымъ образомъ *соломой*, *мякиной* и разными остатками техническихъ производствъ — *барда*, *жмыги*, *трубы* и проч. Приводя весь этотъ виногретъ къ питательности средняго сѣна, мы все-таки получаемъ дефицитъ въ 29.000,000 пудъ. Спрашивается, какъ тутъ жить? Навѣрное, несчастныя твари давно бы разбѣжались по лѣсамъ и пустынямъ, еслибы не воодушевлялись примѣромъ терпѣнія у голоднаго и оборваннаго царя земли — своего хозяина.

Естественно, что эпизоотии сдѣлались неотъемленною принадлежностью Вятскаго края. Скотская чума и сибирская язва никогда не прекращаются тамъ вполне. Интересно, что эти двѣ болѣзни постоянно находятъ между собою по степени силы въ обратномъ отношеніи, и за послѣднее время чума положительно вытѣсняется сибирскою язвой. Но отъ какой бы болѣзни ни из-

дыхаль вятскій скоть, главный бичъ его грозить ему не съ этой стороны. Статистика показываетъ, что эпизоотии среднимъ числомъ похищаютъ въ годъ не болѣе 7,130 штукъ разнаго рода скота. *Волки* дѣйствуютъ болѣе энергично: они истребляютъ въ годъ 9,665 штукъ рогатаго скота, 4,937 лошадей, 32,319 овецъ и 47,410 свиней! Неспособное прокормить своихъ животныхъ, вятское населеніе оказывается безсильнымъ и защитить ихъ отъ дивихъ, не признающихъ человѣческой власти звѣрей. Едва-ли что можетъ болѣе сильно обрисовывать приниженность края въ культурномъ отношеніи.

Представители цивилизации и культуры, мѣстные земскіе дѣятели, на сколько можно судить по свѣдѣніямъ г. Козаченко, не сдѣлали почти ничего для поддержанія и развитія скотоводства. Правда, земство приобрѣло 42 случныхъ жеребца, да еще получило въ даръ отъ правительства 9 штукъ. Но мы уже видѣли, что главное зло этимъ не можетъ быть поправлено. Относительно рогатаго скота земство ограничилось лишь назначеніемъ ежегодной преміи въ 75 руб. лицамъ, которыя пожелаютъ выписать на свой счетъ холмогорскихъ бугаевъ и предоставлять ихъ для случки. «Мѣропріятіе» имѣетъ единственнымъ своимъ достоинствомъ дешевизну, ибо земству навѣрное до сихъ поръ не пришлось выдать даже и 75 рублей. Относительно улучшенія мелкаго скота, овецъ, козъ, свиней, «доселѣ не предпринято никакихъ мѣръ» (386 стр.). Нечего и говорить о томъ, что силъ земства не хватаетъ на серьезное осушеніе болотъ, улучшеніе травосѣянія и проч.

Труды комиссіи по изслѣдованію кустарной промышленности въ Россіи. Вып. IV. Спб., 1880 г.

Полегонку да помаленьку, комиссія добралась до IV выпуска своихъ трудовъ. Мы замѣчали уже по поводу первыхъ ея изданій, что у этихъ трудовъ половину цѣны отнимаетъ медленный ходъ изслѣдованій, и въ настоящее время можно только повторить сказанное. Въ изданіяхъ комиссіи мы уже встрѣчались съ «новѣйшими» изслѣдованіями, произведенными за восемь лѣтъ тому назадъ, и навѣрно выйдеть въ концѣ-концовъ, что когда на основаніи такихъ свѣдѣній мы соберемъ поддержать какихъ-нибудь полотняныхъ кустарниковъ, то окажется, что ихъ давно уже и слѣдъ простылъ въ данной мѣстности. Интересно, что, говоря о затрудненіяхъ, задерживающихъ работу, предсѣдатель комиссіи, дѣйствительный статскій совѣтникъ Андреевъ, замѣчаетъ: «не слѣдуетъ забывать, что изслѣдователи находятся подъ постояннымъ и, можетъ быть, иногда придирчивымъ надзоромъ полиціи» (стр. 110). Неужели у насъ не свободна отъ подозрѣній въ политической неблагонадежности даже высочайше утвержденная комиссія, состоящая при министерствѣ, циркулярно сносящаяся съ губернаторами и прочими властями и стоящая правительству весьма значительныхъ суммъ? Въ настоящемъ, на примѣръ, отчетѣ мы опять находимъ ходатайство комиссіи о кредитѣ со сто-

роны М. Ф. въ 50, а потомъ даже въ 120,000 руб. Желательно, чтобы такія суммы не затрачивались непроизводительно.

Оставляя въ сторонѣ эти соображенія, нельзя не сознаться, что IV выпускъ Трудовъ составленъ прекрасно. Большая часть книжки занята изслѣдованіями столярнаго промысла въ *Семеновскомъ* и *Нижегородскомъ* уѣздахъ (Языковъ), кузнечнаго промысла въ *Нижегородскомъ* же и *Арзамасскомъ* уѣздахъ, бѣличьяго промысла въ *Каргополѣ* (Докучаевъ). Кромѣ того, здѣсь находятся статьи А. Туна о шелководствѣ на Рейнѣ и объ экономическомъ положеніи Маньовицкой и Луцкой волостей (Виленской губ.). Особенно хороша статья Докучаева. Авторъ—самъ «бѣличій» мастеровой» (нынѣ народный учитель), и дѣло извѣстно ему до тонкости; не совсѣмъ умѣлой рукой, но съ положительнымъ талантомъ, онъ обрисовываетъ положеніе рабочихъ въ этомъ заброшенномъ «медвѣжьемъ углѣ» (Каргополь—Каркунъ-поули, пофински, медвѣжья сторона). Невеселая выходитъ картина. Нездоровый, изнурительный трудъ, въ кучахъ бѣличьихъ шкурки, пропитанныхъ «квасами», оплачивается буквально копейками. Скорняжество, напримѣръ, прямо-таки не даетъ никакой выгоды. Но особенно ужасно положеніе женщины-швеи, забитой, запуганной, надъ которой куражатся всѣ, начиная съ послѣдняго рабочаго, которая по 200 верстѣ шляется за горстью «хребтовъ» и «черевъ», получая въ концѣ-концовъ 2—3 рубля въ мѣсяцъ.

Болѣе отрадные явленія указываетъ намъ г. Карповъ (Арзамасскій и Нижегородскій уѣзды). Въ 1833 году, въ дер. Елховкѣ поставилъ *первою* кузницу крестьянинъ Егоръ Строкинъ, болы, научившійся кузнечному дѣлу случайно, находясь въ отхожемъ промыслѣ. Начиная съ тѣхъ поръ, новый промыселъ мало-по-малу распространялся по окрестнымъ волостямъ, и нынѣ имъ занимаются уже въ 26 селеніяхъ (144 кузницы съ 2,304 чел. рабочихъ). Крестьянинъ Григорій Алексѣевъ изобрѣлъ даже новое приспособленіе—*холодную кузницу*—передвижную, съ которою нынѣ крестьяне объѣзжаютъ цѣлыя округа. Первоначально кузницы возникали въ видѣ маленькихъ фабричекъ, но съ теченіемъ времени народъ дошелъ до *артельнаго* устройства ихъ. Правда, артель эта очень несовершенная, но она интересна уже тѣмъ, что составляетъ въ кустарничествѣ почти небывалое явленіе. Опытъ оказался удачнымъ, и артели мало-по-малу вытѣсняють хозяйскія кузницы. Такъ напримѣръ, въ Елховкѣ послѣднихъ уже нѣтъ ни одной, тоже самое происходитъ повсюду, гдѣ народъ успѣлъ освоиться съ дѣломъ. Кузнечная артель обыкновенно состоитъ изъ 14—18 человѣкъ; они сообща устраиваютъ помѣщеніе для кузницы, сообща заводятъ горнъ, мѣха, сообща же покупаютъ уголь и нанимаютъ раздувальщика. На томъ собственно артель и оканчивается. Каждый рабочій имѣетъ свою собственную наковальню и прочіе инструменты, отдѣльно самъ на себя работаетъ, и даже покупку желѣза и продажу своихъ произведеній (гвозди — большею частію) совершаетъ отдѣльно

отъ прочихъ товарищей. Заведеніе артельной кузницы стѣить немного — рублей 80, выгоды же отъ нея весьма значительны, такъ что здѣсь заработокъ простого рабочаго равняется заработку мастера хозяйской кузницы. По вычислениямъ г. Карпова, артельщикъ въ день вырабатываетъ 30—50 к., хозяйскій же работникъ на 20 коп. менѣе. Но выгоды могли бы быть еще значительнѣе, еслибы кузнецы сообща пріобрѣтали матерьялъ и сбывали произведенія. Такъ на примѣръ, теперь каждый артельщикъ покупаетъ желѣзо по немногу, по мѣрѣ того, какъ надѣлаетъ сколько-нибудь гвоздей—единственный его капиталъ. Покупать приходится у нижегородскихъ купцовъ 2 р. 80 к. пудъ, да еще съ обязательствомъ имѣть же сбывать гвозди (на половину въ промѣнъ за желѣзо). Между тѣмъ, на нижегородской ярмаркѣ можно покупать желѣзо по 1 р. 80 к. пудъ, а гвозди продавать на 20% дороже. Такимъ образомъ, кустарь теряетъ 50% на покупку и 20% на продажѣ. Сверхъ того, поѣздки въ городъ обходятся дорого сравнительно съ небольшимъ количествомъ товара, такъ что артельщики часто даже отдаютъ свои гвозди какому-нибудь знакомому за комиссію, опять, конечно, съ значительной платой (копеекъ 20 на пудъ). Несмотря на все это, кузнецы до сихъ поръ не додумались до болѣе совмѣстнаго веденія производства.

Заработки кузнецовъ, однако, довольно сносны. Въ теченіе зимняго сезона они добываютъ отъ 40—60 руб., а «холодные» кузнецы, разлѣзжающіе и лѣтомъ для починокъ, серповъ и проч., привозятъ домой зачастую рублей 100—150 (они при этихъ объѣздахъ продаютъ и то, что наработали за зиму). Нужно замѣтить, что кузнецы, исключая «холодныхъ», не бросаютъ земледѣлія, напротивъ — промыселъ вообще отнимаетъ у нихъ только время, свободное отъ полевыхъ работъ. Г. Карповъ не приводитъ никакихъ данныхъ, способныхъ выяснитъ сравнительную важность для крестьянина занятій обоего рода. Указанія на этотъ счетъ мы находимъ въ статьѣ г. Языкова о столярномъ промыслѣ. Г. Языковъ приводитъ нѣсколько образчиковъ бюджета крестьянской семьи (Семеновскій и Нижегородскій уѣзды). Среднимъ числомъ, расходъ на одного чело­вѣка опредѣляется въ 94 р. 12 коп.: въ томъ числѣ продовольствіе 32 руб. 57 коп., отопленіе 15 руб., одежда 20 руб., ремонтъ инструментовъ 8 р. 55 коп., подати 18 руб. (20% всего расхода). Средній же заработокъ столяра-кустаря въ этой мѣстности составляетъ 75 р. Сельское хозяйство является, такимъ образомъ, необходимымъ дополненіемъ ремесла (или наоборотъ), и мы, дѣйствительно, видимъ въ образцахъ бюджета крестьянскихъ семей, что въ одномъ случаѣ семьей израсходовано «собственныхъ продуктовъ» на 77 руб., въ другомъ на 276 руб. и т. п. Земля и промыселъ идутъ такимъ образомъ рука объ руку у крестьянина, который, изыскивая всякія формы промысловой работы, усовершенствуя по мѣрѣ силъ производство (какъ столяры), въ тоже время крѣпко дер-

жится земли, кормившей его отцовъ и дѣдовъ, предохраняющей его дѣтей и внуковъ отъ закрѣпощенія фабрикой.

Сочиненія П. К. Мартыанова. Томъ I. Стихи, эскизы, кроки, наброски и пѣсни. Спб. 1880.

Г. Мартыанова сгубило то обстоятельство, что у него чрезвычайно много знакомыхъ и пріятелей. Знакомые эти, какъ и всѣ смертные, женятся, умираютъ, обѣдаютъ, болѣютъ, и т. п., а г. Мартыановъ считаетъ своимъ долгомъ воспѣть всѣ эти «событія» въ стихахъ. Такимъ образомъ, составилъ объемистый томъ, который г. Мартыановъ и предлагаетъ вниманію публики. Г. Мартыановъ съ полнымъ правомъ избралъ эпиграфомъ къ своимъ стихотвореніямъ слова Буало: *et mon vers, bien ou mal, dit toujours quelque chose*. Дѣйствительно, почти каждое стихотвореніе г. Мартыанова сообщаетъ читателю какое-нибудь новое важное свѣдѣніе. Такъ, напримѣръ, (изъ стихотворенія «Новобрачнымъ») читатель узнаетъ, что существуютъ на свѣтѣ Н. В. и А. П. Темьянскіе, которые «любезны, милы и добры» (233), что жизнь П. П. Лундышева, о которомъ читатель такъ много слышавъ, «не жизнь, а праздникъ» (237), что П. И. Вейнбергъ 2-го іюля 1872 г. женился на Е. П. Красовской (257), что С. Е. Смѣльскій отличается «въ дѣлахъ служебныхъ быстротою» и, главное, «стыдливимъ тактомъ и мягкостью женско манеръ» (239), что Е. С. Зайцева-Степанова «безчеловѣчно несетъ на жертву Молоху брака сладость нѣги и побѣдъ» (238) и т. д. и т. д. до безконечности. Гг. Микѣшинъ, Лейкинъ, Васильевъ, Куколевскій, Абрамовъ, Шустовъ, Акимовъ, Монаховъ, Красовскій и пр. и пр.; г-жи Морева, П. Ф. Зайцева-Лосаневичъ (не должно смѣшивать съ Е. С. Зайцевой-Степановой), Шубинская, Менделѣва, Рубинская, Менщикова, Струйская, Сухотина, и пр. и пр.—всѣ эти добрые знакомые нашего поэта достойно воспѣты имъ, у всѣхъ у нихъ онъ сумѣлъ подмѣтить какую-нибудь прекрасную черту въ родѣ «служебной быстроты». Кто хочетъ сохранить свое имя въ потомствѣ, тотъ долженъ познакомиться съ г. Мартыановымъ и постараться угодить ему. А, впрочемъ, даже и угождать не надо: достаточно, напримѣръ... ну, напримѣръ, вы не послали во время обѣщанной г. Мартыанову книги, и къ вамъ немедленно летитъ посланіе:

Ты мнѣ хотѣлъ прислать Уставъ
 Стяжаній бранныхъ страхованья, (?)
 И я все ждалъ, и ждать уставъ,
 Рѣшился вновь послать воззванье (Н. А. Лейкину, 169).

Помимо наслажденія читать столь блестящіе каламбуры (Уставъ—уставъ), вы, въ заключеніе посланія, получите еще отъ добродушнаго поэта такое приглашеніе:

Такъ приходи же поскорѣй
 Провесь часокъ другой въ пустынь,
 Отвѣдать брашна и елей,
 И отдохнуть подъ пѣснь рабыни (169).

Гм! Ахъ, чортъ возьми, даже рабыни, да еще голосистыя, у г. Мартьянова имѣются, и онъ любезно приглашаетъ своихъ пріятелей «отдохнуть» у него... Вотъ, что называется, что въ печи, то на столъ мечи и для милаго дружка сережка изъ ушка. Хорошо быть пріятелемъ г. Мартьянова! Объ елей и брашнахъ и говоритъ нечего: разливанное море!

Надо вообще замѣтить, что елей и брашна играютъ въ поэзіи г. Мартьянова немаловажную роль. Свой лучшія, наиболѣе остроумныя или задушевныя стихотворенія онъ создалъ подъ веселую руку, гдѣ-нибудь «въ ресторани за десертомъ», какъ, напри- мѣръ, его стихотвореніе «Калейдоскопъ мысли» (377, когда онъ вутиль въ компаніи съ И. Ѳ. Василевскимъ). Въ этомъ стихотво- реніи попадаются, напри- мѣръ, такія риѣмы: «исторія» — «изъ- тори я», «Викторія» — «вигъ-тори я», «Биконсфильдъ», — «ви- контъ—жидъ» и пр. Столь ненормальныя созвучія предполагаютъ соотвѣтственное состояніе духа. Заключительное стихотвореніе книги, посвященное «типографу—тирану» г. Хану и озагла- ленное «Застольные экспромты», всего полнѣе характеризуетъ добродушіе и веселость (о талантѣ мы умалчиваемъ: «способно- стями Богъ его не наградилъ, далъ сердце доброе, вотъ чѣмъ онъ людямъ милъ») нашего поэта. Онъ не прочь выпить за здо- ровье кого угодно: и за г. Хана, и за цензуру, и за корректора типографіи г. Хана («плутовка» и «хватъ-дѣвица» увѣряетъ г. Мартьяновъ про этого корректора), и за наборщиковъ, и за «милыхъ дамъ», и, наконецъ, за своихъ рецензентовъ. Последнее обстоятельство лично для насъ настолько близко и настолько трогательно, что мы не можемъ отказать себѣ въ удовлетвореніи привести здѣсь цѣликомъ «экспромтъ» г. Мартьянова въ нашу, рецензентскую, честь: «мой другъ», говоритъ г. Мартьяновъ, обра- щаясь къ г. Хану,

у насъ есть врагъ,
То нашъ зюль—чудакъ,
На насъ онъ дуется и злится;
А я люблю его,
И, вѣрь мнѣ, за него
Готовъ съ тобой напиться. (430).

Что за милѣйшій человекъ этотъ г. Мартьяновъ! Но мы про- тестуемъ, горячо протестуемъ противъ несправедливаго подозрѣ- нія поэта: кто можетъ, кто въ силахъ «дуться и злиться» на него? Напротивъ. Если онъ «любить» насъ — то мы его вдвое. Если онъ готовъ «напиться» за насъ, такую же готовность выражаемъ и мы. Чокнемтесь, г. Мартьяновъ! Ваше здоровье!

Д. Мордовцева. Соловецкое сидѣнье. Историческая повѣсть изъ временъ начала раскола на Руси. Москва 1880.

О повѣсти г. Мордовцева по справедливости можно сказать: малъ золотникъ да дорогъ. Эдакихъ страстей, эдакихъ романи- ческихъ ужасовъ, сконцентрированныхъ на пространствѣ двухсотъ

страничекъ разгонистой печати, мы уже давно не встрѣчали въ нашей беллетристикѣ. Чего-чего нѣтъ въ повѣсти: и отрѣзанныя головы, и похищенія красавицъ, и битвы, и отрубленные пальцы, и сверхъестественной тяжести вериги, и посланія проропопа Аввакума, и ряды висѣлицъ, и разбойники, и юродивые, и вѣщія сны... охъ, не къ ночи читать эту повѣсть! Эпоха, избранная г. Мордовцевымъ — эпоха соловецкаго бунта и возникновенія у насъ раскола—сама по себѣ полна драматизма, которымъ, однакоже, авторъ не довольствуется и считаетъ нужнымъ прибѣгать къ различнымъ эффектамъ, долженствующимъ, по его мнѣнью, усиливать впечатлѣнїе. Цѣли своей г. Мордовцевъ въ одно и тоже время достигаетъ и не достигаетъ—все зависитъ отъ свойствъ самого читателя. Гостиннодворскіе прикащики, «образованныя» горничныя и цивилизованныя лакеи будутъ отъ «повѣсти» г. Мордовцева въ восторгѣ: интересно, страсть какъ интересно! Но эти же самыя эффекты рѣшительно оттолкнутъ всякаго читателя съ сколько-нибудь развитымъ литературнымъ вкусомъ. Слишкомъ ужъ они дешевы, шаблонны и избиты; слишкомъ ужъ густы и грубо-ярки краски, которыми рисуетъ г. Мордовцевъ. Въ результатъ, вмѣсто серьезной исторической картины, получается какая-то плафонная живопись, съ пукетами и амурами.

Главнѣйшій эффектъ, которымъ до злоупотребленія пользуется Г. Мордовцевъ, состоитъ въ сопоставленіи комическаго съ трагическимъ, великаго со смѣшнымъ. Положимъ, *du sublime au ridicule il n'y a qu'un pas*. Но г. Мордовцевъ понимаетъ это изрѣченіе ужъ слишкомъ внѣшнимъ образомъ. Если въ одномъ домѣ готово совершиться убійство, а въ сосѣднемъ домѣ подходитъ въ тоже время къ благополучному окончанію любовная интрижка, между этими двумя явленіями, въ физическомъ смыслѣ, *il n'y a qu'un pas*, но сопоставлять ихъ, очевидно, нѣтъ никакого резона, потому что между ними нѣтъ ровно никакой внутренней связи. Г. Мордовцевъ, въ погонѣ за эффектами, постоянно забываетъ это. У него, напримѣръ, исповѣдуются передъ смертью соловецкій чернецъ, старый закоренѣлый грѣшникъ, князь Мышецкій. Въ исповѣди развертывается передъ читателемъ страшная, какъ кошмаръ, тяжелая и удушливая драма, достаточно эффектная сама по себѣ. Г. Мордовцеву этого мало. Для контраста онъ заставляеть перемежаться исповѣдальный шепотъ съ «откуда-то доносящимся полупьянымъ напѣваньемъ:

Ахъ ты шапка, ты шапка моя,
Одново сукна съ онучею...» (151).

Къ этой замѣчательной шапкѣ онъ возвращается не одинъ разъ въ теченіи исповѣди. Какъ только эта исповѣдь принимаетъ особенно мрачный характеръ, сейчасъ же, по велѣнью и хотѣнью г. Мордовцева, раздается: «ахъ ты шапка, ты шапка моя». Контрастъ выходитъ забористый, и дѣло, такимъ образомъ, въ шляпѣ или въ шапкѣ.

Въ сущности, весь характеръ повѣсти г. Мордовцева, да и вообще всѣхъ его художественныхъ приемовъ, можетъ быть опредѣленъ однимъ этимъ словомъ: «забористо». Забористы темы, забористы сцены, забористы эффекты, забористъ его жаргонъ, составляющій какую-то диковинную смѣсь современнаго языка съ древне-русскимъ. При этомъ г. Мордовцевъ постоянно заботится о «реализмѣ» — не о томъ дѣйствительномъ реализмѣ, который ищетъ внутренняго смысла и внутренней правды явленій, а о томъ, который схватываетъ чисто внѣшнія, случайныя, нисколько не типичныя, но курьезныя и опять-таки «забористыя» черты. Приведемъ отрывокъ изъ заключительной, ультра-эффектной сцены вѣшанія соловецкихъ раскольниковъ-бунтовщиковъ.

«Всѣ смотрятъ на висѣлицу, перекидываясь односложными словами и междометіями. Иногда изъ нестройнаго гула ясно вырѣжется и замретъ среди лошадинаго ржанія фраза удивленія.

«— Ишь ты, какой покой-отъ съерихонили и-и-ахъ! острять тутъ же толкающіеся земскіе ярыжки.

«— Ужь и точно покой... покой-онъ по-по, како-онъ-ко-ко — покой, съ загогулиной э-эхъ, н-ну!..

«Подъ висѣлицей ходитъ варнакъ съ рваными поздрами въ красной касандрійской рубахѣ, съ засученными рукавами, и изъ подлбья вскидываетъ своими немигающими (!) глазами на толпу. Это палачъ.

«Два стрѣльца, приставивъ ружья къ висѣльному столбу, расположились подъ висѣлицей, и одинъ у другого ищетъ въ головѣ. (Какой реализмъ!).

«Вдругъ, гдѣ-то за площадью, глухо застучалъ барабанъ. Толпа колыхнулась. По лицамъ у всѣхъ пробѣжали не то тѣни, не то лучистыя искры». (Что такое?!).

И такъ далѣе. Въ такомъ духѣ ведется г. Мордовцевымъ весь рассказъ, рассказъ, въ которомъ «исторія» очень мало, «повѣсти», въ смыслѣ художественнаго произведенія, нѣтъ вовсе, а есть какое-то ухарское балагурство и тѣма эффектовъ, «съ загогулиной э-эхъ, н-ну!» Какъ опытный и бывалый писатель, г. Мордовцевъ владѣетъ своимъ своеобразнымъ жаргономъ довольно ловко, хотя въ погонѣ за *couleur local* емъ и пересаливаетъ безпрестанно. Онъ не скажетъ просто, что въ толпѣ былъ нѣмецъ Карлъ Карловичъ, а скажетъ: «виднѣлся галавскій нѣмецъ, богатый Королусъ Королусовичъ изъ Амбурха». Такая незамысловатая художественность всѣмъ, какъ выразился Пушкинъ, «и по плечу, и не страшна»

Нашъ другъ Неклюевъ. Комедія въ 5-ти дѣйствіяхъ и 6-ти картинахъ. *А. И. Пальма.* Спб. 1880.

Комедія г. Пальма имѣла, какъ извѣстно, на сценѣ очень значительный успѣхъ — и не даромъ; съ другой стороны, собственно въ литературѣ она прошла почти совершенно незамѣченною — и тоже не безпричинно. Дѣло въ томъ, что пьеса г. Пальма, какъ говорится, сценична, но нисколько не худо-

жественна. Требования сцены и требования искусства, положимъ, нисколько другъ другу не противорѣчатъ, но несомнѣнно, однакоже, что эти требования самостоятельны, не тождественны между собою. Въ пьесѣ г. Пальма есть все, что требуется для успѣха на подмосткахъ: быстрота движенія, эффектные положенія, недурные монологи, ловкая обработка цѣлаго—не достаётъ бездѣлицы: хорошо выдержанныхъ и проанализированныхъ характеровъ. О главномъ героѣ комедіи—Неклюжевѣ—какъ о человѣкѣ, можетъ существовать сколько угодно различныхъ, но одинаково вѣроятныхъ, мнѣній. Онъ—воръ, только одно это и несомнѣнно, но вѣдь и воры бываютъ разные. Вся суть въ тѣхъ причинахъ и мотивахъ, которые привели человѣка къ преступленію, мотивахъ, которыхъ г. Пальмъ не только не представляетъ, но даже не касается. Личность Неклюжева, какъ и личности большей части персонажей комедіи, это—какой-то пустой футляръ, въ который умѣлый актёръ можетъ вложить какое угодно содержаніе. Неклюжева можно изобразить и ловкимъ, вполне сознательнымъ и расчетливымъ проходимцемъ, у котораго «сорвалось», «не выгорѣло», и просто запутавшимся по безхарактерности и легкомыслию дрянцомъ-человѣчишвомъ, и, наконецъ, русской «широкой натурой», которая не печется объ утреннемъ, ибо утреннее собою печется. Талантливый актёръ явится въ комедіи г. Пальма не истолкователемъ типовъ автора, а ихъ настоящимъ создателемъ. Театральнымъ рецензентамъ представляется тутъ широкое поле для сужденій; литературной критикѣ, очевидно, съ комедіей г. Пальма дѣлать нечего.

НА РОДНОЙ НИВЪ.

(Очерки, замѣтки, наблюденія).

I.

Г. Буренинъ, говоря по поводу моей замѣтки о праздникѣ Пушкина, напечатанной въ прошломъ № «Отеч. Зап.», обругалъ меня нехорошими словами. Ругать онъ меня началъ съ перваго столбца и ругалъ, такимъ образомъ, вплоть до столбца четырнадцатаго. Ругалъ поминутно и все непотребными словами. Наконецъ, на четырнадцатомъ столбцѣ бросилъ и пошелъ спать, а я, дочитавъ его фельетонъ, долгое время былъ въ большомъ недоумѣннн, стараясь понять, почему это, несмотря на 14 столбцовъ непотребныхъ словъ, я ни капли не обижаюсь. Мнѣ бы, повидимому, не премѣнно слѣдовало разсердиться, а я вотъ сижу и не сержусь. Что за чудо? «Фальсификація», «поддѣлка», «наглая передержка»—чего-чего нѣтъ, а мнѣ—какъ съ гуся вода. Что это означаетъ? Положимъ, что г. Буренинъ ругалъ меня, хотя и безпрестанно, на 14-ти столбцахъ, но ругалъ какъ будто бы безъ аппетита, какъ-то сонно; думаешь, вотъ-вотъ съѣсть или укусить, по крайней мѣрѣ, а онъ, точно, разинетъ ротъ—огромный-преогромный—да вдругъ, вмѣсто того, чтобы съѣсть—зѣвнетъ и ротъ перекрестить. Иной разъ возьметъ даже зубами за икру, но подержитъ-подержитъ и пуститъ, и начнетъ чесать за ухомъ... Наконецъ, я додумался кой до чего и, какъ кажется, понялъ, отчего произошли такія странныя вещи, т. е. отчего я не чувствую обиды и отчего г. Буренинъ ругалъ меня безъ аппетита. Винаватъ оказался все тотъ-же извѣстный русскій писатель Ѡ. М. Достоевскій, авторъ знаменитой рѣчи. Желая всѣхъ силою своего

слова покорить, всѣмъ понравиться и быть прївѣтствованнымъ всѣми, г. Достоевскій соединилъ въ своей рѣчи вещи совершенно несоединимыя; въ самомъ дѣлѣ, представте себѣ, что *всѣ* тѣ, на кого рѣчь г. Достоевскаго произвела сильное впечатлѣніе, является къ нему въ квартиру благодарить и выразить сочувствіе. Является мужъ Татьяны благодарить за то, что г. Достоевскій назвалъ его честнымъ человѣкомъ, несмотря на то, что его самого иной разъ мучилъ вопросъ—ужь не загубилъ-ли, молъ, я, старый хрѣнъ, чужую жизнь? Честный человѣкъ радъ ободряющему слову, онъ радъ, что почтенный писатель заступился за него, онъ, хотъ и старъ, но онъ любилъ Татьяну, «какъ отецъ», лелѣялъ ее, какъ зѣницу ока, и, правду сказать, Татьяна цѣнила его внимательность и спокойную, но прочную любовь, не рвалась, какъ нынѣшнія, непохожія на женщинъ, стриженныя барышни, въ какіе-то курсы, не бѣгала съ книжкой и т. д. Генераль благодарить г. Достоевскаго за то, что онъ вывелъ и возвеличилъ этотъ истинный типъ женщины, матери семейства, вѣрной своему дѣлу, слушающей родителей. Въ заключеніе, генераль похвалилъ тещу, м-ше Ларину, за то, что она, какъ «истинная» мать, сумѣла во-время обуздать Татьяну, не побоялась ея слезъ, выбила изъ головы дурь и фантазію о какомъ-то хлыщѣ Онѣгинѣ и своею твердостью достигла того, что изъ Татьяны вышла женщина, а не какая-нибудь нынѣшняя курсиста, не какая-нибудь мечтающая о какихъ-то общественныхъ дѣлахъ, въ родѣ его несчастной племянницы, Маши Булатовой, которой, вѣроятно, предстоитъ гибель. «Эти книжки, заванчивають генераль, эти курсы, лекціи, служеніе народу, фельдшерицы и т. д.—это, по моему, гибель семьи!» Поблагодаривъ Ѳ. М. еще разъ и жарко пожавъ ему руку, генераль уходитъ, но въ самыхъ дверяхъ сталкивается съ несчастной племянницей, Машей Булатовой, которая также является благодарить г. Достоевскаго... «Ты зачѣмъ?» въ удивленіи спрашиваетъ генераль. «Я хочу поблагодарить г. Достоевскаго, отвѣчала Маша Булатова:—за то, что онъ, своимъ искреннимъ словомъ, поддержалъ меня, тогда какъ вы всѣ измучили меня; я, послѣ его рѣчи, чувствую силы на борьбу со всѣми вами, и, ужь будьте покойны, теперъ никакими запорами вамъ не удержать меня въ вашемъ великолѣпномъ гнѣтѣ». Затѣмъ, Маша Булатова въ жаркихъ выраженіяхъ, торопливо рассказываетъ г. Достоевскому свою исторію, какъ бабушка м-ше Ларина, этотъ самый генераль и частію ужь состарившаяся Татьяна, ея родная тетка, во что бы то ни стало хотять ее упечь замужъ за очень богатаго человѣка, что она знаетъ, какъ пуста эта праздная жизнь, что она не эгоистка, что она хотеть быть полезной другимъ, что она хотеть ѣсть трудовой хлѣбъ, учиться, знать, учить другихъ и т. д. Она въ сильномъ волненіи рассказываетъ Ѳ. М., что генераль и м-ше Ларина, видя ея участіе къ сельскому учителю и боясь, чтобы

изъ этого не вышло «амуровъ», натворили Богъ знаетъ что. Распустили про учителя такіе слухи (въ союзѣ съ попомъ), что того теперъ и слѣдъ простылъ. Что даже на курсы попасть ей стоило страшныхъ усилій, на каждомъ шагу ей дѣлали непріятности. Доводили о чемъ-то до свѣдѣнія начальства, вслѣдствие чего ей не выдано было свидѣтельства о благонадежности и т. д. Но теперъ, послѣ рѣчи Θ . М., ей все ничо чемъ. Она все забыла. Она вся хочетъ отдаться служенію на родной нивѣ. Ей ничего не нужно, ни жениховъ, ни каретъ, ни богатствъ — она уйдетъ въ чемъ есть и вся посвятитъ себя служенію на пользу ближнему. Затѣмъ, съ гнѣвомъ взглянувъ на своего дядю, она прибавила: «да, давно-давно пора было заклеить публично, всенародно нашу ужасную интеллигенцію, праздную, апатичную, не думающую о народѣ и его нуждахъ. И это вы сдѣлали въ одномъ мѣстѣ вашей рѣчи, Θ . М. Спасибо вамъ, большое спасибо!» Она ушла, жарко пожавъ руку Θ . М. и презрительно взглянувъ на дядю. Дядя, весь красный отъ гнѣва, недоумѣвая, глядѣлъ на г. Достоевскаго, который, чувствуя свое неловкое положеніе, какъ-то загадочно улыбался, глядя въ землю. Генераль, покрывивая, хотѣлъ удалиться и началъ прощаться, говоря: «Во всякомъ случаѣ, позвольте еще разъ»... Но не успѣлъ онъ окончить фразы, какъ въ комнату влетаетъ—Боже милосердый—соціалистъ! Въ какомъ онъ видѣ, пусть изобразитъ кто-нибудь другой; въ моей лирѣ нѣтъ подходящихъ для этого звуковъ и перо мое невольно дрожить въ рукѣ. Коротко скажу: онъ былъ ужасенъ! Онъ едва не спибъ съ ногъ генерала, стремительно бросился на Достоевскаго, какъ бы желая его задушить, и вопилъ: «благодарю, благодарю!» Генераль ушелъ, не простясь. Но тотчасъ же явился новый посѣтитель. Это былъ И. С. Аксаковъ. Видя, что Θ . М. обнимается съ какою-то подозрительною личностью, Ив. С. сталъ въ сторонѣ и слушалъ слѣдующее: «Отлично, Θ . М., вы утери носъ этимъ славянофиламъ. Довольно они разводили на ухабахъ насчетъ народности подоплеки. Я думаю, Аксаковъ теперъ почесываетъ въ затылкѣ, какъ вы хватили его всеевропейскимъ-то человѣкомъ. Именно, правда ваша, русскому человѣку придется быть пустымъ пузырькомъ, если, какъ вы говорите, всечеловѣческая тоска не заполонитъ его душу. Слава вамъ, что вы такъ смѣло, искренно связали идеалы русскаго человѣка со скорбію о всечеловѣческомъ счастьи! Да! Только всемірное счастье, только тоска по немъ—вотъ задача мыслящаго человѣка и чистаго сердца! И я жму вашу честную руку за ту прямоту и искренность, съ которою вы не побоялись сказать это публично»...—«Тамъ въ серединѣ есть мѣсто...» началъ было Θ . М., улыбаясь и загадочно глядя въ землю, но соціалистъ ушелъ такъ же, какъ и пришель—вихремъ.—«Этотъ уродъ какими судьбами очутился здѣсь? въ удивленіи спросилъ И. С.—И что-то я не понимаю, кажется, съ

благодарностию являлся? Или мало ему той оплеухи, которую вы закатали всѣмъ этимъ общечеловѣкамъ? Такъ подогнуть башку пустозвонную, отъ пустоты и вмѣстѣ гордости лѣзущую вверхъ, какъ подогнули вы, почтеннѣйшій *Ө. М.*, подогнуть подъ ярмо народнаго плуга, подъ соху мужицкую, никто доселѣ еще съ такимъ блистательнымъ успѣхомъ не дѣлывалъ! Вѣроятно, не пробрало пустую башку!.. Да, пора, пора согнать всю эту всеевропейскую саранчу съ нивы народной, которую съ ношей крестной исходилъ, благословляя, Царь небесный! Пора переломить пополамъ, какъ гнилую палку, этотъ гордыбачащій и европейничающій вздоръ!.. Меня такіе господа косятъ за то, что я сижу въ банкѣ, а толкую о народѣ, да объ общигѣ. Надо заткнуть глотку этимъ непрощеннымъ судьямъ; чѣмъ совать свои всеевропейскіе носы въ разные общественные порядки — пойми, каналья, самъ-то самого себя, самъ-то себя ухитрися высѣчь и больно высѣчь—вотъ что у васъ, *Ө. М.*, вышло великолѣпно, и положительно скажу—всевластно, воочію объявилось, быть можетъ, доселѣ невиданное зрѣлище единенія на мысли о родной нивѣ всевозможныхъ противныхъ по убѣжденіямъ лагерей». И тутъ, *Ө. М.* что-то заикнулся-было насчетъ того, что «тамъ въ серединѣ есть мѣсто»... Но *И. С. Аксаковъ* не слыхалъ, что говорилъ ему *г. Достоевскій*, и, крѣпко пожавъ ему руку, уѣхалъ въ банкъ. Положеніе *Ө. М.* во время этихъ визитовъ было весьма цекотливое. Особенно же ему было неловко, когда къ нему являлась Татьяна. Она благодарила его не за себя. «Что прошло, того не воротить», сказала она. Она была рада, что *Ө. М.* единственный человѣкъ, который хорошо отозвался объ Онѣгинѣ. «Вѣдь, право, онъ былъ добрый человѣкъ. Но вы вспомните, какое тогда было время! Куда было дѣвать и сердце, и умъ... Они потомъ съ Чацкимъ—оба бѣдные какъ мучились въ этомъ ужасномъ обществѣ... Я не жалѣю о прошломъ—что жалѣть о томъ, что ушло навсегда!—но вѣдь вспомните положеніе тогдашней женщины, дѣвушки. Мы ничего не знали, жили какъ велятъ... Мы были забыты... Разумѣется, оставалось терпѣть... Повѣрите-ли, я часто завидую моей племянницѣ... Она будетъ вольная птица... Сама себѣ голова. А мы? Мы даже и любить-то не смѣли, кого хотѣли... И думать не смѣли... А теперь! Хоть не браните, и за то вамъ спасибо, *Ө. М.*!» Татьяна приложила къ глазамъ платокъ...

Я очень сожалью, что не имѣю времени перебрать рѣшительно всѣхъ поѣтителей, благодарящихъ *г. Достоевскаго*, мнѣнія которыхъ по частямъ исчерпываютъ всю знаменитую рѣчь.

Но уже и изъ этихъ, примѣрно изображенныхъ визитовъ, читатель, знакомый съ рѣчью *г. Достоевскаго*, можетъ видѣть, во-первыхъ, то, что подобные визиты совершенно возможны, во-вторыхъ, то, что они происходятъ вслѣдствіе нѣкотораго недоразумѣнія, и въ-третьихъ, наконецъ, что, несмотря на благодарность, выражаемую *г. Достоевскому* его разнородными почти

тателями, всѣ они, вслѣдствіе вышеупомянутаго недоразумѣнія, должны уйти отъ него съ чувствомъ нѣкотораго неудовлетворенія и какъ бы нѣкотораго непріятнаго раздумья. Всякій изъ этихъ почитателей—славянофилъ, социалистъ, генераль или курсиства, очевидно, непріятно пораженъ сосѣдствомъ одинъ другого и непремѣнно должны чувствовать нѣкоторое изумленіе при видѣ того, что вчерашніе враги (напримѣръ, дядя и племянница) вдругъ оказались какъ-бы вполне согласными другъ съ другомъ, хотя и знаютъ въ тоже время, что между ними нѣтъ и не можетъ быть ни малѣйшаго согласія. Что-жь это означаетъ?

Въ погѣ бѣсъ насъ водить, видно,
Да кружить по сторонамъ!

И точно—«кружить». Вотъ, напримѣръ, г. Буренинъ въ одномъ мѣстѣ своихъ полусонныхъ ругательствъ набросился на меня (а укусить, не укусилъ) за то, что я въ моемъ отчетѣ о московскихъ празднествахъ сказалъ, между прочимъ, слѣдующее: «какое-то замѣчаніе, сдѣланное г. Достоевскимъ насчетъ *какого-то смиренія*, будто бы необходимаго для этого скитальца, въ то время, когда онъ ужъ и безъ того смирился и уничтожился передъ чужой заботой (то есть, передъ заботой о чужомъ горѣ, о чужомъ—лично для него—дѣлѣ и т. д.)—это замѣчаніе прошло почти мимо ушей...» Подтрунивъ затѣмъ надъ моими ушами и поставивъ послѣ словъ «чужая забота» знакъ вопроса, г. Буренинъ начинаетъ доказывать мнѣ, что ежели бы мои уши были похожи на его уши, то они должны бы были слышать, что слова г. Достоевскаго о смиреніи вовсе не «какое-то» замѣчаніе, а главная, существенная, даже едва-ли не самая основная мысль рѣчи. И чѣмъ же онъ доказываетъ несовершенство моихъ ушей? Онъ выписываетъ изъ рѣчи г. Достоевскаго слова, касающіяся совершенно противоположнаго скитальческаго типа, чѣмъ тотъ, о которомъ говорю я. Онъ выписываетъ, между прочимъ, слѣдующее: «именно, именно чуть не по немъ, и онъ злобно растерзаетъ за *свою обиду!*» Очевидно, что и у г. Буренина уши не вполне въ натуральномъ видѣ. Я говорилъ не о томъ человѣчишкѣ, который шляется по свѣту съ своей личной обидой и за нее даже смѣетъ проливать кровь, а о *страдалицѣ*, который, на основаніи той же рѣчи г. Достоевскаго, не можетъ быть счастливъ личнымъ счастьемъ, который дешевле не помирится, какъ на всечеловѣческомъ счастьи; я говорилъ о человѣкѣ, страдающемъ въ своей только, а всечеловѣческой обидой; о человѣкѣ, для котораго «своимъ» горемъ, обидой стало чужое горе, чужая обида... Передъ чѣмъ же ему еще смиряться, позвольте узнать? Очевидно, что мы оба слышимъ въ рѣчи г. Достоевскаго разное, каждый свое: я говорю про Оому, а г. Буренинъ про Ерѣму и бранится еще нехорошими словами. Бранится, а аппетиту на-

стоящаго, чтобы, напримѣръ, икру прокусить насквозь — этого нѣтъ, не чувствуетъ. И радъ бы, да г. Достоевскій напугалъ.

А весь секретъ, вся тайна этой путаницы (почему мы говоримъ о ней и вообще такъ долго занимаемъ читателя разговорами о вещахъ, ставшихъ уже достояніемъ прошлаго—читатель узнаетъ въ концѣ этой замѣтки), вся суть этого невозможнаго объединенія разнороднѣйшихъ, уже установившихся, вполне опредѣлившихся взглядовъ партій и мнѣній заключается, по нашему мнѣнію, въ одномъ маленькомъ, крошечномъ словечкѣ, которое г. Достоевскій поставилъ въ самомъ центрѣ своей рѣчи. «Смирено пороботай на родной нивѣ!» сказано въ самомъ центрѣ всеобъединяющей рѣчи. Вотъ это-то слово «нива» и есть, по нашему мнѣнію, корень зла. Что такое, въ самомъ дѣлѣ, означаютъ слова «родная *нива*» (просимъ пристальнѣе вникнуть въ ихъ смыслъ)? Точно ли это обыкновенная нива, положимъ, засѣянная овсомъ, или же нѣчто иное? Очевидно, выраженіе это аллегорическое. Но, опять, что означаетъ эта аллегорія? Положа руку на сердце, выраженіе это (какъ думаемъ мы) ничего существеннаго, опредѣленнаго не означаетъ и означать не можетъ. А между тѣмъ, на этой-то ничего не означающей нивѣ приглашаютъ работать, да притомъ еще смиренно, и вокругъ этой смиренной работы на нивѣ вертится все громадное, всечеловѣческое значеніе русской страдальческой души, все ея всемірно умиротворяющее значеніе и т. д. Какъ же могло случиться, чтобы два-три ничего не означающія слова могли объединить, по крайней мѣрѣ, хоть въ апплодисментахъ, людей, явно враждующихъ между собою, и объединить даже какъ бы во имя самой вражды? Вѣдь вонъ племянница-то благодарила именно за то, что отъ г. Достоевскаго досталось ея дядѣ, а дядя за то, что досталось племянницѣ. Въ этомъ-то и есть секретъ. Поставивъ въ центрѣ рѣчи слова, ничего опредѣленнаго не выражающія, г. Достоевскій далъ полную волю своимъ слушателямъ придавать имъ тотъ смыслъ, какой они придать имъ пожелаютъ. Да, дядѣ курсистки весьма довольно въ этой фразѣ одного *смирения*, которое вполне оправдываетъ его женитьбу на Татьянѣ, его отношенія къ неповорной племянницѣ и т. д. Относительно же *нивы*, онъ — онъ противъ нея ничего не имѣетъ; такъ какъ выраженіе это ничего не значитъ, то его съ удобствомъ можно пропустить мимо ушей. Противъ неопредѣленности выраженія ничего не имѣетъ и славянофилъ, и не только не имѣетъ, но находитъ его весьма пріятнымъ, такъ какъ ему нравится въ рѣчи не столько эта «работа» на какой бы тамъ ни было нивѣ, сколько то великое будущее, тѣ чудеса и т. д., которыя, какъ оказывается, русскій человѣкъ совершить съ европейскими порядками внослѣдствіи времени. Ему дорого это отдаленное будущее, а не постыдное настоящее, для котораго вполне достаточно «смиренія» вообще... Но на ряду съ лицами, отдающими въ вышепри-

веденной фразѣ г. Достоевскаго предпочтеніе слову «смиреніе» предъ остальной частью фразы, въ числѣ слушателей и читателей было не мало и такихъ, которые сами, самовольно, не спрося г. Достоевскаго и не дожидаясь его, придали выраженію «родная нива» совершенно, опредѣленный свой смыслъ, свое—худолу, хорошо ли понимаемое—значеніе, а главное, чтобы не терять времени въ напрасныхъ толкованіяхъ пустопорожнихъ словъ «родная нива», замѣнили ихъ въ собственномъ своемъ воображеніи тоже двумя словами, но словами, имѣющими опредѣленный смыслъ—именно, рѣшили, что рѣчь идетъ просто-на-просто о «народномъ дѣлѣ». Эта незначительная замѣна одного слова другимъ, пустого—что-нибудь означающимъ, тѣмъ болѣе имѣла значеніе для гг. самовольцевъ, что немедленно же давала точный и опредѣленный смыслъ, съ одной стороны, слову «смирись», съ другой—«потрудись», «поработай».

И вотъ, согласно тому смыслу, который разномысленные слушатели г. Достоевскаго придали, каждый въ отдѣльности, самому важному пункту, на которомъ вращались всѣ детали рѣчи—и послѣднія были поняты и пригнаны къ центру также по своему, на свой образецъ. Тѣ, которые, не вникая въ сущность рѣчи, просто довольствовались смиреніемъ Татьянъ, смиреніемъ букашекъ, проткнутой булавкой и до конца жизни безроотно шеvelающей лапками—были, разумѣется, очень довольны тѣмъ, что отъ этихъ булавокъ и букашекъ современемъ произойдетъ нѣчто всемірно замѣчательное. Ни о нивѣ, ни о работѣ на ней—такого рода господа, конечно, не думали. Быть проткнутой булавкой—это-то, должно быть, и есть всечеловѣческая заслуга, и въ этомъ-то, должно быть, и заключается работа на родной нивѣ. Но тѣ, кто «ниву» замѣнили «дѣломъ»—тѣ, невольно, но неминуемо должны были искать въ рѣчи г. Достоевскаго и опредѣленій самаго дѣла народнаго.. Въ смыслѣ этого опредѣленія, такіе слушатели, разумѣется, должны были обращать особенное вниманіе не на тѣ мѣста рѣчи, гдѣ говорится о тряпичности и дрянности разныхъ человѣчишекъ, шатающихся по свѣту съ надутыми на чelовѣчество губами и т. п.—здѣсь нѣтъ отвѣта на вопросъ—что и какъ дѣлать?—а на тѣ мѣста, на тѣ выраженія, гдѣ говорится о всечеловѣческихъ страданіяхъ, о томъ, что сердце русское наиболѣе къ нимъ воспримчиво, и т. д. Все, что было сказано въ послѣднемъ смыслѣ, принималось какъ указаніе, оправданіе и объясненіе.

Въ такого рода неправильномъ толкованіи наиболѣе торжественныхъ мѣстъ рѣчи г. Достоевскаго, конечно, виновато самовольство его слушателей, подставившихъ на мѣсто умилительнаго слова «нива» довольно грубоватое слово «дѣло». О томъ, правильно-ли или неправильно понята рѣчь г. Достоевскаго и нами, и своевольцами, какъ и что мы поняли—мы ужъ свазали. Богѣе объ этомъ говорить не будемъ. Мы только хотимъ обратить

вниманіе читателя на ту поистинѣ громадную жажду, съ которой значительная часть общества, если не все общество поголовно, ждетъ откуда бы то ни было указанія на «дѣло», на народное «дѣло». Оно само, какъ видите, разыскиваетъ эти указанія тамъ, гдѣ ихъ даже и нѣтъ, само строитъ собственныя свои теоріи изъ такихъ матерьяловъ, которые и собраны-то собственно затѣмъ, чтобы сказать — «перестань!» Мы сказали выше, что этимъ недугомъ заражено почти все общество — потому, что, послѣ освобожденія крестьянъ, буквально все общество стало на новую дорогу. Народный вопросъ самъ собой сталъ передъ всѣми; рѣшеніе его не можетъ не волновать всякаго, и буквально всякій думаетъ о немъ по своему. Именно неизбѣжность, обязательность, неминуемость мысли объ этомъ вопросѣ, настоятельность опредѣленія «народнаго дѣла» — дало послѣднему двадцатипятилѣтію ту, а не другую физиономію, и если эта физиономія не всегда и не всѣмъ приходилась по сердцу, то единственно потому, что «народное дѣло» не выяснилось во всей полнотѣ и безпристрастїи, въ которому обязываетъ его серьезность и значеніе. Все въ потьмахъ, все оцупью, все въ безпомощномъ невѣденїи... Предсказанїй, шарадъ, ребусовъ насчетъ великаго будущаго, ходячихъ фразъ «этого у насъ нѣтъ», что мы такіе-сякіе-сухіе и немазаные (на пушкискомъ праздникѣ одинъ ораторъ сказалъ: «у насъ нѣтъ сословій») — сколько угодно, а настоящаго выясненія задачъ народнаго дѣла, задачъ необходимыхъ для всякаго живущаго на Руси — потому что нельзя, невозможно цѣлымъ поколѣніямъ жить о единомъ хлѣбѣ — нѣтъ! Теперь вотъ, черезъ двадцать пять лѣтъ — лѣтъ весьма поучительныхъ — говорятъ: «поди мошь, потрудишься на какой-то родной нивѣ?» А гдѣ она? Что она? — неизвѣстно. Да еще со смиренїемъ! Не только нѣтъ мало-мальски правдиваго, безпристрастнаго указанія на самое дѣло, но даже и положеніе-то самой нивы, на которую приглашаютъ потрудиться со смиренїемъ, какъ на грѣхъ ни единымъ словомъ не уясняется. Напримѣръ. Въ «Дневникѣ писателя» того же г. Достоевскаго (1877 № 2) есть двѣ въ этомъ отношенїи весьма характерныя главы. Одна изъ нихъ называется «Злоба дня въ Европѣ» а другая, рядомъ съ нею, «Русское рѣшеніе вопроса». Параллель могла бы быть въ высшей степени интересная, еслибы была соблюдена авторомъ равнолѣрно во всѣхъ частяхъ. Но этого-то именно и нѣтъ. Покуда дѣло идетъ о злобѣ дня въ Европѣ — авторъ вполне послѣдователенъ. Прежде всего онъ изображаетъ происхожденіе даннаго положенія вещей и, на основанїи этого положенія, выводитъ заключеніе относительно того способа, которымъ можетъ быть рѣшенъ или безъ котораго рѣшенъ не можетъ быть роковой проклятый вопросъ. Но какъ только дѣло касается Россїи — нивакаго положенія вещей нѣтъ, а прямо, съ первой строки, начинаются ни на чемъ не основанныя пророчанія, указанія, ребусы, шарады. Усмири себя, по-

кори себя, и т. д. Сдѣлаемъ небольшую выписку. Вотъ что говорится о злобѣ дня въ Европѣ. «Въ Европѣ былъ феодализмъ, были рыцари. Но въ тысячу слишкомъ лѣтъ усилилась буржуазія и, наконецъ, задала повсемѣстно битву, разбила и согнала рыцарей и стала сама на ихъ мѣсто. Исполнилась въ лицахъ поговорка: «убирайся, а я на твое мѣсто». Но, ставъ на мѣсто своихъ прежнихъ господъ и завладѣвъ собственностію, буржуазія совершенно обошла народъ, пролетарія и, не признавъ его за брата, обратила его въ рабочую силу для своего благосостоянія изъ-за куска хлѣба». Но, въ свою очередь, этотъ новый хозяинъ—буржуа—отлично хорошо понимаетъ, что пролетарій, бывшій въ борьбѣ его съ рыцаремъ еще ничтожнымъ и слабымъ, очень можетъ усилиться и даже усиливается съ каждымъ днемъ. Онъ предчувствуетъ, что когда тотъ усилится, то сквернятъ его съ мѣста, точно такъ же, какъ онъ рыцаря, и точно такъ же скажетъ ему: «убирайся, а я на твое мѣсто». Вотъ положеніе вещей въ Европѣ, положеніе историческое, вполнѣ объясняющее неизбежность борьбы не на животь, а на смерть между двумя борющимися сторонами, уже ставшими въ боевую позицію. Г. Достоевскій обстоятельно объясняетъ почему ни та, ни другая сторона не можетъ уступить, почему вопросъ не можетъ быть поставленъ на нравственную почву и т. д. Всѣ эти объясненія въ европейскомъ рѣшеніи вопроса о злобѣ дня, повторяемъ, основаны на исторически сложившемся положеніи вещей, очеркъ котораго г. Достоевскій приводитъ въ началѣ статьи именно для того, чтобы читателю было понятно *почему* дѣло рѣшится такъ, а не иначе. Но какъ только дѣло касается Россіи, съ первой же строки начинается отвлеченная (хотя и очень искусная) проповѣдь о самосовершенствованіи. Ни о положеніи вещей въ данную минуту, ни о прошломъ, изъ котораго оно вышло, нѣтъ ни одного слова. На каждомъ шагу задаешь себѣ вопросы: какую-такую злобу дня разрѣшу я, если, подобно Власу, буду съ открытымъ воротомъ и въ армякѣ собирать на построеніе храма Божія? Если ту же, какая въ Европѣ, то почему же тамъ дѣло должно кончиться дракой, а не Власомъ? Если другую какую-нибудь, русскую злобу, особенную, то какую именно? Еслибы г. Достоевскій былъ послѣдователемъ, то параллельно выше приведенному изображенію положенія вещей долженъ бы былъ представить такое же и относительно Россіи. Въ Европѣ, говоритъ онъ, были рыцари... а у насъ были или не были? если не рыцари, то хоть простые грабители, откупъ, напримѣръ, которые опаивали народъ дурманомъ, организмъ, физическое здоровье его разстроивавшіе? Забирались нетолько въ карманъ, а въ самую кровь... Въ Европѣ вотъ, говоритъ г. Достоевскій—буржуа не даетъ пролетарію жить на свѣтѣ... А у насъ есть-ли что-нибудь въ этомъ родѣ? Для кого устроены банки всевозможныхъ родовъ и видовъ, кто играетъ на биржѣ, сдѣдаетъ миллионы гарантій и субсидій? И достаточно-ли въ

такихъ дѣлахъ Власа, собирающаго на построеніе храма Божія? Рѣшительно нельзя понять, почему на Руси люди будутъ только самосовершенствоваться... Единственное объясненіе этому, кажется, состоитъ въ томъ, что люди эти вообще ужасно развращены, испорчены... И опять неизвѣстно, кто ихъ изгадилъ, отчего они развратились, и отчего именно они-то и суть проповѣстники христіанства. Не опредѣляя «положенія» вещей, не объясняя его, рѣшительно невозможно давать совѣтовъ о томъ, что нужно дѣлать, невозможно предсказывать, пророчать, учить и наставлять, не рискуя впасть въ противорѣчія и свести самую горячую проповѣдь на ничто. И такихъ противорѣчій можно найти у г. Достоевскаго не мало. Въ рѣчи онъ подтруниваетъ надъ тѣмъ, что до сихъ поръ интеллигентный человѣкъ все какъ будто хочетъ поднять народъ до себя, а въ дневникѣ прямо совѣтуетъ «поднимать»... Въ томъ же дневникѣ говоритъ: «раздай имѣніе», а на слѣдующемъ столбцѣ говоритъ, что можно и не раздавать, и т. д.

И такъ, все дѣло сводится на внимательное изслѣдованіе положенія, въ которомъ находится родная нива, ибо только въ такомъ случаѣ слово «смирненіе», которое мы ставимъ во главѣ угла служенія народному дѣлу, получаетъ смыслъ опредѣленный, опредѣленное направленіе и опредѣленные границы. Точно также и дѣло народное дѣлается совершенно опредѣленнымъ, принимаетъ реальныя формы. Позволимъ себѣ привести небольшой примѣръ. Предположите, что нѣкоторый человѣкъ (молодой или старый, все равно), чувствительный и сердцемъ, и умомъ къ нуждамъ родной «нивы», приходитъ къ сознанію необходимости посвятить себя, свои силы и средства на служеніе ей. Никакихъ западно-европейскихъ декорацій онъ устраиваетъ для собственной потѣхи на этой нивѣ не желаетъ. Напротивъ, онъ желаетъ работать чисто въ народномъ духѣ. Общинныя начала можно ли полагать народными, крѣпко пустившими корни въ глубинѣ народнаго духа и ума? Я полагаю, что можно. Представьте еще, что, преклоняясь предъ ними, какъ предъ народными, впечатлительный человѣкъ этотъ понимаетъ ихъ и цѣнитъ гораздо болѣе, чѣмъ цѣнятся и понимаются они на самой нивѣ, причемъ онъ цѣнитъ ихъ и дорожитъ ими особенно сильно и страстно, потому что ему, какъ человѣку образованному, въ подробности извѣстно мучительно-тягостное положеніе злобы дня у миллионовъ европейскихъ народовъ, о чемъ говоритъ г. Достоевскій. Изучивъ эту глубокую неправду чело-вѣческихъ отношеній въ Европѣ сначала по книжкамъ, потомъ убѣдившись, положимъ, личнымъ опытомъ, до какой степени отношенія эти несправедливы, жестоки, не имѣя силъ забыть ни казней въ Сатори, которыя чувствительному человѣку пришлось видѣть, не имѣя силъ и возможности изгладить изъ памяти впечатлѣніе лондонскихъ рабочихъ кварталовъ, этихъ чело-

вѣчьихъ гнѣздъ нищеты и скорби, беззащитнаго одиночества и т. д., чувствительный человѣкъ нашъ, подавленный массою человѣческихъ страданій, пережитыхъ имъ и въ книгѣ, и во снѣ, и на яву, приходитъ къ мысли, или вѣрнѣе къ прочному убѣжденію, что его личныя несчастія—ничто въ сравненіи съ этими вѣковыми страданіями милліоновъ, начинаетъ забывать о себѣ, о своихъ личныхъ недугахъ, и все болѣе и болѣе дѣлаетъ своими чужія бѣды. Онъ чувствуетъ, что надо «смирить» себя, покорить себя работѣ на родной нивѣ, послужить народному дѣлу. Гдѣ же ему служить, какъ не на родинѣ? Радостно замѣчаетъ онъ, что у насъ еще дѣло не стало на ту непривѣтливую почву, какъ въ чужихъ земляхъ, что у насъ есть «общинныя начала», изъ за которыхъ тамъ бьются въ кровь не одинъ десятокъ лѣтъ. Именно помня эту кровь, эти Сатори-Кайенны, эти звѣрскія сцены и т. д., онъ страстно желаетъ сохранить эти предохраняющія отъ крови и слезъ наши народныя начала и принимается работать надъ тѣмъ, что уже существуетъ, какъ фаетъ, что даже правительствомъ признается, какъ форма общезжитія, обезпечивающая прочность финансовой системы, предохраняющая страну отъ развитія пролетаріата и т. д. По своимъ силамъ и средствамъ, онъ задумываетъ самое крошечное дѣло въ этомъ, чисто народномъ смыслѣ. За большое онъ не беретъ, онъ строго взвѣсилъ и оцѣнилъ свои силы и средства, понялъ онъ, что можетъ и чего не можетъ. На самое дѣло наталкиваетъ его простой случай. Онъ прочиталъ въ газетахъ, что въ камерѣ мирового судьи того города, гдѣ онъ живетъ, разбиралось дѣло о побояхъ и увѣчьяхъ, нанесенныхъ сапожнымъ мастеромъ Кудряшовымъ десятилѣтнему мальчику ученику. Изъ дѣла оказалось, что Кудряшовъ колотитъ своихъ учениковъ не на животъ, а на смерть, бьетъ ремнемъ, не кормить, держитъ въ холодной комнатѣ и т. д. Впослѣдствіи, пройдя сквозь эту каторгу и оставшись живымъ и здоровымъ, мальчикъ и самъ, пожалуй, будетъ также учить своихъ учениковъ и т. д.

И вотъ, жалѣя мальчика въ настоящемъ, жалѣя его въ будущемъ — чувствительный человѣкъ нашъ надумываетъ самое простое, по его мнѣнію, дѣло. Онъ рѣшается отдать свои средства на образованіе мастерской (отдай имѣніе твое), въ которой бы ребятъ не били, а учили, не мучили голодомъ, а кормили, и думаетъ, что общинное начало въ видѣ артельного хозяйства—ведетъ не только не предосудительная, но прямо нужная, законная и т. д. Онъ отыскалъ избитаго мальчика, а этотъ привелъ къ нему еще двоихъ, тоже избитыхъ, три другіе ушли отъ другого суроваго хозяина сами, и вотъ начинаютъ жить они. Чувствительный человѣкъ, чтобы не откладывать дѣла въ долгій ящикъ, «принанять» покуда въ главныя мастера взрослого сапожника, но, желая быть послѣдовательнымъ именно въ смыслѣ народнаго дѣла, онъ долженъ «убѣдить», какъ взрослого рабочаго, такъ и

маленькихъ учениковъ его, въ томъ, въ чемъ убѣжденъ самъ. Ему обидно, что его называютъ «хозяиномъ». Какой онъ хозяинъ? Онъ—такой же, какъ и они. Онъ хочетъ только, чтобы, при его помощи, они «сами» завели «свое» дѣло на товарищескихъ основаніяхъ, сами были хозяевами своей работы. На первыхъ же порахъ ему приходится, очевидно, очень и очень много разговаривать. Сапоговъ не шьютъ покуда, а разговоры идутъ и разговоры долгіе... А покуда они разговариваютъ, противъ него, противъ этого чувствительнаго человѣка ужъ устроивается нѣчто непріязненное... Положимъ, что у насъ нѣтъ ни буржуа, которые не даютъ жить пролетарію, «нѣтъ даже сословій»—нѣтъ ничего въ западно-европейскомъ, не христіански-враждебномъ родѣ, но есть двое хозяевъ сапожниковъ, которые недовольны, и очень основательно недовольны тѣмъ, что отъ нихъ сбѣжали мальчики, что это дурной примѣръ; есть, кромѣ того, матери и отцы, не понимающіе и не могущіе понять, почему это баринъ затесался въ сапожникамъ, что ему нужно, и непремѣнно думающіе, что тутъ что-нибудь не такъ; есть, наконецъ, сами мальчики, берущіе примѣръ въ непониманіи какъ съ родителей, такъ и съ взрослога мастерового, своего учителя, который также покашивается на барина, отказывающагося быть хозяиномъ, и полагаетъ, что тутъ не безъ подвоха. Всѣ эти—не буржуа, ни тѣмъ паче рыцари, ни, Боже избави, пролетаріи—начинаютъ шушувать, болтать, обсуждать въ кабакахъ, за воротами, а тѣ изъ нихъ, кому нужно, начинаютъ и поступать по силѣ и по мочи. Какъ они поступаютъ—не наше дѣло. Но представьте себѣ, что впечатлительный человѣкъ, вслѣдствіе ихъ поступковъ, съ сожалѣніемъ принужденъ пойдти, положимъ, хоть къ г. Достоевскому, «посоветоваться», какъ ему быть?

— Закрывать мнѣ мастерскую или же отстаивать ее?

Что отвѣтитъ ему *Θ. М.*? Неужели скажетъ:

— Смирись! Гордый человѣкъ!

Но на это впечатлительный человѣкъ можетъ возразить:

— Да я и такъ ужъ смирился. Мнѣ лично ничего, я хочу только хоть этимъ пятерымъ, шестерымъ мальчишкамъ быть полезень. Неужели же я долженъ бросить ихъ на произволъ судьбы? Вѣдь ихъ пуще прежняго начнутъ колотить колодкой по головѣ. Мнѣ кажется, что я и по христіански не имѣю права отступать. Я долженъ идти до конца. Пусть дѣлаютъ, что хотятъ, я готовъ...

— Смирись, праздный человѣкъ! Покори себя себѣ, усмири себя въ себѣ. Не внѣ тебя правда, не въ сапожной твоей мастерской, а въ тебѣ самомъ найди себя, самъ собой, въ себѣ...

— Стало быть, бросать посоветуете?

И даже на этотъ вопросъ нѣтъ категорическаго отвѣта; не слушая и не останавливаясь, продолжаютъ:

— ... И узришь свѣтъ... И увидишь правду... Побѣдишь себя,

усмиришь себя и другихъ освободишь; и узришь счастье... и начнешь великое дѣло... Не въ вещахъ правда.

И т. д. до безконечности.

Видите, какъ самыя прекрасныя прорицанія оказываются безплодными, разъ на родной нивѣ оказалось крошечное дѣло. Видите, что даже отвѣтовъ на самыя простыя вопросы, возбуждаемые дѣломъ, совсѣмъ-таки нѣтъ въ обращеніи. И не слѣдуетъ ли изъ этого, что прежде нежели приглашать потрудиться на нивѣ, прежде нежели рекомендовать смиреніе, какъ наилучшее средство для этого труда — заняться съ возможной внимательностью изученіемъ самой нивы и положенія, въ которомъ она находится, такъ какъ, очевидно, только это изученіе опредѣлитъ и «дѣло», въ которомъ она нуждается, и способы, которые могутъ помочь его сдѣлать. А проричать можно и послѣ.

Зачѣмъ все это пишется?

Это пишется, какъ предисловіе къ небольшимъ замѣткамъ, имѣющимъ касаться исключительно текущей народной дѣйствительности, которыя, начиная съ настоящей книжки, мы отъ времени до времени намѣрены помѣщать на страницахъ «Отечественныхъ Записокъ».

Г. У.

ЛИТЕРАТУРНЫЯ ЗАМѢТКИ.

Я не былъ на Пушкинскомъ праздникѣ. Въ той тихой, далекой, полудиковой глуши, гдѣ я отдыхалъ отъ Петербурга и литературы, даже газетное эхо шумнаго торжества слышалось какъ-то черезъ два въ третій.

Чудно выходило. Вдругъ пронесется завывающій, сантиментально-тигровый голосъ Я. П. Полонскаго:

Пушкинъ—это возрожденье
Русской музы, воплощенье
Нашихъ трезвыхъ думъ и чувствъ;

.....
Это—въ сумеркахъ Украины
Прелесть чародѣйной тайны,
Ночь и Лысяя гора...

Потомъ послышится воркованіе г. Каткова, кроткаго, какъ голубь, и шипъ, и шелестъ рѣчи г. Достоевскаго, мудраго, какъ змій... Гаркнетъ во всю свою молодецкую глотку г. Цитовичъ что-то объ «удобствѣ своего дебоша»... Г. Навроцкій скромно заявитъ, что, по болѣзни дочери, не можетъ украсить собою московское торжество... Послышится глухой шумъ взаимныхъ подкапываній между разными учрежденіями, имѣющими власть праздновать... И скептический голосъ гр. Л. Н. Толстого: «это все комедія!...»

Согласитесь, что весь этотъ винегретъ въ такомъ видѣ, по крайней мѣрѣ, имѣлъ полное право казаться ерундой, говоря энергическимъ старымъ слогомъ. Пушкинъ вовсе не Лысяя гора, г. Катковъ совсѣмъ не голубь, и семейное горе г. Навроцкаго не имѣетъ никакого отношенія къ памяти Пушкина. Это навѣрное. Ерундистость всей этой ерунды была для меня потому особенно осязательна, что кругомъ себя я видѣлъ почти только одну мощную, никогда не замирающуюся и никогда не притворяющуюся природу. Я не знаю, про что гудѣло море, посылая

на берегъ волну за волной, передъ кѣмъ горы снимали и надѣвали свои облачныя шапки, о чемъ шумѣлъ водопадъ, безъ усталы прыгая съ пристушка на приступокъ—но знаю, что никакой фальши тутъ не было. Могу догадываться, про что были по ночамъ шакалы, что шипѣла пойманная черепаха и что свистѣла злобная гадюка—хорошаго мало во всѣхъ этихъ звукахъ, но ерунды все-таки нѣтъ, а есть одно, во истину «откровенное» направленье, безъ всякаго виланія и лицемѣрія. Хорошо въ этой дивой глуши пожить! Отойдутъ отъ тебя всѣ печали и обиды, такими мелкими и нестойщими объявятся житейскія дразги, улягутся волненія, окрѣпнутъ нервы и миромъ и безпредметнымъ благоволеніемъ наполнится душа... Очень хорошо.. Но подите же, какъ странно устроенъ человекъ. «Ахъ! двѣ души въ груди его живутъ», и я долженъ признаться, что частица души моей была тамъ, въ Москвѣ. Цикады поютъ лучше Я. П. Полонскаго, змѣя быстрѣе и изящнѣе, чѣмъ Ѡ. М. Достоевскій, скользнуть по травѣ и камнямъ, гора въ облачной шапкѣ выше М. Н. Каткова, море глубже г. Навроцкаго, а шакаль воетъ, по крайней мѣрѣ, не хуже г. Цитовича. И все-таки...

До такой степени «все-таки», что даже тамъ, въ далекой глуши, я не могъ отказаться отъ удовольствія искать смысла въ отрывочныхъ звукахъ газетнаго эхо, а, вернувшись въ Петербургъ и вновь окунувшись въ литературный омутъ, рѣшаюсь предложить читателю два-три запоздалыя слова о только-что минувшемъ торжествѣ.

Повторяю, что ни говори Я. П. Полонскій, а Пушкинъ не Лысая гора. Это просто вздоръ. И такого вздора много было наговорено на самомъ праздникѣ и по поводу его. Было, однако, говорено и дѣльное, и значительное. Но если искать словъ, наиболѣе полно объясняющихъ дѣйствительное значеніе торжества, то, по моему, они заключаются въ вышеприведенныхъ изрѣченіяхъ гр. Л. Н. Толстого и г. Цитовича. Конечно, изрѣченія эти, отчасти благодаря своей лаконической формѣ, а отчасти и по существу, требуютъ поправокъ и поясненій.

«Все это комедія», сказалъ, говорятъ (пишутъ въ газетахъ), гр. Толстой г. Тургеневу, который приглашалъ его на пушкинскій праздникъ. Сказалъ и не поѣхалъ. Да, это несомнѣнно комедія, хотя, надо замѣтить, одна изъ тѣхъ комедій, участвовать въ которыхъ ни мало не зазорно. Это комедія, во-первыхъ, потому, что въ торжествѣ, рядомъ съ искреннимъ увлеченіемъ, было обнаружено не мало театральнаго искусства. Это комедія, во-вторыхъ, потому, что Пушкинъ тутъ былъ предлогъ, символъ, прикрытіе, все, что хотите, но только не непосредственный герой торжества. Истинный смыслъ праздника заключается не въ чествованіи поэта, а въ томъ, что, какъ выразилась газета г. Цитовича, литераторы обрадовались «удобству своего дебоша». Грубо и даже малограмотно сказано, но въ основаніи вѣрно. Надо только измѣнить тонъ изрѣченія, тотъ самый тонъ, который, какъ извѣстно,

fait la musique. Г. Цитовичъ пустилъ въ ходъ ругательную музыку. И это бы еще не бѣда. Но надо было сперва твердо установить самый фактъ «удобства своего дебоша», приискать, разумеется, болѣе граматическую и приличную форму для выраженія факта, а потомъ уже разобрать, кто изъ «дебошировъ» достоинъ ругательной музыки и кто не достоинъ.

Думаю, не нужно доказывать, что, напримѣръ, голубиное воркованіе г. Каткова, столь противорѣчащее всей его дѣятельности, было настоящей комедіей, въ смыслѣ большаго или меньшаго театральнаго искусства. Нѣкоторые глубокомысленные люди, мня защитити г. Каткова отъ нападковъ въ лицемѣрїи, утверждаютъ, что этотъ воинственный Мальбругъ можетъ завтра же съ совершенно чистою совѣстью ѣхать въ свой обычный походъ на литературу, ибо, дескать, онъ предлагалъ примиреніе только на сегодня, на день торжества. Мнѣ кажется, что эта защита есть тотъ самый камень, который услужливый медвѣдь, будучи опаснѣе врага, запустилъ прямо въ лобъ пустынноку. Впрочемъ, не о г. Катковѣ и не объ услужливыхъ медвѣдяхъ рѣчь. Я взяла г. Каткова только для примѣра. Не онъ одинъ обнаружилъ на пушкинскомъ праздникѣ талантъ комедіанта. И любопытна тутъ не сама комедія, а мотивы, подвинувшіе этихъ господъ выступить на поприще драматическаго искусства. Самый фактъ комедіанства несомнѣненъ даже для тѣхъ, кто его отрицаетъ: они очень хорошо понимаютъ, что лгутъ. Ну, и Господь съ ними! Коли сами себѣ не вѣрятъ, такъ кто же имъ со стороны повѣрить?

Нѣтъ никакого сомнѣнія, что это комедія дрянная, и еслибы только изъ нея состоялъ пушкинскій праздникъ, такъ гр. Л. Н. Толстой былъ бы сугубо правъ, отказавшись принять въ немъ участіе. Но дѣло не такъ было, то есть не совсѣмъ такъ. Кромѣ дрянной, лицемѣрной комедіи, была еще комедія искренняя. И состояла она въ томъ, что, подъ предлогомъ чествованія памяти Пушкина, участвовавшіе въ торжествѣ болѣе или менѣе искали и находили «удобство своего дебоша». Такъ всегда бываетъ на подобныхъ торжествахъ, вездѣ, въ цѣломъ мірѣ, и это очень натурально; но на пушкинскомъ праздникѣ это, предсмотрѣнное г. Цитовичемъ, явленіе получило необычайные размѣры, на что имѣются однако свои резоны.

Я знаю, что И. С. Тургеневъ съ этимъ никакъ не согласится. Всѣ ораторы пушкинскаго праздника естественно должны были заявлять, что вотъ, дескать, мы собрались со всѣхъ концовъ Россіи чествовать дорогую намъ память великаго поэта и т. д. Иначе, конечно, и нельзя. Но, сказавъ на эту, какъ бы даже официальную и во всякомъ случаѣ обязательную тему нѣсколько болѣе или менѣе вылыхъ словъ, большинство ораторовъ съѣзжало на «дебошъ». Едва-ли не одинъ г. Тургеневъ странно остановился на уваженіи русскаго общества къ великому поэту и даже на этомъ именно явленіи построилъ самую суть

своей рѣчи. Правда, г. Шпилевскій, профессоръ казанскаго университета, всю свою небольшую рѣчь составилъ изъ указанія на вниманіе и уваженіе, которымъ начинаетъ пользоваться Пушкинъ среди инородческой молодежи казанскаго учебнаго округа. Но, какъ ни любопытенъ самъ по себѣ этотъ фактъ, онъ въ настоящемъ случаѣ большого значенія не имѣетъ: инородческой молодежи казанскаго учебнаго округа не было на праздникѣ, да и притомъ она самая малая капля въ морѣ. Г. Тургеневъ естественно поставилъ вопросъ гораздо шире. Вотъ наиболѣе характерный въ этомъ смыслѣ отрывокъ изъ его рѣчи:

«Пушкинъ не избѣгъ общей участи художниковъ-поэтовъ, начинателей. Онъ испыталъ на себѣ охлажденіе современниковъ; послѣдующія поколѣнія еще болѣе удалились отъ него, перестали нуждаться въ немъ, воспитываться на немъ, и только въ недавнее время становится замѣтнымъ возвращеніе къ его поэзіи... Причины того охлаждения... достаточно извѣстны. Намъ приходится только вызвать ихъ въ вашей памяти. Онѣ лежали въ самой судьбѣ, въ историческомъ развитіи общества, въ условіяхъ, при которыхъ зарождалась новая жизнь, вступившая изъ литературной эпохи въ политическую. Возникли неожиданныя и, при всей неожиданности, законныя стремленія, небывалыя и неотразимыя потребности; явились вопросы, на которые нельзя было не дать отвѣта... Не до поэзіи, не до художества стало тогда. Одинаково восхищаются «Мертвыми душами» и «Мѣднымъ всадникомъ», или «Египетскими ночами» могли только записные словесники, мимо которыхъ побѣжали сильныя, хотя и мутныя волны той новой жизни. Міросозерцаніе Пушкина показалось узкимъ, его горячее сочувствіе нашей, иногда официальной, славѣ—устарѣлымъ, его классическое чувство мѣры и гармоніи—холоднымъ анахронизмомъ. Изъ бѣлораморнаго храма, гдѣ поэтъ явился жрецомъ, гдѣ, правда, горѣлъ огонь... но на алтарѣ—и сожигалъ... одинъ ойміамъ, люди пошли на шумныя торжища, гдѣ именно нужна метла... и метла нашлась. Поэтъ-эхо, по выраженію Пушкина, поэтъ центральный, самъ къ себѣ тяготящій, положительный, какъ жизнь на покоѣ — смѣнился поэтомъ-глашатаемъ, центробѣжнымъ, тяготящимъ къ другимъ, отрицательнымъ, какъ жизнь въ движеніи. Самъ главный, первоначальный истолкователь Пушкина, Бѣлинскій, смѣнился другими судьями, мало цѣнившими поэзію. Вслѣдъ за скоро прерваннымъ голосомъ Лермонтова, когда Гоголь сталъ уже властителемъ людскихъ думъ, зазвучалъ голосъ поэта «мести и печали», а за нимъ пошли другіе—и повели за собою нарастающія поколѣнія. Искусство, завоевавшее твореніями Пушкина право гражданства, несомнѣнность своего существованія, языкъ имъ созданный—стало служить другимъ началамъ, столь же необходимымъ въ общественномъ устроеніи. Многіе видѣли и видятъ до сихъ поръ въ этомъ измѣненіи простой упадокъ; но мы позволимъ себѣ замѣтить, что падаетъ, рушится только мертвое, неорганическое. Жи-

вое измѣняется органически—ростомъ. А Россія растетъ, не падаетъ. Что подобное развитіе—какъ всякій ростъ—неизбѣжно сопряжено съ болѣзнями, мучительными кризисами, съ самыми злыми, на первый взглядъ безвыходными противорѣчіями—доказывать кажется нечего; насъ этому учить не только всеобщая исторія, но даже исторія каждой отдѣльной личности. Сама наука намъ говоритъ о необходимыхъ болѣзняхъ. Но смущаться этимъ, оплакивать прежнее, все-таки относительное спокойствіе, стараться возвратиться къ нему—и возвращать въ нему другихъ, хотя бы насильно—могутъ только отжившіе или близорукіе люди. Въ эпохи народной жизни, носящія названіе переходныхъ—дѣломнслящаго человѣка, истиннаго гражданина своей родины—идти впередъ, несмотря на трудность и часто грязь пути, но идти, не теряя ни на мигъ изъ виду тѣхъ основныхъ идеаловъ, на которыхъ построены весь бытъ общества, котораго онъ состоитъ живымъ членомъ. И десять, и пятнадцать лѣтъ тому назадъ—празднество, которое привлекло насъ всѣхъ сюда, было бы привѣтствовано, какъ актъ справедливости, какъ дань общественной благодарности; но бытъ можетъ не было бы того чувства единодушія, которое проникаетъ теперь насъ всѣхъ, безъ различія званія, занятій и лѣтъ. Мы уже указали на тотъ радостный фактъ, что молодежь возвращается къ чтенію, къ изученію Пушкина; но мы не должны забывать, что нѣсколько поколѣній подрядъ прошли передъ нашими глазами, поколѣній, для которыхъ самое имя Пушкина было не что иное, какъ только имя, въ числѣ другихъ обреченныхъ забвенію именъ. Не станемъ, однако, слишкомъ винить эти поколѣнія: мы старались вератѣ изобразить, почему это забвеніе было неизбѣжно. Но мы не можемъ также не радоваться этому возврату къ поэзіи.»

Во всей коллекціи рѣчей пушкинскаго праздника не найдется ни одной, въ которой отношеніе русскаго общества къ поэту было бы подвергнуто столь тщательному анализу, какъ въ приведенномъ отрывкѣ изъ рѣчи г. Тургенева. Резюмировать этотъ отрывокъ можно такъ: общество охладѣло къ Пушкину по такимъ-то и такимъ-то причинамъ, а нынѣ опять къ нему возвращается. Сказанная на пушкинскомъ торжествѣ рѣчь эта рѣшительно свидѣтельствуетъ о полной непосредственности торжества: собрались, дескать, люди помянуть человѣка, къ которому были несправедливы, но котораго теперь опять оцѣнили и полюбили; собрались не по какимъ-нибудь стороннимъ побужденіямъ, а единственно потому, что Пушкинъ имъ дорогъ.

Я думаю, однако, что это совсѣмъ не вѣрно, и что подвергнуть сомнѣнію выводъ, естественно вытекающій изъ рѣчи г. Тургенева, не трудно, не только на основаніи общаго колорита праздника, но и на основаніи рѣчи самого г. Тургенева. Да, эта рѣчь свидѣтельствуетъ, мнѣ кажется, съ полною ясностью, что даже самъ г. Тургеневъ участвовалъ въ торжествѣ не столько Пушкина ради, сколько «для удобства своего дебоша»...

Мнѣ надоѣла, однако, эта грубая и безграмотная фраза. На до ее чѣмъ-нибудь замѣнить...

Въ повѣсти Г. И. Успенскаго «Раззореніе», какія-то таинственныя личности научаютъ героя «производить по своему дѣлу шумъ». И герой очень радъ этой, предлагаемой ему, роли. Да какъ же и не радоваться-то? «Производить по своему дѣлу шумъ» значитъ жить во вся, отводить наболѣвшую душу, всенародно молиться своему Богу, звать другихъ къ дверямъ его храма, рубить и жечь идоловъ чужихъ, ложныхъ боговъ. Кто же отъ этого откажется, если только у него дѣйствительно есть «свое дѣло», стоющее шума, свой Богъ? А какъ же такому дѣлу не быть у нашего брата, литератора! Я вовсе не хочу говорить комплиментовъ литературному сословію, но вѣдь это такъ натурально: люди, постоянно вращающіеся въ сферѣ мысли и общественныхъ дѣлъ, естественно должны либо сами выработать себѣ стоющее шума дѣло, либо пристроиться къ какому-нибудь готовому. Тутъ ни хвалы не можетъ быть, ни порицанія — иначе нельзя, почти физически нельзя. Другое дѣло формы, принимаемыя «своимъ дѣломъ» и служеніемъ ему. Тутъ найдется мѣсто и хвалѣ, и порицанію, ибо «свое дѣло» можетъ, напимѣръ, вертѣться, какъ флюгеръ, указывающій направленіе вѣтровъ; можетъ оно, кромѣ того, быть и широкимъ, и узкимъ, даже чисто личнымъ. Вотъ это-то и надо бы было разобрать прежде, чѣмъ придавать ругательный тонъ «дебоса» законному стремленію литераторовъ и ученыхъ «производить по своему дѣлу шумъ».

Напомню отрывокъ изъ рѣчи профессора — академика Сухоминова, вызвавшей громъ рукоплесканій:

«Пушкину суждено было пережить тяжелую пору для нашей научной и литературной дѣятельности. Какой-то злобный демонъ, духъ разрушенія и гибели, царилъ надъ русскими университетами, изгоняя изъ нихъ служителей истиннаго бога — бога свѣта и знанія. (*Рукоплесканія*). Тотъ же духъ недовѣрія и преслѣдованія тяготѣлъ и надъ литературой. Писатели должны были умолкать на полусловъ и вслѣдствіе этого происходило то, что обыкновенно бываетъ въ подобныхъ случаяхъ: недосказанная правда казалась ложью и недосказанная ложь — правдою. (*Взрывъ рукоплесканій*).

«Совершенную противоположность представляетъ эпоха предшествовавшая — начало девятнадцатаго столѣтія, бывшее вмѣстѣ съ тѣмъ и началомъ царствованія императора Александра I. Тогда люди государственные, участвовавшіе въ составленіи университетскаго устава, доказывали необходимость свободы изслѣдованія и преподаванія. Тогда составители цензурнаго устава открыто и прямо говорили противъ всякихъ стѣсненій печатному слову и добивались для него возможно-большой свободы.

«На чью же сторону склонился Пушкинъ? Что говорили ему его свѣтлый умъ, его чистая совѣсть? — Пушкинъ выразилъ свой взглядъ самымъ опредѣленнымъ образомъ, и слова его должны

сдѣлаться достояніемъ исторіи и девизомъ всѣхъ русскихъ университетовъ, всѣхъ истинныхъ друзей науки, литературы и просвѣщенія:

Дней Александровыхъ прекрасное начало:
Провѣдай, что въ тѣ дни произвела печать!
На поприщѣ ума неловья намъ отступать.»

Не берусь судить объ томъ, что думалъ самъ г. Сухомяиновъ, произнося эти прекрасныя и горячія слова. Но публика, рукоплещая имъ, несомнѣнно не о Пушкинѣ думала, а о злобѣ дня, «производила по своему дѣлу шумъ», влала свитозъ своихъ собственныхъ скорбей къ подножію монумента поэта. У кого же поднимется рука бросить въ нее за это камнемъ, у кого повернется языкъ на порицаніе? Униженія отъ этого Пушкину и его памяти, разумѣется, нѣтъ никакого. Напротивъ. Спросите у любого изъ живыхъ современниковъ, имѣющихъ право ждать памятниконъ и публичнаго поминовенія, и онъ, конечно, скажетъ: если, по обстоятельствамъ времени и мѣста, мой монументъ представить «удобство для дебоша», если къ нему будутъ стекаться потомки для изліянія своихъ скорбей и радостей, то — пусть... И еще бы не пусть! Какого еще, съ позволенія сказать, рожна великому человѣку нужно? Вотъ, если потомки понесутъ къ подножію монумента чисто личное дѣло и личное самолюбіе, тогда другая музыка выйдетъ, музыка, въ самомъ дѣлѣ, оскорбительная для памяти великаго человѣка...

Все это такъ, скажетъ, можетъ быть, г. Тургеневъ, но развѣ вы не видите, что, независимо отъ «удобства своего дебоша», общество цѣнить на пушкинскомъ торжествѣ самого Пушкина, непосредственно, безъ отношенія къ какому бы то ни было злобамъ дня? развѣ вы не видите, что его опять начинаютъ чтить, какъ великаго поэта, и возвращаются къ нему, послѣ временнаго охлажденія?

Съ позволенія г. Тургенева, я этого не вижу. Не вижу въ обществѣ, не вижу и изъ рѣчи г. Тургенева. Приведенный отрывокъ изъ рѣчи г. Тургенева самъ собою распадается на двѣ части. Въ одной части, въ той, которая относится къ нашему недавнему прошлому, все ясно и правдиво; въ другой, трагующей о настоящемъ времени, все неясно и произвольно. Когда г. Тургеневъ говоритъ объ охлажденіи къ Пушкину, онъ указываетъ, во-первыхъ, на несомнѣнный фактъ, наиболѣе яркое выраженіе котораго — статьи Писарева — еще у всѣхъ въ памяти; онъ далѣе изслѣдуетъ причины этого охлажденія, приводитъ ему объясненіе, не совсѣмъ, правда, полное, но тщательное, добросовѣстное и вѣроподобное. Не то въ другой части. Тутъ самый фактъ ставится, если можно такъ выразиться, коломъ. Нѣтъ ни доказательствъ его наличности, ни какого бы то ни было намека на его причины, а есть одно только недоразумѣніе. Въ самомъ дѣлѣ, гдѣ симптомы «возвращенія» русскаго общества къ Пушкину? Я ихъ не знаю. Правда, объ этомъ свидѣтельствуетъ

г. Тургеневъ, а свидѣтельство такого человѣка весьма важно, но все-таки его показаніе чисто голословно. Не видать новыхъ выдающихся изслѣдованій или критическихъ статей о Пушкинѣ, не слышать, чтобы сочиненія его очень пристально читались, и вообще ничего такого нѣтъ, на чемъ можно бы было правомѣрно построить «возвращеніе» къ Пушкину. Правда, нѣтъ и статей въ родѣ писаревскихъ, но это означаетъ можетъ быть только то, что мы маленько постарше стали. Надо при этомъ замѣтить, что Писаревъ считалъ нужнымъ бороться съ Пушкинымъ, валить его съ пьедестала, значитъ, признавалъ за нимъ силу, а теперь наступила, кажется, пора полнаго равнодушія. Такъ было по крайней мѣрѣ до пушкинскаго праздника. Не знаю, какъ будетъ дальше. Много и шибко жило за послѣднее время наше отечество, но ни герцеговинское возстаніе, ни турецкая война, ни политическіе процессы, ни процессы разныхъ червонныхъ и другихъ мастей валецовъ, словомъ ни одно изъ событій, волновавшихъ за послѣдніе годы русское общество, не напоминало и не могло напоминать Пушкина. Мало того. Можно, нисколько не оскорбляя памяти поэта, смѣло сказать, что намъ было не до него. И это косвеннымъ образомъ можно вывести даже изъ собственной аргументаціи г. Тургенева. Почтенный романистъ объясняетъ, что въ пятидесятыхъ—шестидесятыхъ годахъ появились «небывалыя и неотразимыя потребности», «жизнь выступила изъ литературной эпохи въ политическую», а потому «поэтъ центральный, самъ къ себѣ тяготящій, положительный, какъ жизнь на покоѣ», то есть Пушкинъ, отступилъ на второй планъ; его мѣсто занялъ «поэтъ центробѣжный, тяготящій къ другимъ, отрицательный, какъ жизнь въ движеніи», то есть Некрасовъ. Все это, по мнѣнію г. Тургенева, естественно и неизбѣжно вытекало изъ самаго положенія вещей и вполне этимъ положеніемъ объясняется. Ну, а что же теперь? удовлетворены что-ли «небывалыя и неотразимыя потребности»? жизнь изъ политической эпохи перешла опять въ литературную или объ эти сферы какъ-нибудь сопряглись въ высшемъ единствѣ всесторонней, гармонической полноты? Должно быть нѣчто подобное случилось, если въ самомъ дѣлѣ опять объявился, по словамъ г. Тургенева, запросъ на «поэта централнаго, положительнаго, какъ жизнь на покоѣ». Но г. Тургеневъ не хуже меня, не хуже каждаго имѣющаго очи видѣти и уши слышати, знаетъ, что наша эпоха политическая по преимуществу, даже слишкомъ односторонне-политическая, что жизнь наша течетъ тревожнѣе, чѣмъ когда-нибудь. Откуда же, изъ какой почвы можетъ тутъ вырасти усиленный запросъ на поэта, «положительнаго, какъ жизнь на покоѣ»? Поживемъ — увидимъ, а пока немножко рано началъ хоронить г. Тургеневъ «музу мести и печали». Тутъ дѣло, конечно, совсѣмъ не въ личномъ отношеніи г. Тургенева къ этой музѣ. Правда, знаменитый романистъ идетъ въ этомъ смыслѣ очень далеко, такъ далеко, что даже удивительно. Пояснивъ сначала,

что «*поэзія Пушкина*» уступила, по обстоятельствамъ, первое мѣсто поэзіи Некрасова, г. Тургеневъ въ концѣ рѣчи, не обинуясь, радуется, что русское общество опять возвращается къ «*поэзии*», просто къ поэзіи, къ поэзіи вообще. Значить, поэзія Пушкина есть поэзія, а поэзія Некрасова даже не поэзія, а таѣя себѣ, въ родѣ капусты, огородный овощъ... Это по истинѣ очень далеко, да и отъ истины не близко. Но все-таки это чисто личное мнѣніе г. Тургенева, за которое никто, кромѣ него, не отвѣтственъ. Но онъ подсовываетъ русскому обществу забвеніе поэта «*жизни въ движеніи*», за что Богъ истины и справедливости караетъ его по заслугамъ: заставляетъ впадать въ противорѣчія...

Въ концѣ-концовъ, если я какія-нибудь частности невѣрно понялъ или неправильно истолковалъ, остается все-таки несомнѣннымъ, что г. Тургеневъ не только память Пушкина чествовалъ, а и производилъ по своему поэтическому дѣлу шумъ. И онъ совершенно въ своемъ правѣ. Конечно, можно бы было пожелать, чтобы знаменитый романистъ, пользуясь «удобствомъ своего дебоша», употреблялъ только достойные его славы приемы, но что касается собственно дебоша, то, повторяю, онъ совершенно въ своемъ правѣ. Положимъ, что все это комедія, положимъ, что Пушкинъ тутъ только предлогъ и «удобство», но если г. Тургеневъ искренно вѣрить въ обновляющую силу и въ своевременность поэзіи, «положительной, какъ жизнь на покоѣ», то пусть пользуется «удобствомъ». Тутъ все дѣло въ искренности...

Любопытно было бы однако знать, что именно ввело г. Тургенева въ заблужденіе насчетъ возвращенія русскаго общества непосредственно-ли къ Пушкину или къ представляемой этимъ великаномъ поэзіи, «положительной, какъ жизнь на покоѣ». Повидимому, нѣтъ ни одного сколько-нибудь крупнаго факта въ русской общественной жизни, который можно бы было привести въ подтвержденіе этой мысли, и есть напротивъ очень много фактовъ, прямо или косвенно ее опровергающихъ. Конечно, г. Тургеневъ могъ встрѣчать людей, не только благоговѣющихъ передъ памятью Пушкина, но и видящихъ въ немъ, какъ бы знамя минуты. Но не таѣя же онъ легкомысленъ, чтобы обобщить эти случайныя встрѣчи. Перебирая въ своей памяти пережитыя нами за послѣднее время разныя разности, я могъ остановиться только на одной группѣ фактовъ, на первый взглядъ способной привести къ тѣмъ ошибочнымъ наблюденіямъ и выводамъ, къ которымъ пришелъ г. Тургеневъ. Это именно тѣ оваціи, предметомъ которыхъ были прошлою зимою гг. Тургеневъ и Достоевскій. Пушкинъ тутъ не при чемъ, конечно, но могло казаться, что «поэзія» играетъ тутъ весьма существенную роль, что гг. Тургеневъ и Достоевскій чествуются въ качествѣ поэтовъ. Сколько помнится, однако, самъ г. Тургеневъ этому не вѣрилъ. Не помню въ точности словъ, которые ему тогда приписывались, но смыслъ ихъ былъ именно тотъ, что вотъ, дескать, я изображаю изъ себя «удобство дебоша». Эта трезвость и критическій

тактъ дѣлають величайшую честь г. Тургеневу. Онъ, равно какъ и г. Достоевскій, былъ дѣйствительно въ ту минуту «удобствомъ». Если вы, читатели и читательницы, помните, какъ вы тогда «въ воздухъ чепчики бросали» и производили другія подобныя операціи (легко можетъ быть, что и забыли), то помните также, что гг. Тургеневу и Достоевскому были тогда усвоены двѣ довольно, впрочемъ, туманныя политическія программы, чѣмъ, мимоходомъ сказать, оба эти писателя были поставлены въ немалое затрудненіе. Корень былъ въ этихъ программахъ, да еще въ томъ, что русское общество чувствовало острую потребность заявить о своемъ существованіи. А затѣмъ толпа, въ которой возбужденіе передается отъ одной головы къ другой такъ же стихійно, какъ электрическая искра, всегда готова поднять на щитъ и носителя программы, и сапоги его, и вола его, и раба его, и осла его. Это въ особенностѣ относится къ нашей, русской толпѣ, имѣющей слишвомъ малую практику въ дѣлѣ выраженія своихъ чувствъ. Было бы поэтому очень нерезонно объяснять тогдашнія оваціи тѣмъ, что вотъ, дескать, русское общество отложилось въ сторону всѣ свои остальные думы, забыло всѣ свои скорби и раны и только объ одномъ и думаетъ, какъ бы увѣнчать лаврами и розами своихъ поэтовъ. Какъ уже сказано, г. Тургеневъ не впалъ въ это заблужденіе. Но все таки...

Мнѣ не хотѣлось бы трогать несомнѣнно больное мѣсто души г. Тургенева, но дѣло это прошлое и, кажется, въ этомъ случаѣ вполне примѣнима русская пословица: былъ молодцу не укорь. На одномъ изъ московскихъ обѣдовъ, какое-то духовное лицо имѣло безтактность провозгласить тостъ въ честь г. Тургенева, какъ автора влички «нигилистъ». Г. Тургеневу было навѣрное очень больно въ эту минуту. Онъ долженъ былъ вспомнить тѣ времена, когда отъ него, по его собственному позднѣйшему признанію, отвернулась лучшая часть русскаго общества. Но годы шли за годами, люди пробовали жить и умирали, новые и новые слои отложились на русской жизни, прошлое мало-по-малу стерлось, и г. Тургеневъ сталъ просто одною изъ гордостей русскаго искусства, а въ глазахъ нѣкоторыхъ еще и носителемъ извѣстной политической программы. А тамъ обычная механика возбужденія толпы, не имѣющей практики въ дѣлѣ выраженія своихъ чувствъ, и г. Тургеневъ на пьедесталѣ...

Я боюсь, что эту свою личную, очень въ сущности простую и вполне спеціальную, но для него самого преувеличенно важную исторію г. Тургеневъ имѣлъ неосторожность обобщить до предѣловъ возвращенія русскаго общества къ поэзіи жизни на покой и къ Пушкину...

Нѣтъ, къ сожалѣнію, о Пушкинѣ мало кто у насъ думаетъ, что, впрочемъ, вполне понятно и вполне объясняется тѣми самыми мотивами, которыми г. Тургеневъ обставилъ охлажденіе къ Пушкину лѣтъ двадцать тому назадъ. Мало кто думалъ о Пушкинѣ и на пушкинскомъ праздниѣ. Что у кого болитъ,

тотъ о томъ и говорить, а специально Пушкинымъ у насъ, кромѣ развѣ гг. Анненкова и Грота, никто не болѣвъ. Г. Достоевскій, напримѣръ, по этой части вполне здоровъ, онъ совсѣмъ другимъ страдаетъ, онъ... самимъ собой болѣвъ...

Я не намѣренъ распространяться о рѣчи г. Достоевскаго, такъ какъ ея вліяніе и противорѣчивость достаточно характеризованы въ письмѣ г. Г. У., напечатанномъ въ прошломъ номерѣ «Отечественныхъ Записокъ». Характеристика вышла замѣчательно удачная, даже помимо воли автора. Въ самомъ дѣлѣ письмо г. Г. У. характеризуетъ не только рѣчь г. Достоевскаго, а и настроеніе публики, и при томъ характеризуетъ не словами лишь, а и, такъ сказать, самолично. Увлеченный общимъ настроеніемъ минуты, г. Г. У. подслушалъ въ рѣчи г. Достоевскаго то самое, что ему подсказало его собственное сердце, и только затѣмъ, посмотрѣвъ на дѣло «съ холоднымъ вниманіемъ разсудка», разобралъ, что рѣчь эта есть пустая и не совсѣмъ умная шутка. Да, пустая, потому что человѣкъ не далъ ни одного твердаго вывода, ни одной не колеблющейся мысли, и не совсѣмъ умная, потому что «не можно вѣкъ носить личинъ». Для не присутствовавшихъ на праздникѣ первое впечатлѣніе не существуетъ, а у присутствовавшихъ оно пройдетъ, какъ прошло у г. Г. У. И тогда... Боже! чтѣ долженъ тогда подумать о г. Достоевскомъ тотъ, напримѣръ, молодой человѣкъ, который послѣ его рѣчи упалъ въ обморокъ...

Что же касается перваго впечатлѣнія, то это такъ понятно. Вопервыхъ, г. Достоевскій мастерски, истинно художественно читаетъ (а вѣдь у насъ ораторы не говорятъ, а читаютъ); во-вторыхъ, рѣчь его была оригинально задумана, вѣрнѣе сказать, оригинально, не по шаблону построена; в-третьихъ, наконецъ, публики была такъ жадна, что готова была проглотить всякій камень, обтесанный и покрашенный на манеръ хлѣба. Люди собрались производить по своему дѣлу шумъ, люди, надо помнить, непривычные, которые годами и годами ждутъ случая публично, шумно и свободно заявить о своемъ существованіи. Даже у гораздо болѣе взрослыхъ, чѣмъ мы, народовъ это публичное, свободное и шумное выраженіе чувствъ, будучи отчасти средствомъ для достиженія тѣхъ или другихъ практическихъ цѣлей, вѣсть съ тѣмъ само по себѣ составляетъ цѣль. Какойнибудь, положимъ, англичанинъ шумить на митингѣ въ разсчетъ, что зтотъ шумъ произведетъ такой-то результатъ, но, помимо этого, самый этотъ шумъ есть одна изъ формъ жизни и, въ качествѣ таковой, имѣетъ совершенно самостоятельную привлекательность: человѣкъ живетъ, чувствуетъ себя единицей, а не безгласнымъ и безправымъ нулемъ, онъ самъ выбралъ себѣ предметъ уваженія, любви или ненависти, вражды, презрѣнія и естественно дорожить этой самостью. Такъ мать дорожить своимъ ребенкомъ: она «со скрежетомъ сына носила и со стономъ его родила». Но, какъ ни дорога для англичанина или другого европейца эта свобода вы-

бора и свобода выраженія, онъ все-таки, вообще говоря, не воспользуется ею, какъ капризная, нервная барыня, то есть безъ вниманія къ своимъ интересамъ, какъ онъ ихъ понимаетъ, и къ ближайшимъ практическимъ результатамъ. Можетъ, разумѣется, и съ нимъ случится грѣхъ перваго впечатлѣнія, на-талкивающаго на слова и поступки, противорѣчащіе всему его прошлому, но это будетъ исключеніе, а не общее правило; онъ съ молокомъ матери всосалъ привычку къ самости. У насъ этого нѣтъ, конечно, и потому нечего удивляться, если свободный, публичный шумъ имѣетъ для насъ преувеличенную прелесть, если ему предаются, такъ сказать, зря, преимущественно ради него самого и въ случаяхъ, не совсѣмъ подходящихъ.

На пушкинскомъ праздниѣ публика, естественно, ожидала услышать нѣчто такое, чего она не можетъ услышать въ другихъ мѣстахъ, то есть въ печати (больше-то у насъ и мѣстъ никакихъ нѣтъ; есть, правда, еще мѣста, да тѣ ужъ очень отдаленныя). А чего именно нельзя услышать въ печати, объ чемъ именно «даже въ полголоса мы не пѣвали» — это всѣмъ очень хорошо извѣстно. Вотъ этого-то, всѣмъ извѣстнаго, но постоянно умалчиваемаго, и ждала публика, тревожно ловя настроженнымъ ухомъ каждое подходящее слово, пропуская мимо ушей остальное и жадно глотая и хлѣбъ, и камень, обтесанный и покрашенный на манеръ хлѣба. Гдѣ же ужъ тутъ было разобраться въ вицянни и двусмысленностяхъ рѣчи г. Достоевскаго. Онъ вѣдь на то и билъ, чтобы раздать всѣмъ сестрамъ по серьгамъ съ фальшивыми камнями, да потомъ всѣ серьги опять оборвать и къ себѣ въ карманъ положить, подмѣнивъ крашенные стеклышки своихъ сережекъ чистыми алмазами и жемчугами искренняго увлеченія толпы. Я съ большимъ нетерпѣніемъ жду слѣдующаго произведенія г. Достоевскаго. Очень и очень любопытно будетъ узнать, какъ отразилось на немъ московское торжество. Не слѣпъ же онъ, не можетъ же онъ не понимать что въ его рѣчи вызвало эту сладкую бурю чувствъ; не можетъ же онъ думать, что соблазнилъ кого нибудь, напримѣръ, знаменитой деревянной, стоеросовой фразой Татьяны или змѣиной насмѣшкой надъ русскимъ скитальцемъ. Быть можетъ, онъ пойметъ, наконецъ, что тамъ, гдѣ есть столько энтузіазма и горячаго увлеченія, тамъ есть по всей вѣроятности и боль, и правда; правда и боль высокая, великая, достойная прямого и честнаго къ ней отношенія...

Мнѣ обидно за г. Достоевскаго, воспользовавшагося удобствомъ, чтобы вымѣнять свои фальшивые камешки на настоящія драгоценности; обидно за публику, съ разу не замѣтившую на чьей сторонѣ выгода въ этомъ обмѣнѣ; всего обиднѣе за жизненные явленія, послужившія какъ бы подкладкой недоразумѣнія. Но все-таки я чувствую нѣкоторое удовлетвореніе. Были же какіе нибудь резоны у г. Достоевскаго для раздачи всѣмъ сестрамъ по

серьгамъ, хотя бы и съ фальшивыми камнями. Были резоны и у г. Каткова для примирительной рѣчи.

«Да здравствуетъ солнце, да скроется тьма!»

закончилъ г. Катковъ свою рѣчь стихомъ Пушкина. О, да! да здравствуетъ солнце, да скроется тьма! Я боюсь только, что при этомъ придется скрыться и г. Каткову. Мнѣ кажется даже, что онъ и самъ этого боится, а потому и сказалъ примирительную рѣчь. Мнѣ кажется, онъ и г. Достоевскій думаютъ, что не сегодня-завтра опять и опять повторится нѣчто подобное пушкинскому празднику, что наступитъ, пожалуй, сплошной перманентный пушкинскій праздниѣкъ, а потому надлежитъ забѣжать передъ событиями и заранѣе раздать всѣмъ сестрамъ по серьгамъ. И мнѣ кажется, что они правы, если не въ расчетахъ своихъ (этому бы я не порадовался), то въ ожиданіяхъ. Не подумайте, чтобы я вернулся изъ прекрасной, ободряющей глуши нагруженный излишнимъ оптимизмомъ. Нѣтъ, я знаю, что завтра же погода можетъ переимѣниться, но при данныхъ, нынѣшнихъ обстоятельствахъ гг. Катковъ и Достоевскій, можетъ быть, и не заблуждаются. Тѣмъ временемъ мы поменьше привыкнемъ выражать свои чувства, выбирать предметы чествованія и вражды, научимся различать фальшивыя и настоящія драгоценности, а потомъ—
vogue la galère!

Н. М.

ВЪ КНИЖНЫХЪ МАГАЗИНАХЪ

Н. И. МАМОНТОВА.

С.-Петербургъ, Невскій пр., противъ Гостиного Двора, № 46.

Бывшій А. И. ГЛАЗУНОВА.

Москва, Кузнецкій мостъ, домъ Фирсанова.

За послѣднее время поступили въ продажу слѣдующія новыя книги:

Торжество открытія памятника *А. С. Пушкину* въ Москвѣ 6-го іюня 1880 г., съ біографіею А. С. Пушкина. М. Ц. 50 в., съ перес. 75 в.

Штоль, Г. В. Мненія классической древности. Т. 2-й, изд. 2-е. М. Ц. 2 р. 50 к.; вѣс. 2 ф. 2 тома ц. 5 р.; вѣс. 3 ф.

Всеобщая исторія литературы, составленная по источникамъ и новѣйшимъ изслѣдованіямъ, при участіи русскихъ ученыхъ и литераторовъ, подъ редакціей В. О. Корша. Вып. 3-й. Спб. Ц. 1 р.; вѣс. 1 ф. 3 вып. 3 р.; вѣс. 3 ф.

Газенкампфъ, М. Военное хозяйство въ нашей и въ иностранныхъ арміяхъ въ мирное и въ военное время. Т. 1-й. Спб. Ц. 2 р. 50 коп.; вѣс. 2 ф.

Исторія евреевъ отъ процвѣтанія еврейско-испанской культуры до Маймонида, профессора Греца. М. Ц. 2 р. 50 в.; вѣс. 3 ф.

Добронлонскаго, А. Сочиненіе Фаунда, епископа Германскаго, въ защиту 3-хъ главъ. Историко-критическое изслѣдованіе изъ эпохи 5-го Вселенскаго собора. М. Ц. 2 р.; вѣс. 2 ф.

Менензи Уоллзсъ. Россія, перев. съ англійск. Т. 1-й. Спб. Ц. 2 р. 50 в.; вѣс. 2 ф.

Гельвальда, Ф. Въ области вѣчнаго льда. Исторія путешествій къ сѣверному полюсу съ древнѣйшихъ временъ до настоящаго. Выпускъ 4-й. Спб. Ц. 65 в.; вѣс. 1 ф.

Всеволожскій, А. Справочная книга для мировыхъ судей, чиновъ полиціи, волостныхъ старшинъ, сельскихъ старостъ и для лицъ, имѣющихъ дѣла у мировыхъ судей. Вып. 4-й. Ц. 1 р. 50 в.; вѣс. 2 ф. за 4 вып. 6 р.; вѣс. 5 ф.

Таганцева, Н. С. Курсъ русскаго уголовного права. Часть общая, кн. 1-я. Ученіе о преступленіи. Вып. 3-й и послѣдній. (Соучастіе въ преступленіи). Ц. 1 р. 25 в.; вѣс. 2 ф.

Льюисъ, Д. Изученіе психологіи, ея предметъ, область и методъ (продолженіе «Вопросовъ о жизни и духѣ»). Редакція перев. и этюдъ «Льюисъ, какъ психологъ» П. Д. Боборыкина. М. Ц. 1 р. 50 к.; вѣс. 2 ф.

Серія первоначальныхъ учебниковъ. Ботаника Антона де-Бари, перев. съ нѣмецкаго подъ редакціей А. Кирпотенко. Спб. Ц. 40 к.; вѣс. 1 ф.

Шалошниковъ. Интегрированіе уравненій съ полными дифференціалами и частными производными перваго порядка. М. Ц. 2 р.; вѣс. 2 ф.

Спенсера, Герберта. Данныя науки о нравственности. Спб. Ц. 2 р.; вѣс. 2 ф.

Молоховецъ, Е. Молодымъ хозяйкамъ. Собраніе гигиеническихъ и полезнѣйшихъ простыхъ, аллопатическихъ и гомеопатическихъ врачующихъ средствъ отъ различныхъ болѣзней взрослыхъ и дѣтей. Спб. Ц. 1 р. 25 к.; вѣс. 2 ф.

Свѣтскій человѣкъ, изучившій сводъ законовъ общественныхъ и свѣтскихъ приличій, сост. кн. Свѣтозарская. Спб. Ц. 1 р.; вѣс. 1 ф.

Мордвинова. Тайны Талмуда и евреи въ отношеніи къ христіанскому міру. М. Ц. 1 р. 50 к.; вѣс. 1 ф.

Историческія сочиненія В. Стоюнина. Часть 1-я. Александръ Семеновичъ Шишковъ. Спб. Ц. 1 р. 50 к.; вѣс. 2 ф.

М. Салтынова (Щедрина). Господа Головлевы. Спб. Ц. 2 р.; вѣс. 2 ф.

» » Круглый годъ. Спб. Ц. 1 р. 25 к.; вѣс. 2 ф.

Мордовцева, Д. Соловецкое сидѣнье. Историческая повѣсть изъ временъ начала раскола на Русь. М. Ц. 80 к.; вѣс. 1 ф.

» Царь и гетманъ. Историч. романъ въ 2-хъ част. М. Ц. 2 р.; вѣс. 2 ф.

В. И. Немировичъ-Данченко. Въ гостяхъ. (Очерки и рассказы). Спб. Ц. 1 р. 25 к.; вѣс. 2 ф.

» Даль. (Очерки и рассказы изъ поездки по югу). Спб. Ц. 1 р. 25 к.; вѣс. 2 ф.

Лейкина Н. Мученики охоты. Юмористическіе рассказы. Спб. Ц. 1 р. 50 к.; вѣс. 2 ф.

Требованія гг. иногородныхъ исполняются немедленно и аккуратно. Кромѣ упомянутыхъ книгъ, магазинъ высылаетъ все какъ прежде вышедшія, такъ и вновь выходящія, по цѣнамъ, гдѣ бы и кѣмъ бы то ни было опубликованнымъ.

1-го іюля вышла и разслана подписчикамъ VII-я, іюльская, книга историческаго журнала:

„РУССКАЯ СТАРИНА“

СОДЕРЖАНІЕ КНИГИ: I. 6-е іюня — день открытія памятника Пушкину. — II. Рѣчь профессора О. Θ. Миллера, сказанная 6-го іюня въ память Пушкина. — III. А. С. Пушкинъ, біографическій очеркъ, окончаніе, подъ ред. П. А. Ефремова. — IV. Жобаръ и А. С. Пушкинъ, сообщ. В. В. Никольскій. — V. Посланіе въ стихахъ и письмо А. С. Пушкина, 1819—1823 гг. — VI. Письма А. С. Пушкина къ Н. И. Гнѣдичу, 1820—1830 гг. Сообщ. П. А. Ефремовъ. — VII. Письмо А. С. Пушкина къ П. Б. Мансурову, 1819 г. Сообщ. акад. Я. К. Гротъ. — VIII. Воспоминанія А. М. Каратыгиной о знакомствѣ ея съ А. С. Пушкинымъ. — IX. Встрѣчи съ А. С. Пушкинымъ въ 1824 и 1829 гг., воспоминанія Н. Б. Потокскаго. — X. Обзоръ новаго изданія «Собранія сочиненій Пушкина». — XI. Стихотворенія М. П. Бестужева-Рюмина, Н. И. Гнѣдича, А. Писарева. — XII. Присоединеніе Грузіи къ Россіи, историческій очеркъ (окончаніе), Ад. П. Берже. — XIII. Записки профессора Д. И. Ростиславова. — XIV. Записки принца Евгенія Виртембергскаго: война въ 1828 г. — XV. Переписка императора Николая Павловича съ гр. Дибичемъ-Забалканскимъ, 1828 г. — XVI. Записки сельскаго священника: житѣе-бытѣе сельскаго пастыря со дня прїѣзда его въ приходъ. — XVII. Слово о полку Игоревѣ — въ переводѣ Герасима Петровича Павскаго. — XVIII. А. В. Фрейгантъ † 1880 г. — XIX. Разказы и замѣтки: кн. А. И. Барятинскій. — Архіепископъ Иринеи Нестеровичъ. — Архимандритъ Гавриилъ Воскресенскій. — День 14-го декабря. — Корнетъ Атуевъ въ 1850 г. — Даль и Нащокинъ и проч. — XX. Библіографическій листокъ русско-историческихъ книгъ. Составилъ профессоръ В. С. Иконниковъ.

Приложенія: Къ этой книгѣ приложены два снимка, исполненные въ экспедиціи заготовленія государственныхъ бумагъ съ подлинныхъ двухъ черновыхъ писемъ А. С. Пушкина къ барону Гекерену, 1836 г.

Портретъ А. С. Пушкина въ гробу, съ рисунка одного изъ учениковъ К. П. Брюлова, гравюра академика Стрянова, получена изъ Ниццы (по случаю болѣзни гравера) только 29-го іюня, поэтому не могла быть отпечатана при этой книгѣ, а будетъ разслана при августовской книгѣ «Русской Старины» изд. 1880 г.

ПОДПИСКА НА «РУССКУЮ СТАРИНУ» 1880 года (одиннадцатый годъ изданія) продолжается. Цѣна за 12 книгъ въ годъ, съ портретами и проч. приложеніями, **ВОСЕМЬ** рублей съ пересылкою. (*Осталось немного экземпляровъ. Печатается второе изданіе первыхъ четырехъ книгъ*).

Подписка принимается: въ С.-Петербургѣ, у Мамонтова, Невскій пр., д. № 46; въ Москвѣ—у Мамонтова, Кузнецкій мостъ, д. Фирсанова, и у Соловьева, на Страстномъ бульварѣ, д. Алексѣева.

Гг. Иногородные обращаются исключительно: въ С.-Петербургъ, въ Редакцію журнала «Русская Старина», на Большую Подъяческую, близъ Екатерининскаго канала, домъ № 7.

Цѣна за 12 книгъ съ портретами (въ теченіе 1880 г. *неприменно* при каждой книгѣ) **восемь** руб. съ пересылкою.

Можно получить «Русскую Старину», съ портретами, 1870 г. (3-е изд.), 1876 г. (второе изд), 1877 г. (съ 10 гравированными на мѣди и на деревѣ портретами), 1878 г. съ портретомъ Н. В. Гоголя (отпечатанъ красками) и другими портретами, и 1879 года съ гравированными при каждой книгѣ портретами. Цѣна за каждый годъ **восемь** руб. съ пересылкою.

Изд.-ред. «Русской Старины» **М. И. Семевскій.**

— Вы?

— Да, это необходимо. Берта Джобсонъ будетъ избавлена отъ малѣйшей неприятности, если это зависитъ отъ меня. Вы можете распорядиться мною, какъ угодно.

Джобсонъ пристально посмотрѣлъ на Винистуна.

— Что это значитъ, мой другъ? Я никогда не видалъ васъ въ такомъ волненіи. Неужели...

— Довольно! воскликнулъ Винистунъ, и на лбу его показались крупныя капли холоднаго пота:—ни слова болѣе. Мы понимаемъ другъ друга. Я знаю, что подозрѣваемое вами неисполнимо, но...

И, не докончивъ своей фразы, началъ снова ходить взадъ и впередъ по комнатѣ.

Джобсонъ подошелъ къ окну и сталъ смотрѣть на Пумпъ-Кортъ. Его глаза неожиданно открылись. Этотъ добрый, возвышенный, могучій человѣкъ, котораго онъ любилъ, какъ старшаго брата, который казался ему выше всѣхъ человѣческихъ слабостей—этотъ человѣкъ подчинился вліянію того пламеннаго чувства, отъ котораго такъія самыя ледяныя натуры и мутятся самыя твердые умы. Онъ вспомнилъ слова Берты, которая однажды со слезами на глазахъ просила его не упоминать при ней объ одномъ щекотливомъ предметѣ. Онъ вспомнилъ и грустное прошедшее, долгую, мрачную ночь, и счастливый разсвѣтъ. Его пугала мысль, что въ странное, нѣжное чувство Винистуна не оказалось болѣе опаснымъ для ея спокойствія, чѣмъ корыстный заговоръ безнравственной женщины и грубаго негодая. Онъ вспомнилъ, что наканунѣ, за обѣдомъ, она казалось такой хорошенькой, а лордъ Сваллотэль, сидѣвшій рядомъ съ нею, былъ впервые въ романическомъ настроеніи.

Винистунъ отличался необыкновенной впечатлительностью и отгадывалъ съ удивительной точностью мысли сочувственныхъ ему лицъ. Онъ вдругъ остановился передъ Джобсономъ и протянулъ ему обѣ руки.

— Джобсонъ, сказалъ онъ:—я многое отгадываю, что боюсь высказать на словахъ. Вы не можете себѣ представить, какъ могуче это чувство во мнѣ. Но будьте увѣрены, что здѣсь засѣло нѣчто (и онъ указалъ рукой на свою голову), чего никакая судьба не уничтожить, не измѣнить. Я буду нѣженъ, какъ голубокъ, и терпѣливъ, какъ рабъ. Я буду страдать безропотно, буду преданъ безъ надежды на награду, и постояненъ, несмотря на холодность и презрѣніе. Вы можете поручить мнѣ охраненіе драгоцѣннаго спокойствія... Ради Бога, не говорите теперь ни слова...

ВРАГИ ДЖОБСОВА.

И онъ попрежнему запагалъ по комнатѣ.

Джобсонъ продолжалъ смотрѣть въ окно. Онъ никогда не думалъ, что Винистунъ въ состояніи влюбиться. Сердце его, казалось, было столь всеобъемлюще, что его только могла удовлетворить любовь ко всему человѣчеству. Поэтому, страсть его къ одной женщинѣ, къ Бертѣ Джобсонъ, казалась непонятной, загадочной. Однако, это неожиданное открытіе было очень приятно для Тадди. Онъ не могъ мечтать о лучшемъ мужѣ для Берты, которая, онъ былъ убѣжденъ, питала къ нему нѣжную, почтительную дружбу. Но, съ другой стороны, онъ замѣчалъ въ послѣднее время, что лордъ Сваллотэль очень уваживалъ за Бертой и, хотя онъ былъ нѣсколькими годами моложе ея, но его серьезный характеръ и степенная наружность совершенно ступевывали это различіе; къ тому же, миссъ Джобсонъ видимо относилась къ нему съ сочувственнымъ уваженіемъ.

Погруженный въ эти мысли, Джобсонъ не замѣчалъ, что время шло. Винистунъ продолжалъ ходить по комнатѣ взадъ и впередъ и не могъ не замѣтить странности поведенія своего молодого друга, который холодно отнесся къ столь лестному для него предложенію.

— Тадди Джобсонъ, сказалъ онъ, наконецъ, очень тихо:—о чемъ вы думаете? Я имѣю право на вашу искренность и желаю бы знать, какъ вы смотрите на мое призваніе. Доставляетъ оно вамъ удовольствіе или нѣтъ?

Джобсонъ схватилъ его за обѣ руки.

— Неужели вы, Винистунъ, могли сомнѣваться во мнѣ хоть на минуточку? Простите меня, я думалъ не о себѣ, а обѣ васъ. Я не желалъ бы, чтобъ такое рѣдкое сердце, какъ ваше, терзалось понапрасну. Вы не знаете исторіи моей тетки; я долженъ вамъ ее рассказать.

Они сѣли, и Джобсонъ подробно передалъ своему другу тѣ поразительныя обстоятельства, которыя такъ сильно подѣйствовали на его собственную жизнь. Винистунъ выслушалъ его съ блестящими отъ волненія глазами.

— Я теперь понимаю, произнесъ онъ, когда Джобсонъ кончилъ свой рассказъ:— почему подъ всей ея живостью и веселостью скрывается неописанная, нѣжная меланхолія, которая всегда напоминала мнѣ темную глубь озера, просвѣчивающую среди лучезарно освѣщенной солнцемъ поверхности.

Онъ задумался.

Черезъ нѣсколько минутъ, Джобсонъ прервалъ это молчаніе.

— Вотъ причина моего смущенія, сказалъ онъ:—я не зналъ, какъ отнестись къ извѣстію, что мой лучший другъ питаетъ къ

моей тетѣ болѣе, чѣмъ дружескія чувства. Я считаю необходимымъ быть совершенно откровеннымъ съ вами и потому прибавлю, что другой изъ моихъ друзей также питаетъ къ ней подобныя чувства; что же касается моего мнѣнія, то я убѣжденъ, что обоихъ ждетъ горькое разочарованіе. Теперь вы поймете мою вѣжливую холодность.

— Джобсонъ, вы поступили какъ истинный другъ, примите мою глубокую благодарность. Мнѣ излишне, конечно, просить васъ, чтобъ все это осталось тайною между нами. Если я неожиданно высказалъ передъ вами свои чувства, то это далеко не съ мыслью просить вашего ходатайства. Вы мнѣ сказали все, что сочли нужнымъ, и теперь предоставьте меня и вашего другого друга, имени котораго я не желаю знать, нашей судьбѣ. Прошу васъ никогда не возобновлять со мною этого разговора. Вы можете быть увѣрены, что я всегда буду поступать съ преданностью и деликатностью истинной любви!

Онъ всталъ и, надѣвъ шляпу, удалился.

Спустя часъ, Джобсонъ, проходя черезъ сады внутренняго Темпля, увидѣлъ издали Винистуна, который, заложивъ руки за спину, шагаль по набережной въ глубокой думѣ.

V.

НАШЛА КОСА НА КАМЕНЬ.

При встрѣчѣ съ Скирро на подъѣздѣ редакціи *Chronicle*, Джобсонъ съ перваго взгляда узналъ своего стараго товарища и соперника. Его пронизательный взглядъ тотчасъ замѣтилъ на лицѣ Скирро и во всей его внѣшности безспорные слѣды самыхъ стѣснительныхъ обстоятельствъ. Отъ него также не скрылись злоба и зависть, свернувшія въ глазахъ Тома, при видѣ своего врага въ цвѣтущемъ положеніи. Но въ сердцѣ Джобсона не сохранилось ни малѣйшей къ нему ненависти, и онъ искренно его пожалѣлъ. Первой его мыслью было прослѣдить Скирро до его дома и предложить ему помощь, но его удержала излишняя въ этомъ случаѣ деликатность. Чувствуя, что въ подобныхъ обстоятельствахъ онъ отказался бы отъ помощи Скирро, Джобсонъ написалъ и ему такую же нравственную щепетильность. Но несчастная фигура Скирро не выходила изъ его головы, и онъ въ тотъ же вечеръ посоветовался съ Бертой насчетъ лучшаго способа оказать ему помощь. Онъ даже думалъ напечатать въ газетахъ,

*

что ищутъ адресъ Скирро, и потомъ послать ему денегъ, не говоря отъ кого.

Но во время разговора съ Винистуномъ онъ забылъ упомянуть объ его встрѣчѣ съ Томомъ Скирро, который безъ всякаго сомнѣнія подбивалъ мистрисъ Гильдьяръ въ ея низкихъ ковахъ противъ сэра Гарри Джобсона. Не смотря на это, онъ никакъ не могъ забыть несчастной фигуры Скирро. Онъ невольно думалъ объ Эмили и спрашивалъ себя: было ли у нея такое же отчаянное выраженіе лица? Онъ не питалъ ненависти ни къ ней, ни къ ея мужу. Врагъ Джобсона не стоилъ его антипатіи, а лишь заслуживалъ презрѣніе, но и это чувство теперь перешло въ состраданіе.

Поэтому, Джобсонъ кончилъ тѣмъ, что послалъ по почтѣ Скирро два банковые билета въ десять фунтовъ, написавъ адресъ не своимъ почеркомъ.

Спустя два дня, онъ получилъ отвѣтъ, который собственноручно принесла миссъ Бопсъ. При видѣ Тимпани, отворившаго ей дверь, молодая дѣвушка была очень удивлена.

— А, хитрый человѣкъ! сказала она, широко раскрывая свои глаза: — такъ ваша контора здѣсь?

Тимпани покраснѣлъ до корней волосъ.

— Послушайте, красавица, произнесъ онъ:—вы никому не говорите объ этомъ.

— О чемъ?

— О томъ, гдѣ я живу и проч. Не говорите объ этомъ отцу. Что вамъ надо?

— Мнѣ надо вашего джентльмена.... мистера Джобсона. Я принесла ему письмо отъ нашей жилички перваго этажа. Тутъ какая-то игра. Она мнѣ дала полкроны и сказала: «Анджи, посмотрите въ справочной книгѣ, гдѣ контора мистера Тадеуса Джобсона въ Темплѣ». Я навела справки и объявила, что въ Пумпъ-Кортъ. Тогда она написала вотъ это письмо и, отдавая его мнѣ, прибавила: «Отнесите по секрету отъ всѣхъ въ контору мистера Джобсона».

— Хорошо, отвѣчалъ Тимпани, протягивая руку: — я отдамъ письмо мистеру Джобсону.

— Скажите прежде, кто такой вашъ господинъ, и какія у него дѣла съ мистрисъ Скирро? воскликнула Анджелина, пряча письмо за спину.

И она съ хитрой улыбкой взглянула на юношу.

— Я теперь не могу вамъ ничего сказать; онъ сидитъ въ софѣдней комнатѣ и задастъ мнѣ трешку, если увидитъ, что я раз-

товариваю съ вами. Но я зайду къ вамъ надняхъ, и мы пойдемъ вмѣстѣ гулять въ паркъ; тамъ я вамъ все расскажу.

Она отдала ему письмо.

— А поцѣлуй!

Анджелина Бопсъ пустилась бѣгомъ по лѣстницѣ, а Тимпани послѣдовалъ за нею. По несчастью, она на послѣднемъ поворотѣ споткнулась и скатилась внизъ; и хотя она не нанесла себѣ при этомъ ни малѣйшаго ушиба, но поклялась выцарапать глаза Тимпани при первомъ свиданіи.

Вернувшись въ контору, Тимпани передалъ письмо Джобсону, который, распечатавъ, прочиталъ слѣдующее:

«Тадди Джобсонъ, извините меня, что я васъ беспокою, но я не могу молчать. Никто, кромѣ васъ, не могъ прислать намъ вчера деньги, въ которыхъ, увы! мы очень нуждались. Томъ увѣряетъ, что эти деньги присланы моимъ отцомъ, который отрекся отъ меня послѣ моего замужества. Но я знаю, что это не правда. Мнѣ больно и стыдно получать отъ васъ помощь. Вы нагромодили мнѣ на голову горящія угли, и они жгутъ всю мою внутренность. Что же касается *его*, то ничто не въ состояніи тронуть этого человѣка. Я готова была бы отдать все на свѣтъ, чтобы не написать этихъ словъ, и дѣлаю это не изъ любви къ вамъ, а по сознанію своего долга. Онъ болѣе чѣмъ когда ненавидитъ васъ и употребитъ эти деньги на то, чтобы обезпечить себѣ положеніе, которое дозволило бы ему вредить вамъ. Ради Бога, не присылайте болѣе никогда и берегитесь Тома Скирро и низкой женщины, по имени мистрисъ Гильдьяръ. Они работаютъ вмѣстѣ и, если только возможно, то погубятъ ваше спокойствіе и репутацію. Вы когда-то знали меня, какъ

Эмили Латуишъ.

Р. S.—Не отвѣчайте мнѣ».

Это письмо, вполне подтверждавшее его подозрѣнія, Джобсонъ показалъ Винистуну.

— Мы должны дѣйствовать быстро, сказалъ тотъ, узнавъ въ чемъ дѣло:—вамъ нечего бояться враждебныхъ дѣйствій Скирро. Онъ не можетъ причинить вамъ большого вреда. Намъ надо только устранить изъ игры его орудіе, мистрисъ Гильдьяръ. Нечего сказать, славная парочка. Это письмо говоритъ многое между строчками. Я бы желалъ знать, насколько сильно было бы вліяніе долга на мистрисъ Скирро, еслибы ея не побуждало написать это письмо другое, болѣе могучее, эгоистичное чувство. Скирро, конечно, негодяй и въ отношеніи ея, и ея руководитъ оскорбленная гордость. Во всякомъ случаѣ, намъ надо этимъ воспользоваться.

— Какъ? Винистунъ, вы хотите воспользоваться слабостью этой женщины? Вѣдь, какъ бы то ни было, Скирро—ея мужъ. Она вышла за него замужъ и не имѣетъ права его выдавать.

Сѣрые глаза Винистуна засверкали.

— Тадди Джобсонъ, эти чувства дѣлаютъ вамъ честь, хотя вы ужъ немного пересолили. Я нисколько и не думалъ натравливать жену на мужа, а хотѣлъ лишь воспользоваться предостереженіемъ. Мы должны, не теряя ни минуты, разлучить Скирро съ мистрисъ Гильдьяръ и уничтожить эту фирму. Она, вѣроятно, уже прожила двадцать фунтовъ, которые вы ей дали, а Скирро—не такой дуракъ, чтобы сказать ей о полученной имъ помощи. Она вскорѣ вторично явится къ вамъ или къ вашему дядѣ. Мы должны предупредить ее. Я увижусь съ нею сегодня вечеромъ.

— Гдѣ и какъ?

— Я ей назначу свиданіе въ такихъ условіяхъ, что она непременно явится... т. е., если она не занята. Вотъ посмотрите.

И, присѣвъ къ столу, онъ написалъ на дорогой, съ золотымъ обрѣзомъ, почтовой бумагѣ слѣдующія строки:

«Старый другъ, видѣвшій мистрисъ Гильдьяръ, но незнакомый ей, желаетъ счастья встрѣтиться съ нею въ *Hôtel des Etrangers*, въ Джерардъ-Стритѣ, Сого, въ большой кофейной комнатѣ, на послѣднемъ столѣ на-лѣво, сегодня вечеромъ въ 9 часовъ. Она узнаетъ его по бѣлой розѣ въ петличкѣ».

— Вы пишете, какъ человѣкъ, привыкшій къ подобнымъ дѣламъ, произнесъ Джобсонъ съ улыбкой.

— Нѣтъ, отвѣчалъ Винистунъ очень серьезно:—я не могу дозволить вамъ подобной шутки, особенно послѣ моего недавняго признанія. Вы сказали это такъ, не подумавши; но увѣряю васъ, что, несмотря на мое глубокое знаніе свѣта, сердце мое не загрязнено интригами. Мнѣ суждено было близко видѣть человѣческія слабости и страсти въ другихъ, а потому это письмо продиктовано не личнымъ опытомъ, а знаніемъ чужого опыта.

— Но вѣдь вы рискуете большимъ, чѣмъ я, выдавъ ей глупый чекъ. Она будетъ имѣть въ отношеніи васъ сильную заручку.

— Я ничего не боюсь, но еслибъ и была опасность, то я со счастьемъ подвергнусь ей для избавленія отъ неприятели Берты Джобсонъ. Въ этомъ дѣлѣ надо дѣйствовать быстро, хитро, умѣло. Возвратясь въ свою контору, Джобсонъ засталъ тамъ сэра Гарри, который ходилъ взадъ и впередъ по комнатѣ, въ сильномъ волненіи.

— Я ее видѣлъ! воскликнулъ онъ съ жаромъ:—полчаса тому назадъ... въ Цикадилли... недалеко отъ Арлингтонъ-Стрита. Она

въ Лондонѣ, сэръ. Я бросился въ ближайшій кэбъ, но она меня узнала.

— Милый дядя, я это знаю. Садитесь и выслушайте меня терпѣливо.

Генераль былъ очень встревоженъ рассказомъ Джобсона. Ему не понравилось желаніе молодого человѣка защитить его отъ непріятности, хотя онъ былъ гораздо старше, а слѣдовательно, и благоразумнѣе его. Что же касается до вмѣшательства въ семейное его дѣло чужого, хотя и такого достойнаго, деликатнаго человѣка, какъ Винистунъ, то онъ просто вышелъ изъ себя отъ негодованія. По мнѣнію генерала, семейныя тайны никогда не должны выходить изъ лона семейства. Джобсонъ не могъ объяснить ему любовь Винистуна къ Бергѣ, и къ тому же это нисколько не оправдало бы его, такъ какъ онъ гораздо прежде повѣрилъ ему тайну дяди, чѣмъ узналъ, что онъ питаетъ нѣжныя чувства къ теткѣ. Однако, послѣ долгихъ усилій, ему удалось успокоить сэра Гарри и даже добиться его согласія на немедленное приглашеніе Винистуна. Когда тотъ явился и сэръ Гарри поговорилъ съ нимъ въ продолженіи двухъ часовъ, то онъ принужденъ былъ согласиться, что выборъ Тадди былъ очень мудрый. Винистунъ былъ не только настоящій джентльмэнъ и ловкій малый, но честный, благородный человѣкъ. Въ концѣ-концовъ, генераль слѣпо довѣрился ему и поручилъ заключить сдѣлку съ мистрисъ Гильдьяръ на такихъ условіяхъ, какія оны найдеть выгодными.

Такимъ образомъ, въ девять часовъ вечера, Винистунъ сидѣлъ за указаннымъ въ запискѣ столомъ въ ресторанѣ *Hôtel des Etrangers*. На немъ былъ костюмъ, взятый у портного на Страндѣ, въ которомъ онъ считалъ себя прекраснымъ образцомъ франта послѣдняго разряда, съ голубымъ галстукомъ, бриллантовой булавкой и бѣлой розой въ петличкѣ. Онъ говорилъ съ лакеями такимъ безупречнымъ французскимъ языкомъ, что они переглядывались съ недоумѣніемъ, а сидѣвшій въ залѣ за бутылкой медака французскій журналистъ оглядѣлъ его съ головы до ногъ съ большимъ любопытствомъ. Когда же Винистунъ заказалъ тонкій ужинъ на двухъ, говоря, что онъ ждетъ даму, то слуги стали перешептываться, увѣренные, что это переодѣтый джентльмэнъ.

Вскорѣ дверь отворилась съ шумомъ. Послышался шелестъ шелковаго платя, и женщина высокаго роста, съ перомъ на шляпкѣ и вуалемъ на лицѣ, прошла къ лѣвому заднему столу. Взглянувъ въ лорнетъ на Винистуна, она подняла вуаль и смѣло подошла къ нему.

Не смотря на все желаніе хорошо разыграть свою роль, Винистунъ инстинктивно всталъ и учтиво поклонился.

— А! это вы, мистрисъ Гильдьяръ, сказала онъ своимъ обычнымъ мягкимъ голосомъ:—вы слишкомъ любезны.

Она пристально посмотрѣла на него и присѣла съ улыбкой.

— Ваше приглашеніе было еще любезнѣе, хотя нѣсколько по-велительно, отвѣчала она со смѣхомъ и, не дожидаясь приглашенія, сѣла за столъ противъ него:—вы забыли подписать свою записку, но это меня не остановило, я такъ желала увидѣть, кто обращается со мною такъ безцеремонно.

— Вы видите, у меня въ петлицѣ бѣлая роза, значитъ, ошибки не можете быть насчетъ моей личности, сказалъ Винистунъ.

— Нѣтъ, извините; ваша внѣшность совершенно не вяжется съ вашей рѣчью, запиской и безупречнымъ французскимъ языкомъ, на которомъ вы только-что объяснялись съ слугою.

— Вы слишкомъ дальнорорки, сударыня. Позвольте мнѣ представиться, я—мистеръ Варлей. Извините, я былъ такъ дерзокъ, что заказалъ ужинъ, надѣясь, что вы мнѣ не откажете въ удовольствіи покушать со мною въ этой публичной залѣ.

— Не въ чемъ тутъ извиняться, сэръ, вы поступили очень благоразумно и здѣсь, какъ вы говорите, въ публичной залѣ, подъ глазами у той обезьяны, которая смотритъ на насъ въ свой громадный лорнетъ, я могу смѣло, безъ всякихъ послѣдствій ужинать съ вами.

Она сняла перчатки и бросила на Винистуна такой смѣлый, любовный, вызывающій взглядъ, что его всего перевернуло. Но онъ никогда не терялъ присутствія духа и вскорѣ завелъ разговоръ о лондонскихъ и парижскихъ свѣтскихъ скандалахъ. Мистрисъ Гильдьяръ очень ловко вторила ему, въ тоже время оказывая полную честь ужину. Однако, не смотря на свою рѣшимость довести до конца, Винистуну претило взятое на себя дѣло. Сердце его обливалось кровью. Онъ не могъ хладнокровно смотрѣть на существо, подобное тому, которое сидѣло противъ него. Сквозь ея румяны, подкрашенные глаза и видимые слѣды разврата на лицѣ просвѣчивали остатки благородной женской природы. Онъ раза два вздрогнулъ, но его пронизательные глаза ни на минуту не покидали ея. Она чувствовала, что находилась подъ вліяніемъ, во власти этого человѣка, умная, саркастическая, циничная рѣчь котораго неволью ее плѣняла. Его волоса, старательно завитые, теперь торчали во всѣ стороны, голубой галстухъ спустился на жилетку. Она съ удовольствіемъ убѣждала бы отъ этого страннаго человѣка, но его пронизательный взглядъ какъ бы пригвоздилъ ее къ мѣсту.

Наконецъ, французскій журналистъ ушелъ, и они остались вдвоемъ въ большой залъ, такъ какъ слуги дожидались приказаній въ сосѣдней комнатѣ.

— Господи! воскликнула вдругъ мистрисъ Гильдьяръ, посмотрѣвъ на часы:—уже двѣнадцатый часъ. Какой вы очаровательный человѣкъ! Но мнѣ, право, пора.

Она взяла шляпку, но Винистунъ ее остановилъ.

— Погодите, мистрисъ Сурти, сказалъ онъ:— мнѣ надо съ вами поговорить.

Она вздрогнула и посмотрѣла съ изумленіемъ на своего собесѣдника.

— Кто вы такой, сэръ? И зачѣмъ вы меня называете этимъ давно забытымъ именемъ.

— Извините меня, сударыня, отвѣчалъ спокойно Винистунъ:— я пришелъ сюда не для того, чтобъ отвѣчать, а чтобъ допрашивать. Вы не должны забывать, что вы въ Индіи видѣли многихъ лицъ, хотя нѣкоторыхъ изъ нихъ вы, можетъ быть, и захотѣли бы забыть.

Она бросила на него испуганный взглядъ и опустила глаза. Но черезъ минуту, собравшись съ силами, она воскликнула такъ громко, что слуги переполошились.

— Что вы хотите этимъ сказать?

— Позвольте, сударыня, отвѣчалъ спокойно и вполголоса Винистунъ:—вы беспокоите слугъ. Вы, конечно, уже поняли, что я не безъ цѣли пригласилъ васъ сюда, и, будьте увѣрены, я добьюсь этой цѣли. Если вы сохраните должное спокойствіе, то намъ обоимъ будетъ пріятнѣе, но во всякомъ случаѣ я исполню свой долгъ.

— Долгъ! произнесла она, поблѣднѣвъ:—вы не сыщикъ?

— Сударыня, отвѣчалъ Винистунъ, отъ зоркаго взгляда котораго не ускользало ни одно ея движеніе:—еще не настало время сказать вамъ, кто я. Достаточно вамъ теперь знать одно, что, прежде чѣмъ мы разстанемся, я вамъ докажу, что имѣю право такъ дѣйствовать. Позвольте мнѣ поэтому, мистрисъ Сурти, говорить съ вами откровенно, какъ старому пріятелю. Я знаю вашу прошедшую исторію. Нѣкогда прелестная и высокообразованная Елена Дарклей, баловень своей матери, вышла замужъ за мистера Сурти, потомъ она была офицерской красавицей въ Индіи, снова вышла замужъ за поручика Верулама и, наконецъ, превратилась въ мистрисъ Гильдьяръ, живущую въ Крукъ-Стритъ и готовую явиться въ ресторанъ по первому приглашенію незнакомаго ей человѣка.

Онъ произнесъ эти слова съ глубокимъ чувствомъ, и глаза его

смотрѣли мягко, сострадательно на ея крашенное лицо. Она закрыла глаза руками. Винистунъ замѣтилъ на ея пальцахъ нѣсколько колець съ драгоценными каменьями.

— Сосчитайте вольца на вашихъ пальцахъ, сказала онъ смѣло:—отъ кого вы ихъ получили и какую они могутъ рассказать исторію.

— Пощадите меня, промолвила бѣдная женщина:—вы откуда, странный человѣкъ? Кто вы? И чего вы отъ меня хотите?

Голосъ ея дрожалъ.

— Гдѣ Веруламъ? спросилъ торжественно Винистунъ.

Она всплеснула руками, дико оглядѣла всю комнату и, оставивъ свой испуганный взглядъ на Винистунѣ, вскочила.

— Я не стану болѣе отвѣчать на ваши вопросы, сэръ, произнесла она, сверкая глазами.

— Сядьте, спокойно сказала Винистунъ:—вы не уйдете.

— Кто мнѣ помѣшаетъ?

— Развѣ вы предпочтете отвѣчать въ иномъ болѣе официальномъ мѣстѣ? Нѣтъ, лучше садитесь.

Она опустила на стулъ, злобно смотря на него.

— Вы пріѣхали въ Лондонъ, мистрисъ Сурти, продолжалъ Винистунъ:—съ цѣлью ограбить сэра Гарри Джобсона, на которого вы думаете имѣть какія-то права, потому что у васъ находятся компрометирующія его письма. Вы уже воспользовались этимъ средствомъ, чтобы вырвать порядочную сумму денегъ у его племянника. Это ставитъ васъ въ очень опасное положеніе.

— Оно можетъ быть опасно для меня, сэръ, только въ томъ случаѣ, если мистеръ Джобсонъ рѣшится скомпрометировать своего дядю, замѣтила мистрисъ Гильдьяръ съ прежнимъ своимъ хладнокровіемъ и не безъ ироніи.

— Вѣроятно, у васъ хорошій совѣтчикъ; но помните, что когда вы предстанете передъ судомъ, вся ваша жизнь будетъ подвергнута слѣдствію, и очень можетъ быть, что генераль Джобсонъ, выведенный изъ терпѣнія, предастъ васъ суду присяжныхъ, даже подъ опасностью скомпрометировать себя.

Мистрисъ Гильдьяръ поблѣднѣла подъ румянами.

— Ну, сказала она, собравшись съ силами и думая взять начальствомъ:— весь вопросъ въ томъ: кому необходимѣе беречь свою репутацію, генералу Джобсону или мнѣ?

— Конечно, тутъ большое различіе, замѣтилъ Винистунъ, скорѣе думая вслухъ, чѣмъ обращаясь къ своей собесѣдницѣ:—дѣло идетъ о счастья трехъ особъ.

— Ага! воскликнула съ циничнымъ смѣхомъ мистрисъ Гильдьяръ:— вы, господинъ незнакомецъ, очень дальнозорки. Вы не

забываете и миссъ Джобсонъ. Ужь и вы также не заинтересованы ли лично въ этомъ дѣлѣ?

И она дерзко посмотрѣла ему прямо въ глаза. Кровь хлынула къ лицу Винистуна. Онъ не могъ простить себѣ неосторожнаго выраженія.

— Я дѣйствую въ интересахъ другихъ лицъ, произнесъ онъ небрежно:—это дѣло ихъ, а не мое. Я совѣтовалъ имъ отнестись съ презрѣніемъ къ подобной попыткѣ выманить деньги клеветою. И при извѣстныхъ условіяхъ, они такъ и поступаютъ. Но, мистрисъ Сурти, будемъ говорить искренно. Чего вамъ надо? Чего вы добиваетесь?

— *Il faut vivre*, отвѣчала она, пожимая плечами.

— Только-то? Обратитесь лучше къ состраданію извѣстныхъ вамъ лицъ, и ваша просьба будетъ уважена, а угрозы ни къ чему не поведутъ.

— Извините, сэръ, я предпочитаю вступить въ переговоры прямо съ этими лицами. Я васъ не знаю. Мнѣ даже неизвѣстно, уполномочены ли вы. Какое вамъ дѣло до меня?

— О, сударыня я—стряпчій.

— Такъ вы представитель сэра Гарри Джобсона?

— Да.

— Что же вамъ поручено мнѣ предложить?

— Я уполномоченъ окончить съ вами это дѣло, если ваши условія не будутъ чудовищными. Но мои уполномочья имѣютъ силу только сегодня, и потому не уходите. Съ нашей стороны три требованія: *первое*, чтобы въ теченіи сорока восьми часовъ, вы выѣхали изъ Англии и обязались никогда въ нее не возвращаться, и *второе*, чтобы вы прекратили всякія сношенія съ челоукомъ, по имени Скирро, и его женою.

— Его бросить не трудно, промолвила она съ презрительной улыбкой.

— Это, вѣроятно, другъ, не стоющій большаго вниманія, замѣтилъ Винистунъ съ ядовитымъ сарказмомъ: — въ *третьихъ*, мы требуемъ, чтобы вы передали намъ всѣ имѣющіяся у васъ письма генерала Джобсона. Я убѣжденъ, что они находятся въ маленькомъ ридикюлѣ, который на васъ. На этихъ трехъ условіяхъ, исполнить которыя вы обяжетесь письменно, я готовъ вамъ предложить пожизненный пенсіонъ, на который вы будете въ состояніи прожить припѣваючи въ любомъ европейскомъ городѣ.

— А чѣмъ я буду обезпечена, что буду получать аккуратно этотъ пенсіонъ, цифру котораго вы между прочимъ не опредѣлили?

— Если вы подпишете тотчасъ это условіе, которое, я увѣ-

рентъ, вы свято исполните, то завтра будетъ внесенъ необходимый капиталъ въ банкирскую контору Кутсъ и К^о, и она будетъ въ положенные сроки высылать вамъ слѣдующія суммы.

— А если я не подпишу?

— То мы болѣе не вступимъ ни въ какіе переговоры.

— Назначьте сумму, на которую, по вашему, я буду въ состояніи жить припѣваючи въ любомъ европейскомъ городѣ.

— Четыреста фунтовъ стерлинговъ въ годъ. И я долженъ прибавить, что эта значительная сумма назначена изъ желанія не столько отдѣлаться отъ неприятности, сколько доставить вамъ изъ состраданія возможность провести послѣдніе ваши дни честно и счастливо.

Слова эти были произнесены Винистунемъ съ такой смѣсью доброты и благородной строгости, что блѣдная женщина была тронута до глубины сердца. Даже слезинка показалась въ ея глазахъ.

— Ваше предложеніе очень щедрое, я согласилась бы и на меньшее, сказала она въ полголоса.

Винистунъ одержалъ побѣду. Онъ, однако, не хотѣлъ разстаться съ нею иначе, какъ взявъ съ нея подписку и получивъ связку писемъ. Взамѣнъ этого, онъ далъ ей квитанцію и объяснилъ свое настоящее имя, положеніе въ свѣтѣ и адресъ. Кромѣ того, онъ посовѣтовалъ ей тотчасъ взять комнату во французскомъ отелѣ и обѣщалъ на другой день послать комиссіонера разсчитаться съ Бопсомъ и привезти ея вещи. Она теперь сама не желала болѣе видѣться съ Томасомъ Скирро.

Было уже за полночь, когда Винистунъ вернулся къ себѣ въ Иннеръ-Темплъ. Привратникъ съ удивленіемъ взглянулъ на его странный костюмъ. Усѣвшись на диванъ, онъ перевелъ дыханіе съ видимымъ наслажденіемъ. Разговоръ съ этой женщиной стоилъ ему большаго усилія, и теперь наступила реакція. Но улыбка все-таки освѣщала блѣдное лицо, и глаза блестѣли торжествомъ.

— Слава Богу, Берта этого никогда не узнаетъ, сказалъ онъ самъ себѣ:—но я спасъ ее отъ большого горя.

VI.

Предложеніе.

Въ Арлингтонъ-Стритѣ миссъ Джобсонъ была царицей, и ее окружалъ маленькій дворъ. Товарищи генерала любили посѣщать его домъ и болтать съ умной, граціозной Бертой, которая

говорила обо всемъ такъ мило и весело, хотя съ отгѣнкомъ меланхоли, и такъ благоразумно, хотя безъ всякаго педантизма. Она очаровывала одинаково всѣхъ своихъ друзей: и некрасивую, но энергичную, чисто англійскую миссъ Аделаиду Сваллотэль, и ея практическаго брата; и красиваго, легкомысленнаго лорда Кэнама, и его мать, хотя не аристократку по происхожденію, но очень достойную и торжественную особу, и мистера, и миссъ Чайльдерлей, и многихъ другихъ, въ томъ числѣ и Винистуна. Такимъ образомъ, не сознавая минъ, подводимыхъ врагами, и контръминъ, которыя вели Тадеусъ Джобсонъ и его другъ, Берта продолжала спокойно царить среди своего маленькаго двора, гдѣ лордъ Сваллотэль мало-по-малу сталъ играть странную роль самопроизвольнаго попечителя. Постигнувъ своимъ дѣловымъ чутьемъ, что ключъ къ сердцу Берты—ея племянникъ, онъ сталъ ревниво заниматься его интересами, и Тадеусъ Джобсонъ былъ постояннымъ предлогомъ для его посѣщеній и разговоровъ съ Бертой. Чайльдерлей сообщилъ ему о своихъ намѣреніяхъ насчетъ Джобсона, и Сваллотэль вполне ихъ одобрилъ. Бракъ съ дочерью Чайльдерлей былъ очень хорошей партіей, которую вполне могъ оцѣнить потомокъ богатаго банкира, возведеннаго въ пэры, и Сваллотэль пользовался всякимъ случаемъ, чтобы выставлять Бертѣ всѣ выгодныя стороны этого брака. Благодаря его трезвой, искренней рѣчи, практическому здравому смыслу, высокому образованію и глубокой дружбѣ къ Тадеусу, Сваллотэль былъ однимъ изъ самыхъ пріятныхъ для миссъ Джобсонъ посѣтителей ея кружка; она считала его такимъ вѣрнымъ другомъ Тадди и настолько моложе себя, несмотря на всю серьезность его характера, что не допускала возможности, чтобы онъ питалъ къ ней нѣжныя чувства, а потому принимала его и сестру его во всякое время съ большимъ удовольствіемъ и дружеской фамильярностью.

Однажды утромъ, въ исходѣ лондонскаго сезона, когда въ городѣ становилось нестерпимо жарко и пыльно, а потому свѣтское общество уже подумывало разъѣзжаться, подъ окномъ комнаты миссъ Джобсонъ раздался стукъ лошадиныхъ подковъ. Она сидѣла за работой; она вышивала коврикъ подъ серебрянную лампу въ гостиной и старательно выводила шелками бѣлаго лебеда на зеленомъ шерстяномъ фонѣ. Но мысли, ея очевидно, глубоко работали, судя по морщинамъ на ея благородномъ лбу и румянцу на щекахъ.

Генералъ и лэди Пилькингтонъ прибыли неожиданно два дня передъ тѣмъ и остановились въ Батскомъ Отелѣ, въ той же Арлингтонской улицѣ. Наканунѣ, они обѣдали у Джобсоновъ и

по необходимости въ немногочисленномъ обществѣ, такъ какъ не было времени кого-нибудь пригласить, кромѣ лорда Кэнама, веселаго, пріятнаго собесѣдника, и Винистуна, который, по правдѣ сказать, для этого обѣда отказался отъ двухъ другихъ.

Лэди Пилькинтонъ была, какъ всегда, прекрасной, вытянутой въ струнку старушкой, но морщины вокругъ глазъ и на лбу ясно говорили объ ея возрастѣ. Однако, ея обращеніе и манеры вполнѣ сохранили свою прежнюю энергичную живость. Генералъ Пилькинтонъ далеко не такъ успѣшно боролся со старостью, его походка сдѣлалась неровной, глаза потускнѣли и руки слегка дрожали.

Разговоръ за обѣдомъ преимущественно поддерживалъ Винистунъ, который сидѣлъ между лэди Пилькинтонъ и миссъ Джобсонъ. На лэди Пилькинтонъ, которая въ послѣдніе годы жила вдали отъ свѣтскаго общества, свѣжесть и бойкость Джобсона, блестящая, умная, краснорѣчивая рѣчь Винистуна и остроумныя выходки лорда Кэнама дѣйствовали какъ пшпучее вино, разогрѣвая ея собственный умъ. Винистунъ былъ совершенно очарованъ ею. Какъ она прямо, ясно высказывала свои идеи, какъ ловко парировала всякую эпиграму, обращенную на нее, какъ искусно ставила въ тупикъ своего противника, съ какимъ изяществомъ говорила по французски!

Между тѣмъ, оба генерала бесѣдовали о своихъ походахъ.

Берта Джобсонъ не помнила, чтобы она когда-нибудь провела такой пріятный вечеръ. Она очень любила слушать блестящій, умный разговоръ своихъ друзей, по временамъ вставляя и свое словцо, которое Винистунъ всегда тотчасъ подхватывалъ и рельефно выставлялъ своими остроумными комментаріями. Его обращеніе съ Бертой Джобсонъ отличалось вообще рыцарскимъ поклоненіемъ; говоря съ нею, онъ нѣжно понижалъ голосъ, смотря на нее, придавалъ особую мягкость своему взгляду. Все это, конечно, не могло ускользнуть отъ вниманія опытной, практической лэди Пилькинтонъ.

— Милая Берта, сказала она, попивая кофе въ гостиной послѣ обѣда, когда мужчины остались за столомъ:—кто это мистеръ Винистунъ? Я никогда прежде не встрѣчала этого умнаго, прелестнаго, всезнающаго благороднаго человѣка.

— О! отвѣчала миссъ Джобсонъ, и искреннее удовольствіе придавало ея лицу такую живость, которая напомнила ея старому другу о давно прошедшихъ дняхъ ея счастливой, неомраченной ничѣмъ юности:—это одинъ изъ близкихъ нашихъ друзей, самый лучшій другъ Тадди. Мы видались съ нимъ очень часто въ

Тэмплъ. Онъ адвокатъ, онъ всѣхъ знаетъ и всѣ его знаютъ, и всѣ его любятъ.

— Дурная рекомендація, замѣтила лэди Пилькингтонъ.

— Почему? спросила съ особеннымъ оживленіемъ Берта.

— Человѣкъ, котораго всѣ любятъ, долженъ поддѣлываться ко всѣмъ и хорошимъ, и пустымъ, и дурнымъ людямъ. Онъ не можетъ быть ни искреннимъ, ни откровеннымъ. Подобную репутацію можно заслужить или глупостью, или лицемеріемъ.

— Но онъ одинъ изъ лучшихъ людей на свѣтѣ.

— Такъ его, Берта, не всѣ любятъ. Это невозможно! Я всегда сужу о достоинствѣ человѣка по числу и характеру его враговъ. Если онъ честный, прямой и способный человѣкъ, то у него много враговъ и очень могущественныхъ. Если онъ мягкій, уступчивый, но все-таки искренній, то у него враги есть, но не очень много. Если онъ дуракъ, то, можетъ быть, у него найдется врага два, три, да и то не серьезные; никто не тратитъ ненависти на идіотовъ. Если онъ умный, хитрый негодяй, то умѣетъ такъ устроить, что, повидимому, у него нѣтъ враговъ.

— Но вы пропустили одинъ типъ: бываетъ, что человѣкъ такъ благороденъ, такъ великъ, такъ искрененъ, такъ уменъ, такъ нѣженъ и въ то же время такъ силенъ, что онъ не дѣлаетъ себѣ враговъ или умѣетъ помирить съ собою всякого, не входя при этомъ въ сдѣлку ни со своей совѣстью, ни со своимъ достоинствомъ.

— Я никогда не видывала такого человѣка, милая Берта.

— Извините, вы его видѣли сегодня вечеромъ, лэди Пилькингтонъ.

Миссъ Джобсонъ говорила съ жаромъ и одушевленіемъ, которые ей вовсе не были свойственны. Лэди Пилькингтонъ пристально посмотрѣла на нее. Берта опустила глаза, но тотчасъ подняла ихъ, боясь, чтобы ея старый другъ не отгадалъ ея сердечной тайны.

— Я говорю о немъ такъ, потому что онъ—лучшій другъ Тадди.

Лэди Пилькингтонъ хотѣла отвѣтить, но удержалась и перемѣнила разговоръ.

Вскорѣ къ нимъ присоединились мужчины. Винистунъ и лордъ Кэнамъ подѣли къ Бертѣ, а лэди Пилькингтонъ разспросила у Джобсона различныя подробности объ его другѣ. Тадди отозвался о Винистунѣ съ самымъ пламеннымъ восторгомъ.

— О, я вижу, онъ всѣхъ очаровалъ, мистеръ Тадди, замѣтила лэди Пилькингтонъ, кивая головой.

Джобсонъ взглянулъ на противоположный конецъ комнаты.

Лордъ Кэнамъ, видя невозможность соперничать съ блестящимъ адвокатомъ, подошелъ къ старымъ генераламъ и принялъ участие въ ихъ разговорѣ о военной политикѣ ост-индской компаніи. А Винистунъ, съ сверкающими глазами и оживленными, чисто французскими жестами, о чемъ-то горячо говорилъ Бергъ.

Тадди стало неловко, и онъ смутился. Ему пришло въ голову признаніе Винистуна, и онъ побоялся, чтобы лэди Пилькинтонъ не вывѣдала у него чужой тайны. Но хитрая женщина болѣе ничего не сказала. Она, конечно, не стала бы спрашивать у племянника о томъ, къ кому питаетъ нѣжныя чувства его тетя. Она предупредила его, что надо быть насторожѣ, и этого было довольно.

— Берта, сказала она, прощаясь съ нею и горячо ее цѣлуя:— вы теперь женщина разумная и опытная, но, можетъ быть, вамъ скорѣ понадобится совѣтъ другой женщины: я надѣюсь, что вы меня не забудете.

Миссъ Джобсонъ взглянула прямо въ глаза лэди Пилькинтонъ, которая смотрѣла на нее съ нѣкоторымъ безпокойствомъ.

— Я, право, не понимаю, о чемъ вы говорите, отвѣчала Берта съ напряженнымъ смѣхомъ:—но вы знаете, что мнѣ не къ кому обращаться за совѣтомъ, кромѣ васъ.

И она нѣжно поцѣловала своего стараго друга.

Берта именно думала обо всемъ этомъ, когда на улицѣ подъ ея окнами раздался конскій топотъ.

Черезъ двѣ минуты слуга доложилъ лорда Сваллотэля. Молодой пэръ вошелъ съ своей обычной развязной, свободной поступью и дружески пожалъ руку Бергъ, но она тотчасъ замѣтила съ чисто женской пронизательностью, что онъ старался побороть овладѣвшее имъ волненіе. Впрочемъ, и она была нѣсколько смущена, потому что до его прихода, между прочимъ, думала и о немъ.

— Гдѣ мы сядемъ? сказалъ онъ серьезно, и глаза его какъ-то тревожно блистали.

Берта засмѣялась. Этотъ приступъ ей показался очень страннымъ.

— Я останусь на своемъ мѣстѣ и буду продолжать свою работу, произнесла она очень просто.

Сваллотэль взялъ стулъ и сѣлъ подлѣ нея, хотя комната была такъ мала, что онъ могъ сѣсть въ противоположный уголъ и говорить съ нею оттуда, какъ и бывало не разъ прежде. Берта это замѣтила и слегка покраснѣла. Она сидѣла на маленькомъ стулѣ, а онъ, помѣстившись на высокомъ, смотрѣлъ на нее какъ бы свысока.

Съ своимъ обычнымъ комерческимъ инстинктомъ лордъ Сваллотэль началъ съ дѣла.

— Я только-что былъ въ Доунингъ-Стритѣ, гдѣ хлопочу, чтобъ Джобсону дали дѣло въ предстоящемъ процессѣ о поддѣлкѣ банковыхъ билетовъ. По счастью, мнѣ удалось, и я могу вамъ сообщить сегодня радостную вѣсть, что онъ назначенъ однимъ изъ младшихъ адвокатовъ со стороны казны.

— Какъ вы добры! воскликнула Берта, выпуская изъ рукъ работу и смотря ему прямо въ глаза: — Тади будетъ въ восторгѣ, а я...

Она видимо подѣскивала подобающее слово.

— А вы? спросилъ съ жаромъ лордъ Сваллотэль.

— Я вамъ искренно благодарна.

Она снова взяла работу и опустила надъ нею голову. Но онъ замѣтилъ, что она еще болѣе покраснѣла и что пальцы ея слегка дрожали.

— Это принесетъ ему большую пользу, продолжалъ лордъ Сваллотэль: — генераль-аторней и генераль-соллиситоръ очень теперь заняты и потому, можетъ быть, вся тяжесть обвиненія падетъ на Джобсона. Это будетъ для него великолѣпный случай показать свои способности.

— Я увѣрена, что онъ оправдаетъ оказанное ему довѣріе, произнесла Берта, не сводя глазъ съ работы.

— Конечно, отвѣчалъ лордъ Сваллотэль, ерзая на своемъ стулѣ и чувствуя, что онъ сказалъ глупость.

Онъ бросилъ на Берту смущенный взглядъ и прибавилъ съ смѣлостью отчаянія:

— Вы знаете, миссъ Джобсонъ, отчего я такъ глубоко интересуюсь Джобсономъ и всѣмъ, что до него касается?

— Отчего? воскликнула Берта, снова роняя работу, но спокойно смотря на молодого человѣка:—я думаю оттого, что онъ вашъ другъ?

— Да, я его очень люблю; но простите меня, Берта Джобсонъ, я еще болѣе люблю тетку моего друга.

— Лордъ Сваллотэль!

— Простите, миссъ Джобсонъ; но вы должны меня выслушать: я не могу долѣе скрывать своей глубокой, преданной любви къ вамъ. Я уже давно и искренно васъ люблю; но теперь, рѣшившись на это признаніе, я чувствую, до какой степени недостойныя руки столь прекрасной женщины и сердца столь чистаго, столь любящаго.

Берта всплеснула руками, и странное, грустное выраженіе разлилось по всему ея лицу. Она опустила глаза.

Враги Джобсона.

— О, лордъ Сваллотэль! не говорите ни слова болѣе, умоляю васъ.

Ея слова были словно нѣжный стонъ голубки, которую дружеская рука ненарочно, но больно сжала.

— Зачѣмъ мнѣ не говорить, миссъ Джобсонъ... милая миссъ Джобсонъ, когда сердце у меня переполнено самыми пламенными чувствами? Зачѣмъ вы, которая всегда принимали меня такъ любезно, смѣю сказать, такъ дружески, не хотите мнѣ позволить вамъ высказать все, что я чувствую къ вамъ?

Берта закрыла руками свое лицо, покрывшееся яркимъ румянцемъ, но ничего не отвѣчала.

— Я надѣялся, продолжалъ лордъ Сваллотэль, и его мужественный голосъ дрожалъ нѣжными нотами:—я надѣялся, что... вы замѣтили мои чувства и что ваша доброта, ваша дружба ко мнѣ, какъ въ Эльмъ-Кортѣ, такъ и здѣсь, отчасти происходила отъ того, что вы видѣли, какъ терпѣливо, преданно и горячо я васъ любилъ. Конечно, вы никогда мнѣ не выказывали ничего болѣе дружбы, но эта дружба была очень интимная, и моя сестра думала, что мои надежды имѣли основаніе.

Берта Джобсонъ отняла руки отъ своего лица и съ обворожительной, хотя грустной улыбкой спросила:

— Вы знаете, сколько мнѣ лѣтъ, милордъ?

— Я никогда объ этомъ не думалъ, произнесъ лордъ Сваллотэль, пораженный этимъ страннымъ вопросомъ: — и не могу отвѣтить.

— Мнѣ сорокъ-одинъ годъ.

— Миссъ Джобсонъ! вослихнулъ лордъ Сваллотэль, невольно взглянувъ на ея молодежавое лицо и фигуру: — вы, конечно, не станете шутить въ такую серьезную для меня минуту. Я никогда не думалъ объ этомъ вопросѣ, да и думать о немъ не желаю. Это не можетъ измѣнить моихъ чувствъ.

— Мнѣ сорокъ-одинъ годъ, а вамъ только минуло тридцать; значитъ, я старше васъ на одиннадцать лѣтъ. Но не поэтому ваше признаніе меня глубоко огорчило—нѣтъ, вы человекъ степенный, основательный. Вы видите, почему я до сихъ поръ относилась къ вамъ съ самой сочувственной дружбой, какъ къ другу моего племянника. Я никогда не воображала, что эти дружескія отношенія могутъ возбудить въ вашей головѣ другіе помыслы. Я уже давно перестала думать о болѣе нѣжныхъ чувствахъ. По важнымъ причинамъ, которыхъ я не могу вамъ объяснить, самая мысль о любви исчезла изъ моей жизни.

Несмотря на свое смущеніе, лордъ Сваллотэль замѣтилъ, что

румянецъ на ея щѣкахъ еще усилился и она колебалась. Неожиданная мысль помѣшала ей окончить свою исповѣдь.

— Во всякомъ случаѣ, повторила она:—я давно перестала думать о подобныхъ чувствахъ. Я питаю къ вамъ самую искреннюю дружбу. Ваши блестящія способности, вашъ благородный, прямой характеръ и трезвый, здравый смыслъ снискали вамъ мое глубокое уваженіе. Какъ другъ Тадди, вы для меня болѣе обыкновеннаго свѣтскаго знакомаго. Я вамъ вполнѣ довѣряю, и еслибы представился случай, то я искала бы у васъ совѣта въ самыхъ щекотливыхъ семейныхъ дѣлахъ. Но, лордъ Сваллотэль, большаго я не могу вамъ предложить, и вы несправедливы къ себѣ, добиваясь большаго. Какъ мужъ и жена, мы были бы смѣшными въ глазахъ свѣта.

— Нѣтъ, нѣтъ, не говорите этого, миссъ Джобсонъ!

Она встала и, приложивъ одну руку къ сердцу, а другую поднимая къ небу, произнесла взволнованнымъ голосомъ:

— Умоляю васъ, не говорите ни слова болѣе! Вы меня оскорбляете!

И, закрывъ лицо платкомъ, она горько зарыдала.

Сваллотэль былъ въ смертельной агоніи. Пламенная любовь побуждала его схватить ее въ свои объятія и страстными поцѣлуями утѣшить ея горе; но онъ скорѣе обнялъ бы принцессу крови, чѣмъ эту гордую дѣвушку. Онъ въ отчаяніи началъ ходить взадъ и впередъ по комнатѣ. Наконецъ, онъ остановился передъ Бертой и произнесъ съ такимъ глубокимъ, искреннимъ чувствомъ, какого онъ самъ не подозрѣвалъ въ своей трезвой, разсудительной натурѣ:

— Ради Бога, не плачьте, миссъ Джобсонъ! Простите меня; я никогда болѣе не упомяну объ этомъ ни слова. Успокойтесь и скажите, что вы меня прощаете.

Она вдругъ перестала плакать и съ неимовѣрнымъ усиліемъ поборолла свое волненіе. Она отняла платокъ отъ своего лица и съ улыбкой протянула ему руку, которую онъ прижалъ къ своимъ губамъ.

— Простите меня, сказала она нѣжно: — вы не могли знать или подозрѣвать моихъ чувствъ, моего положенія. Благодарю васъ за честь.

— Ради Бога, не говорите этого!

— Хорошо, благодарю васъ за вашу доброту... за вашу теплую привязанность.

— Но не могу-ли я надѣяться?

— Нѣтъ.

— Могу я вѣрить, что никто...

*

— Никому другому не войдетъ въ голову подобной мысли... но еслибы она вошла... то, даю вамъ слово... мой отвѣтъ былъ бы одинаковый. Простите меня еще разъ. Я болѣе не могу оставаться.

И она вышла изъ комнаты.

VII.

ПЛАТОНИЧЕСКАЯ ЛЮБОВЬ.

Придя въ свою комнату, Берта Джобсонъ легла на постель и, закрывъ глаза, стала обдумывать только-что происшедшую сцену. Хотя лордъ Своллотэль былъ интимный другъ дома и постоянный посѣтитель Арлингтонъ-Стрита, хотя даже Джобсонъ обратилъ вниманіе на его ухаживаніе за Бертой, но она сама считала его чувства къ ней лишь сантиментальной дружбой. Съ своей стороны, она питала къ нему только искреннее уваженіе, и если теперь о чемъ-нибудь сожалѣла, то лишь о томъ, что была вынуждена огорчить благороднаго и здравомыслящаго друга.

Она вскорѣ перестала и думать о лордѣ Своллотэлѣ.

Но сердце ея билось, виски стучали и потокъ бурныхъ идей пронесся въ головѣ. Далеко скрытая, смутная мысль, которой она никогда не позволяла принять образную форму, вдругъ рельефно выяснилась и всецѣло овладѣла ею.

Что она сказала лорду Своллотэлю?

— Никто другой объ этомъ не подумалъ бы, а если бы и подумалъ, то даю вамъ слово...

Была-ли это неправда? Неужели никто другой не подумалъ бы объ этомъ? А еслибы онъ подумалъ, то дѣйствительно-ли ея сердце было такъ свободно, какъ она увѣряла? Напротивъ, это сердце, съ неожиданной дикой энергіей и несмотря на всѣ усилія увѣрить себя въ нелѣпости и безнадежности подобной мысли, громко говорило: *нѣтъ*. И горе овладѣло ею, и рыданія сперлись въ ея груди. Что она сдѣлала? Вѣдь все можетъ случиться на семь свѣтѣ. А она дала слово...

Долго лежала она неподвижно; въ сердцѣ ея происходила страшная борьба. Раздался звонокъ къ завтраку, но она его не слыхала.

Много прошло времени, прежде чѣмъ она успокоилась; но когда спокойствіе ее посѣтило, то мирное, полное, совершенное.

— Такова воля судьбы, сказала она, вставая: — развѣ я до

сихъ поръ не была счастлива? Зачѣмъ нарушать это счастье тѣнью глупой страсти?

Она позвонила горничную и стала одѣваться. Ей всего пріятнѣе было бы подышать воздухомъ въ паркѣ, но ея племянникъ, она знала, былъ слишкомъ занятъ, чтобы поѣхать съ нею верхомъ, а другого кавалера не было подъ рукою. Минуты двѣ она колебалась между гуляльнымъ костюмомъ и домашнимъ платьемъ, но кончила тѣмъ, что выбрала послѣднее. Душевное волненіе совершенно улеглось въ ней, и она сдала въ архивъ сцену съ лордомъ Своллотземъ. Ей было жаль молодого человека, но она говорила себѣ, что такой практической юноша вскорѣ найдетъ средство утѣшиться отъ потери старухи. Что же касается до болѣе глубокаго чувства, на время поколебавшаго все ея существо, то она съумѣла снова его скоронить въ нѣдрахъ своего сердца. Взглядъ ея былъ мягкой и спокойный, какъ всегда, и если лицо ея было блѣднѣе обыкновеннаго, то это лишь придавало ей болшую прелесть.

Сойдя внизъ въ гостинную и не чувствуя желанія читать, она сѣла къ фортепьяно и начала разсѣянно перелистывать ноты. Она не была блестящей музыкантшей, но голосъ ея отличался чистотой и гибкостью. Пѣла она обыкновенно простенькіе романсы, обращая болѣе вниманія на мелодію, чѣмъ на слова. Перебравъ нѣсколько тетрадокъ, она остановилась на одномъ романсѣ, слова котораго написалъ Тадди Джобсонъ, а музыку одинъ изъ ихъ пріятелей. Какъ-то машинально она поставила эти ноты на пюпитръ и, наигрывая однимъ пальцемъ аккомпаниментъ, начала пѣть въ полголоса. Во всякое другое время, она замѣтила бы съ благоразуміемъ женщины ея лѣтъ, какъ глупы были сантиментальности, распѣваемые въ этомъ романсѣ, но теперь ей этого не пришло и въ голову. Мало по малу, голосъ ея пріобрѣталъ все болшую силу, не теряя своей нѣжной прелести, и въ каждой нотѣ слышалось не художественное исполненіе артиста, а искренній лепетъ души.

Послѣдній куплетъ громко раздался въ комнатѣ:

Любовь—жизнь, любовь—смерть,
И свобода, и уда!
О, любовь! къ какой судьбѣ
Велишь готовиться ты мнѣ?

Берта думала, что она одна, и не замѣтила, что въ дверь вошелъ Винистунъ, какъ другъ племянника и тетки, всегда входившій безъ доклада. Онъ махнулъ рукой провожавшему его слугѣ и остановился на порогѣ, дожидаясь конца романса. Когда

послѣднія ноты замерли, Берта опустила руки, не сводя глазъ съ послѣднихъ словъ романа, вдругъ раздался голосъ Винистуна; она вздрогнула, но сердце ея какъ-то радостно забилося.

— Миссъ Джобсонъ... mille pardons! Я никогда не слышалъ прежде, какъ вы поете. Вы увѣряли, что у васъ нѣтъ голоса.

Она покраснѣла и, вставъ, подошла къ Винистуну.

— Еслибы вы не были нашимъ близкимъ другомъ, сказала она:—и чѣмъ-то въ родѣ *enfant perdu*, которому дозволяются всѣ вольности, я очень разгнѣвалась бы на васъ. А теперь только побраню Ванса; я знаю, что это лучший способъ васъ наказать.

— Простите Ванса, отвѣчалъ Винистунъ, пожимая протянутую ему руку:— я одинъ виноватъ. Я не позволилъ ему прервать вашу милую бесѣду съ фортепяно.

Она совершенно оправилась отъ смущенія, но, все еще находясь въ какомъ-то возбужденномъ состояніи, взглянула прямо въ лицо Винистуну, чтобы убѣдиться, не имѣли-ли его слова тайнаго смысла. Но лицо Винистуна было слишкомъ дипломатично, чтобы на немъ можно было прочесть его мысли. Его умные глаза саркастически улыбались. Онъ не понималъ, что его слова попали прямо въ цѣль.

Да, въ ея годы она сантиментально бесѣдовала съ своимъ фортепяно, и нѣжные, мелодичные звуки успокоительно подѣйствовали на нее.

Почти такое же вліяніе имѣло на нее и неожиданное появленіе Винистуна. Еслибы за минуту передъ тѣмъ у нея спросили, желаетъ-ли она его видѣть, то она отвѣчала бы: «нѣтъ; лучше всякаго другого, чѣмъ его». А теперь, когда онъ стоялъ передъ нею съ своимъ обычнымъ серьезнымъ, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, веселымъ выраженіемъ лица, она чувствовала какое-то отрадное, успокоивающее сознаніе, словно живительной прохладой подуло на ея разгоряченныя щеки.

— Когда я вошелъ въ комнату, миссъ Джобсонъ, сказалъ онъ, садясь: — то вы пѣли слова, которыя, можетъ быть, вамъ казались очень глухими, но странно сказать, они тронули меня. Представьте себѣ, еслибы я, старый, серьезный человѣкъ, вдругъ спросилъ бы у кого-нибудь дрожащимъ голосомъ:

О, любовь! въ какой судьбѣ
Веляшь готовиться ты мнѣ?

Онъ пристально смотрѣлъ на нее, но она не подняла головы и, перебирая одной рукой кружева на своемъ платьѣ, сказала съ глубокимъ чувствомъ:

— Я не могу себѣ представить такой сцены. Ваше сердце слишкомъ занято любовью ко всѣмъ несчастнымъ, чтобы въ немъ нашелся уголокъ для эгоистичной страсти. Развѣ этого не довольно для великаго ума?

И она взглянула на него съ такимъ нѣжнымъ, восторженнымъ уваженіемъ, что Винистуну стало какъ-то совѣстно за свою любовь къ этой женщинѣ, ставившей его на такой пьедесталъ. Она рисовала передъ нимъ такой идеалъ, который теперь пугалъ его честное, благородное сердце.

— О, миссъ Джобсонъ! произнесъ онъ: — избавьте меня отъ такихъ похвалъ. Я ихъ не заслуживаю и не желалъ бы даже заслужить.

— Не желали бы?

— Да, это не парадоксъ. Чтобы заслужить ихъ, мнѣ пришлось бы принести слишкомъ большую жертву.

— Какую жертву? спросила Берта; но, произнося эти слова, она покраснѣла и голосъ ея дрожалъ.

— Отказаться отъ любви къ вамъ, Берта Джобсонъ.

Она взглянула на него очень нѣжно и, подготовленная только-что одержанной надъ собою побѣдой, сказала рѣшительнымъ, почти спокойнымъ тономъ:

— Милый другъ, еслибы вы знали все, то никогда не произнесли бы этихъ словъ. Съ вами, по крайней мѣрѣ, Вильямъ Винистунъ, я могу говорить прямо и откровенно. Мы почти одинаковаго возраста. Наша дружба искренняя, сердечная. Ваши отношенія ко мнѣ и къ Тадди составляютъ самый счастливый элементъ моей лондонской жизни, и я ни за что не хочу его лишиться. Сколькимъ мы вамъ обязаны... нѣтъ, сколькимъ я обязана вамъ за развитіе моихъ слабыхъ умственныхъ способностей — невозможно сказать. Какъ глубоко мы оба васъ уважаемъ и какъ сердечно къ вамъ привязаны — нельзя и высказать. Я ни съ кѣмъ не говорю такъ непринужденно, какъ съ вами. Вы, можетъ быть, не знали, что мы одинаковыхъ лѣтъ?

— Я зналъ это.

— Это еще упрощаетъ мое объясненіе. Я думала, что уже давно въ моемъ сердцѣ высохли корни всякаго сентиментальнаго чувства. Я живу для моихъ немногихъ друзей и искренно ихъ люблю, но это чувство не отличается той страстью, которая составляетъ главное условіе того, что люди называютъ *любовью*. Я для этого слишкомъ стара.

— Стара? промолвилъ Винистунъ съ свѣтлой улыбкой: — вы одарены благородной молодостью. Ваше сердце не высохло, а свѣжо и молодо. Не клеветайте на себя.

Она отвернулась.

— Мое чувство къ вамъ, продолжалъ онъ:—не юная страсть, сегодня воспламеняющаяся, а завтра потухающая. Нѣтъ, во мнѣ горитъ пламя, долго скрытое, постоянное, вулканическое. Я чувствую, что ваша любовь, ваша дружба, общая жизнь съ вами облагородили бы, возвысили меня. Какую жизнь ведетъ человѣкъ, который любить всѣмъ сердцемъ и котораго никто не любить, человѣкъ, сердце котораго жаждетъ глубокой, искренней симпатіи и который долженъ довольствоваться мелкими ручьями людскаго сочувствія, вмѣсто великаго потока любви одного истинно любящаго сердца? Вы говорите, что вы можете обойтись безъ любви, и правду-ли вы еще говорите, а я жажду этой любви!

Тутъ Берта всплеснула руками отъ отчаянія и, поникнувъ головою, промолвила:

— О! Боже мой, что я сдѣлала!

Онъ казался ей теперь столь благороднымъ, столь достойнымъ любви; онъ такъ просто и краснорѣчиво излилъ передъ нею свое сердце, жаждавшее любви, какъ источника жизни. И она могла утолить эту жажду или могла бы, еслибъ не дала слова лорду Своллотэлю.

Слова ея испугали и поразили Винистуна.

— Я не опоздалъ... нѣтъ... я не опоздалъ? произнесъ онъ, и въ голосъ его звучало такое отчаяніе, что Берта вздрогнула.

Она взглянула на него. Глаза ея наполнились слезами. Онъ весь превратился въ слухъ и, стиснувъ зубы, блѣдный, дрожащій, ждалъ ея отвѣта.

— О! Вильямъ... я не смѣю... я не могу отвѣчать, промолвила она и отвернулась отъ него.

Винистунъ былъ слишкомъ благороденъ, чтобъ воспользоваться этимъ страннымъ крикомъ сердца. Онъ даже не протянулъ къ ней руки.

Наступило минутное молчаніе. Они почти слышали, какъ у нихъ тревожно бились сердца. Наконецъ, она встала. Лицо ея было спокойно, и Винистуну показалось, что она никогда не была такъ хороша. Она протянула ему руку. Онъ схватилъ ее и покрывъ поцѣлуями. Она ея не вырвала.

— Милый другъ, сказала Берта:—ничего на свѣтѣ не могло бы быть дороже для меня вашей любви и, однако, я должна ею пожертвовать; причина, заставляющая меня такъ поступить, была бы вполне вами одобрена, еслибъ я могла вамъ ее открыть. Эта минута останется навѣки счастливѣйшей эпохой моей жизни. Вы умнѣе, лучше, сильнѣе и благороднѣе меня, неужели вы не согласитесь принести такую же жертву для меня? Неужели мы

не можемъ остаться друзьями, но еще болѣе близкими, болѣе дорогими, болѣе вѣрными?

Онъ сразу понялъ, на какую идеальную высоту она встала и какой великой любви она требовала. Онъ смиренно преклонилъ голову.

— Да будетъ такъ, сказалъ онъ торжественно: — это мученичество, но я готовъ за васъ умереть, а вы все-таки оставляете мнѣ полжизни.

Она нѣжно сжала ему руку, и черезъ мгновеніе его уже не было въ комнатѣ.

VIII.

Чувствительный ударъ.

Іюль мѣсяцъ 184* года былъ критическимъ не только для Джобсона и его тетки, но и для всей страны. Министерство лорда Мьюборна находилось въ опасности. Всюду слышались крики противъ правительства. «Министерство существуетъ слишкомъ долго», «странѣ надоѣли виги», «надо дать случай выказать свою силу и торіямъ», «назначеніе Твигльторпа—ужасный скандалъ», «радикалы становятся слишкомъ сильны и дерзки»—вотъ какія замѣчанія раздавались въ лондонскихъ клубахъ, среди облаковъ табачнаго дыма.

Но, въ сущности, были гораздо основательнѣйшія причины колебанія министерства. Клубнымъ мудрецамъ, быть можетъ, надоѣло каждое утро читать въ газетахъ, что лордъ Мьюборнъ въ верхней палатѣ и сэръ Гумфрей Больдо въ нижней отвѣчали на различные запросы министерству, но дѣло было въ томъ, что кабинетъ, какъ всегда бываетъ, возставилъ противъ себя и враговъ, и политическихъ сторонниковъ. Первые всегда неумолимы, а послѣдніе часто капризны и ненадежны. Реформа возбудила реакцію въ умѣренныхъ либералахъ и несбыточныя надежды въ радикалахъ. Искреннія заявленія и крайнія программы послѣднихъ служили въ рукахъ торіевъ отличнымъ пугаломъ для первыхъ. Поднять былъ крикъ, искусно разжигаемый, что министерство слишкомъ подчинилось радикаламъ, что хвостъ руководилъ головой. При этомъ забывали, что эта, повидимому, нелѣпая система называется логичной и строго-научной, на примѣръ, въ примѣненіи къ пароходамъ, гдѣ, дѣйствительно, хвостъ приводитъ въ движеніе голову. Какъ бы то ни было, въ іюнѣ мѣсяцѣ, когда законодательная дѣятельность, всегда дремля, приближается къ концу,

страна вдругъ пришла къ убѣжденію, въ виду постоянно уменьшавшагося числа голосовъ парламентскаго большинства, что министерство было въ опасности, и что каждый день могъ возникнуть вопросъ о выраженіи къ нему недоверія.

Для Джобсона этотъ мѣсяць былъ также критическимъ. Его книга «Привилегированныя сословія въ Англіи», написанная сильно, рѣзко и смѣло, съ посвященіемъ «Избирателямъ и неизбирателямъ Соединеннаго Королевства», произвела громадное впечатлѣніе. Строго критикуя социальныя и политическія аномаліи конституціи, избирательной системы, администраціи и общественнаго управленія, она, какъ ракета, взвилась надъ политическимъ міромъ и ослѣпила своимъ блескомъ. Первое ея изданіе разошлось въ десять дней, и въ продолженіи нѣсколькихъ недѣль издатели и типографщики едва успѣвали удовлетворять всѣмъ требованіямъ. Въ то же время Джобсонъ повелъ порученное ему обвиненіе въ дѣлѣ о подлогѣ съ такимъ умѣньемъ и энергіей, что заслужилъ всеобщее одобреніе.

Не удивительно было бы, еслибъ молодой человѣкъ сбился съ толку отъ такихъ блестящихъ успѣховъ. Но эти самыя успѣхи, по обыкновенію, принесли съ собою и противоядіе противъ чрезмѣрнаго увлеченія ими. Газета «Post», въ цѣломъ рядѣ статей энергичныхъ, полныхъ новизны, но не изящныхъ и не останавливавшихся передъ самыми грубыми личностями, нападала на Джобсона съ неприличнымъ цинизмомъ. Его грамматика, стиль, логика, знанія подвергались самому строгому анализу человѣкомъ, который самъ грѣшилъ во всѣхъ этихъ отношеніяхъ, и провозглашались «вполнѣ достойными писателя, получившаго воспитаніе въ первоначальной школѣ отдаленнаго городишка Канады». Это еще можно было перенести, такъ какъ Джобсонъ утѣшалъ себя мыслью, что его книга читалась болѣе этихъ статей и заключала въ себѣ опроверженіе всѣхъ клеветъ, распространяемыхъ ловкимъ критикомъ. Но не въ однихъ оппозиціонныхъ журналахъ и газетахъ дурно говорили о новомъ сочиненіи Джобсона. Литературныя органы г. Пильбюри и К^о открыли противъ него огонь, что производило еще болѣшій успѣхъ, такъ какъ они принадлежали къ его партіи; «Prospective Review» и «Censor» въ одинъ голосъ кричали, что никогда еще человѣкъ въ полномъ разсудкѣ не писалъ подобной галиматѣи подъ маской ученаго политическаго изслѣдованія. Джобсона обстрѣливали и съ фронта, и съ фланговъ, и съ тыла. Его рѣзкія выраженія передавались въ преувеличенной формѣ и тѣмъ возбуждали страхъ въ умѣренныхъ либералахъ къ этому крайнему радикалу и энтузіасту.

Сезонъ близился къ концу, и однимъ изъ послѣднихъ свѣт-

ских увеселеній былъ ежегодный балъ лэди Кэнамъ, въ ея роскошномъ домѣ на Кавендишскомъ скверѣ. Лэди Кэнамъ пользовалась общей любовью въ высшемъ обществѣ, несмотря на буржуазное происхождение, а сынъ ея былъ красивый, богатый и многообѣщающій пэръ. Старый лордъ мастерски устроилъ свои дѣла. Выѣзжая въ провинцію на сессіи, какъ верховный судья, онъ зорко слѣдилъ за развитіемъ нѣкоторыхъ изъ городовъ и, покупая дешево земли, превращалъ ихъ въ обширныя улицы, окаймленныя великолѣпными домами и фабриками. Такимъ образомъ, благодаря проницательности и ловкости отца, сынъ имѣлъ чистаго дохода въ годъ 40,000 ф. стерл. Эта цифра вырывала пріятную улыбку на устахъ даже англійскихъ аристократовъ, а маменьки всячески старались поймать въ сѣти своихъ дочерей такую золотую рыбку. Поэтому, трудно себѣ представить что-нибудь блестящаго общества, собравшагося на балу у лэди Кэнамъ. Тутъ толпились предводители обѣихъ партій, сливки аристократическихъ сливокъ, прелестныя красавицы сезона и всякаго рода общественныя знаменитости. Лэди Кэнамъ очень любила генерала Джобсона, который часто бывалъ въ молодые годы въ Кэнамъ-Голѣ, и онъ присутствовалъ на балу, вмѣстѣ съ сестрою и племянникомъ. Конечно, тутъ были лордъ Своллотэлъ и мистеръ Чайльдерлей съ дочерью. Танцовали въ особомъ павильонѣ, воздвигнутомъ въ саду, и въ который входили черезъ большія стеклянными двери прямо изъ парадной гостиной.

Мистеръ и миссъ Чайльдерлей пріѣхали поздно и стояли подлѣ лорда Мьюборна, который, сказавъ нѣсколько словъ Нестору торіевъ, герцогу Пентланду, разговаривалъ съ богатымъ англійскимъ банкиромъ. Тадеусъ Джобсонъ, идя подъ руку съ Бертой, подошелъ къ нимъ. Дамы очень любезно поздоровались. Миссъ Чайльдерлей встрѣтила Джобсона съ обычной свѣтской учтивостью и пошла съ нимъ танцевать, а лордъ Своллотэлъ предложилъ проводить миссъ Джобсонъ въ комнату, гдѣ лэди Пилькинтонъ ее ждала. Его обращеніе съ Бертой было по прежнему дружеское, словно между ними ничего не произошло, и она также не выказывала никакой сдержанности въ разговорѣ съ нимъ. Лордъ Мьюборнъ очень любезно поклонился миссъ Джобсонъ.

— Вы не танцуете, миссъ Джобсонъ? спросилъ онъ.

— Нѣтъ, отвѣчала Берта: — я прежде очень любила танцевать, но, вы знаете, приходятъ года, когда пора образумиться.

— Жаль, что эти года наступили для васъ, а не для вашего племянника, замѣтилъ министръ съ обворожительной улыбкой, одержавшей столько побѣдъ.

— Отчего, лордъ Мьюборнъ? Вы говорите, какъ лордъ Сволотэль. Въ чемъ провинился мой племянникъ?

— Во-первыхъ, въ томъ, что онъ идетъ впереди своего времени, а во-вторыхъ, что не умѣетъ этого скрывать.

Въ эту минуту лэди Кэнамъ подошла къ министру, и онъ тотчасъ обратился къ ней. Рядомъ съ нею шла изящная дама высокаго роста, очень просто, но со вкусомъ одѣтая.

— Позвольте васъ познакомиться, лордъ Мьюборнъ, сказала хозяйка:— съ моей хорошей пріятельницей, г-жей де-Лосси, съ которой вы можете говорить по-французски.

— А! воскликнулъ лордъ Мьюборнъ:— де-Лосси былъ первымъ секретаремъ французскаго посольства въ Вѣнѣ, когда я занималъ тоже мѣсто въ англійской *Chancellerie*. Въ то время мой другъ былъ холостякъ и врагъ женщинъ, но я не удивляюсь, что онъ поддался чарующему вліянію вашей пріятельницы.

Берта Джобсонъ посмотрѣла прямо въ глаза г-жи де-Лосси и заговорила бы съ нею, еслибы тутъ не было министра, но г-жа де-Лосси нарочно смотрѣла въ другую сторону и, вступивъ въ разговоръ съ лордомъ Мьюборномъ на французскомъ языкѣ, повернулась спиной къ Бертѣ. Въ эту минуту восклицаніе лорда Сволотэля заставило ее обернуться. Въ дверяхъ стоялъ лордъ Кэнамъ съ молодой дѣвушкой, лѣтъ двадцати, поражавшей своей красотой, роскошнымъ голубымъ атласнымъ платьемъ съ золотой отдѣлкой и драгоцѣнными брильянтами на головѣ.

— Элоиза! воскликнула Берта, радостно протягивая ей руку.

— Pardon, произнесла повелительнымъ тономъ г-жа де-Лосси, раздѣляя своимъ треномъ молодыхъ дѣвушекъ:— *Milord, j'ai l'honneur de vous présenter mademoiselle de-Lossy.*

Премьеръ низко поклонился, и Элоиза, не обращая никакого вниманія на Бертѣ, вступила съ нимъ въ разговоръ.

Лордъ Свалотэль, слѣдившій съ любопытствомъ за этой сценой, предложилъ Бертѣ пойти и посмотрѣть на танцующихъ. Берта согласилась. На щекахъ ея игралъ румянецъ, а рука дрожала.

— Кто эта красавица? спросилъ онъ.

— Дочь г-жи де-Лосси. Она живетъ съ матерью въ Лудло, и мы были съ нею закадычные друзья. Онѣ учили Тадди французскому языку.

— Такой учительницѣ можно бы заплатить и десять гиней за урокъ.

— Мы платили одну гинею, но эта была сдѣлка комерческая, а не сантиментальная.

Сволотэль покраснѣлъ въ свою очередь. Между тѣмъ, Джоб-

сонъ и миссъ Чайльдерлей, протанцовавъ кадрилъ, возвращались изъ большой залы. Миссъ Чайльдерлей была высокаго роста, блѣдная, задумчивая, съ черными глазами и выдающимся лбомъ. Лордъ Своллотэль какъ-то странно посматрѣлъ на нее и Джобсона. Ея рука небрежно лежала на рукѣ Джобсона, который говорилъ ей что-то, но безъ большого одушевленія.

— Какъ вы думаете, они на чемъ-нибудь покончатъ? спросилъ лордъ Своллотэль, указывая Бертъ на эту парочку.

— Не знаю, отвѣчала она: — они оба очень хладнокровны. Тади, сказала она, обращаясь къ племяннику:—здѣсь г-жа де-Лосси съ дочерью, онѣ въ будуарѣ.

Лицо Джобсона тотчасъ оживилось.

— Странно! Но я очень радъ ихъ видѣть. Вы должны непременно съ ними познакомиться, миссъ Чайльдерлей. Миссъ Элоиза— прелестная особа.

И онъ хотѣлъ пройти въ будуаръ, но лордъ Своллотэль схватилъ его за руку.

— Джобсонъ, два слова, сказалъ онъ и, отойдя съ нимъ въ сторону, прибавилъ:— послушайте моего совѣта, не подходите теперь къ г-жѣ де-Лосси. Она только-что очень грубо срѣзала вашу тетку, и съ нею лордъ Мьюборнъ. Развѣ вы поссорились?

— Она срѣзала тетю Бертю? Ихъ лучшаго друга? Не можетъ быть. Я не понимаю, какъ онѣ попали сюда; онѣ—бѣдныя француженки, живущія въ маленькомъ коттеджѣ въ Лудло.

— Кто бы онѣ ни были... но онѣ прелестны и роскошно одѣты. Лордъ Мьюборнъ совсѣмъ ими очарованъ, особенно благодаря тому, что онъ былъ друженъ съ покойнымъ де-Лосси. Послушайте меня, не подходите къ нимъ. Тутъ что-то не ладно.

— Такъ надо разъяснить эту загадку, сказалъ Джобсонъ.

— Это на него походить, подумалъ лордъ Своллотель и пошелъ въ бальную залу съ Бертой.

Джобсонъ направился съ миссъ Чайльдерлей къ ея отцу, который стоялъ въ кружкѣ лорда Мьюборна, хозяйки и прелестныхъ француженокъ. Какъ только дочь подошла къ нему, онъ попросилъ шепотомъ леди Кэнамъ познакомить ее съ этими, повидимому, столь знатными особами.

— Очень рада, отвѣчала она и представила миссъ Чайльдерлей г-жѣ де-Лосси.

Джобсонъ, стоя подлѣ нея, поклонился, но г-жа де-Лосси гордо подняла голову, взглянула на него, прищурившись, словно она была близорука, и, отвернувшись, продолжала свой разговоръ съ лордомъ Мьюборномъ.

Джобсонъ невольно покраснѣлъ. Миссъ Чайльдерлей сжала ему руку.

— Я думала, что вы — друзья, сказала она шопотомъ.

— Я такъ думалъ, отвѣчалъ Джобсонъ, прикусивъ губу: — но оказывается, что нельзя быть увѣреннымъ въ своихъ друзьяхъ.

Его глаза встрѣтились съ глазами Элоизы. Она взглянула, но съ какой-то странной смѣсью надменной гордости и нѣжнаго чувства. Онъ выпрямился во весь ростъ и церемонно поклонился. Она слегка кивнула головой, и появившійся-было румянецъ на ея щекахъ быстро исчезъ.

— Элоиза, сказала по-французски г-жа де-Лосси: — милордъ-желаетъ танцовать съ тобою кадрили. Я тебя подожду въ столовой. Лордъ Кэнамъ, проводите меня.

И они направились мимо Джобсона въ балъную залу.

Г-жа де-Лосси, которая довольствовалась скромной жизнью въ Лудло и давала съ дочерью уроки французскаго языка богатымъ и аристократическимъ семействамъ, теперь оказалась женщиной со средствами. Несчастныя обстоятельства побудили ее развестись съ мужемъ, когда Элоизѣ было только шесть лѣтъ. Вскорѣ послѣ того онъ умеръ жертвою своей безумной жизни; доходы съ его маленькаго имѣнія свято отлаживались его вдовой во всѣ эти годы, и она съ дочерью жила на свое приданое. Такимъ образомъ, она теперь могла достойнымъ образомъ представить свою дочь въ лондонское высшее общество. Лэди Кэнамъ, искренно полюбившая ихъ въ Лудло, гдѣ онѣ были сосѣдями, съ удовольствіемъ взялась ввести въ общество такую умную женщину и такую блестящую красавицу.

Возвращаясь домой, Берта и Тадди съ изумленіемъ разсуждали о странномъ поведеніи ихъ друзей. Генераль внимательно прислушивался къ ихъ словамъ. Онъ видалъ г-жу де-Лосси въ Лудло и восхищался ея дочерью, а потому указалъ на нихъ лэди Пилькинтонъ на балу.

— О! вселикнула эта умная женщина: — онѣ походятъ на искательницъ приключеній. Берта ихъ обожаетъ, и я теперь понимаю, почему вашъ племянникъ такъ краснорѣчиво говоритъ объ нихъ.

— Не бойтесь, лэди Пилькинтонъ, я ему уже объявилъ, что, если онъ вздумаетъ когда-нибудь жениться на французкѣ, то я его прогону изъ своего дома и лишу наслѣдства.

Узнавъ отъ Берты о неприличной сценѣ съ г-жею де-Лосси, лэди Пилькинтонъ пришла въ негодованіе.

— Въ англійскомъ обществѣ, сказала она:—ни одна лэди не срѣжетъ другой. Г-жа де-Лосси—французка, и тѣмъ многое

объясняется. Но тутъ что-то неладно. Я поѣду къ лэди Кэнамъ и все разузнаю.

Она, дѣйствительно, отправилась къ лэди Кэнамъ, а оттуда прямо проѣхала въ Арлингтонъ-Стритъ.

— Я была права, Берта, сказала она:—подъ дерзостью французенки кроется нѣчто иное. Она увѣряетъ лэди Кэнамъ, что Тадди Джобсонъ безчестно поступилъ съ ея дочерью.

— О!

— Ну, произнесъ генераль, глубокомысленно кивая головой:— молодые люди, обучаясь французскому языку у хорошенькихъ женщинъ, не знаютъ, какъ далеко зайдутъ. Но всеэто — мечь французенокъ, и я вамъ расскажу еще что-нибудь поинтереснѣе. Лэди Кэпамъ мнѣ говорила, что ея сынъ безумно влюбленъ въ эту красавицу и что она уже разъ ему отказала. Ловкіе люди эти французскія искательницы приключеній; но онѣ скоро увидятъ, что гордость не спасаетъ отъ паденія. Я тебѣ совѣтую, Берта, болѣе о нихъ не думать.

IX.

П о щ е ч и н а.

Министерство было спасено на все время распушенія парламента. Полуэнергичная атакка торіевъ не удалась. Министерство осталось въ большинствѣ хотя только одиннадцати голосовъ, но этого было довольно. Противники лорда Мьюборна выбрали неудачный случай для нападенія на него. По поводу предложенной имъ муниципальной реформы, въ сущности, очень умѣренной, но все-таки либеральной, возстали всѣ торіи и даже нѣкоторые изъ умѣренныхъ виговъ. Но большинство партіи реформы поддержало кабинетъ и провело билль. Однако, во время этихъ преній, министерство понесло тяжелый ударъ. Лордъ Кодлингъ напалъ на министровъ съ своей обычной безпристрастной суровостью. Лордъ Кодлингъ былъ циникъ. Въ политическомъ мірѣ цинизмъ иногда полезенъ въ небольшой дозѣ, придавая силу и блескъ практическимъ государственнымъ способностямъ. Но въ лордѣ Кодлингѣ цинизмъ преобладалъ надъ всѣми добродѣтелями. Онъ былъ Діогенъ и издѣвался надъ всѣмъ. Онъ занималъ высокія должности, но не имѣлъ успѣха, несмотря на свои замѣчательныя способности. Поэтому, онъ сдѣлался независимымъ членомъ палаты и съ одинаковымъ негодованіемъ критиковалъ министерство, къ какой бы партіи оно ни принадлежало. Его ло-

гическій умъ и обширныя знанія придавали его оппозиціи особую силу. Когда торіи стояли у кормила правленія, онъ—по рожденію и наклонностямъ вигъ—выставлялъ ихъ, какъ мошенниковъ; когда же ихъ мѣсто занимали виги, то онъ надъ ними смѣялся, какъ надъ дураками. Его рѣчи противъ кабинета лорда Мьюборна имѣли громаднѣйшій эффектъ. Онъ словно толкалъ ногою въ спину человѣка, уже скользившаго подъ гору. Оживленныя пренія въ обѣихъ палатахъ продлили сессію. Наступило 12 августа, и Лондонъ еще не опустѣлъ. Очень немногія изъ политическихъ знаменитостей или прихвостней партій рѣшались покинуть сцену, на которой разыгрывалось столь интересное зрѣлище. Не подлежало никакому сомнѣнію, что министерство падетъ черезъ полгода, и тогда начнется погоня за портфелями. Всѣ планы о путешествіи на континентъ были брошены, и лорды, такъ же, какъ и депутаты, оставались на родинѣ вблизи избирателей, которые или имѣли счастье считать ихъ своими представителями, или находились подъ ихъ вліяніемъ, какъ крупныхъ землевладѣльцевъ. При этомъ, во многихъ помѣстьяхъ птицы жили себѣ спокойно, безбоязненно. Ихъ враги были заняты другой охотой.

Утромъ въ знаменательный день 12 августа, заставляющій биться сердце каждаго охотника, Джобсонъ вошелъ въ контору Винистуна съ раскрасѣвшимся лицомъ и, повидимому, очень взволнованный. Наканунѣ вечеромъ, онъ имѣлъ съ своимъ другомъ серьезный разговоръ. Этотъ сезонъ былъ для него очень труднымъ временемъ, но Джобсонъ чувствовалъ, что сдѣлалъ большой шагъ впередъ. Имя его было на всѣхъ устахъ. За это одно многіе отдали бы свою жизнь. Въ лондонскихъ клубахъ и въ провинціальныхъ политическихъ собраніяхъ, среди пламенныхъ сторонниковъ реформы и старомодныхъ, патріотическихъ сквайровъ, имя его произносилось съ совершенно различнымъ чувствомъ. Но всѣ признавали, что онъ «страшно-умный человѣкъ». Эта фраза одинаково выражала мнѣніе и умѣренныхъ либераловъ, насчетъ его могучей критики излюбленныхъ старинныхъ учрежденій, и стойкихъ радикаловъ, касательно его энергичныхъ нападокъ на враговъ народа. Искренній, прямой и, какъ мы видѣли въ частной жизни, мягкій, великодушный и увлекающійся человѣкъ, онъ, силой своего таланта и энтузіазма, возбуждалъ страхъ въ людяхъ, его не знавшихъ. А страхъ порождаетъ ненависть.

Однако, разговаривая съ Винистуномъ 11-го августа, онъ не имѣлъ основанія быть недовольнымъ своимъ положеніемъ. Лучшее общество приняло его въ свою среду, какъ будущаго зятя

роялистовъ и подготовленія къ исполненію мартовскихъ декретовъ. — II. Юридическая хроника: дѣло Эсторѣ; убійство помѣшаннаго зрителемъ сумасшедшаго дома.—Скандалный процессъ г-жи Васт-Вимьѣ.—Донъ-Мануэль Родригесъ или любитель чужихъ вѣровъ и зонтиковъ. — Комнатная дуэль.—Театръ: дѣло Сары Бернаръ.—Эпизодъ съ Кокленомъ. — «Мушары» на сценѣ «Ambigu». — «Кларвены—отецъ и сынъ» на сценѣ театра Націй. — Возобновленіе «Вильгельма Телля» въ Большой Оперѣ. — Праздникъ Камюэнса въ Парижѣ и международное литературное общество. — III. Выставка художественныхъ произведеній въ Елисейскихъ Поляхъ и недоразумѣнія между администраціей изящныхъ искусствъ и жюри.—Запросъ Митчеля въ палатѣ депутатовъ и его послѣдствія.—Банкетъ художниковъ въ честь Жюля Ферри и Тюркэ.—Рѣчь министра на банкетѣ.—Общій взглядъ на выставку и невозможность точнаго объ ней отчета.—Нѣкоторыя изъ картинъ исторической живописи, жанровъ и портретовъ.—Скульптурный отдѣлъ. **Людовина.** . . . . .

63

- XV. — **НОВЫЯ КНИГИ.** Александръ Андреевичъ Ивановъ, его жизнь и переписка, 1806—1858 гг. М. Боткина.—Владимира Соловьева. Критика отвлеченныхъ началъ.—В. Д. Вольфонъ. Позитивизмъ и «критика отвлеченныхъ началъ» В. Соловьева.—Сельскохозяйственные и ветеринарно-статистическія свѣдѣнія о Вятской губерніи. И. А. Козаченко.—Труды комиссіи по ислѣдованію кустарной промышленности въ Россіи.—Сочиненія П. К. Мартынова.—Нашъ другъ Неклюжевъ. А. И. Пальма 86
- XVI. — **НА РОДНОЙ НИВѢ.** (Очерки, замѣтки, наблюденія). Г. У. 109
- XVII. — **ЛИТЕРАТУРНЫЯ ЗАМѢТКИ.** Н. М. 122

Объявленія: О выходѣ іюльской книги журнала «Русская Старина» и отъ книжнаго магазина Н. И. Мамонтова.

При этомъ № рассылается иногороднымъ подписчикамъ объявленіе отъ конторы Алексѣя Андреевича Крутова.

ОТЕЧЕСТВЕННЫЯ ЗАПИСКИ выходятъ въ 1880 году ежемѣсячно книжками отъ 25 до 30 печатныхъ листовъ и болѣе.

ЦѢНА ЗА ГОДОВОЕ ИЗДАНИЕ

въ С.-Петербургѣ: безъ доставки 15 р. 50 к., съ доставкою 16 р. сер.;
съ пересылкою: 17 руб. сер.

ЗА ГРАНИЦУ:

Въ Германію, Австрію, Бельгію, Нидерланды, Придунайскія Княжества, Данію, Англию, Швецію, Испанію, Португалію, Турцію, Грецію, Швейцарію, Италію, Америку, во Францію 19 руб.

За расходомъ всѣхъ экземпляровъ, подписка на журналъ «Отеч. Записки» за текущій 1880 годъ прекращена.

Поступила въ продажу новая книга: „Изъ памятной книжки“. Очерки и рассказы Г. Иванова (Г. Успенскаго). Цѣна 1 р. 25 к.

Поступила въ продажу новая книга С. Н. Кривенко: „Физическій трудъ, какъ необходимый элементъ образованія“. Цѣна 1 руб. 50 коп. Складъ изданія: въ кн. магазинѣ М. Стасюлевича. Спб., В. О. 2-я л., 7.

Во всѣхъ извѣстныхъ книжныхъ магазинахъ продаются сочиненія Н. Н. Михайловскаго. Томъ I. Цѣна 2 рубля. Иногородные, обращающіеся въ главную контору „Отечественныхъ Записокъ“, за пересылку не платятъ.

Соч. Н. Н. Златовратскаго: „Среди народа“ (разказы и очерки), ц. 1 р. 50 к. „Золотыя сердца“ (повѣсть), ц. 50 к. Во всѣхъ извѣстныхъ книжныхъ магазинахъ и въ складѣ при типографіи Демакова (Спб., Новый пер., д. № 7).

Выписка „Стихотвореній Н. А. Некрасова“ черезъ Главную Контору „Отечественныхъ Записокъ“ прекращена, за распродажей имѣвшихся въ конторѣ экземпляровъ.

